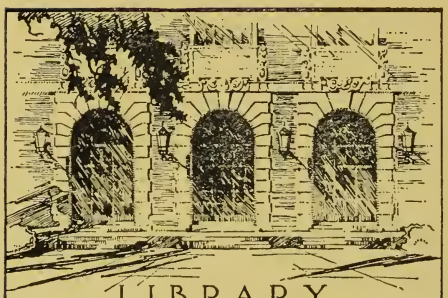
572
P448a
v. 1



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

572
P448a
v.1

АНТРОПОЛОГІЯ.

Э. Ю. ПЕТРИ,

профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

Томъ I

ОСНОВЫ АНТРОПОЛОГІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина.
1890.

Типографія Министерства путей сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 117.

572
P448a
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основѣ нашего труда лежатъ лекціи по антропологіи, читанныя нами въ Бернскомъ и Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Впервые высказаны были нами наши воззрѣнія на антропологію уже въ 1884 году. Изданіе дополненнаго курса замедлилось по случаю нашего переѣзда въ Россію.

Задачи настоящей книги во многихъ отношеніяхъ совпадаютъ съ задачами университетскаго курса: мы стремились объективно освѣтить тѣ положенія, которыя уже установлены въ нашей наукѣ, и тѣ пути, которыми мы идемъ при дальнѣйшей разработкѣ ея. Такіе критическіе обзоры необходимы не только для ознакомленія съ наукой, но и для правильнаго развитія ея.

Антропологія—наука о человѣкѣ. Она ищетъ разгадки того, что такое человѣкъ, откуда онъ, куда онъ стремится. Мы далеки отъ разрѣшенія этихъ конечныхъ вопросовъ, но мы смѣло и успѣшно идемъ впередъ. Мы можемъ отклоняться отъ прямаго пути подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній, мы можемъ теряться среди столь быстро разростающагося научнаго матеріала; но мы не должны сомнѣваться въ великомъ значеніи антропологіи и въ своевременности этой науки. Обширный матеріалъ, разработанный въ нашей книгѣ, лучше всего

свидѣтельствуетъ о томъ, какими силами обладаетъ антропологія и какими она живетъ надеждами.

Первый томъ нашего труда, нынѣ выходящій въ свѣтъ, посвященъ общему обзору антропологіи. Предметомъ втораго тома послужитъ соматическая антропологія и критическій обзоръ методовъ антропологіи. Третій томъ посвященъ будетъ народовѣдѣнію и общему очерку ученія о доисторическомъ человѣкѣ.

Э. Петри.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I ОТДѢЛЪ.

Задачи антропологіи.

Глава I. Историческое развитіе антропологіи.

СТРАН.

Задачи „науки о человѣкѣ"; трудности ея.—Наука о человѣкѣ у народовъ юныхъ культуръ.—Греки и римляне.—Геродотъ; Страбонъ; Гиппократъ; Алкмеонъ; Анаксагоръ; Эмпедоклъ; Демокритъ; Аристотель; Галенъ.—Психологическія и соціологическія ученія классическаго вѣка.—Общая характеристика среднихъ вѣковъ.—Эпоха великихъ географическихъ открытій и ея предтечи.—Отношеніе къ первобытному человѣку въ эту эпоху.—Новыя вѣянія.—Бэконъ.—Подъемъ анатоміи и физіологіи.—Психологія и соціологія.—Декартъ; Спиноза; Локкъ; Юмъ; Гроціусъ; Гоббесъ; Руссо. . . . . 1—18

Глава II. Историческое развитіе антропологіи (продолженіе).

Вторая эпоха великихъ географическихъ открытій.—Георгъ Форстеръ.—Гердеръ.—Классификаціи человѣческаго рода и изученіе индивидуальнаго человѣка.—Линней; Бюффонъ; Блуменбахъ; Кювье; Окенъ; Зёммерингъ.—Физіономисты и френологи.—Беръ и Ретціусъ.—Причардъ.—Карлъ Риттеръ и Александръ Гумбольдтъ.—Старинная психологія и физіологическая психологія.—Вопросъ объ единствѣ и множественности человѣческаго рода.—Изслѣдованія доисторическихъ вѣковъ.—Антропологическія общества и журналы.—Современное состояніе и современныя задачи антропологіи . . . . . 19—36

Глава III. Система антропологіи.

Опредѣленіе антропологіи съ точки зрѣнія школъ французской, англійской, нѣмецкой.—Сложность задачъ антропологіи.—Антропологія индивидуальнаго и соціальнаго организма.—Антропологія

индивидуальнаго организма: анатомія, физіологія, психологія.— Антропологія соціальнаго организма: этнографія, этнологія и соціологія.—Значеніе антропологіи.—Отношеніе антропологіи къ вспомогательнымъ наукамъ, географіи и исторіи.—Значеніе первобытнаго человѣка для антропологіи . . . . . стран. 37—48

II ОТДѢЛЪ.

Человѣчество.

Глава IV. Классификація человѣческаго рода.

Положеніе человѣка въ природѣ.—Геоцентрическія міровоззрѣнія.—Представленія первобытныхъ народовъ о происхожденіи человѣка.—Вопросъ о положеніи человѣка въ природѣ по Аристотелю, Линнею, по ученію энциклопедистовъ и шеллингеанцевъ. — Бюффоновская школа и Блуменбахъ; К. Г. Карусъ.— Эпоха матеріализма.—Взгляды современнаго естествознанія на вопросъ о происхожденіи человѣка.—Сходство дикарей съ обезьянами.—Гёксли о положеніи человѣка въ природѣ.—Духъ человѣка возноситъ его надъ природою.—Сравненіе интеллектуальныхъ способностей человѣка и животныхъ.—Старинныя воззрѣнія. — Современныя ученія: Штраусъ, Ляйель, Дарвинъ.—Инстинктъ.—Языкъ человѣка.—Физическая организація его.—Значеніе человѣка въ мірозданіи.—Выводы. . . . . 49—70

Глава V. Классификація человѣческаго рода (продолженіе).

Основы зоологической систематики и вопросъ о видѣ.—Единство или множественность человѣческаго рода.—Трудность установленія антропологическаго типа.—Попытка къ классификаціи человѣческаго рода.—Разборъ антропологическихъ признаковъ.— Черепъ. — Мозгъ. — Скелетъ.—Волосы.—Второстепенные физическіе признаки.—Выводы относительно соматическихъ признаковъ.—Языкъ.—Признаки этнологическаго и соціологическаго характеровъ.—Неустойчивость антропологическихъ признаковъ.— Три антропологическихъ типа.—Типы периферическіе.—Раса и народность. . . . . 71—107

Глава VI. Дикарь и культурный человѣкъ.

Отношеніе классическихъ и среднихъ вѣковъ къ дикарю.— Дикарь съ точки зрѣнія современной науки.—Вліяніе географическихъ условій на дикаря и на культурнаго человѣка.—Возможно ли культивировать дикаря?—Умственныя силы дикаря.—Культурные успѣхи негровъ и индѣйцевъ.—Наши азіатскіе и европейскіе инородцы.—Трудность воспитанія дикаря.—Первобытная честность и общинный духъ.—Жестокость, дѣтоубійство, людоѣдство, отсутствіе религіозныхъ и семейныхъ началъ.—Наше отношеніе къ дикарямъ. . . . . 108—136

Глава VII. Вымираніе дикарей.

Характеристика колоніальной исторіи.—Причины гибели дикарей.—Истребленіе дикарей въ Америкѣ, въ Океаніи и Австра-

ліи, въ Африкѣ, Азіи и Европѣ.—Междоусобія; дѣтоубійство; пороки; завезенныя болѣзни.—Перемѣна образа жизни.—Экономическій упадокъ.—Нравственный упадокъ.—Психическія причины вымиранія дикарей.—Попытки спасти дикарей отъ гибели.—Ласъ-Казасъ; Робинзонъ.—Возможная будущность дикарей . . . . . 137—163

III ОТДѢЛЪ.

Человѣкъ и природа.

Глава VIII. Вліяніе питанія на человѣка.

Физіологическое значеніе питанія.—Слѣды ученія Фейербаха въ современной антропологіи.—Къ какому роду пищи приспособленъ человѣческій организмъ.—Питаніе человѣкоподобныхъ обезьянъ.—Мясная и растительная пища.—Связь между питаніемъ и работою организма.—Вліяніе недостатка въ пищѣ на человѣка.—Вкусовыя вещества.—Алкоголь.—Табакъ, чай и кофе.—Соль.—Исканіе пищи и воспитательное значеніе этого исканія. . . . . 164—187

Глава IX. Вліяніе климата на человѣка.

Распредѣленіе питательныхъ веществъ зависитъ отъ климата.—Климатическія крайности, переносимыя растеніями, животными и человѣкомъ.—Способы огражденія отъ климатическихъ крайностей.—Одежда; кровъ; питаніе; работа; огонь.—Изобрѣтеніе огня.—Выборъ пищи обусловливается климатомъ.—Акклиматизація человѣка. — Вліяніе свѣта, влажности и состава воздуха на человѣка.—Профессіональныя болѣзни.—Давленіе воздуха.—Воспитательное значеніе приспособленія къ климатическимъ особенностямъ. — Зона основателей религій. — Зона завоевателей. . . . . 188—229

Глава X. Миграціи человѣческаго рода въ связи съ географическими условіями.

Миграціи организмовъ.—Характеръ и причины ихъ.—Миграціонный инстинктъ и случаи утраты его.—Передвиженія по меридіану.—Географическія приманки.—Инстинкты массы.—Географическія условія, способствующія миграціи.—Географическія условія, препятствующія миграціи.—Географическія условія, способствующія возникновенію осѣдлости. . . . . 230—252

Глава XI. Миграціи человѣческаго рода въ связи съ географическими условіями (продолженіе).

Распространеніе миграцій.—Послѣдствія миграцій.—Воспитательное значеніе миграцій.—Вліяніе географическихъ провинцій на типъ эмигранта.—Леопольдъ ф. Бухъ.—Морицъ Вагнеръ.—Значеніе его миграціоннаго закона.—Существуютъ-ли областные типы?—Типъ сѣверо-американца.—Типъ негра въ Соединенныхъ Штатахъ.—Типъ сибиряка.—Скрещиваніе племенъ. . . . . 253—267

Глава XII. Зачатки экономической жизни и вліяніе ихъ на человѣка.

СТРАН.

Охота, скотоводство и земледѣліе; преемственность этихъ фазисовъ человѣческаго развитія.—Ошибочность этого воззрѣнія.—Предположеніе Рошера.—Ученіе Герланда.—Воспитательное значеніе охоты, скотоводства и земледѣлія.—Взгляды Новацкаго.—Естественныя условія пропитанія человѣка.—Собираніе пищевыхъ запасовъ.—Муравьи.—Возникновеніе земледѣлія и осѣдлости.—Понятіе Οἰκουμένη у древнихъ и примѣненіе этого понятія къ задачамъ антропогеографіи. . . . . 268—287

IV ОТДѢЛЪ.

Зачатки общественной жизни.

Глава XIII. Первобытный человѣкъ и его отношеніе къ внѣшнему міру.

Значеніе международныхъ сношеній. — Отношеніе первобытнаго человѣка въ своимъ собратьямъ.—Причины междоусобій.—Гостепріимство и его основной принципъ. — „Торговлѣ предшествуетъ грабежъ".—Опроверженіе этого ученія.—„Нѣмая торговля".—Первобытная честность.—Торговля на первобытной ступени культуры.—Неприкосновенность личности торговца и женщины. — Общественный строй, создаваемый торговыми сношеніями . . . . . 288—306

Глава XIV. Нравственность первобытнаго человѣка.

Сообщество есть явленіе нормальное въ органическомъ мірѣ.—Формы сообщества въ животномъ мірѣ.—Примѣры сообщества и соціальныхъ чувствъ среди человѣкоподобныхъ обезьянъ и другихъ животныхъ. — Обособленность первобытнаго сообщества человѣка. — Круговая порука и кровавая месть.—Враждебность къ чуждымъ сообществамъ.—Этическая цѣнность первобытной нравственности.—Убійство стариковъ и дѣтей.—Эволюція нравственности.— Нравственность и преступленіе въ мірѣ животныхъ . . . 307—330

Глава XV. Общественное владѣніе и общественный трудъ.

Общность географической сферы порождаетъ общность функцій и потребностей. — Солидарность первобытныхъ общинниковъ. — Общинныя рыболовства и охота.—Общинное скотоводство.—Общинное земледѣліе, очистка лѣсовъ и искусственное орошеніе.— Общинные промыслы.—Общественные пиры и божества . . . . 331—351

Глава XVI. Принципъ труда и частная собственность.

Общинное и частное владѣніе.—Трудъ какъ регуляторъ общественныхъ отношеній. — Индивидуальный трудъ и индивидуальная собственность.—Принципъ труда въ жизни русскаго народа.—Взгляды первобытнаго человѣка на поземельную собственность.—

Причины разложенія общиннаго порядка. — Возможная будущность общины и принципъ ассоціаціи силъ. — Воспитательное значеніе труда.—Примѣръ древняго Египта . . . . . 352—371

Глава XVII. Первобытный строй и международныя торговыя сношенія.

Вліяніе международныхъ сношеній на развитіе общества. — Представители общества.—Монополизація торговыхъ сношеній.— Пошлины. — Общественное положеніе торговцевъ. — Вліяніе торговли на первобытные нравы, на выработку представительства, частной собственности и капитализма. — Развитіе торговли при помощи средствъ обращенія.—Потребительная стоимость: скотъ, мѣха, рыба, металлы, матеріи и вкусовыя вещества, употребляемые какъ деньги. — Значеніе предметовъ эстетическаго и мистическаго характеровъ. — Потребительная стоимость замѣняется символомъ ея. — Значеніе штемпеля вѣса и герба. — Чеканенная монета и ея ухудшеніе.—Бумажныя деньги и наивысшая идеализація потребительной стоимости.—Взглядъ Н. И. Зибера на развитіе денегъ.—Заключеніе . . . . . 372—389

Глава XVIII. Война и ея послѣдствія. Касты. Рабство.

Культурно-историческое значеніе войны.—Первобытная классификація общественныхъ элементовъ.—Власть вождей во время войны. — Выборы ихъ.—Способы веденія войны. — Сближеніе союзниковъ. — Эпонимическіе предки. — Сближеніе съ покоренными. — Обращеніе покоренныхъ въ рабство. — Укрѣпленіе власти за личностью военнаго вождя. — Увеличеніе народонаселенія и послѣдствія этого явленія. — Касты. — Миѳы индусовъ о происхожденіи кастъ.—Касты въ древней и современной Индіи.— Причины происхожденія кастъ.—Примѣры.—Касты ремесленниковъ.—Исключительное положеніе нѣкоторыхъ ремесленниковъ.— Рабство и причины его возникновенія.—Положеніе рабовъ у народовъ первобытныхъ и полукультурныхъ. — Общество въ мірѣ животныхъ.—Заключеніе . . . . . 390—424

V ОТДѢЛЪ.

Зачатки семейной жизни.

Глава XIX. Первобытныя отношенія половъ.

Семья какъ основа человѣческаго общества. — Коммунальный бракъ. — Ограниченіе понятія о коммунальномъ бракѣ. — Термины: „семья“ и „бракъ“. — Примѣры первобытныхъ отношеній половъ у народовъ древности и у современныхъ дикарей.—Слѣды „коммунальнаго брака“ у славянъ. — Понятіе о кровномъ родствѣ. — Усыновленіе. — Jus primae noctis.— Спенсеръ о „безпорядочномъ половомъ сожитіи“. — Отношеніе половъ въ животномъ мірѣ.—Выводы . . . . . 425—449

Глава XX. Переходъ отъ неупорядоченнаго брака къ индивидуальному браку.

СТРАН.

Ученіе Бахофена.—Матріархатъ.—Причины его возникновенія.—Переходъ мужа въ родъ жены.—Наслѣдованіе по женской линіи.—Почетное положеніе женщины у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ.—Положеніе женщины у древнихъ германцевъ и славянъ.—Матріархатъ совмѣстимъ съ угнетеніемъ женщины.—Переходъ къ индивидуальной семьѣ. — Положеніе женщины есть симптомъ общественнаго развитія. — Лёббокъ объ умыканіи. — Распространеніе умыканія.—Значеніе выкупа невѣсты.—Бракъ есть дѣло экономическое.—Обрядовое умыканіе у первобытныхъ народовъ.—Обрядовое умыканіе у славянъ . . . . . 450—471

Глава XXI. Переходъ отъ неупорядоченнаго брака къ индивидуальному браку (продолженіе).

Избѣганіе родственниковъ по браку.—Объясненія Лёббока и Фритча.—Бракъ есть дѣло семейное.—Левиратъ.—Эндогамія.—Стремленіе закрѣпить индивидуальный бракъ.—Экзогамія.—Предположенія Макъ Леннана, Лёббока, Спенсера, Тайлора, Моргана.—Кровосмѣшеніе и его послѣдствія.—Религіозная подкладка брака.—Культъ Пріапа.—Священная проституція.—Извѣстна-ли дикарямъ любовь? — Экономическій элементъ въ бракѣ. — Отношеніе семьи къ клану. . . . . 472—487

VI ОТДѢЛЪ.

Зачатки духовной жизни.

Глава XXII. Религіозныя представленія дикарей.

Существуютъ ли народы, лишенные религіи?—Трудность изученія этого вопроса.—Смерть, болѣзнь, обморокъ, сонъ въ представленіяхъ дикаря.—Общеніе съ мертвецами.—Тѣнь.—Значеніе портрета. — Изгнаніе злыхъ духовъ. — Загробные духи. — Возвращеніе ихъ.—Снаряженіе мертвеца при погребеніи.—Одухотвореніе природы.—Почитаніе силъ и явленій природы.—Чувство зависимости отъ высшихъ силъ . . . . . 488—508

Глава XXIII. Религіозныя представленія дикарей (продолженіе).

Исканіе причинъ.—Недостаточное развитіе способности наблюденія. — Фетишъ и фетишистъ. — Пренебрежительное отношеніе дикарей и народовъ юныхъ культуръ къ своимъ богамъ. — Колдовство общедоступное.—Нагакъ.—Колдованіе надъ именемъ человѣка.—Колдовство профессіональное.—Шаманы.—Психика шамановъ. — Посвященіе въ шаманы. — Кудесничество у европейцевъ.—Скептики среди дикарей и на зарѣ культуры.—Элементъ истины въ религіозныхъ воззрѣніяхъ дикарей.—Представленія о возмездіи въ загробномъ мірѣ.—Дуализмъ.—Творческій элементъ

въ религіозныхъ представленіяхъ.—Сводъ мнѣній о происхожденіи религіи дикарей. . . . . стран. 509—534

Глава XXIV. Миѳологія и изящныя искусства.

Школы номиналистовъ и реалистовъ.—Реальныя основы миѳовъ и значеніе ихъ для антропологіи.—Поэтическія достоинства миѳовъ.—Поэзія полинезійцевъ.—Великій космогоническій миѳъ.—Фиджійцы.—Австралійцы.—Шуточная поэзія.—Космогоническіе миѳы.—Негры.—Космогоническій миѳъ.—Отличительныя черты поэзіи негровъ.—Поэзія сѣверянъ.—Музыка.—Архитектура.—Живопись и татуировка.—Скульптура.—Танцы.—Значеніе художественныхъ наклонностей дикарей для антропологіи . . . . . 535—555

Глава XXV. Языкъ.

Значеніе языка.—Происхожденіе языка.—Ономатопоэтическія звуковыя группы.—Школа эмпириковъ.—Школа нативистовъ.—В. Гумбольдтъ.—Языкъ животныхъ.—Мимическій языкъ.—Языкъ глухонѣмыхъ.—Интонація.—Барабанный языкъ.—Междометія.—Органическіе звуки.—Роль обычая и подражанія въ образованіи языка.—Неустойчивость языка.—Географическія и историческія причины измѣненія языка.—Языки культурныхъ и дикихъ народовъ.—Бѣдность некультурныхъ языковъ обобщеніями.—Можно ли по отсутствію слова заключать объ отсутствіи понятія.—Богатство и бѣдность языковъ.—Запасы звуковъ и словъ.—Школы монофилитическая и полифилетическая.—Начало письменности.—Бирки, узлы, кипу, жезлы и символическіе знаки.—Письменность картинная и звуковая.—Цифры и счисленія.—Заключеніе. . . . 556—575

Приложенія:

a) **Рисунки:**

Таблица I. — a. b. черепъ монгола.
c. d. черепъ европейца.
„ II. — a. b. черепъ негра.
c. d. черепъ гориллы.
„ III. — a. скелетъ человѣка.
b. скелетъ гориллы.
„ IV. — a. b. c. d. e. — фетиши негровъ (по Бухнеру).
„ V. — a. шаманъ (по Потанину).
b. фетишъ (по Пехуелю Лёше).
c. d. бубенъ шамана.
„ VI. — Рисунки чукчей (по Норденшёльду).
„ VII. — Доисторическое искусство (по Лёббоку и др.).
„ VIII. — Рисунокъ бушменовъ (по Фритчу).

b) **Карты:**

Таблица I. — Народы земнаго шара около 1500 года (границы по Герланду и др.).
„ II. — Народы земнаго шара около 1880 года (по Герланду и др.).
„ III. — Область культурныхъ растеній (по Друде).
„ IV. — Преобладающія религіи (по Андрее и др.).

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читать:*
40	14 сверху	ἄνδρωπος	ἄνθρωπος
—	3 прим.	ἄνδρωπος	ἄνθρωπος
47	1 снизу	этотъ	это
80	1 прим.	§ 3350—3664	§ 3660—3664
95	20 снизу	Мая	мая
106	2 прим.	Hinsecht	Hinsicht
	стр. 8 сверху		
151	1 прим.	Phrehistorie	Prehistoric
152	17 сверху	Пелаузскихъ	Пелаускихъ
153	1 снизу	отличаются	сопровождаются
184	10 снизу	безжизненная одно-образная.	безжизненная и одно-образная.
202	1 сверху	внѣшной	внѣшней
221	4 прим.	Rink	Renk
222	9 снизу	климатологическимъ	климатическимъ
284	10 сверху	ἄνδρωπος	ἄνθρωπος
308	19 снизу	Наинисшими	Наинизшими
309	4 сверху	вронами	воро́нами
381	7 снизу	мѣрило пѣнности	мѣрило цѣнности
386	8 сверху	70.00.000	70.000.000
516	3 прим.	Callere	Cullere

Глава I.

Историческое развитіе антропологіи.

Задачи „науки о человѣкѣ“: трудности ея.—Наука о человѣкѣ у народовъ первобытныхъ и у народовъ юныхъ культуръ.—Греки и римляне.—Геродотъ; Страбонъ; Гиппократъ; Алкмеонъ; Анаксагоръ; Эмпедоклъ; Демокритъ; Аристотель; Галенъ.—Психологическія и соціологическія ученія классическаго вѣка.—Общая характеристика среднихъ вѣковъ.—Эпоха великихъ географическихъ открытій и ея предтечи.—Отношеніе къ первобытному человѣку въ эту эпоху.—Новыя вѣянія.—Бэконъ.—Подъемъ анатоміи и физіологіи.—Психологія и соціологія.—Декартъ; Спиноза; Локкъ; Юмъ; Гроціусъ; Гоббесъ; Руссо.

Антропологія — наука о человѣкѣ; антропологія — естественная исторія человѣка.

„Для совокупности всего того, что мы знаемъ о человѣкѣ“, говоритъ Бэръ, „нельзя было найти болѣе подходящаго имени, чѣмъ антропологія, такъ какъ это слово по своему значенію охватываетъ всю жизнь человѣка“ [1]). Въ этомъ опредѣленіи антропологіи прекрасно выражены задачи ея; въ этихъ немногихъ словахъ указываются намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ существенныя препятствія, которыя пришлось преодолѣть нашей наукѣ въ ея историческомъ развитіи.

Научная мысль зарождается съ трудомъ; медленно она развивается и лишь послѣ долгой борьбы становится общимъ достояніемъ культурнаго человѣчества. Съ чувствомъ удивленія мыслители нашего вѣка, укрѣпляя въ умахъ своихъ современниковъ извѣстную научную мысль, останавливаются на

---

[1]) K. E. V. Baer, Vorlesungen über Anthropologie. Königsberg, Bornträger. 1824, B. I, S. 5.

проблескахъ этой мысли въ прежнія тёмныя времена. Каждое великое научное положеніе имѣетъ свое великое прошлое, своихъ вдохновенныхъ провозвѣстниковъ, своихъ мучениковъ; не даромъ дается ему господство его.

Ученіе о человѣкѣ, какъ результатъ міровоззрѣній данныхъ эпохъ, отражаетъ въ себѣ всѣ переходы человѣческой мысли. Это ученіе крайне многообразно и измѣнчиво, но оно всегда полно внутренняго содержанія; оно всегда является характернѣйшимъ симптомомъ для умственнаго и нравственнаго состоянія данной эпохи.

Ученіе о человѣкѣ зарождается съ первыми представленіями человѣка о самомъ себѣ, о своемъ ближнемъ, о своемъ положеніи въ природѣ. Всматриваясь въ окружающую его среду и расширяя свой географическій горизонтъ, человѣкъ изучаетъ природу не только своей родины, но и свою собственную, природу своихъ соплеменниковъ и чуждыхъ имъ народностей [1]). Въ форму научную это ученіе слагается, однако, лишь въ настоящее время. Для гордаго и великаго зданія современной антропологіи требовалось снести не мало камней. Эти камни—результатъ работы цѣлаго ряда наукъ, посвятившихъ себя той или другой области физической или духовной жизни человѣка.

Какъ сводъ воззрѣній на человѣка, антропологія существовала всегда [2]). Она древна, какъ само человѣчество; она живетъ общею жизнью съ человѣчествомъ и неустанно, хотя съ перемѣннымъ счастьемъ ищетъ разрѣшенія величайшей конечной задачи человѣчества, выясненія того — откуда человѣкъ, что онъ такое, куда онъ стремится.

Наука о человѣкѣ, этомъ наиболѣе важномъ для человѣчества явленіи природы, оставалось долгое время въ пренеб-

---

[1]) Э. Петри, Задачи научной географіи. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества. Т. XXIII. 1887, стр. 592.

[2]) То, что наука въ одно и то же время столь древна и столь нова, не разъ останавливало на себѣ вниманіе изслѣдователей. Заслуженный французскій антропологъ Топинаръ говоритъ: „изученіе природы и человѣка въ частности должно быть отнесено къ первымъ попыткамъ человѣческаго духа вообще; но настоящая антропологія, какъ самостоятельная наука, отдѣлившаяся отъ естественной исторіи, относится чуть не ко вчерашнему дню“. Topinard, L'Anthropologie; Paris. Reinwald. 1876, p. 13.

Превосходныя указанія на возникновеніе науки о человѣкѣ даетъ A. Bastian, глава нѣмецкихъ антропологовъ, въ своей „Vorgeschichte der Ethnologie“. Berlin. Dümmler. 1881.

реженіи. Этому способствовала, въ виду недостатка естественно-научныхъ свѣдѣній, недоступность основъ ученія о человѣкѣ и боязнь сурово прикоснуться къ завѣтнымъ, унаслѣдованнымъ отъ дѣдовъ традиціямъ; этому способствовало, наконецъ, естественное стремленіе человѣка интересоваться прежде всего и въ ущербъ обыденнымъ, естественнымъ и повидимому столь понятнымъ предметамъ именно тѣми явленіями, которыя наиболѣе далеки отъ человѣка, наиболѣе рѣдки и наиболѣе поражаютъ его воображеніе. Неоднократно ученые жаловались на отсутствіе науки, которая обобщила-бы всѣ существующія свѣдѣнія о человѣкѣ. „Если все на свѣтѣ имѣетъ свою философію и науку, то неужели то, что ближе всего касается насъ, исторія человѣчества въ цѣломъ, не должно имѣть философіи и науки?“ восклицаетъ Гердеръ [1]), авторъ чудныхъ по замыслу и весьма цѣнныхъ даже по настоящее время „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“. „Всѣ другія части исторіи, какъ, напр., исторія искусствъ и наукъ и важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, представляютъ намъ лишь извѣстныя стороны человѣка или же они описываютъ лишь отдѣльныя натуры и отдѣльныя вѣка; исторія человѣчества одна охватываетъ всего человѣка и показываетъ его такимъ, какимъ онъ былъ во всѣ времена и во всѣхъ частяхъ свѣта“. Такъ доказываетъ необходимость науки о человѣкѣ извѣстный полигисторъ и едва ли не слишкомъ плодовитый писатель Мейнерсъ [2]). Къ этимъ упрекамъ присоединяетъ свой голосъ Кювье, авторитетнѣйшій естествоиспытатель своего времени: „нѣтъ такой отрасли въ естественной исторіи—въ зоологіи, въ ботаникѣ, въ минералогіи, въ геологіи, преуспѣяніемъ которыхъ не были бы заинтересованы путешественники, но они почти всегда пренебрегали человѣкомъ“ [3]).

Останавливаясь передъ этими справедливыми жалобами, не слѣдуетъ, однако, забывать того, что отдѣльныя области знанія о человѣкѣ, изучающія анатомическое строеніе, физіологическую и психологическую жизнь индивидуальнаго чело-

---

[1]) J. G. Herder, Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Carlsruhe. Schmieder. 1790, B. I, S. VIII.

[2]) A. Bastian, Vorgeschichte d. Ethnologie. Berlin. Dümmler 1881, S. 14.

[3]) Ibid.

вѣка, или же распространяющія это изученіе на все человѣчество, разрабатывались исподоволь и постепенно.

Гдѣ только присуща почвѣ культурная сила, тамъ всюду распростираются и разростаются корни того могучаго вѣтвистаго дерева, которымъ является современная антропологія. наука о человѣкѣ. Правъ былъ Бэръ, замѣчая, что „исторія громко говоритъ о цѣнности антропологіи, такъ какъ она свидѣтельствуетъ намъ, что съ пробужденіемъ культуры у извѣстнаго народа первыми вопросами, занимающими созрѣвающій умъ, являются вопросы о происхожденіи человѣка и объ его положеніи въ природѣ". „Можно даже утверждать", продолжаетъ онъ, „что именно въ томъ-то и состоитъ пробужденіе культуры, что человѣкъ добивается свѣдѣній о существѣ своемъ" [1].

Первобытный человѣкъ инстинктивно видитъ въ каждомъ пришельцѣ существо чуждое, враждебное, тогда какъ съ другой стороны, убѣдившись въ его безопасности, онъ быстро примиряется съ его новою для него внѣшностью и охотно принимаетъ его въ свою собственную среду [2]. Человѣкъ на первыхъ ступеняхъ самосознанія обособляетъ себя лишь отъ природы, отъ другихъ живыхъ существъ, называя себя зачастую просто „человѣкъ" [3]. Молодая культура относится къ вопросу о человѣкѣ несравненно опредѣленнѣе и сознательнѣе. Гордая сознаніемъ своей юной силы и своими надеждами на великое будущее, она выдѣляетъ себя изъ окружающей ее малокультурной среды. Ея представители люди избранные, высшіе; имъ противупоставляется болѣе или менѣе безразличная масса низшихъ людей, варваровъ. Древніе

[1]) K. E. V. Baer, Vorlesungen über Anthropologie etc. S. 3.

[2]) E. Petri, Verkehr und Handel in ihren Uranfängen. St. Gallen, Zollikofer. 1888. S. 3 und 4.

[3]) Огнеземельцы называютъ себя „Ямана = человѣческія существа. (Giak, Bove, Nuova Antologia 1882. 15 декабря); Индѣйцы Манданы (Дакота) называютъ себя „Нумакаки" = люди (Hellwald, Naturgeschichte des Menschen. Stuttgart. Speman. B. II, S. 318); готтентоты — „кой-койнъ" = люди (Fr. Ratzel, Völkerkunde. Leipzig Bibliogr. Institut. 1887 p. I. S. 80); эскимосы — „инуитъ". множеств. число отъ ин — ну = человѣкъ (Peschel, Völkerkunde. Lpz. Duncker und. Humblot. VI. Aufl. 1885. S. 413); Фульбе = люди (Peschel, l. c. S. 497) самоѣды = хасава, пенетье, анасапгъ = человѣкъ (Fr. Müller, Allg. Ethnographie. Wien. Hölder, II. Aufl. 1879. S. 378), айносы, „айну" = люди (Archiv f. Anthropologie. B. X. 1878. S. 439), тунгусы называютъ себя „донке" = люди (Klaproth Mem. l. p. 453) или Бойе, Боя, Біе, что тоже значитъ люди. Чукчи = чаучку = люди (Hellwald etc. 575) и т. д.

индусы отдѣляли себя отъ исконнихъ обитателей Остиндіи, отъ черныхъ дравидъ; Dâsa или Dasyu, что значитъ презрѣнные, приниженные или злокозненные, злые, являлись въ ихъ глазахъ и варварами и злыми духами; самихъ себя индусы называли „арія“ (Ârya, древнеперсидское Airya), что значитъ почтенные, благородные, властители, господа [1]). Древніе израильтяне называли себя народомъ избраннымъ, и если даже это избранничество обозначало первоначально лишь то, что Израиль избранъ своимъ собственнымъ богомъ Іеговой въ отличіе отъ другихъ племенъ, имѣющихъ своихъ собственныхъ боговъ [2]), то все же это представленіе, въ виду историческаго обособленія и мученичества израильскаго народа, современемъ получило несомнѣнный смыслъ самовозвеличенія. Еще рѣзче это самовозвеличеніе выразилось у эллиновъ, болѣе экспансивныхъ и болѣе реальныхъ въ своихъ жизненныхъ стремленіяхъ, чѣмъ израильтяне; точно также эллины выразили несравненно больше нетерпимости къ чужеземцамъ варварамъ, чѣмъ римляне, обладавшіе чуть-ли не всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ и сдѣлавшіеся, поэтому, до нѣкоторой степени космополитами.

Среди греческихъ мыслителей и изслѣдователей мы останавливаемся прежде всего на Геродотѣ (род. 500 до Р. Х.), раскрывшемъ передъ нами цѣлый міръ чуждыхъ народностей. „Музы“ Геродота, этотъ краеугольный камень современной географіи и исторіи, являются вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по этнологіи; цѣнность ихъ въ этомъ отношеніи выясняется въ настоящее время все болѣе и болѣе. Не слѣдуетъ, однако, забывать того, что у Геродота, подобно тому, какъ у всѣхъ предтечей классической эпохи по этнографіи и этнологіи, назовемъ, напр., Ктезія, Мегасѳена, къ истиннымъ свѣдѣніямъ зачастую примѣшиваются нелѣпыя сказки о людяхъ одноглазыхъ, о людяхъ съ собачьими головами, безъ головъ и т. п. [3]). Самъ Геродотъ, однако, къ этимъ чудесамъ относится скептически.

При умѣломъ пользованіи методами сравнительной этнологіи, эти легенды поэтому, не могутъ затемнить тѣ дѣйствительныя сокровища, которыя онъ представляетъ намъ.

---

[1]) Lefmann, Geschichte des alten Indiens. Brl. Grote. 1881, S. 35.

[2]) Peschel, Völkerkunde etc. S. 301 und 302.

[3]) Herodotes, III. 116, IV. 23 — 27, 105 — 191.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы имѣли случай говорить о значеніи Геродота и Страбона (род. 63 г. до Р. Х.) для научной географіи и указать на то, что они предвосхитили современные методы и духъ ея; въ данномъ случаѣ для насъ особенно важно то, что Геродотъ и Страбонъ неоднократно указываютъ на вполнѣ естественную, конечно, съ греческой точки зрѣнія, связь между человѣкомъ и тою почвою, на которой онъ живетъ [2]).

Но этотъ послѣдній вопросъ приводитъ насъ отъ расовыхъ отличій человѣчества къ изученію индивидуальнаго человѣка. Для ума первобытнаго изученіе человѣка сводится на исканіе средствъ, чтобы оградиться отъ зла, чтобы узнать, какъ избѣжать страшной смерти, какъ продолжить свою жизнь на десять тысячъ лѣтъ (такова была задача индійскихъ медиковъ [2])). Всѣ свѣдѣнія о человѣкѣ, которыми обладаетъ дикарь, сосредоточиваются въ его космогоническихъ и фетишестическихъ представленіяхъ. Въ спеціальныхъ главахъ о религіозныхъ представленіяхъ первобытнаго человѣка, мы возвратимся къ этому вопросу и вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, что размышленія дикаря о существѣ человѣка болѣе содержательны по мысли, чѣмъ это принято a priori думать.

Немногочисленны и тѣ чисто антропологическія свѣдѣнія, которыя мы можемъ найти у народовъ юныхъ культуръ. Однако индусы выказали извѣстныя свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла и о леченіи его [3]), а грандіозныя религіозно-философскія творенія ихъ изобилуютъ чудными психологическими деталями. Нѣтъ сомнѣнія, что индусы были бы великими мыслителями, если бы ихъ философскія построенія не разметывались въ вихрѣ поэтическихъ увлеченій; они были бы великими поэтами, если бы ихъ художественныя мечты не отягощались глубокомысленными философскими откровеніями.

У древнихъ грековъ мы точно также не встрѣчаемъ того раздѣленія антропологическихъ дисциплинъ, съ которыми мы считаемся въ настоящее время. „Тамъ, гдѣ мы имѣемъ два слова: анатомія и физіологія, они имѣютъ лишь одно φύσις = природа“ [4]). Такое единство вполнѣ соотвѣтствовало цѣлост-

[1]) Э. Петри, Задачи научной географіи и т. д. стр. 593.

[2]) H. Haeser, Geschichte der Medicin etc. Jena, Dufft. III. Aufl. 1875, S. 20.

[3]) H. Haeser. C. c. S. 4—38.

[4]) Ch. Daremberg, Histoire des sciences médicales. Paris. Baillière. v. I. 1870, p. 105.

ному духу эллиновъ. Идея раздѣленія отраслей знанія о человѣкѣ была чужда даже Аристотелю[1]). Тѣмъ не менѣе мы можемъ до нѣкоторой степени сгруппировать греческихъ и греко-римскихъ изслѣдователей сообразно тѣмъ областямъ, въ которыхъ они наиболѣе выдавались своими работами. Однимъ изъ важнѣйшихъ изслѣдователей физіологической жизни человѣка является divus pater medicinae Гиппократъ, (приблизительно съ 459 или 460 до 377 г. до Р. Х.), авторъ знаменитаго „περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων". Эта „золотая книга", какъ выразился Блуменбахъ, представляетъ намъ рядъ соображеній о вліяніи климата на организмъ человѣка и на развитіе какъ духовныхъ особенностей, такъ и государственнаго строя людей. Объектомъ изученія служатъ для автора главнымъ образомъ греки, европейскіе и малоазійскіе, и варвары побережій Чернаго моря, скиѳы. Гиппократъ является предтечей современныхъ антропогеографовъ. Топинаръ называетъ его „основателемъ ученія о вліяніи среды на выработку физическихъ, физіологическихъ и патологическихъ характерныхъ чертъ человѣка"[2]). Какъ объ анатомахъ-физіологахъ мы могли бы упомянуть о пиѳагорейцѣ Алкмеонѣ Кротонскомъ (около 520 г. до Р. Х.), который, вѣроятно, впервые дѣлалъ вскрытія человѣка и училъ, что мозгъ сѣдалище души, объ Анаксагорѣ (около 500 л. до Р. Х.), основывавшемъ міровой строй на сочетаніи вѣчно существующихъ подобныхъ элементовъ (σύγκρισις) и на распаденіи ихъ (διάκρισις); объ Эмпедоклѣ (около 490 г. до Р. Х.), учившемъ, что существуетъ генетическая связь между всѣми организмами земли; о Демокритѣ (460 г. до Р. Х.), основателѣ атомистической теоріи и сравнительной анатоміи и, наконецъ, объ Аристотелѣ (384 до 322 г. до Р. Х.), величайшемъ философѣ - естествоиспытателѣ греческаго вѣка. Если Аристотель и посвящалъ свои силы главнымъ образомъ зоологіи, въ виду тѣхъ необычайно богатыхъ коллекцій, которыя ему доставлялись грандіозными походами Александра Великаго, если онъ и не изучалъ тѣхъ народовъ, которые открывались передъ изумленными взорами завоевателей, и не различалъ расъ человѣческаго рода[3]), то все же сочиненія

[1]) H. Haeser, l. c. S. 219.

[2]) Topinard, Éléments d'Anthropologie générale etc. p. 10.

[3]) J. V. Carus, Geschichte der Zoologie. München. Oldenburg. 1872, S. 44.

его не лишены извѣстнаго значенія для исторіи анатоміи и физіологіи и даютъ, между прочимъ, интересныя физіогномическія указанія на счетъ лба человѣка, бровей, движенія глазъ и т. д. Изъ позднѣйшихъ врачей-анатомовъ дохристіанскаго періода можно, наконецъ, упомянуть еще о Герофилѣ (300 л. до Р. Х.) и Эрастритѣ (280 л. до Р. Х.), пользующихся хорошимъ именемъ въ исторіи анатоміи. Не слѣдуетъ, однако, забывать того, что изученіе анатоміи и физіологіи встрѣтило громадныя затрудненія въ религіозныхъ предразсудкахъ грековъ. Души умершихъ до погребенія скитаются у береговъ Стикса; поэтому анатомическія занятія невозможны. Трупъ или даже человѣческая кость, случайно найденные, должны быть посыпаны землею, слѣдовательно имъ символически воздается погребеніе [1]). Подобные же обычаи соблюдались и римлянами, пренебрегавшими лишь преступниками и самоубійцами. Римъ жертвовалъ тысячами жизней, чтобы поволноваться въ циркѣ, но пользованіе трупами для научныхъ цѣлей казалось дѣломъ святотатственнымъ. Даже К. Галенъ (131 по 201 г. по Р. Х.), знаменитѣйшій изъ врачей и знатоковъ человѣческаго тѣла своего времени и колоссальный авторитетъ для европейскихъ и арабскихъ ученыхъ послѣдующихъ четырнадцати вѣковъ, изучалъ по собственному признанію остеологію по костямъ непогребенныхъ самоубійцъ и преступниковъ и спеціально отправился въ Александрію, чтобы увидѣть тамъ полный скелетъ человѣка [2]). Галенъ основываетъ свои анатомическія соображенія преимущественно на тѣлѣ животныхъ; восхищаясь, напримѣръ, строеніемъ руки человѣка, онъ, къ несчастью своему, описываетъ руку обезьяны, лишенную развитаго m. opponens policis, при описаніи человѣческой ноги ему прообразомъ служитъ нога-рука обезьяны [3]).

Психологами являются великіе философы-этики періода расцвѣта греческой философіи. Первый періодъ греческой философіи [4]), отъ Ѳалеса до Анаксагора и атомистиковъ,

---

[1]) Кто не вспомнитъ при этомъ печальной судьбы Софокловской Антигоны.

[2]) І. Гиртль. Анатомія человѣческаго тѣла. Перев. Баллода и Фаминдина. С.-Петербургъ. Черкесовъ. 1874, стр. 26 и 28.

[3]) H. Haeser, l. c. S. 358. Daremberg, l. c. p. 218.

[4]) Ueberweg-Heinze, Geschichte der Philosophie des Alterthums. Berlin. Mittler und Sohn. 6. Aufl. 1880, S. 30 ff.

сосредоточивался преимущественно на познаваніи конкретнаго міра и поэтому можетъ быть названъ „космологическимъ“ [1]); напротивъ того, во второй періодъ центромъ всѣхъ мышленій явился человѣкъ. Этотъ „антропологическій“ періодъ имѣлъ своими представителями софистовъ, Сократа, школу его, Платона, Аристотеля, стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ [2]). Наконецъ третій періодъ, отъ новой пиѳагорійской школы до новоплатонической школы, характеризуется преобладаніемъ теологическихъ интересовъ; это періодъ „теологическій“ [3]), или лучше сказать теософическій. Надъ задачами общественной жизни, надъ смысломъ общественнаго строя человѣчества, слѣдовательно надъ задачами соціологическими, задумываются великій философъ-идеалистъ Платонъ (427 или 428—348 или 347 до Р. Х.) въ своемъ „Государствѣ, Politeia, Respublica“, въ діалогѣ Timäus и въ фрагментѣ Kritias, и великій философъ-реалистъ Аристотель въ своихъ ἠθικά и πολιτικά.

Аристотель же впервые назвалъ антропологами людей, изучающихъ человѣка.

Научный матеріалъ, сложенный культурными народами древности, вскорѣ былъ разбитъ нахлынувшими волнами великаго переселенія народовъ. Идеи, которыми греки и ихъ преемники римляне одухотворяли природу, были безпощадно развѣяны или заглушены. Западная Европа какъ бы ушла въ самою себя. Къ началу VIII столѣтія поднялась между Европою и Азіею страшная стѣна магометанскихъ народностей. Арабы, а затѣмъ сельджуки захватили всю грецизированную Малую Азію, сѣверную Африку и въ концѣ концовъ даже нѣкоторыя богатыя области Европы. Для того, чтобы преодолѣть препятствія, представляемыя Атлантическимъ океаномъ и вступить въ сношенія съ невиданными мірами, лежащими по ту сторону океана, европейцы были еще слишкомъ слабы. Такимъ образомъ Европа была сдвинута, скована въ узкихъ своихъ границахъ. Тяжелыя тучи постепенно заволакивали горизонтъ европейцевъ; забылось все то, что когда то стало извѣстнымъ благодаря смѣлымъ открытіямъ. Положимъ, что арабы явились хранителями и отчасти

[1]) Ibid. S. 34.
[2]) Ibid. S. 85.
[3]) Ibid. S. 268.

даже множителями знаній европейцевъ, положимъ, что заслуги этого подвижнаго и предпріимчиваго народа относительно географіи и антропологіи весьма велики[1]). Однако свѣдѣнія арабовъ точно также, какъ указанія буддистскихъ пилигриммовъ, напримѣръ знаменитаго путешественника Хванъ-Цанга (Hiouen-Thsang), точно также, какъ свѣдѣнія китайцевъ становятся достояніемъ европейцевъ, собственно говоря, лишь въ настоящее время. Христіанскіе народы знали къ концу перваго тысячелѣтія, въ Азіи, напр., едва-ли что нибудь, кромѣ Святой земли [2]). Но какъ ни тяжело была пригнута европейская культура къ землѣ, она все таки не была надломлена; она замерла, но не умерла. Неустанно и неугомонно работала мысль человѣческая. Болѣзненно прорывалась временами эта сила, столь печально сдерживаемая въ эпоху средневѣковаго застоя; такимъ порывомъ явилось, напр. массовое движеніе въ Святую Землю. Крестовые походы. Оставаясь въ душной и спертой атмосферѣ Европы и стремясь въ то же время къ свободѣ, эта мысль углублялась въ безъисходныя пучины метафизики, она возносилась въ безбрежную высь страстнаго мистицизма, или же робко цѣплялась за классическіе авторитеты, за мнѣнія тѣхъ людей, которые жили лучшею и болѣе свободною жизнью.

Средневѣковая мысль какъ бы инстинктивно пугалась смѣлыхъ обобщеній: она охотнѣе углублялась въ детальную разработку того или другаго вопроса. Но реальному изученію человѣка противупоставлялись почти непреодолимыя препятствія. По Кассіодору въ VII столѣтіи на кладбищахъ разставлялись сторожа, чтобы предупредить выкапываніе труповъ съ анатомическою цѣлью. Еще въ XIV столѣтіи булла папы Бонифація VIII отлучала отъ церкви лицъ, осмѣливавшихся разсѣкать человѣка или вываривать его кости [3]). Извѣстный анатомъ XIV вѣка Луиджи Мондони сознается самъ, что онъ „грѣха ради“ не подвергалъ изслѣдованію нѣкоторыхъ костей [4]). Въ духѣ среднихъ вѣковъ, прежде всего избѣгавшихъ

---

[1]) Peschel, Geschichte der Erdkunde. München. Oldenburg, 2. Aufl. v. S. Ruge, 1877, S. 158—160.

[2]) Sophus Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen. Berlin. Grote 1881, S. 35.

[3]) Гиртль, Анатомія и т. д., стр. 29.

[4]) Тоже, стр. 29.

жизненныхъ, реальныхъ и поэтому неопровержимыхъ фактовъ, мыслители, изучавшіе человѣка, останавливались преимущественно на духовной дѣятельности его. Антропологія все болѣе и болѣе принимаетъ оттѣнокъ психологіи [1]) и притомъ психологіи основанной на мистически-космологическихъ началахъ. Въ 1594 году священникъ Касманъ издалъ антропологію подъ заглавіемъ Psychologia Anthropologica, sive Animaehumanae doctrina[2]). Метафизическій характеръ свой психологія удержала до нѣкоторой степени даже по настоящее время. Старинная „pneumatologia" даетъ себя несомнѣнно чувствовать въ современной психологіи (терминъ, появившійся въ концѣ XVI столѣтія) [3]), когда она касается духовной жизни не только людей, но и ангеловъ; къ тому же она почти всегда является исключительнымъ достояніемъ философовъ.

Обращаясь къ вопросамъ соціологическимъ, мыслитель могъ лишь всецѣло отдаться потоку утопическихъ надеждъ и погибнуть подобно несчастному подражателю Платоновской республики Томасу Морусу (1480—1535) [4]), или же примѣнить того же Платона къ идеѣ всемірной католической монархіи подъ властью папы и спастись, подобно Томасу Кампанелла (1568—1639).

Но вотъ смѣлые подвиги европейскихъ путешественниковъ

---

[1]) Весьма характерно прекрасный знатокъ средневѣковой философіи Эрдманъ (Erdmann, Geschichte der Philosophie. Brlin. Hertz. 1866, B. I, S. 197—198) указываетъ на то, что мыслителями въ эту эпоху являются уже не люди испытанные въ жизни, а кабинетные ученые и духовные лица. Мы думаемъ, что изъ предыдущихъ страницъ вполнѣ явствуетъ, что антропологія пріобрѣтаетъ этотъ исключительно транссубстанціальный характеръ лишь съ того времени, какъ опредѣлился расколъ между духомъ и тѣломъ, расколъ, вполнѣ чуждый классическому пониманію. Мы не можемъ, поэтому, согласиться съ Топинаромъ, который утверждаетъ въ своей „Anthropologie", что „антропологія обозначала всегда изученіе человѣка, въ началѣ духовнаго, потомъ физическаго, теперь же охватываетъ обѣ стороны". Topinard. Anthropologie, nach der 3. Ausgabe, deutsch v. Neuhauss, Lpz. Frohberg. 1886. S. 1.

[2]) Два года спустя послѣ изданія своей психологической антропологіи Касманъ издалъ, впрочемъ, второй томъ своего сочиненія, посвященный соматической антропологіи: Anthropologiae p. II, h. e. de fabrica humani corporis metodice descripta. Первая антропологія вышла въ 1501 году въ Лейпцигѣ; авторомъ ея былъ полигисторъ Магнусъ Гундтъ (Hundt), врачъ и священникъ (1449—1519); книга носила заглавіе Anthropologium de hominis dignitata natura et proportionibus etc. Рисунки заимствованы были у Мондини.

[3]) A. Bastian, Vorgeschichte der Ethnologie. Berlin. Dümmler. 1881, S. 79.

[4]) De optimo reip. stati deque nova insula Utopia, 1516.

и авантюристовъ внезапно расширили горизонтъ своихъ соплеменниковъ. Какъ бы магическою силою раздвинуты были и распались средневѣковыя тѣсныя рамки и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможными стали прежніе узкіе предвзятые взгляды на человѣка. Передъ европейцами выступили новые міры, обладаніе которыми совершенно измѣнило весь ходъ и даже строй европейской жизни.

Уже до наступленія эпохи великихъ географическихъ открытій, совпавшихъ съ общимъ подъемомъ духа въ Европѣ и главнымъ образомъ способствовавшихъ ему, европейцы не разъ выходили изъ своихъ тѣсныхъ стѣнъ. Мы имѣемъ въ виду отдѣльныя религіозныя посольства и путешествія, напр. Плана Карпини (1245 г.), Гайтоновъ, В. Рубрука (1253), Овидія де Парденоне (1316) и др. Наконецъ среди ужасныхъ лишеній и потерь крестоносцевъ, среди ихъ беззавѣтныхъ геройствъ, ихъ святыхъ страданій и святыхъ восторговъ обогощались и тучнѣли средневѣковые торгаши: они проникали по кровавому слѣду крестоносцевъ въ Азію. Пиза, Генуа и Венеція, въ особенности, когда послѣдняя заключила дружбу съ Египтомъ и открыла себѣ путь въ Индію черезъ Чермное море, явились капиталистами своего времени. Одинъ изъ смѣлыхъ сыновей царицы Адріи, Венеціи, этой республики богатыхъ деспотовъ, пріобрѣлъ славу величайшаго изслѣдователя Азіи. Это былъ Марко Поло (путешествовалъ съ 1271 по 1295 г.), totius orbis et indie perigrator primus, какъ названъ онъ на портретѣ въ Римѣ, въ галлереѣ Бадіа. Но все же вліяніе этихъ и другихъ предтечей эпохи великихъ открытій было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ переворотомъ, который совершили несчастнѣйшій и величайшій изъ героевъ этой эпохи, генуэзецъ Христофоръ Колумбъ (1446(?)—1506), португалецъ Васко де Гама (1469—1524), Магеланъ (1480 (?)—1521) и др.

Бурная эпоха великихъ открытій не могла выработать ясныхъ взглядовъ на человѣчество [1]). Жестокая борьба за обладаніе сокровищами и хищническіе инстинкты счастливыхъ обладателей подавляли гуманныя чувства, говорившія за то, что несчастные туземцы, ставшіе жертвами европейцевъ, были тоже людьми. Не

[1]) Внѣшнія описанія туземцевъ, впрочемъ, довольно точны. Peschel, Geschichte der Erdkunde. München. Oldenburg, 2 Aufl v. S. Ruge, 1877, S. 445.

даромъ установилось къ тому времени жестокое ученіе Парацельза (1493—1541), этого типичнаго средневѣковаго мыслителя, съумѣвшаго отдѣлить философію отъ теологіи и смѣшать воедино теологію и химію. По мысли Парацельза, развитой впослѣдствіи Перейрою (1655), человѣчество раздѣляется на адамитовъ, потомковъ Адама, слѣдовательно настоящихъ людей, которыми являемся мы, европейцы, и на преадамитовъ, существъ, сотворенныхъ до Адама; это были какъ бы неудачныя попытки Бога къ сотворенію людей, слѣд. не настоящіе люди; ими можно было пользоваться съ полнымъ правомъ, какъ домашнимъ скотомъ, а въ случаѣ необходимости даже истреблять ихъ. Въ буллѣ отъ 9-го іюня 1537 года римскій папа заявилъ, что на основаніи собранныхъ свѣдѣній индѣйцы Америки дѣйствительно люди, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опровергалъ мнѣніе, по которому дикари должны были пройти сначала рабство, чтобы стать христіанами. Но эти слова остались мертвою буквою [1]). Жестокая практика брала свое и эта практика оправдывала и требовала приниженія или даже истребленія ограбленныхъ дикарей.

Вскорѣ, однако же, послѣдствія хищничества европейцевъ отразились на самихъ европейцахъ. Американское золото и американскія приключенія, или иными словами направленіе народнаго духа, выработавшееся у испанцевъ и португальцевъ подъ вліяніемъ корыстолюбія и обладанія сокровищами, добытыми не трудомъ, а грабежомъ, надломили воинственную феодальную силу этихъ народовъ [2]). Ослабленіе ихъ дало возможность подняться и окрѣпнуть болѣе трудолюбивымъ и меркантильнымъ голландцамъ и англичанамъ.

Инымъ, болѣе практичнымъ и жизненнымъ духомъ повѣяло тогда и въ наукѣ о человѣкѣ. Англичане энергично противодѣйствовали преобладанію пнейматологической психологіи въ антропологіи [3]), тогда какъ смѣлый и сильный Фрэнсисъ Бэконъ (1561—1626) безусловно требовалъ новыхъ самостоятельныхъ путей и безустанно боролся противъ слѣпаго под-

---

[1]) Buchmann, Die unfreie und die freie Kirche in ihren Beziehungen zur Sklaverei etc. Bresslau. Kiepert, II. Aufl. 1875, S. 89, 90.

[2]) Э. Петри, Сибирь какъ колонія. Сибирскій сборникъ. С.-Петербургъ 1886. Т. II, стр. 84.

[3]) Bastian, Vorgeschichte der Ethnologie etc. S. 8.

ражанія и поклоненія классическимъ авторитетамъ. Слѣдуя Телезіусу (1508—1588) въ почитаніи опыта, онъ поставилъ, какъ первый афоризмъ своего знаменитаго Novum Organum, ту грандіозную для своего времени мысль, что „homo, naturae minister et interpres, tantum facit et intelligit, quantum de naturae ordine, re vel mente observaverit; nec amplius scit, aut potest“ [1]).

Тамъ, гдѣ возможно было подобное ученіе, тамъ невозможна была прежняя средневѣковая замкнутость и боязливость мысли. А между тѣмъ сознаніе въ необходимости свободнаго и самостоятельнаго опыта пріобрѣтало все болѣе и болѣе почвы. Во имя подобныхъ идей Андрей Везалій (1514—1564 собственно Witting; семья его происходила изъ Везеля) низвергнулъ авторитетъ Галена и явился реформаторомъ анатоміи, „Лютеромъ“ ея, какъ выражались его католическіе враги. Везалій, ученикъ, а затѣмъ счастливый соперникъ извѣстнаго парижскаго анатома Сильвія, работалъ много и успѣшно въ области анатоміи, не останавливаясь при этомъ даже передъ ограбленіемъ могилъ и висѣлицъ; онъ быстро достигъ большой славы, сдѣлался лейбъ-медикомъ Карла V и Филиппа II, добился даже признанія со стороны богослововъ университета Саламанки, что занятія анатоміей не грѣховны, но все же палъ жертвою предразсудковъ. Его рукописи были сожжены, онъ былъ отправленъ на покаяніе въ Іерусалимъ и, возвращаясь оттуда, погибъ при кораблекрушеніи. Везалій нашелъ достойнаго и не менѣе страстно преданнаго анатоміи ученика въ италіянцѣ Фаллопіѣ (1523—1562). Еще важнѣе, однако, то, что даже противникъ его и защитникъ Галена Евстахій [2]) (1574), по анатомическимъ таблицамъ котораго учились еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, также вступилъ на путь самостоятельныхъ изслѣдованій. Необычайный шагъ впередъ отъ изученія внѣшняго вида различныхъ частей тѣла къ изслѣдованію внутренняго строенія ихъ,

---

[1]) Fr. Bacon, Oeuvres philosophiques. Ed. Bouillet. Paris. Hachette. 1834, v. II, p. 9. „Человѣкъ, служитель и истолкователь природы, въ состояніи творить и знать по столько, по сколько онъ подмѣтилъ строй природы путемъ опыта или наблюденія; болѣе онъ ничего не знаетъ и не можетъ“.

[2]) По Топинару Евстахій страннымъ образомъ является дѣятельнымъ соратникомъ Везалія въ борьбѣ противъ школы Галена. Topinard, Éléments d'Anthropologie générale etc. p. 20.

сдѣлала наука о человѣкѣ съ окончательнымъ установленіемъ ученія о кровообращеніи англичаниномъ Гервеемъ (1578—1697) и съ изобрѣтеніемъ увеличительныхъ снарядовъ. Съ этого времени изученіе анатоміи и физіологіи человѣка стало на прочную почву. Не взирая на сопротивленіе необразованной массы и мрачныхъ вождей ея, не взирая на то, что ученыя подчасъ даже сами ужасались того, что раскрывали передъ человѣчествомъ тайны природы [1]), положительная наука собирала вокругъ себя все болѣе и болѣе преданныхъ и ученыхъ приверженцевъ [2]). Наука, которая имѣла своими представителями великаго основателя экспериментальной физіологіи и необычайно многосторонняго изслѣдователя А. Галлера (1708—1777), К. Ф. Вольфа (1735—1794) и тому подобныхъ корифеевъ науки была вполнѣ обезпечена.

Ту-же самостоятельность духа и то-же стремленіе къ точному наблюденію, къ непосредственному опыту или къ выясненію строгихъ законовъ проявили психологи-философы этой эпохи.

Рене Декартъ (1596—1650), воспитанникъ іезуитовъ, попеременно то авантюристъ, то отшельникъ, а въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ скептикъ и догматикъ въ одно и тоже время, положилъ основаніе новому способу изученія человѣческаго мышленія; прообразомъ этого способа являлись ему, прекрасному математику, точные методы математическаго и естественно-научнаго познаванія. Та рознь между духомъ и тѣломъ, тотъ дуализмъ, предъ которымъ останавливался Декартъ, претворился въ ученіи симпатичнаго и скромнаго раціоналиста мыслителя Баруха Спинозы (1632 — 1687) въ пантеизмъ, имѣющій своею основою единство субстанціи и приведшій философа въ концѣ концовъ къ строгому монизму. Съ другой стороны Джонъ Локкъ (1632 — 1704), врачъ, философъ-педагогъ и государственный человѣкъ, искалъ, въ духѣ положительнаго англійскаго народа, въ психологіи ту строгую закон-

[1]) Знаменитый анатомъ и микроскопистъ Сваммердамъ (1637 — 1680), прославившійся между прочимъ своими изслѣдованіями насѣкомыхъ, сжегъ на старости лѣтъ свои манускрипты.

[2]) Споры изъ-за Галена значительно подвинули впередъ дѣло изученія человѣкоподобныхъ обезьянъ. Въ этой области работали Амбруазъ Парэ, Ріоланъ младшій, Северино и другіе. Литературу по вопросу о развитіи нашихъ познаній о человѣкоподобныхъ обезьянахъ смотри: R. Hartmann. Die menschenähnlichen Affen etc. Leipzig. Brockhaus 1883. гл. I.

ность, которая внушена была его вѣку, его великимъ соотечественникомъ Ньютономъ. Онъ отрицаетъ [1]) прирожденность представленій и сравниваетъ духъ новорожденнаго съ чистою, не покрытою еще письменами таблицею. Познаніе сводится на чувственное наблюденіе или же на рефлексію, на внутреннее наблюденіе; благодаря внутреннему опыту мы познаемъ наше мышленіе и наши желанія. Эти смѣлыя идеи имѣли громадное вліяніе на философію XVIII вѣка, въ особенности на философію французскую. На почвѣ эмпиризма Локка стоитъ, наконецъ, и позднѣйшій англійскій мыслитель Давидъ Юмъ (1711—1766), опять-таки человѣкъ практической жизни, философъ, историкъ и государственный человѣкъ, доведшій свое ученіе до крайнаго скептицизма.

Юмъ, однако, относится до нѣкоторой степени уже къ иному періоду нашей науки, къ періоду, гдѣ на ряду съ изслѣдованіями индивидуальнаго человѣка, уже съ большей опредѣленностью выступаетъ изученіе человѣчества.

Насколько слабо разработанъ былъ для подобныхъ цѣлей научный матеріалъ въ эпоху только что разобранную нами, видно изъ того, что соціологическія попытки этого времени все еще отличаются безпочвенностью и искусственностью построенія.

Голландецъ Гроціусъ (Huig de Groot 1583—1645), основатель международнаго права и авторъ знаменитаго de jure belli et pacis[2]), признаетъ a priori существованіе свободнаго договора, какъ начало человѣческаго сообщества. Къ этому договору человѣчество приходитъ, благодаря присущему ему общественному чувству. Изъ той же мысли исходитъ англичанинъ Гоббесъ (1588—1679), этотъ „радикалъ на службѣ реакціи“, какъ мѣтко называетъ его Туллокъ. Мотивомъ къ созданію договора является по Гоббесу, однако, не свободное соглашеніе, а горькая необходимость, вытекающая изъ естественнаго состоянія человѣка, изъ bellum omnium contra omnes. Человѣкъ не есть аристотелевское Ζῶον πολιτικόν, въ родѣ пчелъ, муравьевъ и т. п.; имъ руководитъ лишь эгоизмъ. Отсюда необходимость строжайшаго подчиненія индивидуальнаго человѣка сообществу; отсюда преклоненіе Гоббеса предъ

[1]) 1-е изданіе знаменитаго сочиненія Локка An Essay concerning human understanding вышло въ Лондонѣ въ 1690 году.

[2]) 1-е изданіе, Paris, 1625.

понятіемъ „государство“ [1]). Взгляды Гоббеса вызвали ожесточенную полемику [2]), не поднявшуюся, однако, выше простого умствованія. Интересно, что даже положительный Локкъ устанавливаетъ свои конституціональныя теоріи, которыя дѣлаютъ его до нѣкоторой степени предшественникомъ Монтескье и Руссо, исходя изъ той же фикціи свободнаго договора, какъ Гроціусъ и Гоббесъ.

Въ соціологическихъ воззрѣніяхъ Ж. Ж. Руссо (1712—1778) отражается то же отсутствіе фактической почвы, которое мы отмѣтили для его предшественниковъ. Руссо, имѣвшій громадное вліяніе на путешественниковъ и антропологовъ своего вѣка и послѣдующаго времени, лично не обладалъ большими свѣдѣніями по вопросамъ о первобытномъ человѣкѣ [3]). Его „Contrat social“ построенъ на той же фикціи общественнаго и свободнаго договора, по которому „каждый изъ насъ подчиняетъ свою личность и всю свою силу верховному руководству общественной воли и по которому мы принимаемъ каждаго сочлена, какъ нераздѣльную часть цѣлаго“ [4]).

Исходя изъ той мысли, которую можно считать господствующею и руководящею для изслѣдователей XVII и XVIII столѣтій, изъ сознанія необходимости прежде всего опредѣлить начальную форму мышленія и общественнаго быта, Руссо въ цѣломъ рядѣ сочиненій [5]) устанавливаетъ типъ естественнаго человѣка: это существо вполнѣ доброе и чистое; лишь цивилизація

[1]) Авторъ „Elementa phil. de cive“ (1-е изд. Paris 1642) и „Leviathana or the matter, form and authority of government“ (1-е изд. London 1651) подкрѣпляетъ свое мнѣніе о первоначальной природѣ человѣка между прочимъ эмпирическими ссылками на предосторожности, предпринимаемыя нами, когда мы оставляемъ домъ нашъ, когда путешествуемъ, и ссылается на жизнь сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ и на наши международныя сношенія.

[2]) Fr. Jodl, Geschichte der Ethik etc. Kap. IV, S. 108—144.

[3]) Мы, конечно, не отрицаемъ того, что Руссо интересовался путешествіями и съ любовью изучалъ ученіе Бюффона о человѣкѣ. Онъ вѣрилъ въ вліяніе природныхъ географическихъ условій на человѣка, котораго онъ считалъ за нѣчто испоконъ вѣка высшее, обособленное отъ прочаго міра. Янсенъ опровергаетъ въ своей интересной книгѣ „J. J. Rousseau, als Botaniker. Berlin, Reimer. 1885, S. 30, 31, мнѣніе о томъ, что Руссо былъ предтечею дарвинизма. Смотри: Oeuvres compl. de J. J. Rousseau. Paris. Hachette 1879, v. I p. 84, 85, 127, 139, 141, 142, v. II p. 247.

[4]) Du contrat social ou principes du droit politique. Amst. 1762. Cap. VI.

[5]) Discours sur les sciences et les arts. 1749; Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmis les hommes. 1753; La nouvelle Héloise. 1761. Du contrat social etc. 1762. Emile, ou sur l'éducation 1762.

лизація способна загрязнить его. Нравственность не есть продуктъ разумнаго развитія человѣчества, а качество, присущее неиспорченному человѣку. Всѣ люди по природѣ равны (Гоббесъ, К. Вольфъ и др.); неравенство возникаетъ лишь въ силу неравныхъ условій развитія людей. Въ виду этого Руссо, „этотъ великій другъ человѣчества и природы“, всею силою своего пламеннаго убѣжденія проповѣдуетъ необходимость возвращенія на лоно природы; въ этомъ онъ видитъ единственное возможное исцѣленіе для человѣчества, страждущаго подъ игомъ ненормальной цивилизаціи [1]).

Мы указали уже на то, что Руссо до нѣкоторой степени находился подъ вліяніемъ Локка. Нельзя не вспомнить при этомъ, что знакомство французовъ съ Англіею и въ особенности съ положительною философскою литературою Англіи обозначаетъ совершенный переворотъ въ духовномъ развитіи Франціи [2]). Съ другой стороны извѣстныя политическія событія и, такъ сказать, историческая подготовка французовъ къ перевороту увлекли мыслителей ихъ быть можетъ несравненно далѣе, чѣмъ они сами того желали. Вспомнимъ, наконецъ, что многое изъ того, что въ настоящее время кажется безразсудной крайностью, ненужной и ни чѣмъ не оправдываемой жестокостью, совершалось въ порывѣ увлеченія, въ пылу борьбы и во всякомъ случаѣ имѣетъ въ основѣ своей чувство вполнѣ идеальное, стремленіе къ общечеловѣческому благу. Эта-то сила увлеченія и убѣжденія, которая и понынѣ поражаетъ читателя, изучающаго произведенія мыслителей, подготовливавшихъ великій переворотъ, должна была, конечно, несравненно ярче отразиться на современникахъ ихъ. Носителями этихъ идей явились между прочимъ и знаменитые путешественники, открывшіе собою новую эру въ антропологіи.

---

[1]) Э. Петри, Задачи научной географіи, стр. 594.

[2]) Jodl, l. c. S. 289.

Глава II.

Историческое развитіе антропологіи.

(Продолженіе).

Вторая эпоха великихъ географическихъ открытій.—Георгъ Форстеръ.—Гердеръ.—Классификаціи человѣческаго рода и изученіе индивидуальнаго человѣка.—Линней; Бюффонъ; Блуменбахъ; Кювье; Окенъ; Зёммерингъ.—Физіономисты и френологи.—Бэръ и Ретціусъ.—Причардъ.—Карлъ Риттеръ и Александръ Гумбольдтъ.—Старинная психологія и физіологическая психологія.—Вопросъ объ единствѣ и множественности человѣческаго рода —Изслѣдованія доисторическихъ вѣковъ.—Антропологическія общества и журналы.—Современное состояніе и современныя задачи антропологіи.

То движеніе, которое мы выше обозначили, какъ новую эру для антропологіи, и въ которомъ отразился духъ Руссо и его соратниковъ, является какъ бы повтореніемъ эпохи великихъ географическихъ открытій. Оно не имѣло ни того распространенія, ни той важности, какъ первая эпоха, но за то внушено было духомъ, чуждымъ грабежа и поэтому болѣе достойнымъ человѣчества. Мы говоримъ о томъ новомъ увлеченіи путешествіями, которое наступило послѣ столь продолжительнаго охлажденія къ подобнымъ предпріятіямъ. Отрадное исключеніе въ эту эпоху географическаго застоя (1648—1764) составляютъ, впрочемъ, русскіе, вызвавшіе „великую“ сѣверную экспедицію (1734—1743). Норденшёльдъ обозначаетъ эту экспедицію какъ „одну изъ величайшихъ географическихъ экспедицій, извѣстныхъ въ исторіи“ [1]); съ нею связаны имена Мюллера, Фишера, Гмелина, Штеллера, Крашенинникова и др. Къ изслѣдователямъ европейской и азіатской Россіи, имѣющимъ бо́льшое значеніе для народовѣдѣнія,

---

[1]) A. E. Nordenkiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Lpz. Brockhaus 1882, B. II, S. 173.

*

присоединяются впослѣдствіи Георги, Палласъ (1741—1811) и др.

Эпоху великихъ путешествій и изслѣдованій открылъ Джемсъ Кукъ (1728—1779), котораго пылкій Георгъ Форстеръ сравниваетъ съ благодѣтельнымъ героемъ древности. Онъ путешествовалъ (1768—1771) въ сопровожденіи Банкса и Соландера въ Южномъ морѣ, гдѣ ему предшествовали Дампьеръ, Бугенвиль и др. За этими путешествіями послѣдовали его еще болѣе важныя кругосвѣтныя плаванія, съ 1772—1775 (въ сопровожденіи Форстеровъ, отца и сына) и съ 1776—1779. Чтобы оцѣнить, чѣмъ обязана наука этому новому подъему географическаго интереса и чѣмъ располагали въ то время изслѣдователи человѣчества, достаточно вспомнить, помимо названныхъ уже русскихъ путешественниковъ, имена Дампьера, Шарльвуа, Лафито, Брусса, Крантца, Лаперуза, Добрицгофера, Рейнгольда и Георга Форстеровъ, Лихтенштейна, Мунго-Парка, Бори С. Венсена и др. Здѣсь у мѣста будетъ упомянуть также и о знаменитомъ основателѣ „самостоятельной нѣмецкой философіи“ [1]) Лейбницѣ (1646—1716), не мало содѣйствовавшемъ, благодаря своимъ связямъ съ сильными міра сего, научнымъ экспедиціямъ и собиранію антропологическаго матеріала [2]) и впервые группировавшемъ человѣчество по лингвистическимъ даннымъ [3]).

Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ изслѣдователей этой эпохи является упомянутый выше Георгъ Форстеръ (1754—1794), этотъ первый нѣмецкій „народный естествоиспытатель“, какъ называетъ его Молешоттъ [4]). Твореніями Форстера [5]), являю-

---

[1]) E. Zeller, Geschichte der deutschen Philosophie. München. Oldenburg. 2. Aufl. 1875, S. 67.

[2]) A. Bastian. Zur Vorgeschichte der Ethnologie. S. 8. Для русскихъ въ особенности важна иниціатива Лейбница по вопросу объ изслѣдованіи границы между Азіею и Америкою и по собиранію словарей нашихъ инородческихъ языковъ. Извѣстно, какой откликъ нашли эти мысли у Петра Великаго и какъ отнеслась къ составленію словарей Екатерина II. См. Peschel, Geschichte der Erdkunde. München, Cotta, S. 798 и 799. A. Brückner, Katharina II. Berlin. Grote, 1883. S. 593, 594.

[3]) Peschel, Geschichte der Erdkunde. S. 797 und 798.

[4]) Jakob Moleschott, G. Forster, der Naturforscher des Volks. Berlin. Hirsch. 2. Aufl. 1862, S. X.

[5]) Georg Forster's sämmtliche Schriften. 9 Bände. Leipz. Brockhaus. 1843.

щимися по слогу своему и по настоящее время однимъ изъ лучшихъ украшеній нѣмецкой литературы, начинается, по выраженію Бастіана, „новая эра научныхъ путешествій, имѣющихъ цѣлью сравнительное народовѣдѣніе и землевѣдѣніе“ [1]). Извѣстно, какое благотворное вліяніе оказалъ Форстеръ на Александра Гумбольдта. Форстеру мы обязаны установленіемъ гуманнаго взгляда на дикарей, въ возможность выживанія и обращенія къ культурѣ которыхъ онъ вполнѣ вѣритъ [2]). Но если большинство этнографическихъ и этнологическихъ работъ этого времени и отличаются большими увлеченіями, если „дѣтямъ природы льстили до обоготворенія ихъ“ [3]), то все же эта эпоха доставила наукѣ, какъ упомянуто, колоссальный матеріалъ, открывшій ей новыя и болѣе широкія точки зрѣнія на человѣчество.

На этой-то почвѣ создался цитированный уже нами [4]) глубоко-интересный, талантливый и проникнутый святою гуманностью [5]) трудъ поэта-философа Гердера (1744—1803) „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“ [6]). Этотъ трудъ не былъ оцѣненъ въ свое время [7]), главнымъ образомъ въ виду той враждебности, съ которой относилась критика къ Гердеру за неуваженіе къ столь авторитетному въ его эпоху философу Канту; за то въ настоящее время, по поводу столѣтняго юбилея этой книги, Гердера превозносили Бастіанъ [8]), Ратцель и др.

---

[1]) Bastian, Eine Saculärfeier (по поводу Ideen etc. Herder'a) Berlin 1884, S. 2.

[2]) G. Forster, Ueber die Menschenracen. Sämmtliche Schriften. B. IV, S. 304 ff. Симпатіи Форстера къ французской революціи замѣтнымъ образомъ отразились на оцѣнкѣ его личности и даже его научнаго значенія. Можно смѣло сказать, что по настоящее время не существуетъ ни одной безпристрастной біографіи Форстера. Какъ наиболѣе крайнихъ представителей въ оцѣнкѣ Форстера можно назвать знаменитаго историка Гервинуса, непомѣрно возвеличивающаго своего героя, см. G. G. Gervinus, Johann Georg Forster (Forster's sämmtliche Schriften. B. VII), а съ другой стороны современнаго ультрапатріотическаго историка Дове, злобно унижающаго и Форстера и Гервинуса: См. A. Dove, Allg. Deutsche Biographie, Lpz. Duncker. Humblot 1878, B. VII, S. 172 — 181.

[3]) Bastian, Vorgeschichte, S. 4.

[4]) См. стр. 3.

[5]) E. Zeller, Geschichte der deutschen Philosophie, S. 428. „Идеалъ Гердера была гуманность“.

[6]) 1-е изданіе 1784—91. Рига.

[7]) Bastian, Säcularfeier, S. 3.

[8]) Bastian, Eine Saculärfeier. Brl. 1884.

Создавая философію исторіи человѣчества, Гердеръ попытался поставить ее на естественную, географическую почву и начать ее съ народовъ, дающихъ намъ по настоящее время представленіе о дѣтствѣ человѣчества. И въ томъ и въ другомъ отношеніи Гердеръ оказалъ большое вліяніе на послѣдующихъ изслѣдователей, между прочимъ и на великаго создателя современной научной географіи Карла Риттера [1]).

Матеріалъ, скопленный въ годы открытія, сдѣлалъ возможными и даже необходимыми классификаціи человѣческаго рода. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы будемъ имѣть случай ближе остановиться на исторіи классификацій. Упомянемъ здѣсь, что честь опредѣленія понятія о видѣ принадлежитъ англичанину Джону Рейю (род. 1628) [2]), тогда какъ шведъ Карлъ Линней (1707—1778), несомнѣнно одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей, установилъ естественно-научную терминологію и ввелъ бинарную номенклатуру [3]).

Нашъ вѣкъ, погруженный въ микроскопическія и физіологическія изслѣдованія и чуждый интересамъ систематики [4]) привыкаетъ смотрѣть на этого великаго изслѣдователя и труженика съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на представителя далекаго прошлаго или какъ на узкаго догматика. Слѣдуетъ, однако, ближе познакомиться съ духомъ и съ исторіей созданія Линнеевскихъ идей; слѣдуетъ шире взглянуть на задачи современнаго естествознанія. Безъ сомнѣнія, правъ прекрасный знатокъ исторіи зоологіи Карусъ, говоря, что Линней „имѣетъ чрезвычайно большое и притомъ не только историческое значеніе для науки объ органической природѣ даже въ ея теперешнемъ состояніи и едва ли кто либо другой превосходитъ его въ этомъ отношеніи“ [5]). Мнѣніе о томъ, что Линней былъ „правовѣрнымъ догматикомъ“ вполнѣ опровергается тѣмъ, что онъ самъ признаетъ свою группировку органическихъ существъ искусственною; она служитъ лишь

[1]) Э. Петри. Задачи научной географіи, стр. 595.

[2]) J. V. Carus, Geschichte der Zoologie etc., S. 428—447.

[3]) Окончательно въ X изданіи Systema Naturae.

[4]) Смотри: Справедливы упреки по адресу современныхъ естествоиспытателей знаменитаго африканскаго путешественника Г. Швейнфурта, G. Schweinfurth. Ein Besuch auf Socotra. Bericht der 56. Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte. Freiburg i/B. 1884, S. 30.

[5]) J. V. Carus, Geschichte der Zoologie etc., S. 497.

пособіемъ для наблюдателя, „нитью Аріадны“ [1]). Линней различаетъ системы и методы; онъ говоритъ объ естественныхъ методахъ, противуполагая имъ искусственныя построенія, системы [2]). Родъ и классъ могутъ быть произведеніями и природы и искусства [3]). На ряду съ пресловутымъ ученіемъ о томъ, что существуетъ „столько различныхъ видовъ, сколько различныхъ формъ вначалѣ созданы были Существомъ Безконечнымъ“ [4]), мы встрѣчаемъ указанія на то, что природа не дѣлаетъ скачковъ [5]). Упомянемъ здѣсь, что эта мысль была впослѣдствіи развита швейцарцемъ Боннетомъ (1720—1793), различавшимъ какъ бы лѣстницу въ послѣдовательномъ развитіи организмовъ [6]). Извѣстный ультрадарвинистъ Гекель придаетъ, наконецъ, весьма много значенія тому, что Линней видитъ источникъ происхожденія новыхъ видовъ въ гибридизмѣ, т. е. въ образованіи ублюдковъ [7]).

Обращаясь къ человѣческому роду, Линней, какъ мы увидимъ ниже, опредѣлилъ мѣсто человѣка въ средѣ другихъ органическихъ существъ и во главѣ ихъ и установилъ такимъ образомъ научную и опытную точку зрѣнія на человѣка; помимо этого онъ распредѣлилъ человѣчество, единое по происхожденію, по расамъ, намѣтивъ при этомъ единственно вѣрный, по нашему мнѣнію, способъ классификаціи, а именно классификаціи не по одному какому нибудь болѣе или менѣе недостовѣрному признаку, а по суммѣ всѣхъ признаковъ, анатомическихъ, физіологическихъ, психологическихъ и бытовыхъ. Въ виду этого Линней является въ нашихъ глазахъ отцомъ не только современной зоологіи и ботаники, но и антропологіи [8]). Въ числѣ заслугъ

[1]) Caroli Linnaei, Philosophia botanica § 156: „Filum ariadneum Botanices est Systema, sine quo Chaos est Res herbaria“.

[2]) J. V. Carus, S. 501.

[3]) C. Linaei, Philosophie botanica, § 177.

[4]) C. Linaei, l, c. § 157 „Species tot sunt, quot diversas formas ab initio produxit Infinitum Ens“.

[5]) J. V. Carus, d. c. S. 501.

[6]) Ibid. S. 527.

[7]) E. Haeckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte. Berlin, Reimer. 1879. 7. Aufl., S. 41.

[8]) Характерно, что каждая наука получаетъ „отцовъ“ своихъ смотря по національности автора. Такъ, по Фр. Мюллеру, отецъ антропологіи нѣмецъ Блуменбахъ (Müller, Allg. Ethnographie etc., S. 2), а по Топинару, конечно, французъ Бюффонъ (Topinard, Anthropologie générale p. 32). Думаемъ, что мы не безъ основанія передали этотъ условный титулъ Линнею.

Линнея по отношенію къ антропологіи упомянемъ и то, что онъ явился иниціаторомъ цѣлаго ряда научныхъ экспедицій [1]); наконецъ, онъ самъ обогатилъ географическую и антропологическую литературу путешествіями по сѣверу своего отечества.

Продолжателемъ работъ Линнея и вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ его выступилъ талантливый ученый и блестящій стилистъ французъ Бюффонъ (1707—1788), бывшій въ принципѣ, хотя и не на практикѣ, врагомъ всякой строгой систематики. Если его идеи на счетъ общаго плана организмовъ и мало обоснованы [2]), то съ другой стороны важно отмѣтить, что Бюффонъ склонялся къ возможности измѣненія и перехода организмовъ подъ вліяніемъ географическихъ факторовъ [3]). Человѣкъ, по мнѣнію Бюффона—„произведеніе неба", тогда какъ животное—„произведеніе земли" [4]); человѣкъ строго выдѣляется изъ среды животныхъ, хотя разстояніе между негромъ и обезьяной невелико [5]). Весьма цѣнны съ исторической точки зрѣнія, хотя отнюдь и не съ фактической, указанія Бюффона на измѣненіе человѣка подъ вліяніемъ географическихъ факторовъ, среди которыхъ онъ различаетъ: климатъ, пищу и нравы [6]).

На почвѣ естественно-научной быстро выростала одна антропологическая работа за другой. И. Ф. Р. Блуменбахъ (1752—1840) составилъ несомнѣнную эпоху своими „de generis humani varietate nativa" 1775, и „Decades craniorum diversarum gentium" 1790—1820, 1828. Благодаря Блуменбаху, въ антропологическихъ отличіяхъ расъ, къ сожалѣнію, стали преобладать признаки внѣшніе; разработывая свои си-

[1]) По иниціативѣ Линнея совершили путешествія: Терштрёмъ въ восточную Индію, Кальмъ въ сѣверную Америку, Лёффлингъ въ южную Америку, Газеквистъ въ Малую Азію, Палестину и Египетъ, Форскаль въ Аравію, Тунбергъ въ Японію, Осбекъ въ Китай, Роландеръ въ Суринамъ, Спарманъ въ Капландію, Соландеръ въ Южное море, Монинъ къ полюсамъ и т. д.

[2]) J. V. Carus, l. c. S. 525.

[3]) Ibid. S. 524.

[4]) Топинаръ (Anthropologie générale, ch. II), чрезвычайно горячо защищающій Бюффона отъ упрековъ въ противорѣчіяхъ (p. 41), увѣряетъ, что это сказано Бюффономъ лишь въ виду страха передъ духовенствомъ, p. 41. Въ другомъ мѣстѣ Бюффонъ опредѣляетъ человѣка, какъ существо разумное, тогда какъ животное лишено разума, p. 44.

[5]) Topinard, l. c. p. 43.

[6]) Ibid. p. 45, 46, 47.

стемы. Блуменбахъ, однако, дошелъ до измѣренія череповъ и въ виду этого является иниціаторомъ положительныхъ методовъ въ антропологіи. Благодаря Блуменбаху, человѣкъ опять получилъ свое мѣсто среди членовъ природы, открывая собою рядъ млекопитающихся какъ inermis = безоружный.

На ряду со многими другими изслѣдователями этой эпохи, мы упомянемъ о Кювье (1769—1832), авторитетномъ и деспотичномъ, но несомнѣнно высоко-талантливомъ изслѣдователѣ, долго тормозившемъ науку своими ученіями о постоянствѣ видовъ; о геніальномъ, хотя фантастическомъ Окенѣ (1779 — 1851), связавшемъ человѣка въ своей вѣщей „Naturphilosophie“ [1]) дивной цѣпью соотношеній и параллелей со всей природой; о Зёммерингѣ (1755—1830) [2]), долголѣтнемъ другѣ Георга Форстера, прославившемся своей анатоміей негровъ и отмѣтившимъ, между прочимъ, какъ важный антропологическій признакъ, болѣе или менѣе центральное положеніе большой затылочной дыры, сильно отступающей у обезьяны назадъ. Вспомнимъ, наконецъ, о талантливомъ датскомъ художникѣ-анатомѣ Петрѣ Камперѣ [3]), обратившемъ вниманіе антропологовъ на такъ называемый „лицевой уголъ“ (см. часть II, гл. 2) и на расовую разность въ строеніи таза. Остроумный Лафатеръ попытался возвести въ науку тѣ физіогномическія впечатлѣнія, которыми болѣе или менѣе обладаетъ каждый изъ насъ; но его откровенія также мало поддавались точной наукѣ, какъ и попытки основателя френологіи Галля (1758—1828) создать физіогномику интеллектуальныхъ силъ, по предполагаемымъ отраженіямъ ихъ въ строеніи черепа.

Болѣе разумное и научное направленіе приняло изученіе череповъ благодаря знаменитому эмбріологу К. Э. фонъ-Бэру, симпатичную, хотя и забытую въ настоящее время „Антропологію“ котораго мы уже цитировали [4]). Опредѣленныя формы

[1]) Lorenz Oken, Lehrbuch der Naturphilosophie. Jena 1809.

[2]) Sömmering, Ueber die körperliche Verschiedenheit des Europäers vom Neger. Frankfurt u. Leipzig 1785. См. также R. Wagner, Sömmerings Leben u. Verkehr. Leipzig 1844.

[3]) Peter Camper, Ueber den natürlichen Unterschied der Gesichtszüge. Berlin 1792.

[4]) См. стр. 2. K. E. v. Baer und R. Wagner, Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen in Göttingen. Leipzig. Voss. 1861. K. E. v. Baer. Crania selecta. Изд. Имп. Акад. наукъ. СПБ. 1859 г.

получило изученіе череповъ, однако, уже благодаря шведскому анатому А. Ретціусу (1796 — 1860), установившему (1842 и далѣе) основные типы череповъ [1]), долихоцефальные и брахицефальные (длинно и широко-головые), и открывшему этимъ эру безконечныхъ, хотя до сихъ поръ все еще болѣе или менѣе безрезультатныхъ измѣрительныхъ работъ.

Въ 1813 году появился знаменитый трудъ англичанина Причарда (1786—1848)—„Естественная исторія человѣка“ [2]), первый общій обзоръ племенъ на почвѣ естественно-научной. Эта работа послужила прообразомъ многихъ другихъ общихъ обзоровъ человѣчества. Надъ выясненіемъ тѣхъ законовъ, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ и развивается человѣчество, трудилися, наконецъ, и Карлъ Риттеръ (1779—1859), основатель „землевѣдѣнія“, поставившій девизомъ своихъ изслѣдованій ту мысль, что „страна вліяетъ на жителей, жители на страну“ [3]). Риттеръ изучаетъ судьбы человѣчества въ зависимости отъ строя и свойства почвы, отъ орошенія и растительнаго покрова. Онъ училъ, что вліяніе природы слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ человѣкъ крѣпнетъ въ своей культурѣ [4]). Весьма важно также его указаніе на то, что природа вліяетъ несравненно интенсивнѣе на массы, чѣмъ на единичную личность. „Здѣсь, такъ сказать, массы вліяютъ на массы, и индивидуальность народа подавляетъ собою индивидуальность единичнаго человѣка“ [5]). Много обязяна наша наука точно также и великому Александру Гумбольдту (1769—1859), одному изъ универсальныхъ и величайшихъ естествовѣдовъ нашего вѣка [6]). Бастіанъ указываетъ на то [7]), какъ человѣческій элементъ всегда и всюду привлекалъ на себя вниманіе Гумбольдта; онъ называетъ Гумбольдта не только основателемъ сравнительнаго метода [8]), но

---

[1]) Anders Retzius, Ethnologische Schriften. Stockholm 1864.

[2]) James Cowles Prichard, Natural history of man. London 1813.

[3]) C. Ritter, Europa. Frankfurt a/M. 1804, B. 1, S. VI.

[4]) C. Ritter, Ueber das historische Element in den geographischen Wissenschaften. Brl. Akademie der Wissenschaften 1834, S. 12 f. См. также C. Ritter Ueber die räumliche Anordnung auf der Aussenseite des Erdballs und ihre Funktionen im Entwickelungsgange der Geschichte. Brl. Akademie der Wissensch. 1850.

[5]) C. Ritter, Einleitung zur Allg. vergl. Erdkunde. Berlin 1852, S. 5.

[6]) О значеніи Гумбольдта и К. Риттера для научной географіи см. Э. Петри, Задачи научной географіи, стр. 595—598.

[7]) A. Bastian, Festrede zur Humboldtfeier. Brl. Wiegandt u. Hempel 1869, S. 14.

[8]) Bastian, l. C. S. 12.

приписываетъ ему также правильную постановку этнологіи и выясненіе ея значенія для „философіи исторіи“ [1]).

Ученіе о человѣкѣ пріобрѣтало, какъ мы уже видѣли, постепенно все болѣе и болѣе прочную естественно-научную основу; но старая философская школа не покидала своей излюбленной „пнейматическо-психологической антропологіи“ [2]). Въ сущности „Прагматическая антропологія“ знаменитаго кёнигсбергскаго мыслителя Канта (1724 — 1804) не представляетъ ничего иного, какъ весьма популярную психологію и довольно поверхностную характеристику нѣкоторыхъ національностей [3]). Вспомнимъ, наконецъ, что еще въ 1852 году Шмидтъ писалъ объ „Антропологіи Новаго Завѣта или Христѣ“, а въ 1856 году Эммануилъ Германнъ Фихте издалъ подъ заглавіемъ „Антропологія“ психологію, выдержавшую три изданія.

Но возвращеніе вспять не было уже возможнымъ. Страшное саморазложеніе философіи, иниціаторами котораго явились сами же философы, представители крайней лѣвой школы Гегеля, лишили средневѣковствующихъ философовъ послѣдней опоры.

Людвигъ Фейербахъ (1804—1872), этотъ пылкій проповѣдникъ вѣры въ человѣка [4]), соединилъ философію съ антропологіей. „Новая философія, восклицаетъ онъ [5]), дѣлаетъ человѣка совокупно съ природою, какъ основы человѣка, единственнымъ универсальнымъ и высшимъ предметомъ философіи; антропологія, слѣдовательно, совокупно съ физіологіею становится универсальною наукою“.

Казалось, что духовная жизнь человѣка сдѣлалась достояніемъ естествоиспытателей. „Реформаторъ физіологіи“ Іоганнъ

[1]) Bastian, l. c. S. 18. Смотри также O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde. Leipzig. Duncker und Humblot. 1877. S. 351 ff.

[2]) J. Kant, Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Königsberg. 1798.

[3]) Упомянемъ хотя бы о томъ, что Кантъ отрицаетъ за англичанами какой бы то ни было выраженный характеръ въ виду доступности ихъ острова и смѣшанности населенія. Англичане не имѣютъ характера; они лишь представляются, что имѣютъ таковой. Мы цитируемъ по 4-му изданію. Lpz. 1833. Hrsgb. von Herbart. S. 294.

[4]) „Богъ былъ моей первою мыслью, разумъ второю, человѣкъ третьею и послѣднею“, говоритъ Фейербахъ. Къ нему вполнѣ можно примѣнить прелестное замѣчаніе Арнольда Руге, что нѣмцы все возводятъ въ религію, даже атеизмъ.

[5]) L. Feuerbach, Grundsätze der Philosophie der Zukunft. Zürich. 1843. S. 81, § 55.

Мюллеръ (1801—1858)[1]) поставилъ одною изъ тезъ своей диссертаціи положеніе: „Psychologus nemo nisi physiologus“ [2]). Колоссальный подъемъ естественныхъ наукъ, великія открытія, слѣдовавшія необычайно быстро одно за другимъ, осуществляли, повидимому, самыя смѣлыя надежды. Со временемъ, однако, пришлось покинуть не мало убѣжденій, воспринятыхъ въ періодъ господства матеріализма; не мало разочарованія представитъ собою, по всему вѣроятію, и современная френологія, выражающаяся въ излишне-самоувѣренной локализаціи психическихъ отправленій въ мозгу. Едва-ли, однако, мыслимо, чтобы психологія когда нибудь могла быть сдвинута съ той естественно-научной почвы, на которой она стоитъ въ настоящее время [3]).

Анатомія и физіологія, дальнѣйшую исторію которыхъ, какъ она ни блестяща и увлекательна, мы должны здѣсь оставить въ сторонѣ, въ настоящее время не только вполнѣ обособились и развились, но именно этимъ развитіемъ своимъ и подготовили благодарную почву для изученія человѣка и человѣчества.

Существовали, однако, и другія силы, способствовавшія тому, чтобы дѣло изученія человѣка съ успѣхомъ подвинулось впередъ. Споръ о томъ, едино-ли человѣчество, или же оно распадается на нѣсколько расъ, отличныхъ другъ отъ друга уже по происхожденію своему, вновь пріобрѣлъ необычайный и къ тому же совершенно практическій жизненный интересъ. Мы упоминали уже о томъ, какъ въ ту замѣчательную эпоху, когда европейцы впервые сознали себя властителями безчисленныхъ чуждыхъ странъ и народовъ и когда новымъ открытіямъ, казалось, не предвидѣлось конца, совершенно естественно возникла мысль, что чуждыя племена чужды европейцамъ по самой природѣ своей. Эта мысль, повидимому, оправдывала всѣ безчеловѣчныя излишества европейцевъ того времени.

Идеи Парацельза и Перейры, собственно говоря, ни-

---

[1]) E. du Bois-Reymond, Reden. 2-te Folge. Lpz. Veit. 1887. Johannes Müller, S. 212—224, 278—287.

[2]) „Психологомъ не можетъ быть никто иной, какъ физіологъ“.

[3]) Мы имѣемъ въ виду психологію, стоящую хотя бы на почвѣ Физіологической Психологіи Вундта (W. Wundt, Physiologische Psychologie. Lpz. Engelmann, 2 Aufl. 1880.

когда не забывались ни въ практической жизни, ни въ наукѣ. Защитниками этихъ идей являются Рей, Вире, Борю-Санъ-Венсенъ, Демюленъ, Рудольфи и др.[1]). Но у американцевъ и въ борьбѣ рабовладѣльцевъ противъ аболиціонистовъ это ученіе вступило на практическую почву и явилось вполнѣ выработаннымъ. Главными представителями этого ученія нужно считать Нотта и Глиддона, работавшихъ подъ вліяніемъ извѣстнаго краніолога Мортона[2]). Американская практичность и энергія поставили вопросъ объ единствѣ или множественности человѣческаго рода съ рѣзкостью почти невѣроятною. Негры не считались людьми; подъ страхомъ денежной пени въ 200 долларовъ воспрещалось обучать ихъ грамотѣ[3]); ихъ лишали права посѣщать христіанскіе храмы[4]). Не мудрено, что подобныя крайности вызывали протесты не только гуманныхъ идеалистовъ, но и всѣхъ здравомыслящихъ людей; эти крайности послужили поводомъ къ страшной борьбѣ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ и къ окончательному пересозданію великой заатлантической республики. Но мысль о неравенствѣ человѣческихъ расъ пережила эту борьбу; она нашла себѣ откликъ какъ въ противникахъ дарвинизма (Агасси), такъ и въ пылкихъ ультрадарвинистахъ, искавшихъ переходныя звенья отъ человѣка къ животному въ такъ называемыхъ первобытныхъ народахъ (Карлъ Фогтъ).

Съ другой стороны, однако, ни въ наукѣ, ни въ практической жизни не умирала идея единства человѣческаго рода,— идея, ясно формулированная уже въ христіанствѣ и научно обоснованная Линнеемъ, Кювье, Блуменбахомъ, Причардомъ, Іог. Мюллеромъ, Александромъ Гумбольдтомъ, Ламаркомъ, Дарвиномъ и многими другими. Въ настоящее время ученіе объ единствѣ человѣческаго рода можетъ считаться почти безусловно господствующимъ въ наукѣ.

---

[1]) Topinard, Anthropologie générale, p. 53—54.

[2]) Types of Mankind or ethnological researches etc. by J. C. Nott and G. R. Gliddon, Philadelphia 1854, Indigenous Races of the earth or new chapters of ethnological inquiries by J. C. Nott and G. R. Gliddon, Philadelphia 1868. S. G. Morton, Crania Americana, Philadelphia 1839; его-же: Crania Egyptiaca. Philadelphia 1844.

[3]) E. O. Hopp, Bundesstaat und Bundeskrieg in Nordamerika. Berlin. Grote 1885, 1886, S. 520.

[4]) E. O. Hopp, l. c. S. 518.

благодаря трудамъ Катрфажа, Бэра, Вирхова, Кольмана, Ранке и др. [1]).

Наконецъ вопросъ о человѣкѣ, о происхожденіи, положеніи въ мірѣ и конечныхъ задачахъ его, пріобрѣлъ особый интересъ, благодаря тому, что настоящее столѣтіе подарило намъ новую науку, а именно, науку о доисторическихъ вѣкахъ человѣка,—„палеонтологію человѣка", какъ остроумно выразился Серръ [2]). Мало привлекательны для непосвященныхъ первые слѣды человѣка на землѣ — эти полуистлѣвшія кости, болѣе или менѣе жалкія каменныя, роговыя, деревянныя или металическія орудія и оружія, разбитые черепки посуды и т. д. Но эти ничтожные остатки получаютъ дивную жизнь при магическомъ прикосновеніи науки. Они слагаются, они сцѣпляются въ странныя картины и мы узнаемъ въ нихъ зачатки человѣческаго рода и его культуры. Не даромъ Дю-Буа-Реймонъ говоритъ, что доисторическая исторія человѣка зачастую заманчивѣе настоящей исторіи его [3]).

Вниманіе ученыхъ къ доисторическимъ изслѣдованіямъ привлекли впервые находки Буше-де-Перта въ долинѣ рѣки Соммы у Амьена и Абевилля въ 1838 году [4]). Эти находки были признаны, какъ дѣйствительные слѣды доисторическаго человѣка лишь въ 1863 году, но это признаніе ихъ выяснило не только значеніе прежнихъ находокъ д-ра Шмерлинга въ Бельгіи (въ 1829 году и далѣе) и другихъ предшественниковъ Буше-де-Перта, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ безконечному ряду новыхъ работъ въ области доисторическихъ изслѣдованій [5]). Совершенный переворотъ произвели открытія свайныхъ построекъ въ Швейцаріи (1853 — 1854), развернувшихъ предъ нами новый міръ, полный жизни

---

[1]) A. de Quatrefages, Das Menschengeschlecht. Lpz. Brockhaus. 1878, B. I, S. 102: „существуетъ лишь одинъ видъ людей, если принять слово видъ или species въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно прилагается къ міру растеній и животныхъ". О взглядахъ современныхъ ученыхъ на единство человѣческаго рода см. Johannes Ranke, Der Mensch. Leipzig. Bibliographisches Institut. 1887, B. II, S. 231 ff.

[2]) Serres, Notes sur la paléontologie humaine. Compte rendu Académie. V. XXXVII. p. 518.

[3]) E. du Bois-Reymond, Reden etc. 2 Folge, S. 454.

[4]) Boucher de Perthés, Antiquités celtiques et antedeluviennes V. I. 1847

[5]) Raeber, Urgeschichte der Menschen, Lpz. Vogel 1884, B I, S. 22.

и интереса и освѣтившихъ жизнь доисторическую ярче всѣхъ другихъ находокъ.

Отвѣты, которые ожидались отъ доисторическихъ находокъ, были таковы, что ученые набросились на доисторическую науку съ такимъ увлеченіемъ, „какъ будто бы она и составляла всю антропологію“ [1]). Въ своемъ увлеченіи ученые, казалось, забыли, что завѣса, покрывающая наше прошлое, лишь только начинаетъ подниматься, что въ доисторическомъ отношеніи не изслѣдована даже вся Европа, не говоря уже о другихъ материкахъ, которые болѣе Европы заслуживали бы чести считаться прародиною человѣчества.

Повидимому, данныя этой вновь открытой доисторической науки, въ связи съ смѣлыми идеями великаго естествоиспытателя Чарльза Дарвина (1809 — 1883) этого „Коперника органическаго міра“ [2]), и съ еще болѣе смѣлыми откровеніями его учениковъ, ультрадарвинистовъ, въ связи, наконецъ, съ указаннымъ подъемомъ естественныхъ наукъ, открыли человѣку всѣ основныя загадки антропологіи. Разрѣшены были вопросы о томъ, откуда и куда идетъ человѣкъ (Л. Бюхнеръ), какова родословная его, каковы тѣ звенья, которыя его непосредственно соединяютъ съ животнымъ міромъ и какими путями разсѣялся онъ по лицу земли, выйдя изъ своей, исчезнувшей въ настоящее время прародины, Лемуріи (К. Фогтъ, Э. Гекель).

Но время этихъ увлекательныхъ крайностей миновало; извѣстное разочарованіе не заставило себя ждать. Результатомъ этого охлажденія было разумное сознаніе того, что необходимо собрать по возможности обширный антропологическій матеріалъ, прежде чѣмъ разрѣшать эти тяжкіе вопросы.

Успѣхъ собиранія и изученія этого матеріала обезпеченъ тѣмъ, что интересъ къ нашей наукѣ вполнѣ установился. Антропологія признана за науку, обладающую чрезвычайною важностью; она имѣетъ своихъ университетскихъ представителей и располагаетъ цѣлымъ рядомъ дѣятельныхъ органовъ, обогащающихъ ея сокровищницы.

---

[1]) Schaffhausen, Bedeutung und Erfolge d. Anthropologie, Correspondenzblatt d. deutschen Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte XIV, № 9, S. 66.

[2]) E. du Bois-Reymond. Reden etc., S. 497.

Благодаря иниціативѣ Эдварса и Тьери, во Франціи создалось дѣятельное антропологическое общество. Письмо Эдварса къ Тьери,—письмо, имѣвшее цѣлью выяснить задачи и объемъ науки о человѣкѣ, собрать звенья этой науки и указать „на соединеніе исторіи человѣка съ физіологіей“ [1]).—является „началомъ къ образованію общества“ „Société d'Ethnologie“, возникшаго въ 1839 году. Это общество, имѣвшее первыми представителями своими Эдварса, д'Авезака, Ленормана, замѣнило собою замершее уже „Societé des observateurs de l'homme“ [2]); оно выставило какъ одну изъ своихъ задачъ собираніе коллекцій и подготовку путешественниковъ-изслѣдователей. Въ Англіи изъ „Society for the protection of the aborigenes“, оказавшейся безсильной въ борьбѣ съ рабовладѣльческими предразсудками [3]), создался въ 1842 году знаменитый „Anthropological Institute“; въ томъ же году зародилось „Americain Ethnological Society“; въ 1859 году „Societé d'Anthropologie de Paris“ по иниціативѣ Брока; въ 1861 году лондонское „Ethnological Society“; въ 1870 году „Deutsche Gesellschaft für Anthropologie“ [4]) и „Wiener Anthropologische Gesellschaft“ и т. д.

Важнымъ симптомомъ жизненной силы нашей науки являются также и антропологическіе конгрессы, изъ которыхъ первый состоялся по идеѣ Бэра въ 1861 году въ Гёттингенѣ [5]); за этимъ конгрессомъ послѣдовали другіе, еще болѣе интернаціональнаго характера: въ 1866 году въ Нейшателѣ, въ 1867 году въ Парижѣ, въ 1868 году въ Норвичѣ, а затѣмъ въ Копенгагенѣ, въ Болоньѣ, въ Брюсселѣ, въ Стокгольмѣ и т. д.

Замѣтимъ, наконецъ, что наша наука въ настоящее время располагаетъ цѣлою фалангою прекрасныхъ литературныхъ органовъ, вродѣ „Journal of the anthropological Institute“.

---

[1]) Bastian, l. c. S. 17.

[2]) Создалось въ 1800 году.

[3]) По иниціативѣ Бэкстона въ 1838 году.

[4]) Нѣмецкое антропологическое общество отличается чрезвычайной энергичной дѣятельностью, но, конечно, не потому, что оно открылось перваго Апрѣля, „т. е. въ день рожденія возобновителя нѣмецкой націи и нѣмецкаго государства, князя Бисмарка“, какъ увѣряетъ нѣкій Dr. Hoffmeister въ своей „Völkerkunde“, Berlin. Kogge und Fritze. 1883. Книжонка эта представляетъ, впрочемъ, лишь жалкій плагіатъ „Völkerkunde“ Пешеля.

[5]) K. E. v. Baer und R. Wagner. Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen in Göttingen. Leipzig. Voss. 1861.

„Archiv für Anthropologie“, „Zeitschrift für Ethnologie“, „Zeitschrift für Völkerpsychologie“, „Mittheilungen der Wiener Anthropologischen Gesellschaft“, „Internationales Archiv für Ethnographie“, „Bulletins et mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris“, „Journal d'Ethnographie“, „Revue d'Anthropologie“. Много цѣннаго матеріала дали публикаціи музеевъ антропологическихъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Вашингтонѣ и т. д. Упомянемъ здѣсь также о весьма цѣнныхъ „Запискахъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ и объ „Извѣстіяхъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ шаговъ къ успѣшному изученію человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ современныхъ стремленій нашей науки является устроеніе антропологическихъ музеевъ. Починъ этому великому дѣлу далъ извѣстный путешественникъ по Японіи фонъ Зибольдъ своимъ открытымъ „lettre sur l'utilité des Musées Ethnographiques“ (1843), направленнымъ къ Жомару, столь много потрудившемуся надъ созданіемъ этнографическаго музея въ Парижѣ. Весьма важно также указаніе въ отвѣтѣ Жомара на то, что „быть можетъ уже не много времени остается для собиранія остатковъ прошлаго, которые разсѣеваются и исчезаютъ безвозвратно“ [1]).

Съ того времени создался рядъ музеевъ [2]), успѣшно воспользовавшихся новымъ подъемомъ географическихъ изслѣдованій, объектами которыхъ является, главнымъ образомъ, Африка, Океанія и нѣкоторыя части Азіи.

Богатыми музеями въ настоящее время обладаютъ Берлинъ [3])

---

[1]) Bastian, Zur Vorgeschichte u. s. w., S. 20.

[2]) Любопытны указанія на исторію музеевъ, на то какъ они возродились изъ „раритетныхъ кабинетовъ подобно театру изъ арлекинады“. Bastian, S. 45 ff., S. 125 ff.

[3]) Берлинскій музей, благодаря энергіи директора его Бастіана, въ самое короткое время сталъ богатѣйшимъ музеемъ въ мірѣ. Едва ли мыслима конкуренція съ нимъ въ виду быстраго исчезновенія антропологическихъ сокровищъ. Энергичный собиратель, капитанъ Якобсенъ, лично передавалъ намъ, что во вторую свою экспедицію къ сѣверо-западнымъ побережьямъ Сѣверной Америки онъ не находилъ уже и доли того, что ему представлялось въ первую экспедицію. Значительныя богатства хранятся въ нашей Академіи Наукъ и въ нѣкоторыхъ другихъ петербургскихъ музеяхъ (въ Географическомъ Обществѣ, въ Таможенномъ и Морскомъ музеяхъ). Музеи наши располагаютъ рѣдчайшими предметами изъ эпохи великихъ русскихъ кругосвѣтныхъ плаваній. Нечего говорить

Парижъ, Лондонъ, Вѣна, Лейпцигъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ, С.-Петербургъ, Москва, Лейденъ, Роттердамъ, Римъ, Флоренція, Мадридъ, Лиссабонъ, Брюссель, Дрезденъ, Мюнхенъ, Вашингтонъ и т. д.

Такимъ образомъ наша наука представляетъ въ настоящее время зданіе, выяснившееся въ главныхъ формахъ своихъ.

Мы указали уже выше на то, въ какой высокой степени развились и расширились отдѣлы нашей науки, изучающіе индивидуальнаго человѣка. Мы отмѣтили, что анатомія и физіологія достигли полной самобытности, и что психологія вступила въ настоящее время на свою естественную почву и будетъ развиваться на ней, вѣроятно, болѣе плодотворно, чѣмъ до сихъ поръ [1]).

Но широчайшее развитіе получила и „наука о человѣчествѣ", и тутъ мы можемъ съ гордостью оглянуться на ряды блестящихъ работъ и знаменитыхъ работниковъ. Соматическая антропологія нашла себѣ наиболѣе энергичныхъ послѣдователей среди французской школы [2]) въ лицѣ основателя этой школы Брока [3]), бельгійца Кетле, Катрфажа, Гами, Топинара и др. Англійская школа по преимуществу выдалась изслѣдованіями труднѣйшихъ этнологическихъ и соціологическихъ вопросовъ, увѣковѣчившихъ имена Тайлора, Леббока, Мэна, Макъ-Ленана и американца Моргана. Здѣсь же слѣдуетъ

о томъ, что устроеніе и сгруппированіе этихъ богатѣйшихъ матеріаловъ является дѣломъ въ высшей степени желательнымъ. Мы думаемъ, впрочемъ, что Россія должна стремиться не столько къ созданію музея универсальнаго, всемірнаго, на подобіе Берлинскаго, сколько къ тому, чтобы имѣть музей народовъ Россіи. При томъ необычайномъ разнообразіи племенъ, которымъ отличается Россійская Имперія и по которому она можетъ сравниться развѣ только съ населеніемъ Англійской Имперіи, этотъ музей былъ бы не менѣе колоссаленъ и драгоцѣненъ въ научномъ отношеніи, чѣмъ музей Берлинскій; но кромѣ того, онъ, какъ отраженіе жизни обитателей нашего отечества, имѣлъ бы громаднѣйшее государственное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что эта достойная задача вполнѣ выполнима, если вспомнить быстрое созданіе музея Берлинскаго или же основаніе столь богатаго въ настоящее время Лейпцигскаго музея въ 1873 году на частныя средства. Ядромъ къ основанію „Museum für Völkerkunde" въ Лейпцигѣ послужило частное собраніе извѣстнаго историка культуры Клемма, а въ 1885 году Лейпцигъ былъ уже въ состояніи пріобрѣсть знаменитый гамбургскій музей Годфруа.

[1]) Къ этому воззрѣнію приходитъ даже К. Шмидъ въ своей, впрочемъ, весьма поверхностной „Antrhopologie". B. I, Einleitung und Geschichte der Anthropologie. Dresden. Ehlerman. 1865, S. 297, 298.

[2]) Bastian, Zur Vorgeschichte etc., S. 37, 38, 41.

[3]) Dictionnaire des sciences anthropologiques. Paris. Doin. p. 100.

упомянуть о попыткахъ, пока, впрочемъ, еще мало установленныхъ, создать цѣлыя соціологическія системы не на почвѣ утопической или теоретической, которой придерживались мыслители и мечтатели первыхъ десятилѣтій нашего столѣтія, а на реальной почвѣ изученія первичныхъ ступеней развитія человѣчества. (Г. Спенсеръ). Въ области упомянутыхъ вопросовъ трудились и трудятся также ученые другихъ національностей, французъ Летурно, нѣмецъ Постъ, русскіе: Зиберъ, Ковалевскій, Кулишеръ и др. Нѣмецкая школа дала рядъ важнѣйшихъ сочиненій по народовѣдѣнію, совокупивъ внѣшнее описаніе народовъ съ изученіемъ ихъ внутренней жизни. Чтобы показать, что сдѣлано нѣмецкими учеными въ этомъ отношеніи, достаточно упомянуть классическое сочиненіе Вайтца, „Anthropologie der Naturvölker. Lpz. 1853—1873, I-й т. во второмъ изданіи, и VI-й т. обработаны Герландомъ), „Völkerkunde“ Пешеля, и „Allgemeine Ethnographie“ Фр. Мюллера. Весьма основательно разработанъ нѣмецкими и сѣверогерманскими учеными Нильсономъ, Томсономъ, Стенструпомъ, Ворсэ, Монтеліусомъ, Келлеромъ, Вирховымъ, Ранке и многими другими вопросъ о доисторическомъ человѣкѣ. Заслугой нѣмецкой школы является, наконецъ, еще и то, что она углубилась въ интересную, хотя и трудную область сравнительнаго изученія психики народовъ, имѣя въ данномъ случаѣ руководителемъ своимъ талантливаго и необычайно многосторонняго А. Бастіана[1]). Къ этой же области примыкаетъ, какъ въ примѣненіи своемъ къ изученію духовной жизни народовъ, такъ и къ описательной характеристики ихъ, сравнительное языковѣдѣніе, впервые установленное съ философскою широтою мысли Фр. Шлегелемъ и В. Гумбольдтомъ и разрабатываемое нынѣ Фр. Мюллеромъ, Штейнталемъ, Паулемъ и другими[2]).

Таково въ общихъ чертахъ положеніе нашей науки. Она слагается и крѣпнетъ. Настало ли, однако, время для того, чтобы закончить и увѣнчать это зданіе? Какъ мы уже указали выше, современная антропологія стремится болѣе къ

---

[1]) J. Happel, Ueber die Bedeutung der völkerpsychologischen Arbeiten. Bastians, Zeitschrift für Völkerpsychologie, XVII B. H. 1, S. 1—20.

[2]) Къ классификаціи народностей лингвистическія данныя примѣнены были д'Омаліусомъ д'Аллуа и Латамомъ.

собиранію, чѣмъ къ упорядоченію матеріаловъ. Маститый вожакъ нѣмецкой школы антропологовъ А. Бастіанъ энергично повторяетъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, что „упорядоченіе матеріала придетъ само собою, на все есть время. Если же зданіе объято пламенемъ, какъ это можно сказать про этнологію быстро исчезающихъ первобытныхъ народовъ, то необходимо обладать исключительно выгодными психологическими задатками, чтобы самодовольно и невозбранно забавляться полировкою и чисткою, тогда какъ необходимо прежде всего поспѣшно спасать то, что еще могло остаться“ [1]).

Мы лично вполнѣ сознаемъ, что не настало еще время для проведенія строгой системы антропологіи. Многіе вопросы антропологіи до сихъ поръ не выяснены; массы сырого матеріала съ трудомъ поддаются обработкѣ, но не смотря на это и не смотря на вѣскія предостереженія Бастіана, мы считаемъ необходимымъ подвести до нѣкоторой степени итогъ тому, что сдѣлано въ настоящее время по антропологіи.

Самъ Бастіанъ чувствуетъ необходимость того, чтобъ антропологи отъ времени до времени оглядывались на пройденный ими путь: онъ допускаетъ: „что въ нѣкоторыхъ областяхъ этнологіи работа идетъ столь успѣшно, что продолжись она еще нѣсколько лѣтъ, возможно будетъ систематически расположить матеріалъ съ тѣмъ, чтобы приблизительно оглянуться“ [2]).

Мы думаемъ, что подобные систематическіе обзоры не только полезны, но даже крайне необходимы. Только путемъ критической разработки матеріаловъ возможно опредѣлить существенные пробѣлы ихъ, возможно дать руководящую нить трудящимся на поприщѣ изученія человѣка. На послѣдующихъ страницахъ мы не разъ будемъ имѣть случай указывать, на сколько ошибочны и на сколько не полны наблюденія путешественниковъ, сдѣланныя съ предвзятой идеей или еще чаще безъ всякой идеи. Антропологу необходимо знать, что и какъ собирать, что и какъ разрабатывать, иначе онъ потеряется въ массѣ сырого и зачастую противорѣчиваго матеріала, иначе онъ упуститъ существенное, гоняясь за блестящими мелочами.

---

[1]) Bastian, Zur Vorgeschichte, S. 28.

[2]) Bastian, Die Seele indischer und hellenischer Philosophie etc., S. 120.

Глава III.

Система антропологіи.

Опредѣленіе антропологіи съ точки зрѣнія школъ французской, англійской, нѣмецкой.— Сложность задачъ антропологіи.—Антропологія индивидуальнаго и соціальнаго организма.— Антропологія индивидуальнаго организма: анатомія, физіологія, психологія.— Антропологія соціальнаго организма: этнографія, этнологія и соціологія.—Значеніе антропологіи.— Отношеніе антропологіи къ вспомогательнымъ наукамъ, географіи и исторіи.— Значеніе первобытнаго человѣка для антропологіи.

Мы видѣли, какъ складывалась антропологія, наука о человѣкѣ, и мы должны были признать, что эта наука въ настоящее время вполнѣ проявила свою жизненную правоспособность.

Эта великая наука о человѣкѣ носитъ имя антропологіи. Въ этомъ согласны, несмотря на всю шаткость антропологической терминологіи и не смотря на всю противорѣчивость систематизаціи отдѣльныхъ областей нашей науки, большинство авторитетныхъ ученыхъ.

Къ столь широкому опредѣленію антропологіи пришла даже французская школа, достигшая, какъ упомянуто, наивысшаго совершенства въ изученіи человѣка въ соматическомъ отношеніи. Въ 1838 г. Сэрръ былъ сдѣланъ профессоромъ „антропологіи или естественной исторіи человѣка“ при парижскомъ музеѣ. Въ 1839 г. Эдварсъ опредѣлилъ антропологію какъ науку о человѣкѣ въ физическомъ и психологическомъ отношеніяхъ. По словамъ Брока антропологія — „наука, имѣющая своимъ объектомъ группу человѣкъ и изучающая ее, какъ цѣлое, въ частностяхъ и въ отношеніяхъ ея къ прочей природѣ“ [1]),

---

[1]) Broca. Diction. encycl. des sciences médicales. Paris 1866. v. 5, P. I, p. 276.

или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, антропологія— естественная исторія человѣка, включая сюда и духовную и общественную жизнь [1]). Другой вожакъ французской школы антропологовъ Катрфажъ, опредѣливъ антропологію, какъ естественную исторію человѣка, замѣчаетъ, что „изучая различныя группы людей, антропологи должны заниматься не только человѣкомъ съ физической точекъ зрѣнія: человѣкъ съ духовной и нравственной точки зрѣнія въ свой чередъ требуетъ такого же вниманія“ [2]). Точно также Топинаръ учитъ, что антропологія есть „вѣтвь естественной исторіи, занимающаяся человѣкомъ и человѣческими расами“ [3]); антропологія въ тѣсномъ смыслѣ слова можетъ быть названа соматической. Хотя самъ Топинаръ въ своихъ работахъ является почти исключительно соматологомъ, но издаваемый имъ прекрасный журналъ „Revue d'Anthropologie“ ведется въ весьма широкомъ духѣ. Еще опредѣленнѣе эта обширность задачъ выражается въ извѣстномъ антропологическомъ словарѣ французской школы [4]).

Такое же широкое опредѣленіе антропологіи мы встрѣчаемъ въ англійской школѣ антропологовъ. Такъ Бэндишъ, авторъ интереснаго очерка исторіи антропологіи говоритъ, что „антропологія захватываетъ въ область свою, какъ начало человѣка, такъ и послѣднія задачи его и распространеніе его какъ вида, на сколько это доступно познанію“ [5]). Джемсъ Гёнтъ (Hunt) опредѣляетъ антропологію какъ „науку о всей природѣ человѣка“ [6]). Знаменитый Джонъ Леббокъ отождествляетъ антропологію съ этнологіею [7]). Такова же задача Тайлора, по которому „антропологія

[1]) Broca. Leçons d'ouverture des courses de l'école d'anthropologie. Revue d'Anthropologie. 1877, p. 171. См. также A. Hovelacque et G. Hervé, Précis d'anthropologie. Paris, Delahaye. 1887, p. VI.

[2]) De Quatrefages. Rapport sur les progrès de l'Anthropologie en France, Paris 1867, p. 1 et suiv.

[3]) Topinard. Eléments d'Anthropologie etc., p. 150.

[4]) Dictionaire des sciences anthropologiques. Vide Anthropologie Ch. Letourneau. p. 28 et suiv.

[5]) Bendyshe. Memoirs of the Anthropological Society of London, V. I, 1865, History of Anthropology, p. 335.

[6]) Hunt. The Anthropological Review. London 1863, V. I, On the Study of Anthropology. p. 2.

[7]) Lubbock. Journal of the Anthropological Society. London 1865. p. 296, 298.

есть наука о человѣкѣ и о цивилизаціи" [1]). Точно также понимается, наконецъ, задача антропологіи англійскими антропологическими журналами въ родѣ „The journal of the anthropological Institute," „Anthropological Review" и т. д.

Говоря о нѣмецкой школѣ, мы можемъ сослаться на цитированное нами уже замѣчаніе Бэра, что антропологія охватываетъ всю жизнь человѣка [2]). Антропологія по словамъ Вайтца: „по самому значенію слова стремится къ тому, чтобы стать наукой о человѣкѣ вообще или, выражаясь опредѣленнѣе, ученьемъ о существѣ человѣка" [3]). Содержаніе антропологіи опредѣляется „задачами анатоміи, физіологіи и психологіи съ одной стороны, задачами исторіи культуры и и примыкающихъ къ ней наукъ съ другой стороны" [4]). Извѣстный краніологъ Г. Велькеръ говоритъ, что „антропологія изслѣдуетъ человѣка во всей его цѣлости, по отношенію къ его строенію и къ его дѣятельности, къ послѣдней же относится языкъ, нравы, даже вся культура и исторія человѣчества". Вирховъ учитъ, что „антропологія въ широкомъ смыслѣ слова охватываетъ всё ученіе о человѣкѣ, какъ въ физическомъ, такъ въ психологическомъ отношеніяхъ" [5]). Къ этому опредѣленію приходятъ не только краніологи, но и такіе увлеченные этнологи, какъ Герландъ и Бастіанъ. Герландъ отличаетъ антропологію въ широкомъ смыслѣ слова, какъ науку объ естественномъ существѣ человѣка, и антропологію въ тѣсномъ смыслѣ, какъ біологическую зоологію [6]). Бастіанъ до извѣстной степени идентифицируетъ антропологію съ этнологіей. Какъ вспомогательные элементы антропологической вѣтви наукъ онъ перечисляетъ „психологію, географію, физіологію, анатомію, археологію, въ особенности по скольку она касается доисторическихъ вопросовъ, науки характера общественнаго, какъ исторію съ

---

[1]) Тайлоръ. Антропологія. С.-Петербургъ. Билибинъ. 1882, стр. 1.

[2]) См. выше, стр. 1.

[3]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. B. I, Leipzig, Fleischer, 1859, S. 1.

[4]) Waitz. l. c., S. 4.

[5]) R. Virchow. Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen, herausgegeben von Neumayer. Berlin. Oppenheim, 2 Aufl. 1888, S. 295.

[6]) G. Gerland. Ueber das Verhältniss der Ethnologie zur Anthropologie. Verhandlungen des zweiten deutschen Geographentages. Berlin. Reimer 1882, S. 54 — 55.

религіозными ученіями и философію, правовыя установленія и политику, эстетику и прекрасныя искусства, технологію и ремесла“ [1]). Наконецъ, берлинскій анатомъ Гартманнъ сводитъ задачи антропологіи на „монографію человѣческаго рода“ и протестуетъ противъ того, чтобы ей противупоставлялась этнографія или этнологія [2]).

Мы думаемъ, что этотъ рядъ вѣскихъ цитатъ въ состояніи опровергнуть ходячее мнѣніе о томъ, что антропологія узкая, исключительно соматическая наука, и до нѣкоторой степени объяснить избранную нами систему.

Антропологія—наука о человѣкѣ [3]). Задача этой науки—познать природу человѣка. Антропологія—естественная исторія человѣка; но не подлежитъ сомнѣнію, что понятіе ἄνθρωπος — человѣкъ принадлежитъ къ наиболѣе сложнымъ понятіямъ въ мірѣ. Устанавливая характерные симптомы для камней, растеній и животныхъ, Линней обозначилъ человѣка великимъ изрѣченіемъ: nosce te ipsum—познай самого себя [4]). Изученіе человѣка не можетъ, слѣдовательно, удовлетвориться тою чисто внѣшнею симптоматологіею, которою до сихъ поръ ограничиваются естественныя науки. Уже Протагоръ училъ, что „человѣкъ мѣрило всякаго явленія, существующаго, какимъ оно есть, не существующее, какимъ оно не есть“ [5]). Отъ человѣка исходятъ всѣ наши сужденія о міровыхъ явленіяхъ, въ человѣкѣ же отражаются всѣ эти міровыя явленія; человѣкъ является какъ бы микрокосмомъ, если не всего міра, то во всякомъ случаѣ того макрокосма, который составляетъ окружающій его міръ [6]). Человѣкъ, какъ существо индивидуальное и какъ существо соціальное величины совершенно различныя; антропологу, поэтому, приходится изучать человѣка какъ явленіе единичное и какъ явленіе общественное.

Объектъ антропологіи отличается не только большой сложностью, но и крайнею многообразностью въ виду историчес-

---

[1]) Bastian. Vorgeschichte etc., S. 2.

[2]) R. Hartmann. См. слово Anthropologie въ Deutsche Encyclopädie. Leipzig, Grunow. 1886, S. 633, 635.

[3]) ἄνθρωπος—человѣкъ, λόγος—наука, знаніе.

[4]) Caroli Linnaei. Systema Naturae; Ed, t. X Holmiae 1758, p. 20.

[5]) Πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος, τῶν μεν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δε οὐκ ὄτων, ὡς οὐκ ἔστιν. Diog. L. IX 31.

[6]) Bastian. Vorgeschichte, S. 87.

кихъ измѣненій, претерпѣваемыхъ имъ; трудность изученія объекта антропологіи лежитъ не только въ указанной сложности и измѣнчивости его, но и въ той субъективности, отъ которой не уклониться ни одному изслѣдователю [1]).

Но говоря объ естественной исторіи человѣка, мы прежде всего имѣемъ дѣло съ основными вопросами, которые представляются намъ при изученіи всякаго организма.

Мы констатировали уже, что естественная исторія человѣка распадается на два крупные отдѣла, на отдѣлъ, изучающій человѣка, какъ индивидуальный организмъ и на отдѣлъ, имѣющій своимъ объектомъ соціальный организмъ.

Изучая индивидуальный организмъ, мы останавливаемся прежде всего на тѣлесномъ явленіи его, на устройствѣ тѣла, по которому онъ отличается отъ другихъ организмовъ. Антропологія индивидуальнаго человѣка, поэтому, включаетъ въ себѣ, какъ основную науку анатомію, т. е. науку, описывающую строеніе человѣческаго тѣла и опредѣляющую съ физической точки зрѣнія мѣсто человѣка въ ряду другихъ организмовъ.

Если же мы станемъ изучать жизненныя проявленія уже извѣстнаго намъ по своему анатомическому строенію организма, то мы вступимъ въ науку высшаго порядка, въ науку, включающую въ себя анатомію, физіологію—ученіе о жизненныхъ проявленіяхъ организма. Но эти жизненныя проявленія организма вводятъ насъ въ область еще болѣе высшаго порядка, въ область психическихъ явленій, руководящихъ организмомъ, хотя въ то же время и обусловливаемыхъ анатомическими и физіологическими особенностями ихъ; мы приходимъ такимъ образомъ къ психологіи, къ наукѣ, изучающей духовныя проявленія организма.

Эти три науки даютъ намъ полное понятіе объ индивидуальномъ человѣкѣ. Онѣ настолько развились, что могутъ считаться вполнѣ самостоятельными [2]); тѣмъ не менѣе родственная связь ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; несомнѣнна также конечная цѣль этихъ трехъ соединенныхъ наукъ — изучить индивидуальнаго человѣка во всемъ существѣ его.

Прототипу индивидуальнаго человѣка, — въ данномъ слу-

---

[1]) См. выше, стр. 2.

[2]) См. выше, стр. 28, 34.

чаѣ европейца, такъ какъ руководящая роль въ культурѣ выпала на долю европейцевъ,—противупоставляются, однако, типы несхожіе съ нимъ, типы, несхожіе въ то-же время и между собою; поэтому должна существовать наука, которая, опираясь на сумму всѣхъ свѣдѣній собранныхъ упомянутыми уже науками объ индивидуальномъ человѣкѣ, сдѣлаетъ для человѣчества то-же, что сдѣлала анатомія для міра животнаго, т. е. опишетъ отличія въ организаціи человѣческихъ индивидуумовъ и на основаніи этихъ отличій распредѣлитъ человѣчество по группамъ, по типамъ, или другими словами, классифицируетъ его по расамъ. Эту науку, первую въ ряду наукъ, изучающхъ человѣчество, мы обозначаемъ какъ этнографію, т. е. описаніе народовъ [1]).

Для того, чтобы классифицировать, необходимы извѣстные примѣты. Эти примѣты намъ, очевидно, прежде всего даетъ анатомія. Дѣйствительно, сравнительная анатомія различныхъ народовъ представляетъ необычайную массу отклоненій и переходовъ въ строеніи скелета и черепа въ особенности, въ строеніи мозга, въ окраскѣ кожи и волосъ, въ строеніи послѣднихъ, въ формѣ носа, глазъ и т. д. Такимъ образомъ мы располагаемъ рядомъ внѣшнихъ примѣтъ, болѣе или менѣе хорошо поддающихся внѣшнему-же наблюденію (оцѣнку ихъ смотри часть II, глава 2). Та привлекательность, которая лежитъ для ученыхъ извѣстнаго рода въ механическомъ трудѣ, а съ другой стороны, конечно, кажущаяся точность методовъ измѣрительныхъ, были причиною того, что измѣреніями занялась необычайная масса изслѣдователей и методика измѣреній носящая названіе „антропометріи“ получила почти что обособленное значеніе; между измѣреніями опять таки измѣренія черепа, какъ вмѣстилища органа мышленія мозга, получили такое преобладаніе, что выдѣлились какъ-бы въ особую дисциплину, „краніологію“ [2]).

Физіологическая сторона этнографическихъ классификацій, какъ не поддающаяся столь легкому наблюденію до сихъ поръ разработана крайне недостаточно. Сравнительной физіо-

---

[1]) ἔθνος = народъ, γράφω = пишу.

[2]) Въ виду пристрастія антропологовъ къ измѣреніямъ въ глазахъ обыденной публики, не проникшей въ тайны науки и во временныя уклоненія ея, вся антропологія зачастую смѣшивается съ измѣреніями.

логіи почти что не существуетъ, хотя, конечно, не по винѣ антропологовъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о вліяніи географическихъ условій, климата, пищи, труда на выработку расовыхъ отличій, является необходимымъ и неизбѣжнымъ дополненіемъ внѣшняго расоваго описанія. Наивысшій интересъ въ этихъ внѣшнихъ примѣтахъ лежитъ въ вопросѣ о причинахъ появленія ихъ, а это вопросъ чисто физіологическій.

Мы обращаемся при классификаціяхъ, въ концѣ концовъ, къ третьему разряду антропологическихъ примѣтъ, имѣющихъ своей основой психологію. Въ данномъ случаѣ наше вниманіе прежде всего останавливаютъ примѣты лингвистическія, несомнѣнно очень цѣнныя, хотя въ виду крайней воспріимчивости языка къ внѣшнимъ событіямъ, до нѣкоторой степени обоюдострыя. Сюда-же примыкаютъ примѣты, представляемыя явленіями духовной жизни и даже извѣстные пріемы матеріальной культуры (смотри часть II, глава 2).

Но послѣдняя область явленій всецѣло разработывается не этнографіей, задача которой лежитъ въ описаніи народовъ, такъ сказать, съ внѣшней стороны, а этнологіей [1]), задача которой изучить жизнь народовъ. Этнологія, поэтому, соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени физіологіи, но, конечно, является наукою высшаго порядка и захватываетъ въ свою область не только всѣ науки объ индивидуальномъ человѣкѣ, но и этнографію. Такимъ образомъ этнологія посвящена изученію матеріальной культуры, общественнаго строя, религіозныхъ воззрѣній и успѣховъ въ искусствахъ и наукахъ.

Смѣшивать этнографію и этнологію отнюдь нельзя [2]). Французская школа въ этомъ отношеніи отличается несравненно большею точностью, чѣмъ, напр., школа нѣмецкая. Распредѣляя антропологическій матеріалъ между этнографіей и этнологіей, мы придерживаемся этимологіи этихъ терминовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ того значенія, которымъ пользуются эти термины преимущественно во французской школѣ. Уничтожить тотъ или другой терминъ, какъ это не разъ предлагалось [3]), нѣтъ

---

[1]) ἔθνος = народъ, λόγος = наука, знаніе.

[2]) Любопытныя указанія по этой части собраны у Топинара, Éléments d'Anthropologie, p. 124 etc.

[3]) M. Topinard. Un mot sur l'histoire de l'Anthropologie en 1788. Revue d'Anthropologie 1888 № 2. p. 200. R. Hartmann: Anthropologie. Deutsche Ency-

ни малѣйшей необходимости. И то и другое выраженіе получили полное право гражданства; необходимо лишь фиксировать за ними опредѣленное значеніе, необходимо, и въ высшей степени естественно, распредѣлить фактическій матеріалъ въ указанномъ смыслѣ на внѣшнее описаніе и на изученіе бытовой стороны [1]).

Этнографія и этнологія не исчерпываютъ, однако, собою науки о человѣчествѣ.

Духъ человѣка не удовлетворяется тѣмъ, чтобы констатировать и изучать факты, чтобы сравнивать и различать, наблюдать и объяснять индивидуальныя явленія. Духъ человѣка стремится къ тому, чтобы объединять изученное имъ въ отдѣльности, чтобы генерализировать научный матеріалъ и подвести его подъ научные законы. Такимъ образомъ мы приходимъ къ наукѣ, которая является послѣднимъ словомъ для всѣхъ предшествующихъ отдѣловъ антропологіи, къ наукѣ, которая соединяетъ въ себѣ все, со ступени на ступень возрастающее, духовное содержаніе нашего матеріала и, допытываясь естественныхъ законовъ, лежащихъ въ основѣ этого

---

clopädie etc., S. 635. Lubbock, Journal of the Anthropological Society 1864. p. 296 и т. д.

[1]) Терминъ „этнографія", въ смыслѣ описанія народовъ, неоднократно употребляется уже въ концѣ XVIII столѣтія (Bastian. Vorgeschichte, S. 15, 16, Topinard. Un mot sur l'histoire de l'Anthropologie en 1788, Revue d'Anthropologie 1888 № 2, 199); къ сожалѣнію, однако, терминъ этотъ быстро получаетъ непомѣрно широкое значеніе и, такъ сказать, поглощаетъ собою всю антропологію. Такъ симпатичный финскій изслѣдователь Кастренъ (1813—1852) понимаетъ подъ этнографіей „науку о религіи, о государственномъ строѣ, правахъ и обычаяхъ, образѣ жизни, обиталищахъ народовъ, словомъ науку о всемъ томъ, что относится къ внутренней и внѣшней жизни ихъ. Этнографію можно разсматривать", прибавляетъ онъ, „какъ часть исторіи культуры". (Castrén. Ethnologische Vorlesungen. Akademische Ausgabe. B. IV, St. Petersburg 1857, S. 7).

Съ другой стороны этнологія грозитъ поглотить всю антропологію, становясь, у Бастіана „наукой о человѣкѣ" (Bastian. Vorgeschichte etc., S. 22), въ ней, въ этнологіи онъ думаетъ „признать давно обѣщанную, давно желанную, науку о человѣкѣ" (A. Bastian. Die Ethnologie und deren Aufgabe. Verhandlungen des I. Deutschen Geographentages. Berlin. Reimer 1882, S. 47). Необходимо однако, замѣтить, что Бастіанъ въ этнологіи увлекается по преимуществу психикой народовъ. По Герланду этнологія совпадаетъ съ народовѣдѣніемъ и есть наука о томъ, „какъ создались и какъ существуютъ, какъ развились и какъ связаны народности; это соціологическая наука на положительной почвѣ; она занимаетъ средину между антропологіей въ тѣсномъ смыслѣ и исторіей". G. Gerland. Ueber das Verhältniss der Ethnologie zur Anthropologie. Verhandlungen des II. Deutschen Geographentages. Berlin. Reimer. 1882, S. 54—55).

матеріала, возводитъ его въ наивысшую степень. Это должна быть наука, которая проявитъ въ себѣ всю жизненную силу, всю жизненную мудрость прошедшаго и настоящаго человѣчества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, откроетъ намъ, насколько это возможно, будущность человѣка.

Эта наука соціологія, наука о человѣческомъ обществѣ. Не въ описаніи и не въ изученіи быта отдѣльныхъ группъ задача этой науки, а въ опредѣленіи смысла и цѣнности всего человѣчества. Въ соціологіи, въ этомъ вѣнцѣ нашей науки, какъ бы въ фокусѣ вновь собирается вся сумма антропологическихъ знаній; эти знанія примѣняются къ познанію индивидуума, но это не разрозненный, единичный, это коллективный индивидуумъ. И подобно тому, какъ психологія рѣшала смыслъ человѣка, какъ личности, такъ и соціологія задается мыслею разрѣшить ту тайну, которая лежитъ въ существованіи и исторіи человѣчества. „Законы, по которымъ просыпается и достигаетъ зрѣлости жизнь отдѣльнаго индивидуума“, говоритъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, „можно было бы назвать физіологіей духа, подобные же законы должны существовать для цѣлой націи; нація по столько же представляется индивидуальнымъ существомъ, какъ и личность“. Такіе же законы должны существовать и для всего человѣчества, которое является по столько же индивидуальнымъ существомъ, какъ личность и какъ нація. Такимъ образомъ, соціологія является высшею и конечною наукою въ ряду антропологическихъ наукъ; она обладаетъ наибольшимъ философскимъ содержаніемъ [1]).

Оглядываясь на обширную систему, развитую нами на предыдущихъ страницахъ, мы не можемъ не признать, что антропологія является одною изъ наиболѣе сложныхъ и трудныхъ наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши положенія вполнѣ подтвердили намъ, что едва ли существуетъ наука болѣе важная и содержательная, чѣмъ антропологія. „Какъ наиболѣе общая наука о человѣкѣ, антропологія является исходною точкою для большинства другихъ научныхъ областей“, говоритъ Бэръ. Намъ, однако, кажется, что, примѣняя резуль-

[1]) Выставляя всю важность соціологіи, мы, конечно, не можемъ не повторить, что эта наука едва лишь затронута, едва лишь вступила на путь дѣйствительно научный. См. стр. 34, 35.

таты другихъ научныхъ областей къ уясненію существеннѣйшихъ вопросовъ, касающихся судебъ и смысла человѣческаго существованія, антропологія является не столько исходною, сколько конечною точкою для множества другихъ наукъ. Во всякомъ случаѣ Бэръ правъ, говоря, что „трудно назвать какой либо другой родъ изслѣдованія, который былъ бы болѣе достоенъ свободнаго и мыслящаго человѣка, чѣмъ изслѣдованіе самого себя“ [1]). Но антропологія внушаетъ намъ отнюдь не только одинъ философскій или чисто научный интересъ, напротивъ того, въ своемъ практическомъ примѣненіи, какъ наука о человѣкѣ и о человѣчествѣ, она при разумномъ развитіи должна получить громадное практическое значеніе.

Это значеніе антропологіи явствуетъ прежде всего изъ той живой связи, въ которой она стоитъ не только со своими органическими составными частями, анатоміею, физіологіею, психологіею, этнографіею, этнологіею и соціологіею, изъ которыхъ каждая имѣетъ чрезвычайно большое практическое значеніе, но и съ науками вспомогательными.

Антропологія немыслима безъ своей вспомогательной науки географіи. Эти двѣ науки идутъ рука объ руку въ своемъ развитіи. Антропологія возникаетъ лишь по мѣрѣ того, какъ человѣкъ всматривается въ окружающую его природу [2]); она оформливается въ науку лишь по мѣрѣ того, какъ выясняется положеніе человѣка въ природѣ, степень зависимости его отъ послѣдней и степень того вліянія, которое онъ можетъ оказать на природу. Съ другой стороны изученіе человѣка въ связи съ окружающею его природою и съ указанныхъ точекъ зрѣнія можно считать однимъ изъ точнѣйшихъ критеріевъ для пониманія строя и жизни данной мѣстности [3]). Полемъ непосредственнаго сближенія антропологіи и географіи является антропо-географія, изучающая законы соотношеній между человѣкомъ и природою [4]).

---

[1]) Baer, Anthropologie etc., S. 1. „the proper study of mankind is man“, говоритъ Попъ.

[2]) См. выше, стр. 2.

[3]) Э. Петри, Задачи научной географіи, стр. 608.

[4]) Э. Петри, въ указанномъ мѣстѣ, стр. 607; F. Ratzel, Anthropogeographie. Leipzig. Engelmann 1882, S. 20 — 22.

Какъ результатъ сліянія географическаго матеріала съ этнографическимъ и этнологическимъ обособилось „народовѣдѣніе“ (Völkerkunde), стремящееся къ тому, чтобы дать полный очеркъ природы и жизни народовъ земнаго шара. Географическія условія въ данномъ случаѣ оказываются тою почвою, на которой разростается народная жизнь.

Чрезвычайно близки отношенія антропологіи къ исторіи, такъ какъ антропологія на ряду съ географіей [1]) является естественной почвою для пониманія историческихъ событій [2]). Съ другой стороны выводы исторіи имѣютъ непосредственное примѣненіе къ разрѣшенію конечныхъ задачъ антропологіи. Казалось бы, что антропологія въ виду грандіозности своихъ задачъ, какъ наука о человѣкѣ, должна была бы смотрѣть на исторію, какъ на незначительную составную часть свою. Но вѣдь такъ называемая „исторія“ не есть исторія человѣчества: она лишь обзоръ судебъ народовъ культурныхъ, по сколько онѣ поддаются изученію по актамъ. Поэтому антропологія интересуется въ „исторіи“ прежде всего тѣми выводами изъ жизни культурныхъ народовъ, которые могутъ быть примѣнены къ пониманію человѣческаго рода или данной національности. Предоставляя исторіи разработку деталей въ исторической жизни культурныхъ народовъ съ помощью своихъ спеціальныхъ методовъ и пользуясь выводами изъ этихъ работъ, антропологія сохраняетъ за собою какъ изученіе современнаго состоянія, такъ и доисторической эпохи. Въ этомъ случаѣ въ полныя права свои вступаетъ антропологія, примѣняя къ изученію своего объекта своеобразныя методы непосредственнаго наблюденія, опыта и сравненія. Разбирая вопросъ о томъ, какіе народы подлежатъ вѣдѣнію антропологіи, Бастіанъ [3]) приходитъ къ выводу, что антропологія, выключивъ всѣ спорные пункты, должна владѣть „всею Океаніею, Америкою въ прошломъ ея, большею частью Африки, различными частями Азіи и Европою въ полу- или доисторическихъ чертахъ ея“ [4]).

Конечно, этотъ взглядъ совершенно оппортунистическій.

---

[1]) Э. Петри, Задачи научной географіи, стр. 615.

[2]) Th. Waitz, Anthropologie der Naturvölker. B. I, S. 16.

[3]) Bastian, Vorgeschichte, S. 54—61.

[4]) Ibid. S. 59.

Мы отнюдь не выдѣляемъ народовъ культурныхъ изъ области нашей науки; напротивъ того, изучая ихъ, мы пріобрѣтаемъ матеріалъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнный и тѣмъ болѣе живой, что намъ легче проникнуть въ психику человѣка культурнаго, что даже въ зачаточныхъ формахъ своихъ она намъ ближе души народовъ чуждыхъ по племени. Весьма существенный пробѣлъ въ нашей научной литературѣ составляетъ именно отсутствіе работъ, касающихся антропологіи культурныхъ народовъ. Лишь въ послѣдніе годы энергичнѣе приступили къ этимъ работамъ, которыя, какъ мы полагаемъ, окажутся особенно драгоцѣнными для науки.

Но Бастіанъ правъ, говоря, что первая задача антрополога „добыть первичную мысль“ [1]). Антропологу, поэтому, прежде всего приходится имѣть въ виду систематическое изученіе первобытныхъ народовъ, чтобы „познать въ этихъ простыхъ организмахъ основныя мысли всѣхъ тѣхъ формъ, которыя повсюду въ большемъ или меньшемъ масштабѣ являются основными элементами общественнаго организма“ [2]). Пониманіе первобытныхъ народовъ служитъ, „ключемъ, съ помощью котораго раскрываются передъ нами сложнѣйшія построенія высшихъ формъ“ [3]).

Исходя изъ этихъ первичныхъ формъ и пользуясь соотвѣтственно многообразности своихъ элементовъ, то непосредственнымъ наблюденіемъ и опытомъ, то могущественнымъ сравнительнымъ методомъ, антропологія стремится къ разрѣшенію наивысшихъ задачъ человѣчества.

Антропологія ищетъ разгадки того, что такое человѣкъ, откуда онъ, куда онъ стремится. Антропологія — наука естественнонаучнаго и въ тоже время философскаго характера.

---

[1]) Bastian. Die Ethnologie und deren Aufgabe etc. S. 52.

[2]) Ibid. S. 51.

[3]) Ibid. S. 52. Первобытныя племена, по выраженію того же автора, имѣютъ для антропологіи то же значеніе, какъ и тайнобрачныя для научной ботаники (S. 51). Высокое значеніе первобытныхъ народовъ для антропологіи угадано было уже Мейнерсомъ. Bastian. Vorgeschichte, S. 22.

Глава IV.

Классификація человѣческаго рода.

Положеніе человѣка въ природѣ.—Геоцентрическія и антропоцентрическія міровоззрѣнія.—Представленія первобытныхъ народовъ о происхожденіи человѣка.—Вопросъ о положеніи человѣка въ природѣ по Аристотелю, Линнею, по ученію энциклопедистовъ и шеллингіанцевъ.—Бюффоновская школа и Блуменбахъ; К. Г. Карусъ.—Эпоха матеріализма.—Взгляды современнаго естествознанія на вопросъ о происхожденіи человѣка.—Сходство дикарей съ обезьянами.— Гёксли о положеніи человѣка въ природѣ.—Духъ человѣка возноситъ его надъ природою.—Сравненіе интеллектуальныхъ способностей человѣка и животныхъ.—Старинныя воззрѣнія.—Современныя ученія: Штраусъ, Ляйель, Дарвинъ.—Инстинктъ.—Языкъ человѣка.—Физическая организація его.—Значеніе человѣка въ мірозданіи.—Выводы.

Передъ нами міръ, исполненный таинственныхъ загадокъ; но самая трудная, самая роковая изъ этихъ загадокъ для человѣка, это—человѣкъ.

Силою своей мысли человѣкъ все глубже и глубже проникаетъ въ сложный и грандіозный строй природы. Онъ познаетъ то, что еще столь недавно казалось ему неразрѣшимымъ. Туча, когда то символъ измѣнчивости и неопредѣленности, изучена теперь во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни; она фиксирована фотографіей, она изслѣдуется подъ микроскопомъ. Поэтъ могъ сравнивать поэтическое вдохновеніе съ вѣтромъ, ибо „кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ“; а теперь этотъ важнѣйшій изъ метеорологическихъ факторовъ уже подведенъ подъ строгія формулы и законы.

Одинъ лишь человѣкъ, смѣло и неудержимо проникающій въ таинства природы, самъ для себя остается загадкой. Γνῶθι σεαυτόν, познай самого себя, этотъ призывъ древняго философа, остается до сихъ поръ тяжкимъ вопросомъ жизни и

нѣтъ того Эдипа, который разрѣшилъ бы эту роковую и губительную для мыслящихъ людей загадку.

Но человѣчество идетъ неустанно впередъ. Оно приблизилось уже къ правильной постановкѣ вопроса о человѣкѣ. Взглядъ человѣка на положеніе свое въ природѣ окончательно измѣнился. Съ измѣненіемъ точки зрѣнія на человѣка, измѣнились и методы изученія его.

Вопросъ о положеніи человѣка въ природѣ является основнымъ вопросомъ при изученіи человѣка. На немъ зиждется все мышленіе наше о человѣкѣ. „Вопросъ изъ вопросовъ для человѣчества, задача, лежащая въ основаніи всѣхъ остальныхъ и превосходящая ихъ глубиною своего интереса, заключается въ опредѣленіи мѣста, занимаемаго человѣкомъ въ природѣ, въ установленіи отношенія его къ цѣлому мірозданію“ [1]).

Субъективное, элементарное міровоззрѣніе человѣка можетъ быть названо геоцентрическимъ [2]). Для первобытнаго ума, не съумѣвшаго еще осмотрѣться въ природѣ, наша земля является несомнѣннымъ центромъ вселенной; вокругъ нея, вокругъ земли, вращаются солнце, луна и звѣзды небесныя. Долгіе вѣка держалось въ умахъ человѣчества это геоцентрическое міровоззрѣніе; оно окончательно рушилось и исчезло лишь подъ ударами Коперника, Кеплера и ихъ послѣдователей. Мы знаемъ, что наша земля ничтожная частица великаго мірозданія, одна изъ меньшихъ планетъ одной изъ солнечныхъ системъ и притомъ едва ли болѣе значительной; но мы знаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что земля наша представляетъ нераздѣльную и неизмѣнную часть даннаго міра, что, подчиняясь законамъ его, она въ тоже время стоитъ въ гармонической и органической связи съ даннымъ существованіемъ этого міра.

Геоцентрическому міровоззрѣнію до извѣстной степени соотвѣтствуетъ міровоззрѣніе, такъ сказать, антропоцентрическое [3]), по которому человѣкъ является центромъ міра; онъ властитель земли, даже болѣе, онъ—цѣль мірозданія.

---

[1]) Гёксли, О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ. Пер. Бекетова. С.-Петербургъ. 1864, стр. 64.

[2]) Häckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte, Berlin, Reimer, VII. Aufl 1879, S. 35.

[3]) Häckel, l. c. S. 35.

Но съ этой идеей, въ сущности столь же субъективной и элементарной, какъ и мысль геоцентрическая, успѣшно борется все современное естествознаніе. И это естествознаніе учитъ насъ, что мѣсто человѣка не внѣ природы, а среди нея; что человѣкъ живетъ общею жизнью съ природою, что онъ подверженъ законамъ ея, но въ тоже время является существенною и неизмѣнною величиною въ строѣ природы и, быть можетъ, результатомъ того стремленія къ совершенствованію, которое, повидимому, лежитъ въ этой природѣ.

Мысль о томъ, что человѣкъ и природа едины, кажется столь естественною для человѣка первобытнаго, что онъ охотно сближаетъ себя съ міромъ животныхъ. Въ наивныхъ представленіяхъ дикарей о происхожденіи человѣка мы зачастую наталкиваемся на чисто ультрадарвинистическія убѣжденія въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны. Такъ думаютъ малайцы [1]), папуасцы, тибетанцы, тогда какъ у южныхъ арабовъ, древнихъ мехиканцевъ и негровъ берега Лоанго [2]) обезьяны являются одичалыми людьми, загнанными, по велѣнію разгнѣванныхъ боговъ, въ чащи лѣсныя. Другія племена выбираютъ себѣ родоначальниками орла (делаверы), волка (шонкавеи), собаку (чипевеи), улитку (осаги) [3]), ворона и волка (атны, кенейцы, колуши) [4]). Другія племена, опять-таки, объясняютъ свое происхожденіе, какъ результатъ скрещенія человѣка съ собакою,—такъ думаютъ айносы [5]), кара-киргизы [6]), папуасцы у порта Моресбей [7]), обитатели острова Хайнана [8]). Короли Даніи и Швеціи происходили по Тругимо Спрахалечу отъ дѣвушки и медвѣдя, монгольскіе князья—отъ дѣвушки

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія Соціологіи. С.-Петербургъ. Билибинъ. 1877, т. I, стр. 369.

[2]) A. Bastian. Die deutsche Expedition an der Loango-Küste, Jena, Costenoble, 1875, S. 185.

[3]) Th. Waitz. Anthropologie der Naturvölker, Leipzig, Fleischer, B. III. 1862, S. 191.

[4]) Th. Waitz, l. c., S. 119.

[5]) В. М. Успенскій. Островъ Хайнанъ. Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XX, 1887. В. 5, стр. 465.

[6]) Vámbéry. Das Türkenvolk, Leipzig, Brockhaus, 1885, S. 262.

[7]) Chalmers u. W. Wyatt Gill, Neuguinea, deutsch von Lesser, Leipzig. Brockhaus. 1886. S. 124.

[8]) Успенскій, Островъ Хайнанъ и т. д. стр. 465.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

и волка[1]) и т. д. Любопытныя указанія въ этомъ смыслѣ даютъ намъ поклоненіе животнымъ[2]), такъ называемый тотемизмъ[3]) пищевые запреты[4]), переселенія душъ и наконецъ представленія объ оборотняхъ[5]), встрѣчающіеся у столь многочисленныхъ народностей.

Великій естествоиспытатель и мыслитель классическихъ вѣковъ Аристотель, какъ представитель народа, жившаго жизнью, непосредственно близкою къ природѣ, опредѣлилъ человѣка какъ „животное, одаренное разумомъ". Геніальный Карлъ Линней сопоставилъ въ своей „Systema Naturae", въ порядкѣ верховныхъ Ordo Primates[6]), человѣка съ нѣкоторыми животными. Въ десятомъ изданіи этого знаменитаго творенія сгруппированы Homo, Simia, Lemur, Vespertilio (человѣкъ, обезьяна, полуобезьяна, летучая мышь); объединяющею идеею въ данномъ случаѣ является аналогія въ построеніи челюстей и груди. Съ другой стороны, въ кружкахъ энциклопедистовъ и свободныхъ мыслителей конца прошлаго вѣка мнѣніе о происхожденіи человѣка отъ обезьянъ было, такъ сказать ходячимъ[7]). По Ла-Метри, человѣкъ не болѣе, какъ первый видъ обезьяны[8]). Съ подобными же представленіями мы сталкиваемся въ школѣ нѣмецкихъ натурфилософовъ, работавшихъ подъ вліяніемъ поэта-философа Шеллинга[9]).

Однако уже въ концѣ XVIII вѣка не было недостатка въ протестахъ противъ единенія человѣка съ природою. Вотъ какъ выражается ученикъ и сподвижникъ Бюффона Добентонъ о системѣ Линнея: „странное мѣсто для человѣка! Какое несправедливое распредѣленіе, какой ложный методъ! Поставить человѣка на одну доску съ прочими четвероногими". Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что самъ Бюффонъ вы-

---

[1]) A. Bastian. Loango-Küste, B. II, S. 185 A.

[2]) Спенсеръ. Соціологія, т. I, стр. 354 и далѣе.

[3]) Д. Лёббокъ. Начало цивилизаціи, перев. Коропчевскаго. С.-Петербургъ. 1877, стр. 245.

[4]) R. Andree. Ethnographische Parallelen, Leipzig 1878, S. 114 ff.

[5]) R. Andree, l. c. S. 62 ff.

[6]) J. V. Carus. Geschichte der Zoologie, München, Oldendurg 1872.

[7]) K. Snell. Vorlesungen über die Abstamung des Menschen, Leipzig, Arnoldi 1887, S. 34.

[8]) A. Hovelaque et G. Hervé. Précis Anthropologie, Paris, Delahay 1887, p. 25.

[9]) K. Snell, l. c., S. 35.

дѣлилъ человѣка изъ міра животныхъ и училъ, что человѣкъ есть произведеніе неба, а животное—произведеніе земли[1]).

Положимъ, что Блуменбахъ вновь пріурочилъ человѣка къ природѣ, но онъ отличалъ двурукую группу, bimana (человѣкъ) отъ четырерукой quadrumana (обезьянъ). Это раздѣленіе было неосновательнымъ съ анатомической точки зрѣнія, но оно принято было авторитетнымъ Кювье[2]) и благодаря этому, стало на долгое время достояніемъ науки. Еще далѣе пошелъ К. Г. Карусъ[3]), воздвигнувъ надъ всѣми млекопитающими спеціальный зоологическій классъ человѣка.

Уже тогда совершенно ясно намѣчалось, что этотъ естественно-научный, или, точнѣе, зоологическій вопросъ, благодаря характеру времени, соединенъ былъ съ цѣлымъ рядомъ религіозныхъ споровъ и традиціонныхъ недоразумѣній. Научная почва въ нашемъ вопросѣ была почти что покинута; онъ сталъ вопросомъ не столько изслѣдованія, сколько убѣжденія.

Это печальное уклоненіе отъ научнаго пути, это невозможное обостреніе нашего вопроса достигло наибольшихъ крайностей своихъ въ борьбѣ съ суровымъ религіознымъ догматизмомъ и съ ученіями метафизиковъ, увлекавшихся силою и самобытностью ума до самовозвеличенія почти невѣроятнаго. Естественныя науки, только что пробуждающіяся, исполненныя юной и жизненной смѣлости, низвергли человѣка съ той высоты, на которую его вознесло собственное самолюбіе; онѣ безусловно подчинили его природѣ и съ смѣлостью, достойною соперниковъ ихъ, метафизиковъ, указали ему тѣ точные и безпощадные законы, которымъ онъ, будто бы, долженъ былъ слѣдовать.

Эта эпоха броженія и ниспроверженія старой науки, эпоха крайняго матеріализма, еще чрезвычайно близка къ намъ. Вожаки этого движенія: Людвигъ Фейербахъ, Молешоттъ, Л. Бюхнеръ, Карлъ Фогтъ, Гёксли, Гекель и другіе

---

[1]) См. стр. 24.

[2]) Cuvier, Le Règne Animal. Paris. Deterville. 1817. T. I, p. 79.

[3]) Причина „вѣчнаго раздѣленія“ между человѣкомъ и животнымъ лежитъ не въ одномъ какомъ либо органѣ, а „проходитъ чрезъ всю организацію“. C. G. Carus. Vergleichende Psychologie, Wien 1866, S. 286.

частью еще живы, частью даже еще отстаиваютъ свое ученіе. Однако періодъ крайняго матеріализма миновалъ. Спеціально въ вопросѣ о человѣкѣ современная наука, такъ сказать, возвратилась къ той осторожной и въ сущности уклончивой точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ великій натуралистъ Чарльзъ Дарвинъ [1]), какъ извѣстно, лишь весьма неохотно поддававшійся своимъ пылкимъ поклонникамъ [2]). Съ спокойною совѣстью прежніе ультрадарвинисты отрицаютъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ поднялъ и серьезно разработалъ пресловутый вопросъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны [3]).

Подобная осторожность, конечно, чрезвычайно полезна, но нельзя же забывать того, что Э. Гекель писалъ въ своей „Anthropogenie“: „для нашего объективнаго научнаго познанія безусловно доказано, что человѣческій родъ происходитъ прямо отъ обезьяны стараго свѣта“ [4]). Карлъ Фогтъ производитъ въ своихъ „Лекціяхъ о человѣкѣ“ три расы человѣческія отъ трехъ существующихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ: гориллы, шимпанзе и орангъ-утана [5]). Гёксли констатируетъ въ упомянутомъ своемъ трудѣ, что человѣкъ имѣетъ предкомъ человѣкоподобную обезьяну, современную или доисторическую [6]).

Взгляды современной науки на этотъ избитый вопросъ, какъ намъ кажется, вполнѣ объективно отражаются въ прекрасной работѣ Роберта Гартманна [7]), „Die Menschenähnlichen Affen“. Названный авторъ приходитъ къ слѣдующему результату: „Вообще, говоритъ онъ [8]), даже самые фантастическіе

---

[1]) Въ своемъ первомъ трудѣ „О Происхожденіи видовъ“ Дарвинъ совершенно умолчалъ о человѣкѣ; но даже въ „Происхожденіи человѣка“ этотъ послѣдній является какъ бы случайнымъ придаткомъ въ природѣ, безъ котораго природа могла бы невозмутимо существовать далѣе.

[2]) A. de Quatrefages. Histoire générale des Races Humaines, Paris, Hennyer 1887, p. 55.

[3]) E. Häckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, Berlin. Reimer. VII Aufl. 1879. S. 599.

[4]) E. Häckel. Anthropogenie oder Entwickelung des Menschen, Leipzig. Engelmann, III. Aufl. 1877, S. 727.

[5]) Karl Vogt. Vorlesungen über den Menschen, Giessen, Ricker 1863, B. II, S. 285. Нѣчто подобное предлагаетъ философъ Шопенгауеръ.

[6]) Гёксли. Положеніе человѣка и т. д.

[7]) Несравненно рѣзче относится къ данному вопросу Катрфажъ, l. c.,p. 56.

[8]) R. Hartmann. Die menschenähnlichen Affen und ihre Organisation im Vergleich zur menschlichen, Leipzig, Brockhaus, 1883, S. 279.

защитники дарвинизма все болѣе и болѣе склоняются къ убѣжденію, что человѣкъ не можетъ происходить ни отъ одной изъ живущихъ теперь антропоидныхъ формъ. Правда, что можно доказать близкое, во многихъ случаяхъ даже чрезвычайно близкое тѣлесное родство между человѣкомъ и антропоидными обезьянами, но нѣтъ возможности доказать прямого происхожденія первыхъ отъ послѣднихъ". „Это явствуетъ", продолжаетъ нашъ авторъ, едва-ли не лучшій знатокъ человѣкообразныхъ обезьянъ, „изъ условій тѣлеснаго развитія большихъ обезьянъ, которыя лишь въ юномъ возрастѣ весьма похожи на человѣка, со старостью же все болѣе и болѣе утрачиваютъ это сходство. Затѣмъ, я полагаю, что это же слѣдуетъ и изъ абсолютной неспособности къ дальнѣйшему развитію интеллектуальныхъ способностей нашихъ антропоидныхъ обезьянъ, интеллигентность которыхъ, правда, должна быть признана высшею, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ, даже чѣмъ у другихъ обезьянъ, но все же остается сильно позади интеллигентности человѣка, способнаго къ дальнѣйшему развитію". „Въ теченіи тѣлеснаго развитія своего антропоидная обезьяна все болѣе и болѣе отдаляется отъ человѣческой организаціи". Сильнѣе всего выражается это постепенное отклоненіе у гориллы [1]). Съ другой стороны Гартманъ вполнѣ согласенъ съ положеніями Гёксли [2]), по которому наиболѣе низко организованныя обезьяны съ анатомической точки зрѣнія отстоятъ отъ наиболѣе высокоорганизованныхъ далѣе, чѣмъ послѣднія отъ человѣка [3]).

Совершенно новую окраску принялъ въ послѣдніе годы чрезвычайно важный вопросъ о сходствѣ той или другой человѣческой расы съ обезьянами. Большее или меньшее сходство съ обезьяною являлось, конечно, ручательствомъ тому, что описанное племя можно было счесть за желанное „missing link" между человѣкомъ и обезьяною. Вотъ что по этому поводу высказываетъ одинъ изъ опытнѣйшихъ анатомовъ-антропометровъ, д-ръ Вейсбахъ: „Задача указать на какое либо племя, какъ на наиболѣе низкое по тѣлесному развитію своему, въ виду большаго числа обезьяньихъ чертъ, осложняется

[1]) Hartmann, l. c., S. 270.

[2]) Гёксли. О положеніи человѣка и т. д. стр. 117.

[3]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 269.

тѣмъ, что сходство съ обезьянами отнюдь не сосредоточивается исключительно на томъ или другомъ народѣ; напротивъ того, оно распредѣляется въ такой степени въ различныхъ частяхъ тѣла у различныхъ народностей, что каждая оказывается награжденною какимъ либо наслѣдіемъ отъ этого родства, конечно, одна въ большей, другая въ меньшей степени; даже мы, европейцы, отнюдь не можемъ претендовать на то, чтобы мы были совершенно свободными отъ этого родства" [1]). Въ послѣднемъ случаѣ намъ приходится указать на короткость всей кисти по отношенію къ суммѣ длины плеча и предплечья, затѣмъ на значительную длину предплечья въ сравненіи съ плечемъ у славянъ и романовъ. Другая черта, сближающая европейцевъ съ обезьянами,—ихъ тонкія губы. Мы спеціально приводимъ послѣднее замѣчаніе, чтобы показать, насколько правъ Гартманъ, говоря, что: „сходство (дикарей) съ обезьянами in specie въ состояніи отыскать лишь хорошій знатокъ организма этихъ животныхъ; публика же кидаетъ этими и подобными понятіями, не имѣя о нихъ въ сущности представленія" [2]).

Вейсбахъ сравнивалъ человѣка преимущественно съ орангъ-утаномъ, Іог. Ранке присоединилъ къ этимъ сравненіямъ шимпанзе и гориллу и резюмируетъ свои взгляды на сходство различныхъ народностей съ обезьянами слѣдующимъ образомъ: „Всѣ три вида человѣкоподобныхъ обезьянъ: горилла, шимпанзе, орангъ-утанъ отличаются отъ человѣка, насколько это касается отношенія между пропорціями тѣла и величиною всего тѣла, меньшимъ горизонтальнымъ обхватомъ всего черепа, болѣе длиннымъ корпусомъ и по отношенію къ длинѣ рукъ—болѣе короткими ногами. Относительно наибольшимъ горизонтальнымъ обхватомъ черепа отличаются, по Вейсбаху, по измѣреніямъ, произведеннымъ надъ живыми, готтентотты, равно какъ женщины акка и негрскихъ племенъ области Конго, тогда какъ европейскія племена стоятъ довольно низко въ этомъ ряду. Относительно наиболѣе короткій корпусъ вообще имѣютъ негры и австралійцы, и тѣ и другіе обладаютъ болѣе длинными ногами, въ сравненіи съ длиною

[1]) B. Weissbach. Reise der österreichischen Fregatte „Novara" etc. Anthropologischer Theil, 2. Abtheilung, Körpermessungen, Wien, 1867, S. 269.

[2]) Hartmann, l. c., S. 85, смотри также S. 79 ff.

ихъ ногъ, чѣмъ многіе европейцы. Въ виду этого, именно эти „ниже всего стоящіе дикари“ являются по отношенію къ главнымъ пропорціямъ крайностью въ образованіи человѣческаго тѣла, которая далѣе всего отстоитъ отъ обезьяны“ [1]).

Результатомъ борьбы изъ-за вопроса о положеніи человѣка въ природѣ является, поэтому, прежде всего сознаніе того, что современное естествовѣдѣніе въ настоящій моментъ безсильно въ стремленіи своемъ дать точную родословную человѣческаго рода. Съ другой стороны, выяснилось болѣе твердо и ясно, чѣмъ это было до сихъ поръ возможно, что человѣкъ не есть нѣчто самобытное, стоящее внѣ природы или сверхъестественное, а напротивъ того, членъ той природы, среди которой и въ которой онъ живетъ.

Но можно ли было сомнѣваться въ этомъ, спросимъ мы себя, принимая во вниманіе анатомическое строеніе и физіологическую жизнь человѣка? и неужели это весь результатъ этой шумной и жаркой борьбы, столь долго волновавшей все образованное человѣчество?

Представимъ себѣ, слѣдуя остроумному Гёксли [2]), что обитатели планеты Сатурна получили возможность отправить научную экспедицію на планету Гею, слѣдовательно на нашу землю. На этой Геѣ изслѣдователи вскорѣ натыкаются на особую породу млекопитающихъ, отличающихся вертикальною походкою; эти млекопитающія оказываются разсѣянными по всей планетѣ, но встрѣчаются въ нѣсколькихъ видахъ. Понятно, что изслѣдователи ловятъ нѣсколько экземпляровъ этихъ животныхъ, закупориваютъ ихъ въ бочки со спиртомъ и затѣмъ увозятъ вмѣстѣ съ прочею добычею на родную планету. Если бы тамошніе ученые въ лабораторіяхъ своихъ стали изслѣдовать животный міръ нашей Геи, то, конечно, никому изъ нихъ, въ виду незнакомства ихъ съ нашими нервными и абсолютно ненаучными спорами, не могло бы

[1]) Joh. Ranke. Der Mensch, Leipzig, Bibliograph. Institut 1887, B. II, S. 68. Интересны указанія того же автора по поводу волосатой „дѣвочки-обезьяны“ Крао. „Удивительно“, говоритъ онъ, между прочимъ, „что конецъ нашего столѣтія даже въ томъ напоминаетъ конецъ восемнадцатаго, что вопросы, столь давно схороненные, вновь заинтересовываютъ публику. Намъ опять показываютъ людей-обезьянъ, людей-собакъ, людей-медвѣдей“. S. 345. См. S. 341—359.

[2]) Гёксли. Положеніе человѣка и т. д., стр. 78, 79.

придти въ голову, чтобы species Homo Sapiens не было сродни прочему животному міру Геи.

Эта милая фикція Гёксли отнюдь не такъ невинна, какъ она можетъ показаться на первый взглядъ: она сразу ставитъ нашъ вполнѣ субъективный вопросъ на почву объективную и этимъ разрѣшаетъ его въ основѣ своей.

И такъ, человѣкъ—членъ природы; но гдѣ же его мѣсто въ ней?

Нѣтъ сомнѣнія, что даже въ той значительно смягченной формѣ, въ которой представляется намъ воззрѣніе современнаго естествовѣдѣнія на положеніе человѣка въ природѣ, это воззрѣніе возбуждаетъ въ насъ извѣстное болѣзненное и неудовлетворенное чувство. Если же мы попытаемся дать себѣ отчетъ въ этомъ ощущеніи, то мы увидимъ, что нами руководитъ не столько чувство оскорбленнаго и развѣнчаннаго властителя земли, сколько вся здравая человѣческая сила наша, возмущающаяся противъ того, чтобы мы, при всей зависимости нашей отъ природы и при всей близости нашего родства съ нею, могли стать въ одинъ разрядъ съ прочимъ животнымъ міромъ.

Несомнѣнно, правъ выдающійся предтеча дарвинизма Жофруа-Сантъ-Иллеръ, протестуя противъ того въ сущности еще довольно почетнаго мѣста, которое указали человѣку Блуменбахъ и Кювье [1]): „Обособленный въ группѣ, имѣющей значеніе порядка“, говоритъ онъ, „въ такомъ же разстояніи отъ обезьяны, какъ послѣдняя отъ плотоядныхъ, человѣкъ въ одно и то же время и слишкомъ близокъ и слишкомъ далекъ по отношенію къ млекопитающимъ. Слишкомъ близокъ, если мы примемъ во вниманіе возвышенныя способности, которыя ставятъ человѣка выше всѣхъ организованныхъ существъ и обезпечиваютъ ему не только первое, но и особое мѣсто въ природѣ; слишкомъ далекъ, если мы обратимъ вниманіе лишь на органическое сродство, которое связываетъ его съ четырерукими, въ особенности съ обезьянами, стоящими съ чисто естественно-научной точки зрѣнія ближе къ человѣку, чѣмъ полуобезьяны“ [2]).

---

[1]) См. стр. 53.

[2]) Is. Geoffroy St. Hillaire. Histoire Naturelle Générale des Règnes organiques. Paris, 1856. v. II, p. 187.

Дѣйствительно, человѣкъ членъ природы, но въ немъ живетъ тотъ духъ, который освобождаетъ его отъ оковъ природы и возноситъ надъ этою природою.

Человѣкъ первобытный находится подъ тяжкою властью матери-природы; онъ живетъ тою жизнью, которую предписываетъ ему эта то безконечно строгая, то безконечно щедрая мать. Но человѣкъ культурный проникаетъ, по мѣрѣ развитія своего, все глубже и глубже въ пониманіе строя природы, и, силою своего познанія природы, онъ постепенно эмансипируется отъ своей рабской зависимости отъ нея.

Онъ не теряетъ своей связи съ природою, можно даже сказать, что точки соприкосновенія его съ природою болѣе многочисленны [1]) и болѣе сознаны, чѣмъ у человѣка примитивнаго, но великая разница тутъ въ томъ, что культурный человѣкъ знаетъ природу и, уклоняясь отъ извѣстныхъ силъ и усиливая вліяніе другихъ, можетъ пользоваться механизмомъ ея и споспѣшествовать своему собственному развитію и благосостоянію; съ другой стороны, человѣкъ первобытный рабски и совершенно инстинктивно приспособляется къ природѣ, пока сама природа не воспитаетъ его и не пробудитъ въ немъ эмансипаціонныхъ желаній.

Насъ возвышаетъ надъ міромъ духъ нашъ. Въ чемъ же, однако, разнятся наши душевныя силы отъ интеллигенціи животныхъ? Древній философъ пиѳагореецъ Филолай училъ, что одному лишь человѣку свойственны φρένες, разумъ [2]). Аристотель говорилъ, какъ мы видѣли, что „человѣкъ есть животное, одаренное разумомъ“ [3]), а Бюффонъ, что „человѣкъ существо разумное, тогда какъ животное лишено разума“ [4]).

Крайніе представители современнаго естествознанія также не разъ задумывались надъ великою пропастью, отдѣляющей человѣка отъ животныхъ. Давидъ Штраусъ признаетъ за предкомъ-обезьяною особыя качества, онъ обозначаетъ его какъ обезьяну, одаренную способностью совершенствоваться въ

[1]) Fr. Ratzel. Völkerkunde, Leipzig, Bibliograph. Institut. 1885, S. 6.

[2]) Haeser. Lehrbuch der Geschichte der Medicin, Jena, Dufft 1875, 3. Aufl. B. I, S. 82.

[3]) См. выше, стр. 52. Одной лишь душѣ человѣка присущъ νοῦς (De Anima III. 8).

[4]) См. выше, стр. 24.

умственномъ отношеніи [1]). Заслуженный геологъ Ляйель примиряется съ противорѣчіемъ, заключающимся въ родствѣ столь различно одаренныхъ существъ, какъ человѣкъ и животное, исходя изъ того предположенія, что творецъ одарилъ созданіе, доразвившееся до совершенствъ человѣческой организаціи, безсмертіемъ; этимъ онъ сдѣлалъ его человѣкомъ [2]). Крайне неопредѣленно, но зато не покидая почвы естественнаго развитія организмовъ, выражается Ч. Дарвинъ о непосредственномъ предкѣ человѣка. Онъ характеризируетъ его какъ существо, покрытое волосами; уши его, вѣроятно, заострены и подвижны; онъ обладаетъ хвостомъ; самецъ и самка бородаты, но самецъ одинъ снабженъ прекрасными клыками; они несомнѣнно жили на деревьяхъ, въ странѣ теплой и лѣсистой и т. д. [3]).

Совершенно справедливо возмущается Снелль тѣмъ, что великій естествоиспытатель останавливается на этихъ болѣе или менѣе мелкихъ внѣшностяхъ, обходя серьезнѣйшій вопросъ о томъ, когда же и какимъ образомъ человѣкъ сталъ „человѣкомъ“ [4]). Но нельзя же забывать того, что Дарвинъ чрезвычайно подробно и основательно разобралъ вопросъ объ отличіяхъ и сходствѣ умственныхъ способностей людей и животныхъ [5]). Весьма удачно Дарвинъ резюмируетъ свои разсужденія по этому поводу, говоря, что „ощущенія и впечатлѣнія, различныя возбужденія и способности, какъ любовь, память, вниманіе, любопытство, подражаніе, разумъ и т. д., которыми гордится человѣкъ, встрѣчаются и у нисшихъ животныхъ въ зачаточномъ, а иногда и въ хорошо развитомъ состояніи“ [6]). Онъ признаетъ за этими качествами, что они до извѣстной степени способны облагораживаться путемъ наслѣдованія. Крайне сомнительнымъ кажется ему съ другой стороны, чтобы „извѣстныя духовныя способности, какъ способность образовывать общія

---

[1]) D. Fr. Strauss. Der Alte und der Neue Glaube. Bonn. Strauss VII Aufl. 1874. S. 204.

[2]) K. Snell. S. 39, 40.

[3]) Ch. Darwin. Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchtwahl, deutsch von V. Carus, Stuttgart, Schweizerbart, II. Aufl. 1883, S. 151.

[4]) K. Snell. S. 37, 38.

[5]) Дарвинъ, l. c. Глава 3 и 4.

[6]) Darwin. Abstammung des Menschen etc., S. 118.

понятія[1]), самосознаніе[2]) и т. д. были исключительно присущи человѣку"[3]). Дарвинъ видитъ въ нихъ побочные результаты другихъ далеко ушедшихъ въ своемъ развитіи интеллектуальныхъ способностей, тогда какъ эти послѣднія въ свой чередъ являются результатомъ постояннаго употребленія весьма развитаго языка. Тѣмъ не менѣе, нашъ авторъ приходитъ къ тому удивительному выводу, что: „очевидно, ни одно животное не будетъ въ состояніи наслаждаться такими сценами, какъ видъ ночного неба, прекраснымъ пейзажемъ или изящною музыкою; но подобными возвышенными объектами вкуса, которые по природѣ своей зависятъ отъ культуры и отъ сложныхъ ассоціацій, точно также не восхищаются и дикари и невоспитанныя личности" [4]). Не можемъ не указать на послѣдующія главы нашего труда—о развитіи изящныхъ искусствъ; въ нихъ читатель найдетъ достаточно доказательствъ, говорящихъ въ пользу художественнаго чутья и художественныхъ способностей дикарей. Что же касается до міра животныхъ, то не мѣшаетъ вспомнить о томъ высокомъ значеніи, которое Дарвинъ и его послѣдователи отводятъ эстетическимъ ощущеніямъ въ теоріи половаго подбора. Въ общемъ, однако, эти сомнѣнія не препятствуютъ Дарвину установить ту великую истину, что „какъ бы значительны ни казались отличія человѣка отъ высшихъ животныхъ въ умственномъ отношеніи, эти отличія все же сводятся на разность количественную, а не качественную" [5]).

Замѣчательнымъ подтвержденіемъ этой мысли являются взгляды современной науки на вопросъ о томъ, что такое инстинктъ животныхъ. Въ данномъ случаѣ теорія уже весьма близко подходитъ къ тому, что не разъ высказывала практика. Извѣстный путешественникъ-зоологъ Г. Радде писалъ еще въ 1862 г.: „Тотъ, кто испыталъ себя съ извѣстною удачею въ области наблюденій за органическимъ міромъ, вскорѣ начинаетъ пугаться слова инстинктъ и признавать за живот-

[1]) Избитая формула метафизиковъ, пользующаяся со времени Локка необычайною популярностью.

[2]) Въ этомъ самосознаніи Шлейденъ видитъ спасеніе отъ матеріализма. J. M. Schleiden. Das Alter des Menschengeschlechts etc., Leipzig, Engelmann 1863, S. 62. См. также Линней, стр. 40.

[3]) Darwin l. c., S. 118.

[4]) Darwin. Abstammung etc., S. 88.

[5]) Darwin. Abstammung etc., S. 118.

ными умственныя соображенія, болѣе или менѣе измѣнчивыя какъ въ видовомъ, такъ и въ индивидуальномъ отношеніяхъ, однако-же, замкнутыя въ извѣстныя границы"[1]). Съ другой стороны, Романесъ, въ своей весьма интересной книгѣ „о духовномъ развитіи въ царствѣ животныхъ", слѣдуя духу и ученію Дарвина, такимъ образомъ опредѣляетъ понятіе инстинктъ: „Инстинктъ есть рефлекторная дѣятельность, въ которую вносится элементъ сознательности"[2]). Въ этомъ опредѣленіи лежитъ уже значительная уступка въ сравненіи съ прежними представленіями объ инстинктѣ; въ этомъ опредѣленіи ясно высказывается тотъ колоссальный успѣхъ, которымъ нынѣ наука можетъ гордиться въ столь юной еще области изслѣдованій духовной жизни животныхъ[3]).

Разница между духомъ человѣка и животныхъ въ сущности неизмѣрима, но все же нельзя отрицать того, что существуютъ посредствующія ступени между этими двумя величинами. Мы находимъ ихъ какъ въ животномъ мірѣ, такъ и среди человѣчества, если принять во вниманіе различныя культурныя ступени народностей и различные уровни возрастовъ. Мышленія первобытнаго человѣка и ребенка даютъ намъ ту первичную зачаточную форму, которая сближаетъ насъ съ міромъ животныхъ. Развитію той количественной разницы между разумомъ человѣка и животныхъ, о которой мы выше упоминали, способствовала высшая организація мозговой, нервной, мышечной и скелетной системъ. Но эта разница остается количественною, а не качественною, даже въ той способности человѣка, которая способствовала, повидимому,

---

[1]) G. Radde. Reisen im Süden von Ostsibirien, St. Petersburg, Kaiserl. Akademie 1862, B. I. S. 142.

[2]) G. J. Romanes. Die geistige Entwickelung im Thierreich nebst Ch. Darwin's Ueber den Instinkt, Leipzig, Günther 1885, S. 169.

[3]) Въ интересной книгѣ психіатра Флемминга „Beiträge zur Philosophie der Seele", инстинктъ фигурируетъ еще какъ „органическое стремленіе" и „физическое чувство" (C. F. Flemming, Beiträge etc. Berlin. Enslin. 1830. Th. I. Die Menschenseele. S. 120. Th. II. Die Thier-seele. S. 39). Извѣстный философъ и медикъ Лотце допускаетъ въ своихъ лекціяхъ по психологіи, что животныя одарены въ соотвѣтствіи со своею тѣлесною организаціею „первоначальною суммою сознанія", которымъ онѣ руководствуются по столько же, по сколько мы случайнымъ представленіемъ во снѣ. Впрочемъ авторъ самъ признаетъ свою идею безплодною. H. Lotze, Grundzüge d. Psychologie, Dictate aus d. Vorlesungen, Leipzig. Hirzel 1881. S. 88.

болѣе другихъ [1]) усовершенствованію и дальнѣйшему развитію его счастливой организаціи; мы говоримъ о языкѣ человѣка. По мнѣнію Гекеля, развитіе членораздѣльной рѣчи явилось средствомъ для развитія человѣка изъ обезьяны-человѣка (Pithecanthropi), лишенной рѣчи (Alali) [2]). „Человѣкъ только потому человѣкъ, что владѣетъ способностью членораздѣльной рѣчи", восклицаетъ Овелакъ, „прежде это положеніе считалось неблагонадежнымъ, нынѣ оно стало избитой истиной" [3]). „Начало человѣка должно быть отнесено къ началу рѣчи", говоритъ Гунфальви [4]). Но изучая языкъ человѣка, мы опять-таки должны возвратиться къ онтогенезису его, должны изучить языкъ первобытныхъ людей, дѣтей и животныхъ.

Въ меньшей степени еще, чѣмъ данныя психологическія, могутъ способствовать обособленію человѣка отъ міра животныхъ данныя его физическаго строенія; въ то же время это физическое строеніе человѣка при всѣхъ совершенствахъ своихъ отнюдь не можетъ всецѣло объяснить намъ той культурной высоты, которой достигъ человѣкъ.

Несомнѣнно, конечно, что двурукость человѣка является драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ въ культурной жизни его [5]); несомнѣнно также, что дѣленіе людей и обезьянъ на bimana и quadrumana съ анатомической точки зрѣнія невѣрно. Заднія конечности обезьянъ соотвѣтствуютъ въ принципѣ своего построенія ногѣ человѣка, онѣ отличаются главнымъ образомъ лишь способностью противупоставлять большой палецъ другимъ, скрюченностью пальцевъ, большею подвижностью и отсутствіемъ свода стопы.

Эта нога приспособлена къ хватанію (Greiffuss Гартмана) [6]), но все же она не можетъ вращаться въ той степени,

---

[1]) Darwin. Abstammung etc., S. 83.

[2]) E. Häckel. Natürliche Schöpfungs-Geschichte, Berlin, Reimer, 7 Aufl. 1879, S. 613, 614.

[3]) Абель Овелакъ. Лингвистика. С.-Петербургъ. Пантелеевъ. 1881, стр. 18.

[4]) Hunfalvy. Congrés international d'Anthropologie et d'Archéologie cinquième session, p. 436. Цитир. у Овелака.

[5]) Рука, въ соединеніи съ интеллигентною силою человѣка, обезпечиваетъ ему владычество надъ міромъ. C. Bell. The Hand. Bridgeweter Treatise 1883, p. 38.

[6]) Hartmann. Archiv für Anthropologie 1876, S. 653. Hartmann. Menschenähnliche Affen etc., S. 138 ff.

какъ передняя конечность. Если даже признать, что ноги человѣкоподобныхъ обезьянъ являются настоящими ногами, то съ другой стороны приходится допустить, съ физіологической точки зрѣнія, что переднія и заднія конечности обезьянъ служатъ для однихъ и тѣхъ же отправленій [1]): обезьяны хватаютъ и лазаютъ при помощи ихъ, и лазанье является главнымъ способомъ передвиженія этихъ животныхъ.

Въ виду этого старинное раздѣленіе на дву- и четверорукихъ получаетъ нѣкоторую условную цѣнность, такъ какъ человѣкъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ принуждаетъ свои нижнія конечности къ выполненію обязанности верхнихъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя забывать того, что наши новорожденные держатъ ложку также хорошо большимъ пальцемъ ноги, какъ и рукою [2]); нубійцы при помощи большого пальца своей ноги удерживаются въ корабельныхъ снастяхъ; жители Филиппинскихъ острововъ поднимаютъ пальцами ногъ мелкія монеты съ земли [3]); ремесленники на востокѣ держатъ пальцами ногъ обрабатываемые ими предметы [4]); многіе туземцы замѣчательно своровываютъ при помощи пальцевъ ногъ мелкіе предметы на посѣщаемыхъ ими европейскихъ корабляхъ [5]); негры, малайцы, полинезійцы, индѣйцы и другія народности пользуются при лазаніи столь же искусно большимъ пальцемъ ноги, какъ и наше юношество или матросы. Интересно, что подобные люди даже при спокойномъ стояніи любятъ отставлять большой палецъ отъ другихъ пальцевъ, подобно обезьянамъ [6]); но конечно они не могутъ его противупоставлять другимъ пальцамъ подобно тому, какъ это дѣлаютъ обезьяны или какъ это дѣлаемъ мы на нашей рукѣ. Этого не достигаютъ даже тѣ исключительные виртуозы, которые, будучи лишены рукъ, играютъ на скрипкѣ, рисуютъ и выполняютъ различныя мелкія работы [7]). Способность употреблять ноги

---

[1]) Ranke. Der Mensch, B. I, S. 451.

[2]) E. Haeckel. Anthropologie, S. 482.

[3]) Пешель, Народовѣдѣніе, пер. подъ ред. Э. Петри, стр. 2 (печатается).

[4]) R. Andree. Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Neue Folge, Leipzig, Veit 1889, S, 230.

[5]) R. Andree, l. c., S. 232. 233.

[6]) Hartmann. Menschenähnliche Affen, S. 101.

[7]) Andree. Ethnographische Parallelen, S. 229.

для хватанія распространена повсюду, гдѣ нога, не стѣсняемая обувью, остается въ своемъ естественномъ состояніи [1]).

Очевидно, однако, что мы во всѣхъ случаяхъ употребленія ноги для хватанія имѣемъ дѣло съ приспособленіемъ органа, а не съ естественною функціей его. Эта послѣдняя сводится на хожденіе въ вертикальномъ положеніи. Положимъ, что и человѣкоподобныя обезьяны могутъ ходить въ вертикальномъ положеніи, но онѣ въ такомъ видѣ проходятъ лишь короткія разстоянія и притомъ не безъ труда. Походка гориллы (Gorilla Gina L. Geoffr.) весьма несовершенна: склонившись впередъ, она, собственно говоря, лишь переваливается съ боку на бокъ; опираясь тыльною стороною согнутыхъ пальцевъ объ землю, она постоянно закидываетъ руки впередъ. Такимъ образомъ она на половину прыгаетъ, на половину какъ бы раскачивается [2]). Хуже всѣхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ ходитъ орангъ-утанъ (Satyrus Orang. L.) [3]); лучше всѣхъ гиббонъ (Hylobartes Lar.), котораго иные естествоиспытатели даже не причисляютъ къ человѣкоподобнымъ обезьянамъ [4]); но и гиббонъ, собственно говоря, лишь балансируетъ при помощи рукъ, размахивая ими на подобіе крыльевъ [5]). Вертикальной походкѣ человѣкоподобныхъ обезьянъ вредитъ естественное склоненіе ихъ тяжелаго туловища впередъ, вслѣдствіе чего они балансируютъ руками, вредитъ и то, что всѣ онѣ отличаются выраженною наклонностью къ выворачиванію подошвы внутрь. Это легкое выворачиваніе подошвы внутрь на столько же способствуетъ лазанію, на сколько вредитъ твердости походки. Ранке, впрочемъ, правъ, говоря, что ручные медвѣди ходятъ въ вертикальномъ положеніи несравненно лучше, чѣмъ обезьяны [6]); то же можно сказать про пуделей; безъ всякой выучки могутъ двигаться въ вертикальномъ положеніи нѣкоторыя обезьяны стараго и новаго свѣтовъ, Ateles

---

[1]) Andree, l. c., S. 236. Въ цитированномъ сочиненіи Андрэ сообщаетъ богатѣйшія подробности по этому вопросу, см. стр. 228—237, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рядъ поправокъ, относящихся къ преувеличеніямъ въ этой области. См. также Ranke. Der Mensch, B. II, S. 61 ff.

[2]) Ranke. Der Mensch, B. II, S. 31.

[3]) Ranke, l. c., S. 30.

[4]) Ranke, l. c., S. 27.

[5]) Ranke, l. c., S. 29.

[6]) Ranke, l. c., B. II, S. 32.

Ill., Pithecia Ill., затѣмъ извѣстныя полуобезьяны, медвѣди, нѣкоторыя ихневмоны, ящеры и грызуны [1]).

Въ общемъ человѣкоподобныя обезьяны по строенію своему несравненно болѣе приспособлены къ хожденію на четвереньках и къ лазанію, чѣмъ къ вертикальной походкѣ.

Такимъ образомъ мы и тутъ встрѣчаемъ разницу, въ сущности говоря, лишь количественную, а не качественную. Но именно эта количественная разница, эта совершенная дифференцировка въ функціяхъ верхнихъ и нижнихъ конечностей, имѣетъ для человѣка громадное значеніе. Вертикальное хожденіе обезпечиваетъ человѣку величайшіе культурные успѣхи. Уже Овидій писалъ, что „всѣ животныя смотрятъ согбенныя на землю, человѣку же природа дала приподнятое чело и способность смотрѣть на небеса и обращать подъятый взоръ къ небу [2]).

Не менѣе Овидія увлекался вертикальной походкой человѣка поэтъ-философъ Гердеръ [3]); онъ широко распространяется о томъ, какія затрудненія возникли бы для человѣка, если бы онъ принужденъ былъ ходить на четвереньках [4]). Въ томъ же духѣ высказывался натурфилософъ Окенъ [5]), а Бурмейстеръ [6]) даже заявилъ, что человѣкъ достигъ высшаго своего отличія отъ животныхъ именно благодаря ногѣ, благодаря вертикальной походкѣ. Но какъ ни легко посмѣяться надъ подобными увлеченіями [7]), значеніе вертикальной походки для культурнаго развитія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: помимо всѣхъ другихъ перемѣнъ, происходящихъ въ организмѣ вслѣдствіе вертикальной походки, отъ нея прежде всего зависитъ свободное владѣніе передними конечностями, руками [8]).

Всматриваясь въ строеніе человѣка, мы должны признать,

---

[1]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S, 271.

[2]) Ovidi. Nas. Metamorphosi, I, 80.

[3]) Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Carlsruhe, Schneider, B. I, 1790. S. 179 ff.

[4]) Herder, l. c., S. 214 ff.

[5]) Oken. Lehrbuch der Naturphilosophie, Jena, Frommann, 2. Aufl 1831. S. 488.

[6]) Бурмейстеръ. Геологическіе этюды. Спб. 1863. Ч. I, стр. 72.

[7]) K. Snell. Vorlesungen über die Abstammung des Menschen, S. 49.

[8]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 51.

что мѣсто его въ природѣ съ точки зрѣнія морфологической зоологіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Не смотря на все превосходство человѣческой организаціи, эта организація является лишь высшею ступенью въ исторіи развитія органической формы. Руководясь законами онтогенезиса, „сравнительной анатоміи и систематики, мы можемъ отдѣлить человѣка развѣ только на подпорядокъ отъ остальныхъ двурукихъ современнаго намъ геологическаго періода“ [1]).

Ограничиваясь для человѣка тою же, въ сущности недостаточною классификаціею, которою пользуется зоологія, мы охотно готовы признать хотя бы систему Гартмана, которая въ общемъ сводится къ слѣдующему: порядокъ Quadrumana, какъ ненаучный, отмѣняется, вмѣсто него вновь вводится порядокъ Линнея Primates, объединяющій человѣка и обезьяну. Порядокъ Primates распадается на два семейства; первое: Primarii, включающее: a) Erecti (Homo sapiens), b) Anthropomorpha Linné; второе семейство: Simiina, включающее: a) Catarrhina и b) Platyrrhina [2]).

Такова морфологическая система; но эта морфологическая система удовлетворяетъ насъ также мало, какъ дарвиновская или гекелевская генеалогія человѣка: предъ нами по прежнему остается открытымъ роковой вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ сталъ человѣкомъ. „Если намъ дѣйствительно удастся открыть предполагаемый первичный типъ въ какомъ либо слоѣ земли“, говоритъ тотъ-же авторъ, „то все же изслѣдованію придется преодолѣть чрезвычайныя трудности, а именно, дать истолкованіе развитію разума и языка и развитію самодѣятельности умственныхъ способностей человѣка вообще. Но неужели намъ уже теперь прямо таки отказаться отъ возможности добиться когда либо въ будущемъ новыхъ откровеній въ этомъ отношеніи? Вѣдь это значило бы налагать нашему стремленію къ научнымъ изслѣдованіямъ такія узы, которыя едва ли достойны нашихъ прежнихъ духовныхъ побѣдъ. Будемъ, поэтому, смѣло работать далѣе!“ [3]).

Мы думаемъ, что это замѣчательное признаніе Гартмана лучше всего можетъ указать на несостоятельность чисто мор-

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе и т. д., стр. 5.

[2]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 267, 268.

[3]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 284.

фологической систематики въ примѣненіи къ явленію столь сложному, какъ человѣкъ.

Съ точки зрѣнія сравнительной анатоміи, эмбріологіи и палеонтологіи, человѣкъ состоитъ въ несомнѣнномъ родствѣ со всѣми прочими организмами. Но съ другой стороны, великая загадка, лежащая въ проявленіи столь исключительно высокой культурной силы человѣка, оставляетъ просторъ цѣлому ряду сомнѣній.

Мы отнюдь не желаемъ этимъ сказать, чтобы духъ и тѣло были совершенно независимы другъ отъ друга. Напротивъ того, тѣло является тою естественною почвою, на которой существуетъ и разростается духъ человѣка, точно также какъ географическія условія являются тою почвою, на которой антропологія должна изучать человѣка.

Мы думаемъ даже, что современное естествознаніе, въ стремленіи своемъ объединить органическій и неорганическій міры, а физіологія въ стремленіи своемъ ограничить монополію нервной системы и выдвинуть автономію органической клѣтки, современемъ подтвердятъ то, что еще въ прошломъ столѣтіи писалъ остроумный физикъ Лихтенбергъ: „что такое матерія, какою себѣ представляетъ ее психологъ? Быть можетъ, ничего подобнаго нѣтъ въ природѣ; онъ умерщвляетъ матерію, а затѣмъ говоритъ, что она мертва“ [1]).

Съ нашей субъективной точки зрѣнія мы не думаемъ, чтобы человѣчеству дѣйствительно пришлось преклониться предъ тою печальною гранью, которую воздвигнулъ ей своимъ пресловутымъ ignorabimus въ вопросѣ о связи между духомъ и матеріею знаменитый берлинскій физіологъ Дю-Буа-Реймонъ [2]). Мы не думаемъ, чтобы это была наука, выражаясь словами Георга Форстера, „для боговъ, а не для людей“. Не мѣшаетъ вспомнить, что эти слова Форстера относились къ первымъ проблескамъ, такъ называемыхъ, дарвинистическихъ ученій, которыя нынѣ глубоко изучены людьми науки и сдѣлались достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Всматриваясь пытливымъ взоромъ въ природу, мы должны

---

[1]) G. Ch. Lichtenberg. Vermischte Schriften, Göttingen, Dieterich 1800, B. I, S. 157.

[2]) Du Bois-Reymond. Ueber die Grenzen des Naturerkennens, Leipzig, Veit, 1882, S. 45.

признать, что въ ней существуетъ дивный общій планъ построеній, дивная цѣпь явленій, въ которой каждое данное явленіе обусловливаетъ безконечный рядъ другихъ явленій и въ свой чередъ обусловливается безконечнымъ рядомъ другихъ явленій. Подобное строгое и ненарушимое единство можетъ быть названо органическимъ; явленія, стоящія въ подобной связи, въ своемъ цѣломъ являются какъ-бы организмомъ. Этотъ организмъ живетъ; въ немъ идетъ безустанная борьба. То стремленіе, которое лежитъ въ этой борьбѣ, сводится, однако, не только на размноженіе и на сохраненіе данныхъ формъ, но и на совершенствованіе ихъ. Въ той смѣнѣ организмовъ, которую представляетъ намъ исторія нашей земли, мы легко узнаемъ это стремленіе къ совершенствованію и мы видимъ, что организмъ въ общемъ достигаетъ его. Но и въ той картинѣ, которая представляется намъ въ современной природѣ, мы точно также узнаемъ это стремленіе къ совершенствованію, и точно также отмѣчаемъ тѣ организмы, которые достигаютъ его.

Въ этой то борьбѣ, въ этомъ то стремленіи къ совершенствованію, составляющему какъ-бы смыслъ всей природы, человѣкъ несомнѣнно является наивысшимъ организмомъ. Отражая въ себѣ все развитіе органическаго міра[1]) и, проникая, благодаря генію своему, въ тайны природы, онъ освобождается изъ подъ непосредственной рабской зависимости своей отъ нея. Такимъ образомъ человѣкъ является лучшимъ и высшимъ результатомъ стремленія природы.

Болѣе глубокая классификація организмовъ, классификація, стоящая выше современныхъ болѣе или менѣе внѣшнихъ пріемовъ систематики и вникающая въ тайны міроваго генезиса, безъ всякаго сомнѣнія представитъ намъ картину, совершенно отличную отъ группировки Гартмана. Но къ подобной, дѣйствительно научной классификаціи сдѣлано едва лишь начало. Это дѣло будущаго. Съ точки зрѣнія современныхъ свѣдѣній нашихъ, мы можемъ, поэтому, лишь высказать, что для насъ по столько же несомнѣнно органическое родство человѣка съ природою, поскольку его неизмѣ-

---

[1]) Вдохновенный Оке́нъ говоритъ, что „человѣкъ есть весь животный міръ“. Oken. Naturphilosophie etc., S. 489, § 3663.

римое превосходство въ духовномъ отношеніи надъ всѣми прочими организмами.

Исходя изъ этихъ мыслей, мы можемъ свести наши разсужденія о положеніи человѣка въ природѣ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

Человѣкъ есть членъ природы; въ біологическомъ отношеніи онъ несомнѣнно организованъ по тѣмъ же принципамъ, какъ и всякое другое органическое существо въ природѣ; въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ онъ несомнѣнно подлежитъ тѣмъ же естественнымъ законамъ, которые существуютъ для неорганическаго и органическаго міровъ. Человѣкъ членъ природы, но въ послѣдовательномъ ряду существъ онъ, по превосходству своей организаціи, выражающемуся главнымъ образомъ въ исключительной высотѣ его духовныхъ способностей, занимаетъ наивысшее и притомъ обособленное положеніе.

Глава V.

Классификація человѣческаго рода.

(Продолженіе).

Основы зоологической систематики и вопросъ о видѣ.—Единство или множественность человѣческаго рода.—Трудность установленія антропологическаго типа.—Попытки къ классификаціи человѣческаго рода.—Разборъ антропологическихъ признаковъ.—Черепъ.—Мозгъ.—Скелетъ.—Волосы.—Второстепенные физическіе признаки.—Выводы относительно соматическихъ признаковъ.—Языкъ.—Признаки этнологическаго и соціологическаго характеровъ.—Неустойчивость антропологическихъ признаковъ.—Три антропологическихъ типа.—Типы периферическіе.—Раса и народность.

Положеніе человѣка въ природѣ является и скромнымъ и великимъ въ одно и тоже время. Какъ ни ничтожны были начала человѣчества, въ нихъ лежала вся сила будущности его; какъ ни неудовлетворительно съ точки зрѣнія современнаго человѣка настоящее состояніе человѣчества, но оно обезпечиваетъ ему величайшую будущность. Мы останавливаемся, однако, предъ вопросомъ суровой исторіи,—едино ли человѣчество или множественно по своему происхожденію, въ виду той страшно неравной участи, которую претерпѣвали и очевидно будутъ претерпѣвать различныя народности.

Мы указали въ предыдущей главѣ на то, что обыденную зоологическую систематику нужно считать абсолютно недостаточною для человѣка. Но помимо несовершенства самихъ зоологическихъ методовъ, вопросъ о расовой классификаціи человѣчества для насъ осложненъ цѣлымъ рядомъ предразсудковъ, коренящихся въ самой природѣ человѣка. Весьма мѣтко Ратцель говоритъ, что „во всѣхъ сужденіяхъ нашихъ о народахъ, несомнѣнною основою являются чувства личнаго

самовозвеличенія, по которому всякій изъ насъ скорѣе готовъ подумать что либо худое, чѣмъ что либо хорошее о своемъ ближнемъ“ [1]). Но не смотря на это субъективное осложненіе, которое усиливалось для насъ, европейцевъ, тѣмъ, что намъ столь естественно было предаваться самовозвеличенію въ виду нашихъ культурныхъ успѣховъ и въ тоже время искать оправданія той алчности и жестокости, которую мы проявили по отношенію къ племенамъ некультурнымъ, не смотря на это вопросъ о классификаціи человѣчества долженъ былъ испытать ту же участь, какъ и всѣ вопросы естественно-научныхъ классификацій.

Какъ извѣстно, первое понятіе о видѣ, равно какъ и нѣкоторыя попытки къ болѣе точнымъ опредѣленіямъ въ области систематики даны были Джономъ Рейемъ [2]). Но то, что было намѣчено англійскимъ изслѣдователемъ, получило свою окончательную форму въ трудахъ Карла Линнея [3]). Для Линнея, однако, значеніе систематики сводилось на пріобрѣтеніе цѣлесообразнаго пособія при естественно-научныхъ работахъ; система была для него нитью Аріадны [4]) и дѣйствительно явилась таковою для всѣхъ послѣдующихъ естествоиспытателей. Сознавая искусственность построенія своихъ системъ, Линней вмѣстѣ съ тѣмъ стремился къ возможному приближенію къ природѣ; такъ, онъ указываетъ въ своей „Systema naturae“ на то, что естественно-научная классификація животныхъ должна находиться въ зависимости не только отъ внѣшняго, но и внутренняго строенія ихъ [5]). Мы говорили уже выше о значеніи Линнея и о его опредѣленіи вида [6]). Мнѣніе о постоянствѣ вида стало господствующимъ со временъ Линнея. Раздававшіеся противъ этого ученія протесты не имѣли большаго значенія до окончательнаго переворота во взглядахъ естествоиспытателей, совершившагося уже въ нашемъ столѣтіи. За извѣстное соотношеніе между всѣми членами при-

---

[1]) Ratzel. Völkerkunde, B. I, S. 4.

[2]) См. стр. 22. J. V. Carus. Geschichte der Zoologie, S. 428—447.

[3]) См. стр. 22, 23.

[4]) Caroli. Linnaei. Philosophia botanica, § 156.

[5]) J. V. Carus. Geschichte der Zoloogie, S. 501. „Съ этой точки зрѣнія его искусственная система становится въ значительной степени естественною“.

[6]) См. выше, стр. 22—24.

роды, за органическій планъ, которымъ проникнута природа [1]), стоялъ болѣе или менѣе твердо Бюффонъ, склонившійся подъ конецъ жизни къ мнѣнію о непостоянствѣ вида [2]). Боннетъ создалъ цѣлую лѣстницу послѣдовательнаго развитія организмовъ, оставаясь въ тоже время защитникомъ постоянства вида [3]). Оригинальный Робине (1735—1820) отрицалъ существованіе видовъ, признавая лишь индивидуумы, связанные между собою незамѣтными переходами, и приписывалъ матеріи жизнь [4]). Не лишнимъ будетъ вспомнить, что П. С. Палласъ (1741—1811), желая пояснить свою мысль о постепенномъ совершенствованіи организмовъ, повидимому, впервые употребилъ столь излюбленное въ настоящее время сравненіе развитія организмовъ съ многократно развѣтвляющимся деревомъ [5]). Ученіе о постоянствѣ вида получило, однако, сильнѣйшее подкрѣпленіе въ лицѣ Кювье. Характернѣйшимъ стремленіемъ Кювье была замѣна системъ искусственныхъ естественными. Въ этомъ стремленіи мы видимъ существеннѣйшее отличіе эпохи Кювье въ сравненіи съ эпохой Линнея: въ данномъ случаѣ, система должна была изображать нѣчто дѣйствительное, существующее, а отнюдь не служить однимъ лишь пособіемъ для изслѣдователей. Подъискивая постоянныя характерныя черты въ организмахъ, придерживаясь „субординаціи характеровъ“ [6]), т. е. подчиненія характерныхъ чертъ, Кювье пришелъ къ своимъ Embranchements, названными впослѣдствіи, по мысли Бленвиля (1816), типами [7]); эти типы представляли группы, которыя, не смотря на извѣстную связь въ строеніи, все же созданы были по абсолютно различнымъ планамъ [8]).

Ученіе Кювье, выдвинувшее въ особенности морфологическіе признаки при классификаціяхъ [9]), получило иную

[1]) J. V. Carus. Geschichte der Zoologie, S. 525.

[2]) Carus, l. c, S. 524.

[3]) Ibid. S. 527.

[4]) Ibid. S. 528. См. его „De la nature, Amst. 1761—66. Considérations philosophiques de la gradation naturelle des formes de l'être. Amst. 1767.

[5]) J. V. Carus, S. 536.

[6]) Cuvier. Sur un nouveau rapprochement à établir les classes qui com posent le régne animal. An. du Mus. d'hist. natur., XIX, p. 73.

[7]) Carus, S. 616.

[8]) Cuvier, l. c., p. 76.

[9]) Carus, l. c., S. 600.

жизнь, иное направленіе, благодаря К. Э. Бэру, введшему въ систематику новый плодотворный элементъ — эмбріологію и восполнившему такимъ образомъ существеннѣйшій пробѣлъ въ классификаціяхъ [1]). Крайній послѣдователь Кювье въ вопросѣ о постоянствѣ вида, Агасси, ввелъ, какъ новое пособіе при систематикѣ, палеонтологическія данныя; при этомъ онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что животныя, ископаемые родственники которыхъ геологически выступаютъ ранѣе родственниковъ другихъ животныхъ, въ системѣ должны стоять ниже этихъ животныхъ [2]).

Всѣ эти работы подготовили новѣйшій переворотъ въ естественныхъ наукахъ, переворотъ, начатый предшественниками Дарвина, изъ которыхъ прежде всего заслуживаетъ упоминанія Ламаркъ [3]) и Э. Жоффруа Сентъ-Илеръ [4]), и завершенный въ 1859 году знаменитымъ трудомъ самого Дарвина „О происхожденіи видовъ“ [5]). По ученію Дарвина, существуютъ лишь индивидуумы; видъ понимается имъ лишь какъ группа индивидуумовъ, стоящихъ ближе всего другъ къ другу. Подобно видамъ, образуются и другія группы по степени сходства ихъ. Сходство опредѣляется естественнымъ родствомъ, дѣйствительнымъ кровнымъ родствомъ, имѣя въ виду, что всѣ существа едины по происхожденію, но развѣтвляются при своемъ развитіи изъ простѣйшихъ формъ, путемъ измѣненія и дифференцировки, подобно дереву, на которомъ только ближайшія части въ тоже время ближе всего другъ къ другу по кровному родству.

Такимъ образомъ мы вступаемъ въ совершенно новую эру систематики, въ которой система прежде всего является отраженіемъ родословной животныхъ. „Естественная система генеалогична по своему распорядку, причемъ степени тѣхъ отли-

---

[1]) K. E. v. Baer. Ueber die Verwandschaftsverhältnisse der niederen Thierformen. Nova Acta Acad. Leop. Carol., T. XIII, P. II 1827, p. 747. Entwickelungsgeschichte der Thiere. 1828, B. I, S. 206.

[2]) Carus System der thierischen Morphologie 1853, S. 391.

[3]) Lamarck. Philosophie Zoologique, Paris 1809, nouv. éd. p. Martins. Paris 1873.

[4]) Etienne. *Geoffroy Saint. Hilaire.* Mém. du Mus. d'hist. natur., T. XVII 1828 и Mém. de l'Instit. Acad. d. Sc. T. XII, 1832.

[5]) Ch. Darwin. On the Origin of Species by means of natural selection. London 1859.

чій, въ которыхъ разошлись различныя развѣтвленія, обозначены искусственными терминами подвидъ, видъ, родъ, семейство, порядокъ и классъ“ [1]). Въ эту эпоху данныя палеонтологіи и эмбріологіи получаютъ впервые свое дѣйствительно научное примѣненіе. Основываясь на эмбріологическихъ данныхъ, пользующихся столь громаднымъ значеніемъ въ современной систематикѣ, Гекель установилъ (1866) свой біогенетическій основной законъ: „онтогенезисъ (исторія развитія) есть краткое и быстрое повтореніе филогенезиса (исторія племени), обусловливаемое физіологическими функціями наслѣдованія и приспособленія“ [2]).

Но если это ученіе закрѣпило въ умахъ антропологовъ мысль объ органическомъ родствѣ человѣка съ природою, то другою великою заслугой современной дарвинистической натурфилософіи является то, что она доставила вопросу объ единствѣ человѣческаго рода полное право гражданства [3]). Положимъ, что единство человѣческаго рода находило и прежде защитниковъ среди выдающихся ученыхъ самыхъ противуположныхъ направленій; оно признавалось Линнеемъ, Блуменбахомъ, Кювье, Іоганнесомъ Мюллеромъ, А. Гумбольдтомъ, Ламаркомъ и другими [4]). Оно и въ настоящее время признается учеными различнѣйшихъ лагерей, Дарвиномъ, Кольманомъ и болѣе или менѣе выраженными противниками крайностей дарвинизма—Бэромъ, Вирховымъ, Ранке, Бастіаномъ, Катрфажемъ и многими другими. Это ученіе можетъ считаться господствующимъ въ современной антропологіи. Съ другой стороны, однако, понятіе объ единствѣ человѣческаго рода, окончательное усвоеніе котораго должно существенно измѣнить наше отношеніе къ племенамъ малокультурнымъ, все еще довольно чуждо образованной публики; даже болѣе того, ученіе о множественности человѣческаго рода, господствовавшее въ наукѣ въ

---

[1]) Ch. Darwin. Ueber die Entstehung der Arten durch natürliche Zuchtwahl, nach der VI. Aufl. deutsch von Bronn u. J. V. Carus, Stuttgart, Schweizerbart 1876, S. 543.

[2]) E. Häckel. Generelle Morphologie, Berlin 1866, B. II, S. 295, Häckel Studien zur Gasträatheorie, Jena 1877, S. 7. См. впрочемъ также *Fritz Müller*, Für Darwin, Leipzig 1864, S. 76, 77, 81.

[3]) Ranke. Der Mensch, B. II, S. 231.

[4]) См. выше стр. 29, 30.

теченіи столь многихъ лѣтъ, оставило по себѣ не мало слѣдовъ въ воззрѣніяхъ и пріемахъ современной антропологіи.

Положимъ, что на первый взглядъ нельзя не согласиться съ элементарной точкой зрѣнія, сторонящейся отъ всякой возможности родства съ племенами отличными отъ насъ по виду. Въ этомъ легко убѣдиться, сопоставивъ два крайнихъ типа, хотя-бы, напримѣръ, европейца и негра. Ихъ нельзя не отличить. Негръ обладаетъ даже болѣе выраженнымъ и обособленнымъ типомъ, чѣмъ европеецъ, имѣющій много общихъ чертъ съ нѣкоторыми монголоподобными племенами. Негръ отстоитъ по типу своему отъ европейца и отъ монгола далѣе, чѣмъ эти послѣдніе другъ отъ друга; негра можно считать однимъ изъ наиболѣе выдержанныхъ типовъ въ человѣчествѣ. Современное народовѣдѣніе рисуетъ намъ типъ негра приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: яйцевидный черепъ; покатый лобъ; звѣрообразно выдающіяся челюсти; толстыя губы; широко приплюснутый носъ; короткіе, курчавые, черные волосы; цвѣтъ кожи черный или черноватый; кожа обладаетъ специфическимъ прогорклымъ запахомъ; руки длинныя; икры отсутствуютъ; пяточная кость чрезмѣрно удлинена; стопа плоска (pes valgus). Но стоитъ лишь ближе всмотрѣться въ этнографію негровъ, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ томъ, что этотъ характернѣйшій и точнѣйшій изъ всѣхъ типовъ человѣчества допускаетъ множество существеннѣйшихъ отклоненій, приближающихъ его къ другимъ типамъ или, выражаясь условнымъ языкомъ, къ другимъ расамъ. Темнокожіе іолофы не имѣютъ выдающихся скулъ и толстыхъ губъ [1]), они отличаются значительною красотою въ европейскомъ смыслѣ слова; у батонга носы заострены [2]); у кизама и у вазонгора они загнуты или прямы [3]); кожа вагума напоминаетъ по окраскѣ кожу мулатовъ [4]); въ Марги встрѣчаются мѣднокрасные негры [5]), на нижнемъ Конго— краснокоричневые [6]); среди монбутту зачастую встрѣчаются

[1]) Mungo-Park. Beisen, Berlin 1799, S. 14.

[2]) W. Reade. Savage Africa, p. 515.

[3]) Hamilton. Journal of the Antropolog. Institute, London 1872, v. I, p. 187. Stenlay. Durch den dunklen Welttheil, Leipzig, Brockhaus, B. I, S, 424.

[4]) Stanley, l. c.

[5]) Barth. Nord-und Centralafrica, B. II, S. 465.

[6]) Stanley, l. c., B. II, S. 471.

пепельно-русые индивидуумы [1]), не говоря уже о рыжихъ, такъ какъ рыжій цвѣтъ волосъ нужно считать интернаціональнымъ; бафіоты обладаютъ хорошо развитыми икрами, подобно другимъ народамъ Атлантическаго побережья экваторіальной Африки [2]); запахъ кожи негровъ до нѣкоторой степени уничтожается [3]) при чистотѣ и даже отсутствуетъ, напримѣръ, у баянзи, народности средняго Конго [4]) и т. д.

По нашему мнѣнію, замѣчаніе Винвуда Рида, что „типичный негръ среди негровъ рѣдкій подвидъ“ [5]), до крайности преувеличено, но съ другой стороны не можетъ подлежать сомнѣнію, что путешественники зачастую поражаются отсутствіемъ чисто негрскихъ признаковъ среди обитателей Африки. Но то, что мы констатировали относительно наиболѣе выдержаннаго типа, примѣняется, конечно, въ несравненно большей степени къ другимъ расамъ. Всякій изъ насъ имѣетъ весьма опредѣленное представленіе о типахъ русскаго, нѣмца, француза и т. д. Но стоитъ лишь побывать въ различныхъ странахъ Европы и съумѣть, такъ сказать, извлечь встрѣчающіеся типы изъ обстановки ихъ, костюма, способа носить волосы и т. д., чтобы найти безконечное множество интернаціональныхъ лицъ, могущихъ съ одинаковымъ правомъ принадлежать къ тому или другому племени. То же самое испытываютъ наблюдатели, находясь среди племенъ совершенно неевропейскихъ. Какъ характерно, далѣе, то обстоятельство, что публика постоянно обращается къ людямъ свѣдущимъ съ запросами относительно подлинности тѣхъ кафровъ, индѣйцевъ, австралійцевъ, самоѣдовъ и т. д., которые въ послѣдніе годы столь часто показываются въ городахъ Европы. Въ данномъ случаѣ публика не можетъ отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, что эти типы ничто иное, какъ ихъ же переодѣтые и загримированные сродичи. Уимперъ разсказываетъ о томъ, что въ Америкѣ въ городахъ, гдѣ китайцы и японцы встрѣчались чуть ли не на каждомъ шагу, съ ними смѣшивали привезенныхъ туда чукчей и алеутовъ [6]). Въ экспедиціи Уилькса европейцамъ слу-

---

[1]) Schweinfurth. Im Herzen von Afrika, Leipzig, Brockhaus, B. II, S. 107.
[2]) Pechuel-Lösche. Zeitschrift für Ethnologie 1878, S. 20.
[3]) Die Loango-Expedition: Falkenstein, B. II, Leipzig, 1879, S. 36.
[4]) Johnston. Der Kongo, Leipzig, Brockhaus 1884, S. 370.
[5]) W. Reade, Savage Africa, p. 516.
[6]) Whymper. Alaska, Braunschweig, Vieweg, 1869, S. 273.

чилось смѣшать ирландца, одичавшаго среди полинезійцевъ, съ полинезійцами [1]). Исканіе антропологическаго типа является, поэтому, дѣломъ чрезвычайно труднымъ, а если держаться условныхъ рамокъ антропологической систематики—даже тщетнымъ [2]).

Эти эмпирическія данныя могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ тѣмъ многочисленнымъ попыткамъ къ классификаціи человѣческаго рода, которыми въ настоящее время обладаетъ наша наука. Мы приводимъ здѣсь списокъ мнѣній нѣкоторыхъ ученыхъ о числѣ расъ или группъ человѣчества, независимо отъ того, стояли ли названные авторы за единство или за множественность человѣческаго рода:

Вертъ, Лундъ	1
Вирэ, Мецланъ, Мейнерсъ	2
Жакино, Кювье, Брадлей, Гобино, Бюшингъ, Даллъ, Катрфажъ, Топинаръ.	3
Линней, Фр. Бернье, Кантъ, Циммерманъ, Карусъ, Гексли, Пикерингъ, Лейбницъ	4
Блуменбахъ, Д'Омаліусъ д'Аллуа, Окенъ, Гольдфусъ	5
Бюффонъ (?), Дюмериль, Лессонъ . . .	6
Гёнтеръ, Причардъ, Флоуеръ, Пешель .	7
Агасси, Мори	8
Пикерингъ, Жоффруа Сентъ-Илеръ. . .	11
Гекель, Мюллеръ, Дюмуленъ, Герландъ .	12
Бори-Сентъ-Венсенъ	15
Дюмуленъ, Малте-Брюнъ	16
Колльманъ	18
Мортонъ.	22
Крауфордъ	60
Бёркъ.	63
Глиддонъ	150 и болѣе.

[1]) A. Bastian. Das Beständige in den Menschenrassen, Berlin, Reimer 1868, S. 9.

[2]) Много интересныхъ указаній по данному вопросу можно найти въ замѣчательной работѣ А. П. Богданова, Антропологическая физіогномика, Изв. Имп. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Т. XXXI. Москва, 1878. Основная мысль Богданова—подготовить матеріалъ къ опредѣленію „русскаго типа".

Американская школа заходитъ въ сущности еще далѣе: она допускаетъ „столько видовъ, сколько возможно вообще установить народныхъ типовъ; видовъ, разсѣянныхъ однимъ великимъ взмахомъ Сѣятеля-Творца и притомъ тотчасъ же въ большомъ числѣ, подобно пчелинымъ роямъ; видовъ, помѣстившихся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они и понынѣ сидятъ“ [1]).

Эти колебанія отъ одной расы, или вида, до 150 или даже до неопредѣленнаго числа производятъ удручающее впечатлѣніе; онѣ безпощадно свидѣтельствуютъ о томъ, что наука въ данномъ случаѣ не имѣетъ твердой почвы подъ ногами. И эта рознь между учеными является тѣмъ болѣе безнадежной, что общность цифры, стоящей противъ извѣстнаго ряда именъ, отнюдь не говоритъ еще за то, чтобы мотивы, приводимые учеными въ пользу данной цифры, были одинаковы.

Знаменитый анатомъ и антропологъ Блуменбахъ признаетъ, напр., существованіе пяти человѣческихъ расъ. Онъ далъ намъ классификацію, которая все еще господствуетъ если не въ наукѣ, то въ нашихъ географическихъ учебникахъ, свято хранящихъ преданія старины глубокой. Блуменбахъ руководствовался при своей классификаціи прежде всего окраскою кожи, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе внѣшніе признаки, какъ, напр., строеніе черепа, цвѣтъ и внѣшнюю форму волоса; такимъ образомъ онъ отличаетъ бѣлыхъ кавказцевъ, блѣдножелтыхъ монголовъ, черноватыхъ эфіоповъ, мѣднокрасныхъ американцевъ и малайцевъ каштановаго цвѣта [2]). Нечего и говорить, что это дѣленіе немыслимо съ точки зрѣнія современной науки, что негры отнюдь не всѣ черноватаго цвѣта [3]), что американцы не мѣднокрасны, а представляютъ безконечные переходы отъ чрезвычайно темно-коричневаго цвѣта до легкой смуглой окраски южнаго европейца [4]) и т. д.

Геніальный Окенъ даетъ въ своей натурфилософіи, на которую мы уже не разъ указывали, какъ на источникъ, исполненный глубокомысленныхъ и поразительныхъ предчувствій о будущихъ путяхъ естествознанія, слѣдующую стран-

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 33.

[2]) Blumenbach. De generis humani varietate nativa. Gottingae, Editio III, 1795, p. 286—295.

[3]) См. стр. 76, 77.

[4]) Peschel-Kirchhoff. Völkerkunde, VI. Aufl., S. 425.

ную классификацію по развитію пяти чувствъ: 1) кожный человѣкъ, черный—африканецъ, соотвѣтствуетъ ступени нисшихъ животныхъ; 2) языковый, коричневый — австраліецъ и малаецъ, соотвѣтствуютъ ступени собаки; 3) носовой человѣкъ, красный — американецъ, соотвѣтствуетъ ступени медвѣдя; 4) ушной человѣкъ, желтый—азіатъ, монголъ, ступень обезьяны; 5) глазной человѣкъ, бѣлый—европеецъ, стоящій на ступени человѣка [1]). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что дикія формы этой классификаціи до извѣстной степени смягчаются въ томъ тяжеломъ метафизическомъ туманѣ, который нависъ надъ всею системою Окена, но все же даетъ возможность видѣть въ этихъ параллеляхъ грандіозное исканіе единства въ мірозданіи. Гольдфусъ различаетъ пять расъ соотвѣтственно уровню культурнаго развитія ихъ: 1) эфіопляне, живутъ животною жизнью; 2) малайцы, уподобляются груднымъ дѣтямъ, живутъ плодами деревъ и полей; 3) американцы, находятся въ бурномъ возрастѣ подростковъ, бродячіе охотники, ѣдятъ мясо; 4) монголы, являются соединеніемъ двухъ предшествовавшихъ группъ, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; 5) кавказцы, повторяютъ предшествующія группы въ высшей ступени [2]). Конечно, подобная классификація абсолютно ненаучна, такъ какъ культурный уровень есть величина крайне измѣнчивая.

Съ другой стороны, необходимо указать на то, что одинъ и тотъ же признакъ, какъ, напр., окраска кожи, подавалъ поводъ къ различнѣйшимъ комбинаціямъ. Какъ выдающаяся составная часть, этотъ признакъ входитъ въ системы. Напр.: Вирэ—двѣ расы; Мейнерса — двѣ расы; Топинара — три расы; Бернье—четыре расы; Гёксли—четыре расы; Пикеринга — четыре расы; Д'Омаліуса — пять расъ; Блуменбаха—пять расъ; Бюффона—шесть расъ; Гёнтера — семь расъ, и т. д. и т. д.

Это тщетное исканіе критерія для классификаціи человѣческихъ расъ представляетъ намъ прекрасную аналогію къ подобнымъ же безрезультатнымъ попыткамъ по отношенію къ другимъ органическимъ представителямъ. Орнитологія, напр.,

---

[1]) Oken. Naturphilosophie, § 3360—3664, см. также § 3669.

[2]) Weerth. Die Entwickelung der Menschen-Rassen u. s. w., Lemgo. Meyer. 1842, S. 8.

область сравнительно хорошо изслѣдованная, по крайней мѣрѣ относительно странъ европейскихъ; тѣмъ не менѣе, въ германской орнитологіи, Бехштейнъ различаетъ 379 видовъ, Мейеръ и Вольфъ—406, Брэмъ—900 [1]). Прекрасный зоологъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайній дарвинистъ Гекель, не мало потрудившійся надъ разрушеніемъ понятія о стойкомъ видѣ, доказываетъ въ своей „Monographie der Kalkschwämme", что Calcispongii могутъ быть съ одинаковымъ правомъ раздѣлены на 3, 21, 111, 289, 591 видовъ [2]).

Имѣя дѣло съ массою человѣчества, которую мы исчисляемъ приблизительно въ 1.497.328.000 и которая распадается на группы, очевидно, крайне несхожія между собою, мы не можемъ не уступить научной и практической потребности, заставляющей насъ внести въ эту громадную массу нѣкоторый порядокъ. Вопросъ весь сводится, слѣдовательно, къ тому, можемъ ли мы въ данномъ случаѣ подъискать какіе либо признаки, по которымъ человѣчество дѣлилось бы на группы, и въ какомъ отношеніи будетъ стоять принятое нами группированіе къ общимъ требованіямъ зоологической систематики. Не можемъ не указать при этомъ на то, что въ вопросѣ о классификаціи человѣчества уже издавна и рѣзко выдѣлялось два теченія: одно, въ которомъ господствовала мысль объ единствѣ человѣческаго рода, другое—идущее въ обратномъ направленіи и жаждущее найти въ антропологическихъ признакахъ доказательства кореннаго превосходства европейскаго племени надъ малокультурными неевропейскими племенами.

Антропологическіе признаки, имѣющіеся и понынѣ въ виду при классификаціи человѣчества, группируются слѣдующимъ образомъ: черепъ; мозгъ; скелетъ; цвѣтъ кожи; запахъ ея; цвѣтъ и строеніе волосъ; глаза; рѣчь; обычаи; темпераментъ; душевный міръ.

Болѣе всего возлагалось въ свое время надеждъ на черепъ. Казалось, что не трудно было найти въ твердыхъ формахъ черепа твердую опору для классификаціи расъ. Однако и тутъ, какъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся антропологіи, мы прежде всего наталкиваемся на то, что невыясненной остается

---

[1]) E. Häckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte, S. 246.
[2]) E. Häckel. Die Kalkschwämme, Berlin, Reimer, 1872.

коренная задача измѣренія: что измѣрять и съ какой цѣлью. Характерно уже то обстоятельство, что наша наука до сихъ поръ лишена общей схемы для измѣренія череповъ: по соглашенію антропологовъ нѣмецкой школы, которому, однако, слѣдуютъ отнюдь не всѣ нѣмецкіе антропологи, считается необходимымъ 32 измѣренія [1]); по французской схемѣ — 26 [2]); по англійской — 11; есть даже система въ 139 измѣреній [3]).

Еще болѣе глубокое значеніе имѣетъ разногласіе ученыхъ по вопросу о стойкости или измѣняемости черепа. Вотъ что пишетъ по этому поводу опытный краніологъ Краузе: „скелетъ человѣка, а въ особенности черепъ, какъ выразитель мозга, являются тѣми частями тѣла, которыя устойчивѣе всѣхъ другихъ сохраняютъ типъ расы, тогда какъ ростъ, цвѣтъ кожи, волосы, обычаи, языкъ гораздо легче мѣняются подъ вліяніемъ климата, образа жизни, питанія, мѣста жительства, обычаевъ и свычаевъ. Положительную почву для правильной систематики человѣческаго рода могутъ, поэтому, дать, одни только результаты, добытые анатомическо-краніометрическимъ путемъ“ [4]).

Точно также маститый русскій ученый, профессоръ А. Богдановъ, горячо защищаетъ мысль о томъ, что черепъ заслуживаетъ серьёзнѣйшаго вниманія и „даже въ своихъ племенныхъ признакахъ представляетъ нѣчто постоянное“. Авторъ при этомъ въ особенности напираетъ на правильность въ историческомъ размѣщеніи череповъ [5]). Съ другой стороны, не мало антропологовъ и даже спеціалистовъ краніологовъ считаютъ возможнымъ пользоваться краніологическимъ матеріаломъ лишь при массовыхъ измѣреніяхъ. Къ этому сводится мнѣніе Ранке о краніологіи [6]). Послѣдній, кстати замѣтить, увѣряетъ, что нигдѣ на свѣтѣ не встрѣчается на большемъ разстояніи населенія съ несмѣшаннымъ типомъ черепа [7]);

---

[1]) Frankfurter Verständigung über ein gemeinsames craniometrisches Verfahren. E. Schmidt. Anthropologische Methoden, Leipzig, Veit 1888, S. 320. f.

[2]) Dictionnaire des Sciences Anthropologiques. Craniometrie, p. 344, 345.

[3]) J. Kopernicki. Archiv für Anthropologie, 1870, B. V, S. 320.

[4]) Verhandlungen des 2-ten Deutschen Geographentages, Berlin, Reimer 1882, S. 59.

[5]) А. П. Богдановъ, Человѣкъ каменнаго вѣка, см. Иностранцевъ, Доисторическій человѣкъ Ладожскаго озера. С.-Петербургъ, 1882 г., стр. 98. См. также стр. 92, 97.

[6]) Ranke. Der Mensch, B. II, S. 183.

[7]) Ranke. Der Mensch, B. II, S. 202, 201.

исключенія, допускаемыя имъ, ничтожны[1]). Черепъ, по мнѣнію Ранке, приверженца извѣстной теоріи Лангера „О ростѣ лица“ подъ вліяніемъ жевательнаго механизма[2]), величина крайне измѣнчивая. Ранке же приводитъ, какъ извѣстно, ширину черепа въ связь съ высотою обитаемаго мѣста надъ уровнемъ моря[3]). Въ общемъ современное возрѣніе на краніологію сводится къ тому, что костякъ не даетъ намъ указанія на то, чтобы между различными подвидами человѣчества существовали какія нибудь отличія, пригодныя для абсолютнаго раздѣленія[4]). „Какъ ни поразительны нѣкоторыя формы череповъ, въ особенности у такъ называемыхъ дикихъ народовъ, ихъ тѣмъ не менѣе, можно включить въ ряды европейскихъ черепныхъ типовъ и ихъ переходныхъ формъ; то-что на первый взглядъ казалось чуждымъ, сводится на крайнюю степень выработанности отношеній, которыя мы встрѣчаемъ въ Европѣ“[5]). По мнѣнію такого опытнаго изслѣдователя, какъ Вейсбахъ, черепъ участвуетъ въ расовыхъ уклоненіяхъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ корпусъ; послѣдній претерпѣваетъ въ своихъ очертаніяхъ наибольшее уклоненіе, а конечности въ общемъ, въ особенности же нижнія, самыя значительныя[6]).

Имѣя въ виду эти общія точки зрѣнія, мы не должны также упускать того, что черепъ подверженъ крайнимъ колебаніямъ въ зависимости отъ причинъ нормальныхъ, патологическихъ и случайныхъ. Среди причинъ нормальныхъ, обусловливающихъ извѣстныя колебанія въ черепныхъ формахъ одного и того же племени на первомъ планѣ стоитъ полъ и возрастъ. Женское тѣло въ общемъ несравненно менѣе рѣзко выражаетъ расовое отклоненіе, чѣмъ тѣло мужчины; исключеніе составляютъ лишь: отстояніе скулъ, высота верхняго лица (отъ серединной линіи начала волосъ на лбу до основанія носовой перегородки), отстояніе шеи отъ пупка, длина ноги и ступни[7]). Въ общемъ женскій черепъ меньшаго объема и болѣе нѣжнаго

[1]) Ranke. l. c., S. 202, 203.
[2]) Ranke, l. c., S. 209 ff.
[3]) Ranke, l. c., S. 207, 208.
[4]) Ranke, l. c., S. 182,
[5]) Ranke, l. c., S. 194.
[6]) Weissbach. Reise der Fregatte „Novara“ etc., S. 270.
[7]) Weissbach, l. c., S. 270.

*

построенія, чѣмъ мужской, въ особенности въ мѣстахъ прикрѣпленія мышцъ; онъ болѣе походитъ, поэтому, на дѣтскій черепъ. По Велькеру, горизонтальный обхватъ мужскаго черепа относится къ женскому, какъ 100 къ 97; ёмкость черепа мужскаго къ женскому—какъ 100 къ 90; въ этомъ отношеніи черепа негровъ, малайцевъ, американцевъ соотвѣтствуютъ наименьшимъ и среднимъ черепамъ нѣмецкихъ женщинъ. По А. Эккеру [1]), женскій черепъ отличается, между прочимъ, меньшей величиной лицеваго черепа въ сравненіи съ мозговымъ, превышеніемъ крова черепа надъ основаніемъ его и вслѣдствіе этого прямымъ профилемъ лба; мозговой черепъ отличается незначительной высотой онъ болѣе плоскій, въ особенности въ темянной области; переходъ отъ лба къ темени и въ меньшей степени переходъ плоскаго темени къ затылочной кости идетъ не сводомъ, а подъ легкимъ угломъ. Цѣлый рядъ другихъ отличительныхъ чертъ такого же характера подобраны были Вейсбахомъ [2]), Ранке [3]), Брока [4]), Коперницкимъ [5]) и другими. Но не смотря на это обиліе указаній и не смотря на то, что, по признанію антропологовъ, половая принадлежность черепа опредѣляется лишь изъ совокупности всѣхъ указанныхъ отличій, распознаваніе этой половой принадлежности является дѣломъ крайне рискованнымъ. Бишофъ допускаетъ, что при сухихъ черепахъ зачастую бываетъ весьма трудно опредѣлить половую принадлежность черепа, въ особенности если имѣть дѣло съ молодыми индивидуумами мужскаго пола [6]). Несравненно опредѣленнѣе выражается въ данномъ случаѣ Гисъ и Рютимейеръ: „мы не провели“, говорятъ они въ предисловіи къ своему замѣчательному труду „Crania Helvetica“, „раздѣленія череповъ по поламъ. Опредѣленія половъ лишь по виду слишкомъ легко приводитъ къ

---

[1]) A. Ecker. Eigenthümlichkeit in der Form des weiblichen Schädels, Archiv für Anthropologie, 1868, B. I, S. 84 ff.

[2]) Weissbach. Der deutsche Weiberschädel. Archiv für Anthropologie B. III, 1868.

[3]) Ranke. Beiträge zur physischen Anthropologie der Bayern, München 1883, S. 107.

[4]) Broca. Memoire de la Soc. d'Anthropologie, v. 2, p. 142.

[5]) Kopernicki. Bau des Zigeunerschädels, Archiv für Anthropologie, B. V., 1872.

[6]) Bischoff. Das Hirngewicht des Menschen, Bonn, Neusser, 1880, S. 73.

произволу, чтобы можно было на нихъ положиться" [1]). Исходя изъ такихъ же соображеній, Вирховъ a priori отказывается отъ опредѣленія половой принадлежности череповъ [2]). Тѣмъ не менѣе точный расовый типъ, въ виду несомнѣннаго существованія половой разности череповъ, можетъ быть опредѣленъ лишь какъ средняя между величинами половъ. Расовый типъ черепа, построенный на однѣхъ только данныхъ мужскаго черепа, никогда не явится представителемъ изучаемой расы.

Другія сомнѣнія, съ которыми приходится считаться антропологу, возбуждаются возрастомъ индивидуума. Руководствомъ въ данномъ случаѣ служатъ намъ зубы для ранняго возраста, окостенѣніе швовъ для позднѣйшаго. Впрочемъ и тутъ необходимо считаться съ тѣмъ, что опредѣленія затрудняются съ возрастомъ, что существуютъ индивидуальныя отклоненія и что свѣдѣнія сравнительной краніологіи по части зубовъ и сростанія швовъ крайне недостаточны [3]).

Глубокаго вниманія заслуживаютъ далѣе патологическія измѣненія черепа вслѣдствіи пораненія, переломовъ, хроническихъ воспалительныхъ процессовъ, опухолей, Rachitis'a, Hydrocephalus'a и т. д., вслѣдствіе недоразвитія (Mikrocephalus). Весьма важны также аномаліи въ сростаніи швовъ; черепа съ преждевременнымъ сростаніемъ или же съ открытыми швами, такъ называемые крестоголовые, должны быть безусловно исключены изъ числа типичныхъ череповъ.

Громадную массу череповъ, не подлежащихъ изслѣдованію съ точки зрѣнія сравнительной краніологіи, но могущихъ съ точки зрѣнія бытовой сослужить прекрасную службу при опредѣленіи расовой принадлежности, составляютъ черепа искусственно деформированные.

Ко всѣмъ этимъ болѣе или менѣе нормальнымъ или патологическимъ измѣненіямъ, присоединяется въ концѣ концовъ еще весьма значительная группа череповъ съ посмертными измѣненіями: черепа, въ особенности юнаго и дѣтскаго возраста, легко мѣняютъ свою форму подъ вліяніемъ давленія, въ особенности если они размягчены, благодаря сырости почвы или же химическимъ процессамъ. Всякому изслѣдова-

---

[1]) His und Rütimeyer. Crania Helvetica, 1864, S. 8.

[2]) Virchow. Archiv für Anthropologie 1869, B. IX, S. 61.

[3]) E. Schmidt. Anthropologische Methode, S. 252—255.

телю, имѣвшему въ рукахъ болѣе или менѣе значительное число курганныхъ или могильныхъ череповъ, извѣстно, что „большая неправильность формы“ [1]) слишкомъ слабый признакъ для отличенія посмертныхъ измѣненій отъ искусственныхъ. Лучшее руководство въ данномъ случаѣ даетъ изученіе череповъ соотвѣтствующей эпохи, если таковое возможно. Странныя измѣненія претерпѣваютъ, впрочемъ, черепа въ нашихъ лабораторіяхъ и музеяхъ. Интересныя свѣдѣнія въ этомъ родѣ приводитъ Бишофъ [2]) и Велькеръ [3]); усыханіе череповъ отражается въ особенности на измѣненіи ёмкости ихъ.

Имѣя въ виду всѣ эти ограниченія въ пользованіи черепами, равно какъ и высказанныя нами уже положенія относительно общности въ построеніи череповъ всѣхъ человѣческихъ расъ [4]), мы, тѣмъ не менѣе, абсолютно не можемъ относиться пренебрежительно къ подобнымъ измѣреніямъ. Напротивъ того, по нашему мнѣнію, однѣ только массовыя измѣренія череповъ въ состояніи будутъ вывести насъ на истинный путь въ вопросѣ о пользованіи этимъ, конечно, не исключительнымъ [5]), но все же чрезвычайно полезнымъ антропологическимъ признакомъ.

Мы думаемъ, впрочемъ, что при разсмотрѣніи существующаго краніологическаго матеріала въ самыхъ общихъ чертахъ предъ нами само собою выступаетъ нѣкоторая группировка: несомнѣнно, что наибольшую выраженность и наибольшее преобладаніе долихоцефаліи (длинноголовости) сосредоточивается въ племенахъ негрскихъ и негроподобныхъ.

Съ другой стороны, наибольшая брахицефалія (широкоголовость) и наибольшее преобладаніе ея относится къ монголамъ и монголоподобнымъ. Европейцы занимаютъ, не смотря на всѣ свойственныя имъ отклоненія, среднее мѣсто между

---

[1]) E. Schmidt. Anthropologische Methoden, S. 265.

[2]) Bischoff. Sitzungsberichte der Königl. Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München. 1864 II, H. 4, S. 365. Das Hirngewicht etc. S. 72.

[3]) H. Welcker. Die Capacität der Schädelkapsel, Archiv für Anthropologie 1875, S. 54.

[4]) См. выше стр. 83.

[5]) Въ этомъ духѣ высказывается, не смотря на всѣ свои симпатіи къ краніологіи, и нашъ московскій антропологъ Богдановъ, указывая на то, что для расоваго опредѣленія требуется обыкновенно болѣе объектовъ, чѣмъ одинъ черепъ. Богдановъ, Человѣкъ каменнаго вѣка. См. Иностранцевъ, Доисторическій человѣкъ Ладожскаго озера, стр. 98.

этими двумя наиболѣе выраженными крайностями; они являются прототипомъ мезоцефальнаго характера (среднеголовости).

Въ вопросѣ о ёмкости черепа вполнѣ выразилось указанное нами выше стремленіе къ тому, чтобы доказать низменность некультурныхъ расъ въ сравненіи съ европейскими. Но при этомъ обнаружилось и то, что механическая сторона нашей науки отнюдь не освободилось еще изъ-подъ вліянія френологическихъ и физіогномистическихъ идеаловъ. Извѣстныя сомнѣнія въ ближайшей связи между ёмкостью черепа и интеллектуальными способностями можетъ возбудить, однако, уже то обстоятельство, что наиболѣе ёмкіе черепа отнюдь не соотвѣтствуютъ наиболѣе вѣскимъ мозгамъ [1]). Еще важнѣе то, что наиболѣе ёмкіе черепа не соотвѣтствуютъ наиболѣе интеллигентнымъ расамъ: эскимосы, напр., отличаются едва ли не самымъ ёмкимъ черепомъ среди всѣхъ неевропейскихъ племенъ (1556 куб. сант. по Николлучи, 1548 по Девису); веды представляютъ едва ли не наименьшую ёмкость (Николлучи 1259, Вирховъ 1261). Черепъ мулатовъ ёмче черепа германцевъ и голландцевъ; тоже самое можно сказать про терцероновъ [2]). Черепъ ботокудовъ [3]) (мужской черепъ 1470, женскій 1385) ёмче черепа швейцарцевъ [4]) (черепъ типа Диссентисъ 1377). Несравненно ёмче черепа великаго философа Канта (1730 куб. сант.) [5]) черепъ неизвѣстнаго матроса сербокроата, измѣреннаго Вейсбахомъ (1830) [6]).

Мысль о возможности опредѣленія культурныхъ способностей путемъ измѣренія ёмкости черепа нашла себѣ сильнѣйшую поддержку въ указаніяхъ Брока на то, что ёмкость черепа парижанъ съ XII столѣтія по нынѣшнее увеличилась [7]).

Идеи Брока нашли себѣ откликъ въ нѣмецкой школѣ антропологовъ; по крайнѣй мѣрѣ въ духѣ ихъ неоднократно

---

[1]) Weissbach. Die Gewichtsverhältnisse der Gehirne österreichischer Völker, Archiv für Anthropologie, B. I, 1866, S. 299.

[2]) Banke. Der Mensch, B. II, S. 230.

[3]) Dictionnaire des Sciences Anthropologiques, p, 190.

[4]) His und Rütimeyer. Crania Helvetica.

[5]) Kupfer und Bessel. Der Schädel Kants, Archiv für Anthropologie, B. III, 1881.

[6]) Weissbach. Die Serbo-Kroaten, Berlin, Asher 1884.

[7]) Topinard. Anthropologie générale, p. 625 et suiv.

высказывались Вирховъ [1]), Шафгаузенъ [2]), Бастіанъ [3]) и другіе.

Мы отнюдь не сомнѣваемся въ возможности подобныхъ измѣненій, такъ какъ считаемъ черепъ величиной, подлежащей многочисленнымъ измѣненіямъ, но мы не можемъ не вспомнить сомнѣній авторитетнаго Велькера по поводу того, что черепа Брока могли принадлежать самому случайному сброду людей, что они взяты были изъ различныхъ могилъ и не стояли ни въ какой генеалогической связи другъ съ другомъ [4]). Къ положительному абсурду приводятъ насъ далѣе данныя Гиса и Рютимейера, по которымъ оказывается, что швейцары свайнаго періода обладали болѣе ёмкими черепами (типъ Сіонъ 1558 сант.), чѣмъ швейцарцы современные (типъ Диссентисъ 1377 сант.) [5]). Принимая ёмкость черепа за мѣрило культурной силы, мы пришли бы къ рѣшенію, противорѣчащему здравому смыслу. Вспомнимъ, наконецъ, что Бишофъ [6]) и Велькеръ [7]) показали, какая осторожность нужна при обращеніи съ сухими черепами, констатировавъ происходящія въ нихъ измѣненія отъ 45 до 110 сантиметровъ. Не можемъ не закончить нашихъ замѣчаній о пригодности ёмкости черепа, какъ классификаціоннаго признака, указаніями Велькера, лучшаго авторитета по данному вопросу, на то, что „$^{9}/_{10}$ всѣхъ цифръ ёмкости, встрѣчающихся въ литературѣ, ошибочны“ [8]).

Относительно мозга намъ приходится повторить то-же, что мы показали относительно черепа: мозгъ отнюдь не можетъ явиться исключительнымъ признакомъ для классификаціи; къ тому же вопросъ объ измѣреніяхъ мозга, а въ особенности о сравнительныхъ измѣреніяхъ по расамъ, разработанъ крайне

---

[1]) Virchow. Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft 1871. S. 174 f.

[2]) Schaaffhausen. Bedeutung und Erfolge der Anthropologie, Correspondezblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie etc., B. XVI, № 9. S. 67.

[3]) A. Bastian. Das Beständige in den Menschenrassen, Berlin 1868.

[4]) H. Welcker. Archiv für Anthropologie 1885, S. 49.

[5]) His und Rütimeyer. Crania Helvetica, S. 44.

[6]) Bischoff. Sitzungsberichte der Königl. Bayer. Akademie 1864, B. II, H. 4, S. 364. Bischoff. Das Hirngewicht etc. S. 72.

[7]) H. Welcker. Archiv für Anthropologie 1885, S. 54. Wachsthum und Bau des menschlichen Schädels, Leipzig 1862, S. 28.

[8]) Welcker. Archiv für Anthropologie, S. 44.

слабо. Весьма понятно, конечно, что слишкомъ малообъемистый и малоувѣсистый мозгъ, составляя явленіе ненормальное, долженъ функціонировать ненормально. Но съ другой стороны, трудно представить себѣ мысль болѣе грубую, чѣмъ ту, по которой болѣе тяжелый мозгъ долженъ быть болѣе одаренъ, чѣмъ легкій. Весьма удачно Пешель пародируетъ этотъ предразсудокъ, спрашивая, „кто станетъ судить по вѣсу о томъ, вѣрнѣе-ли идутъ башенные часы или карманный хронометръ“ [1]).

Пресловутыя таблицы вѣса мозга великихъ людей и выводимыя изъ нихъ заключенія о превосходствѣ однихъ надъ другими, нуждаются въ многочисленнѣйшихъ поправкахъ. Приводя подобныя цифры, слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) отношеніе вѣса мозга къ вѣсу и росту всего тѣла [2]); 2) возрастъ субъекта, мозгъ котораго подлежитъ изслѣдованію [3]); 3) односторонность развитія большинства талантовъ, слѣдовательно развитіе извѣстнаго участка мозга въ ущербъ общему развитію органа [4]); 4) патологическія процессы, явившіеся причиною смерти или предшествовавшія ей; 5) посмертныя измѣненія въ мозгу и въ 6) наконецъ, чрезвычайно чувствительное отсутствіе цифръ, касающихся средняго человѣка.

Наши современныя свѣдѣнія о мозгѣ, какъ объ отличительномъ антропологическомъ признакѣ, освѣщаются лучше всего если мы обратимся къ одному изъ самыхъ жгучихъ и безпокойныхъ вопросовъ дня, къ женскому вопросу. Извѣстный знатокъ мозга, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпощадный гонитель ученыхъ женщинъ, Бишофъ учитъ, что „разница въ строеніи черепа и мозга мужчинъ и женщинъ столь характерна, что нельзя ее упустить при обсужденіи вопроса объ

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 57.

[2]) Важно въ особенности при сравненіи мозговъ различныхъ половъ или же расъ, весьма отличныхъ по росту.

[3]) Наивысшаго вѣса достигаетъ мозгъ по измѣреніямъ Вейсбаха. Gewichtsverhältnisse der Gehirne österreichischer Völker, Archiv für Anthropologie, B. I, 1886, S. 190) и Бишофа (Das Hirngewicht des Menschen, Bonn, Neusser 1880, Tab. III) между 20 и 30 годами, по Катрфажу между 30 и 40 (Das Menschengeschlecht, Leipzig 1878, B. II); до 80 года (главнымъ образомъ между 60 и 70) мозгъ претерпѣваетъ убыль, доходящую до 13%; до 50 лѣтняго возраста увеличивается одинъ лишь pons Varolii (Weissbach, l. c. S. 299).

[4]) Bischoff, l. c., S. 164—171.

умственномъ различіи между ними [1]). Съ другой стороны извѣстный вѣнскій анатомъ Брюль утверждаетъ, опираясь на свои изслѣдованія, что „нѣтъ ни малѣйшаго признака, по которому бы съ достовѣрностью или даже лишь съ нѣкоторой вѣроятностью, можно было бы обозначить данный мозгъ какъ мужской или женскій“ [2]). Какое либо примиреніе между этими двумя крайними мнѣніями въ настоящее время едва-ли мыслимо [3]). Весьма слабо разработанъ съ точки зрѣнія сравнительной антропологіи вопросъ объ извилинахъ мозга [4]). Въ общемъ можно смѣло сказать, что въ настоящее время ни вѣсъ мозга, ни извилины его, не говоря уже о микроскопическомъ строеніи или химическомъ составѣ, не даютъ намъ никакихъ указаній ни относительно раздѣленія расъ, ни относительно высшихъ или низшихъ по интеллектуальнымъ задаткамъ народностей или половъ.

Переходя отъ черепа къ прочимъ частямъ скелета, мы прежде всего должны отмѣтить, что и тутъ мы не найдемъ никакихъ особенно яркихъ или устойчивыхъ примѣтъ. Будущимъ изслѣдователямъ предстоятъ на этомъ поприщѣ обширныя и плодотворныя работы, въ особенности по вопросу объ измѣняемости скелета, въ зависимости отъ географическихъ условій, включая сюда, конечно, и образъ жизни. Несомнѣнно, что и въ настоящее время извѣстныя особенности въ строеніи скелета, напримѣръ въ строеніи таза, въ отношеніи длины конечностей и т. д., составляютъ драгоцѣнныя указанія для характеристики народовъ; но приступая къ этимъ даннымъ съ указанной нами точки зрѣнія, мы прежде всего констатируемъ, что они не пригодны, какъ признаки исключительные [5]); напротивъ того, они представляютъ намъ безконечные переходы и оттѣнки, встрѣчающіеся въ большей или

---

[1]) Bischoff. Das Studium und die Ausübung der Medicin durch Frauen, München 1872, S. 15.

[2]) C. B. Brühl. Auf der Höhe, II. Jahrgang, H. 16. 1883.

[3]) См. сопоставленіе нѣкоторыхъ работъ Rüdinger'a, Passet'a и др. у Ploss-Bartels. Das Weib, Leipzig. Grieben, 2. Aufl. 1887, B. I, S 24 ff.

[4]) Характерно, напр., возведеніе соединенія между Sulcus Rolandi и Fissura Sylvii, найденнаго покойнымъ Миклухо-Маклаемъ въ 2 случаяхъ при изслѣдованіи 4 (!) австралійскихъ мозговъ въ расовый признакъ. Proceedings of the Linnean Society of New-South Wales, IX, 1884, p. 578.

[5]) Ranke. Der Mensch, B. II, S. 101

меньшей степени развитія и у другихъ народовъ. Но изучая скелетъ, мы, какъ и при черепѣ, можемъ указать на естественную группировку племенъ по тремъ наиболѣе выраженнымъ типамъ: типъ, такъ сказать, наиболѣе узкій, удлиненный, будетъ соотвѣтствовать долихоцефальному негру, отличающемуся сравнительно узкимъ тазомъ, грудною клѣткою, почти непосредственно, безъ съуженія такъ называемой таліи, переходящей къ бедрамъ и, въ общемъ, весьма грацильнымъ строеніемъ костей; наиболѣе широкое угловатое, такъ сказать, костистое или, какъ европейцы любятъ выражаться, четырехугольное сложеніе, будетъ характеризировать брахицефала-монгола, тогда какъ мы, европейцы, и въ данномъ случаѣ занимаемъ среднее положеніе между этими двумя крайними типами.

Популярнѣйшимъ симптомомъ для классификаціи издавна является окраска кожи. Мы указывали уже выше на то, какое множество классификацій основывалось на этомъ признакѣ [1]). Дѣйствительно, цвѣтъ кожи является признакомъ, можно сказать, элементарнымъ. На окраскѣ кожи китайцы основывали свою классификацію народовъ, признавая пять расъ, египтяне—четыре расы. Не даромъ у древнихъ индусовъ слово варна одновременно являлось обозначеніемъ для краски и для касты [2]); не даромъ въ настоящее время малѣйшее подозрѣніе въ темной окраскѣ кожи является доказательствомъ нисшаго происхожденія и фактическаго безправія для метисовъ Америки. Принимая въ свою среду индѣйцевъ, властители Америки испанцы въ свое время говаривали: „пусть онъ считаетъ себя бѣлымъ“ [3]).

Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы спеціально займемся вопросомъ о вліяніи климата на человѣчество и увидимъ, что окраска кожи есть явленіе, подверженное вліянію цѣлаго ряда факторовъ. Мы приведемъ примѣры въ пользу того, что наивное представленіе старинныхъ антропологовъ о тѣснѣйшей связи между цвѣтомъ кожи и близостью къ экватору не лишено нѣкоторой крупицы истины; что, помимо

---

[1]) См. стр. 80.

[2]) Webers Indische Studien, B. 1, S. 531 (Kuhn).

[3]) Peschel. Völkerkunde VI. Aufl., S. 254.

извѣстнаго соотвѣтствія въ окраскѣ новорожденныхъ у цѣлаго ряда разноцвѣтныхъ племенъ, взрослые представители этихъ племенъ до нѣкоторой степени мѣняютъ свою окраску при продолжительномъ пребываніи подъ чуждыми имъ широтами. Въ виду этой неустойчивости окраски кожи и въ виду безконечныхъ отклоненій отъ основнаго тона, замѣчаемыхъ у каждой расы, въ пригодности этого признака, какъ главнаго мотива для классификацій, зачастую сомнѣвались даже тѣ изъ ученыхъ, которые пользовались имъ (Блуменбахъ).

Однако и въ данномъ случаѣ предъ нашими глазами вновь проступаютъ три намѣченные нами типа, причемъ долихоцефальный негрскій типъ представитъ намъ оттѣнки, наиболѣе приближающіеся къ черному цвѣту; брахицефальный, монгольскій, выразится преобладаніемъ желтовато-коричневыхъ тоновъ; европейскій, средній типъ, ближе всего подойдетъ къ болѣе свѣтлому колориту.

Что касается до запаха кожи, то этотъ признакъ, въ виду своей крайней неуловимости, не можетъ явиться хотя бы сколько нибудь надежнымъ симптомомъ для классификаціи. Съ другой стороны нельзя не сомнѣваться въ томъ, что запахъ различныхъ національностей, напр., негровъ, индѣйцевъ, какъ онъ представляется обонянію европейца, и наоборотъ, является признакомъ въ высшей степени характернымъ, хотя и второстепеннымъ. „Запахъ народа есть принадлежность его по столько же, по сколько мускусный запахъ принадлежность кабарги“ [1]).

Особой симпатіей антропологовъ пользуется такой, повидимому, ничтожный симптомъ, какъ волосъ. Этотъ признакъ, введенный уже Линнеемъ, получилъ въ послѣднее время чрезвычайное развитіе, благодаря Борю-Сентъ-Венсену и Исидору Жоффруа Сентъ-Иллеру; подъ вліяніемъ ихъ стали дѣлить человѣчество на двѣ большія группы Lissotriches (гладковолосые) и Ulotriches (руноволосые). На волосахъ-же зиждется популярная классификація Гекеля, Фридриха Мюллера въ комбинаціи съ языкомъ, Гёксли въ комбинаціи съ цвѣтомъ кожи, Топинара съ цвѣтомъ

[1]) K. Vogt. Vorlesungen über den Menschen, B. I, 1863. S. 157.

кожи, черепомъ и т. д. Однако-жъ классификація, да и терминологія защитниковъ этого признака претерпѣли уже цѣлый рядъ существенныхъ измѣненій [1]).

Противъ волоса, какъ классификаціоннаго признака, чрезвычайно энергично писалъ и пишетъ Герландъ [2]); въ этомъ отношеніи его поддерживаютъ Флоуеръ [3]) и другіе. Впрочемъ, даже защитникъ этого признака, какъ, напр., Фритшъ [4]), требуетъ болѣе точныхъ и подробныхъ изслѣдованій и болѣе точныхъ опредѣленій для волоса. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ присоединяемся къ Фритшу и отнюдь не можемъ одобрить пренебреженія къ столь характерному симптому. Не представляя какой либо грани между расами, видъ, цвѣтъ, ростъ и микроскопическій разрѣзъ волосъ на головѣ, на бородѣ и на тѣлѣ даетъ рядъ весьма важныхъ второстепенныхъ указаній для племенной характеристики.

Возвращаясь къ нашимъ тремъ типамъ, мы и тутъ отмѣчаемъ, что негрской группѣ свойственъ преимущественно волосъ курчавый, сплющенный болѣе или менѣе въ поперечномъ разрѣзѣ; монгольской группѣ волосъ жесткій, прямой, круглый въ поперечномъ разрѣзѣ; европейской группѣ волосъ мягкій, волнистый, болѣе или менѣе овальный въ поперечномъ разрѣзѣ.

Не будемъ останавливаться на мелкихъ анатомическихъ признакахъ расъ, какъ. напр., на отличіяхъ въ мышечныхъ покровахъ, въ формѣ и цвѣтѣ глазъ и т. д. Очевидно, что всѣ эти признаки могутъ получить свое примѣненіе лишь въ группировкѣ съ признаками болѣе крупными.

Изъ всѣхъ предшествующихъ указаній нашихъ явствуетъ, что нѣтъ ни одного тѣлеснаго признака, который самъ по себѣ могъ-бы имѣть рѣшающее значеніе при вопросѣ о классификаціи человѣчества; нѣтъ ни одного признака, который свойственъ былъ бы одной какой либо націи исключительно.

---

[1]) Гекель ошибочно отнесъ австралійцевъ къ лиссотрихамъ. Противъ руноволосости писалъ Г. Фритшъ, противъ пучковатости въ ростѣ волосъ на головѣ Кёлликеръ, Вальдейеръ и т. д.

[2]) Gerland. Anthropologische Beiträge, Halle, Lippert 1875, S. 312 ff., тоже Verhandlungen des 2. Deutschen Geographentages, Berlin, Reimer, 1882, S. 59.

[3]) W. H. Flower. Journal of Anthropological Institute, v. IX, p. 128.

[4]) Fritsch. Zeitschrift für Ethnologie 1885, S. 279—283.

Всѣ эти признаки встрѣчаются намъ въ безконечныхъ переходахъ и переливахъ. Они лишь суммируются въ болѣе или менѣе яркіе типы, существованіе которыхъ нельзя отрицать, хотя они и не поддаются обыденному опредѣленію.

Во всякомъ случаѣ современная наука безконечно далека отъ Агасси, который могъ увѣрять, что онъ нашелъ болѣе ста специфическихъ отличій между негромъ и бѣлымъ по отношенію къ костной и нервной системѣ ихъ, и который поэтому утверждалъ, что негръ настолько же братъ бѣлаго, насколько сова сестра орла или оселъ братъ лошади [1]). Напротивъ того, мы стоимъ на почвѣ незабвеннаго Пешеля, предсказывавшаго, что „быть можетъ окажется, что ни одинъ изъ тѣлесныхъ признаковъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь расѣ, а встрѣчается въ переходныхъ формахъ также и у другихъ“ [2]). Эта мысль превосходно отражается у Ранке, когда онъ въ прекрасной главѣ „Объ единствѣ человѣческаго рода“ говоритъ: „насколько возможно прослѣдить въ настоящее время отличія между людьми, мы заключаемъ, что всѣ они соединены между собою премежуточными звеньями, выработанными въ такой полной формѣ, что общая картина тѣлесныхъ отличій, является намъ какъ бы замкнутымъ кругомъ развитія, среди котораго единичная форма различается только благодаря пограничнымъ линіямъ, болѣе или менѣе искусственно проведеннымъ“ [3]).

„Есть, однако, болѣе живыя свидѣтельства о народахъ, чѣмъ кости, оружія и могилы, это ихъ языки“ [4]), восклицаетъ геніальный и многосторонній Яковъ Гриммъ и эта формула охотно повторяется не только лингвистами, но прежде всего диллетантами, столь охотно предающимися одному изъ опаснѣйшихъ увлеченій, обобщеніямъ въ области сравнительнаго языковѣдѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что данныя языка, примѣненію которыхъ къ антропологіи мы главнымъ образомъ обязаны Причарду,

---

[1]) Цитировано у Hellwald'a. Naturgeschichte des Menschen, Stuttgart, Spemann 1885, B. II, S. 139—140.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 44.

[3]) Ranke. Der Mensch, B. II. S. 231.

I. Grimm, Geschichte der Deutschen Sprache, Leipzig, Weidmann 1848, B. I, S. 5.

д'Омаліусу д'Аллуа и Латаму, представляетъ одинъ изъ характернѣйшихъ и тончайшихъ признаковъ народной жизни. Это прекрасно сознано уже въ древне-славянскомъ, для котораго „языкъ" является обозначеніемъ народности.

Но нѣтъ признака болѣе неустойчиваго, чѣмъ языкъ: онъ дѣйствительно живѣе, выражаясь словами Якова Гримма, хотя и не въ желанномъ для него смыслѣ, живѣе тѣлесныхъ признаковъ или культурныхъ остатковъ. Исторія языка,—это исторія жизни даннаго народа и притомъ зачастую даже болѣе живая и глубокомысленная, чѣмъ исторія лѣтописная. Но именно благодаря этой поразительной чувствительности и воспріимчивости языка къ внѣшнимъ явленіямъ, имъ слѣдуетъ пользоваться лишь съ большою осторожностью. Кто не знаетъ, напримѣръ, того, что рядъ народовъ говоритъ на языкѣ чуждыхъ имъ по происхожденію побѣдителей или же высшихъ по жизненной и культурной силѣ покоренныхъ, или же отражаетъ въ своемъ языкѣ вліяніе сосѣднихъ культурныхъ расъ.

Достаточно вспомнить, что негры Соединенныхъ Штатовъ говорятъ по англійски, что индѣйцы Майя на полуостровѣ Юкатанѣ, потомки древне-культурнаго народа, забыли свой родной языкъ и говорятъ на чистомъ кастильскомъ нарѣчіи, что наши сарты, не смотря на свое иранское происхожденіе, говорятъ на тюркскомъ нарѣчіи, а манджуры китаизируются и забываютъ свой языкъ, что въ Ирландіи, не смотря на пламенный патріотизмъ ея туземнаго населенія, все болѣе и болѣе распространяется англійскій языкъ, что всѣ наши европейскіе культурные языки отражаютъ въ себѣ историческое вліяніе сосѣднихъ культуръ,—достаточно всего этого, чтобы убѣдиться въ томъ, чему насъ учитъ вся исторія языка, что языкъ есть явленіе крайне измѣнчивое.

Необходимо вспомнить, наконецъ, что сравнительное языковѣдѣніе есть наука, слагающаяся лишь въ настоящій моментъ и далеко еще не установившаяся въ основныхъ началахъ своихъ. Насколько языковѣдѣніе опасно для антропологіи при неумѣломъ или неумѣренномъ пользованіи лингвистическими матеріалами, видно хотя бы изъ безчисленныхъ и подъчасъ даже болѣе чѣмъ странныхъ гипотезъ о прародинѣ индоевропейцевъ. Весьма умѣстенъ, поэтому, горячій протестъ

Ратцеля противъ узурпаторовъ лингвистовъ, слишкомъ смѣло распоряжающихся въ нашей наукѣ [1]).

Однако, несравненно большую цѣну, чѣмъ эти указанія сотоварища по наукѣ, имѣютъ для насъ слова цѣлаго ряда выдающихся лингвистовъ, предостерегающихъ диллетантовъ отъ увлеченія классификаціями на основаніи одного языка. Указывая на недостаточное изученіе физіологическихъ фактовъ въ вопросахъ о классификаціи, знаменитый финскій лингвистъ и несомнѣнно выдающійся знатокъ народностей своего племени, Кастренъ говоритъ: „положимъ, что и лингвистика и этнографія не всегда то удовлетворяютъ насъ при классификаціяхъ, ибо, какъ часто случается, что мелкія народныя племена, утрачиваютъ свою національность и ассимилируются болѣе сильнымъ племенемъ“ [2]). „Языки не застрахованы отъ внѣшнихъ вліяній, на это не обратилъ вниманія Клапротъ точно также какъ онъ былъ глухъ къ той истинѣ, что слова также какъ алмазъ, явленіе болѣе преходящее, чѣмъ тѣ законы, которые продолжаютъ жить въ тысячахъ словъ и въ тысячахъ алмазовъ“ [3]).

Еще рѣзче выражается по этому поводу знаменитый Лепсіусъ въ своей нубійской грамматикѣ: „слѣдуетъ прежде всего держаться того, что народности и языки никогда и нигдѣ не соотвѣтствуютъ другъ другу по своему происхожденію и по своей связи, какъ это все еще предполагаютъ въ слишкомъ преувеличенной степени. Распространеніе и смѣшеніе народовъ идетъ своимъ путемъ, распространеніе и смѣшеніе языковъ, хотя всегда и обусловливается имъ, идетъ своимъ, зачастую совершенно отличнымъ путемъ. Языки являются наиболѣе индивидуальнымъ продуктомъ народовъ и непосредственнѣйшимъ отраженіемъ ихъ духа, но они часто эманси-

---

[1]) Ratzel. Völkerkunde, 1885, B. I, S. 21.

[2]) Castrén. Ethnologische Vorlesungen, St. Petersburg, Akademische Ausgabe 1857, S. 12.

[3]) Въ своемъ предисловіи къ Asia polyglotta p. X, Клапротъ отвергаетъ доказательность грамматики для сравнительнаго языковѣдѣнія, которое, по его мнѣнію, должно удовлетворяться одними словами, остающимися таковыми, не смотря на всю ихъ отдѣлку, подобно тому, какъ алмазъ остается алмазомъ, какой бы обработкѣ онъ не подвергался. Противъ этого положенія полемизируетъ Кастренъ. Nordische Reisen, Akademische Ausgabe 1856, S. 163.

пируются отъ своихъ продуцентовъ, они распростираются на многочисленныя чуждыя народности и расы или же умираютъ, тогда какъ прежніе носители ихъ живутъ далѣе, говоря на совершенно иныхъ языкахъ; словомъ, они ведутъ жизнь болѣе или менѣе независимую, которая, поэтому, можетъ и должна быть изучаема независимо отъ того этнологическаго субстрата, съ которымъ она связана" [1]). Можно, конечно, спорить противъ послѣдняго положенія автора, но нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ отчасти, съ его опасеніями, что у насъ, быть можетъ, никогда не найдется достаточнаго матеріала для того, „чтобы создать общую генеалогію народовъ и языковъ" [2]). Крайнюю осторожность въ вопросахъ о классификаціи народовъ по расамъ рекомендуетъ прекрасный знатокъ тюркскихъ нарѣчій и народностей Г. Вамбери [3]): „само собою разумѣется", восклицаетъ онъ, „уже никому болѣе не придетъ въ голову, при дѣленіи человѣческаго рода на главные классы, признавать языкъ исключительнымъ факторомъ, безусловно принимаемымъ въ разсчетъ, при разграниченіи и распредѣленіи главныхъ человѣческихъ расъ". „Если же при изслѣдованіи расъ мы будемъ руководствоваться свѣточемъ филологіи, то, съ другой стороны, все-таки не слѣдуетъ считать доказательства, почерпнутыя изъ языка, единственною всеспасающею панацеей". Наконецъ, Фридрихъ Мюллеръ, несомнѣнно одинъ изъ значительнѣйшихъ лингвистовъ настоящаго времени и къ тому же авторъ классификаціи, основанной главнымъ образомъ на языкѣ, говоритъ объ этомъ признакѣ слѣдующее: „вѣдь это въ настоящее время уже болѣе или менѣе принятое положеніе, что народность можетъ быть опредѣлена на ряду съ другими признаками (!) и по языку" [4]). Еще болѣе скромную роль отводитъ языку французскій лингвистъ Овелакъ, подчиняя его признакамъ анатомическимъ и физіологическимъ, какъ менѣе измѣнчивымъ въ суммѣ своей [5]).

Приводя противъ исключительнаго преобладанія лингви-

---

[1]) R. Lepsius. Nubische Grammatik, Berlin, Hirz 1880, S. II, III.

[2]) Lepsius, l. c., S. III.

[3]) Вамбери, Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ, Зап. Западно-Сибирск. отд. Имп. Геогр. Общества. Омскъ, 1884 г., стр. 1—2.

[4]) Fr. Müller. Allgemeine Ethnographie, Wien, Hölder, 2. Aufl. 1879, S. 7.

[5]) A. Hovelaque et G. Hervé, Précis d'Anthropologie etc. Paris, Delahaye 1887, p. 608.

стическихъ признаковъ всѣ эти многочисленные авторитеты, ряды которыхъ легко было бы намъ пополнить множествомъ другихъ именъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ указываемъ на то, что при умѣломъ пользованіи языкъ является однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе яркихъ признаковъ народной жизни.

Всѣ прочіе психическіе признаки, помимо языка, равно какъ и признаки этнологическаго и соціологическаго характеровъ, слѣдовательно признаки, представляющіеся намъ въ современномъ строѣ и бытѣ общества и въ законахъ развитія его, частью слишкомъ мало поддаются точному опредѣленію, частью же слишкомъ мало изучены, чтобы служить въ отдѣльности средствомъ для классификаціи. Въ суммѣ своей эти признаки, однако, могутъ дать рядъ замѣчательныхъ указаній на родственность тѣхъ или другихъ расъ, или же на географическое общеніе ихъ въ извѣстную эпоху.

Съ другой стороны, именно общность подобныхъ явленій, общность, проявляющаяся, какъ въ крупнѣйшихъ жизненныхъ фактахъ, такъ и въ незначительныхъ мелочахъ, является естественнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу единства человѣческаго рода. Интересныя параллели, къ которымъ мы возвратимся въ соотвѣтствующихъ главахъ нашего труда, обнаруживаются, напр., въ исторіи развитія общественнаго строя различнѣйшихъ народностей, въ слѣдахъ общиннаго владѣнія, въ переходахъ отъ неорганизованной орды, создающейся по указаніямъ природы, къ болѣе или менѣе упорядоченной родовой и племенной организаціи, къ деспотіи и, наконецъ, къ стремленію уравновѣсить права общественныхъ элементовъ. Или возьмемъ болѣе узкій кругъ явленій: мы открываемъ рядъ параллелей въ переходахъ семьи и въ положеніи женщины отъ матріархата къ патріархату. Одна изъ богатѣйшихъ областей въ этомъ смыслѣ представляется намъ въ изученіи религіозныхъ вѣрованій, а еще болѣе того суевѣрій. Въ самыхъ различнѣйшихъ странахъ земнаго шара и у различнѣйшихъ народовъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, одну и ту-же боязнь дурнаго глаза [1]), тѣ-же спиритистическія слабости къ общенію съ загробными духами [2]), то-же стремленіе къ искаженію

---

[1]) R. Andree. Ethnographische Parallelen, 1878, S. 35—45.

[2]) Чрезвычайно богаты подобными указаніями драгоцѣнныя, хотя и мало доступныя по формѣ своей сочиненія Бастіана. Рекомендуемъ хотя бы новѣй-

естественной формы черепа [1]); относительно большимъ распространеніемъ пользуется даже столь нелѣпый обычай, какъ кувада,—обычай, по которому супругъ, когда въ его семьѣ рождается ребенокъ, ложится въ постель и разыгрываетъ роженицу [2]). Подобныя же картины представляетъ намъ совершенно иная область, а именно область матеріальной культуры. Гдѣ только географическія условія являются однородными, тамъ легко замѣтить удивительныя совпаденія въ пріемахъ практической жизни и даже въ устройствѣ орудій и оружія. Снаряды, повидимому столь странные, какъ бумерангъ, вомера—метательная дощечка [3]) и т. д., встрѣчаются неоднократно въ различнѣйшихъ странахъ.

Эта общность признаковъ соціологическихъ и этнологическихъ, наряду съ приведеными выше этнографическими соотвѣтствіями, и составляютъ основу научныхъ доказательствъ въ пользу единства человѣческаго рода [4]).

Резюмируя наши соображенія, мы придемъ къ тому заключенію, что человѣчество, въ виду единства происхожденія своего, не представляетъ признаковъ, свойственныхъ исключительно той или другой расѣ. Всѣ антропологическіе признаки, будь они этнографическаго или этнологическаго и соціальнаго характеровъ, встрѣчаются намъ лишь въ безконечныхъ переходахъ и оттѣнкахъ [5]). Всѣ эти признаки лежатъ, такъ сказать, въ „человѣкѣ"; они лишь суммируются въ различныхъ народностяхъ въ болѣе или менѣе яркіе типы. Антропологическіе признаки неустойчивы по самой природѣ человѣка.

Человѣкъ, по нашему мнѣнію, отнюдь не является тѣмъ „устойчивымъ типомъ" (Dauertypus), который, какъ какое ни-

---

шій трудъ автора: A. Bastian. Allerlei aus Volks-und Menschenkunde, Berlin, Mittler und Sohn, 1888.

[1]) H. Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, Berlin, Auerbach, 2. Aufl. 1883, B. I, S. 306—329.

[2]) H. Ploss. Das Kind etc., B. I, S. 143—160.

[3]) Метательная дощечка напр. встрѣчается у австралійцевъ, эксимосовъ, алеутовъ, древнихъ мехиканцевъ и у другихъ индѣйскихъ племенъ. Д. Анучинъ, Лукъ и стрѣлы. Москва, 1887, стр. 3.

[4]) Прибавимъ сюда еще плодотворность скрещиванія человѣческихъ расъ,—вопросъ, вызывавшій столь бурныя столкновенія въ періодъ американской войны, теперь же окончательно рѣшенный въ утвердительномъ смыслѣ.

[5]) См. выше, стр. 94.

будь наслѣдіе додарвиновской вѣры въ прочность вида, все еще выживаетъ въ нашей наукѣ [1]). Для сохраненія типа евреевъ, коптовъ, цыганъ, американцевъ и т. д., и т. д. существуютъ достаточно вѣскія причины, вполнѣ объясняющія относительное выживаніе особенностей соматическаго и психическаго облика данныхъ народностей; этимъ фактамъ, наконецъ, противупоставляется живое и непрестанное преображеніе другихъ расъ, не находящихся въ столь исключительныхъ условіяхъ. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, будемъ неоднократно возвращаться, изучая вліяніе природы на человѣка. Замѣтимъ здѣсь только, что Вирховъ несомнѣнно правъ, указывая на то, что явленія трансформизма, въ примѣненіи къ человѣческимъ расамъ и по выдѣленіи всѣхъ возможностей скрещиванія, выясняются лишь съ трудомъ [2]).

Взглянувъ съ точки зрѣнія, выработанной нами, на вопросъ о классификаціи расъ, мы должны прежде всего отказаться отъ стремленія установить естественную расовую классификацію человѣчества. Въ духѣ Линнея мы признаемъ, что классификація можетъ явиться лишь пособіемъ при изученіи многоразличнаго человѣчества, нитью Аріадны въ этнографическомъ лабиринтѣ; нашими искусственными системами мы можемъ достигнуть лишь нѣкотораго приближенія къ данной, весьма измѣнчивой дѣйствительности. Создавая подобную классификацію, мы должны затѣмъ признать, что нѣтъ возможности строить системы на основаніи одного какого либо признака или же группы нѣкоторыхъ признаковъ, и что система, основанная на однихъ соматическихъ признакахъ (черепъ, волосы и т. д.), точно также ненаучна, какъ система, основанная на однихъ психическихъ признакахъ (языкъ и т. д.). Стремясь къ классификаціи человѣчества, мы должны, поэтому, возвратиться къ пріемамъ, указаннымъ уже Линнеемъ [3]) и примѣненнымъ въ послѣд-

[1]) За стойкость человѣческаго типа въ большей или меньшей степени стоятъ Гёксли, Гисъ и Рюттимейеръ, Фр. Мюллеръ, Кольманъ и другіе. Далѣе всѣхъ заходитъ Кольманъ, увѣряя, что расы человѣчества сложились уже въ дилувіальную эпоху и что возможность образованія „другихъ, болѣе совершенныхъ расъ въ будущемъ, весьма невѣроятно". См. напр. J. Kollmann, Hohes Alter der Menschenrassen. Zeitschrift für Ethnologie. 1884 S. 180 — 212.

[2]) R. Virchow, Ueber den Transformismus. Archiv für Anthropologie 1888. B. XVIII, S. 13.

[3]) См. выше стр. 23.

нее время Пешелемъ [1]), а именно къ суммированію всѣхъ антропологическихъ признаковъ, извѣстныхъ въ данный моментъ о данной народности. Лишь пользуясь всѣми антропологическими данными, мы въ состояніи будемъ избѣжать ошибокъ, противорѣчій или неясностей, столь естественныхъ при ограниченномъ числѣ признаковъ.

Какъ мы видѣли [2]), антропологическіе признаки группируются въ нѣкоторыхъ основныхъ типахъ. Въ виду того, что въ этихъ основныхъ типахъ какъ бы суммируются особенности, встрѣчающіяся въ болѣе слабой степени и у другихъ племенъ, эти типы могутъ быть названы центральными; типы, располагающіеся вокругъ центральныхъ типовъ и представляющіе постепенное приближеніе къ нимъ, т. е. усиленіе признаковъ одного какого либо центральнаго типа совмѣстно съ ослабленіемъ характерныхъ особенностей другихъ типовъ, являются периферическими типами для данныхъ центральныхъ. Болѣе точному разбору эти центральные и периферическіе типы будутъ подвергнуты во второмъ и третьемъ томахъ нашего труда. Доказательства въ пользу существованія извѣстныхъ типовъ могутъ быть приведены лишь при подробномъ изученіи расовыхъ особенностей человѣка (томъ II) и при подробномъ описаніи различныхъ племенныхъ типовъ человѣческаго рода (томъ III). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду лишь общій вопросъ о классификаціи человѣческаго рода и, поэтому, ограничиваемся краткою характеристикою нашихъ центральныхъ группъ.

Неоднократно мы уже указывали на то, что антропологическіе признаки суммируются въ трехъ центральныхъ типахъ: это типы негра, монгола и европейца. Другихъ крайнихъ типовъ среди человѣчества не существуетъ. Къ этимъ тремъ центральнымъ типамъ приближаются, какъ периферическіе, всѣ остальные расовые типы человѣческаго рода. Такимъ

---

[1]) См. „Народовѣдѣніе“ Пешеля. Къ подобнымъ же результатамъ приходитъ Герландъ, говоря, что „систематика человѣческаго рода выработается лишь тогда, когда она будетъ исходить отъ возможно болѣе широкаго общаго обзора, при которомъ одновременно подадутъ свои голоса антропологія (соматическая), лингвистика, исторія и наука о культурѣ человѣчества, тогда какъ этнологическая критика, взвѣсивъ ихъ голоса, дастъ окончательное рѣшеніе“. Gerland, Verhandlungen des 2 Deutschen Geographentages, 1882, S. 66.

[2]) См. выше 86, 87, 91, 92, 93.

образомъ мы различаемъ въ человѣчествѣ три большія группы: негрскую, монгольскую и европейскую.

I. Негрская группа проявляетъ присущія ей отличія ярче всего въ неграхъ суданскихъ и въ неграхъ банту. Какъ периферическіе типы, этотъ центральный типъ окружаютъ: папуасцы, негритосы, австралійцы, дравида, готтентотты и бушмены, карликовые народы Африки. Въ данной группѣ долихоцефальный типъ черепа достигаетъ наибольшаго своего развитія; черепъ при этомъ обыкновенно высокъ (у дравидъ средній, у готтентоттовъ низкій) и отличается въ общемъ наиболѣе крайними формами прогнатизма. Въ соотвѣтствіи съ долихоцефальностью черепа и скелетъ показываетъ извѣстную удлиненность и съуженность формъ. Цвѣтъ кожи въ основѣ своей черный; онъ переходитъ при этомъ отъ крайнихъ темныхъ до желтыхъ тоновъ, въ основѣ ихъ однако всегда сказывается смуглость; темныя окраски въ общемъ рѣшительно преобладаютъ и достигаютъ въ этой группѣ наибольшаго развитія своего. Волосъ темный, курчавый, въ разрѣзѣ болѣе или менѣе сплющенный; растительность на головѣ богата, на бородѣ и тѣлѣ рѣже. Для языковъ этой группы особенно характерна значительно развитая агглутинація и наклонность къ префигированію (австралійцы суффигируютъ). Негрскіе народы представляютъ собою физически и духовно свѣжую, сильную и многочисленную группу. Это типичные сангвиники: они безпечны какъ дѣти и склонны къ веселью и смѣху; какъ дѣти они легко переходятъ отъ одного настроенія къ другому, отъ шумной радости къ неменѣе шумному горю; они простодушны и добры, какъ дѣти, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно вспыльчивы и въ минуту аффекта жестоки до крайности; они выносливы въ работѣ и способны къ ней, но они охотно избѣгаютъ всякой работы; они способны ко всякимъ лишеніямъ—и въ то же время любятъ пожить и не упускаютъ случая выпить чашу наслажденія до дна; они абсолютные матеріалисты—и въ то же время души ихъ преисполнены страшными суевѣрными картинами. Безпечность и жажда жизни проявляются при случаѣ даже тѣми негроподобными племенами, на которыхъ страшная судьба наложила печать меланхоліи (австралійцы). Негрскіе народы несомнѣнно способны къ культурѣ; но самобытная культура ихъ стоитъ на

чрезвычайно невысокой ступени. Въ этомъ отношеніи ихъ значительно опередили народы двухъ другихъ группъ. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ негроподобныхъ народовъ по настоящее время преобладаютъ фетишистическія наклонности. Мѣстонахожденіе ихъ: тропическія и субтропическія области Стараго Свѣта; культурою они занесены въ тропическія и субтропическія области Новаго Свѣта.

II. Монгольская группа. Основной типъ: настоящіе монголы, буряты, калмыки. Периферическія группы: китайцы и родственные имъ народы (китайцы, японцы, корейцы): тюрки (киргизы, якуты, татары, узбеги, уйгуры, туркмены, османы и др.); финская группа (финляндская вѣтвь, угрская вѣтвь и мадьяры (?), пермская, волжская, самоѣды (?)); сѣверная смѣшанная группа (тунгусы, юкагиры, айносы, гиляки, камчадалы, коряки, чукчи, намолосы, эскимосы и др.); южная смѣшанная группа (монголоподобные обитатели области Гималаевъ, Тибета и Индо-Китая); американцы; малайцы; полинезійцы.

Данная группа характеризуется наибольшимъ развитіемъ брахицефальнаго типа черепа и въ соотвѣтствіи съ этимъ наиболѣе широкимъ костистымъ тѣлосложеніемъ; прогнатизмъ весьма умѣренный, за то крайняя выраженность фанеродзигности (выступаніе и развитіе скуловыхъ костей); скелетъ, какъ уже указано, массивнаго сложенія, но кисть и стопа чрезвычайно малы. Цвѣтъ кожи въ основѣ блѣдно-желтый, доходитъ, однако, до крайнихъ темно-бурыхъ оттѣнковъ съ красновато-желтымъ отливомъ. Волосъ гладкій, прямой, толстый, черный, безъ блеска, въ поперечномъ разрѣзѣ круглый; растительность на бородѣ и тѣлѣ, за ничтожными исключеніями (айносы), крайне незначительна. Для языковъ этой группы особенно характерна, помимо болѣе или менѣе развитыхъ агглутинирующихъ типовъ и извѣстнаго преобладанія суффигированія, крайняя выраженность моносилабизма (китайцы). Въ характерѣ монголоподобныхъ народовъ; въ общемъ, больше сдержанности и зрѣлости, чѣмъ у негроподобныхъ; въ типичномъ монголѣ дремлетъ много элементарной силы; для этой группы характерны переселенія народовъ, порывы страсти къ наслажденію жизнью и въ то же время замѣчательная способность къ воздержанію и къ упорнѣйшему труду; наибольшее развитіе деспотіи и жестокости — и въ то же время

безусловная дисциплина. Самобытная культура нѣкоторыхъ племенъ достигла высокаго развитія, хотя ей недоставало экспансивности, чтобы выйти изъ узкихъ рамокъ національныхъ условій и стать культурою міровою. Въ духовномъ отношеніи они не освободились отъ преобладанія шаманизма и подчинили ему даже чистыя и возвышенныя ученья, заимствованныя у сосѣднихъ народовъ (буддизмъ). Мѣстонахожденіе: центръ данной группы лежитъ въ Азіи; отсюда она распространилась въ Европу и въ Америку, гдѣ частью уже оттиснута или подавлена европейцами, въ Океанію, и Индійскій океанъ вплоть до африканскихъ береговъ.

III. Европейская группа: основной типъ: европейцы; периферическіе типы: индусы, иранцы, семиты, хамиты. Данная группа представляетъ несомнѣнно нѣчто среднее между двумя упомянутыми крайними типами. Черепа въ этой группѣ встрѣчаются долихо-, брахи- и мезоцефальные, не представляя, однако, крайностей негрскаго и монгольскаго характеровъ. Складу черепа соотвѣтствуетъ строеніе скелета, отличающагося пропорціональностью. Цвѣтъ кожи въ основѣ бѣловато-розовый, доходя до крайней смуглости, а въ периферическихъ группахъ (хамиты) до темныхъ негроподобныхъ оттѣнковъ. Волосъ волнистый мягкій, по разрѣзу занимаетъ среднее мѣсто между монгольскимъ и негрскимъ типомъ. Цвѣтъ волосъ свѣтлый и темный, съ блескомъ. Растительность на головѣ, бородѣ и тѣлѣ весьма значительна. Языки флектирующіе. Характеръ выраженно-индивидуальный и экспансивный, духовныя силы чрезвычайно богаты; благодаря этому народы данной группы достигли высшаго развитія религіознаго и философскаго мышленія и высшаго совершенства въ культурныхъ пріемахъ жизни. Они являются вожаками человѣчества на пути культуры. Мѣстонахожденіе: центръ въ Европѣ; благодаря силѣ и экспансивности своего духа, распространились по всему міру.

Вопросъ о томъ, какой изъ этихъ типовъ древнѣе другихъ, мы оставимъ въ сторонѣ, какъ не подлежащій въ настоящее время научному изслѣдованію. Достаточно того, что ученые до сихъ поръ расходятся въ воззрѣніяхъ своихъ на древность человѣческаго рода вообще. Вотъ какъ по этому поводу высказывается Э. Гекель, вникшій, повидимому, глубже

другихъ смертныхъ въ вопросъ о происхожденіи человѣка: человѣкъ могъ выработаться изъ человѣко-обезьяны „вѣроятнѣе всего къ концу третичнаго періода, слѣдовательно, въ пліоценовую эпоху, а можетъ быть уже въ міоценовую, однако, можетъ быть, и лишь въ началѣ дилувіальной эпохи“ [1]). Къ пліоценовой эпохѣ относятъ человѣка Ляйель, Ромарино, къ міоценовой—Лёббокъ, Кингслей, къ эоценовой—Уоллесъ и т. д. Замѣтимъ кстати, что доисторическая наука не считаетъ невозможнымъ появленіе человѣка въ третичный періодъ. Что касается до обозначенія числа лѣтъ, прошедшихъ со времени появленія человѣчества, то подобное опредѣленіе, какъ видно изъ предыдущихъ строкъ, становится дѣломъ невозможнымъ. „Тотъ важный фактъ, что существованіе человѣческаго рода должно быть опредѣлено въ болѣе чѣмъ 20.000 лѣтъ, не подлежитъ сомнѣнію“, говоритъ Э. Гекель. „Но вѣроятно, что со времени появленія человѣка протекло болѣе 100.000 лѣтъ, быть можетъ даже многія сотни тысячелѣтій“ [2]). Тамъ, гдѣ, такъ сказать, единымъ духомъ можно перескакивать съ 20,000 лѣтъ на многіе сотни тысячелѣтій, тамъ мы находимся, очевидно, не въ области наблюденія, а гаданія.

Изъ указанныхъ выше колебаній, конечно, не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о древности человѣческаго рода или, лучше сказать, о древнѣйшихъ слѣдахъ человѣка оказался неразрѣшимымъ. Нельзя забывать того, что доисторическая наука ограничивается до настоящаго времени почти что одною Европою; она слишкомъ мало еще коснулась тѣхъ именно областей земнаго шара, гдѣ скорѣе всего можно было бы искать прародины человѣка[3]). Но пока не выяснится, къ какой группѣ должны быть отнесены древнѣйшіе слѣды человѣчества, до тѣхъ поръ всѣ предположенія о древности или объ истори-

[1]) E. Häckel. Natürliche Schöpfungs-Geschichte, S. 617.

[2]) Häckel, l. c., S. 618.

[3]) Несравненно вѣроятнѣе, что прародину человѣчества, нужно искать не въ Европѣ, а напримѣръ, въ Азіи, въ этомъ наибольшемъ и наибогатѣйшемъ изъ всѣхъ материковъ. Здѣсь встрѣчаются наивысшія формы животнаго міра, здѣсь встрѣчаются тѣ три крайніе типа, которые мы могли отличить въ человѣчествѣ; отсюда, наконецъ, по всему вѣроятію, вышло населеніе Америки, отсюда вышли малайцы и полинезійцы, быть можетъ и населеніе Европы и сѣвера Африки, включая Египетъ. (Fr. Hommel, Semitische Völker und Sprachen, Leipzig 1883, B. I, S. 101.

ческомъ первенствѣ той или другой группы останутся болѣе или менѣе ненаучными [1]). Неподлежащимъ точному изслѣдованію является далѣе вопросъ о томъ, произошло ли человѣчество отъ одной пары или отъ нѣсколькихъ [2]).

Основываясь на развитыхъ нами выше положеніяхъ, мы отнюдь не можемъ согласиться съ тою разницею между расою и народомъ, которую устанавливаетъ Фр. Мюллеръ. Основные типы человѣчества, по его мнѣнію, называются расами и подлежатъ изученію со стороны антрополога-изслѣдователя [3]); историческая судьба обусловливаетъ возникновеніе извѣстныхъ отличій въ бытовомъ отношеніи и по языку въ группахъ однороднаго происхожденія и вырабатываетъ

[1]) Не можемъ не упомянуть того, что антропологи неоднократно задумывались надъ окраскою первичнаго человѣка. Бурдахъ высказывается въ томъ смыслѣ, что первичный человѣкъ былъ коричневый, занимая такимъ образомъ среднее мѣсто между существующими окрасками (K. Schmidt, Anthropologie. B. I. S. 181). По Блуменбаху и Бюффону — онъ былъ бѣлый, по Камперу и Причарду—черный, по де-Саллю—красный, по Лаба—Адамъ былъ темно-коричневый или красноватый, а Ева болѣе блѣдной окраски (Topinard, Éléments d'Anthropologie, p. 96, 47). По Канту—первичный человѣкъ былъ темнаго цвѣта, по Катрфажу—желто-красный съ рыжими волосами и значительнымъ прогнатизмомъ (Quatrefages. Das Menschengeschlecht, B. I, S. 283); по Гекелю — это темнокоричневый долихоцефалъ, съ значительнымъ прогнатизмомъ (Häckel. Natürliche Schöpfungs-Geschichte. S. 643). Въ общемъ современные натуралисты по мнѣнію Вирхова склоняются скорѣе къ тому, что первичный человѣкъ долженъ быть чернымъ. (Virchow. Ueber den Transformismus, Archiv für Anthropologie, B. XVIII, 1888, S. 12.

[2]) Данный вопросъ точно также неоднократно подвергался разбору. Философъ Кантъ глубокомысленно предположилъ, что въ началѣ могла существовать лишь одна пара людей, ибо двѣ пары непремѣнно бы поссорились, какъ это и случилось впослѣдствіи съ Каиномъ и Авелемъ. Наконецъ, „первый человѣкъ потонулъ бы въ первомъ попавшемся пруду, такъ какъ искусству плаванія необходимо обучаться", а инстинктовъ соотвѣтствующихъ у него не было, иначе онъ бы передалъ ихъ своему потомству. (Kant. Anthropologie in pragmatischer Hinsecht S. 307). Рудольфи увѣряетъ, что необходимо должно было возникнуть нѣсколько паръ, такъ какъ природа никогда не подвергла бы столь важное созданіе, какъ человѣка, опасности исчезнуть отъ болѣзни, несчастій и проч. (Rudolphi. Physiologie, B. I, § 51). Въ томъ же духѣ высказывается американецъ Мортонъ, говоря, что Создатель иначе подвергъ бы свое лучшее и высшее твореніе слишкомъ большимъ опасностямъ. (Schaaffhausen. Anthropologische Studien, Bonn, Markus, 1885, S. 635). Наконецъ Баумгартнеръ въ 1855 году высказался за происхожденіе человѣчества отъ нѣсколькихъ паръ, основываясь на существованіи чрезвычайно значительнаго числа человѣческихъ паразитовъ; будь эти паразиты первоначально на одной парѣ, эта пара должна была бы погибнуть, а съ ней вмѣстѣ и всѣ паразиты (Baumgartner).

[3]) Fr. Müller. Allgemeine Ethographie, S. 4.

такимъ образомъ народности; поэтому „народность“ является понятіемъ „строго этнографическимъ, понятіемъ спеціальнаго народовѣдѣнія“ [1]). Въ прежнія времена не существовало народностей, потому что не было факторовъ, обусловливающихъ возникновеніе ихъ, т. е. языка и бытовыхъ особенностей. Фр. Мюллеръ даетъ намъ до нѣкоторой степени возможность проникнуть въ тѣ мотивы, которые руководили имъ въ данномъ случаѣ. Онъ, какъ лингвистъ, не въ состояніи отдѣлаться отъ того противорѣчія, что „въ одной и той же расѣ языки сводятся на различныя, независимыя другъ отъ друга области происхожденія“ [2]).

Наши основные типы до извѣстной степени соотвѣтствуютъ условному, хотя и чрезвычайно неустойчивому термину расы [3]); въ расахъ, элементы которыхъ связываются указаннымъ суммированіемъ однихъ и ослабленіемъ другихъ признаковъ, мы различаемъ меньшія группы; эти группы могутъ быть объединены на основаніи всѣхъ существующихъ о нихъ антропологическихъ свѣдѣній и представляютъ собою народности. Къ народности Мюллера скорѣе подходитъ понятіе о національности, т. е. о соединеніи элементовъ, быть можетъ и совершенно чуждыхъ другъ другу по суммѣ антропологическихъ признаковъ, но связанныхъ между собою даннымъ политическимъ строемъ, общими обычаями и до извѣстной степени общимъ языкомъ. Изъ національности, путемъ переработки извѣстныхъ внутреннихъ противорѣчій, можетъ выработаться новый типъ, новая народность. Такимъ образомъ создались изъ элементовъ совершенно различныхъ такія народности, какъ англичане и французы.

---

[1]) Fr. Müller, l. c., S. 5.

[2]) Fr. Müller, l. c., S. 6.

[3]) Topinard. Anthropologie, 3. Aufl., S. 91 ff. Во всякомъ случаѣ раса можетъ обозначать лишь группу высшаго порядка.

Глава VI.

Дикарь и культурный человѣкъ.

Отношеніе классическихъ и среднихъ вѣковъ къ дикарю.—Дикарь съ точки зрѣнія современной науки.—Вліяніе географическихъ условій на дикаря и на культурнаго человѣка.—Возможно ли культивировать дикаря?—Умственныя силы дикаря.—Культурные успѣхи негровъ и индѣйцевъ.—Наши азіатскіе и европейскіе инородцы.—Трудность воспитанія дикаря.—Художественныя способности дикаря.—Нравственность дикаря.—Первобытная честность и общинный духъ.—Жестокость, дѣтоубійство, людоѣдство, отсутствіе религіозныхъ и семейныхъ началъ.—Наше отношеніе къ дикарямъ.

Исторія антропологіи проникнута борьбою за единство человѣка съ природою и за единство человѣческаго рода. Преодолѣвъ громадныя трудности, мысль эта въ настоящее время пріобрѣла право гражданства въ наукѣ. Въ практической жизни, однако, большинство людей культурныхъ до сихъ поръ не можетъ освободиться отъ нѣкотораго самовозвеличенія, считая себя властителями природы и избранниками среди человѣчества.

Мы видѣли уже, какъ презрительно относились народы классическихъ вѣковъ къ окружавшимъ ихъ массамъ „варваровъ“[1]). Философъ не допускалъ ихъ въ свое идеальное государство (Платонъ); представители классическаго вѣка мыслили и писали не для варваровъ, которые въ ихъ глазахъ имѣли такую же цѣну, какъ быки и свиньи (Галенъ); искони различные по природѣ своей задатки человѣчества оправдываютъ рабство (Аристотель); рабы лишены всякой способности къ высшимъ человѣческимъ чувствамъ (Ѳемистій);

---

[1]) Смотри выше, стр. 5.

спрашивается, вообще, принадлежатъ ли они къ людямъ и заботятся ли о нихъ боги (Макробій).

Положимъ, что уже христіанство провозгласило предъ удивленными аѳинянами, въ лицѣ своего дѣятельнаго передоваго бойца, апостола Павла, что „отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли“. Христіанскіе народы среднихъ вѣковъ предпочли, однако, этому высокому ученію эгоистическую и грубую мысль Парацельза и Перейры о настоящихъ людяхъ адамитахъ (европейцы) и преадамитахъ, ненастоящихъ людяхъ, представляющихъ лишь неудачныя попытки къ созданію человѣка (неевропейскіе народы)[1]).

Презрительное отношеніе культурныхъ народовъ къ малокультурнымъ, какъ къ классу низшихъ существъ, имѣетъ глубокое основаніе какъ въ человѣческой природѣ, такъ и въ историческихъ условіяхъ, давшихъ европейцамъ возможность пользоваться богатствами дикарей. Эти воззрѣнія на некультурнаго человѣка отличаются, поэтому, необычайною живучестью и способностью примѣняться къ различнѣйшимъ міровоззрѣніямъ. Эти столь позорныя по своимъ послѣдствіямъ для европейцевъ отношенія къ низшимъ братьямъ покровительствовали рабству, эксплуатаціи и истребленію дикарей; они вели побѣдоносную борьбу съ европейскими идеалистами, увлекавшимися естественною чистотою и непорочностью дикарей; они еще по сю пору поддерживаютъ алчныя поползновенія людей практики; они льстятъ самообольщенію европейцевъ; они поддерживаютъ крайнихъ представителей естествознанія въ ихъ погонѣ за переходными звеньями между человѣкомъ и царствомъ животнымъ [2]).

Но даже и въ настоящее время, когда единство человѣческаго рода находитъ столь много защитниковъ среди людей науки, неоднократно подвергались нападенію слова Александра Гумбольдта, столь прекрасныя и столь великія для тогдашняго состоянія науки: „нѣтъ болѣе или же менѣе благородныхъ народовъ; всѣ одинаково рождены для свободы“ [3]).

---

[1]) Смотри выше, стр. 12, 13.

[2]) Смотри выше, стр. 29.

[3]) A. v. Humboldt. Kosmos, Stuttgart u. Tübingen. 1845. B. I, S. 385.

Въ томъ же духѣ высказался уже въ прошломъ столѣтіи Гердеръ: „человѣкъ остается человѣкомъ независимо отъ того, заблуждается ли онъ или до-

Но какъ ни цѣпко держатся эти издревле унаслѣдованные нами взгляды, они несомнѣнно должны ослабнуть и исчезнуть передъ болѣе вѣрнымъ и болѣе глубокимъ пониманіемъ сущности вещей.

Не прошло еще столѣтія съ того времени, когда въ Европѣ равноправность классовъ считалась немыслимой; теперь же она, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, повсюду признана. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ культурные народы защищали рабство всею силою своего ума и даже кровью своею (борьба сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Сѣверной Америки); въ настоящее же время культурные народы не терпятъ рабства даже у некультурныхъ сосѣдей своихъ (русскіе въ Центральной Азіи, европейцы въ Африкѣ). Стремленіе культивировать дикаря является въ настоящее время дѣломъ уже не личнаго увлеченія или привилегіею миссіонеровъ; оно провозглашается девизомъ современныхъ колоніальныхъ стремленій (государство Конго).

Нельзя, конечно, отрицать того, что на практикѣ европейцы въ отношеніяхъ своихъ къ некультурнымъ собратьямъ зачастую проявляютъ весьма выраженныя атавистическія наклонности. Но эти возвращенія вспять отнюдь не могутъ умалить высокаго значенія того прогресса, который европейцы проявили въ этомъ случаѣ. Та форма, въ которой проступаетъ атавизмъ, является безусловнымъ свидѣтелемъ прогресса. То, что въ настоящее время возбуждаетъ всеобщее отвращеніе, что преслѣдуется, какъ ужасающее преступленіе, еще недавно считалось дѣломъ вполнѣ достойнымъ и соотвѣтственно этому вознаграждалось. Въ 1562 году королева Елизавета англійская произвела Джона Гаукинса въ рыцари и казначеи британскаго флота за то, что онъ пытался соперничать съ португальцами въ торговлѣ невольниками. Королева Анна заявила въ 1713 году въ тронной рѣчи, что она можетъ поздравить себя и свой народъ съ тѣмъ, что добилась, благодаря договору съ Испаніей, монополіи въ торговлѣ невол-

стигаетъ истины, падаетъ ли онъ или вновь поднимается; это слабое дитя, но онъ свободнорожденный: если онъ и не разуменъ, то все же онъ способенъ проявить лучшій разумъ; если онъ и не достигъ еще гумманности, то все же можно ее развить въ немъ. Людоѣдъ въ Новой Зеландіи и Фенелонъ, презрѣнный пещеря и Ньютонъ,—они созданія одного и того же рода". (Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte, Karlsruhe 1790, B. I, S. 246).

никами,—монополіи, по которой Англія въ продолженіи 30 лѣтъ имѣла право снабжать испанскія владѣнія африканскими невольниками. Въ настоящее время подобное явленіе, конечно, немыслимо. Даже болѣе того, мы глубоко возмущаемся обстоятельствами, которыя еще весьма недавно прошли бы незамѣченными. Достаточно вспомнить сообщенія географическихъ и политическихъ журналовъ о похищеніи рабочихъ въ Океаніи съ цѣлью снабжать плантаціи Квинсланда и острововъ Фиджи дешевыми рабочими; характерно то, что плантаторы уступили вліянію прессы [1]), хотя они и добыли дешевыхъ рабочихъ изъ Китая.

Не смотря, однако, на видимые успѣхи европейцевъ въ этомъ вопросѣ, наши отношенія къ народамъ малокультурнымъ все еще недостаточно выяснены; трудно отдѣлаться отъ многочисленныхъ предразсудковъ и противорѣчій, подавляющихъ насъ въ данномъ случаѣ; трудно, наконецъ, не впасть въ крайности обыденнаго для культурнаго человѣка самомнѣнія или же слабосильнаго доброжелательства филантроповъ.

Если мы въ общихъ чертахъ противопоставимъ народамъ культурнымъ народы первобытные или, чтобы захватить болѣе обширное поле, народы низшей культуры, то мы несомнѣнно придемъ къ тому заключенію, что послѣдніе далеко ниже первыхъ по отношенію къ интеллектуальнымъ силамъ. Культурные народы до нѣкоторой степени эмансипировались отъ вліянія природы; они умѣютъ пользоваться силами ея для своихъ собственныхъ цѣлей. Народы низшей культуры сохранили тѣснѣйшую связь съ природой; они находятся въ зависимости почти безусловной отъ природы, они живутъ тою жизнію, которую предначертываютъ имъ мѣстныя географическія условія. Человѣкъ природы ведетъ, поэтому, относительно жалкую жизнь тамъ, гдѣ окрѣпшая культура, овладѣвъ природными условіями, разростается могущественной и величественной жизнью. Одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ представляютъ намъ въ этомъ случаѣ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, если мы сравнимъ состояніе обитателей этой области въ эпоху открытія ея съ необычайною культурною силою, проявляемой современными янки.

---

[1]) Henry Greffrath. Globus, B. XLIV, S. 95.

Но если народы низшей культуры живутъ жизнью, общею съ природою, то у нихъ, весьма понятно, должны развиваться прежде всего тѣ качества, которыя имѣютъ отношенія къ явленіямъ природы, выполняющимъ все ихъ существованіе; высшія духовныя качества ихъ мало примѣняются; они рѣшительно подавлены потребностями первобытной жизни. Дикарь несомнѣнно обладаетъ извѣстными способностями, но эти способности сосредоточиваются преимущественно на тѣлесныхъ, а не на психическихъ задачахъ человѣческаго существованія.

Высокое развитіе физическихъ способностей, отличающее дикаря, ведетъ къ извѣстной односторонности въ общемъ развитіи его, къ односторонности, сравнить которую можно только съ одностороннимъ развитіемъ мыслительныхъ и съ подавленіемъ физическихъ способностей, характеризирующихъ культурнаго человѣка. Развитіе физическихъ способностей дикаря, въ особенности же острота его органовъ чувствъ, достигаетъ подчасъ почти невѣроятнаго совершенства. Географическая литература представляетъ намъ массу удивительнѣйшихъ примѣровъ, говорящихъ въ пользу необычайной ловкости дикарей, выносливости ихъ, остроты зрѣнія, слуха и баснословной способности оріентироваться. Къ тому же дикари проявляютъ на охотѣ поразительную находчивость и способность комбинировать, свидѣтельствующую о хорошихъ духовныхъ задаткахъ. Характерны въ этомъ случаѣ прежде всего орудія охоты дикарей, какъ, напр., метательные снаряды, ловушки и т. д. [1]).

Въ виду удивительнаго развитія своихъ физическихъ способностей, дикари легко могутъ показаться существами совершенно отличными отъ насъ по происхожденію. Мы получаемъ, однако, чрезвычайно интересный матеріалъ для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній, если обратимъ вниманіе на то, что наши предки, т. е. предки людей культурныхъ, отличались подобнымъ же, почти невѣроятнымъ развитіемъ и преобладаніемъ физическихъ способностей надъ духовными. Мало того, въ настоящее время европейцы, ведущіе образъ жизни дикарей, напр., наши промышленники въ Сибири или на на-

---

[1]) О дарѣ комбинаціи индѣйскихъ охотниковъ, см. Schaaffhausen. Anthropologische Studien etc., S. 366, 367.

шемъ сѣверѣ, трапперы въ Америкѣ и т. д., представляютъ намъ ту же картину.

Приведенныя выше свѣдѣнія наводятъ насъ на то предположеніе, что народы низшей культуры, въ случаѣ, если бы они могли освободиться до нѣкоторой степени отъ безусловнаго подчиненія природѣ, легко бы возвысились надъ односторонностью физическаго развитія и стали бы культивировать свои умственныя способности. Но это предположеніе блистательнымъ образомъ подтверждается, если мы обратимся къ многочисленнымъ доказательствамъ, говорящимъ въ пользу способностей дикарей къ культурѣ.

Превосходный матеріалъ даютъ намъ, напр., негры, тѣ самые негры, на которыхъ, благодаря ихъ чрезвычайному отличію отъ европейцевъ и извѣстному сходству съ обезьянами, съ величайшимъ презрѣніемъ смотрѣла не только толпа, но и такіе ученые, какъ Бурмейстеръ, Карусъ, Гобино, Чуди, Агасси, Карлъ Фогтъ и т. д.

Э. Гекель съ абсолютною увѣренностью говоритъ, что „Улотрихи (руноволосые, слѣдовательно по классификаціи его негры, кафры, папуасцы, готтентотты) неспособны къ истинной внутренней культурѣ и къ высшему духовному образованію, даже среди столь благопріятныхъ возможностей приспособленія, какія имъ нынѣ представляются въ Соединенныхъ Штатахъ. Ни одинъ руноволосый народъ не имѣлъ значительной исторіи“ [1]). Точно также Фр. Мюллеръ утверждаетъ, „что негра можно, положимъ, дрессировать, но весьма рѣдко удается его дѣйствительно воспитать“ [2]). Тѣмъ не менѣе, правъ былъ О. Пешель, противупоставивъ этимъ жестокимъ приговорамъ то замѣчаніе, что „назвать негра неспособнымъ къ тому, чтобы достигнуть высшихъ ступеней, чистѣйшій произволъ“ [3]).

Несмотря на короткій промежутокъ времени, прошедшій въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки съ освобожденія негровъ-невольниковъ, несмотря на то, что бѣлые по сю пору на практикѣ не допускаютъ равноправности негровъ съ собою, что браки между бѣлыми и неграми въ иныхъ шта-

[1]) E. Häckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte, S. 626.
[2]) Fr. Müller. Allgemeine Ethnographie, S. 149.
[3]) O. Peschel. Völkerkunde, S. 513.

тахъ наказываются суровою денежною пенею, не смотря на всѣ трудности борьбы за существованіе въ Америкѣ, борьбы, которая подъ силу даже не всякому европейцу,—не смотря на все это, негры, потерявъ приблизительно четверть своего общаго числа въ первые же годы свободы, образовали крѣпкое ядро, вполнѣ выдерживающее конкурренцію съ американцами-янки. Въ 188⁴/₅ году цвѣтнокожіе, слѣдовательно, негры по преимуществу, обладали въ Соединенныхъ Штатахъ слѣдующими школами [1]).

Обозначеніе школъ.	Число школъ.	Число учениковъ.
Публичныя школы	19.051	1.030.463
Нормальныя „	58	8.390
Секундарныя школы	47	9.994
Университеты и колледжи	22	3.799
Теологическія школы	28	950
Юридическія „	4	96
Медицинскія „	3	151
Школы для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ . .	9	120

Выдающіяся имена среди ученыхъ, профессоровъ и людей практики, болѣе ста газетъ и журналовъ, значительные вклады въ сберегательныя кассы, желѣзная дорога, сооруженная и эксплуатируемая неграми, и т. д.,—все это живые свидѣтели того, что негрская раса не лишена культурной будущности. Конечно, масса негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ темна и грязна, она имѣетъ свои грубыя, свои смѣшныя стороны и легко можетъ дать пищу памфлетистамъ вродѣ Гепворта Диксона [2]); но передовые бойцы этой массы не составляютъ исключенія, они надежда ея, вокругъ нихъ кристаллизируются лучшіе элементы негрскаго племени.

Даже Фр. ф. Гельвальдъ, столь враждебный ко всѣмъ неевропейскимъ расамъ, допускаетъ, что, „конечно (!) встрѣчаются единичные примѣры негровъ, богато одаренныхъ въ умственномъ отношеніи“; онъ указываетъ на то, что нѣсколько негровъ засѣдало въ палатѣ депутатовъ и даже въ

[1]) Report of the Comissioner of Education for the year 1884 — 1885. Washington 1886.

[2]) Гепвортъ Диксонъ. Борьба расъ въ Америкѣ. С.-Петербургъ, Ильинъ. 1876.

сенатѣ и т. д., однако тотчасъ же возвращается къ примѣрамъ нравственнаго паденія негровъ [1]). Имена негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, выдававшихся своими способностями и заслугами и пользовавшихся общимъ уваженіемъ въ своей сферѣ, далеко не рѣдки; Соайо (Soyaut) [2]) и Шнейдеръ [3]) цитируютъ цѣлые ряды негрскихъ именъ, извѣстныхъ въ наукѣ, политикѣ, журналистикѣ и т. д. Къ этимъ именамъ можно было бы присоединить еще многія другія не менѣе извѣстныя. „Если бы", говоритъ Соайо, „вся раса была менѣе одарена, то изъ нея не могли бы выходить столь высоко одаренныя личности... Но,— говорятъ противники, — это исключенія! Я думаю однако, что подобныя исключенія лучше всего подтверждаютъ правило, подтверждаютъ, что нужны лишь благопріятныя условія для того, чтобы все большее и большее число единичныхъ личностей могло подняться на высшія ступени образованія и чтобы постепенно масса могла подвинуться впередъ въ своемъ культурномъ развитіи" [4]).

Тщетно негрофобы указываютъ на жалкое положеніе негровъ или мулатовъ въ свободныхъ республикахъ (Либерія, Санъ-Доминго, Гаити) или же въ странахъ, гдѣ имъ предоставленъ полнѣйшій просторъ (Сіерра-Леоне). При этомъ обыкновенно упускается изъ виду исторія этихъ государствъ и та далеко не достойная роль, которую играли европейцы въ этой печальной исторіи. Положительно несообразнымъ можетъ показаться человѣку, знакомому съ исторіей данныхъ областей, что отъ негровъ, еще столь недавно сбросившихъ съ себя оковы рабства, вошедшаго въ плоть и кровь ихъ, и получившихъ отъ европейцевъ самое вредное направленіе [5]), можно было требовать, чтобы они, предоставленные самимъ себѣ, не пошли далѣе по намѣченнымъ ложнымъ путямъ, чтобы они, лишенные нравственной поддержки и опредѣленныхъ госу-

---

[1]) Fr. v. Hellwald. Naturgeschichte des Menschen 1882, B. I, S. 498.

[2]) H. Soyaut. Aus West-Afrika, Leipzig, Brockhaus, 1879, B. I, S. 153.

[3]) W. Schneider. Die Naturvölker, Paderborn und Münster, Schöningh, 1886, B. II, S. 237—252.

[4]) H. Soyaut, l. c., S. 153.

[5]) Мы указываемъ на безхарактерность филантроповъ по отношенію къ неграмъ Сіерра-Леоне, на слабость американцевъ въ виду преждевременныхъ поползновеній негровъ къ автономіи въ Либеріи, на пресловутый либерійскій заемъ, благодаря которому Либерія очутилось въ англійскихъ сѣтяхъ и т. д.

*

дарственныхъ цѣлей, не впали въ самыя печальныя крайности! Но и въ этихъ несчастныхъ странахъ встрѣчаются единичныя выдающіяся личности [1]).

Имѣя въ виду исторію и современное состояніе этихъ государствъ, мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что до сихъ поръ нигдѣ еще не сдѣлано было ни одного сколько нибудь разумнаго и достаточно выдержаннаго массоваго эксперимента для того, чтобы культивировать негровъ. Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія. Ратцель, извѣстный знатокъ Соединенныхъ Штатовъ, утверждаетъ, что здѣсь „милліонамъ чернокожихъ, принадлежавшихъ къ расѣ, прослывшей за самую низшую, впервые предоставлены всѣ преимущества, всѣ права и всѣ обязанности наивысшей культуры и ничто (!) не препятствуетъ имъ воспользоваться всѣми средствами къ образованію, которыя,—и въ этомъ то и заключается антропологическій интересъ даннаго явленія,—по необходимости явятся для нихъ и средствами для преобразованія“ [2]). Замѣчаніе это, однако,

[1]) Интересныя свѣдѣнія о либерійцахъ даетъ Цёллеръ, Das Togoland und die Sklavenküste, Berlin, Stuttgart, Speemann 1885, S. 39, 40, 45, 46. Четыре томика сочиненія Цёллера, Deutsche Besitzungen an der Westafrikanischen Küste, часть котораго составляетъ упомянутый Togoland, даютъ не мало интересныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ умственныхъ способностяхъ негровъ. Тѣмъ не менѣе авторъ не можетъ освободиться отъ традиціонныхъ взглядовъ. Онъ задаетъ себѣ, напр., вопросъ: почему бы чернокожему человѣку не оставаться слугою бѣлаго? (Zöller. Camerun. 1885, B. I, S. 254). Удивительны мотивы, заставляющіе Цёллера прійдти къ такому выводу: „я твердо держусь того убѣжденія“, говоритъ онъ въ указанномъ мѣстѣ, „что въ положеніи негра, какъ слуги, какимъ онъ былъ уже во времена египтянъ, грековъ и римлянъ и какимъ онъ является и понынѣ, ничто не перемѣнится и въ послѣдующія два (?) тысячелѣтія“. Подобные же „историческіе“ доводы приводили въ свое время рабовладѣльцы въ Соединенныхъ Штатахъ и крѣпостники въ Россіи въ пользу добраго стараго порядка. Цёллеръ, однако, не прочь отъ нѣкоторыхъ уступокъ. „Этимъ“, продолжаетъ онъ, „конечно, не отрѣзанъ путь къ высшему поприщу отдѣльному негру въ случаѣ, если бы онъ оказался болѣе одареннымъ“ (S. 254).

Упомянемъ, что сіерра-леонцы дали нѣсколько весьма выдающихся людей: одинъ сіерра-леонецъ написалъ исторію своего отечества; теперешній англійскій архи-діаконъ въ области Нигира Генри Джонсонъ, по происхожденію сіерра-леонецъ; онъ началъ свое образованіе въ фритаунской школѣ и закончилъ его въ Кембриджскомъ университетѣ; здѣсь онъ выдался своими познаніями въ языкахъ англійскомъ, еврейскомъ, арабскомъ, греческомъ и латинскомъ; онъ знакомъ также съ нѣмецкимъ и французскимъ языками и перевелъ, наконецъ, Новый Завѣтъ на нѣсколько западноафриканскихъ діалектовъ.

[2]) Fr. Ratzel. Die Stellung der Naturvölker in der Menschheit. Ausland 1882, S. 5.

не вѣрно уже потому, что негры въ Соединенныхъ Штатахъ на практикѣ находятся все еще въ исключительномъ и крайне неблагопріятномъ положеніи [1]).

Если приступить съ достаточною объективностью къ изученію матеріаловъ, касающихся другихъ некультурныхъ народовъ, то не трудно будетъ убѣдиться въ культурныхъ способностяхъ ихъ. Отзывы миссіонеровъ и гернгутеровъ о культурныхъ способностяхъ готтентоттовъ несравненно благопріятнѣе отзывовъ купцовъ и чиновниковъ. Вниманія достоинъ замѣчательно развитой языкъ готтентоттовъ; нельзя также отрицать ихъ способностей къ изученію языковъ: не рѣдкость встрѣтить переводчика готтентотта, владѣющаго четырьмя языками и являющагося со своими познаніями на помощь культурнымъ европейцамъ — англичанамъ. Такимъ знатокомъ языковъ былъ, напр., Андреасъ Стоффль изъ племени ганагуа, произнесшій въ Англіи передъ парламентской коммисіей замѣчательную рѣчь о безвыходномъ положеніи своихъ соплеменниковъ; по своимъ познаніямъ и по своимъ внѣшнимъ пріемамъ онъ не отличался отъ образованнаго европейца [2]). Относительно индѣйцевъ Америки мы, помимо остатковъ ихъ значительной культуры, можемъ отмѣтить рядъ свидѣтельствъ говорящихъ въ пользу ихъ умственныхъ способностей, ихъ краснорѣчія и политическаго такта. Поразительно то, что по отзывамъ нѣкоторыхъ европейцевъ, индѣйцы въ общемъ производятъ болѣе интеллигентное впечатлѣніе, чѣмъ наши европейскіе крестьяне. Ле-Жёнъ (P. le Jeune) сравниваетъ ихъ съ французскими крестьянами. Объ успѣхахъ индѣйцевъ въ резерваціяхъ Соединенныхъ Штатовъ Прайсъ отзывается слѣдующимъ образомъ: „Если въ концѣ концовъ объективно взглянуть на положеніе индѣйцевъ, то нельзя отказаться отъ надежды на то, что эти индѣйцы въ будущемъ, не слишкомъ далекомъ, проявятъ, благодаря школамъ индустріальнымъ, земледѣльческимъ и ремесленнымъ, способность заботиться о самихъ себѣ и не будутъ болѣе ярмомъ, а напротивъ того поддержкой для правительства“ [3]). Уже теперь содержаніе

---

[1]) См. выше стр. 113, 114.

[2]) M. Perty. Grundzüge der Ethnographie 1859. S. 35.

[3]) Annual Report of the Commissiones of Indian Affairs. Washington 1884, p. III. Э. Петри, Культурные успѣхи индѣйцевъ, Восточное Обозрѣніе, 1886, № 4.

индѣйцевъ обходится въ семь долларовъ на человѣка, тогда какъ сторожевой солдатъ на индѣйской границѣ обходится въ 1000 долларовъ [1]). Индѣйцы обладаютъ 23.000 акровъ, 235.000 лошадей и муловъ, 113.000 рогатаго скота, 68.000 свиней и около 1.000.000 овецъ [2]). Индѣйцы оказываются положительно способными къ школьному образованію [3]); число школъ однако еще крайне недостаточно [4]). Потрясающее впечатлѣніе производитъ на насъ изобличеніе правительства Соединенныхъ Штатовъ, не знающаго, куда дѣваться съ избыткомъ доходовъ надъ расходами, въ томъ, что оно удержало 4.000.000 долларовъ, предназначенныхъ для учрежденія индѣйскихъ школъ. Эдвардъ Гэтсъ справедливо клеймитъ подобныя отношенія американцевъ къ индѣйцамъ, какъ „позоръ для всей націи“ [5]). „Индѣйцы способны къ образованію и отчасти подвинулись впередъ на пути цивилизаціи“, говоритъ проф. Герландъ въ своемъ обширномъ и цѣнномъ этюдѣ о будущности индѣйцевъ [6]). „Индѣйцы не вымрутъ, — продолжаетъ онъ, — медленно развиваясь, они постепенно окрѣпнутъ и покажутъ, что и они способны и призваны къ тому, чтобы принять участіе въ высшемъ благѣ человѣческаго развитія, въ цивилизаціи, и содѣйствовать ей самостоятельно и собственными силами“ [7]).

Къ подобнымъ же выводамъ приходятъ многочисленные европейцы (Митчль, Бекеръ, Макъ-Джиливрей) относительно австралійцевъ, столь презираемыхъ въ былое время. Макъ-Джиливрей описываетъ туземцевъ, стоявшихъ гораздо выше средняго уровня обыденнаго европейца [8]). Въ сороковыхъ

---

[1]) Report, p. IV.

[2]) Report of the Board of Indian commissioners, Washington 1885, p. 16.

[3]) Report, l. c., p. 35.

[4]) Report, 1884, p. XIX.

[5]) Report, 1885, p. 35.

[6]) G. Gerland. Die Zukunft der Indianer, Globus, B. XXXV и XXXVI, см. B. XXXVI, S. 375.

[7]) Gerland, l. c., S. 380. Объ успѣхахъ индѣйцевъ на поприщѣ культуры и о препятствіяхъ, съ которыми имъ приходится бороться, равно какъ о томъ, что пресловутые охранители ихъ, обходящіеся правительству по 1.000 далларовъ на человѣка, являются распространителями запретной водки и пропускаютъ бѣлыхъ эксплуататоровъ на запретныя индѣйскія земли, мы сообщаемъ въ указанной статьѣ нашей: Э. Петри, Культурные успѣхи индѣйцевъ. Восточное Обозрѣніе, 1886 № 4.

[8]) Waitz-Gerland. Anthropolgie der Natnrvölker, B. VI 1872, S. 716.

годахъ одинъ туземецъ получилъ при состязаніи съ европейцами первую награду въ колледжѣ въ Сиднеѣ. Цѣлый рядъ интересныхъ показаній, касающихся умственныхъ способностей австралійцевъ, мы находимъ у Герланда[1]) и у Шнейдера[2]).

О папуасцѣ мы читаемъ у Гельвальда[3]): „папуасецъ, котораго Георгъ Фостеръ изобразилъ въ такихъ идиллическихъ краскахъ, есть ничто иное, какъ дикое животное (Bestie) и притомъ,—мы съ ужасомъ должны въ этомъ сознаться,—чрезвычайно способное, интеллигентное, даже художественно одаренное дикое животное“.

О способностяхъ монголовъ изслѣдователи обыкновенно говорятъ съ большимъ энтузіазмомъ. „Что только не сдѣлаешь изъ восточника!“ восклицаетъ смѣлый и ученый псевдодервишъ Вамбери[4]). Точно также солиднѣйшій А. ф. Гакстгаузенъ[5]), соотвѣтственно своему религіозному направленію, утверждаетъ: „я убѣжденъ, что если бы этотъ остроумный, привлекательный татарскій народъ былъ обращенъ въ христіанство, онъ могъ бы стать не только однимъ изъ первыхъ культурныхъ народовъ, но явился бы и распространителемъ христіанства и культуры по всей Азіи“. Въ другомъ мѣстѣ мы уже намѣтили рядъ данныхъ, говорящихъ въ пользу культурныхъ способностей тунгусовъ, якутовъ, киргизовъ и другихъ нашихъ инородцевъ[6]). Среди нихъ мы можемъ назвать нѣсколько блестящихъ научныхъ именъ, какъ напр.: лингвиста бурята Банзарова и путешественника киргиза Валиханова. Вспомнимъ, наконецъ, отзывы Миддендорфа о монголахъ: „Кто посмѣетъ“, говоритъ онъ, „предсказать, какая роль во всемірной исторіи предстоитъ монгольской расѣ, если эта послѣдняя, оставаясь чистою или въ благопріятной смѣси съ кавказскимъ племенемъ, захочетъ или вынуждена будетъ бросить свой взоръ на Европу“[7]). Эти от-

[1]) Waitz-Gerland, B. VI, S. 765—767.

[2]) W. Schneider. Naturvölker, B, II, 84—93.

[3]) Fr. v. Hellwald. Naturgeschichte der Menschen, B. I, S. 73.

[4]) H. Vámbéry. Skizzen aus Mittelasien, Leipzig, Brockhaus 1868, S. 127.

[5]) A. v. Haxthausen. Studien über die inneren Zustände Russlands, B. I. S., 481.

[6]) Jadrinzew-Petri. Sibirien—Costenoble, Jena 1886, S. 150 ff.

[7]) Middendorff. Sibirische Reise, St. Petersburg, B. IV, 2, 1875, S. 1615. См. также отдѣлы о различныхъ сибирскихъ народахъ.

зывы ни коимъ образомъ не могутъ насъ поразить, если мы вспомнимъ древнюю культуру Китая или ту почти невѣроятную быстроту, съ которою японцы усваиваютъ себѣ нашу современую культуру. Вспомнимъ, наконецъ, уровень культуры финляндцевъ и венгровъ въ Европѣ.

Но чтобы отнестись вполнѣ научно къ вопросу, мы должны считаться со всѣми трудностями и противорѣчіями, встрѣчающимися на нашемъ пути. Не даромъ намъ указываютъ на то, что такъ называемые первобытные народы, въ сущности говоря, воспринимаютъ лишь первые зачатки культуры. При совмѣстномъ обученіи съ европейскими дѣтьми, маленькіе инородцы зачастую даже обгоняютъ своихъ европейскихъ товарищей и съ успѣхомъ употребляются какъ репетиторы. На дальнѣйшихъ же ступеняхъ развитія, весьма быстро сказывается вся разница между человѣкомъ культурнымъ и некультурнымъ; представители послѣдняго, за весьма немногими исключеніями, вскорѣ ослабѣваютъ и, какъ уже сказано, не въ состояніи пойти далѣе начатковъ школьнаго образованія. Мы смѣло можемъ сдѣлать этотъ доводъ еще болѣе тяжкимъ, указавъ на то, что дѣти некультурныхъ народовъ представляютъ въ этомъ случаѣ замѣчательную параллель съ дѣтенышами человѣкоподобныхъ обезьянъ. Въ юномъ возрастѣ дѣтеныши человѣкоподобныхъ обезьянъ поразительно похожи на нашихъ дѣтей; между прочимъ, весьма юные экземпляры даже безпомощны на столько же, какъ наши дѣти соотвѣтствующаго возраста, тогда какъ дѣтеныши обезьянъ другихъ группъ, точно также какъ дѣтеныши прочихъ млекопитающихъ, какъ, напр., кошки, собаки, весьма рано проявляютъ значительную подвижность и самостоятельность [1]); эти дѣтеныши въ высшей степени умны, переимчивы и привлекательны, но съ возрастомъ они все болѣе и болѣе отдаляются отъ человѣка. Чѣмъ старше дѣлается человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ становится человѣкомъ; чѣмъ старше становится обезьяна, тѣмъ рѣзче въ ней выражается типъ животнаго. Она становится не только болѣе звѣрообразною по виду, но и тупѣе и злѣе по характеру. Рѣзче всего, какъ замѣчаетъ Гартманъ, сказывается это постепенное удаленіе отъ человѣкоподобнаго типа у гориллы [2]).

[1]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 257.

[2]) Hartmann, l. c., S. 270.

Для старинной спекулятивной психологіи подобный фактъ былъ бы дѣйствительно достаточнымъ для того, чтобы усомниться въ культурныхъ способностяхъ первобытныхъ народовъ. Научная-же психологія, создающаяся на физіологическихъ основахъ, должна прежде всего прослѣдить причины подобнаго явленія. Если бы мы въ данномъ случаѣ не приняли во вниманіе силы наслѣдственности, то мы бы пренебрегли всѣми основами ученія о развитіи. Физическія совершенства, развиваемыя въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, не могутъ быть внезапно подавлены: они требуютъ удовлетворенія; вѣдь и у насъ, европейцевъ, эти физическія потребности умерщвляются въ школьномъ возрастѣ не безъ насилія и притомъ далеко не безнаказано. Но если нами уже выработана нѣкоторая рутина въ томъ, чтобы втиснуть европейца въ рамки культуры, то въ вопросѣ о воспитаніи первобытныхъ народовъ мы являемся совершенными новичками. Извѣстно вѣдь, что въ нашу науку закралось не одно сообщеніе невѣжественныхъ культуртрегеровъ на счетъ тупости и закоснѣлости нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, теперь блистательно опровергнутое. Не даромъ, какъ представители самыхъ низшихъ племенъ, попеременно являлись то тѣ, то другіе народы, напр., негры [1]), австралійцы [2]), ботокуды [3]), огнеземельцы [4]), бушмены, готтентотты [5]) и т. д. Не должно ли это обстоятельство послужить намъ указаніемъ, на то, что мы, при сужденіяхъ объ умственныхъ способностяхъ дикарей, равно какъ и при школьномъ воспитаніи ихъ, не всегда выбираемъ надлежащіе пути и что учители не всегда въ состояніи совладать съ своеобразными трудностями своей задачи.

Трудностями этими, однако, нельзя пренебрегать: учителю приходится сталкиваться съ инстинктами дикарей, унаслѣдованными поколѣніями; эти инстинкты, конечно, слабы въ юномъ возрастѣ ребенка, но по мѣрѣ развитія организма, а въ особенности съ наступленіемъ критическаго момента

---

[1]) Baker. Der Albert N'yanza; aus dem Englischen von Martin, 2. Aufl., Jena 1868, S. 52.

[2]) Nott and Gliddon, Types of Mankind, Philadelphia 1854, S. 182, 457. Meinicke, см. Waitz-Gerland, B. VI, S. 765.

[3]) Fr. Müller, Allgemeine Ethnographie, 2. Aufl., Wien 1878, S. 65, 75.

[4]) W. Schneider. Die Naturvölker, S. 8.

[5]) Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 141, 142.

половой зрѣлости, унаслѣдованныя потребности проявляются съ полною силою; они требуютъ удовлетворенія. Учители не встрѣчаютъ въ своей воспитательной дѣятельности ни малѣйшей поддержки со стороны семьи своихъ воспитанниковъ; напротивъ того, они стараются изолировать своихъ питомцевъ отъ вліянія ихъ некультурныхъ родственниковъ. Съ другой стороны, это абсолютное отдѣленіе отъ семьи, отъ всѣхъ прежнихъ привычекъ и излюбленной пищи должно отразиться не только на физическомъ состояніи, но и на психикѣ юныхъ учениковъ. Болѣзненность и смертность въ интернатахъ для учащихся туземцевъ зачастую такъ велика, что наши киргизы, напр., иногда покупаютъ дѣтей у своихъ бѣдныхъ сродичей, чтобы отдать ихъ вмѣсто своихъ собственныхъ въ школы. Въ особенности печально положеніе дѣтей весною, ко времени начала кочевокъ, когда все существо молодаго дикаря стремится въ степь. Ко всему этому присоединяется еще то, что дикарь зачастую питаетъ глубокое отвращеніе и даже ненависть къ европейцамъ, которые обращаются съ нимъ презрительно и въ которыхъ онъ видитъ губителей своего народа: весьма естественно въ его простомъ умѣ враждебный ему европеецъ идентифицируется съ европейской культурою, религіею, школою и т. д.

Не мѣшаетъ, однако, вспомнить при этомъ, что во всѣхъ нашихъ культурныхъ странахъ, не взирая на многовѣковую культурную работу и на обязательное обученіе, масса народа все еще весьма далека отъ идеала элементарнаго образованія; вспомнимъ данныя статистики о положительно ужасающемъ процентѣ неспособныхъ къ обученію въ нашихъ европейскихъ государствахъ. Можно ли требовать отъ цвѣтнокожихъ того, чтобы они всѣ безусловно и притомъ въ самое короткое время восприняли нашу культуру; чтобы они въ тѣхъ ничтожныхъ группахъ, которыя случайно привлекаются къ школамъ, сплошь выказывали блистательнѣйшія способности и прекраснѣйшее рвеніе? Но значило ли бы это, что цвѣтнокожіе для того, чтобы доказать свою способность къ культурѣ, должны обнаружить большія способности, чѣмъ ихъ учители и повелители?

Но существуютъ еще и другія доказательства неспособности дикарей къ культурѣ: дикарю, говорятъ намъ, культура чужда и противна. Дикари, достигая культуры, въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ отказываются отъ нея и возвращаются къ прежнему дикому состоянію въ свои лѣса и степи. Не будемъ останавливаться на томъ, что число подобныхъ случаевъ отнюдь не такъ велико, какъ это принято обыкновенно думать, вспомнимъ, однако, какому презрительному обращенію цвѣтнокожіе подвергаются со стороны бѣлыхъ. Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ цвѣтнокожему не приходится чувствовать среди бѣлыхъ всю унизительность своего происхожденія. Памятно намъ признаніе Грея, который, говоря о бѣгствѣ дикаря, получившаго европейское воспитаніе, признался, что онъ самъ поступилъ бы точно также. Нельзя также забывать тотъ внутренній разладъ, который присущъ нашей культурѣ. Этотъ разладъ, который заставлялъ не одного европейца бѣжать отъ своей культуры и искать спасенія на лонѣ природы, отражается несравненно сильнѣе на воспріимчивой юной душѣ дикаря. Но нечего останавливаться на томъ, что европеецъ можетъ ненавидѣть ту цивилизацію, дальнѣйшему развитію которой онъ содѣйствуетъ всѣмъ существомъ своимъ; въ данномъ случаѣ мы должны вспомнить прежде всего то, что представители культурныхъ народовъ, отдѣленные отъ отечества, сплошь и рядомъ подчиняются вліянію окружающихъ ихъ первобытныхъ народовъ и измѣняютъ своей культурѣ, своему языку и въ сущности даже своей религіи. Яркіе примѣры въ этомъ родѣ представляютъ наши же русскіе промышленники въ Сибири или португальцы въ Африкѣ; какъ русскіе въ Сибири говорятъ между собою по якутски и шаманятъ, какъ исконніе туземцы [1]), такъ и португальцы въ Африкѣ стали фетишистами, признаютъ многоженство и браки между кровными родственниками [2]), а въ Южной Америкѣ продѣлываютъ куваду. Интересные примѣры одичалости европейцевъ собралъ Шнейдеръ [3]).

Исходя изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій, мы въ принципѣ должны признать, что народы низшей культуры вполнѣ способны къ высшей культурѣ; другими словами, мы должны предположить, что они при условіяхъ благопріятныхъ могли

---

[1]) Ядринцевъ, Сибирь какъ колонія, С.-Петербургъ, 1882, стр. 36, 39.

[2]) Zöller. Das Togoland und die Sklavenküste, S. 182, Lux. Von Loando nach Kimbundu. Wien. 1880, S. 126.

[3]) W. Schneider. Die Naturvölker, B. I, S. 44 ff.

бы достичь этой культуры. При господствующихъ неблагопріятныхъ условіяхъ вопросомъ является, однако, не только культурное развитіе, но даже и существованіе ихъ. Мы укрѣпимся въ этихъ воззрѣніяхъ еще болѣе, если глубже вникнемъ въ духовную жизнь дикарей. При этомъ мы вскорѣ убѣдимся въ томъ, что указанная нами односторонность въ развитіи физическихъ способностей далеко не преобладаетъ въ той степени, чтобы не дать мѣста въ душѣ дикаря тѣмъ болѣе высокимъ и чистымъ духовнымъ проявленіямъ, которыя и публикой и присяжными эстетиками-философами считаются за исключительное достояніе культурныхъ народовъ. Мы говоримъ объ изящныхъ искусствахъ.

Ни одному народу земного шара не чужды изящныя искусства; ни одна область изящныхъ искусствъ не чужда дикарямъ. Мы посвятимъ этому вопросу нѣсколько спеціальныхъ главъ и ограничиваемся, поэтому, въ данномъ мѣстѣ лишь краткимъ указаніемъ на то, что поэзія, наивысшее изъ искусствъ находитъ пламенныхъ поклонниковъ подъ всѣми широтами: среди полинезійцевъ, столь щедро одаренныхъ природою въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, и не менѣе того—среди австралійцевъ, влачащихъ столь жалкое и скудное существованіе, среди негровъ подъ тропиками, прослывшихъ за безусловныхъ прозаиковъ, и среди промышленниковъ и кочующихъ оленеводовъ крайняго сѣвера, зырянъ и самоѣдовъ, у которыхъ отрицается всякое присутствіе божественной искры. Самое субъективное изъ искусствъ, музыка, уже въ силу своего характера, распространена повсюду среди столь субъективныхъ по духу своему народовъ низшей культуры. Вспомнимъ о музыкальныхъ способностяхъ негровъ, саанъ, австралійцевъ, эскимосовъ и т. д. Живопись является прежде всего въ видѣ татуировки и раскрашиванья человѣческаго тѣла; въ этомъ видѣ она достигаетъ чрезвычайнаго совершенства, напр. у полинезійцевъ. Въ живописи вообще сказывается не разъ уже замѣченное въ человѣчествѣ раздѣленіе художественныхъ склонностей и способностей [1]): нѣкоторые народы выказы-

---

[1]) Hans Hildebrand. Beiträge zur Kunst der niederen Naturvölker, Studien und Forschungen, herausgegeben von Nordenskiöld, Leipzig, Brockhaus. 1885, S. 288—386.

ваютъ чрезвычайное совершенство въ изображеніи живыхъ и движущихся фигуръ (каменный вѣкъ въ Европѣ, эскимосы, чукчи, бушмены), другіе въ рисованіи орнаментовъ и геометрическихъ фигуръ (бронзовый вѣкъ, полинезійцы). Что касается до архитектуры дикарей, то мы обращаемъ вниманіе художественно развитаго читателя на иллюстраціи въ путешествіяхъ; въ постройкахъ относительно скромныхъ онъ легко откроетъ извѣстныя стремленія къ красивой или оригинальной формѣ. Пластика, искусство, ставящее наивысшія требованія относительно идеальнаго содержанія художественнаго произведенія, на этой ступени культуры въ соотвѣтствіи съ фантастическими религіозными представленіями, удовлетворяется сверхъестественными формами, достигая, впрочемъ, въ рѣзьбѣ относительнаго совершенства (полинезійцы). Упомянемъ, наконецъ, объ искусствѣ танцевъ, пришедшемъ у насъ, культурныхъ народовъ, въ упадокъ. Въ жизни дикаря всѣ искусства достигаютъ наивысшей точки своей въ танцахъ; въ танцахъ высказываются всѣ движенія души его. Къ танцамъ дикарь является разукрашенный всѣмъ, что даетъ ему живопись и пластика; танецъ сопровождается музыкой и пѣніемъ. Въ символическихъ дѣйствіяхъ, олицетворяемыхъ въ пѣсняхъ и танцахъ, проявляется творческая фантазія первобытнаго человѣка и отражается его духовная и матеріальная жизнь.

Не смотря на всѣ разобранныя нами выше задатки первобытнаго человѣка, наше общество, да и нѣкоторые представители высшей интеллигенціи не въ состояніи освободиться отъ унаслѣдованнаго ими презрительнаго отношенія къ дикарю. „Если мы разъ уже назвали папуасцевъ братьями, то намъ, полагаемъ мы, не будетъ стоить большихъ усилій привѣтствовать шимпанзе, какъ двоюроднаго брата“, говоритъ талантливый популяризаторъ Фр. Гельвальдъ [1]). „Конечно“, продолжаетъ онъ, „человѣкъ отличается отъ животнаго не по интеллигенціи своей, такъ какъ есть и животныя интеллигентныя: собака, лошадь, слонъ, лиса и т. д., — разница между интеллигенціей человѣка и животнаго, конечно, относительно велика, но все же несущественна. Единствен-

---

[1]) Fr. Hellwald. Naturgeschichte des Menschen, B. I, S. 73.

ное, что возвышаетъ насъ надъ животными, это нравственныя движенія нашей души; а они то почти совершенно отсутствуютъ у папуасца и у многихъ другихъ такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ, независимо отъ замѣчательно развитой интеллигентной силы ихъ" [1]).

Итакъ, вотъ гдѣ центръ тяжести всего вопроса! Вотъ гдѣ осязательное различіе между настоящими культурными народами и между „дикими животными!" Весьма заманчива, конечно, подобная граница, хотя нельзя не признать, что нравственность представляетъ грань крайне неопредѣленную и поэтому ненаучную. Пересматривая сочиненія Гельвальда, мы, впрочемъ, тотчасъ же видимъ, что онъ на ряду съ безнравственными качествами папуасцевъ и австралійцевъ, останавливается на нѣкоторыхъ весьма достойныхъ и совершенно несовмѣстимыхъ съ его мрачнымъ приговоромъ качествахъ этихъ же народовъ [2]).

Ни одинъ спеціалистъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что наша географическая литература, на ряду съ отзывами Гельвальда, даетъ многочисленные другіе, несравненно болѣе благопріятные, а также и болѣе неблагопріятные отзывы объ этихъ же и о всякихъ другихъ народахъ. Спеціалисту будетъ совершенно ясно, что привлеченіе субъективныхъ и противорѣчащихъ другъ другу показаній можетъ послужить развѣ только къ тому, чтобы показать всю недостаточность подготовки извѣстныхъ наблюдателей и полное отсутствіе всякаго критерія въ сужденіяхъ о нравственныхъ качествахъ данныхъ народовъ.

Наблюдателю, приступающему къ изученію подобныхъ вопросовъ, во всякомъ случаѣ необходимо вполнѣ освободиться отъ всѣхъ личныхъ симпатій и антипатій; ему необходимо держаться точки зрѣнія антропологіи: онъ долженъ сознать, что задача его изучить человѣка не только въ современномъ его состояніи, но и въ исторіи развитія его; онъ долженъ сознать, что нравственность не есть какое либо твердое понятіе, а въ данномъ видѣ своемъ представляетъ лишь сумму взглядовъ, способныхъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ, взглядовъ, которые вырабатываются изъ существую-

[1]) Fr. Hellwald, l. c., S. 73.

[2]) Hellwald. Naturgeschichte des Menschen, S. 16, 17, 78, 79.

щихъ общественныхъ и культурныхъ порядковъ и которые постоянны лишь по столько, по сколько человѣкъ, не смотря на различные географическіе раіоны, всюду одинаковъ въ своихъ физическихъ потребностяхъ и въ своихъ душевныхъ движеніяхъ.

Обыденное представленіе наше о дикарѣ сводится на то, что дикарь отличается неудержимыми страстями, грубостью, эгоизмомъ, чувственностью, своеволіемъ, и т. д. и т. д., словомъ, что онъ—настоящій дикарь. Не трудно, конечно, убѣдиться въ томъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ воззрѣніемъ совершенно поверхностнымъ и условнымъ. Между дикарями отнюдь не господствуютъ кулачное право, какъ рѣшающій правовый принципъ, безнравственность и разгулъ, какъ норма жизни. Напротивъ того, первобытные союзы человѣка характеризируются извѣстною справедливостью, весьма естественно вытыкающею изъ самаго понятія о коопераціи индивидуумовъ. Конечно, эта справедливость не можетъ быть названа сознательною; она вытекаетъ, такъ сказать, сама съ собою изъ условій первобытнаго сообщества; поэтому она относительно легко утрачивается дикарями: она разрушается вмѣстѣ съ разрушеніемъ первобытнаго строя. Чрезвычайно характерно даетъ себя чувствовать эта инстинктивная справедливость всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми или другими формами общиннаго владѣнія. У эскимосовъ пойманый китъ принадлежитъ всей общинѣ; въ зимнее время и тюлень является общиннымъ достояніемъ. Хорошими долями изъ охотничьей добычи снабжаются не только участники охоты, или тѣ, отъ которыхъ можно надѣяться получить подобный же даръ, но прежде всего больные и вдовы. Никто, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ и голоденъ, не проситъ подачки, такъ какъ онъ знаетъ, что получитъ свою долю, если есть хоть что нибудь въ запасѣ [1]). „Если богатый самоѣдинъ отказалъ нуждающимся бѣднякамъ въ опекѣ для пропитанія, то тѣ угоняютъ у богача по оленю, или по два на человѣка, и общій ихъ мірской судъ оставляетъ эту кражу безъ взысканія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, богатый обязанъ помогать бѣдному и не долженъ позволять ему страдать отъ голода. Нарушеніе этого

[1]) Klutschak. Als Eskimo unter den Eskimos, Wien, 1881, S. 233 Rink. Tales and traditions of the Eskimo 1875. Hall. Life with the Esqimaux, 1864.

обязательства со стороны богачей бываетъ рѣдко; оттого очень рѣдко случается, чтобъ самоѣды крали у самоѣдовъ, между тѣмъ какъ у русскихъ они крадутъ очень часто" [1]).

Весьма интересенъ разсказъ д-ра Дюбока о безплодныхъ попыткахъ его истребить въ австралійцахъ чувство общности: „я дарю — пишетъ онъ [2]) — прилежному пару штановъ въ надеждѣ, что затрону этимъ его эгоизмъ и поставлю въ оппозицію къ менѣе счастливымъ. Къ слѣдующему дню, однако, штаны успѣли обойти разныя непризванныя ноги и красуются можетъ быть какъ разъ на ногахъ того, котораго я хотѣлъ обойти. Я даю одному порцію муки, — предметъ чрезвычайно цѣнимый ими, и надѣюсь вызвать этимъ зависть другихъ. Но въ тотъ же вечеръ разводится веселый костеръ, жарятся лепешки, и безъ различія того, что мое, что твое, вся компанія пируетъ, пока не съѣдена послѣдняя крошка. Всякій европейскій разсчетъ разбивается объ эту племенную общность, никакой запретъ тутъ не помогаетъ. Тутъ наталкиваешься на естественный принципъ!"

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на тѣхъ весьма многочисленныхъ примѣрахъ, которые представляются намъ въ разныхъ видахъ общиннаго владѣнія и говорятъ въ пользу существованія примитивнаго чувства справедливости. Но да позволятъ намъ, въ виду многочисленныхъ выходокъ европейцевъ по поводу нечестности и лживости дикарей, указать, во первыхъ на деморализирующее вліяніе самихъ европейцевъ на дикарей, а во вторыхъ, на примѣры честности и правдивости послѣднихъ [3]). Русскіе промышленники оставляютъ на зиму свои товары въ сибирскихъ тундрахъ, не рискуя тѣмъ, чтобы у нихъ было что нибудь похищено. Если самоѣду или остяку понадобится какой либо предметъ, онъ беретъ его изъ склада промышленника, оставляя взамѣнъ товара бирку, съ обозначеніемъ числа взятыхъ предметовъ. Ко времени пріѣзда промышленника на мѣсто оставленныхъ товаровъ, является

---

[1]) А. Ефименко. Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Архангельской губ. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи, томъ VIII, 1878 г., стр. 231.

[2]) Duboc. Die australischen Eingeborenen in Neu-England, Ausland 1862, S. 594.

[3]) E. Petri. Verkehr und Handel in ihren Uranfängen, St. Gallen, Zollikofer 1888, S. 7 ff.

дикарь для расплаты; расчетъ производится, однако, по той биркѣ, которую дикарь принесъ съ собою, такъ какъ промышленникъ на дубликатѣ, оставленномъ при товарѣ, въ большинствѣ случаевъ уже успѣлъ увеличить число отмѣтокъ, въ надеждѣ, что контрольная бирка могла быть потеряна [1]). На Вегѣ по свидѣтельству Норденшёльда, никогда не случалось покражъ, не смотря на то, что чукчи расхаживали безпрепятственно среди массы предметовъ, которые въ ихъ глазахъ, по меньшей мѣрѣ должны были быть драгоцѣнностями [2]). Во время долголѣтняго пребыванія на берегу Маклая недавно умершему Миклухѣ Маклаю ни разу не приходилось жаловаться на нечестность папуасцевъ [3]).

Даяки на островѣ Борнео, какъ говорятъ, сооружаютъ большія кучи камней въ свидѣтельство позора лицъ, обличенныхъ во лжи, или же въ томъ, что они не исполнили даннаго слова [4]). Киргизы, понятія о справедливости которыхъ разобраны нами въ другомъ мѣстѣ [5]), присягаютъ на судахъ только въ незначительныхъ дѣлахъ, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, въ важныхъ случаяхъ отъ ихъ вниманія могли ускользнуть нѣкоторыя частности и во всякомъ случаѣ для нихъ остались скрытыми внутренніе мотивы дѣйствующихъ лицъ. На обязанности присяжныхъ довѣренныхъ, выбираемыхъ со стороны обвиняемаго, а не обвинителя, лежитъ изслѣдованіе дѣла и принесеніе присяги вмѣсто заинтересованныхъ сторонъ. Нѣтъ надобности ближе входить въ то обстоятельство, что киргизы въ настоящее время подпадаютъ печальной порчи нравовъ. Относительная легкость, съ которой всѣ народы нисшей культуры утрачиваютъ свою честность и правдивость, объясняется тѣмъ, что нравственность этихъ народовъ является, какъ уже указано, не сознанною, а инстинктивною; она вызывается существующей формою быта, а съ потрясеніемъ и разрушеніемъ основъ этого быта, обычное право теряетъ свою почву и первобытный человѣкъ крайне легко дѣлается пре-

---

[1]) Lansdell. Durch Sibirien. Jena, Costenoble 1882, B. I, S. 91.

[2]) Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens etc., Leipzig, Brockhaus 1882, B. I, S. 445.

[3]) E. Petri. Miklucho-Maclay, V. Jahresbericht der geogr. Gesellschaft in Bern, S. 180.

[4]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 24.

[5]) E. Petri. Bechtsbegriffe der Kirgisen, Ausland 1886, № 43.

ступникомъ. На этомъ преступникѣ лежитъ, однако, печать нравственной неустойчивости, а отнюдь не печать безнравственности.

Намъ приходится затронуть еще нѣкоторые вопросы, которые получили бы весьма вѣское значеніе, если бы мы о нихъ не упомянули. Въ „безчеловѣчной жестокости“ и въ „унизительномъ людоѣдствѣ“ дикарей неоднократно находили подтвержденіе тому, что эти народы стоятъ на ступени животныхъ, а не людей. Мы не должны, однако, судить о жестокости и людоѣдствѣ дикарей съ точки зрѣнія просвѣщеннаго европейца. Уже Лёббокъ чрезвычайно удачно замѣтилъ, что въ жестокости некультурнаго человѣка проявляется необдуманность и несдержанность ребенка [1]). „Большинство жестокостей, о которыхъ намъ сообщаютъ“, говоритъ онъ, „мы не должны считать жестокостями намѣренными, а скорѣе проявленіями дѣтскаго недомыслія и увлеченія“. Впрочемъ, Лёббокъ самъ не чуждъ условныхъ взглядовъ европейца; такъ онъ далѣе замѣчаетъ [2]): „конечно, едва-ли найдется какое нибудь жестокое преступленіе или какой нибудь порокъ, которому не было бы аналогіи въ Европѣ. Но то, что у насъ считается исключеніемъ, тамъ является правиломъ; то, что у насъ осуждается единогласнымъ приговоромъ общества и практикуется только неразвитыми и дурными личностями, то у дикарей почти не возбуждаетъ вниманія, на это смотрятъ, какъ на нѣчто само собою понятное. Миссіонеры, напр., утверждаютъ, что на островахъ Таити почти двѣ трети дѣтей убиваются ихъ родителями“. Но именно послѣднее доказательство Лёббока обнаруживаетъ всю условность его взгляда. Наши понятія о дѣтоубійствѣ совершенно отличны отъ понятія таитянъ и другихъ народовъ, у которыхъ встрѣчается дѣтоубійство [3]): эти народы вѣрятъ, напримѣръ, въ благопріятную и счастливую тѣлесную жизнь на томъ свѣтѣ; они, поэтому, легко уклоняются отъ заботъ, приносимыхъ ребенкомъ;

---

[1]) Lubbock. Die vorgeschichtliche Zeit; deutsch von Passow, Jena, Costenoble 1874, S. 269.

[2]) Lubbock, l. c., S. 270.

[3]) Gerland-Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 305, 638, 779. Gerland, Ueber das Aussterben der Naturvölker, Leipzig, 1868, S. 59 ff. H. Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, 2 Aufl., B. II, S. 243 ff.

они поддаются лѣности и жаждѣ наслажденій и убиваютъ ребенка въ полной увѣренности, что закрѣпили за нимъ болѣе пріятную будущность, чѣмъ та, которая могла ожидать его на землѣ. Исходя изъ такихъ же соображеній, убиваются дряхлые старики, чтобы улучшить ихъ загробную жизнь, въ которую они вступили бы позже, удрученные еще большими тѣлесными немощами. „Дѣтскія души считаются особенно святыми, онѣ особенно угодны богамъ. Дѣти, умирающія въ нѣжномъ возрастѣ, имѣютъ то преимущество, что они вступаютъ въ ближайшія сношенія съ добрымъ Ганнулопою, заботящимся объ обитателяхъ Каролинскихъ островов; эти дѣти являются посредниками между богомъ и людьми [1])“. У крещенныхъ индѣйцевъ въ Гуатемалѣ смерть крещеннаго ребенка, не достигшаго еще семилѣтняго возраста, является поводомъ къ празднеству: безгрѣшная душа этого ребенка минуетъ чистилище, прямо войдетъ въ небо и станетъ ангеломъ [2]). Побужденіемъ къ дѣтоубійству является иногда боязнь передъ уродами [3]) и передъ тяжелыми родами, такъ какъ въ данномъ случаѣ очевидно участіе злыхъ духовъ [4]). Во всякомъ случаѣ, у этихъ дѣтоубійцъ нѣтъ сознанія безнравственности ихъ поступка. Это видно уже изъ того, что любовь къ дѣтямъ у нихъ развита въ высокой степени.

Обычай убивать дѣтей или же оставлять ихъ на произволъ не былъ въ свое время чуждъ и намъ европейцамъ. „Всѣ наши саги, и притомъ не только нѣмецкія, но и римскія, греческія и всего востока, переполнены разсказами о дѣтяхъ, оставленныхъ на произволъ судьбы“, говоритъ Я. Гриммъ. „Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ жестокій обычай имѣлъ свое правовое значеніе въ грубыя времена язычества“ [5]). Нужно замѣтить, наконецъ, что дѣтоубійство отнюдь не имѣетъ того широкаго распространенія, которое приписывается ему по традиціи. Классическимъ примѣромъ въ данномъ случаѣ является столь сильно поддерживаемая уче-

---

[1]) Kubary. Ethnographische Beiträge zur Kenntniss der Karolinischen-Inselgruppe, Berlin, Asher 1885, S. 26, 27.

[2]) Dr. Stoll. Guatemala, Leipzig, Brockhaus 1886, S. 95

[3]) H. Ploss. Das Kind, B. II, Cap. XXIII, S. 241. Убіеніе уродовъ воспрещено было въ Россіи лишь при Петрѣ I.

[4]) J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, S. 455.

[5]) Waitz-Gerland, B. VI, S. 779.

*

ными и неучеными писателями басня о непомѣрномъ распространеніи дѣтоубійства въ Китаѣ [1]).

Ту же ненаучность, ту же условность, какъ при осужденіи дѣтоубійства по масштабу европейской нравственности, мы встрѣчаемъ и при безусловномъ осужденіи людоѣдства. Въ этомъ случаѣ даже такіе осторожные изслѣдователи, какъ Пешель, доходятъ до выраженій: „оскверненіе людоѣдствомъ“, „обезчещеніе человѣческаго рода“ [2]) и т. д. У многочисленныхъ племенъ мы несомнѣнно встрѣчаемъ людоѣдство „изъ похоти“; подобныя племена тщательно скрываютъ отъ европейцевъ свое пристрастіе къ человѣческому мясу, сознавая всю преступность своего поступка. Не рѣдки случаи людоѣдства по нуждѣ, предъ которой не могутъ устоять и европейцы [3]). Съ другой стороны нельзя забывать того, что людоѣдство несомнѣнно связано съ тою идеею, что качества съѣдаемаго (относится и къ животнымъ) переходятъ къ тому, кто его съѣдаетъ [4]); или же съ тою идеею, что наиболѣе почетный способъ погребенія умершаго родственника заключается въ съѣденіи его,—такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ кафры - амахоза [5]). Во всякомъ случаѣ изслѣдователю необходимо обра-

[1]) Смотри опроверженіе этой басни: M. Heyne und W. Schott. Ueber den Kindermord der Chinesen, Ermans Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, B. XVIII, 1859, S. 518. Вотъ какъ по этому поводу высказывается докторъ Пясецкій: „что касается меня, то я ни разу не видалъ дѣтскаго трупа, плывущаго по водѣ и ни разу не слыхалъ, чтобы видѣлъ кто нибудь другой изъ ѣхавшихъ съ нами вмѣстѣ. А бѣдности и нужды мы между китайцами видѣли вдоволь“ (Пясецкій, Путешествіе по Китаю. 2-е изд. 1882, стр. 56, 57). Въ томъ же духѣ высказывается французъ Гериссонъ: „Всюду у насъ дома господствующій предразсудокъ внушилъ намъ мысль, что китайцы охотно избавляются отъ своихъ живыхъ дѣтей, частью тѣмъ, что они ихъ бросаютъ въ выгребныя ямы, частью же на кормъ свиньямъ. Это воззрѣніе абсолютно ложное. Несомнѣнно, что въ Китаѣ существуютъ дѣтоубійцы точно также какъ во Франціи, но нужно дѣйствительно мало знать тотъ культъ, которымъ окружаютъ китайцы семейное начало, чтобы обвинять ихъ въ такихъ ужасныхъ вещахъ. Но если бы китаецъ даже и не былъ знакомъ съ высокимъ чувствомъ любви къ семьѣ, то его должна была бы во всякомъ случаѣ удерживать алчность отъ того, чтобы онъ убивалъ дѣтей своихъ, такъ какъ онъ можетъ продать ихъ въ рабство и получить за нихъ цѣну, вполнѣ покрывающую его расходы. (Graf M. Hérisson. Tagebuch eines Dolmetschers in China, Leipzig 1886, S. 98).

[2]) Пешель, стр. 157 и далѣе.

[3]) Schaaffhausen. Anthropologische Studien: Ueber Menschenfresserei und Menschenopfer. S. 515—581.

[4]) Schaffhausen, l. c., S. 518. Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 26, 157.

[5]) Bastian. Der Papua des dunklen Inselreiches etc., Berlin 1885. S. 16, 19.

щать вниманіе на то, насколько людоѣдство или человѣческія жертвоприношенія находятся въ связи съ религіозными представленіями, суевѣріями или же какими нибудь традиціями [1]). Вниманія заслуживаетъ также и то наивное оправданіе, которое представляютъ нѣкоторые туземцы европейцамъ, упрекающимъ ихъ въ людоѣдствѣ. Людоѣды въ Бангаба заявили Гренфелю, что они не понимаютъ, чего онъ хочетъ: онъ ѣстъ козъ и куръ, потому что онъ богатъ, они же бѣдны и поэтому ѣдятъ людей [2]). Не лишены интереса также указанія на распространеніе людоѣдства во времена доисторическія въ Европѣ [3]).

Въ виду всѣхъ этихъ явленій, которыми обыкновенно доказывается звѣрская жестокость дикарей, нельзя не вспомнить о нѣкоторыхъ поступкахъ европейцевъ: укажемъ на жестокость древнихъ римлянъ, на характеръ прославленныхъ поэтами среднихъ вѣковъ, укажемъ на ужасы колоніальной исторіи европейцевъ, на истребленіе, закрѣпощеніе и эксплуатацію народовъ низшей культуры, наконецъ на смертоносныя войны нынѣшняго столѣтія и т. д. „Что такое новозеландецъ, убивающій своего врага на войнѣ и съѣдающій его затѣмъ, въ сравненіи съ европейцемъ, который для времяпрепровожденія хладнокровно отрываетъ младенца отъ груди матери и бросаетъ его своимъ собакамъ на съѣденіе“? спрашиваетъ Ласъ-Казасъ [4]). Преступность европейцевъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно усугубляется еще тѣмъ, что люди культурные сознаютъ преступность своихъ поступковъ, тогда какъ дикарь не даетъ себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ и обычаемъ направляется къ большей жестокости [5]).

Невольно вспоминаются намъ при этомъ случаѣ тѣ досто-

---

[1]) Весьма полный обзоръ по вопросу о людоѣдствѣ представляетъ монографія R. Andree: Die Anthropophagie, Leipzig, Veit. 1887. Сравни также: Ratzel. Zur Beurtheilung der Anthropophagie, Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1887.

[2]) C. v. François. Die Frforschung des Tschuape und Lulongo etc., Leipzig, Brockhaus 1888, S. 120.

[3]) R. Andree. Die Anthropophagie etc., Kap. I, II, III.

[4]) G. Forster. Sämmtliche Schriften, B. I, S. 407.

[5]) Характерны въ этомъ отношеніи пресловутыя мученія индѣйскихъ военноплѣнныхъ, при которыхъ вся честь побѣжденнаго племени и весь успѣхъ побѣды зависили отъ того—уступитъ ли плѣнный мученіямъ, или же презрительно выдержитъ ихъ.

примѣчательныя слова, съ которыми Вильямъ Питтъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей обратился къ защитникамъ рабства: „почему бы какому нибудь римскому сенатору, держась принциповъ, которые заявлены были нѣкоторыми почтенными членами парламента, и имѣя въ виду британцевъ-варваровъ своего времени, не высказать съ такою же смѣлостью: „вотъ народъ, который никогда не достигнетъ цивилизаціи; вотъ народъ, обреченный на вѣчное рабство,— народъ, не имѣющій способностей, необходимыхъ для усвоенія полезныхъ искусствъ, самою природою поставленный ниже уровня человѣческаго рода и созданный для того, чтобы доставить нужное число рабовъ для остальнаго міра". Вѣдь это могло быть примѣнено, согласно съ принципами, только что слышанными нами, столь же удачно и вѣрно къ самой Британіи въ означенный періодъ ея исторіи, какъ это могло быть высказано теперь объ обитателяхъ Африки [1])".

Выставляемыя нѣкоторыми изслѣдователями на видъ отсутствіе религіи и безнравственность дикарей, въ глазахъ антрополога не могутъ имѣть особаго значенія. Въ первомъ случаѣ дѣло обыкновенно сводится на то, что миссіонеръ или наблюдатель не уяснилъ себѣ, что должно понимать подъ религіознымъ чувствомъ. Дикари зачастую отказываются отъ всякаго представленія о божествѣ, не желая раскрыть предъ любопытными и навязчивыми чужеземцами тѣ тайны, о которыхъ они сами не рѣшаются громко говорить. Зачастую миссіонеры задаютъ дикарямъ крайне неудачные вопросы. Бикъ разсказываетъ, напримѣръ, слѣдующее объ арафурахъ: „Чтобы убѣдиться еще полнѣе въ отсутствіи у нихъ познанія о высшемъ существѣ, я спросилъ ихъ, кого они призываютъ на помощь въ несчастіи, когда, напримѣръ, ихъ суда бываютъ застигнуты сильною бурею. Старѣйшій изъ нихъ, спросивши мнѣнія другихъ, отвѣчалъ, что они не знаютъ, къ кому они могли бы обращаться за помощью, но желали бы, чтобы я научилъ ихъ тому, если это мнѣ извѣстно" [2]).

Мы вполнѣ увѣрены, что еслибы Бикъ спросилъ дикарей, кого они стараются умилостивить, чтобы онъ остано-

---

[1]) Memoirs of the R. Hon. William Pitt. London 1839, p. 474.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи. Перев. Коропчевскаго. С.-Петербургъ, 1876, стр. 153.

вилъ бурю [1]), то отвѣтъ былъ бы весьма удовлетворителенъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ наивномъ представленіи дикарей доброе и карающее начало не могутъ сочетаться въ одномъ и томъ же лицѣ, а доброе начало, доброе по природѣ своей, не требуетъ никакихъ жертвъ или просьбъ. Характерно далѣе то, что миссіонеры заявляли объ отсутствіи религіи у тѣхъ дикарей, которые не имѣли представленія „о верховномъ божествѣ, творцѣ и правителѣ міра, свидѣтелѣ всѣхъ ихъ поступковъ и судьи въ будущей жизни...“ [2]). Во всякомъ случаѣ, мы не обладаемъ ни однимъ достовѣрнымъ указаніемъ на то, чтобы существовали народы, совершенно лишенные религіи.

Чрезвычайно мѣтко говоритъ Бастіанъ, что „каждый индивидуумъ обладаетъ религіей или задатками религіи“ [3]).

Что касается безнравственности дикарей, то мы отнюдь не желаемъ идеализировать ихъ или выставлять существами, особенно непорочными. Мы считаемъ, однако, своею обязанностью указать на феноменальный недостатокъ въ пониманіи первобытныхъ отношеній половъ у обыденныхъ изслѣдователей. На ряду съ этимъ сужденіе европейца заурядъ искажается, благодаря грубости и неподкрашенности половыхъ отношеній дикаря. „Что у народовъ чужихъ въ высокой степени отличается отъ нашихъ собственныхъ обычаевъ, то весьма легко и уже само по себѣ можетъ показаться намъ болѣе неразумнымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; тамъ же, гдѣ въ насъ вызываетъ отвращеніе и насъ отталкиваетъ грязь, грубость и нищета, тамъ мы весьма мало склонны подвергнуть каждый отдѣльный фактъ тому болѣе точному разсмотрѣнію, котораго онъ требуетъ, если хотѣть его понять въ связи съ духомъ и внутреннею жизнью того народа, у котораго онъ встрѣчается: легче намъ въ подобныхъ случаяхъ бросить быстрый приговоръ, а съ нимъ вмѣстѣ готово и осужденіе народа въ неспособности къ культурѣ [4])“. Всѣмъ извѣстно, какъ часто всѣ

---

[1]) Kolff свидѣтельствуетъ о томъ, что арафуры знали добрыхъ и злыхъ духовъ. Schneider. Die Naturvölker, B. II, S. 362.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 153.

[3]) Bastian. Der Papua des dunklen Inselreiches, S. XI. Peschel. Völkerkunde 1885. S. 273. W. Schneider. Naturvölker, B. II, Cap. III.

[4]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. I, Leipzig 1859, S. 381.

эти моменты вліяли на сужденіе европейцевъ о дикаряхъ. Правъ былъ, поэтому, Пешель, указывая на то, что самые худшіе отзывы о дикаряхъ дѣлались обыкновенно самыми поверхностными наблюдателями [1]).

На предыдущихъ страницахъ мы высказали наше мнѣніе о физическихъ, духовныхъ и нравственныхъ качествахъ такъ называемыхъ дикарей. На основаніи этихъ качествъ мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что они способны къ культурѣ. „Наука", говоритъ Шаафгаузенъ, „должна признать право каждаго индивидуума, каждаго племени и каждой расы на безпрепятственное развитіе... Опытъ подтвердилъ мысль антропологовъ, что нѣтъ расы, которая по природѣ своей была бы неспособна къ высшему развитію" [2]).

Такимъ образомъ народы низшей культуры являются равноправными собратьями культурныхъ народовъ; они остались на низшей ступени культуры лишь благодаря тяжелому сцѣпленію извѣстныхъ географическихъ и историческихъ условій. Народы низшей культуры не лучше и не хуже культурныхъ людей. Они стоятъ на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Добродѣтели, а не менѣе того и пороки ихъ имѣютъ главнымъ образомъ инстинктивный характеръ; смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, они могутъ быть подавлены, могутъ и еще болѣе развиться. Дикарю свойственны въ скрытомъ или зародышевомъ состояніи хорошія и дурныя качества культурнаго человѣка. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и при нѣкоторыхъ усиліяхъ дикаря можно сдѣлать культурнымъ человѣкомъ; еще легче, при плохомъ обращеніи и пользуясь слабостью человѣческой натуры, погубить его окончательно [3]).

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 145.

[2]) Schaaffhausen. Bedeutung und Erfolge der Anthropologie. Correspondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie etc., B. XVI, S. 68.

[3]) Въ сокращенномъ видѣ предыдущая глава была напечатана подъ заглавіемъ „Unser Verhältntss zu den Völkern niederer Cultur „Globus" S. 49 за 1886 годъ; русскій переводъ появился въ „Сибирскомъ Сборникѣ" 1886 г. т. III.

Глава VII.

Вымираніе дикарей.

Характеристика колоніальной исторіи.—Причины гибели дикарей.—Истребленіе дикарей въ Америкѣ, въ Океаніи и Австраліи, въ Африкѣ, Азіи и Европѣ.—Междоусобія; дѣтоубійство; пороки; завезенныя болѣзни.—Перемѣна образа жизни.—Экономическій упадокъ.—Нравственный упадокъ.—Психическія причины вымиранія дикарей.—Попытки спасти дикарей отъ гибели.—Ласъ-Казасъ; Робинзонъ.—Возможная будущность дикарей.

Странное и въ сущности неудовлетворенное впечатлѣніе оставляетъ въ насъ изученіе исторіи колоній. Съ одной стороны смѣлая предпріимчивость піонеровъ, неутомимая энергія и блестящіе успѣхи колонизаторовъ, наконецъ благотворное вліяніе колоніальной жизни на пеструю массу эмигрантовъ, несомнѣнно увлекаютъ читателя и заставляютъ его вѣрить въ великую силу человѣческаго духа; съ другой стороны, однако, изученіе колоніальной исторіи раскрываетъ передъ намъ страшную и мрачную картину, захватывающую въ свои рамки цѣлыя столѣтія и весь міръ нашъ. Многіе милліоны дикарей пали въ теченіи этого времени жертвою безчеловѣчной алчности культурныхъ чужеземцевъ. Нѣтъ той части свѣта, нѣтъ того столѣтія, на которомъ не тяготѣло бы позорное истребленіе болѣе слабыхъ племенъ. Но даже тамъ, гдѣ чужеземцы обходились болѣе или менѣе гуманно съ туземцами или гдѣ нынѣ заботятся объ охраненіи ихъ, даже тамъ возможность совмѣстнаго существованія дикаря съ людьми культурными является крайне сомнительною. „Существуетъ естественный непоколебимый законъ, по которому

дикари должны вымереть", говорить Вудъ [1]). „Подобно тому, какъ снѣгъ исчезаетъ подъ первыми лучами весенняго солнца, такъ гибнутъ дикари предъ свѣточемъ культуры", говорятъ другіе изслѣдователи.

Вымираніе дикарей является тяжкою необходимостью. Но эта необходимость, повидимому, разрушаетъ всѣ тѣ доводы о равноправности дикарей и культурныхъ людей, которымъ посвящена была послѣдняя глава.

Каковы же, однако, тѣ причины, которыя ведутъ къ вымиранію дикарей и неужели же эти народы дѣйствительно и безвозвратно обречены на гибель?

Если мы ближе всмотримся въ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ вся благодать нашей цивилизаціи является злымъ рокомъ для этихъ несчастныхъ народовъ, то мы прежде всего останавливаемся въ недоумѣніи передъ тою сѣтью лжи, вольныхъ или невольныхъ искаженій и преувеличеній, которыми опутывается все то, что касается этого вопроса.

Первое впечатлѣніе, которое даетъ намъ исторія колоній, даже при поверхностномъ взглядѣ на роковыя страницы ея, то, что дикари намѣренно истребляются культурными народами. Конечно, это страшное обвиненіе! Но, къ сожалѣнію преступленія, совершенныя цивилизованными народами по отношенію къ дикарямъ, слишкомъ многочисленны и слишкомъ велики для того, чтобы возможно было умолчать о нихъ.

Обстоятельства, сопровождавшія завоеваніе и колонизацію Америки можно считать болѣе или менѣе общеизвѣстными. Погибли милліоны индѣйцевъ и сила индѣйскаго племени надломлена на вѣки. Въ борьбѣ противъ индѣйцевъ зачастую прибѣгали къ самымъ ужаснымъ средствамъ. Нисколько не лучше обезславленныхъ своими жестокостями испанцевъ, охотившихся на индѣйцевъ съ дрессированными на нихъ собаками [2]), поступали тѣ благочестивые пуритане [3]), которые благодарили Бога за эпидеміи, свирѣпствовавшія среди индѣй-

---

[1]) Gerland. Das Aussterben der Eingeborenen Australiens; Verein für Erdkunde, Metz, Jahresbericht 1881, S. 161. Въ томъ же смыслѣ высказывается прекрасный знатокъ индѣйцевъ Пёппигъ. Pöppig. Ersch's und Grubers Encyklopädie, siehe „Indianer".

[2]) Gerland. Das Aussterben der Naturvölker, Leipzig, Fleischer 1868. S. 102 f.

[3]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 242, 244—245.

цевъ, какъ за милость, ниспосланную именно имъ, пуританамъ. Но нечего останавливаться на временахъ прошедшихъ и перебирать всѣ ужасы эпохи завоеванія Мехики, Перу, Вестиндіи и т. д. Не слѣдуетъ забывать того, что эти жестокости пріурочиваются главнымъ образомъ къ тому періоду, когда конкистадоры почти что не признавали власти испанскаго правительства надъ собою [1]). Однако, еще недавно въ законодательномъ собраніи штата Эйдаго положено было, чтобы трое мужчинъ, набравши команду въ 25 человѣкъ, отправились на охоту за индѣйцами, чтобы за каждый скальпъ „бёка" (buck-олень), т. е. мужчины-индѣйца, выплачивалось 100 долларовъ, за каждую женщину—50 долларовъ, за каждаго ребенка до 10 лѣтъ—25 дол.; далѣе было обусловлено, чтобы каждый охотникъ подъ присягою подтверждалъ, что данный скальпъ добытъ означенной компаніей [2]). Эта охота за людьми была прекращена отнюдь не изъ гуманности, а лишь потому, что были вѣскія причины, указывавшія на то, что на ряду съ скальпами индѣйцевъ къ уплатѣ предъявлялись и скальпы бѣлыхъ людей, убитыхъ алчными охотниками. Бёртонъ указываетъ на то, что въ пустынѣ Юта колодцы, которыми пользовались индѣйцы, были отравлены стрихниномъ [3]). Въ 30-хъ годахъ между индѣйцами пани распространяли искусственно оспу; португальцы оставляли въ лѣсахъ одежды умершихъ отъ оспы и скарлатины для того, чтобы индѣйцы, польстившіеся на эти одежды, заразились и по возможности скорѣе вымерли [4]). Невѣроятныя преступленія совершались подъ покровомъ обращенія дикарей. „Рипартиміенты и коммандаріи! Какъ легко вымолвить эти слова", говоритъ Бухманъ, „но какія пучины низости, подлости, лжи и безчестія, звѣрской грубости и жестокости на сторонѣ христіанъ и какой избытокъ горя, страданія, слезъ и крови со стороны индѣйцевъ выражаются въ этихъ словахъ" [5]).

---

[1]) W. Roscher und R. Jannasch. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung, Leipzig, Winter 1885, S. 138.

[2]) Dodge. Die heutigen Indianer des fernen Westens, deutsch v. Müller Mylius, Wien, Hartleben 1884, S. 58 ff.

[3]) Burton. The city of the Saints, London 1862, p. 576.

[4]) Tschudi, Reisen durch Südamerika, Leipzig, Brockhaus, B. II, S. 262.

[5]) Buchmann. Die freie und die unfreie Kirhce in ihren Beziehungen zur Sklaverei etc. 2. Aufl., Breslau 1875, S. 70.

Подъ рипартиміенто понималось право собственности, подъ коммандаріей—аренда индѣйцевъ съ обязательствомъ обратить ихъ въ христіанство, такъ какъ индѣйцы по общему убѣжденію могли стать христіанами, только пройдя школу рабства.

Мечомъ и огнемъ, заразительными болѣзнями, водкою, эксплуатаціею и презрительнѣйшимъ обращеніемъ истреблялись прежніе властители Америки. Многія племена, перечисленіе которыхъ было бы утомительнымъ, уже исчезли. Все далѣе и далѣе оттѣсняются мрачные индѣйцы изъ земель отцовъ своихъ въ далекіе лѣса и негостепріимныя пустыни. Не обезпечены отъ гибели даже тѣ изъ нихъ, которыхъ взяли подъ свое покровительство гуманные европейцы. Характерный примѣръ въ данномъ случаѣ представляютъ индѣйцы мохо (Мохо) въ восточной Боливіи: они вели относительно благополучную жизнь подъ опекою католическихъ монаховъ, но съ изгнаніемъ послѣднихъ, очевидно, обречены на гибель [1]). Вспоминая всѣ ужасы, совершенныя надъ индѣйцами, Джефферсонъ, авторъ объявленія о независимости Соединенныхъ Штатовъ, восклицаетъ: „я дрожу за судьбу моего отечества, когда подумаю о томъ, что Господь Богъ справедливъ. Его правосудіе не всегда будетъ дремать“.

Перейдемъ къ Океаніи и Австраліи. Вымираніе дикарей сдѣлало здѣсь поразительные успѣхи. На островѣ св. Пасхи въ 1860 году считалось 3.000 обитателей; въ 1882 году ихъ осталось 150, включая сюда 20 таитянъ [2]). Населеніе Маріанскихъ острововъ опредѣлено было въ 1668 году приблизительно въ 80.000 или 100.000 душъ; нынѣ оно почти поголовно вымерло: здѣсь свирѣпствовали испанцы. Но „жесточе испанцевъ XVII столѣтія поступали англичане въ Австраліи и въ Тасманіи“, говоритъ Герландъ [3]), приступая къ описанію тѣхъ страшныхъ преслѣдованій, которымъ подвергались австралійцы и тасманцы. Австралійцевъ убивали „въ виду крайней необходимости оградить колоніи отъ ихъ нападенія“,

---

[1]) Hellwald. Naturgeschichte des Menschen, B. I, S. 402, по словамъ Келлера-Лейцингера, автора цѣнной книги: Vom Amazonas- und Madeira-Strom, Stuttgart, peman 1874.

[2]) Geiseler. Die Osterinsel, eine Stätte prähistorischer Kultur, Berlin 1883, S. 19.

[3]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 824.

на нихъ охотились, какъ сообщаютъ многочисленные изслѣдователи [1]). Черепа убитыхъ австралійцевъ красовались на письменныхъ столахъ счастливыхъ охотниковъ [2]). Ихъ угощали отравленнымъ хлѣбомъ и отравленными напитками [3]); европейскія женщины давали австралійцамъ во время голодовокъ въ видѣ милостыни муку, смѣшанную съ мышьякомъ [4]). Дикарей деморализировали водкою, такъ какъ правительство, не смотря на всѣ заклинанія миссіонеровъ, водкою выплачивало преміи за пойманныхъ бѣглыхъ преступниковъ [5]).

Австралійцевъ въ настоящее время осталось какихъ нибудь 50.000; тасманцы истреблены до послѣдняго человѣка. Быстро уменьшаются въ числѣ и новозеландскіе маори, наиболѣе выдержанное и наиболѣе воинственное изъ всѣхъ полинезійскихъ племенъ. Ихъ насчитываютъ какихъ нибудь 40.000 человѣкъ (по цензу 1886 г.—41.432, въ 1874 году ихъ было 45.470). Противъ воли туземцевъ европейцы ввозили водку на острова Гаити и Таити и производили ею страшное опустошеніе среди мѣстнаго населенія.

Но обратимся къ другимъ частямъ свѣта. Въ Африкѣ наше вниманіе прежде всего останавливаютъ готтентотты и бушмены, въ особенности послѣдніе, почти совершенно уже истребленные голландцами и англичанами. По Фритшу въ Капландіи считалось когда-то отъ 10 до 15.000 бушменовъ [6]). Въ настоящее время осталось ихъ всего нѣсколько человѣкъ, влачащихъ крайне жалкое существованіе. Подробности объ охотахъ и облавахъ, устраиваемыхъ на этихъ дикарей, сообщаетъ Шнейдеръ [7]).

Что касается негровъ, то всѣмъ намъ, конечно, памятны еще ужасы временъ торговли невольниками. Вывозъ негровъ изъ Африки достигалъ подчасъ размѣровъ по истинѣ ужасныхъ. Въ южной Америкѣ португальскія колоніи уже на первыхъ порахъ своей жизни получали по 100.000 неволь-

---

[1]) W. Schneider. Die Naturvölker, B. II, S. 120.

[2]) Waitz-Gerland. B. VI, S. 824.

[3]) W. Schneider, l. c., S. 120.

[4]) Waitz-Gerland, l. c., S. 824. Eyre. Central Australia, London 1845, V. 2, p. 175.

[5]) l. c., S. 824.

[6]) G. Fritsch. Die Eingeborenen Südafrikas. S. 395.

[7]) W. Schneider. Die Naturvölker, B. II, S. 159—164.

никовъ ежегодно [1]). Одна Куба отъ 1792 до 1821 г. получала ежегодно по 12.000 рабовъ [2]). По Молинари, съ западнаго берега Африки вывезено было съ 1807—1819 годъ 2.194.000 рабовъ; съ 1819—1847 г.—2.858.000 [3]) Съ 1788 по 1848 г. изъ Африки вывозилось ежегодно отъ 100—140.000 невольниковъ; съ 1848 по 1850 г.—80.000; въ 1860 г.—30.000 [4]). Въ общемъ вывозъ негровъ опредѣляется приблизительно въ 50.000.000, причемъ самое пріобрѣтеніе невольниковъ стоило Африкѣ, вѣроятно, столькихъ же человѣческихъ жизней [5]). Перевозъ негровъ считался въ высшей степени удачнымъ, если умирала лишь шестая часть невольниковъ. Капитанъ желающій доставить 300 невольниковъ, забиралъ изъ Африки 500 человѣкъ [6]). Но, конечно, цифры вывоза не даютъ намъ еще полнаго понятія о всей силѣ зла: неизвѣстными остаются такія крупныя величины, какъ положеніе рабовъ на мѣстѣ доставки, равно какъ и тѣ бѣдствія, которыя претерпѣваетъ область вывоза, т. е. тѣ безчисленныя войны, хищничества и убійства, которыя обусловливаетъ собою вывозъ несчетнаго количества рабовъ. „Лишенная металловъ, пряностей, лекарственныхъ и благовонныхъ продуктовъ и какихъ бы то ни было рѣдкостей растительнаго міра, Африка была пощажена конкистадорами, но за то не тронута культурой; такимъ образомъ пришлось ей на горе свое въ продолженіи трехъ столѣтій расплачиваться за блёстки европейской культуры и за европейскія опьяняющія вещества своими собственными дѣтьми. Торговля рабами, поэтому, хотя и не оправдывается, но за то до нѣкоторой степени объясняется недостаткомъ значительной римессы“ [7]). Глубоко религіозный В. Шнейдеръ прямо обвиняетъ христіанъ и магометанъ въ томъ, что они ввели въ Африку торговлю невольниками въ томъ страшномъ масштабѣ, въ которомъ она теперь практикуется [8]). О'Нейль,

---

[1]) O. Neill, Der Sklavenhandel in Mozambique und am Nyassa, deutsch von Meyer, Basel 1886, S. 12.

[2]) Ibid, S. 12.

[3]) Ibid, S. 14.

[4]) A. Tourmagne. Histoire de l'Esclavage, Paris, Guilloumin 1880, p. 337.

[5]) W. Schneider, B. II, S. 321.

[6]) Ibid, S. 321.

[7]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 216.

[8]) W. Schneider, S. 327.

англійскій консулъ въ Мозамбикѣ, высказываетъ какъ результатъ спеціальнаго изученія вопроса о торговлѣ невольниками въ восточной Африкѣ, ту мысль, что „девять десятыхъ всѣхъ войнъ восточной Африки истекаютъ изъ тѣхъ усилій, которыя необходимы для того, чтобы удовлетворить запросу торговцевъ невольниками, а отнюдь не изъ пристрастія къ борьбѣ, отъ которой масса народная охотно бы избавилась. Покуда неграмъ говорятъ, что рабы представляютъ наиболѣе цѣнную монету для пріобрѣтенія одежды и другихъ необходимыхъ принадлежностей, до тѣхъ поръ будутъ по прежнему организовываться набѣги на сосѣдей и вестись войны [1]). „Объ опустошеніяхъ, производимыхъ этими хищническими набѣгами неоднократно писали Ливингстонъ, Бартъ, Бекеръ, фонъ-деръ-Декенъ, Камеронъ, Рольфсъ, Нахтигаль, Ленцъ, Швейнфуртъ, Серпа-Пинто, Эминъ Бей, Юнкеръ, Фелькинъ, Стенлей и мног. др. „Если бы была забыта дорога, которая ведетъ въ Центральную Африку и въ сосредоточіе торговли невольниками“, пишетъ знаменитый агитаторъ противъ невольничества, кардиналъ Лавижери, „то ее легко можно было бы найти по костямъ негровъ, которыми она усѣяна“ [2]). Нельзя не сознаться, конечно, что противодѣйствіе торговлѣ невольниками со стороны европейцевъ, могло бы быть несравненно энергичнѣе. Современные договоры европейцевъ съ туземными владѣтелями во многомъ напоминаютъ англо-египетское соглашеніе отъ 4-го августа 1877 года, которое, какъ извѣстно, никогда не вступало въ силу [3]).

Удручающее впечатлѣніе производитъ на насъ и то восхищеніе, съ которымъ европейцы отнеслись къ бразильцамъ, окончательно отмѣнившимъ у себя рабство негровъ [4]). Никакой особенной заслуги со стороны бразильцевъ мы въ данномъ случаѣ не видимъ. Все дѣло сводится на то, что бразильцы, послѣ безконечныхъ затяжекъ, выполнили свое обѣщаніе и выполнили его къ тому же крайне неудачно, какъ въ интересахъ план-

---

[1]) O. Neill. Der Sklavenhandel etc., S. 43.

[2]) Katholische Missionen, 1881, S. 175.

[3]) C. Gareis. Der Sklavenhandel, das Völkerrecht und das deutsche Recht, Berlin, C. Habel 1885, S. 6.

[4]) M. E. Levasseur. L'Abolition de l'esclavage au Brésil. Paris, Picard 1888.

таторовъ, внезапно лишившихся своихъ рабочихъ, такъ и въ интересахъ бывшихъ невольниковъ, не обезпеченныхъ никакими заработками въ тѣхъ городахъ, въ которые они стекаются. Указывая на то, что бразильское правительство въ данномъ случаѣ уступило лишь общественному мнѣнію, госпожа Бинцеръ говоритъ, „что законъ 13-го мая 1808 года явился единственнымъ выходомъ для правительства, чтобы не утерять окончательно всѣ нити въ этомъ вопросѣ и не осрамиться“ [1]). Весьма интересны также указанія названнаго автора на торговлю „мертвыми душами“, т. е. на неоднократный выкупъ изъ эманципаціоннаго фонда давно умершихъ невольниковъ [2]).

Имѣя въ виду всѣ перечисленые выше факты, нельзя не удивляться тому, что негры до сихъ поръ представляютъ собою расу столь сильную, свѣжую и многочисленную. Намъ кажется, что эта необычайная жизненная сила, наряду съ способностями негровъ къ культурѣ, лучше всего говоритъ за то, что имъ предстоитъ извѣстная будущность.

Обращаемся къ Азіи. Мы и здѣсь встрѣчаемъ безчисленые примѣры жесточайшаго обращенія европейцевъ съ дикарями. Прежде всего мы останавливаемся на колоніальной политикѣ голландцевъ въ Азіи. „Колоніальное хозяйство голландцевъ“, писалъ въ 1817 г. Томасъ Стамфордъ Рафль, бывшій при Луи Бонапарте губернаторомъ Явы, „раскрываетъ передъ нами внѣ всякаго сравненія настоящую картину измѣны, подкупа, убійства и подлости“. Чтобы понять эти слова, достаточно вспомнить вполнѣ организованныя похищенія рабовъ и ужасныя потаенныя темницы, въ которыхъ запрятывались эти рабы, чтобы обезопасить ихъ отъ попытокъ собратьевъ на освобожденіе. Лучшею характеристикою колоніальной политики голландцевъ является судьба португальскаго губернатора Малакки, который въ 1641 году передалъ голландцамъ городъ за сумму въ 21.875 фунтовъ стерлинговъ, но затѣмъ былъ убитъ ими, чтобы избавиться отъ выплаты означеннаго подкупа. Желая сохранить за собою монополію на торговлю пряностями, голландцы вырѣзали англійскихъ торговцевъ на Ам-

---

[1]) Ina v Binzer. Die Aufhebung der Sklaverei in Brasilien, Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik, B. X, 1888, S. 484.

[2]) Ibid. S. 485.

бойнѣ и истребили гвоздику на всѣхъ островахъ, за исключеніемъ Амбойны и Банда [1]). Въ интересахъ своей колоніальной политики, голландцы тормозили дѣло распространенія христіанства и содѣйствовали исламу, который, однако, въ настоящее время является во всякомъ случаѣ наивеличайшею опасностью, для существованія голландскихъ владѣній [2]). Въ англійской Индіи, гдѣ также поощряли магометанъ въ ущербъ другимъ вѣроисповѣданіямъ, на 250 милліоновъ туземцевъ приходится 30 милліоновъ магометанъ. Въ индѣйскомъ архипелагѣ на 27½ милл.—около 24; здѣсь, слѣдовательно уже 8/9 народонаселенія исповѣдуетъ исламъ [3]), а вскорѣ, вѣроятно, исламъ овладѣетъ и оставшимися язычниками [4]).

Мы не ставимъ, конечно, русскихъ на одну доску съ голландцами. По своимъ колонизаціоннымъ пріемамъ и по своему характеру, русскіе отличаются отъ голландцевъ нисколько не менѣе, чѣмъ отъ англичанъ, съ которыми мы ихъ сравнили въ другомъ мѣстѣ [5]); тѣмъ не менѣе, однако, первые шаги русскихъ въ Азіи ознаменованы были цѣлымъ рядомъ страшныхъ дѣяній.

Не смотря на свои несомнѣнныя колонизаторскія способности, благодаря которымъ русскіе вполнѣ заслужили прозвище „модели“ колонизаторовъ [6]), несмотря на то, что отличительною чертою русской колонизаціонной исторіи является колонизація мирная и на то, что русскій народъ въ своихъ сношеніяхъ съ иноземцами отличается рѣдкимъ добродушіемъ и терпимостію,—русская колонизаціонная исторія отнюдь не оказывается свободною отъ тѣхъ ужасовъ, которые характеризируютъ колонизаторскую дѣятельность прочихъ европейцевъ. Сибирь страшно поплатилась за свои естественныя богатства и за беззащитность своихъ туземцевъ, а продолжи-

---

[1]) C. W. Janssen. Holländische Colonialpolitik in Ostindien Berlin. Habel, 1884 S. 13.

[2]) A. Schreiber. Die politische Bedeutung des Islam in Niederländisch Indien. Revue colonial internationale 1885, V. I, № 2, p.115.

[3]) l. c, p. 108.

[4]) l. c, p. 109.

[5]) E. Petri. Sibirien als Colonie, Ostchweiz. Geographische Gesellschaft 1886, B. I.

[6]) Th. Bayer. Reiseeindrücke und Skizzen aus Russland, Stuttgart, Cotta 1885, S. 263.

тельное и безнаказанное хищеніе было причиною ожесточенія и одичанія завоевателей. Обстоятельства воспитали здѣсь русскихъ конкистадоровъ. Многіе сибирскіе народы окончательно истреблены, многіе близки къ тому, чтобы исчезнуть [1]). Лѣтописцы нашей колонизаціонной исторіи раскрываютъ предъ нами рядъ ужасныхъ фактовъ, говорящихъ о закрѣпощеніи и рабствѣ инородцевъ [2]), о развращеніи ихъ женщинъ и о торговлѣ женскимъ тѣломъ, производившейся даже воеводами [3]). Сопротивленіе, оказываемое дикарями, доведенными до полнѣйшаго отчаянія, являлось поводомъ къ усмиренію ихъ или къ „искорененію измѣнниковъ", какъ въ свое время выражались [4]), а жертвами этого искорененія оказывались не только возставшіе, но и ихъ мирные сосѣди.

Тѣмъ не менѣе, колонизаціонная исторія русскаго народа представляетъ намъ лишь немного примѣровъ той сознательной и систематичной жестокости другихъ европейцевъ, о которой намъ не разъ случалось говорить на предыдущихъ страницахъ. Наибольшей свирѣпости достигли русскіе конкистадоры въ бывшихъ американскихъ владѣніяхъ русскихъ; но и тутъ поступки ихъ носятъ на себѣ скорѣе всего характеръ дикаго разгула. Такъ, напримѣръ, промышленникъ Соловьевъ умертвилъ болѣе 5,000 алеутовъ, убивая ихъ зачастую лишь потѣхи ради. Однажды, напримѣръ, ему пришло въ голову испытать—чрезъ сколько человѣкъ, поставленныхъ въ рядъ, можетъ пройти пуля. Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ двѣнадцать алеутовъ и выстрѣлилъ въ нихъ: пуля остановилась въ девятомъ. Въ другой разъ, желая чѣмъ нибудь развлечься, Соловьевъ согналъ въ одно укрѣпленное жилище двѣсти алеутовъ и взорвалъ ихъ на воздухъ [5]). Илья Лазаревъ убивалъ туземцевъ обухомъ топора за то, что они осмѣлились посмотрѣть на его любовницу. Случалось, что промышленникъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-алеуткѣ, если та безъ его позволенія съѣдала кусокъ китовины [6]).

---

[1]) Jadrinzew-Petri. Sibirien, глава третья и дополненія къ ней.

[2]) Шашковъ. Исторія рабства въ Сибири. Историческіе этюды, т. II, стр. 97.

[3]) Шашковъ, стр. 99 до 103.

[4]) Шашковъ, стр. 108.

[5]) Шашковъ. Россійско-Американская компанія. Историческіе этюды, т. II, стр. 296.

[6]) Шашковъ, стр. 297.

Къ сожалѣнію, однако, и въ русской колонизаціонной исторіи намъ приходится вновь натолкнуться на тотъ фактъ, что обращеніе туземцевъ въ христіанство сопровождалось обращеніемъ ихъ въ рабство [1]). Весьма интересна также и другая параллель съ испанскимъ и португальскимъ колоніальнымъ хозяйствомъ: это безплодность борьбы далекаго правительства противъ рабовладѣльческаго и хищническаго произвола почти независимыхъ конкистадоровъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе высказались о томъ, что дѣятельность русскихъ въ Сибири напоминаетъ, по мотивамъ завоеванія, по быстрому выполненію его и по безумному расхищенію и расточенію естественныхъ богатствъ, дѣятельность испанцевъ въ Америкѣ [3]).

Несравненно правильнѣе развились колинизаторскія способности русскихъ въ Европейской Россіи. Здѣсь колонизація совершалась по преимуществу мирнымъ путемъ. Русскіе постепенно ассимилировали здѣсь инородцевъ, не превращаясь, какъ говоритъ Надеждинъ, однако, въ „бѣлоглазую чудь, въ длинополаго сорочина, въ чеха-католика или нѣмецкаго алютера“. Но и тутъ не обошлось безъ кровавой борьбы, хотя бы, напримѣръ, съ волжскими инородцами, не обошлось и безъ вымиранія инородцевъ, примѣромъ чего служатъ самоѣды, карелы и другія племена.

Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій совершается это истребленіе народовъ низшей культуры; оно происходитъ болѣе быстро и неудержимо по отношенію къ одной народности, медленнѣе и съ перемѣнной силой по отношенію къ другой. Столѣтія смѣняются столѣтіями, а позоръ безпощаднѣйшаго и эгоистичнаго истребленія дикарей все еще тяготѣетъ надъ европейской цивилизаціей. „Варварство“, говоритъ Вильямъ Говиттъ, „и невѣроятныя свирѣпства, совершенныя такъ называемыми христіанскими народностями во всякой части свѣта и надъ всякимъ народомъ, котораго только удавалось имъ подчинить себѣ, не находятъ себѣ ничего подобнаго ни въ одной эпохѣ всемірной исторіи и ни у одной народности,

---

[1]) Шашковъ, стр. 113, 114.

[2]) Шашковъ, стр. 110, 114—6, 118—9, 120 и далѣе.

[3]) Э. Петри. Сибирь какъ колонія. Сибирскій сборникъ, 1886, кн. II, стр. 85.

какъ бы дика, необразована, безпощадна и безстыдна она ни была“ [1]).

Но, тѣмъ не менѣе, европейцы, не смотря на всѣ роковыя обвиненія, съумѣли постоять за себя! Неоднократно дѣлались попытки свалить всю вину въ истребленіи дикарей—на нихъ же самихъ.

Гибель инородцевъ являлась дѣломъ Божеской кары. „Какія тяжкія преступленія, восклицали благочестивые апологеты, должно быть, совершены въ этихъ странахъ, для которыхъ необходимы столь страшныя искупленія“ [2]). Зачастую европейцы увѣряли, что они истребляютъ дикарей лишь по принужденію и единственно ради самосохраненія [3]). Но еще болѣе силы истребители дикарей черпали изъ ученія о высшемъ происхожденіи европейцевъ [4]), или, другими словами, изъ права болѣе сильнаго и высшаго организма сокрушать и стирать организмы болѣе слабые.

Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что въ образѣ жизни некультурныхъ народовъ существуетъ рядъ факторовъ, задерживающихъ развитіе и размноженіе ихъ. Непрерывныя междуусобія и войны, дѣтоубійства, вытравленіе плода, дѣтская безпечность по отношенію къ будущему, лѣнь, во многихъ случаяхъ крайнія излишества и т. д., вотъ тѣ силы, которыя неоднократно выставлялись, какъ причины вымиранія дикарей. Нельзя, однако, предположить, чтобы подобныя невзгоды могли надломить силу цѣлыхъ расъ. Вѣдь и мы, европейцы, ведемъ зачастую образъ жизни, который въ концѣ концовъ приводитъ насъ къ гибели или же къ вырожденію. Пролетаріи, составляющіе столь значительную часть населенія культурныхъ странъ, находятся, къ сожалѣнію, въ условіяхъ крайне противуестественныхъ; наши войны превосходятъ все то, что могутъ себѣ вообразить дикари. Но, тѣмъ не менѣе, мы смѣло уповаемъ на лучшую будущность и вѣруемъ въ то,

---

[1]) W. Howitt. Colonization and Christianity, London 1838, p. 9.

[2]) Buchmann. Die unfreie und die freie Kirche etc., S. 91.

[3]) Бывшій министръ-резидентъ Соединенныхъ Штатовъ въ Швейцаріи и авторъ преисполненной самыхъ гуманныхъ чувствъ по отношенію къ неграмъ книги: „Die Sklavenmacht, Berlin 1865“, Fay, говоря объ индѣйцахъ, только и можетъ сказать, что бѣдное населеніе Соединенныхъ Штатовъ много выстрадало отъ ужасныхъ жестокостей индѣйцевъ.

[4]) См. выше стр. 109.

что преодолѣемъ современный экономическій разладъ столь же удачно, какъ рабство, инквизицію, кулачное право и прочія бѣды прошлаго времени.

Но современная антропологія не можетъ ограничиться упомянутыми причинами вымиранія дикарей. Она стремится глубже проникнуть въ тайны этого вопроса. Она обращается къ сравнительной соціологіи и угадываетъ законы развитія человѣчества; она взвѣшиваетъ значеніе тѣхъ уклоненій и задержекъ въ нормальномъ развитіи, которыя претерпѣваютъ дикари при столкновеніи съ европейскою культурою; она обращается, наконецъ, къ психологіи народовъ и вдумывается въ несложную, но въ то же время поразительно глубокую духовную жизнь дикарей.

Дѣйствительно, на ряду съ упомянутыми болѣе или менѣе осязательными причинами, на ряду съ непосредственнымъ истребленіемъ дикарей европейцами и съ самоистребленіемъ дикарей вслѣдствіе ненормальностей ихъ жизни, существуетъ не мало другихъ причинъ, не менѣе губительныхъ, не менѣе страшныхъ для дикихъ народовъ. Эти причины возникаютъ при столкновеніи дикарей съ европейцами.

Такъ, европейцы приносятъ дикарямъ заразныя болѣзни [1]): оспу, скарлатину, корь и т. д. Даже насморкъ оказывается губительнымъ для дикарей. Эти болѣзни распространяются тѣмъ быстрѣе среди дикарей, что они ничего не подозрѣваютъ о заразительности ихъ,—это въ особенности относится къ сифилису [2])—что они чрезвычайно быстро падаютъ духомъ, да къ тому же они, дѣйствительно, по нетронутости своей, какъ будто бы, болѣе воспріимчивы къ заразѣ.

Появленіе европейцевъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ новыми техническими орудіями, мануфактурными товарами, пищевыми и вкусовыми веществами; неустанное и ничѣмъ непредотвратимое навязываніе этихъ новыхъ продуктовъ туземцамъ и столь же неудержимый запросъ на мѣстные продукты; наконецъ, новыя и обязательныя для всѣхъ туземцевъ воззрѣнія на право, собственность, семейныя, нравственныя и ре-

---

[1]) Gerland, Aussterben der Naturvölker. S. 8—20.

[2]) Шашковъ, стр. 281.

[3]) Jadrinzew-Petri, Sibirien. S. 109, 110. Шашковъ. Историческіе этюды, стр. 277—284.

лигіозныя начала, все это совершенно измѣняетъ жизнь дикарей какъ съ внѣшней стороны, такъ и во внутреннемъ складѣ ея. Прежнія привычки и прежній образъ жизни должны изчезнуть; новыя потребности деспотически вступаютъ въ свои права.

Мѣняются одежды: вмѣсто шкуръ, покрывающихъ закаленное тѣло дикаря, или же взамѣнъ прежней обнаженности, появляются изнѣживающія одежды и шерстянныя одѣяла. Но эти покровы, въ виду цѣнности своей, носятся лишь въ хорошую погоду, въ дурную же, въ дождливую—прячутся. Мѣняется родъ пищи, а слѣдовательно и весь образъ жизни. Охотничьи племена вскорѣ начинаютъ чувствовать крайній недостатокъ въ дичи, такъ какъ охота, съ появленіемъ огнестрѣльнаго оружія и съ увеличеніемъ населенія, становится несравненно болѣе интензивною. Хлопотливая и шумная культура разгоняетъ пугливую дичь, оставляя лишь наиболѣе простыхъ хищниковъ—волковъ, лисицъ и т. д. Въ какой, можно сказать, невѣроятной степени европейцы истребили, напр., въ Австраліи кэнгуру можно видѣть изъ разсказовъ д-ра Зеельгорста [1]), тщетно, искавшаго въ Викторіи случая поохотиться на это специфически-австралійское животное. По сообщеніямъ Краузе, среди прибрежныхъ чукчей у мыса Восточнаго свирѣпствуютъ голодовки, похитившія не мало человѣческихъ жертвъ. Причиною ихъ является усиленная дѣятельность американскихъ промышленниковъ, охотящихся въ этой области за китами и моржами [2]).

Въ виду крайняго уменьшенія дичи, дикарямъ приходится дѣлать страшныя усилія для того, чтобы просуществовать; они вынуждены, наконецъ, прибѣгнуть къ европейской пищѣ, или же къ суррогатамъ ея, вродѣ водки. Конечно, эти продукты достаются имъ лишь за баснословныя цѣны; но иногда европейцы рѣшали, что дикарей вредно кормить хлѣбомъ; по крайней мѣрѣ, это предположила русско-американская компанія относительно алеутовъ [3]). О вредѣ водки мы неоднократно еще будемъ говорить.

---

[1]) G. Seelhorst. Australien, Augsburg, Reichel 1882, S. 136 ff.

[2]) Krause. Deutsche Geographische Blätter, B. V, S. 31.

[3]) Шашковъ, т. II, стр. 304.

Съ заселеніемъ земель охотники окончательно исчезаютъ: имъ прежде всего необходимъ просторъ. По Леббоку [1]), на каждаго представителя охотничьяго племени должно приходиться около $1^3/_4$ квадр. англійской мили; примѣръ этотъ относится къ краснокожимъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки; въ Европѣ, въ соотвѣтствующей области, въ Бельгіи, приходится на одну квадр. милю 124 и даже 320 человѣкъ.

Нечего останавливаться на томъ, на сколько культура нетерпима къ кочевому быту, требующему необъятный просторъ и постоянныя передвиженія. Однако культура относится чрезвычайно враждебно даже къ первобытному земледѣлію. Работа первобытнаго земледѣльца не имѣетъ интензивнаго характера, напротивъ того, она экстензивна въ крайнемъ смыслѣ этого слова; она держится на томъ, что первобытный земледѣлецъ обладаетъ избыткомъ нетронутыхъ земель, къ которымъ онъ можетъ перейти, истощивъ свое плохо разработанное поле. Конкурренція дикаря-земледѣльца съ европейцемъ, снабженнымъ лучшими орудіями, бо̀льшими познаніями, выдержкою въ работѣ и трудящимся не только для поддержанія жизни, но и для торговыхъ цѣлей, конечно, немыслима. Дикарь долженъ превратиться въ болѣе или менѣе жалкаго батрака-работника, или же отступить, какъ всегда, въ области болѣе бѣдныя и суровыя.

Еще интензивнѣе и безпощаднѣе сказывается превосходство европейской культуры тамъ, гдѣ она наталкивается на туземную промышленность. Она убиваетъ послѣднюю не только какъ мощный конкуррентъ, но и по многимъ другимъ причинамъ. Нашъ вѣкъ — вѣкъ колоніальной политики. Все шире и шире раскидываетъ свои сѣти міровое хозяйство. Гдѣ только существуетъ дѣятельность, гдѣ проявляются жизнеспособные задатки, тамъ нѣтъ уже возможности подавить интересъ къ колоніальнымъ вопросамъ. Односторонее индустріальное развитіе культурныхъ народовъ и пріобрѣтеніе сырья и пищевыхъ веществъ отъ народовъ малокультурныхъ, практикуемое въ столь грандіозномъ масштабѣ, вотъ тѣ силы, которыя всюду разрываютъ тѣсные путы національнаго обособленія. Вопросомъ жизни для каждаго культурнаго народа

---

[1]) Lubbock, Phrehistorie. Times, London, 2 ed., p. 582 и далѣе.

является то, чтобы онъ своевременно занялъ соотвѣтствующее ему мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ [1]).

Колоніальная политика, поэтому, не знаетъ пощады. Въ XVII столѣтіи коленкоры, ситцы, муслины и другіе бумажные товары Индіи распространены были по всей Европѣ, особенно въ Англіи. Индійская бумажная пряжа ввозилась въ XVIII столѣтіи въ Англію на цѣнность болѣе чѣмъ въ 60 милліоновъ рублей. Теперь же Индія превращена въ страну земледѣльческую, существованіе которой всецѣло зависитъ отъ урожая. Значеніе страшныхъ индійскихъ голодовокъ достаточно извѣстно. Индусы принуждались покупать англійскіе товары съ уплатою номинальной пошлины въ $2^1/_2{}^0/_0$, индійскія хлопчатобумажныя ткани, ввозимыя въ Англію, облагались $50^0/_0$ [2]).

Существуютъ однако и другія причины, помимо политико-меркантильныхъ, благодаря которымъ и индустрія, да и самые обитатели данной страны могутъ прійти въ упадокъ. Населеніе Пелаузскихъ острововъ уменьшилось, по указаніямъ Земпера менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе съ 40—50.000 на 10.000, хотя здѣсь не свирѣпствовали ни европейцы, ни заразныя болѣзни ихъ. Одною изъ главныхъ причинъ уменьшенія числа туземцевъ является въ данномъ случаѣ ослабленіе дѣятельности, упадокъ энергіи населенія. Предки пелаузцевъ не были знакомы съ европейскими металлическими орудіями; они жили въ каменномъ періодѣ и не безъ нѣкотораго труда пробивались въ жизни. Тѣмъ не менѣе, древніе пелаузцы достигли большого совершенства въ рѣзьбѣ, они изготовляли красивые кинжалы съ черепаховыми ручками и т. д. Современные островитяне забыли искусство своихъ предковъ. Они сохраняютъ художественныя произведенія древности какъ святыни и зачастую приписываютъ имъ божественное происхожденіе,—до такой степени невѣроятнымъ кажется имъ, чтобы обыденные люди, да къ тому же еще лишенные европейскихъ орудій, съумѣли изготовить подобныя чудесныя произведенія. Но именно ввозъ европейскихъ орудій и лишилъ туземцевъ всякой самодѣятельности и всякаго стремленія къ самоусовершенствованію. Въ физическихъ потребностяхъ своихъ пелаузцы были вполнѣ

---

[1]) E. Petri. Die kolonialen Besitzungen des Russischen Reiches, Amsterdam 1887, S. 1.

[2]) П. Янжулъ. Британскіе интересы на Востокѣ. Слово, 1878 № 5.

обезпечены; духомъ они ослабли. Пелаузцы въ полной зависимости отъ ввоза чужестранныхъ товаровъ; они сами не умѣютъ изготовлять металлическихъ орудій. „Желѣзо европейца“, говоритъ Земперъ, „слишкомъ быстро послѣдовало за камнемъ дикаря“ [1]).

Переходъ отъ первобытной формы къ болѣе развитой сопряженъ съ большими трудностями; онъ удается отнюдь не всегда, и, конечно, менѣе всего тамъ, гдѣ данный народъ принуждается къ такому переходу по чужому велѣнію.

Прекрасный примѣръ въ этомъ духѣ представляетъ намъ извѣстный сибирскій изслѣдователь Н. М. Ядринцевъ въ своей работѣ о вымираніи сибирскихъ инородцевъ [2]). Исходя изъ наилучшихъ намѣреній, наша администрація рѣшила прикрѣпить бродячихъ алтайцевъ къ землѣ. Инородцамъ отведены были земельные участки и готовые избы; они должны были заниматься земледѣліемъ. Инородцы, какъ всегда, оказались послушны. Администрація торжествовала. Когда же чрезъ нѣкоторое время вспомнили о юныхъ земледѣльцахъ, они оказались въ чрезвычайно печальномъ положеніи; они окончательно обѣднѣли и страдали отъ голодовокъ. Переходъ къ земледѣлію, требующему упорнаго и постояннаго труда, имъ не удался, не смотря на лучшія ихъ намѣренія.

Характернымъ является, наконецъ, и то обстоятельство, что бѣдняги соорудили на ряду съ отведенными имъ прекрасными избами свои ничтожные шалаши изъ березовой коры, свои „кереге“; они жили въ нихъ, тогда какъ избы стояли пустыми. Нѣчто подобное случилось, впрочемъ, и съ эстонцами, которыхъ уже никакъ нельзя причислить къ дикарямъ. Какъ извѣстно, грязныя курныя избы эстонцевъ, избы, лишенныя вентиляціи и трубъ, являются одною изъ причинъ значительной смертности эстонскихъ дѣтей. Нѣкая помѣщица-филантропка выстроила своимъ крестьянамъ прелестную швейцарскую деревушку и перевела ихъ въ нее. Изящные рѣзные домики, однако, быстро опустѣли: эстонцы вновь переселились въ свои курныя избы [3]).

Такою же неудачею отличаются современныя попытки

---

[1]) K. Semper. Die Palauinseln, Leipzig 1873, S. 355.

[2]) Н. Ядринцевъ. Русская Мысль, 1883 № 3, стр. 114.

[3]) Aus dem Estnischen Volksleben, Deutsche Rundschau B. VIII, H. 5. S. 103.

сдѣлать осѣдлыми киргизовъ, относительно которыхъ въ свое время[1]) рѣшено было, что они въ интересахъ государственныхъ безусловно должны быть кочевниками.

Ко всѣмъ вышеозначеннымъ причинамъ вымиранія инородцевъ присоединяется, какъ элементъ весьма существенный, то удрученное состояніе, въ которомъ находятся дикари, сознающіе безвыходность своего положенія. „Подобно тому, какъ клеверъ убилъ папоротникъ и европейская собака собаку-маори, какъ пакега-крыса уничтожила крысу маори, такъ постепенно будетъ оттѣсняться и уничтожаться нашъ народъ европейцами“[2]). Вотъ какъ мрачно смотрятъ маори Новой Зеландіи на будущность свою. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что дикари обыкновенно считаютъ себя несравненно выше и благороднѣе европейцевъ[3]), а между тѣмъ они сознаютъ, что гибнутъ при столкновеніи съ европейцами, и должны претерпѣвать отъ наиболѣе худшихъ элементовъ европейской колонизаціи, отъ матросовъ, торгашей и различныхъ авантюристовъ несчетныя и невыносимыя оскорбленія и униженія. Дикарь лишенъ будущности; наивысшія религіозныя и этическія вѣрованія его затоптаны въ грязь[4]). Онъ теряетъ, поэтому, всякую энергію; онъ ищетъ смерти или деморализируется, предаваясь пьянству и разврату.

Обитатели Маріанскихъ острововъ прибѣгали цѣлыми тысячами къ самоубійству[5]); антильскіе островитяне умерщвляли себя по уговору цѣлыми общинами, частью съ помощью яда, частью съ помощью веревки (Las Casas). Одинъ миссіонеръ въ Ойякѣ признался испанскому историку Сурита, что орды хонталовъ и михезовъ сговорились воздерживаться отъ всякихъ сношеній со своими женами или же удалять плодъ до рожденія съ помощью яда (Zurita)[6]). Алеуты русско-аме-

---

[1]) По мысли графа Сухтелена, киргизы полезны Россіи какъ кочевой народъ, какъ потребители нашего хлѣба и мануфактуръ, какъ производители кожъ и другаго сырья; поэтому ихъ должно удерживать въ полудикомъ состояніи. Еще въ 1854 г. Перовскій сдѣлалъ пограничной комиссіи строгое замѣчаніе за то, что она не препятствовала киргизамъ строить за Ураломъ землянки. Шашковъ, Историческіе этюды. Т. II, стр. 154.

[2]) K. E. Jung. Der Weltteil Australien, Lpz. Freytag, 1883, S, 220.

[3]) См. примѣры у Пешеля. Народовѣдѣніе, стр. 148, 149.

[4]) Gerland. Das Aussterben, S. 89 ff.

[5]) Gerland. Das Aussterben, S. 43.

[6]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 147.

риканской компаніи не переносили тѣлесныхъ наказаній; чтобы избавиться отъ нихъ, они прибѣгали къ самоубійству [1]). Въ Бразиліи рабы-негры зачастую прибѣгали къ массовымъ самоубійствамъ. Плантаторы, а со словъ ихъ и путешественникъ Ф. Чуди, объясняютъ эти самоубійства местью негровъ, которые желаютъ своею смертью разорить хозяина [2]); едва ли не вѣроятнѣе было бы искать причину самоубійства въ невыносимомъ положеніи рабовъ. Въ этомъ отвращеніи къ жизни Пешель видитъ главную причину вымиранія дикарей [3]). Но эта апатія надламываетъ нравственную силу дикарей; она лишаетъ ихъ всякаго желанія къ тому, чтобы бороться съ трудностями жизненными, она лишаетъ ихъ способности воспроизводиться. Объ уменьшеніи числа дѣтей у дикарей неоднократно писали различные наблюдатели. Собравъ рядъ свидѣтельствъ въ пользу уменьшенія числа рожденій у дикарей, послѣ столкновенія ихъ съ европейцами, Ч. Дарвинъ говоритъ: „самою дѣйствительною изъ всѣхъ причинъ, ведущихъ къ вымиранію, во многихъ случаяхъ является уменьшенная воспроизводительность взрослыхъ и болѣзненность среди дѣтей“ [4]). Воспроизводительная способность уменьшается, по Дарвину, даже среди представителей животнаго міра при измѣненіи условій ихъ существованія, напримѣръ при лишеніи свободы [5]). Но, безъ всякаго сомнѣнія, уменьшеніе воспроизводительности и упадокъ душевныхъ силъ нужно считать явленіями вторичнаго порядка. Они въ свой чередъ обусловливаются тѣмъ переворотомъ чисто соціальнаго характера, который вызывается насильственнымъ вторженіемъ высшей культуры въ область культуры первобытной.

Если мы вновь оглянемся на тотъ безконечный рядъ причинъ, которыя могутъ способствовать гибели дикарей, или осложняясь и суммируясь, повести къ ослабленію и вырожденію ихъ, то намъ, конечно, придется признать, что въ данномъ случаѣ нечего надѣяться на быстрый переворотъ. Но съ другой стороны, ни въ жизни, ни въ наукѣ никогда

---

[1]) Шашковъ. Историческіе этюды, т. II, стр. 306.

[2]) v. Tschudi. Reisen durch Süd-Amerika Lpz. Brockhaus. 1866, B. 2, S. 771.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 147.

[4]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 173.

[5]) Darwin, S. 179.

не утрачивалось естественное сознаніе того, что человѣкъ человѣку собратъ. Даже въ наиболѣе ужасныя эпохи поголовнаго уничтоженія дикарей поднимались отдѣльные голоса людей, чуткихъ къ задачамъ человѣчества. Они заклинали европейцевъ не совершать братоубійства. Одною изъ этихъ свѣтлыхъ личностей былъ Ласъ-Казасъ, посвятившій 46 лѣтъ своей жизни на неутомимую, хотя, къ сожалѣнію, въ данную эпоху почти безплодную борьбу въ защиту индѣйцевъ. Онъ пострадалъ за свое человѣколюбіе какъ „мученикъ человѣколюбія", по выраженію своего біографа Лоренте [1]). Его преслѣдовали и унижали испанское духовенство и администрація и алчные соотечественники его, такъ какъ онъ изобличалъ ихъ преступленія. Послѣ его смерти, лишенная критики исторія связала чистое имя его съ учрежденіемъ рабства негровъ въ Америкѣ, а мадридская академія роскошно издала въ XVIII столѣтіи сочиненія его противника и защитника рабства Сепульведы; собраніе сочиненій самого Ласъ-Казаса было издано лишь въ 1822 году, въ Парижѣ, слѣдовательно болѣе чѣмъ 250 лѣтъ послѣ его смерти. Но дѣятельность Ласъ-Казаса не прошла безслѣдно. Великъ долгъ европейцевъ передъ народами неевропейскими и по настоящее время много нравственныхъ силъ необходимо людямъ, посвятившимъ себя дѣлу огражденія низшихъ собратьевъ отъ позорной гибели. Для этихъ-то людей Ласъ-Казасъ является свѣтлымъ прообразомъ борца, начавшаго борьбу при условіяхъ несравненно болѣе трудныхъ, чѣмъ тѣ, съ которыми приходится намъ считаться нынѣ.

Или возьмемъ другой незабвенный примѣръ [2]). Въ 1804 году англичане основали на островѣ Тасманіи колонію ссыльныхъ преступниковъ. Туземцамъ некуда было укрыться отъ пришельцевъ; они должны были погибнуть. И вотъ дѣло истребленія ихъ приняло такой оборотъ, что уже въ 1810 году англійское правительство вынуждено было заявить, что убійство туземца будетъ считаться за дѣйствительное убійство. Но такъ какъ показанія презрѣнныхъ туземцевъ не имѣли юридической силы, то положеніе ихъ отнюдь не улучшилось. При-

---

[1]) Llorente. Oeuvres de Don Barthélemi de Las Casas, Paris 1822, V. I, p. LXXVI.

[2]) Gerland-Waitz, B, VI, S. 819, 820.

веденные въ отчаяніе туземцы рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Они отступили въ горы; тамъ они защищались; они жестоко убивали всякаго европейца, попадавшаго къ нимъ въ руки. Тогда англичане смѣнили милость на гнѣвъ. На тасманцевъ назначались оффиціальныя преміи, подобно тому, какъ на волковъ; на нихъ устраивались правильныя и стоющія большихъ денегъ облавы. Тасманцы геройски умирали въ своихъ горахъ. Но вотъ, явилась исключительная личность, не смогшая хладнокровно вынести вида этой борьбы. Это былъ человѣкъ, соединявшій въ душѣ своей мягкость и чуткость къ жизненнымъ потребностямъ ближняго съ необычайнымъ мужествомъ. Безъ всякаго оружія онъ пустился одинъ въ страшныя горы, гдѣ погибло уже столько англійскихъ воиновъ. Онъ хотѣлъ спасти тасманцевъ; онъ хотѣлъ вывести ихъ на какой либо далекій островъ, гдѣ бы они не сталкивались съ англичанами. Это былъ Джоржъ Робинзонъ, простой столяръ изъ Гобартауна. Онъ былъ сумасшедшій по мнѣнію своихъ согражданъ. Но озлобленные, озвѣрившіеся дикари не растерзали его; онъ дѣйствительно вывелъ ихъ изъ страшныхъ логовищъ. Они, какъ дѣти, довѣрчиво послѣдовали за нимъ. Онъ поселилъ ихъ на уединенномъ маленькомъ островѣ; тамъ они сдѣлались осѣдлыми, стали учиться, перешли въ христіанство... Но они всѣ погибли. Мѣстныя власти гнали ихъ съ острова на островъ. Вмѣсто Робинзона назначаемы были начальниками грубые и суровые солдаты... Уже въ 1876 году умерла послѣдняя тасманійка, поэтически прозванная англичанами „Лала Рукъ“, по имени героини прекрасной поэмы Томаса Мура.

Подобные же примѣры высокой гуманности и чудной самоотверженности даютъ намъ въ настоящее время въ различныхъ частяхъ свѣта миссіонеры и другіе дѣятели, борящіеся за духовное и физическое спасеніе дикарей.

Нельзя не признать, однако, что эти столь симпатичныя стремленія не могутъ имѣть рѣшающаго значенія для судьбы неевропейскихъ народностей. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло лишь съ палліативными средствами. Но добиться чего либо прочнаго одними палліативами никоимъ образомъ нельзя тамъ, гдѣ имъ противупоставляются совершенно явныя и

оформленныя стремленія къ эксплуатаціи или даже къ истребленію дикарей.

Самыми опасными противниками гуманныхъ европейцевъ являются ихъ же собратья европейцы и прежде всего именно тѣ отбросы человѣчества, которые, къ сожалѣнію, почти всегда идутъ въ авангардѣ европейской колонизаціи. Но помимо того, миссіонеры при своихъ гуманныхъ стремленіяхъ зачастую приходятъ въ столкновеніе съ колоніальной политикой. Если австралійскіе колонисты препятствовали дѣятельности миссіонеровъ, разсказывая дикарямъ, что предатели-миссіонеры собираются ихъ отравить, живьемъ сварить или оскопить [1]), то съ другой стороны англійская администрація прогоняла миссіонеровъ, собиравшихъ вокругъ себя дикарей и пріучавшихъ ихъ къ осѣдлости, а на мѣстахъ миссіи устраивала полицейскія станціи [2]). Мы уже говорили о томъ, что англійское правительство выдавало туземцамъ премію за поимку бѣглыхъ преступниковъ водкою, парализируя такимъ образомъ проповѣдь миссіонеровъ противъ пьянства [3]). Мы говорили о томъ, что водка ввозилась противъ воли туземцевъ въ области австралійцевъ и сандвичанъ [4]). Безплодны были также всѣ старанія индѣйцевъ оградить себя отъ европейской водки [5]). Главными распространителями водки между индѣйцами являются въ настоящее время именно тѣ стражники, которые должны были бы оградить индѣйцевъ отъ губительнаго вліянія европейскихъ хищниковъ [6]). Множество примѣровъ въ этомъ духѣ представляетъ намъ судьба сибирскихъ инородцевъ. Не смотря на всѣ запрещенія высшей администраціи, водка всюду распространяется между инородцами и этому зачастую способствовали даже мелкіе слуги администраціи или же лица духовнаго званія [7]). Характерны, наконецъ, обвиненія современныхъ культуртрегеровъ въ Африкѣ въ томъ, что главными продуктами ихъ ввоза являются спиртные напитки и огнестрѣльное оружіе. О систематическомъ развращеніи ди-

---

[1]) Gerland-Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 827.

[2]) Gerland-Waitz, S. 828.

[3]) Смотри выше, стр. 141.

[4]) Смотри выше стр. 141.

[5]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 83.

[6]) Смотри выше, стр. 118.

[7]) Jadrinzew-Petri. Sibirien, S. 137, 337, 449.

карей и о распространеніи между ними сифилиса при сближеніи съ европейцами говорено такъ много, что мы не считаемъ нужнымъ на этомъ останавливаться.

Какъ бы то ни было, но въ указанныхъ гуманныхъ попыткахъ нѣкоторыхъ европейцевъ мы все же видимъ основы болѣе справедливаго отношенія къ дикарямъ. Ручательствомъ въ пользу окончательнаго измѣненія нашихъ отношеній къ дикарямъ служитъ намъ далѣе то, что колоніальныя державы теоретически всегда стремились къ возможно болѣе гуманному обращенію съ дикарями.

Русское правительство, напримѣръ, вело долголѣтнюю войну противъ рабства въ Сибири [1]); оно временно допустило это рабство, сознавъ свое безсиліе въ виду отдаленности колоніи [2]). При первой возможности, однако, рабство было вновь прекращено [3]). Въ общемъ мы не можемъ не отмѣтить здѣсь, что наше законодательство по отношенію къ инородцамъ проникнуто наиболѣе гуманными тенденціями. Неудача нашихъ культурныхъ попытокъ среди инородцевъ обусловливается, однако, какъ мы въ свое время уже замѣтили [4]), съ одной стороны, крайнимъ недостаткомъ свѣдѣній по части современнаго положенія быта инородцевъ, съ другой стороны — отсутствіемъ правительственнаго органа, въ которомъ бы сосредоточивались заботы объ инородцахъ. Между тѣмъ, инородческій вопросъ имѣетъ у насъ тѣмъ болѣе значенія, что колонизаторская сила страны, при всѣхъ высокихъ преимуществахъ русскихъ, какъ колонизаторовъ, въ числовомъ отношеніи все таки крайне недостаточна, тогда какъ туземцы зачастую представляютъ весьма важную рабочую силу и, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть подняты на высшую культурную ступень [5]). Можно, поэтому, только пожелать, чтобы русское правительство энергичнѣе взялось за инородческій вопросъ, чтобы осуществлено было то, что лежитъ въ гуманныхъ тенденціяхъ нашего законодательства относительно инородцевъ, или чтобы на первыхъ порахъ сдѣлано было, хотя

---

[1]) Шашковъ. Историческіе этюды, т. II, стр. 110, 114—6, 118, 119.

[2]) Шашковъ, стр. 120 и далѣе.

[3]) Шашковъ, стр. 158 и далѣе.

[4]) E. Petri. Die kolonialen Besitzungen des Russischen Reiches. 1887.

[5]) E. Petri. Die kolonialen Besitzungen, S. 20.

бы только то, что допустили столь жесткіе по своей природѣ янки для своихъ инородцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ [1]).

Весьма гуманно, по крайней мѣрѣ въ теоріи, относится къ дикарямъ испанское законодательство. Уже съ давнихъ поръ испанское правительство пыталось оградить дикарей отъ эксплуатаціи и истребленія [2]). Оно было безсильно въ борьбѣ противъ самовластныхъ конкистадоровъ, но, тѣмъ не менѣе, добивалось жизненныхъ и имущественныхъ правъ индѣйцевъ [3]) Оскорбленіе дикаря каралось строже, чѣмъ оскорбленіе испанца [4]). Дикарямъ дѣлались уступки почти невѣроятныя; въ крайнихъ случаяхъ имъ прощалось даже людоѣдство [5]).

Если въ испанской колоніальной политикѣ на первомъ планѣ стояло обращеніе дикарей въ христіанство и безусловная опека ихъ, то въ глазахъ англійской колоніальной политики туземцы являлись совершенно излишнимъ бременемъ [6]). Двуличность англійской политики сказывается рѣзче всего въ жестокомъ отношеніи къ полинезійцамъ съ одной стороны, а съ другой стороны въ преувеличенной гуманности къ кафрамъ, обусловленной соперничествомъ съ голландскими бурами [7]).

Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній къ тому, чтобы считать немыслимымъ улучшеніе отношеній европейцевъ къ инородцамъ. Къ тому же страшный процессъ вымиранія инородцевъ зачастую прекращается при сколько нибудь разумномъ отношеніи колонизаторовъ къ туземцамъ. Относительно индѣйцевъ Соединенныхъ Штатовъ извѣстный этнологъ Герландъ [8]) доказалъ, что они въ резервацiяхъ отнюдь не вымираютъ. Къ подобнымъ же выводамъ пришли и мы въ нашей статьѣ о культурныхъ успѣхахъ индѣйцевъ [9]), хотя намъ во многомъ пришлось бы упрекнуть статистику Annual Reports. Интересны

---

[1]) Э. Петри. О народонаселеніи Сибири и о великой восточной желѣзной дорогѣ. Желѣзнодорожное дѣло, 1888, стр. 272.

[2]) Roscher und Janasch. Kolonien, Kolonialpolotik etc., S. 133.

[3]) Ibid, S. 134.

[4]) Ibid, S. 136.

[5]) Ibid, S. 136.

[6]) Ibid, S. 203.

[7]) Ibid, S. 206. О колоніальной политикѣ Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ туземцамъ см. Fr. Ratzel. Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika, München, Oldenburg 1880, S. 146 ff.

[8]) Gerland. Die Zukunft der Indianer, Globus, B. XXXV, XXXVI.

[9]) Э. Петри. Восточное Обозрѣніе, 1886, № 4.

указанія англійскихъ изслѣдователей на то, что готтентотты въ настоящее время уже не уменьшаются въ числѣ и что благопріятное вліяніе англичанъ сказывается на племенахъ намаква и дамара [1]). Среди нашихъ сибирскихъ инородцевъ мы можемъ указать на цѣлый рядъ выживающихъ племенъ. Такимъ выживающимъ народомъ являются, напр., киргизы, которые составляютъ компактную массу болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ милліона человѣкъ; якуты, которыхъ насчитывается около 200.000 человѣкъ [2]); буряты, численность которыхъ опредѣляется болѣе чѣмъ въ 250.000 человѣкъ [3]). Что касается нашихъ европейскихъ инородцевъ, то многіе изъ нихъ, какъ напр. зыряне, мордва и т. д. ассимилируются на нашихъ глазахъ съ русскимъ населеніемъ.

Нельзя не указать на то, что числовое отношеніе народовъ культурныхъ къ некультурнымъ, слѣдовательно отношеніе „истребителей" къ „истребляемымъ" все еще довольно выгодно для послѣднихъ. Мы не можемъ не сомнѣваться въ томъ, что среди многочисленныхъ неевропейскихъ народовъ найдется не мало такихъ, которые удачно выдержатъ борьбу съ европейцами, независимо отъ того, съумѣютъ ли они пойти по болѣе или менѣе своеобразному пути культуры, или же примкнутъ къ культурному направленію европейцевъ, или же, наконецъ, совершенно сольются съ послѣдними. Среди такихъ народовъ мы, конечно, прежде всего можемъ поименовать выносливыхъ и способныхъ негровъ, китайцевъ, японцевъ, тюркскія племена и другихъ. Болѣе слабые и неустойчивые элементы раньше или позже погибнутъ, подобно тому, какъ погибаютъ австралійцы, полинезійцы, индѣйцы и многіе другіе народы. Но на ряду съ вымираніемъ физическимъ, антрополога интересуетъ и психическое, духовное вымираніе народовъ, которое обыкновенно предшествуетъ физическому исчезновенію ихъ. Съ чрезвычайной энергіей Бастіанъ [4]) ука-

[1]) Sir Bartle Frere. On the laws affecting the Relations between civilized and savage Life etc. Journal of the Anthropological Institute, Vol. XI 1882, p. 313—352.

[2]) E. Petri. Neueres über die Jaknten. Petermanns Mitteilungen 1887. S. 102, 103.

[3]) Э. Петри, О народонаселеніи Сибири и т. д., стр. 272.

[4]) Bastian. Zur Vorgeschichte der Ethnologie etc. S. 64, 65. Bastian. Die Ethnologie und deren Aufgaben. Verhandlungen d. 1-ten deutschen Geographentages etc. S. 55.

зываетъ на этотъ процессъ, требуя, чтобы наблюдатели, въ виду вымиранія оригинальнаго мышленія и образа жизни дикарей, ускорили свои изслѣдованія.

Великія перемѣны должны совершиться въ духовной и умственной жизни культурныхъ народовъ и правовое сознаніе ихъ должно сдѣлать значительнѣйшіе успѣхи, прежде чѣмъ совершатся тѣ перемѣны въ судьбѣ инородцевъ, которыя могутъ зависѣть отъ доброй воли европейцевъ. Погибнутъ многіе милліоны этихъ народовъ, совершится множество ужасовъ и преступленій надъ болѣе слабыми собратьями, прежде чѣмъ это лучшее отношеніе къ нимъ вступитъ въ свои права.

Прямое истребленіе инородцевъ пріостановится, конечно, само собою съ успѣхами культуры. Губительныя послѣдствія, обусловливаемыя образомъ жизни дикарей, могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе; подобныя явленія могутъ, конечно, погубить то или другое племя, но они не въ состояніи будутъ надломить цѣлую народную группу. Роковою силою, силою, становящеюся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе опасною, являются психическія послѣдствія столкновенія туземцевъ съ европейцами: унизительныя отношенія культурнаго человѣка къ инородцамъ, сознаніе безвыходности своего положенія и та порочность, которая обыкновенно прививается вмѣстѣ съ цивилизаціей—все это явленія, надламывающія силы народовъ окончательно и препятствующія новому подъему, новому усиленію ихъ. Самое же главное затрудненіе для выживанія инородцевъ мы видимъ въ внезапномъ измѣненіи соціальныхъ условій ихъ быта, въ роковомъ результатѣ непосредственнаго столкновенія совершенно разнородныхъ культуръ.

Подобныя столкновенія, подобныя появленія совершенно новыхъ соціальныхъ силъ и понятій представляютъ крайнія затрудненія даже для культурныхъ народовъ, способныхъ къ самозащитѣ. Достаточно взглянуть на исторію европейской промышленности, въ особенности же на исторію борьбы индустріи съ ремесломъ, крупнаго капитала съ мелкимъ и т. д., чтобы ознакомиться съ роковыми, такъ сказать, обоюдоострыми послѣдствіями новыхъ изобрѣтеній, новыхъ способовъ обработки или же новыхъ отраслей промышленности, чтобы познать всю неизбѣжность и естественность гибели тѣхъ эле-

ментовъ, которые не могутъ соотвѣтствовать требованіямъ своего времени.

Несчетныя, безвѣстныя и безъименныя жертвы требуетъ это непрерывное преобразованіе соціальныхъ условій среди народовъ культурныхъ; дикари гибнутъ передъ этой силой безъ малѣйшаго сопротивленія. Въ средѣ народовъ культурныхъ рабочій классъ находится, въ сравненіи съ классами имущими, въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ, какъ по средней продолжительности жизни, такъ и по участію въ культурныхъ благахъ; еще въ болѣе высокой и болѣе губительной степени это относится къ дикарямъ.

Крайне медленно и лишь путемъ мучительной борьбы, человѣчество достигаетъ высшаго развитія. Но борьба эта не безплодна и тѣ яркія идеи, которыя составляютъ лучшее достояніе человѣчества и которыя мы соединяемъ подъ именемъ гуманности, ростутъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ и пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе силы.

Успѣхи этихъ идей ручаются намъ за то, что эгоистическіе, меркантильные интересы, въ которыхъ въ настоящее время выражается наше отношеніе къ дикарямъ, постепенно ослабнутъ и что мы въ концѣ концовъ получимъ возможность подать братскую руку помощи болѣе слабымъ сочленамъ человѣчества.

---

*

Глава VIII.

Вліяніе питанія на человѣка.

Физіологическое значеніе питанія.—Слѣды ученія Фейербаха въ современной антропологіи.—Къ какому роду пищи приспособленъ человѣческій организмъ.—Питаніе человѣкоподобныхъ обезьянъ.—Мясная и растительная пища.—Связь между питаніемъ и работою организма.—Вліяніе недостатка въ пищѣ на человѣка.—Вкусовыя вещества.—Алкоголь.—Табакъ, чай к кофе.—Соль.—Исканіе пищи и воспитательное значеніе этого исканія.

„Дѣтямъ природы нѣтъ числа. Ни къ одному изъ нихъ природа не остается безусловно скупою, но она имѣетъ своихъ любимцевъ, на которыхъ она много тратитъ и ради которыхъ она жертвуетъ многимъ“. Въ этихъ словахъ великаго Гёте вполнѣ отражается то отношеніе природы къ различнымъ народамъ, которое изучено было нами въ предшествующихъ двухъ главахъ.

Но мы все еще не выяснили вопроса о степени зависимости человѣка отъ природы. Изучимъ этотъ вопросъ послѣдовательно, начавъ съ болѣе элементарныхъ основъ его.

Подобно всякому организму, человѣкъ состоитъ изъ протоплазматическихъ клѣтокъ, въ данномъ случаѣ совершенно безчисленныхъ и многообразно дифференцированныхъ. Основнымъ жизненнымъ проявленіемъ клѣтки, будь она существомъ самостоятельнымъ, хотя бы и простѣйшимъ, или же вполнѣ зависимымъ сочленомъ сложнаго организма человѣка, является ассимиляція пищевыхъ веществъ. Этою ассимиляціею обусловливается жизнь, дальнѣйшее развитіе и размноженіе протоплазмы.

Какъ составныя части животной протоплазмы, мы, помимо воды и несгораемыхъ частицъ золы, среди которыхъ преобла-

даютъ соединенія калія, натрія, кальція съ фосфорною кислотою, сѣрной кислоты и хлора, должны указать на бѣлковыя вещества, на жиры, сахаристыя и крахмалистыя вещества, такъ называемыя углеводы. Эти вещества необходимы для построенія организма; онѣ содержатся въ соотвѣтствующей формѣ и смѣси въ крови; онѣ пересоздаются въ соотвѣтствующія органическія части изъ крови. Всѣ органы тѣла черпаютъ изъ крови матеріалы, необходимые для своего существованія и роста. Работа легкихъ, почекъ и кожи даютъ крови на извѣстный срокъ возможность выполнять свою роль безъ дальнѣйшаго притока матеріи, помимо кислорода. Но современемъ и притомъ въ зависимости отъ работы организма, наступаетъ истощеніе пищевыхъ запасовъ, содержащихся въ крови. Они должны быть вновь возобновлены въ интересахъ сохраненія жизни организма. Изъ пищи образуется кровь, изъ крови — ткани, мускулы, кости, хрящи, мозгъ и нервы, словомъ всѣ твердыя части тѣла. Исторія развитія пищи заключается, поэтому, прежде всего въ образованіи крови.

Эти физіологическія положенія какъ будто бы и оправдываютъ ученіе матеріалиста-философа Л. Фейербаха, девизомъ котораго была формула: „der Mensch ist, was er isst“, человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ. Никто изъ современныхъ физіологовъ или антропологовъ не явится нынѣ безусловнымъ сторонникомъ этого ученія. Тѣмъ удивительнѣе, однако, что въ нашей наукѣ продолжаютъ жить соображенія, какъ бы созданныя Фейербахомъ.

Изучая вопросъ о вліяніи пищи на человѣка, мы прежде всего наталкиваемся на то, повидимому, неоспоримое мнѣніе, что полинезійцы, индусы и другіе обитатели тропическихъ областей, потому такъ малосильны, малоэнергичны и такъ неустойчивы при столкновеніи съ европейцами, что они питаются исключительно растительною пищею. Съ другой стороны, намъ указываютъ на то, что племена охотничьи въ родѣ индѣйцевъ сѣверной Америки, отличаются физическою силою, энергіею, отвагою и вмѣстѣ съ тѣмъ кровожадностью вслѣдствіе того, что они питаются исключительно мясомъ. Ближайшее изученіе этихъ положеній указываетъ намъ на то, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ обобщеніями крайне поспѣшными.

При характеристикѣ народовъ, питающихся растительною пищею, мы необходимо должны принять во вниманіе, помимо вліянія пищи, и значеніе разслабляющаго тропическаго климата и вліяніе необычайно могучей природы, подавляющей человѣка не только своей роскошью и величавою красотою, но и своими ужасами, страшными землетрясеніями, изверженіями вулкановъ, обиліемъ хищныхъ или ядовитыхъ животныхъ и т. д. Необходимо далѣе имѣть въ виду и тѣ различныя требованія, которыя предъявляетъ природа къ человѣку: эти требованія, конечно, ничтожны среди щедрой тропической природы, тогда какъ суровая охотничья жизнь въ среднихъ широтахъ можетъ закалить человѣка и сама собою выдѣляетъ слабѣйшіе организмы, мало способные къ борьбѣ за существованіе. Самый родъ труда имѣетъ несомнѣнное вліяніе на народный характеръ. Мирныя, скромныя и правильныя занятія земледѣльца дѣлаютъ его человѣкомъ осторожнымъ, бережливымъ и боязливымъ, тогда какъ охота на дикихъ и опасныхъ животныхъ дѣлаетъ человѣка не только мужественнымъ, но и суровымъ и жестокимъ. Глубокіе слѣды оставляетъ въ характерѣ народовъ исторія ихъ. Поразительные примѣры пренебреженія этимъ положеніемъ мы встрѣчаемъ у Гекеля, когда онъ противупоставляетъ національный характеръ англичанъ, питающихся главнымъ образомъ мясомъ, пищею, богатою азотистыми веществами, характеру ирландцевъ, питающихся главнымъ образомъ безазотистою пищею, картофелемъ [1]). Вѣдь это значитъ совершенно упустить изъ виду не только общее недостаточное питаніе ирландцевъ, но и тяжкій психическій моментъ, лежащій въ вѣковомъ угнетеніи ихъ англичанами.

Не можемъ не сдѣлать еще нѣсколько корректуръ къ этому традиціональному недоразумѣнію: среди народовъ, питающихся растительною пищею, не мало индивидуумовъ, отличающихся крѣпкими нервами и ужасающей жестокостью. Вспомнимъ, напримѣръ, знаменитыхъ малайскихъ охотниковъ за тиграми въ джёнглахъ, маори въ Новой Зеландіи, закаленныхъ въ бояхъ съ европейцами и кровожадныхъ, не смотря на обычную растительную пищу свою, до такой сте-

---

[1]) Häckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte, S. 200.

пени, что они, при случаѣ, впадаютъ въ людоѣдство; вспомнимъ ужасы возстанія индусовъ, жестокости китайцевъ и т. д.

Не мѣшаетъ, наконецъ, обратить вниманіе на то, что относительное большинство народовъ, питающихся растеніями, въ тоже время пользуется, подобно нашимъ крестьянамъ, и рыбною и молочною пищею. Обитатели баварскихъ горъ, отличающіеся значительною физическою силою, ѣдятъ мясо развѣ только четыре раза въ годъ, въ самые большіе праздники. Но мучная пища ихъ приправлена невѣроятнымъ количествомъ жира; питаніе баварскихъ крестьянъ, состоящее изъ муки, сала и молока, отнюдь не бѣдно бѣлками; взрослые рабочіе получаютъ въ день въ среднемъ 152 грамма бѣлковъ [1]). Съ другой стороны, народы, которыхъ обыкновенно причисляютъ къ исключительно плотояднымъ, отнюдь не отказываютъ себѣ въ растительной пищѣ. Такъ Норденшёльдъ сообщаетъ относительно чукчей, что они поѣдаютъ „громаднѣйшее количество овощей и другихъ питательныхъ веществъ изъ растительнаго царства“. Главную роль въ данномъ случаѣ играютъ листья и отпрыски различныхъ растеній, какъ, напримѣръ, Salix, Rhodiola и др. Они очищаются и сохраняются въ мѣшкахъ изъ тюленьихъ шкуръ. Намѣренно ли или нѣтъ, но этой пищѣ даютъ за лѣто закиснуть. Зимою замороженная масса разрубается на кусочки и ѣстся вмѣстѣ съ мясомъ, подобно тому, какъ мы ѣдимъ хлѣбъ; иногда же изъ этихъ кусковъ варится нѣчто вродѣ супа. Такимъ же образомъ поѣдается содержимое желудка сѣвернаго оленя, лишаи и нѣкоторые виды корней, клубней и т. д. Лѣтомъ чукчи ѣдятъ множество сѣверныхъ ягодъ и набираютъ массу различныхъ растеній для сохраненія въ прокъ. По словамъ Норденшёльда чукчи питаются въ извѣстное время года растеніями въ большей степени, чѣмъ какой бы то ни было извѣстный ему народъ [2]).

Характерно для нашего вопроса, что даже такіе ученые, какъ Яковъ Молешоттъ, одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ по физіологіи питанія, приводитъ въ пользу своего мнѣнія объ ослабляющемъ вліяніи растительной пищи примѣръ знаменитаго Галлера, жаловавшагося на нерасположеніе къ ра-

[1]) Ranke. Der Mensch, B. I, S. 30 ff.

[2]) Nordenskiöld. Umsegelung Asiens und Europas etc., B. II, S. 108—109.

ботѣ и чувство лѣни, если ему приходилось нѣсколько дней подрядъ пробыть на одной растительной пищѣ [1]). Но у того же Молешотта мы находимъ ссылку на Вилермэ, по отзыву котораго солдаты, очутившись въ походѣ на непривычной для нихъ исключительно мясной пищѣ, заболѣваютъ поносами [2]).

Эти противорѣчія приводятъ насъ, очевидно, къ тому весьма естественному положенію, что человѣческій организмъ, подобно всякому другому организму, не переноситъ внезапныхъ переходовъ въ своемъ питаніи, а долженъ приспосабливаться постепенно ко всякому новому роду пищи.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о первоначальной формѣ питанія человѣка не рѣшается такъ легко, какъ это могло казаться на первый взглядъ. Если въ прежнія времена ученые съ увѣренностью говорили о томъ, что первобытный человѣкъ питался исключительно растительною пищею, то современные ученые не могутъ не высказываться съ большею осторожностью по этому поводу. „Едва ли мы ошибемся", говоритъ Рауберъ, „если скажемъ, что человѣкъ, подобно ближайшимъ сродичамъ своимъ въ животномъ мірѣ, не придерживался строго ни того, ни другаго рода пищи" [3]). Древнѣйшія свѣдѣнія наши о доисторическихъ вѣкахъ и объ индогерманцахъ указываютъ на то, что человѣкъ потреблялъ пищу мясную на ряду съ растительною. Современный первобытный человѣкъ не брезгаетъ ничѣмъ съѣдобнымъ.

Альфредъ Лортшъ разсказываетъ о современныхъ австралійцахъ, что они ѣдятъ, помимо сумчатыхъ животныхъ, всѣхъ птицъ, даже коршуновъ-стервятниковъ, угрей и рыбъ всякаго рода, летучихъ мышей, между прочимъ летучихъ собакъ, лягушекъ, ящерицъ, змѣй и червяковъ [4]). Подобный же перечень мы встрѣчаемъ у Георга Швейнфурта, который увѣряетъ, что негры бонго, за исключеніемъ собаки и человѣка, не упускаютъ ни одно животное пищевое вещество, даже змѣй, крысъ, коршуновъ-стервятниковъ, гіенъ, жирныхъ земля-

---

[1]) Jakob Moleschott. Der Kreislauf des Lebens, Giessen, Roth, V. Auflage 1887, B. I, S. 444.

[2]) Ibid, B. I, S. 444.

[3]) A. Rauber. Urgeschichte des Menschen, Leipzig, Vogel, 1884. B. I, S. 153.

[4]) Al. Lortsch. Ausland 1866, S. 700.

ныхъ скорпіоновъ, крылатыхъ термитовъ и отвратительныхъ паразитовъ-червяковъ изъ желудка рогатаго скота; какъ пріятную добычу, они привѣтствуютъ гніющіе остатки львинаго пира, когда коршуны, высоко кружащіеся надъ ними, указываютъ на присутствіе ихъ въ лѣсной чащѣ [1]). Приводя эти и многіе другіе примѣры, говорящіе о крайней неразборчивости человѣчества по части питательныхъ веществъ, Пешель [2]) прибавляетъ, что мы, европейцы, не имѣемъ права содрогаться передъ подобнымъ выборомъ пищи, „такъ какъ вѣдь мы сами не останавливаемся передъ остатками пищеваренія бекасовъ, передъ омарами и рѣчными раками, хотя послѣднимъ, для очищенія ихъ водяныхъ угодій, приходится выполнять службу и могилы и могильщика".

Человѣкоподобныя обезьяны, хотя и причисляются обыкновенно къ травояднымъ животнымъ, отнюдь не брезгаютъ животною пищею. Вотъ что собрано по этому поводу въ прекрасной монографіи Гартмана о человѣкоподобныхъ обезьянахъ: горилла поѣдаетъ умерщвленныхъ животныхъ и даже людей. Подобно большинству обезьянъ, она при случаѣ истребляетъ маленькихъ млекопитающихъ, птицъ и ихъ яйца, гадовъ, личинки. Лишенныя свободы, гориллы выказали себя въ Берлинѣ абсолютно всеядными животными; мясная пища, повидимому, доставляла имъ особенное удовольствіе [3]). Шимпанзе, повидимому, также не пренебрегаетъ, при случаѣ, животною пищею [4]). Относительно орангъ-утановъ нашему автору неизвѣстно, употребляютъ ли они животную пищу [5]). Соотвѣтствующія указанія относительно орангутановъ, лишенныхъ свободы, даетъ, однако, Бремъ [6]). Гиббоны, при случаѣ, ѣдятъ животныхъ, ящерицъ, личинки и т. д. [7]).

Относясь къ вопросу съ чисто физіологической точки зрѣнія, мы должны сознаться, что человѣческій организмъ, повидимому, приспособленъ къ смѣшанному роду пищи: зубы человѣка частью приспособлены къ размельченію зеренъ,

---

[1]) Schweinfurth. Im Herzen von Afrika, Leipzig, Brockhaus. B. I, S. 301.
[2]) Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 155 и далѣе.
[3]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 212.
[4]) Ibid, S. 221.
[5]) Ibid, S. 229.
[6]) Brehm. Illustrirtes Thierleben, Leipzig 1875, B. I, S. 23, 24.
[7]) Hartmann. S. 237.

частью къ разрыванію и раскусыванію пищи. Нижняя челюсть человѣка болѣе подвижна, чѣмъ у плотоядныхъ животныхъ, напримѣръ, у льва, у кошки, но она отнюдь не подвижна въ такой степени, какъ у быка и овцы; слюнныя железы человѣка, способствующія своимъ секретомъ обработкѣ и перевариванію пищи, далеко не достаточны для того, чтобы удовлетворить громадному запросу со стороны исключительно растительной пищи; точно также кишечный его трактъ не такъ длиненъ и желудокъ его слишкомъ простъ для того, чтобы достаточно продолжительно и интенсивно переработывать неподатливую растительную пищу. Кишечный трактъ овцы длиннѣе тѣла ея въ 28 разъ; кишечный трактъ человѣка длиннѣе тѣла его въ 6 разъ; желудковъ у жвачныхъ четыре, у человѣка одинъ [1]).

Растительная пища вызываетъ массовыя выдѣленія, которыя лишь въ незначительной части обусловливаются тѣмъ, что крахмалъ остается не резорбированнымъ. Главнымъ же образомъ они обусловливаются тѣмъ, что всѣ пищевыя вещества выдѣляются слишкомъ быстро [2]). Согласно изслѣдованіямъ Равитца, Бишофа, Густава Мейера, Фр. Гофмана и др., исключительно растительная пища вызываетъ массовыя выдѣленія веществъ, отнюдь не переваренныхъ окончательно. По изслѣдованіямъ Гофмана, при питаніи чечевицею, хлѣбомъ, картофелемъ и пивомъ, выдѣляется въ четыре раза болѣе массъ, чѣмъ при питаніи однимъ мясомъ [3]). Вещества, находимыя въ выдѣленіяхъ, могли бы быть по большей части переварены, если бы на ряду съ необходимою массою соковъ, имъ дано было необходимое время для перевариванія. При картофелѣ, кудрявой капустѣ, моркови и черномъ хлѣбѣ въ выдѣленіяхъ находили болѣе крахмала, чѣмъ при бѣломъ хлѣбѣ; отъ 8 до 18 проц. крахмала покидало тѣло, не принося ему никакой пользы [4]). Человѣкъ не въ состояніи растворить крѣпкую клѣтчатку, которая обле-

---

[1]) J. Moleschott. Kreislauf des Lebens, B. I, S. 452. ff.

[2]) C. v. Voit. Physiologie des allgemeinen Stoffwechsels und der Ernährung, Handbuch der Physiologie, herausgegeben von Hermann, Leipzig, Vogel, B. VI, Th. I, 1881, S, 484.

[3]) Moleschott. Kreislauf des Lebens, B. I, S. 449 ff.

[4]) Voit. S. 485.

каетъ пищевыя вещества. У травоядныхъ растительныя вещества держатся иногда въ кишечномъ каналѣ въ продолженіи недѣли; тѣмъ не менѣе, эти животныя теряютъ зачастую до $^1/_3$ корма непроизводительно и почти не переработавъ его [1]).

Наши травоядныя животныя перевариваютъ свою пищу и днемъ и ночью; тонкія кишки ихъ никогда не бываютъ пустыми, тогда какъ у плотоядныхъ, принявшихъ кормъ на 24 часа, онѣ пусты уже черезъ 10 часовъ [2]).

Весьма ясно, что растительная пища, какъ менѣе производительная, должна быть воспринимаема въ большомъ количествѣ для того, чтобы удовлетворять потребностямъ организма.

На поддержаніе каждыхъ 1.000 киллограммъ быка требуется ежедневно 14 килограммъ твердыхъ веществъ, на тысячи килограммъ собаки только 8 килограммъ. Но къ болѣе значительному вѣсу присоединяется въ данномъ случаѣ и несравненно большій объемъ [3]).

До извѣстной степени крайности питанія могутъ сглаживаться образомъ жизни: охотничій промыселъ и исключительно мясная пища вполнѣ подходятъ другъ къ другу, такъ какъ большая подвижность ведетъ къ ускоренному обмѣну веществъ и требуетъ быстрой замѣны ихъ. Въ общемъ пищеварительныя способности человѣка замѣчательно крѣпнутъ при тѣлесныхъ упражненіямъ подъ открытымъ небомъ, поэтому сельскіе рабочіе въ состояніи совладать съ неудобоваримою растительною пищею. Питаніе стоитъ въ непосредственной связи съ работою тѣла, которая въ свою очередь зависитъ какъ отъ условій климатическихъ, такъ и отъ непосредственнаго труда. Но къ этому вопросу мы еще вернемся въ слѣдующей главѣ, когда разсмотримъ соотношеніе между питаніемъ человѣка и климатомъ.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что самая соотвѣтствующая пища для человѣка—пища смѣшанная; несомнѣнно также, что продолжительное употребленіе несоотвѣтствующей пищи должно, въ виду своей ненормальности, оказать на человѣка извѣстное неблагопріятное дѣйствіе.

---

[1]) Voit, S. 481.
[2]) Moleschott, S. 451.
[3]) Voit, S. 486.

Мясная пища, какъ болѣе скоро перевариваемая, придаетъ человѣку болѣе жизненной энергіи и силы, чѣмъ медленно перевариваемая растительная пища. Воинственные масаи ужъ за мѣсяцъ предъ походомъ начинаютъ набивать себя мясомъ, въ полной увѣренности, что они „накапливаютъ такимъ образомъ запасъ мышечной силы и дикости самаго перваго разряда“ [1]).

Но вѣдь человѣчеству отнюдь не вездѣ представляется возможность добывать себѣ пищу въ необходимой смѣси или слѣдовать при выборѣ ея разумнымъ требованіямъ гигіены. Однако же отсутствіе или недостатокъ пищи является чрезвычайно важнымъ факторомъ въ исторіи человѣчества.

Подобно всѣмъ теплокровнымъ, человѣкъ переноситъ голодъ несравненно хуже, чѣмъ низшія холоднокровныя позвоночныя и многія безпозвоночныя. Черепахи могутъ просуществовать цѣлые годы одною колодезною водою. Здоровые люди выносятъ обыкновенно голодъ и жажду не болѣе одной недѣли, рѣже—болѣе двухъ недѣль. Больные и въ особенности умалишенные держатся несравненно долѣе. Жажда переносится гораздо хуже голода. Необходимо имѣть въ виду далѣе то, что голодовка отражается тѣмъ сильнѣе на организмѣ, чѣмъ напряженнѣе его работа, а между тѣмъ мы уже выше указывали [2]) на то, что обѣднѣніе дикарей заурядъ сопряжено съ непомѣрною затратою усилій, дѣлаемыхъ ими для того, чтобы поддержать свое существованіе.

Отдѣльные случаи чрезвычайно продолжительнаго выживанія голодающихъ, а еще болѣе того поразительные голодовки по 40 дней ради опыта объясняются не только физическою выносливостью данныхъ организмовъ и абсолютнымъ покоемъ, въ которомъ они находились, но и психическими особенностями ихъ. Чѣмъ увѣреннѣе субъектъ въ благополучномъ исходѣ своей голодовки, тѣмъ легче онъ переноситъ ее. „Боязнь передъ голодной смертью“, говоритъ физіологъ Ранке, „болѣе разрушаетъ тѣло, чѣмъ самый голодъ“ [3]).

Несомнѣнно, что эти психическіе моменты играютъ страшную роль въ жизни народовъ, доведенныхъ до крайняго обѣд-

---

[1]) J. Thomson. Durch Massailand, Leipzig, Brockhaus 1885, S. 384, 387.

[2]) См. выше стр. 150.

[3]) Ranke. Der Mensch, B. I, S. 309.

нѣнія и до крайней безнадежности. Къ тому же, вѣдь, питаніе должно служить не только для поддержки жизни, но и для правильнаго развитія всѣхъ задатковъ, лежащихъ въ данномъ организмѣ и обезпечивающихъ ему ту жизненную роль, на которую онъ имѣетъ право по природѣ своей. Поэтому то нельзя не считать величайшимъ несчастьемъ то полуголодное состояніе, которому подвержены не только многія дикія племена, но и не незначительная доля народонаселенія культурныхъ государствъ.

Недостаточное питаніе приводитъ цѣлые народы къ ослабленію, истощенію и захирѣнію. Австралійскіе дикари, въ особенности прибрежные, крайне худы, слабосильны, малы ростомъ, руки и ноги ихъ дряблы, животы большіе и отвислые; эти животы растягиваются и вспучиваются массою неперевариваемой пищи, которою эти несчастные набиваютъ себя, чтобы утолить свой голодъ. При сколько нибудь лучшихъ условіяхъ эти австралійцы чрезвычайно быстро выравниваются и пріобрѣтаютъ фигуру красивую и стройную даже на вкусъ европейца [1]). Осѣдлые арабы въ Гаурани отличаются крѣпкимъ сложеніемъ, тучностью и роскошными бородами, тогда какъ кочующіе собратья ихъ, бедуины—тонкимъ сложеніемъ и рѣдкою бородою [2]). Не даромъ у сѣверо-африканскихъ арабовъ аристократы сравниваются съ финиковой пальмой, а простой народъ съ терновникомъ. На группѣ Фиджи, да и на другихъ островахъ Океаніи аристократы на столько отличаются по росту своему, по физической силѣ и красотѣ отъ простого народа, что они кажутся принадлежащими къ совершенно различнымъ племенамъ [3]). Загнанные и забитые маленькіе негритосы на Филиппинскихъ и Андаманскихъ островахъ и на Малакскомъ полуостровѣ считаются ближайшими родственниками папуасскихъ великановъ красавцевъ на Новой Гвинеѣ. Фритшъ указываетъ на то, что шесть кафровъ изъ семьи вождя имѣли въ среднемъ ростъ въ 1.830 мил., слѣдовательно они были на 110 мил. выше обыденныхъ южноафриканскихъ банту. Замѣчательно малый ростъ бушменовъ на южной окраинѣ пустыни Калагари точно также можетъ

---

[1]) Hartmann, S. 81.

[2]) Burkhardt. Reisen in Syrien, Weimar 1823, B. I, S. 456.

[3]) Darwin. Abstammung des Menschen etc., S. 31.

быть приписанъ плохому питанію, такъ какъ Чапманъ нашелъ, что на сѣверѣ, гдѣ больше дичи, бушмены бо̀льшаго роста, а физически родственные имъ кой-койнъ или готтентотты превосходятъ ихъ ростомъ можетъ быть только потому, что они пастухи, а не охотники [1]).

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ вырожденіе человѣчества обусловливается, конечно, не однимъ только недостаткомъ пищи, но и множествомъ другихъ причинъ. Но во всякомъ случаѣ, недостаточное питаніе является однимъ изъ рѣшающихъ и основныхъ мотивовъ въ жизни человѣчества.

На ряду съ пищевыми веществами существуетъ, однако, длинный рядъ веществъ, не имѣющихъ почти прямой питательной цѣнности, но тѣмъ не менѣе, потребляемыхъ человѣкомъ въ пищу и зачастую даже предпочитаемыхъ самымъ разумнымъ питательнымъ веществамъ. Это такъ называемыя вкусовыя вещества, роль которыхъ, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что они приводятъ нервную систему въ состояніе пріятнаго раздраженія. Сюда относятся алкоголическіе напитки, опіумъ, гашишъ, табакъ, чай, кофе, какао, различныя пряности и т. д. Всѣ перечисленныя вещества употребляются не ради того, чтобы способствовать поддержанію тѣла своимъ разложеніемъ, но лишь благодаря своему вліянію на нервные аппараты. Эффектъ умѣренной дозы алкоголя, кофе или чая довольно удачно сравнивается съ дѣйствіемъ бича, который подгоняетъ лошадь къ усиленной работѣ, не придавая ей новыхъ силъ, или же съ дѣйствіемъ масла, которое вливается въ извѣстныя части машины и облегчаетъ ходъ ея, уменьшая треніе [2]). Такъ называемое укрѣпляющее значеніе этихъ веществъ не зависитъ отъ того, что они увеличиваютъ матеріалъ тѣла или же сберегаютъ его, напротивъ того, они прежде всего вліяютъ на нервы; полезнымъ результатомъ этого въ большинствѣ случаевъ можно считать то, „что они повышаютъ сознаніе силы и благодаря этому способность къ работѣ и самую работу“ [3]). Вліяніе вкусовыхъ веществъ не ограничивается, однако, благопріятнымъ

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 78.

[2]) J. Forster. Ernährung und Nahrungsmittel, Handbuch der Hygiene und Gewerbekrankheiten, Leipzig, Vogel, B. I. Abth. 1. 1882, S. 90.

[3]) J. Forster, S. 90.

возбуждающимъ дѣйствіемъ ихъ на общее состояніе человѣка, вліяя на вкусовые нервы и нервы питательнаго тракта многіе изъ нихъ пріохочиваютъ человѣка къ воспринятію пищи. Съ этой точки зрѣнія, пряности напр. нельзя считать роскошью, такъ какъ усиливая полезность воспринятой пищи, они имѣютъ свою „реальную цѣну“ [1]). Молешоттъ заходитъ даже такъ далеко, что приводитъ возрастаніе потребленія вкусовыхъ веществъ за послѣднее время въ непосредственную связь съ успѣхами культуры [2]). Постоянное умственное напряженіе чрезвычайно вредно отзывается на пищевареніи; лучшимъ пособіемъ для усиленія пищеваренія являются вкусовыя вещества; отсюда—повышенное потребленіе вкусовыхъ веществъ съ повышеніемъ культуры. Нечего и говорить, что культурный уровень низшихъ слоевъ европейскихъ народовъ едва ли оправдываетъ необычайно быстрое возрастаніе потребленія вкусовыхъ веществъ среди нихъ, тогда какъ это возрастаніе весьма просто объясняется большею доступностью данныхъ веществъ въ виду крайняго удешевленія ихъ.

Среди всѣхъ вкусовыхъ веществъ наибольшимъ значеніемъ пользуется алкоголь. Физіологическая роль этого столь распространеннаго вещества, повидимому такова, что въ малыхъ дозахъ оно возбуждаетъ аппетитъ, въ большихъ же задерживаетъ обмѣнъ веществъ. Опыты Шарлинга и Фирордта свидѣтельствуютъ о томъ, что алкоголь понижаетъ количество углекислоты выдыхаемой человѣкомъ [3]). При большихъ дозахъ алкоголя количество углекислоты увеличивается [4]). По Бёкеру, Гаммону, Смису и Морво алкоголь уменьшаетъ выдѣленіе мочевины, по Морво, даже и мочевой кислоты [5]). Уменьшая потерю самыхъ важныхъ выдѣленій,—углекислоты, мочевины и мочевой кислоты,—алкоголь умѣряетъ обмѣнъ веществъ. Вслѣдствіе этого алкоголь до извѣстной степени можетъ явиться сохранителемъ матеріи при временномъ голодованіи [6]), при усиленной физической работѣ, при холодной

---

[1]) Ranke. Der Mensch, B. I, S. 33.
[2]) J. Moleschott. Der Kreislauf des Lebens, B. I, S. 73 ff.
[3]) Moleschott, l. c., S. 462.
[4]) J. Forster, l. c., S. 88.
[5]) Moleschott, l. c., S. 462 ff.
[6]) J. Forster, l. c., S. 90, 91.

температурѣ, при которой дыханіе становится чаще и глубже, слѣдовательно обмѣнъ веществъ усиливается. Надобно сказать, что это благодатное свойство алкоголя извѣстно не только физіологамъ, но и простымъ смертнымъ. Въ древней Мехикѣ употребленіе алкоголя было запрещено подъ страхомъ строгаго наказанія; лишь старцамъ дозволено было пить алкоголическіе напитки, которые мехиканцы со свойственнымъ имъ юморомъ, называли „молокомъ старцевъ". Дѣйствительно, по мнѣнію современнаго физіолога, вино въ убѣжищахъ для старцевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ молоко въ пріютахъ для младенцевъ [1]). Но сберегая матерію, алкоголь, конечно, не возобновляетъ ее, и никоимъ образомъ не можетъ замѣнить потребную для организма пищу.

Какъ бы то ни было, но на практикѣ приходится иногда дѣлать удивительныя уступки по части употребленія спиртныхъ напитковъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, директоръ швейцарскаго статистическаго бюро, докторъ Милье въ своей работѣ „Zur Alkoholfrage", послужившей матеріаломъ для изданія законовъ противъ непомѣрнаго употребленія алкоголя: „Ненормальныя общественныя условія и между ними прежде всего недостаточное въ качественномъ и количественномъ отношеніи питаніе и извѣстные неблагопріятные роды занятій могутъ, не смотря на все, сдѣлать водку необходимою потребностью, необходимою тѣмъ болѣе, что другіе напитки, какъ вода, чай, кофе, повидимому лишены тѣхъ физіологическихъ условій, которыя производятъ дѣйствіе подобное водкѣ. Благодаря исторіи развитія нашихъ общественныхъ порядковъ, въ особенности же благодаря развитію индустріализма, эти ненормальныя условія стали настолько нормальными, что въ настоящее время едва ли возможно толковать объ абсолютномъ и общемъ осужденіи водки" [2]).

Но для антрополога имѣетъ громадное значеніе и губительная сторона употребленія алкоголя. Всѣмъ намъ, конечно, извѣстно, что алкоголь въ корнѣ подсѣкаетъ самые крѣпкіе народные организмы, что онъ ведетъ къ имущественному, физическому и нравственному разрушенію, къ увели-

---

[1]) Moleschott, l. c., S. 468.

[2]) Zur Alkoholfrage. Vergleichende Darstellung der Gesetze und Erfahrungen einiger ausländischer Staaten, Bern, Stämpfli 1884, S. 626, 627.

ченію болѣзненности, смертности, къ самоубійству, увеличенію числа душевныхъ заболѣваній и преступленій; наконецъ, послѣдствія алкоголизма передаются роковымъ образомъ по наслѣдству, являясь почвою для многочисленныхъ ненормальностей въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ [1]). Таково вліяніе алкоголизма среди цивилизованныхъ людей, сдерживаемыхъ до извѣстной степени своей культурой, твердо установленными нравственными правилами и общественными законами.

Среди народовъ некультурныхъ вліяніе „огненной воды" по меньшей мѣрѣ ужасно. Распространеніе ея среди дикарей величайшее преступленіе со стороны европейцевъ. Мы видѣли уже, какъ страшно отразилось вліяніе алкоголя на дикаряхъ и какъ тщетны были усилія нѣкоторыхъ малокультурныхъ народовъ оградить себя отъ ввоза водки [2]).

Намъ говорятъ: дикарь пьетъ очень мало, и это дѣйствительно фактъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждому изъ насъ извѣстно, что человѣческій организмъ крайне легко приспособляется къ постоянному истребленію значительныхъ массъ алкоголя, тогда какъ чѣмъ непривычнѣе организмъ къ этому напитку, тѣмъ интензивнѣе отравленіе его, тѣмъ ужаснѣе послѣдствія алкоголизма. Въ виду трудности добыть алкоголь, цѣна его непомѣрно высока, къ тому же качество его ужасно и въ полномъ смыслѣ слова губительно для здоровья. Извѣстно, что нашихъ инородцевъ опаиваютъ водкою, настоянною на махоркѣ, чтобы усилить ея одуряющее вліяніе. Дикарь пьетъ, подобно нашему крестьянину [3]), относительно говоря, не много и рѣдко, но онъ пьетъ для того, чтобы опьянѣть. Въ этомъ то и заключается роковая сторона алкоголизма для народовъ, которыхъ никакъ нельзя обвинить въ значительномъ потребленіи алкоголя.

---

[1]) Извѣстно, какую роль играетъ алкоголизмъ родителей въ преступныхъ наклонностяхъ дѣтей по воззрѣніямъ школы Ломброзо. См. C. Lombroso. Der Verbrecher, Hamburg, Richter 1887, S. 130. Весьма цѣнныя указанія по части вліянія алкоголизма на населеніе Швейцаріи даетъ оффиціальное „Botschaft des Bundesrathes an die hohe Bundesversammlung, betreffend die Alkoholfrage. Bern, Stämpfli 1884. Для прочихъ странъ сравни цитированный сборникъ, „Zur Alkoholfrage", изданный подъ редакціей Милье.

[2]) Смотри выше, стр. 141, 158.

[3]) А. Кошелевъ. Земство, 1881 г., № 46, 47, 48. Dr. A. Baer. Der Alkoholismus, S. 210, 211.

На ряду съ алкоголемъ человѣчество употребляетъ массу другихъ вкусовыхъ веществъ. Еще въ пятидесятыхъ годахъ извѣстный химикъ и путешественникъ Бибра писалъ: „Настой изъ листьевъ кофе пьютъ 2 милліона человѣкъ. Чай парагвайскій или мате 10 милліоновъ. Столько же потребителей имѣетъ какао. Цикорій пьютъ въ чистомъ видѣ или смѣшаннымъ съ кофе 40 милліоновъ. 50 милліоновъ употребляютъ какао въ видѣ шоколада или же въ другой формѣ. Кофе пьютъ 100 милліоновъ и столько же милліоновъ жуютъ бетель или его суррогаты. 300 милліоновъ ѣдятъ и курятъ гашишъ, 400 милліоновъ опіумъ. 500 милліоновъ пьютъ китайскій чай. Наконецъ, всѣ извѣстные народы міра преданы употребленію табаку, большею частью курятъ его, или же нюхаютъ и жуютъ. Нѣтъ такой страны на землѣ, человѣческіе обитатели которой не пользовались бы какими нибудь наркотическими вкусовыми веществами“ [1]).

Намъ нечего останавливаться на явно вредоносныхъ веществахъ въ родѣ губительнаго опіума или не менѣе опаснаго гашиша, добываемаго изъ Cannabis indica, болѣе богатой алколоидомъ канабиномъ, чѣмъ наша конопля. Наши сибирскіе инородцы пьютъ одуряющій настой изъ мухомора, содержащаго ядовитый мускаринъ. Поразительна та быстрота, съ которою табакъ завоевалъ весь міръ. „То, что варварскій обычай индѣйцевъ“, говоритъ остроумный Генъ, „могъ перейти отъ краснокожихъ къ бѣлымъ, желтымъ и чернымъ людямъ и у всѣхъ пустить столь глубокіе корни, является фактомъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься“ [2]). Нельзя, однако, идеализировать до такой степени вліяніе табака, какъ это дѣлаетъ Генъ, цитируя „тонкое“, по его мнѣнію, замѣчаніе Мольтке, по которому трубку нужно считать волшебнымъ жезломъ, превратившимъ тюрковъ изъ одной изъ самыхъ буйныхъ народностей въ одну изъ самыхъ спокойныхъ [3]). Спрашивается, однако, почему же волшебный жезлъ-трубка не подѣйствовала въ томъ же духѣ на индѣйцевъ, пустившихъ

---

[1]) E. v. Bibra. Die narkotischen Genussmittel und der Mensch, Nürnberg, 1855, S. V.

[2]) V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere. Berlin, Bornträger, 4. Aufl., 1883, S. 423, 424.

[3]) v. Hehn, l. c., S. 504.

ее въ ходъ, и неужели же современные, столь спокойные, османы могутъ считаться дѣйствительными потомками древнихъ тюрковъ, прославившихся своимъ безпокойнымъ характеромъ. Что куреніе можетъ быть доведено до губительнаго порока, показываютъ намъ страстные курильщики дикари, докуривающіеся до опьяненія [1]). Въ обычной дозѣ и при соотвѣтствующей привычкѣ къ данному яду, никотину, табакъ можетъ дѣйствовать какъ пріятное возбуждающее средство.

Несравненно затруднительнѣе изучить вліяніе чая и кофе на человѣка. Эти два вещества въ громадномъ количествѣ потребляются народами востока и чрезвычайно быстро распространяются по странамъ культурнымъ. Достаточно того, что кофе, являющійся въ настоящее время насущной потребностью нѣмецкаго крестьянина, былъ еще въ XVII столѣтіи неизвѣстенъ богатѣйшимъ людямъ этой страны, какъ обыденный предметъ питанія.

Какъ извѣстно, Бёкль придаетъ въ своей знаменитой Исторіи Цивилизаціи Англіи великое значеніе подобнымъ вкусовымъ веществамъ. Полемизируя противъ Бёкля, Пешель указываетъ на то, что „величайшія изобрѣтенія человѣчества, картинное и звуковое письмо, дѣленіе времени, мѣры и вѣсъ, опредѣленіе значенія цифры по мѣсту древнѣе нашего знакомства съ наркотическими и вкусовыми веществами; какую либо заслугу въ данномъ случаѣ можно было бы приписать развѣ только вину. Представленіе о богѣ мозаизма, дуализмъ Зороастра, христіанство и исламъ, индійскій міръ преданій и философіи — все это явилось на свѣтъ безъ наркотическаго содѣйствія. Чай не былъ извѣстенъ столь богатому изобрѣтеніями древнему Китаю, слѣдовательно, Китаю трехъ первыхъ династій. Коперникъ пришелъ къ своей системѣ, Галлилей обосновалъ ее, а Кеплеръ доказалъ ее своими законами безъ того, чтобы они знакомы были съ кофеемъ, хотя бы по наслышкѣ“ [2]). Едва ли не удачнѣе было бы привести противъ предполагаемаго вели-

---

[1]) По описанію Новицкаго, остякъ, глотая табачный дымъ, „такъ онымъ поражается, яко все трепеща трясется, блѣднѣетъ; иногда падаетъ аки нейстоствомъ и черпою пораженъ немощью, донележе прійде въ себѣ. Обаче же за искуснѣйшее и полезнѣйшее себѣ содержитъ врачеваніе“. Новицкій. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, С.-Петербургъ, 1884, изданіе Л. Майкова, стр. 36.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 163, 164.

*

каго значенія этихъ веществъ то, что при постоянномъ ихъ употребленіи воспріимчивость организма къ нимъ притупляется въ самой выраженной степени, и что, съ другой стороны, множество кочевниковъ-монголовъ, издавна пользующихся этимъ культурнымъ стимуломъ, пока еще не отличились ничѣмъ выдающимся.

Къ тому же физіологическое значеніе этихъ веществъ далеко еще не выяснено; его можно свести, выражаясь словами знаменитыхъ формакологовъ и клиницистовъ Нотнагеля и Россбаха, развѣ только къ тому, что „главное значеніе чая и кофе нужно искать въ ихъ благотворномъ и пріятно-возбуждающемъ вліяніи на нервную систему“ [1]). Вліяніе ихъ на мозговую дѣятельность не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя и не извѣстно, какія измѣненія производятъ чай и кофе въ мозгу [2]). Извѣстное сравненіе Либиха чая и кофе съ бульономъ лишено всякаго основанія [3]).

Физіологіей установлено далѣе, что чай и кофе сами по себѣ, безъ прибавки другихъ веществъ и на пустой желудокъ, дѣйствуютъ раздражающимъ и разрушающимъ образомъ. Питательными веществами они становятся лишь по прибавкѣ къ нимъ сахару, молока, рому и т. п. [4]). Извѣстно, что многія особенности нашего нервнаго вѣка, а съ другой стороны и гуманная оппозиція нѣкоторыхъ англійскихъ духовныхъ лицъ противъ чайныхъ для пролетаріата основаны были именно на этихъ особенностяхъ физіологическаго вліянія чая и кофе. Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятнымъ, какимъ образомъ наши азіатскіе кочевники могутъ истреблять безнаказанно положительно непомѣрныя количества чая. „Къ чаю“, говоритъ нашъ знаменитый покойный путешественникъ Пржевальскій, „монголы пристрастились до того, что безъ него ни одинъ номадъ, ни мужчина, ни женщина, не могутъ существовать и нѣсколькихъ сутокъ. Цѣлый день съ утра до вечера въ каждой юртѣ на очагѣ стоитъ котелъ съ чаемъ, который безпрестанно пьютъ всѣ члены семьи; этотъ же чай

[1]) Nothnagel und Rossbach. Handbuch der Arzneimittellehre, IV. Auflage, 1880, S. 620.

[2]) Moleschott, S. 470.

[3]) Moleschott, S. 469.

[4]) Germainsée. Lehre vom Stoffwechsel und von der Ernährung, deutsch von Salomon, Leipzig, 1888, S. 118,

составляетъ первое угощеніе всякаго гостя [1]). Ради чая монголы даютъ себя эксплуатировать китайцамъ; за пастьбу монголъ получаетъ кирпичъ чаю въ мѣсяцъ [2]); за два кирпича чаю монголъ продаетъ свою малолѣтнюю дочь безнравственному китайцу [3]). Вода, въ которой варится этотъ чай, обыкновенно соленая или же къ ней нарочно прибавляется соль; въ эту воду кидается горсть раскрошеннаго или толченнаго кирпичнаго чая, сюда же прибавляется нѣсколько чашекъ молока. Въ такомъ видѣ чай служитъ только для питья. „Для болѣе же существенной ѣды монголъ сыплетъ въ свою чашку съ чаемъ сухое жаренное просо и, наконецъ, въ довершеніе всей прелести, кладетъ туда масло или сырой курдючный жиръ“ [4]).

Большею или меньшею популярностью пользуются и другія вкусовыя вещества, какъ тѣ прянности, дѣятельная составная часть которыхъ, эфирное масло, напримѣръ, гвоздика, перецъ, анисъ, ваниль, корица, мускатный орѣхъ и т. п., такъ и прянности, дѣятельная составная часть которыхъ аллиловое масло, напримѣръ, горчица, чеснокъ и т. д. Главное значеніе этихъ прянностей — служить подспорьемъ для дѣятельности питательнаго тракта. О томъ, какъ высоко человѣчество цѣнитъ эти прянности, намъ свидѣтельствуетъ колонизаціонная исторія европейцевъ, столь долго боровшихся изъ-за монополіи на прянности. Обладаніе прянностями обезпечивало въ свое время могущество португальцевъ и голландцевъ; прянности служили, такъ сказать, географическою приманкою для европейцевъ и въ поискахъ своихъ за путемъ, ведущимъ въ область прянностей, испанцы случайно открыли Америку. У дикихъ народовъ прянности цѣнятся такъ высоко, что могутъ служить размѣнной монетой. Такъ, на Юкатанѣ и въ Мехикѣ бобы какао ходили, какъ деньги; тоже сообщается относительно области рѣки Амазонки, гдѣ такимъ же значеніемъ пользовалась ваниль, сарсапарилль и проч. Въ Абиссиніи употреблялся черный перецъ [5]).

---

[1]) Н. Пржевальскій, Монголія и страна тангутовъ. С.-Петербургъ, 1875. Т. I, стр. 36.

[2]) Я. П. Дуброва. Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Географ. Общества, т. XVI, № 1—3, 1885, стр. 56, 57.

[3]) Дуброва, № 516, стр. 28.

[4]) Пржевальскій, Монголія и т. д., т. I, стр. 36.

[5]) E. Petri. Verkehr und Handel, S. 21.

Не можемъ не коснуться въ концѣ концовъ такой важной приправы, какъ поваренной соли, являющейся въ крови самой главной изъ ея неорганическихъ составныхъ частей. Соль имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для пищеваренія, какъ вещество, ускоряющее переработку бѣлковъ (Леманъ и Фрерихсъ), въ виду увеличенія выдѣленій слюнныхъ желѣзъ и желудочнаго сока (Барделебенъ и Фрерихсъ); усиленные пріемы соли ведутъ къ увеличенію числа кровяныхъ тѣлецъ, къ уменьшенію воды, чѣмъ обусловливается въ данномъ случаѣ усиленная жажда при соленой пищѣ, равно какъ и къ уменьшенію фибрина. Наконецъ, соль можно считать образователемъ хрящей [1]). Если излишекъ соли, какъ извѣстно, убиваетъ самыхъ сильныхъ животныхъ [2]), то съ другой стороны, недостатокъ соли вызываетъ разстройство питанія и увеличиваетъ выдѣленіе мочевины приблизительно на $^1/_6$ противъ обыденнаго количества [3]).

Тѣмъ удивительнѣе, что въ антропологіяхъ фигурируетъ не мало народовъ, незнакомыхъ съ солью. Какъ таковыхъ, Пешель, напримѣръ, перечисляетъ австралійцевъ, папуасцевъ, многіе малайскіе народы, бушменовъ и готтентоттовъ, айносовъ, чукчей, эскимосовъ, индѣйцевъ Костарики [4]). Тоже самое разсказываетъ Томсонъ о масаяхъ [5]). Съ другой стороны, народы, могущіе получить соль, хотя бы за цѣну чрезвычайно высокую, всѣмъ жертвуетъ, лишь бы добыть ее. Характерно то, что соль также является размѣнной монетой для многихъ народовъ. На рѣкѣ Огове фаны платятъ за женъ своихъ солью. Ибнъ Батута (XIV ст.) разсказываетъ о томъ, что къ югу отъ Марокко, въ Сахарѣ, какъ размѣнная монета употреблялись кирпичи изъ соли. Соль является размѣнной, хотя и необязательной монетой въ Абиссиніи. Киссама въ Анголѣ употребляютъ соль съ этой же цѣлью и притомъ рубятъ ее брусками и обвиваютъ тростникомъ такимъ же образомъ, какъ абиссинцы [6]). Въ негрскихъ госу-

---

[1]) Moleschott, l. c., S. 429. 428.
[2]) Ibid, S. 432.
[3]) Ibid, S. 430.
[4]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 168.
[5]) Thomson. Durch Massailand, S. 384.
[6]) E. Petri. Verkehr und Handel, S. 21.

дарствахъ Судана нѣтъ каменной соли, она привозится изъ Сахары караванами; негры между Гамбіей и Нигеромъ сосутъ куски соли съ такой же жадностью, какъ наши дѣти сладости. О людяхъ богатыхъ говорятъ тамъ, что они ѣдятъ соль къ столу [1]). Докторъ Вольфъ разсказываетъ о томъ, что дѣвушки племени балуба съ отвращеніемъ выплевывали сахаръ, но охотно лакомились солью [2]). Изслѣдователямъ необходимо, впрочемъ, обращать вниманіе на то, не замѣняется ли соль какимъ либо суррогатомъ. Такъ, напримѣръ, путешественники указываютъ на то, что въ области Ориноко богатая селитрой зола растеній замѣняла соль (Гумилья); тоже разсказывается объ области рѣкъ Огове (Ленцъ) и Конго (Стенлей) [3]).

О выборѣ пищи и о способѣ ея приготовленія мы не можемъ здѣсь говорить, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы стремимся лишь къ тому, чтобы выяснить основные принципы вліянія питанія на человѣка. Объ антропофогіи мы говорили уже выше [4]).

Перейдемъ теперь отъ непосредственнаго физіологическаго вліянія пищи къ вліянію косвенному, имѣющему отнюдь не меньшее значеніе въ исторіи народовъ.

Мы назвали исканіе пищи основною органическою потребностью человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что стремленіе къ удовлетворенію этой потребности должно повести къ обширному и сложному ряду послѣдствій. Оно должно явиться основой для цѣлаго ряда выдающихся соціальныхъ преобразованій въ человѣчествѣ.

Тамъ, гдѣ человѣчеству изо-дня въ день приходится бороться съ неотступною нуждою, тамъ оно изнемогаетъ; тамъ нечего искать культурнаго подъема. Народъ, попавшій въ такое безвыходное положеніе, либо остается на низкой ступени, либо же быстро опускается, теряя свое культурное достояніе. Съ другой стороны, постоянный избытокъ дѣлаетъ человѣка безпечнымъ и вялымъ; народы, находящіеся въ

---

[1]) Mungo Park. Reisen im Innern von Afrika, Berlin 1799, S. 250.

[2]) Wissmann, Wolf, Francois, H. Müller. Im Innern Afrikas. Die Erforschung des Kassai. Leipzig, Brockhaus. 1888, S. 86.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 169.

[4]) См. выше, стр. 132 и далѣе.

слишкомъ счастливомъ состоянiи, лишены энергiи и всякаго позыва къ тому, чтобы подняться выше своего настоящаго положенiя. „Кому случалось“, говоритъ Финшъ, „познакомиться съ арктическими народами, которымъ скудная природа ставитъ безпощадные предѣлы, тотъ несомнѣнно удивится, увидавъ подъ благодатнымъ солнцемъ тропическаго неба и среди обилiя естественныхъ продуктовъ, что счастливые обитатели этихъ областей стоятъ въ матерiальномъ и умственномъ отношенiи на ступени почти еще болѣе низкой, чѣмъ ихъ арктическiе собратья, съ которыми природа обошлась лишь какъ мачиха. Среди лопарей, самоѣдовъ и остяковъ я познакомился съ рядомъ личностей, которыхъ имущество далеко превосходило все то, чѣмъ обладали богатѣйшiе изъ обитателей острова Понапе“ [1]).

Исканiе пищи является однимъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ для передвиженiя народовъ. Кочевничество немыслимо безъ передвиженiя. Въ случаѣ засухи, кочевники, въ интересахъ сохраненiя своихъ питателей, своего домашняго скота, переходятъ за обыкновенную амплитуду своихъ кочевьевъ и вторгаются въ область сосѣдей. Они сталкиваются тамъ съ другими народами. Они должны вступить съ ними въ борьбу, такъ какъ границы кочевниковъ поразительно точно опредѣлены. Но и охотники имѣютъ свои строго опредѣленныя границы. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ такими границами являются, напримѣръ, водораздѣлы [2]). Австралiйцы съ чуткостью дикарей замѣчаютъ границу тамъ, гдѣ непривычному глазу европейца видится одна только утомительная, безжизненная однообразная степь. Ботокуды въ Бразилiи имѣютъ опредѣленныя охотничьи угодья, а за браконьерство они отомщаютъ единоборствомъ, вродѣ дуэлей [3]). Такимъ образомъ охраненiе извѣстныхъ пищевыхъ районовъ весьма естественно ведетъ къ представленiямъ о правѣ собственности.

Питанiе человѣка опредѣляетъ его культуру. Дикари, попавшiе при своихъ произвольныхъ или непроизвольныхъ странствованiяхъ въ дѣвственные лѣса, являются охотниками, ибо у нихъ нѣтъ тѣхъ культурныхъ средствъ, которыя необходимы,

---

[1]) O. Finsch. Zeitschrift für Ethnologie, 1880, S. 331.

[2]) „Восточное Обозрѣнiе“, 1884, № 50, стр. 6.

[3]) Prinz zu Neuwied. Reise nach Brasilien, B. VX, S. 368.

чтобы вступить въ борьбу съ дѣвственнымъ лѣсомъ и разчистить его; съ другой стороны, этотъ лѣсъ даетъ имъ достаточное пропитаніе своими животными и плодами. Такъ живутъ индѣйцы въ области рѣки Амазонки. Если дикарь попадаетъ къ берегамъ моря или къ большимъ рѣкамъ, онъ дѣлается рыболовомъ. Подобные переходы совершаются зачастую вслѣдствіе какихъ либо несчастій, по которымъ прежній промыселъ становится невозможнымъ. Такъ, напримѣръ, по сообщеніямъ путешественниковъ, часть чукчей-оленеводовъ, вслѣдствіе падежа своихъ оленей, стали осѣдлыми и принялись за рыболовство и за тюленій промыслъ.

Если дикарь попадетъ въ степь, онъ также безсиленъ передъ нею, какъ предъ дѣвственнымъ лѣсомъ; онъ можетъ существовать здѣсь лишь какъ кочевникъ, питаясь продуктами скотоводства и пользуясь домашнимъ скотомъ для передвиженія съ мѣста на мѣсто, чтобы избѣгнуть засухи и безкормицы. „Весьма естественно,—говоритъ Бэръ въ своей знаменитой статьѣ „О вліяніи природы на соціальное положеніе человѣка“,—что въ пространныхъ южно-русскихъ степяхъ народы, слѣдовавшіе здѣсь другъ за другомъ, скиѳы, половцы, печенѣги и татары оставались кочевниками, тогда какъ лишь въ новѣйшія времена, по велѣнію организованнаго правительства, въ этихъ степяхъ стало все болѣе и болѣе распространяться земледѣліе и насильно ограничиваться кочевая жизнь. Вѣдь начала же развиваться на травянистыхъ пространствахъ Южной Америки кочевая жизнь, неизвѣстная прежде, съ тѣхъ поръ какъ были перенесены туда европейскія домашнія животныя“ [1]).

Присутствіе такихъ важныхъ питательныхъ веществъ, какъ картофеля и проса киноа (Chenopodium quinoa) на Перуанскомъ плоскогоріи, могло навести смѣлыхъ охотниковъ, забравшихся туда, чтобы охотиться за ламами, на то, чтобы остаться въ этихъ благодатныхъ и хорошо защищенныхъ мѣстностяхъ и постоянно пользоваться означенными продуктами; такимъ образомъ охотники могли стать людьми болѣе или менѣе осѣдлыми и отъ охоты постепенно перейти къ земледѣлію [2]).

---

[1]) K. E. v. Baer. Studien aus dem Gebiete der Natur-Wissenschaften, St. Petersburg, Schmitzdorff 1837, Th. II, Hälfte I, S. 17, 18.

[2]) Peschel. Völkerkunde, S. 465, 466.

Въ поискахъ своихъ за пищею человѣкъ ближе и ближе всматривается въ природу; онъ начинаетъ познавать природу и привыкая самостоятельно пользоваться ея силами, онъ развивается и совершенствуетъ свои собственныя силы.

Съ замѣчательно вѣрнымъ инстинктомъ Гомеръ характеризируетъ чуждые народы по роду пищи; такъ у него фигурируютъ глактофаги, молокоѣды, питающіеся кобыльимъ молокомъ, тогда какъ боги характеризируются, какъ ѣдящіе неземную пищу, амброзію; точно также у древнихъ греческихъ географовъ и историковъ народы снабжаются эпитетами сообразно ихъ пищѣ, какъ ихтіофаги, акридофаги, ридофаги и проч.

Въ исканіи пищи мы видимъ, наконецъ, и первые шаги къ человѣческому сообществу. Отдѣльный индивидуумъ можетъ, конечно, въ случаѣ удачи, убить бизона, сѣвернаго оленя или поймать нѣсколько рыбъ, но соединившись въ группу, люди убиваютъ цѣлыя стада животныхъ, обезпечиваютъ себѣ этой добычею пропитаніе на долгое время и, наконецъ, доставляютъ себѣ удовольствіе такою грандіозною охотою, которая, конечно, одному человѣку или небольшой группѣ людей никогда не устроить. И вотъ, подобно тому, какъ въ животномъ мірѣ зачастую соединяются для охоты различныя животныя, какъ, напримѣръ, волки, хищныя птицы, такъ и люди сходятся временно съ цѣлью общихъ охотъ. Знаменитая „доисторическая“ станція Солитре (департаментъ Саоны и Луары) представляетъ намъ до 2.000 скелетовъ дикихъ лошадей, убитыхъ здѣсь первобытными охотниками. По мнѣнію Арселена эти охотники, загоняли табуны дикихъ лошадей на скалу, господствующую надъ полемъ и весьма доступную съ одной стороны, тогда какъ съ другой стороны она почти совершенно отвѣсна; съ этой именно стороны испуганныя лошади свергались внизъ, дѣлаясь затѣмъ жертвою другой партіи охотниковъ, добивавшихъ ихъ здѣсь [1]). Индѣйцы, находящіеся постоянно въ раздорахъ, какъ извѣстно, неоднократно соединялись съ цѣлью охоты на бизоновъ; точно также австралійцы сходятся для общей охоты на кэнгуру. Весьма понятно, что въ этихъ временныхъ сближеніяхъ лежатъ мотивы къ дальнѣйшимъ общимъ сходкамъ, что они способствуютъ дружбѣ племенъ и

---

[1]) Rauber, Urgeschichte des Menschen, B. I, S. 147, 148.

вполнѣ могутъ считаться зародышами постояннаго сообщества. Тѣ условія равномѣрнаго раздѣла добычи между сочленами общества, о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, являются первыми зачатками общиннаго порядка владѣній. Кочевой бытъ мыслимъ лишь при извѣстномъ сообществѣ людей, необходимомъ для охраны и защиты скота. Охрана полей и болѣе успѣшная разработка ихъ требуетъ подобное же сообщество при осѣдлой жизни земледѣльца.

Глава IX.

Вліяніе климата на человѣка.

Распредѣленіе питательныхъ веществъ зависитъ отъ климата.—Климатическія крайности, переносимыя растеніями, животными и человѣкомъ.—Способы огражденія отъ климатическихъ крайностей.—Одежда; кровъ; питаніе; работа; огонь.—Изобрѣтеніе огня.—Выборъ пищи обусловливается климатомъ.—Акклиматизація человѣка.—Вліяніе свѣта, влажности и состава воздуха на человѣка.—Профессіональныя болѣзни.—Давленіе воздуха.—Воспитательное значеніе приспособленія къ климатическимъ особенностямъ.—Зона основателей религіи.—Зона завоевателей.

Дивная цѣпь взаимоотношеній тѣсно связываетъ всѣ явленія въ природѣ; она неоднократно служила канвою для мыслителей, задумывавшихся надъ цѣлесообразностью въ природѣ; она столь же ясно отражается въ сложномъ организмѣ человѣка, какъ и въ любомъ простѣйшемъ организмѣ. Эти взаимоотношенія являются выраженіемъ круговорота жизни нашего міра, ибо „въ системѣ, въ которой все держится на взаимномъ притяженіи“, писалъ уже въ прошломъ столѣтіи Георгъ Форстеръ, „масса данной матеріи остается всегда одной и той же“ [1]).

Изучая зависимость человѣка отъ природы и приступивъ къ элементарному вопросу о соотношеніи между человѣкомъ и его питаніемъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ остановились предъ необозримымъ рядомъ другихъ явленій природы, которыя находятся въ тѣснѣйшей связи не только другъ съ другомъ, но прежде всего съ вопросомъ о питаніи. Случайно взятая нами формула явилась ключемъ къ безконечному ряду другихъ вопросовъ.

---

[1]) G. Forster. Ein Blick in das ganze der Natur. Sämmtliche Schriften, B. IV, S. 314.

Животныя питаются органическою пищею; этою пищею являются либо растенія, либо животныя, питающіяся растеніями. Основнымъ элементомъ въ питаніи животныхъ оказываются такимъ образомъ растенія. Эти послѣднія, въ свою очередь, перерабатываютъ неорганическія вещества въ органическія; изъ углекислоты, аммоніака и воды растенія образуютъ бѣлки, изъ углекислоты и воды—сахаръ и крахмалъ, изъ крахмала—жиры. Бѣлки, сахаръ и жиръ важнѣйшія органическія питательныя вещества животныхъ. Существованіе растеній опредѣляется географическими комбинаціями воды, тепла, свѣта, воздуха и солей. Эти основныя начала приводятъ насъ къ тому, что мы должны смотрѣть на климатическія условія, какъ на конечную силу, распредѣляющую питаніе на землѣ; отъ этихъ условій зависитъ данная сумма тепла, свѣта, воздуха и влажности; они же приготовляютъ для организмовъ необходимыя соли путемъ вывѣтриванія породъ или же работою воды.

Человѣкъ также подчиняется климатическимъ силамъ, такъ какъ отъ нихъ въ концѣ концовъ зависитъ распредѣленіе его питанія. Весьма удачно миссіонеръ Меренскій указываетъ на поразительное сходство, существующее между картою распредѣленія осадковъ и картою народонаселенія Южной Африки. Гдѣ только достаточно осадковъ, гдѣ, слѣдовательно, возможно земледѣліе, тамъ мы встрѣчаемъ кафровъ [1]). Лишь съ пріобрѣтеніемъ знанія человѣкъ получаетъ возможность перевозить и пересаживать пищевыя вещества въ мѣста, избранныя имъ для своего пребыванія.

Но, конечно, человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи окончательно освободиться отъ вліянія климата. Климатъ настолько сурово властвуетъ надъ нимъ, что заставляетъ его въ данномъ мѣстѣ слѣдовать спеціальному режиму жизни и строго караетъ его за всякое уклоненіе отъ этого режима. По настоящее время три главные типа человѣчества [2]) держатся въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ географическихъ областяхъ и отнюдь не выходятъ безнаказанно за предѣлы ихъ. Въ этой зависимости человѣка отъ климата мы видимъ всю сущность роковаго вопроса объ акклиматизаціи человѣка, вопроса, ко-

[1]) Ratzel, Völkerkunde, B. I, S. 118.

[2]) Смотри выше, стр. 102 и далѣе.

торый одинъ въ состояніи фактически рѣшить, останемся ли мы, европейцы, властителями всего міра.

Распредѣленіе организмовъ зависитъ прежде всего отъ суммы тепла въ данномъ мѣстѣ.

Какъ извѣстно [1]), даже арктическія страны отнюдь не представляютъ собою той лишенной всякой жизни пустыни, о которой обыкновенно говорятъ. Мы не имѣемъ при этомъ въ виду тѣ чудные оазисы полярной растительности, которые описываются Чельманомъ въ столь теплыхъ краскахъ [2]); напротивъ того, органическая жизнь возможна даже въ области вѣчнаго снѣга, на ледяныхъ поляхъ полярныхъ странъ и альпійскихъ горъ; эти пустыни имѣютъ своеобразную и богатую видами флору и даже не мало представителей животнаго міра [3]). Снѣжная ледниковая флора изучена въ настоящее время относительно хорошо. Представители этой флоры, среди которой Виттрокъ насчитываетъ 42 вида и подвида лишаевъ [4]), отличаются насыщенными и прекрасными цвѣтами [5]); такъ Sphaerella nivalis—пурпуроваго цвѣта; Sphaerella nivalis β lateritia—кирпичнаго; Chlamydomonas—желтаго или зеленоватаго; Acylonema Nordenskiöldii — пурпурово-коричневаго. Относительно большимъ распространеніемъ пользуется Sphaerella nivalis, ибо „едва ли найдется много другихъ растеній, которыя были бы богаче ея индивидуумами [6]). Этотъ такъ называемый пурпуровый снѣгъ встрѣчается, помимо полярныхъ странъ и Альпъ, въ Норвегіи, Карпатахъ, Пиренеяхъ, Сибири, Калифорніи и т. д. Удивительны тѣ крайнія температуры, которыя выдерживаетъ упомянутая флора: *Норденшёльдъ* наблюдалъ на Грёнландскихъ ледникахъ въ іюлѣ температуру воздуха въ +25 — 30° С. на солнцѣ; ночью же, не смотря на то, что солнце не заходитъ за горизонтъ, вода,

---

[1]) F. R. Kjellman. Aus dem Leben der Polarpflanzen. Studien und Forschungen im hohen Norden, herausgegeben von Nordenskiöld, Leipzig, Brockhaus. 1885, S. 446.

[2]) F. R. Kjellman, l. c., S. 444.

[3]) Veit Brecher Wittrock. Ueber die Schnee- und Eisflora, Studien und Forschungen im Norden, herausgegeben von Nordenskiöld, Leipzig Brockhaus, 1885, S. 116.

[4]) Wittrock, l. c., S. 107.

[5]) Wittrock, l. c., S. 97, 117.

[6]) Wittrock, l. c., S. 91, 96.

смѣшанная съ снѣгомъ, замерзаетъ и заключаетъ въ себѣ упомянутые организмы. Зимою, какъ извѣстно, температура падаетъ здѣсь ниже точки замерзанія ртути. Еще поразительнѣе, однако, то, что на мѣстѣ зимовки Вэги при—46° С. Чельманъ нашелъ экземпляръ Cochlearia fenestrata R. Br., которая, будучи лишена всякихъ видимыхъ приспособленій къ защитѣ отъ холода, перенесла зиму въ цвѣту и продолжала въ слѣдующее лѣто свое цвѣтеніе [1]). Характерно, что арктическая флора вообще бѣдна однолѣтними [2]).

Что касается до ледниковой фауны, то къ ней, напримѣръ, принадлежитъ Podura nivalis (или правильнѣе Achorutes viaticus Tullb.), которую Чельманъ встрѣчалъ на Шпицбергенѣ въ такомъ количествѣ, что она покрывала мѣстами пространства въ одинъ квадратный футъ [3]). Д-ръ Наторстъ нашелъ въ снѣгу Шпицбергена многочисленныхъ представителей Aphelenchus nivalis, червей, принадлежащихъ къ семейству Nemathelminthes. Въ швейцарскихъ ледникахъ тысячами встрѣчается такъ называемая ледниковая блоха, Isotoma saltans (Nic.) Lubb., принадлежащая къ виду паукообразныхъ Macroliotus; подвидъ Philodinae roseolae, принадлежащій къ группѣ Rotatoria [4]) и т. д. Извѣстно, наконецъ, какія крайне высокія температуры выносятъ простѣйшіе организмы: такъ, нѣкоторыя бактеріи и споры сохраняютъ свою жизнь при температурѣ въ + 140° С. въ продолженіи трехъ часовъ [5]), а въ горячемъ источникѣ въ + 94° С. найденъ былъ жукъ Hydrobius orbicularis.

Человѣкъ, конечно, не въ состояніи переносить такія крайности температуры, хотя онъ въ то же время поразительно выносливъ. Какъ показалъ опытъ, человѣкъ въ состояніи выдержать въ продолженіи восьми минутъ температуру въ + 127,8° С. при сухомъ воздухѣ [6]). При движущемся воздухѣ высокія температуры переносятся относительно легче. Несомнѣнно, однако, что способность переносить такую крайнюю

---

[1]) Kjellman, l. c., S. 457 ff.

[2]) Kjellman, l. c., S. 461.

[3]) Wittrock. Ueber Schnee- und Eisfauna, l. c., S. 113.

[4]) Ibid, S. 115, 116, 114.

[5]) E. Ziegler. Lehrbuch der allgemeinen und speziellen Pathologischen Anatomie. 1882, Lief. 1, S. 271.

[6]) Bladgen. Philosoph. Transaction, v. 65. p. 111.

температуру обусловливается въ высокой степени и состояніемъ прочихъ климатическихъ элементовъ, главнымъ же образомъ данною степенью влажности, о которой мы будемъ говорить на одной изъ послѣдующихъ страницъ. Для насъ во всякомъ случаѣ важно то, что человѣчество, будучи единымъ по своему происхожденію, распространено по всему лицу земли. Трудно найти большую область, въ которую не вступала бы, какъ принято говорить, нога человѣка. Какъ далеко ни проникало человѣчество на материкахъ по направленію къ полюсамъ, оно всюду открывало слѣды человѣка [1]). Одно и то же племя можетъ быть распространено въ различнѣйшихъ климатахъ земнаго шара. Подобный примѣръ представляютъ намъ туземцы Америки, индѣйцы. Тюркскія народности очевидно еще болѣе выносливы: мы встрѣчаемъ ихъ въ знойномъ южномъ Египтѣ и у береговъ Чернаго моря, гдѣ констатирована была температура въ $+65^\circ$ С. въ тѣни. Представители этого же племени, якуты, встрѣчаются намъ въ странѣ крайняго холода, у такъ называемаго полюса холода, въ Восточной Сибири, гдѣ въ Верхоянскѣ констатирована была наинисшая температура въ -68° С. (1885). Покойный путешественникъ Маакъ разсказываетъ, что проводникъ его якутъ зимою ложился спать подъ открытымъ небомъ, повернувшись къ костру обнаженною спиною и слегка прикрывшись шубою. Когда огонь потухалъ, его покрывало инеемъ, но онъ не просыпался [2]).

При всѣхъ этихъ столь противуположныхъ условіяхъ человѣкъ сохраняетъ свою нормальную температуру въ 37° — $37^1/_2{}^\circ$ С. Въ распоряженіи его находится рядъ регуляторовъ, способствующихъ сохраненію этой температуры. Чѣмъ рѣзче разница между холодомъ воздуха и температурой тѣла, тѣмъ болѣе усиливается лучеиспусканіе тѣла въ окружающій воздухъ. Чтобы сохранить себя отъ выстуживанія, человѣкъ защищается отъ доступа воздуха; онъ облекаетъ себя покровомъ изъ шкуръ, шерсти и т. д., онъ ищетъ убѣжища въ пещерахъ среди лѣсовъ или строитъ себѣ искусственныя убѣжища; онъ принимаетъ соотвѣтствующую пищу и совер-

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 18, 19.

[2]) Р. Маакъ. Вилюйскій округъ Якутской области. С.-Петербургъ. 1887. Ч. III, стр. 85.

шаетъ усиленныя работы, чтобы усилить развитіе внутренняго тепла; онъ добываетъ огонь, чтобы искусственно повысить окружающую его температуру. Тамъ, гдѣ высокая температура побуждаетъ человѣка заботиться о томъ, чтобы предохранить себя отъ внѣшняго тепла и отъ избытка внутренняго тепла, тамъ онъ облекается въ широкія одежды, допускающія выпотѣваніе тѣла, защищаетъ себя отъ солнечныхъ лучей зонтиками или же ищетъ убѣжища въ тѣхъ же пещерахъ, лѣсахъ или же въ легкихъ искусственныхъ постройкахъ; онъ старается, наконецъ, развивать по возможности меньше внутренняго тепла, употребляя соотвѣтствующую пищу и работая по возможности меньше.

Внѣшнему климату такимъ образомъ противупоставляется климатъ искусственный, регулирующій всѣ крайности внѣшняго.

Мы можемъ себѣ относительно легко представить, что человѣчество естественнымъ путемъ дошло до пользованія одеждою, кровомъ и что оно приспособило къ мѣстнымъ условіямъ свой трудъ и свою пищу. Крайне загадочнымъ является, однако, вопросъ о томъ, какимъ путемъ человѣчество дошло до пользованія огнемъ. Не даромъ фантазія первобытныхъ народовъ окружила огонь ореоломъ прекрасныхъ миѳовъ и даже сдѣлала его предметомъ религіознаго культа.

Если мы и не можемъ сказать вмѣстѣ съ Линкомъ, „что огонь свелъ дикаго обезьяноподобнаго обитателя деревъ внизъ на землю“ [1]), то мы во всякомъ случаѣ готовы признать огонь за одинъ изъ наиболѣе видныхъ двигателей человѣческой культуры. Дарвинъ называетъ открытіе огня самымъ величайшимъ изъ сдѣланныхъ человѣкомъ, помимо языка [2]).

Не будемъ останавливаться на томъ, существуютъ ли нынѣ племена, незнакомыя съ огнемъ. Если мы и видимъ, что Пешель [3]) опровергнулъ нѣкоторые примѣры, приведенные Лёббокомъ, относительно народовъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ огня, и если мы не можемъ не отнестись скептически къ нѣкоторымъ новымъ сообщеніямъ, то съ другой стороны, мы a priori должны предположить, что человѣче-

---

[1]) H. F. Link. Urwelt und Alterthum erläutert durch die Naturkunde, 2. Aufl., Berlin 1834, B. I, S. 450.

[2]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 47.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 133, 134.

ство когда-то стояло на такой ступени дикости, что ему неизвѣстна была благодѣтельная сила огня. Весь смыслъ этого горячаго спора заключается именно въ томъ, что народы, незнакомые съ огнемъ, необходимо должны находиться на той опасной ступени, которая какъ будто бы непосредственно соединяетъ насъ съ животными.

Но и самъ Пешель не можетъ не задаваться вопросомъ о томъ, какимъ путемъ человѣчество пришло къ изобрѣтенію огня. Невѣроятно, конечно, чтобы человѣчество получило огонь благодаря тому, что дерево загорѣлось отъ удара молніи. Внезапное воспламененіе дерева отъ молніи, низринувшейся съ небесъ, приводитъ въ ужасъ даже людей культурныхъ, знакомыхъ съ причиною и ходомъ этого явленія, а не только темныхъ дикарей. Къ тому же появленіе огня независимо отъ воли человѣка отнюдь не даетъ ему еще возможности вызвать его самовольно. Тоже самое мы должны сказать относительно того, что человѣкъ получилъ огонь благодаря своему сосѣдству съ потоками вулканической лавы, которая, какъ извѣстно, многіе годы можетъ сохраниться въ раскаленномъ состояніи, или же благодаря горящимъ нефтянымъ источникамъ. Независимо отъ того, что мы въ данномъ случаѣ не узнаемъ, что именно навело человѣка на добываніе огня, мы должны еще указать на то, что распространеніе вулкановъ, горящихъ нефтяныхъ источниковъ и т. д. строго пріурочено къ извѣстнымъ географическимъ областямъ, тогда какъ передача огня отъ народовъ, обладающихъ естественными источниками огня, къ народамъ, лишеннымъ этихъ источниковъ, является совершенно недоказанною.

Обращаясь къ первобытнымъ способамъ добыванія огня и указывая на то, что наиболѣе простымъ и распространеннымъ способомъ нужно считать треніе кусковъ дерева другъ о друга, Пешель продолжаетъ: „глубоко затрогиваетъ насъ вопросъ, было ли искусственное добываніе огня изобрѣтеніемъ или только открытіемъ. Если бы, положимъ, великій мыслитель древняго времени руководился такимъ соображеніемъ: тепло вызывается треніемъ, нельзя ли было бы добыть и огонь наивысшимъ напряженіемъ тепла, получаемаго треніемъ? Въ такомъ случаѣ въ немъ шевелилась бы та истина, что свѣтящееся тепло не отличается ничѣмъ инымъ отъ темнаго

тепла, какъ количествомъ и родомъ вліянія на зрительныя нервы; основанная на этомъ попытка его добыть огонь треніемъ была бы утвердительнымъ отвѣтомъ природы на вѣрно поставленный вопросъ. По проницательности своего ума подобный Прометей ледниковаго періода не уступалъ бы самымъ остроумнымъ мыслителямъ историческихъ вѣковъ" [1]). Конечно, подобное разсужденіе не представляетъ собою и тѣни объясненія; тѣмъ удивительнѣе, однако, что оно нашло себѣ откликъ въ антропологической литературѣ [2]). Совершенно справедливо Пешель сомнѣвается въ гипотезѣ Адальберта Куна, по мнѣнію котораго люди подсмотрѣли, какъ сухія вѣтви деревъ такъ долго бьются бурею между другими вѣтвями, пока не воспламенятся. Возвращаясь затѣмъ къ вопросу о добываніи огня путемъ тренія, Пешель говоритъ, что этотъ способъ добыванія могъ быть случайно открытъ при попыткѣ къ просверленію чего-либо. Невыясненнымъ для него остается, однако, почему „попытка къ просверленію продолжалась безъ перерыва, тогда какъ отдѣльный человѣкъ долженъ былъ утомиться скорѣе, чѣмъ могъ быть вызванъ огонь, а тепло все уходило при каждомъ перерывѣ. Однако же область всевозможныхъ предположеній неистощима и намъ приходится отказаться отъ того, чтобы въ точности прозрѣть всѣ событія въ тѣ далекія отъ насъ времена" [3]).

Предположимъ, однако, что первобытный человѣкъ сверлитъ дерево, чтобы приготовить какое либо орудіе вродѣ кирки. При сверленіи появляется тепло. Но что значило тепло для людей, незнакомыхъ съ огнемъ и страдавшихъ отъ стужи и непогоды? Тепло является для нихъ наивысшимъ удовольствіемъ и наивысшей благодатью. Чѣмъ энергичнѣе продолжалось треніе, тѣмъ интензивнѣе развивалось это тепло. Тутъ всякій

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 137.

[2]) Летурно говоритъ, что хотя первобытные люди и не знали современнаго принципа единства физическихъ силъ, они, добывая огонь, всегда стремились къ тому, чтобы превратить движеніе въ тепло (Ch. Letourneau, La Sociologie d'après l'Ethnographie. Paris, Reinwald, 1884, p. 566). Ратцель по этому поводу высказывается въ томъ смыслѣ, что „изобрѣтеніе способа добыванія огня путемъ тренія было духовнымъ дѣяніемъ, требовавшимъ по меньшей мѣрѣ столько же наблюдательности и выдержки мыслительныхъ силъ, сколько изобрѣтеніе паровой машины". (Fr. Ratzel. Grundzüge der Völkerkunde, S. 42. Смотри Völkerkunde, B. I, Введеніе).

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 138.

готовъ былъ напречь свои силы до крайности и быстро взяться за дѣло, чтобы желанное тепло не ускользнуло въ случаѣ, если первый работникъ утомился; подобно дѣтямъ, дикари съ восторгомъ помогали другъ другу. Но вотъ дерево слегка задымилось и затрещало; вотъ вспыхнулъ огонь, тотъ таинственный, благодѣтельный и страшный огонь, который они знали лишь по молніи и по вулканическимъ изверженіямъ. Конечно, дикари должны были въ страхѣ разбѣжаться. Но то, что вызвано самимъ человѣкомъ, не можетъ оставаться страшнымъ для него на долгое время. Что опыты сверленія были повторены съ цѣлью увеличить тепло, что способы вызыванія тепла и огня были разработаны, что человѣкъ такимъ образомъ получилъ власть надъ огнемъ, мы можемъ себѣ легко представить. Къ тому же, данный опытъ и данное психическое впечатлѣніе, производимое имъ, на столько естественны и можно сказать неизбѣжны, что человѣчество въ самыхъ различныхъ частяхъ свѣта, могло придти къ этому открытію безъ помощи какихъ либо особыхъ геніевъ-мыслителей и безъ передачи этого открытія отъ одного народа къ другому.

Вліяніе питанія, этого могущественнѣйшаго регулятора температуры человѣческаго тѣла, уже изучено нами въ предыдущей главѣ. Намъ остается лишь сопоставить добытые нами результаты съ данными по вопросу о вліяніи климата на человѣка. Ни огонь, ни кровъ, ни одежда не могутъ замѣстить питанія, если вопросъ заходитъ о сохраненіи матеріи, не говоря уже о возобновленіи ея. Климатъ обусловливаетъ, однако, не только распредѣленіе питательныхъ веществъ[1]), но и выборъ ихъ. Питаніе и климатъ стоятъ такимъ образомъ въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ.

Какъ показали опыты Фирордта, человѣкъ дышетъ при холодной температурѣ чаще и глубже, чѣмъ при температурѣ высокой; при этомъ выдыхается относительно большее количество углекислоты. Это усиленное выдѣленіе углекислоты констатируется даже при задержкѣ движенія [2]). Усиленный обмѣнъ веществъ объясняетъ намъ потребность въ относительно бо̀льшемъ количествѣ питательныхъ веществъ въ областяхъ холодныхъ. Бѣлковыя вещества не играютъ, впро-

[1]) Смотри выше, стр. 189.

[2]) C. v. Voit. Zeitschrift für Biologie, B. XIV, S. 78.

чемъ, въ данномъ случаѣ какой либо особой роли. Но если Фойтомъ и другими опровергнуто ученіе Либиха, по которому лишь одно разложеніе бѣлковыхъ веществъ, образователей мышечной ткани, даетъ тѣ силы, которыя выражаются въ мышечной работѣ, то съ другой стороны увеличеніе мышечнаго вещества, слѣдовательно извѣстное накопленіе бѣлковыхъ веществъ въ мышечныхъ элементахъ, указываетъ на то, что потребность у дѣятельнаго организма въ бѣлкахъ бо̀льшая, чѣмъ у организма недѣятельнаго [1]). Разложеніе бѣлковъ, повидимому, не находится въ выраженной зависимости отъ вліянія температуры; но когда повышается нормальная температура самого тѣла, распаденіе бѣлковъ усиливается (Шлихъ) [2]). Съ другой стороны, болѣе холодный климатъ требуетъ большій подвозъ жировъ (Пфлюгеръ, Фойтъ) или безазотистыхъ веществъ, которыя, въ случаѣ нужды, могутъ быть замѣнены извѣстнымъ избыткомъ бѣлковыхъ веществъ [3]). Если температура тѣла не понижена, то при холодной температурѣ воздуха разлагается болѣе жировъ, а благодаря этому вырабатывается и болѣе теплоты (на 36 %с болѣе). Это усиленное разложеніе обусловливается частью усиленными произвольными движеніями, частью большимъ напряженіемъ дыхательныхъ мышцъ, частью же передачею нервнаго возбужденія кожи на другіе органы и прежде всего на мышцы [4]). Дѣло въ томъ, что наша кожа ощущаетъ всякое колебаніе температуры; кожные нервы передаютъ возбужденіе ея мозгу и доводятъ его такимъ образомъ до нашего сознанія, или же передаютъ другимъ нервнымъ волокнамъ, приводя ихъ такимъ образомъ въ дѣятельное состояніе.

Въ послѣднее время ученые склоняются къ тому, что физіологія преувеличивала потребность арктическихъ обитателей въ усиленномъ питаніи. Фойтъ, напримѣръ, прямо высказывается въ томъ смыслѣ, что одежда изъ плохихъ проводниковъ тепла, теплое жилище и усиленное движеніе имѣютъ

---

[1]) J. Forster. Ernährung und Nahrungsmittel, Handbuch der Hygiene und Gewerbekrankheiten, B. I, 1. Abth., S. 79.

[2]) J. Forster, l. c., S. 82.

[3]) C. v. Voit. Physiologie des allgem. Stoffwechsels und der Ernährung, Handbuch der Physiologie, herausgegeben v. Hermann, B. VI, Th. 1, 1881, S. 556.

[4]) C. v. Voit, l. c., S. 551.

болѣе значенія, чѣмъ пища [1]). Извѣстно также, что въ 1812 году наиболѣе пострадали во французской арміи малоподвижные нѣмцы и голландцы, тогда лучше другихъ выносили ужасы суровой зимы легко подвижные и болѣе эластичные итальянцы и южные французы. При опасности замерзнуть погибаютъ именно тѣ люди, которые легко поддаются почти неотразимому желанію отдохнуть или задремать. Но, конечно, всѣ эти соображенія падаютъ, если означенные факторы, одежда, кровь и движеніе, выражены недостаточно или же не поддерживаются единственнымъ возобновителемъ внутренняго тѣлеснаго тепла, пищею. Противъ современнаго направленія вопроса о питаніи говоритъ, наконецъ, то, что обитатели полярныхъ странъ дѣйствительно поглощаютъ массы пищи, которыя были бы убійственны не только для обитателей тропической области, но и для насъ, людей среднихъ широтъ. Въ этомъ духѣ мы находимъ рядъ указаній у различнѣйшихъ путешественниковъ [2]). Китоловы нанимаютъ, какъ извѣстно, лишь такихъ матросовъ, которые обладаютъ значительнѣйшимъ аппетитомъ; тѣми же принципами руководились Пейеръ и Вейпрехтъ при выборѣ тѣхъ далматинскихъ матросовъ, которые приняли участіе въ полярной экспедиціи; точно также капитанъ Россъ вербовалъ матросовъ, отличавшихся не только мужествомъ и находчивостью, но и прекраснымъ желудкомъ. При этомъ въ питаніи полярныхъ жителей само собою получаютъ преимущество жиры и углеводы, благодаря своему обильному содержанію углерода; съ успѣхомъ, наконецъ, здѣсь прибѣгаютъ къ алкоголю, въ виду его задерживающаго вліянія на обмѣнъ веществъ.

Съ другой стороны, мы не можемъ не признать, что вопросъ о питаніи въ зависимости отъ климата отнюдь не изученъ въ надлежащей степени. Мы, поэтому, вполнѣ примыкаемъ къ пожеланію, высказанному уже Фойтомъ [3]) и повторенному въ новѣйшее время Ранке [4]), чтобы изслѣдователи обращали болѣе вниманія на общую сумму потребленія и на выборъ пищевыхъ веществъ въ посѣщаемыхъ ими странахъ.

---

[1]) C. v. Voit, l. c., S. 556.

[2]) Р. Маакъ. Вилюйскій округъ, etc. ч. III, 1887, стр. 85.

[3]) C. v. Voit, l. c., S. 555.

[4]) Ranke. Der Mensch, B. I.

Еще болѣе сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ о питаніи въ жаркомъ климатѣ. Если температура тѣла не повышена, то мы не замѣчаемъ существенной разницы во внутреннихъ процессахъ разложенія по сравненію съ умѣреннымъ климатомъ; скорѣе наблюдается даже нѣкоторое повышеніе, чѣмъ пониженіе этихъ процессовъ. При повышеніи температуры воздуха, однако, расширяются капиллярные сосуды, кровь приливаетъ къ периферіи, кожа овлажняется и, наконецъ, выступаетъ потъ въ формѣ капель; нервы и мышцы ослаблены; тѣлесная энергія подавлена; приходится избѣгать работы, такъ какъ благодаря ей усиливается выработка тепла [1]). Отсюда весьма понятно то положеніе Фойта, что подъ тропиками слѣдуетъ избирать пищу, которая, выполняя свое назначеніе сохранять и возобновлять тѣло, развиваетъ въ тоже время по возможности менѣе тепла [2]). Конечно и въ наиболѣе знойномъ климатѣ человѣкъ теряетъ много тепла, испаряя влажность черезъ посредство легкихъ и кожи въ весьма значительномъ количествѣ. Вопросъ о томъ, теряется ли подъ тропиками менѣе тепла, чѣмъ въ климатѣ умѣренномъ или холодномъ, далеко еще не рѣшенъ [3]). Не мѣшаетъ, однако, принять въ соображеніе, что килограммъ воды поглощаетъ 537 единицъ тепла, переходя изъ жидкаго состоянія въ газообразное. Подъ тропиками вліяніе болѣе высокой температуры на человѣка либо совершенно не уравновѣшивается, либо же уравновѣшивается лишь въ незначительной степени физіологическимъ уменьшеніемъ окисленія и выдѣленія тепла. Потребность въ бѣлкахъ здѣсь та-же, что и въ умѣренныхъ климатахъ. Сгораніе безазотистыхъ веществъ уменьшено лишь въ незначительной степени. По Марсэ, выдѣленіе углекислоты даже повышено [4]). Нѣкоторый регуляторъ представляютъ собою въ этомъ случаѣ не только одежда, но и выборъ безазотистыхъ пищевыхъ веществъ [5]).

Пресловутые разсказы путешественниковъ о горсточкѣ рису,

---

[1]) F. R. Renk. Die Luft, Handbuch der Hygiene und Gewerbekrankheiten, B. I, Abth. 2, 1886, S. 191.

[2]) C. v. Voit, l. c., 558.

[3]) Ranke, l. c., S. 320.

[4]) T. Forster. Ernährung und Nahrungsmittel, S. 83.

[5]) T. Forster, S. 84.

которая будто бы удовлетворяетъ потребностямъ индуса, оказываются, поэтому, болѣе или менѣе сомнительными. Если мы примемъ во вниманіе свѣдѣнія современныхъ научныхъ путешественниковъ, хотя бы, напримѣръ, въ тропической Африкѣ, то мы всюду встрѣчаемъ указанія на то, что обмѣнъ веществъ въ этихъ странахъ наблюдался чрезвычайно живой, дѣятельность кожи была повышена, аппетитъ въ большинствѣ случаевъ развивался чрезвычайно энергично. Тоже самое сообщается намъ относительно туземцевъ (Фалкенштейнъ). По сообщеніямъ Шерцера [1]), рабочіе въ горномъ Китаѣ потребляютъ ежедневно 902 грамма рису; то же количество приблизительно, а именно 896, съ незначительною прибавкою бѣлковыхъ веществъ, требуетъ германскій рабочій по Фойту. Англійскіе изслѣдователи не нашли какой либо существенной разницы въ питаніи, сравнивая Англію и Остиндію [2]). Въ сущности, однако, всѣ эти указанія сводятся на то, что подъ тропиками, при условіяхъ одинаковой работы, требуется такое же питаніе, какъ и въ умѣренномъ климатѣ; „при работѣ въ данномъ климатѣ вырабатывается, однако, весьма много, даже слишкомъ много тепла, болѣе, чѣмъ это необходимо для поддержанія температуры тѣла“ [3]). Но именно въ виду послѣдняго обстоятельства мы можемъ перейти на практическую почву, указавъ на то, что работа подъ тропиками и подъ умѣренными широтами совершенно не одинакова. Роковой вопросъ о рабочемъ днѣ рѣшается подъ тропиками самымъ естественнымъ образомъ, такъ какъ вся возможная и нормальная работа сводится на 5—6 часовъ въ сутки. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не согласиться съ многочисленными старинными указаніями на относительную воздержанность обитателей тропическихъ странъ въ пищѣ. Подтвержденіемъ этому служатъ наши собственные южане, хотя бы, напримѣръ, греки, о которыхъ сложилась удачная поговорка: „тамъ, гдѣ ослу пришлось бы подохнуть, грекъ все еще жирѣетъ“ (Турнефоръ). Бѣдные аѳиняне питаются ячменнымъ хлѣбомъ или ячменной кашей, горстью маслинъ или нѣсколькими луковицами, съ прибавкою быть можетъ

---

[1]) Novara-Expedition, Anhang, S. 56.

[2]) Playfair. Proceedings of the Royal Society, 1853, p.

[3]) C. v. Voit, S. 558.

еще нѣсколькихъ фигъ. При случаѣ, впрочемъ, они пользуются рыбною пищею, а мѣстное вино весьма дешево [1]).

Въ общемъ, слѣдовательно, мы не можемъ не остановиться на томъ, что обитатели тропическихъ климатовъ при нормальныхъ условіяхъ нуждаются въ относительно меньшихъ количествахъ пищи, а въ выборѣ своей пищи избѣгаютъ веществъ, задерживающихъ обмѣнъ, напримѣръ, алкоголя; напротивъ того, они имѣютъ выраженное пристрастіе къ рѣзкимъ пряностямъ, вродѣ перца и т. п., вызывая такимъ образомъ усиленное отдѣленіе желудочныхъ соковъ.

Разбирая вопросъ о соотношеніи между климатомъ и питаніемъ, столь авторитетный въ этихъ вопросахъ Ранке приходитъ къ слѣдующему результату: въ различныхъ климатахъ сумма тепла, которою располагаетъ работникъ, варьируетъ въ соотвѣтствіи съ питаніемъ его. Для рабочихъ, выполняющихъ умѣренную механическую работу, авторъ вычислилъ слѣдующія данныя: принимая, что каждый килограммъ нашего тѣла продуцируетъ въ одинъ часъ тепла: минимумъ (при голодованіи) 1.198 единицъ тепла, максимумъ (при питаніи мясомъ) 1.654, въ среднемъ—1.369, авторъ заключаетъ, что взрослый, достаточно упитанный мущина располагаетъ въ продолженіи 24 часовъ слѣдующими суммами единицъ тепла: подъ тропиками болѣе 1.800, въ умѣренномъ климатѣ болѣе 2.500, въ арктическомъ климатѣ—4.500. Данныя эти относятся другъ къ другу какъ 2 : 3 : 5. Съ пониженіемъ внѣшней температуры, необходимыя пищевыя вещества или скорѣе необходимая сумма тепла, которую долженъ получить организмъ черезъ посредство пищевыхъ веществъ, возрастаютъ въ весьма значительной степени. Гельмгольтцъ принимаетъ за среднюю сумму тепла для взрослаго человѣка въ нашемъ климатѣ едва ли не слишкомъ высокую цифру, а именно 2.700 единицъ. Вотъ какъ примѣняются эти единицы по его разсчетамъ: на согрѣваніе пищевыхъ веществъ, введенныхъ въ организмъ въ болѣе холодномъ состояніи—менѣе 2,6 процента; на согрѣваніе вдыхаемаго воздуха — менѣе 5,2; на испареніе въ легкихъ менѣе 14,7 и столько же на испареніе черезъ кожу. Все оставшееся истрачивается путемъ проведенія тепла, лучеиспус-

[1]) Neumann und Partsch. Physikalische Geographie von Griechenland, Breslau, Köbner, 1885, S. 40.

канія и внѣшной механической работы. Эти отношенія, однако, сообразно съ климатическими условіями, крайне мѣняются. Потеря тепла, уходящаго на согрѣваніе вдыхаемаго воздуха, понятно, несравненно менѣе подъ тропиками, чѣмъ въ странахъ умѣренныхъ или даже арктическихъ. Ранке въ данномъ случаѣ устанавливаетъ отношеніе 1 : 2 : 3. Къ сожалѣнію, въ настоящее время почти что отсутствуютъ необходимыя данныя для того, чтобы опредѣлить потерю тепла путемъ лучеспусканія и проводимости человѣческой кожи [1]).

Эти физіологическія указанія раскрываютъ предъ нами новый рядъ весьма интересныхъ антропологическихъ и культурно-географическихъ вопросовъ. Приведенныя выше положенія укрѣпляютъ насъ все болѣе и болѣе въ нашихъ воззрѣніяхъ на тѣсную связь между человѣкомъ и природою. Распредѣленіе пищевыхъ веществъ и специфическій выборъ ихъ подъ вліяніемъ климата весьма естественно приводитъ насъ къ вопросамъ объ акклиматизаціи человѣка. Неоднократно мы уже указывали на великое значеніе этого вопроса. Мы говорили о томъ [2]), что наша культурная жизнь приняла крайне исключительное индустріальное направленіе и что благодаря этому всѣ стремленія ея сводятся на то, чтобы наивозможно дешевымъ образомъ добыть сырье и пищевыя вещества и наивозможно дорого сбыть свои индустріальные продукты. Европа нынѣ живетъ жизнью общею со всѣмъ міромъ. Экономическая дѣятельность ея мыслима лишь при обладаніи міровыми рынками. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ говорили [3]) о томъ, что наши три основные типа человѣчества строго пріурочены къ извѣстнымъ географическимъ областямъ и отнюдь не безнаказанно выходятъ за предѣлы ихъ. A priori, конечно, достаточно уже одного того, что земля наша заселена народами едиными по своему происхожденію для того, чтобы убѣдиться въ способности человѣка акклиматизироваться. Спрашивается, однако, какъ быстро и при какихъ условіяхъ совершается подобное приспособленіе, или, другими словами, мыслимо ли для насъ, европейцевъ, факти-

---

[1]) Ranke. Der Mensch, B. I, S. 346.

[2]) Смотри выше, стр. 151, 152.

[3]) Смотри выше, стр. 189.

чески заселить весь міръ и останемся ли мы, переселясь въ другія области, тѣми же европейцами?

Трудно рѣшить этотъ вопросъ въ общихъ чертахъ, такъ какъ разработка его все еще оставляетъ желать весьма и весьма многаго. Если въ свое время уже Гиппократъ поднялъ вопросъ объ акклиматизаціи человѣка, то съ другой стороны, вниманіе европейскихъ ученыхъ вновь обратилось къ этому вопросу лишь въ XVI ст., благодаря венеціанскому врачу Просперу Альпину, изучавшему съ этой точки зрѣнія Египетъ. Къ нему примкнули въ XVII ст. голландцы Яковъ Бонціусъ и Вильгельмъ Пизо [1]). Первыя попытки научной разработки этого вопроса представляются, однако, въ книгахъ болѣе новаго происхожденія: Fincke, Versuch einer allgemeinen medicinischen Geographie; Schnurrer, Geographische Nosologie; Mühry, Die geographischen Verhältnisse der Krankheiten; Baudin, Traité de geographie et statistique médicale; Lombard, Traité de climatologie médicale; A. Hirsch, Handbuch der historisch-geographischen Pathologie etc.—Но если мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ областью относительно мало затронутою, то съ другой стороны неотложность основательнаго изученія этой области такова, что сомнѣваться въ успѣхахъ науки въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности.

Приступая къ изученію этого вопроса, мы прежде всего констатируемъ, что человѣкъ, при переходѣ изъ одного климата въ другой, подвергается либо „климатической болѣзни", либо легкому недомоганію („Indisposition") [2]). Если послѣднее состояніе во многихъ случаяхъ преодолѣвается болѣе или менѣе легко, если такимъ образомъ устанавливается для организма новый modus vivendi, то въ другихъ случаяхъ оно можетъ перейти въ такъ называемую „климатическую болѣзнь" и даже повести къ смертельному исходу. Но способность приспосабливаться у различныхъ народовъ совершенно различна. Такъ, напримѣръ, къ тропическому климату приспосабливаются весьма плохо англичане, нѣмцы, французы; несравненно

---

[1]) R. Virchow. Ueber Akklimatisation, Tageblatt der 58. Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte, Strassburg 1885, S. 540, 541.

[2]) Virchow. Ueber Akklimatisation, S. 544.

лучше итальянцы, еще лучше испанцы и португальцы, тогда какъ семиты обладаютъ въ этомъ отношеніи способностями совершенно исключительными. Относительная выносливость испанцевъ и португальцевъ объясняется, по мнѣнію Вирхова, сильною примѣсью семитической крови. Невыносливость европейцевъ по отношенію къ тропическому климату дала поводъ Вирхову установить группу народовъ, предрасположенныхъ къ заболѣваніямъ въ тропическомъ климатѣ (vulnerable Völker) [1]). Къ этой группѣ принадлежатъ всѣ арійцы; что же касается до нѣмцевъ, то Вирховъ сомнѣвается до нѣкоторой степени даже въ томъ, могутъ ли они акклиматизироваться въ Италіи и въ Испаніи [2]). Неспособность французовъ къ перенесенію тропическаго климата установлена цѣлымъ рядомъ авторовъ. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, высказываются даже французскіе писатели; такъ, авторитетный ученый, парижскій профессоръ медицинской географіи А. Бордье признаетъ преимущество испанцевъ и итальянцевъ предъ французами для заселенія Алжира [3]) и указываетъ на неспособность французовъ выживать въ Кайеннѣ и подобныхъ странахъ [4]). Извѣстно, наконецъ, что англичане, этотъ колонизаторскій народъ par exellence, настолько плохо переносятъ тропическій климатъ, что до сихъ поръ не могли акклиматизироваться въ своихъ вѣковыхъ владѣніяхъ. Въ Остиндіи, напримѣръ, англичане подвергаются цѣлому ряду заболѣваній крайне серьезнаго характера; при этомъ они главнымъ образомъ страдаютъ пораженіями печени и прочихъ органовъ, причастныхъ къ пищеваренію. Нельзя, однако, объяснять эти заболѣванія исключительно одной невоздержанностью англичанъ, такъ какъ дѣти англичанъ, которыхъ трудно обвинить въ излишествахъ, также подвержены заболѣваніямъ и главнымъ образомъ анеміи. Поэтому англичане, какъ извѣстно, посылаютъ своихъ дѣтей въ Европу ко времени приближенія роковаго возраста половой зрѣлости.

Но этимъ общеизвѣстнымъ фактамъ можно противупоста-

---

[1]) Virchow, l. c., S. 545, 546.

[2]) Virchow, l. c., S. 548.

[3]) A. Bordier. La colonisation scientifique etc., Paris, Reinwald, 1884, p. 186.

[4]) A. Bordier, p. 407. См. также сборникъ, изданный подъ редакціею A. Rambaud. La Françe Coloniale, Paris, Colin et C°, 1886.

вить рядъ весьма существенныхъ возраженій. Знаменитый арабистъ А. Шпренгеръ, прослужившій долгіе годы въ Остиндіи, сообщаетъ въ письмѣ къ Пешелю, что дѣти англійскихъ солдатъ часто остаются въ Индіи, процвѣтаютъ тамъ и основываютъ въ послѣдствіи семьи; въ 40-хъ годахъ умеръ въ Чинсурѣ голландецъ 90 лѣтъ, оставивъ болѣе 60 дѣтей, внуковъ и правнуковъ, которые всѣ родились и воспитывались въ Индіи [1]). Голландцы болѣе или менѣе удачно выживаютъ на Зондскихъ островахъ. Въ противорѣчіи съ увѣреніями Вирхова [2]) на это указываютъ сами голландцы [3]). Впрочемъ, у Вирхова [4]) мы встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія на выживаніе бѣлыхъ подъ тропиками, которыя въ виду своей исключительности, для него, однако, ни мало не доказательны. Такъ, онъ указываетъ на то, что на островѣ Реньонъ въ центральныхъ гористыхъ частяхъ выживаютъ остатки французскихъ колонистовъ, именуемые здѣсь les petits blancs. Такую же небольшую группу французовъ, выжившихъ уже три столѣтія въ Остиндіи, нашли въ горахъ Винджа. Прибавимъ еще, что послѣдній епископъ въ Габунѣ находится на мѣстѣ службы болѣе 30 лѣтъ, а его предшественникъ дожилъ до 90 лѣтъ. Не можемъ не указать, наконецъ, на то, какъ прекрасно переносятъ тропическій климатъ истые сѣверяне, шведы и норвежцы.

Возможность выживанія однихъ европейцевъ и гибель другихъ наводитъ насъ на мысль о томъ, что въ вопросахъ объ акклиматизаціи значительную роль играетъ умѣнье и желаніе чужеземцевъ приспосабливаться къ данному климату. Съ другой стороны, мы не должны брать тропики и субтропическія области такими, какими они существуютъ въ настоящее время. Сила природы тропиковъ такова, что борьба съ нею представляетъ все еще слишкомъ большія трудности для культурныхъ европейцевъ. Избытокъ тепла и влажности ведетъ къ избытку жизненныхъ силъ, но онъ ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ массовому гніенію и разложенію; вслѣдствіе этого жаркія области изобилуютъ опасными эндеми-

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 19.

[2]) Virchow. Ueber Akklimatisation, S. 548.

[3]) v. Rosenberg. Der Malayische Archipel, Leipzig, Brockhaus 1878, S. V.

[4]) Virchow, l. c., S. 549.

ческими болѣзнями. Характерными страданіями тропическихъ областей являются болотная лихорадка, желтая лихорадка, холера, диссентерія, болѣзни печени, денгое, ревматизмъ, скорбутъ, вслѣдствіе переутомленія, лишеній и скуднаго питанія [1]), страшная анемія, стоящая, быть можетъ, въ связи съ пораженіями печени, и т. д. „Нигдѣ накожныя болѣзни не встрѣчаются такъ часто, писалъ еще Байонъ, и нигдѣ онѣ не поддаются такъ плохо леченію, какъ въ жаркихъ странахъ“ [2]). Къ типичнымъ накожнымъ пораженіямъ тропическихъ областей принадлежитъ, напримѣръ, невыносимое prickly heat, возникающее въ дождливое время вслѣдствіе задержки выпотѣванія [3]). Въ общемъ климатъ тропическій опаснѣе для переселенца, чѣмъ климатъ арктическій: высокая температура тропиковъ предъявляетъ чрезвычайно высокія требованія къ органамъ кожи. При извѣстныхъ условіяхъ поглощается и выдѣляется колоссальная масса жидкостей, что, конечно, можетъ отозваться на органахъ, способствующихъ круговороту жизни; отсюда ослабленіе мышцъ [4]). Это ослабленіе поддерживается крайне ничтожными колебаніями годовой, а часто даже и суточной температуры [5]). Однако, въ странахъ, гдѣ впродолженіи всего года температура такъ высока, что овцы, пригнанные изъ областей болѣе холодныхъ, теряютъ свою шерсть, замѣняя ее волосянымъ покровомъ, достаточно весьма незначительнаго пониженія температуры, чтобы произвести впечатлѣніе значительнаго холода; 15—16° С. производятъ здѣсь, по словамъ путешественниковъ, такое же впечатлѣніе, какъ суровый вѣтренный ноябрскій день въ нашихъ широтахъ [6]). Понятно, поэтому, почему ревматическія страданія столь распространены подъ тропиками. Еще въ большей степени чувствуется этотъ холодъ благодаря сильному лучеиспусканію

---

[1]) Скорбутомъ страдали многіе африканскіе путешественники, напр., Клаппертонъ, Бартъ, Овервегъ, Ричардсонъ, Фогель, Швейнфуртъ, Погге и др.

[2]) A. Hirsch. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, Stuttgart, Enke, 2. Aufl., B. III, 1886, S. 456.

[3]) J. Falkenstein. Die Loango-Expedition, Leipzig 1879, B. II, S. 177.

[4]) F. Renk. Die Luft etc., S. 239.

[5]) G. Rohlfs. Zur Klimatologie und Hygiene Ostafrikas, Leipzig, Hirschfeld, 1885, S. 7.

[6]) Otto Schütt. Reisen im süd-westlichen Becken des Kongo. Berlin 1881, S. 20.

ночью въ пустынѣ, гдѣ до сихъ поръ приходится, по словамъ библіи, изнемогать то отъ зноя, то отъ холода.

Костры разлагаются ночью подъ тропиками отнюдь не только для того, чтобы отгонять хищныхъ звѣрей, но и для того, чтобы оградиться отъ холода. Ночь, проведенная на землѣ, обыкновенно не обходится даромъ путешественнику. Точно также, какъ не всегда его ограждаетъ отъ заболѣванія лихорадкою быстрое прохожденіе болотистыхъ или лѣсистыхъ мѣстностей [1]).

Но какъ бы то ни было, европейцы могутъ до нѣкоторой степени оберечься отъ вредоноснаго вліянія тропиковъ при соотвѣтствующемъ образѣ жизни и при соотвѣтствующихъ предосторожностяхъ. Характерно уже то, что заболѣваніямъ подъ тропиками чаще всего подвергаются индивидуумы крѣпкіе, полнокровные, люди сангвиническаго характера: какъ сильные организмы, они сильны во всѣхъ своихъ привычкахъ и къ тому же заурядъ отличаются величайшею беззаботностью. Туземцы оттого именно противостоятъ опасностямъ тропическаго климата лучше европейцевъ, что они приспособлены всѣмъ существомъ своимъ къ требованіямъ мѣстной природы. Удивительную способность евреевъ акклиматизироваться Вирховъ приписываетъ особенностямъ ихъ жизни, строго гигіеническимъ предписаніямъ, детальнымъ постановленіямъ относительно пищи, семейной жизни, равно какъ и тому, что они избѣгаютъ сельскія работы и т. д. [2]). Дѣйствительно, сельскія работы не совсѣмъ то безопасны въ странахъ тропическихъ, въ виду многочисленныхъ міазмовъ и продуктовъ гніенія въ почвѣ.

Выборъ подходящаго мѣста жительства въ мѣстностяхъ болѣе высокихъ и здоровыхъ, разумный образъ жизни и приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ труда, во многомъ обезпечиваютъ европейцевъ. Знаменитый Нахтигаль, столь много лѣтъ путешествовавшій по Африкѣ и безнаказанно вынесшій, не смотря на свое чахоточное состояніе, лишенія и трудности почти невѣроятныя, палъ въ концѣ концовъ жертвою своей собственной неосторожности. Положительныя

---

[1]) Livingstone. Reisen und Entdeckung in Nord- und Centralafrika. Gotha 1857, B. II, S. 596.

[2]) Virchow, l. c., S. 550.

чудеса дѣлаетъ въ областяхъ тропическихъ и субтропическихъ разумное гигіеническое оздоровленіе мѣстности. Поразительные примѣры представляетъ въ этомъ случаѣ французская колонизація въ Алжирѣ. Мѣстности, пользовавшіяся въ прежнее время самою страшною репутаціею, превращены, благодаря осушкѣ болотъ, правильному полеводству и винодѣлію, въ отрадные и въ высшей степени здоровые уголки. Въ роковомъ Бонѣ въ 1833 году, при комплектѣ гарнизона въ 5.500 человѣкъ, насчитывалось заболѣваній 6.704 (121,8 %), смертныхъ случаевъ 1.526 (27,7 %); въ 1884 году, при комплектѣ въ 1.826 человѣкъ, было заболѣваній 736 (40,2 %), смертныхъ случаевъ 8 (0,43%) [1]).

Жители тропиковъ, переселяющіеся въ страны умѣренныя или холодныя, заболѣваютъ, вслѣдствіе совершенно иныхъ условій отправленія организма и главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣненія процесса дыханія, чаще всего болѣзнями дыхательныхъ органовъ. Примѣры даютъ намъ въ этомъ случаѣ наши кавказцы въ Петербургѣ, индусы въ Лондонѣ; даже исландцы, переселяющіеся въ Копенгагенъ, погибаютъ отъ чахотки; нубійцы весьма плохо переносятъ зиму въ Египтѣ; негры страдаютъ чахоткою въ сѣверныхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Однако же и тутъ возможны случаи весьма полнаго приспособленія къ климату болѣе суровому, какъ это показали путешественники и матросы южане, принимавшіе участіе въ полярныхъ экспедиціяхъ. Въ общемъ страны холодныя несравненно здоровѣе странъ тропическихъ, такъ какъ многочисленнымъ тропическимъ болѣзнямъ нельзя противупоставить ни одной спеціально арктической болѣзни [2]). Конечно, арктическія страны представляютъ значительныя неудобства для обитанія въ виду бѣдности своей, и эти неудобства отразились на наружномъ видѣ обитателей ихъ. Конечно и крайній холодъ имѣетъ свои непріятности, въ особенности въ виду сильнаго лучеиспусканія, такъ какъ при температурѣ воздуха, напримѣръ, въ — 50° С., разность между температурою тѣла и температурою воздуха доходитъ почти до 90° С.; вслѣдствіе этого всѣ обнаженныя части тѣла испытываютъ боль и ознобленіе. Въ общемъ, однако, сильный

[1]) Dr. Maillot. Gazette des hopitaux, 1887, Octobre.

[2]) Renk. Die Luft, S. 240.

холодъ, при относительно небольшой влажности воздуха и при отсутствіи вѣтровъ, переносится болѣе или менѣе легко, какъ на это указываетъ примѣръ нашей Сибири.

Въ общемъ, обитатели арктическихъ странъ переносятъ холодъ легче, чѣмъ обитатели странъ тропическихъ жару. Къ тому же отъ холода несравненно легче оградиться, чѣмъ отъ тропическаго зноя.

Такимъ образомъ, вопросъ объ акклиматизаціи сводится къ вопросу о наилучшемъ приспособленіи къ условіямъ „географическихъ провинцій" (Бастіанъ). Природа въ данномъ случаѣ такъ безпощадна, что требуетъ это приспособленіе даже отъ туземцевъ, покинувшихъ на время свою родину. Цёллеръ указываетъ на то, что негры, возвратившіеся изъ Америки въ Либерію, страдаютъ относительно сильно отъ климатическихъ болѣзней [1]). Тоже сообщаетъ Ливингстонъ относительно негровъ, возвращавшихся изъ болѣе здоровыхъ областей на свою родину [2]). Условія новой провинціи успѣли, слѣдовательно, уже пересоздать ихъ организмъ.

Мы можемъ себѣ поэтому, легко представить, какую важность имѣютъ для вопроса объ акклиматизаціи и главнымъ образомъ для вопроса объ акклиматизаціи индивидуальной указанія опытныхъ путешественниковъ. Совѣты этихъ путешественниковъ въ сущности всѣ сосредоточиваются на томъ, что слѣдуетъ вполнѣ приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ и жить такъ, какъ живутъ туземцы. Необходимо, однако, замѣтить, что это правило приложимо лишь въ извѣстной степени, такъ какъ путешественникъ eo ipso, какъ путешественникъ, ведетъ совершенно другой образъ жизни, чѣмъ туземецъ: у него совершенно иныя жизненныя задачи, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться, не отказавшись отъ самой цѣли своего путешествія; онъ обыкновенно проѣзжаетъ столько разнообразныхъ мѣстностей, что не можетъ приспосабливаться къ каждой изъ нихъ; наконецъ,—и это важное соображеніе не оставляло насъ при изученіи всей обширной литературы объ акклиматизаціи человѣка,—всякій внезапный переходъ отъ одного способа жизни къ другому, даже отъ

---

[1]) Zöller. Das Togoland und die Sklavenküste, Berlin, Stuttgart, Speemann. 1885, S. 65.

[2]) Fr. Ratzel. Anthropogeographie. Stuttgart, Engelhorn, 1882, S. 306.

одного способа питанія къ другому, не проходитъ безнаказанно. Если мы, поэтому, представимъ себѣ, что организмъ путешественника внезапно остается безъ привычныхъ для него жизненныхъ пособій и присоединимъ къ этому утомленіе отъ пути и ненормальное состояніе организма подъ вліяніемъ другого климата, то организмъ путешественника весьма естественно потеряетъ необходимую резистентность для того, чтобы противустоять эндемическимъ опасностямъ. Намъ кажется, поэтому, что путешественнику или переселенцу необходимо прежде всего вникнуть въ требованія окружающей его природы, приспособить къ ней затраты своего организма, тщательно избѣгать видимыхъ опасностей, не пренебрегать указаніями туземцевъ, но отнюдь не отказываться внезапно отъ привычнаго режима жизни, отъ обыденнаго питанія, одежды и т. д. Весьма значительную роль играетъ при акклиматизаціи и настроеніе духа. Генрихъ Бартъ два раза заболѣвалъ лихорадкою по достиженіи цѣли своего путешествія [1]). Д-ръ Фишеръ разсказываетъ о томъ, что охотники на гиппопотамовъ бродятъ по цѣлымъ недѣлямъ безнаказанно въ болотистыхъ низменностяхъ, но по возвращеніи домой обыкновенно заболѣваютъ [2]).

Лучше всего акклиматизація удается если она происходитъ постепенно, такъ сказать, черезъ посредствующія ступени. Англійскія войска, прожившія нѣкоторое время на Гибралтарѣ или въ Капландіи, лучше переносятъ климатъ Остиндіи; европейцы лучше приспосабливаются къ климату Центральной Америки, если они предварительно пробыли нѣкоторое время на Канарскихъ островахъ [3]). Но именно на этихъ-то ступеняхъ постепеннаго приближенія къ иному климату чужеземцы приспосабливаютъ свои организмы къ условіямъ новыхъ географическихъ провинцій, или другими словами, организмы ихъ измѣняются настолько, что приближаются до нѣкоторой степени къ организмамъ туземцевъ. Это приближеніе значительно облегчается и ускоряется скре-

---

[1]) H. Barth. Reisen und Entdeckungen in Nord- und Centralafrika, Gotha 1857, B. II, S. 582; 1858, B. IV, S. 447.

[2]) G. A. Fischer. Mehr Licht im dunklen Welttheil, Hamburg. 1885, S. 38.

[3]) A. Bastian. Zur Lehre von den geographischen Provinzen, Berlin, Mittler und Sohn, 1886, S. 18.

щиваніемъ съ туземными племенами[1]). На послѣдующихъ страницахъ мы еще разъ вернемся при вопросѣ о послѣдствіяхъ миграціи человѣческаго рода къ добытымъ здѣсь положеніямъ, такъ какъ они должны лечь въ основу ученія о развитіи человѣческихъ расъ.

Что же касается нашего первоначальнаго вопроса о томъ, можемъ ли мы, европейцы, заселить весь міръ, то мы, на основаніи предыдущаго, должны заключить, что при существующихъ условіяхъ массовое выселеніе европейцевъ въ страны тропическія всегда будетъ наталкиваться на существенныя препятствія; что эти выселенія немыслимы безъ извѣстнаго измѣненія европейскаго организма и европейскаго склада жизни и что, наконецъ, наши понятія о трудѣ не приложимы къ странамъ тропическимъ. Мы можемъ себѣ, поэтому, представить, что продуктивная колонія въ тропической области можетъ относиться къ разряду колоній эксплуатируемыхъ; она можетъ, слѣдовательно, временно посѣщаться европейцами, промышляющими охотой или рыболовствомъ, искателями золота или, наконецъ, торговцами. Будучи колоніей культурной, она можетъ держаться лишь на плантаторскомъ хозяйствѣ, т. е. на хозяйствѣ, при которомъ работа выполняется людьми, вѣками приспособленными къ тропическому климату. Всѣ другія попытки европейцевъ, при ничтожныхъ средствахъ ихъ для борьбы противъ опасностей тропической природы, окончатся обычною неудачею[2]).

„Таинственное звено связываетъ двѣ необыкновенно важныя для жизни мірозданія силы—свѣтъ и теплоту. Свѣтъ и

---

[1]) Bastian, l. c., S. 18.

[2]) Мы придерживаемся классификаціи колоній, предложенной нами въ „Die kolonialen Besitzungen des Russichen Reiches etc.“ S. 23.

Непродуктивныя колоніи:

a. Завоевательныя колоніи.
b. Колоніи для ссылки.

Продуктивныя колоніи:

1) Эксплуатируемыя колоніи:
a. Охотничьи, рыболовныя колоніи.
b. Золотопромышленныя колоніи.
c. Торговыя колоніи.
2) Культурныя колоніи:
a. Плантаторскія колоніи.
b. Земледѣльческія, скотоводческія колоніи.
c. Эмансипированныя колоніи (съ собственною промышленностью).

*

теплота представляютъ движеніе. Нагрѣтыя и свѣтящіяся тѣла переносятъ энергію молекулярнаго движенія ихъ частицъ на другія тѣла" [1]). Такимъ образомъ, мы приходимъ къ новому климатическому фактору, который намъ опять-таки указываетъ на всю сложность процессовъ приспособленія. Физіологическое значеніе свѣта отражается на человѣкѣ, какъ на любомъ другомъ организмѣ. Тепло и свѣтъ вліяютъ существеннымъ образомъ на обмѣнъ веществъ. Молешоттъ показалъ на опытѣ (1855 г.), что лягушки выдыхаютъ при свѣтѣ больше углекислоты, чѣмъ при темнотѣ [2]). Тоже показали его ученики относительно другихъ животныхъ [3]). По Петтенкоферу и Фойту (1866 г.), человѣкъ выдыхаетъ въ 12 дневныхъ часовъ больше углекислоты, чѣмъ въ 12 ночныхъ. Наконецъ, Фубини доказалъ, что кожа человѣка испускаетъ при свѣтѣ болѣе углекислоты, чѣмъ при темнотѣ [4]). Въ виду этого ясно, что свѣтъ имѣетъ значительное вліяніе на человѣческій организмъ; въ особенности сильно выражается это вліяніе или, лучше сказать, отсутствіе его на болѣе чувствительныхъ дѣтскихъ организмахъ [5]).

Подобно тому, какъ свѣтъ имѣетъ рѣшающее значеніе для окраски растительныхъ организмовъ, онъ оказываетъ свое вліяніе и на окраску кожи человѣка. Мы далеки, конечно, отъ мысли Плинія, по мнѣнію котораго можно по цвѣту кожи народа судить о близости его мѣстожительства къ полюсамъ, такъ какъ съ приближеніемъ къ экватору цвѣтъ кожи становится темнѣе. Мысль эта, какъ извѣстно, была неоднократно повторяема и развиваема, напр., Моперціусомъ, Колумбомъ и др. Однако, миграція человѣческаго рода до такой степени значительна, что о подобномъ распредѣленіи, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи. Вспомнимъ, напримѣръ, сдвинутыхъ

---

[1]) Krebs. Die Erhaltung der Energie etc. Цитировано по Фаминцину. Учебникъ физіологіи растеній. С.-Петербургъ, 1887, стр. 131.

[2]) Jakob Moleschott. Annales des Sciences naturelles, Zoologie, IV Série, T. IV, p. 209 et suiv.

[3]) Moleschott's Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und der Thiere, B. XII, S. 266—285.

[4]) Moleschott's Untersuchungen, B. XII, S. 9 ff.

[5]) Веберъ того мнѣнія, что недостатокъ свѣта ухудшаетъ формы перемежной лихорадки. Свѣтъ, наконецъ, враждебенъ бактеріямъ. Weber, Руководство къ климатотерапіи, С.-Петербургъ. Риккеръ, 1884, стр. 36.

на сѣверъ смуглыхъ лапландцевъ, самоѣдовъ, вогуловъ, эскимосовъ и т. д. Нельзя, однако, забывать того, что въ Европѣ на сѣверѣ дѣйствительно существуетъ, такъ называемая, зона бѣлокурыхъ народовъ и что наитемнѣйшія народности встрѣчаются вблизи экватора, такъ, напримѣръ, іолофы въ Африкѣ, папуасцы на Новой Гвинеи и т. д. Вспомнимъ, наконецъ, и то, что мы, европейцы, сами темнѣемъ подъ лучами солнца и подъ тропиками современемъ совершенно теряемъ свой специфическій розоватый цвѣтъ лица. Съ другой стороны, люди темной окраски теряютъ до нѣкоторой степени эту свою окраску въ среднихъ широтахъ. Такъ, мальчикъ негръ изъ Багирми, привезенный въ Германію Герардомъ Рольфсомъ, измѣнилъ свою интензивно черную окраску въ два года въ свѣтло-коричневую [1]). Робертъ Гартманъ наблюдалъ подобное выцвѣтаніе на цѣломъ рядѣ африканцевъ въ Германіи. У одной папуасской дѣвушки, привезенной изъ Новой Гвинеи въ Берлинъ, это выцвѣтаніе наблюдалось въ особенности на непокрытыхъ частяхъ тѣла [2]). Старинная литература изобилуетъ указаніями на самыя удивительныя перемѣны въ окраскѣ цвѣтовъ [3]). Характерно, наконецъ, что новорожденные самыхъ различныхъ народовъ болѣе или менѣе схожи по окраскѣ своей. По Прунеръ-Бею, много занимавшемуся вопросомъ объ окраскѣ кожи, новорожденные негры красноватаго цвѣта съ подмѣсью орѣховаго оттѣнка. Въ Суданѣ полная окраска устанавливается уже съ перваго года, а въ нижнемъ Египтѣ только съ третьяго [4]). Фалькенштейнъ наблюдалъ на только что родившихся негрскихъ ребятахъ густую съ коричневымъ отливомъ красноту, совершенно схожую съ окраскою нашихъ новорожденныхъ; спина, однако, была на одинъ тонъ темнѣе, а на выступающихъ частяхъ (ушныя раковины, грудные соски, пупокъ) оказался совершенно темный пигментъ, тогда какъ ноги, а въ особенности подошвы были поразительно бѣлы; но послѣ 6 недѣль младенецъ пред-

---

[1]) Rohlfs. Zeitschrift für Ethnologie, 1871, S. 255.

[2]) Ranke. Der Mensch, B. II, S. 146.

[3]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. I, S. 60. Weerth. Die Entwickelung der Menschenrassen durch Einwirkungen der Aussenwelt, Lemgo 1842, S. 41.

[4]) Pruner Bey. Mémoire sur les nègres, p. 327.

ставлялъ по цвѣту кожи уже совершеннаго негра [1]). Д-ръ Вольфъ, изслѣдовавшій область южныхъ притоковъ рѣки Конго, пишетъ, что онъ какъ на морскомъ берегу, такъ и въ глубинѣ страны видѣлъ новорожденныхъ свѣтло-розовыми и поразительно похожими на младенцевъ кавказской расы. По прошествіи нѣсколькихъ дней въ ихъ окраскѣ замѣчался уже коричневатый оттѣнокъ. Радужная оболочка негрскихъ дѣтей, по его сообщеніямъ и согласно съ указаніями другихъ новѣйшихъ наблюдателей, оказывается не синей [2]), а коричневой. Интересно также, что негры отъ испуга и съ голода сѣрѣютъ, а наѣвшись или разсердившись темнѣютъ [3]).

Въ сущности, конечно, вопросъ объ окраскѣ кожи сводится на качественное, а отнюдь не на количественное различіе въ пигментѣ. Какъ ни различенъ колоритъ различныхъ индивидуумовъ, а еще болѣе того различныхъ племенъ и народныхъ группъ, все же пигментъ при микроскопическомъ изслѣдованіи показываетъ всегда одни и тѣ же коричневые оттѣнки; все дѣло лишь въ различныхъ модификаціяхъ, въ степени разжиженности или крупитчатости его; дѣйствительно черныхъ или дѣйствительно синихъ красокъ въ данномъ случаѣ нѣтъ; исключеніе составляютъ развѣ только однѣ клѣтки ягодичной оболочки (Uvea), т. е. задняго слоя клѣтокъ радужной оболочки глаза; подъ микроскопомъ онѣ дѣйствительно кажутся черными, если же ихъ раздавить, то онѣ представляютъ коричневатые оттѣнки. Съ другой стороны, чрезвычайно трудно фактически доказать непосредственное участіе свѣта въ выработкѣ цвѣтовыхъ оттѣнковъ различныхъ племенъ. По всему вѣроятію, вліяніе свѣта комбинируется здѣсь съ цѣлымъ рядомъ другихъ факторовъ не только климатическихъ, но и культурныхъ. Съ повышеніемъ культурнаго уровня, заурядъ появляется болѣе свѣтлая окраска кожи.

Неоднократно уже упоминалась нами, какъ въ высшей степени важный климатическій факторъ — влажность воздуха. Мы говорили уже о томъ, какъ губительно вліяетъ на человѣка избытокъ влажности въ тропикахъ. Гдѣ влажность ком-

---

[1]) Falkenstein. Die Loangoexpedition, B. II, S. 35.

[2]) Darwin. Die Abstammung des Menschen, S. 534

[3]) Dr. Wolf, Wissmann, François, H. Müller. Im Innern Afrikas Leipzig, Brockhaus, 1888, S. 248.

бинируется съ зноемъ, тамъ возникаютъ міазмы и господствуютъ столь страшныя не только для европейцевъ, но и для туземцевъ эндемическія болѣзни. Эти бичи человѣчества находятся въ очевидной связи съ степенью влажности воздуха. Такая связь существуетъ, напр., между сыростью и маларіею. Въ тѣхъ областяхъ Индіи, гдѣ холера появляется эпидемически, она исчезаетъ при наступленіи жаровъ и значительной сухости воздуха и возникаетъ послѣ перваго дождя; тамъ, гдѣ она господствуетъ эндемически, она иногда исчезаетъ въ дождливое время и вновь оживаетъ въ періодъ засухи [1]). По наблюденіямъ Микеля, при продолжительной засухѣ увеличивается число микробъ; вскорѣ ихъ число достигаетъ максимума, а затѣмъ уменьшается [2]). По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, сухость воздуха способствуетъ распространенію крупа и дифтерита (Кригеръ) [3]).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ наукѣ стали извѣстны указанія Петтенкофера на то, что съ пониженіемъ уровня почвенной воды эпидеміи получаютъ болѣе широкое распространеніе, а съ повышеніемъ улучшаются санитарныя условія, вопросъ о связи между почвенной водой и гигіеническими условіями сталъ моднымъ вопросомъ не только для гигіенистовъ, но и для антропогеографовъ. Въ особенности интересны указанія Сойки на то, что извѣстныя условія влажности чрезвычайно благопріятствуютъ развитію микроорганизмовъ, тогда какъ съ другой стороны стояніе уровня почвенной воды зависитъ отъ метеорологическихъ факторовъ [4]). Такимъ образомъ возникло нѣчто вродѣ „подземной климатологіи“.

Но съ другой стороны, влажность является наиважнѣйшимъ элементомъ въ жизни организма, ибо, гдѣ нѣтъ влажности, тамъ нѣтъ и жизни. Глубокомысленное представленіе Анаксимандра Милетскаго (род. 611 до Р. Х.) о томъ,

---

[1]) Hirsch. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, B. I. S. 326. ff.

[2]) Miquel. Les organismes vivants de l'athmosphère, Paris 1883, p. 214.

[3]) Renk, S. 163.

[4]) J. Soyka. Der Boden, Handbuch der Hygiene und Gewerbekrankheiten, hersgb. von Pettenkofer und Ziemssen, B. I, Abth. 2, H. 3, 1887. Daubrée. Les eaux souterraines à l'époque actuelle, Paris, Dunod, 1887. I. Soyka. Die Schwankungen des Grundwassers, geographische Abhandlungen, hersgb. von Penck, Wien, Hölzel, B. II, H. 3, 1888.

что всѣ существа создались постепенно изъ влаги, благодаря теплу [1]), не лишено извѣстнаго значенія. Лучшимъ свидѣтельствомъ могущества влажности могутъ служить среднеазіатскіе оазисы, неоднократно возрождавшіеся при возобновленіи искусственнаго орошенія.

Степень влажности воздуха имѣетъ несомнѣнное вліяніе на физіологическія отправленія человѣка, такъ какъ она регулируетъ выдѣленіе жидкостей человѣческаго организма. Человѣкъ теряетъ воду въ жидкомъ видѣ черезъ посредство почекъ, кишечника и кожи (потъ), въ газообразномъ видѣ черезъ посредство легкихъ и кожи. При обыденныхъ условіяхъ человѣкъ теряетъ ежедневно отъ 800—1.000 граммовъ, слѣдовательно около 2 фунтовъ воды путемъ испаренія черезъ кожу. Поэтому относительная влажность воздуха прежде всего вліяетъ на испареніе кожи. При сухомъ воздухѣ происходитъ сильное испареніе на поверхности кожи; тѣло, поэтому, остается прохладнымъ и сохраняетъ свою способность къ работѣ даже при весьма высокой температурѣ. Насыщенный влагою воздухъ препятствуетъ испаренію и производитъ на человѣка то удручающее настроеніе, которое испытываетъ каждый изъ насъ предъ грозой. Въ особенности тягостны сильныя степени насыщенія воздуха подъ тропиками, въ періодъ дождей. Солнечные удары страшны въ тропикахъ, именно въ мѣстахъ, изобилующихъ влажностью воздуха [2]). Въ болѣе сухихъ мѣстностяхъ солнечный ударъ встрѣчается чуть ли не рѣже, чѣмъ у насъ въ Европѣ [3]) и европейцы безнаказанно подвергаютъ себя вліянію солнечныхъ лучей, не прикрывая даже головы; туземцы же къ тому еще иногда ходятъ съ бритыми головами [4]). Оттого то мы чувствуемъ себя въ пустынѣ такъ превосходно, не смотря на крайне высокія температуры. Въ Австраліи, при незначительной влажности воздуха, европейцы могутъ съ жаромъ играть въ крокетъ при 32—38° С. въ тѣни [5]). Если въ

[1]) Мысль о томъ, что изъ воды создалось все, мы встрѣчаемъ, впрочемъ, уже у Ѳалеса Милетскаго (640 до Р. Х.) „Θαλῆς μέντοι λέγεται οὕτως ἀποφήνασθαι περὶ τῆς φύσεως ἡ δόξα, τάχ' ἂν ἄδηλον εἴη“. Arist. Met. I. 3.

[2]) A. Hirsch. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, B. III, S. 446, 447.

[3]) G. Fischer. Mehr Licht im dunklen Welttheil, S. 36.

[4]) G. Rohlfs. Zur Klimatologie und Hygiene Ostafrikas, S. 4.

[5]) Renk, die Luft, S. 238.

жаркомъ климатѣ сухой воздухъ способствуетъ охлажденію тѣла, то въ холодномъ климатѣ онъ способствуетъ сохраненію тѣлеснаго тепла. Атмосферный воздухъ нужно вообще считать за плохой проводникъ тепла. Если же воздухъ насыщенъ влагою, въ особенности же если эта влага конденсируется въ формѣ тумана, то воздухъ становится прекраснымъ проводникомъ тепла и способствуетъ быстрому охлажденію тѣла. Эта утрата тепла усиливается, если холодный воздухъ приводится въ движеніе и если благодаря этому все новые и новые слои влажнаго воздуха приходятъ въ соприкосновеніе съ тѣломъ. Полярные путешественники и обитатели арктическихъ странъ такъ прекрасно переносятъ арктическій климатъ потому, что этотъ климатъ характеризируется значительнымъ количествомъ относительной влажности воздуха и относительно рѣдкими вѣтрами.

Замѣчаніе покойнаго Пржевальскаго касательно вреда сырости для монголовъ, которые переносятъ ее будто бы также плохо, какъ верблюды [1]), вполнѣ опровергается указаніями Я. П. Дубровы на то, что „отъ самой Ханги и до береговъ рѣки Селенги всѣ лѣтнія юрты монголовъ расположены на берегахъ рѣкъ, ручьевъ и озеръ“; къ тому же монголы чрезвычайно охотно купаются [2]).

Намъ остается еще указать на то, что при вопросѣ о воспитательномъ значеніи климата мы вернемся къ вліянію большей или меньшей степени влажности воздуха на характеръ человѣчества. Въ данномъ же случаѣ мы перейдемъ къ изученію новаго климатическаго фактора, къ вопросу о составѣ воздуха.

Кому случалось быть въ горахъ, тотъ, конечно, испытывалъ на себѣ всю оживляющую силу чистаго воздуха. Но путешественникъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что его физическому и духовному обновленію способствуетъ не только воздухъ, но и физическое упражненіе при лазаніи на горахъ, отдыхъ отъ ежедневнаго труда и ежедневныхъ заботъ и, наконецъ, эстетическое впечатлѣніе великой природы. Въ сущности суровый климатъ горъ препятствуетъ сколько нибудь

[1]) Н. Пржевальскій. Монголія и страна тангутовъ. С.-Петербургъ, 1875. Т. I, стр. 35.

[2]) Я. П. Дуброва. Поѣздка въ Монголію, стр. 175, 176.

успѣшному распространенію органическихъ существъ, удовлетворяющихъ жизненнымъ потребностямъ человѣка; жизнь въ горахъ сопряжена съ весьма значительнымъ и непрерывнымъ трудомъ. Если мы, поэтому, a priori ожидаемъ, что въ горахъ, въ виду чистаго воздуха, число легочныхъ заболѣваній должно быть уменьшено, то практика Альпъ показываетъ намъ явленіе совершенно обратное. Непосильная работа и недостатокъ питанія оказываются могущественнѣе климатическихъ преимуществъ горной страны.

При прочихъ нормальныхъ условіяхъ, составъ воздуха является, однако, весьма важнымъ жизненнымъ факторомъ. Атмосферный воздухъ почти повсюду на землѣ одинаковаго состава: въ среднемъ приходится на 20,9 объема кислорода 79,1 объема азота (Бунзенъ, Ренье, Рейзе, Леви и др.). Подъ открытымъ небомъ и при обыденныхъ условіяхъ колебанія въ составѣ воздуха весьма незначительны и не имѣютъ вліянія на здоровье человѣка. Большія колебанія происходятъ лишь въ замкнутыхъ пространствахъ, въ горныхъ шахтахъ, въ пещерахъ, благодаря поглощенію кислорода при дыханіи и разложенію органическихъ веществъ. Значительное уменьшеніе кислорода замѣчается, однако, съ поднятіемъ на высоты; при уменьшеніи воздушнаго давленія уменьшается количество кислорода въ воздухѣ (Поль Беръ, Спикъ). Границей, за предѣлами которой болѣе слабые организмы подвергаются болѣзненнымъ припадкамъ или же теряютъ всякую устойчивость, считается приблизительно 5.000 метровъ, соотвѣтствующіе 11,2 % кислорода при нормальномъ давленіи [1]); граница выше которой человѣкъ вообще не можетъ подняться или же можетъ лишь временно, соотвѣтствуетъ 9,7 % до 7,2 % [2]). Повышеніе въ процентахъ кислорода наблюдается лишь при нѣкоторыхъ работахъ съ сжатымъ воздухомъ. Въ томъ, что въ воздухѣ существуетъ озонъ, въ послѣднее время начинаютъ вообще сомнѣваться [3]); точно также за нимъ отрицаютъ всякое санитарное значеніе [4]). Азотъ принадлежитъ къ газамъ индифферентнымъ.

---

[1]) Renk. Die Luft, S. 157.

[2]) Ibid, S. 159.

[3]) Schöne. Bericht der deutschen chemischen Gesellschaft, 1880. B. XIII, S. 1503.

[4]) Renk. Die Luft, S. 171.

Углекислота въ тѣхъ ничтожныхъ количествахъ, въ которыхъ она встрѣчается въ свободномъ воздухѣ, приблизительно 0,3 объема pro mille, не представляетъ особаго вреда. Даже болѣе того, Петтенкоферъ проводилъ цѣлые часы въ воздухѣ съ 10,0 pro mille, Форстеръ и другіе выдерживали по 10 минутъ въ воздухѣ съ 40,0 pro mille безъ вреда для здоровья. Но въ то же время углекислота является однимъ изъ характернѣйшихъ симптомовъ испорченности воздуха и масштабомъ интензивности многихъ химическихъ процессовъ, въ особенности же гнилостныхъ. Источниками углекислоты считаются вулканы, пещеры, горныя расщелины, источники; наибольшія массы углекислоты выдѣляются органическими существами, которыя даже послѣ смерти остаются источниками углекислоты; существеннымъ источникомъ углекислоты является, наконецъ, сгораніе. Впрочемъ, въ городахъ углекислоты встрѣчается относительно менѣе, чѣмъ это можно было бы ожидатъ. Однако, въ Манчестерѣ, по Смису, продуцируется ежедневно 7,78 милліоновъ куб. метровъ углекислоты. Петтенкоферъ объясняетъ относительно незначительное превышеніе углекислоты въ городахъ чрезвычайно быстрой диффузіей ея въ воздухѣ [1]), тогда какъ другимъ факторомъ нужно считать механическія движенія воздуха, обусловливаемыя главнымъ образомъ разностями температуры. Ночью, при подернутомъ небѣ и при туманѣ, замѣчается относительно больше уклекислоты, въ виду того, что распредѣленіе температуты болѣе равномѣрно. Рейзе наблюдалъ въ Парижѣ днемъ 0,289‰ углекислоты, ночью 0,308‰, при туманѣ 0,317‰ [2]). Въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ намъ представляется совершенно другое явленіе. Петтенкоферъ нашелъ въ жилищахъ Мюнхена 0,7 ‰, въ аудиторіяхъ 3,2, въ ресторанахъ 4,9, въ школахъ 7,2 [3]). Эртель находилъ въ Мюнхенѣ въ жилищахъ отъ 0,8 — 9,4 ‰; Роско въ Лондонѣ 1,2 — 3,3; Гиртъ въ фабрикахъ прессованныхъ дрожжей 10,0 ‰; въ С.-Готардскомъ тунелѣ наблюдалось отъ 3—9,6 ‰ [4]). Высшія величины углекислоты, въ особенности при моментальномъ дѣйствіи, могутъ

---

[1]) Renk. Die Luft, S. 30.

[2]) Reiset. Comptes rendues, V. IX, p. 1144.

[3]) Landois. Lehrbuch der Physiologie, S. 25, 26.

[4]) Renk. Die Luft., S. 39.

причинить обморокъ и даже смерть, какъ это неоднократно наблюдалось при работахъ надъ колодцами и въ шахтахъ.

Но какъ уже указано было, углекислота служитъ намъ прежде всего симптомомъ испорченности воздуха. Дымъ и копоть едва ли вредны сами по себѣ, но они служатъ передатчиками кислотъ. Въ 1.000 куб. метрахъ въ Лондонѣ наблюдалось 1,67 грамма сѣрнистой кислоты, въ Манчестерѣ 2,518 грамма. По Смису, въ Манчестерѣ вообще погибаетъ всякая растительность [1]). Въ С. Эленсѣ изъ различныхъ источниковъ выдѣляется ежегодно 1.440.000 центнеровъ газовъ, содержащихъ кислоты, между прочимъ 58% сѣрнистой кислоты. Въ окрестностяхъ Штольберга, гдѣ добывается желѣзо, свинецъ, стекло, химическіе продукты и т. д. и гдѣ всѣ сооруженія расположены на пространствѣ лишь 650 гектаровъ, выдѣляется ежегодно 600.000 центнеровъ такихъ газовъ; между ними 40% благодаря сгоранію угля. Въ особенности страдаютъ отъ этихъ кислотъ хвойныя деревья. Но вѣдь помимо индустріальныхъ производствъ массы каменнаго угля обжигаются для цѣлей домашнихъ или для путей сообщеній, являясь такимъ образомъ также источникомъ сѣрнистой кислоты [2]).

Нельзя также забывать, что испорченный воздухъ переполненъ массами пыли, которую можно охарактеризовать какъ смѣсь изъ неорганическихъ веществъ, умершихъ органическихъ веществъ и живыхъ или способныхъ къ оживленію тѣлъ [3]). Происхожденіе пыли главнымъ образомъ сводится на механическіе или химическіе процессы. О томъ, сколько пыли содержитъ воздухъ, которымъ мы дышемъ, мы можемъ судить по массѣ пылинокъ, носящихся въ солнечномъ лучѣ, ворвавшемся въ комнату. Весьма удачно одинъ изслѣдователь замѣчаетъ, что едва ли кто нибудь безъ содраганія рѣшится вдохнуть въ себя ту густую и тяжелую массу пыли, которая, такъ сказать, виситъ въ лучѣ электрическаго свѣта. Пыль эта можетъ вредить человѣку, какъ раздражитель чисто физическій или же какъ переноситель заразы. Если мы

---

[1]) Dinglers Polytechnisches Journal, 1876, S. 87.

[2]) Hasenclever. Ueber die Beschädigung der Vegetation durch saure Gase. Berlin, Springer 1879. S. 8, ff. См. также T. v. Schröder und C. Preuss. Die Beschädigung der Vegetationen durch Rauch etc., Berlin 1883.

[3]) Rossbach. Lehrbuch der physikalischen Heilmethode, 1881, S. 56.

не всѣ умираемъ отъ безчисленныхъ микробъ, носящихся въ воздухѣ, то это зависитъ отъ того, что наши организмы достаточно устойчивы для того, чтобы справиться съ враждебными организмами; тѣмъ не менѣе, $^1/_7$ всѣхъ смертныхъ случаевъ падаетъ на туберкулезъ [1]). А. Смисъ выводитъ изъ химическихъ анализовъ, что въ одномъ куб. футѣ городскаго воздуха можетъ заключаться слишкомъ 500.000 зародышей[2]). Тиссандьенашелъ въ пыли Парижа 25—34% органическихъ веществъ, 66—75% неорганическихъ. Тичборнъ нашелъ на улицахъ Дублина 45,2% органическихъ, 54,8% неорганическихъ веществъ; на высотѣ 40 метр. 29,7% органическихъ, 70,3% неорганическихъ. Въ больничныхъ палатахъ процентъ органическихъ веществъ доходилъ до 73,4 [3]). Бухнеръ находилъ при довольно несовершенныхъ методахъ изслѣдованія на свободномъ воздухѣ 10 микробовъ на одинъ литръ воздуха; иногда же въ двухъ литрахъ не встрѣчалось ни одной микробы. Ренкъ находилъ 1 экземпляръ на 1 литръ воздуха въ своей лабораторіи [4]). По Фрейденрейху, на улицахъ Берна приходится на 1 кубическій m. отъ 250 до 444 микробъ, тогда какъ на высотахъ Альпъ микробы либо совершенно отсутствуютъ, либо же встрѣчаются въ крайне незначительномъ числѣ [5]).

Если опыты Ренка и показали, что мы выдыхаемъ воздухъ почти съ тѣмъ же количествомъ пыли изъ легкихъ, съ которымъ мы его вдохнули [6]), то продолжительныя вдыханія большихъ массъ пыли влекутъ за собою рядъ легочныхъ заболѣваній, называемыхъ пневмоноконіозами (Ценкеръ). Эти заболѣванія играютъ видную роль среди многомилліоннаго рабочаго сословія и занимаютъ значительные отдѣлы въ руководствахъ по профессіональнымъ болѣзнямъ [7]). Мы наталкиваемся здѣсь на рядъ самыхъ ужасныхъ пораженій. Раз-

---

[1]) Strümpell. Spezielle Pathologie und Therapie, Leipzig, Vogel 1883. B. I. S. 270.

[2]) H. Weber. Руководство къ климатотерапіи. С.-Петербургъ. Риккеръ. 1884. Стр. 12.

[3]) Renk, l. c., S. 216.

[4]) Rink, l. c., S. 131.

[5]) Ed. de Freudenreich. Archives des sciences physiques et naturelles, Sér. 3, T. XII, 1884, p. 365.

[6]) Renk, l. c., S. 213.

[7]) Смотри, напримѣръ, Hirt und Merkel. Die Gewerbekrankheiten, Leipzig. Vogel, III Aufl. 1882.

личаются, напримѣръ, легкія камнетесовъ, усаженныя крупицами гранита; легкія угольщиковъ (anthrakosis), совершенно черныя, пигментированныя углемъ; металлическія легкія точильщиковъ и изготовителей напильниковъ (siderosis); легкія рабочихъ, занимающихся въ табачныхъ, хлопчатобумажныхъ фабрикахъ и т. д. Характерное явленіе представляло собою красное желѣзное легкое дѣвушки, работавшей отъ 10—12 часовъ въ сутки надъ окраскою красной пропускной бумаги.

Мы видимъ такимъ образомъ, что цивилизація представляетъ не мало опасностей для благоденствія человѣчества. Но еще ярче предъ нами вырисовывается опасность испорченнаго воздуха, если мы вспомнимъ, что среди нашихъ кочевниковъ-инородцевъ чахотка явленіе почти совершенно неизвѣстное; если же инородцы дѣлаются осѣдлыми, то этотъ страшный бичъ человѣчества тотчасъ же начинаетъ свирѣпствовать среди нихъ. Точно также губительно отзывается на индѣйцахъ обитаніе въ замкнутыхъ жилищахъ [1]).

Говоря о составѣ воздуха, мы уже упоминали о томъ, что съ уменьшеніемъ воздушнаго давленія, слѣдовательно, съ поднятіемъ надъ уровнемъ моря, уменьшается количество кислорода. Не будемъ останавливаться на томъ, какъ высоко поднимались воздухоплаватели и горолазы; отмѣтимъ лишь, что наивысшія точки обитанія лежатъ, напримѣръ, въ западномъ Тибетѣ на высотѣ 4.598 m.; на Перуанско-Боливанскомъ плоскогорьи мы находимъ Серро-де-Паско на 4.352 m. и Патази на 4.069 m.; Ладакъ въ Западномъ Тибетѣ на 4.600 m и т. д. [2]). Но говоря объ обитателяхъ высотъ, мы должны упомянуть и о приспособленіи ихъ къ мѣстнымъ климатологическимъ условіямъ. Французскіе и бельгійскіе солдаты чувствовали себя нездоровыми въ Мехикѣ уже на высотѣ 2.200 m., тогда какъ мѣстные жители вполнѣ приспособились къ этой высотѣ. Дѣйствительно, условія жизни въ горахъ характеризируются не только большею бѣдностью въ пищевыхъ веществахъ, слѣдовательно, большими запросами на трудъ обитателей, не только относительнымъ уменьшеніемъ количества кислорода, но и значительными колебаніями температуры

[1]) Э. Петри. Культурные успѣхи индѣйцевъ. Восточное обозрѣніе, 1886, № 4.
[2]) Ratzel. Anthropogeographie, S. 311.

бо̀льшею сухостью воздуха, бо̀льшею интензивностью солнечнаго освѣщенія и т. д. Въ общемъ горный климатъ умѣренныхъ высотъ имѣетъ значительныя санитарныя достоинства: рядъ эпидемическихъ или эндемическихъ болѣзней останавливается предъ высотами. Желтая лихорадка [1]) не заходитъ выше 100—200 m. на сѣверо-американскихъ берегахъ; лишь въ иныхъ пунктахъ она поднималась до 500—1.000 m. Оттого-то высоты служатъ санитарными станціями для европейцевъ, обитающихъ въ тропическихъ странахъ. Вслѣдствіе постоянныхъ физическихъ упражненій тѣла при передвиженіяхъ въ горахъ, горные жители, при сколько нибудь нормальныхъ условіяхъ питанія, замѣчательно крѣпнутъ, дыхательная дѣятельность ихъ и пульсъ повышаются, грудная клѣтка расширяется [2]). Но съ другой стороны, мы уже указывали на то, что горные жители, въ случаѣ непосильнаго труда и недостаточнаго питанія могутъ оказаться и чрезвычайно хилыми.

Вліяніе высотъ на непривычныхъ людей описывается докторомъ Веберомъ слѣдующимъ образомъ: при небольшихъ возвышеніяхъ до 1.100 и 1.500 m. у здоровыхъ замѣчается по большей части только очень умѣренное учащеніе пульса и дыханія съ чувствомъ хорошаго благосостоянія и легкости движеній, съ усиленнымъ аппетитомъ, жаждою и уменьшенною наклонностью къ отдѣленію пота. У немалаго числа довольно крѣпкихъ субъектовъ мозговая дѣятельность на высотахъ за 1.500 m. кажется чрезвычайно оживленной, доходящей въ рѣдкихъ случаяхъ до серьезнаго состоянія. При увеличивающемся возвышеніи до 3.000—3.300 m. у многихъ частота пульса и дыханіе болѣе повышаются и при незначительныхъ мышечныхъ движеніяхъ у нѣкоторыхъ сердечная дѣятельность становится неправильною и въ высшей степени слабою, появляются обморочныя явленія и припадки горной болѣзни, которыя, повидимому, зависятъ отъ малокровія мозга [3]). Явленія горной болѣзни сводятся на то, что вслѣдъ за повышеніемъ сердечной и дыхательной дѣятельности, являющейся слѣдствіемъ усилій и уменьшеннаго воспринятія кислорода,

[1]) Hirsch. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie, B. I. S. 253 f.

[2]) M. J. Rossbach. Lehrbuch der physikalischen Heilmethode etc., S. 64, 65.

[3]) Weber. Руководство къ климатотерапіи, стр. 43.

наступаетъ значительное утомленіе всего тѣла, сердцебіеніе, отвращеніе къ пищѣ, затрудненное дыханіе, тошнота, головокруженіе, усиливающаяся слабость, рвота и поносъ; сознаніе помрачается, путешественники теряютъ всякое представленіе объ опасностяхъ, глаза какъ бы заволакиваются, проявляются геморрагіи; иногда какое либо лишнее усиліе, напримѣръ, желаніе обогнать своихъ спутниковъ, можетъ повлечь за собою смерть [1]). Горная болѣзнь наступаетъ, по Поль Беру, въ Альпахъ и въ Пиренеяхъ на высотѣ болѣе 3.000 m., въ Мехикѣ при 4.500 m. Въ особенности опасны внезапныя значительныя перемѣны въ давленіи воздуха, которымъ могутъ подвергаться рудокопы, рабочіе при постройкѣ мостовъ и т. д. [2]).

Не будемъ долго останавливаться на вѣтрахъ, которые если и считаются наиважнѣйшими регуляторами прочихъ климатическихъ факторовъ, то все же не имѣютъ такого непосредственнаго вліянія на человѣка, какъ разобранные нами выше факторы. Тѣмъ не менѣе, вѣтры часто и быстро измѣняютъ температуру, влажность и давленіе атмосферы и до извѣстной степени переносятъ климатъ одной мѣстности въ другую, болѣе или менѣе отдаленную; наконецъ, они вездѣ содѣйствуютъ очищенію воздуха [3]). Есть, впрочемъ, не мало вѣтровъ, чрезвычайно вредоносныхъ для человѣка, какъ напримѣръ, самумъ, шамсинъ, гарматтанъ, сирокко и т. д., тогда какъ сухіе и жаркіе фёны являются причиною быстраго таянія снѣговъ въ Швейцаріи и, какъ выражаются въ Граубюнденѣ, „варятъ виноградъ“, т. е. способствуютъ, благодаря сухости и высокой температурѣ своей, созрѣванію винограда. Глубокое культурно-географическое значеніе имѣютъ морскіе вѣтры, благопріятствующіе плаванію по морямъ и являющіеся, подобно пассатамъ, естественными проводниками человѣчества къ открытію новыхъ заокеаническихъ областей.

Разобравъ вліяніе всѣхъ вышеупомянутыхъ климатическихъ факторовъ на человѣка и противупоставивъ имъ нашу болѣе или менѣе самостоятельную и во всякомъ случаѣ достойную глубокаго удивленія культуру, мы придемъ къ за-

---

[1]) Renk. Die Luft, S. 203.

[2]) Weber. l. c., стр. 44.

[3]) Weber. l. c., стр. 48.

ключенію, что въ приспособленіяхъ человѣка къ климатическимъ особенностямъ должна лежать великая воспитательная сила.

Мы видѣли, какое значеніе имѣетъ для человѣка исканіе соотвѣтствующей пищи и что распредѣленіе этой пищи обусловливается въ концѣ концовъ климатическими факторами [1]). Мы указывали далѣе на то, что человѣкъ охраняетъ себя отъ климатическихъ крайностей при помощи крова, одежды, огня [2]). Во всѣхъ перечисленныхъ нами элементахъ, мы съ легкостью узнаемъ нашихъ воспитателей. Усовершенствованіе каждаго изъ нихъ равносильно успѣху въ познаваніи природы, равносильно, слѣдовательно, шагу впередъ на пути эмансипаціи человѣка изъ-подъ безусловной власти природы. Великъ путь отъ тѣхъ пещеръ, навѣсовъ и гнѣздъ, которыми пользуется первобытный человѣкъ на ряду съ дикими животными, къ чудному готическому храму. Но въ исторіи архитектуры мы можемъ съ нѣкоторыми усиліями прослѣдить переходы отъ естественнаго крова, представляемаго самою природою и отыскиваемаго человѣкомъ для защиты отъ непогоды, къ грандіознымъ сооруженіямъ, служащимъ наивысшимъ религіознымъ и эстетическимъ цѣлямъ. Одежда, прикрывающая тѣло, также весьма близко связана съ эстетическими наклонностями человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ является вліятельнымъ факторомъ въ выработкѣ половыхъ и общественныхъ отношеній, ибо чувство стыдливости начинаетъ развиваться лишь съ появленіемъ покрововъ тѣла [3]). Но связь человѣка съ климатомъ распространяется на несравненно бо̀льшій кругъ психологическихъ явленій. Прекрасный примѣръ представляютъ намъ въ данномъ случаѣ древніе аѳиняне. Улыбающееся небо и воздухъ чудной прозрачности придавали этому народу несравненную эластичность, свѣжесть и подвижность [4]); они вліяли и на развитіе художественнаго чутья его [5]). На свойства воздуха можно

[1]) Смотри выше, стр. 189.

[2]) Смотри выше, стр. 192, 193.

[3]) Пешель весьма остроумно и подробно останавливается на этомъ вопросѣ, равно какъ и на связи между выборомъ матеріала для одѣянія и способомъ пропитанія племенъ. Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 170 и слѣд.

[4]) Neumann-Partsch. Physikalische Geographie von Griechenland, S. 38.

[5]) Neumann-Partsch, l. c., S. 36.

свести даже ошибки въ живописи древнихъ аѳинянъ, а именно недостатокъ перспективы, объясняемой приближеніемъ предметовъ, благодаря прозрачному воздуху [1]). Климатъ вліяетъ и на питаніе и обусловливаетъ воздержанность грековъ [2]); климатъ благопріятствовалъ открытой общественной жизни аѳинянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вредно вліялъ на болѣе глубокую семейную жизнь [3]). Наконецъ, относительно ничтожное количество осадковъ отразилось въ духовной жизни и прежде всего въ религіозныхъ воззрѣніяхъ аѳинянъ [4]). Характерны молитвы о дождѣ и почитаніе тѣхъ вершинъ, которыя притягивали тучи и считались мѣстопребываніемъ бога дождей; на Гаргаросѣ, на высотахъ Коса, Парнаса, Гиммета и т. д., и т. д. воздвигнуты были алтари Зевсу-Гіетосу и Омбріосу [5]). Здѣсь происходило обрученіе неба съ землею. Точно также многочисленны были тѣ горныя вершины, гдѣ сходились Зевсъ и Гера [6]). Почти каждая мѣстность восточной Греціи обладаетъ своимъ болѣе или менѣе индивидуальнымъ культомъ дождя. Эти культы дождей имѣютъ географическое значеніе; они представляютъ собою характеристику природы данныхъ мѣстностей, такъ какъ почти исключительно сосредоточиваются на Архипелагѣ и на восточномъ склонѣ греческаго полуострова [7]). Понынѣ еще греки напутствуютъ уѣзжающаго чужеземца словами: „счастливаго пути и свѣжей воды“; нѣчто подобное же когда то говорилось въ напутствіе мертвецамъ, тогда какъ принадлежностью гробницы является сосудъ съ водою [8]).

Исходя изъ подобныхъ примѣровъ, мы, конечно, не можемъ не признать доли истины въ обыденныхъ представленіяхъ о томъ, что извѣстныя сумрачныя стороны въ характерѣ англичанина объясняются туманной родиной его, тогда какъ въ южанинѣ отражается беззаботное, веселое и въ то же время способное къ страшнымъ бурямъ южное небо. Чудныя

---

[1]) Neumann-Partsch, S. 39.
[2]) Ibid, S. 40 ff.
[3]) Ibid, S. 43.
[4]) Ibid, S. 75, 76.
[5]) Ibid. S. 76, 77.
[6]) Ibid, S. 78, 79.
[7]) Ibid, S. 80.
[8]) Ibid, S. 82.

строки посвятилъ подобному непосредственному вліянію природы на человѣка Александръ Гумбольдтъ въ своихъ Ansichten der Natur [1]).

Но если мы и признаемъ глубокое значеніе климата для физіологической и психической жизни человѣка, если даже допустимъ, что климатъ, въ виду этого своего значенія, можетъ способствовать развитію и укрѣпленію извѣстныхъ расовыхъ особенностей, то все же мы далеки отъ формулы Кузена: „каковъ климатъ, таковъ народъ". Точно также мы далеки отъ того, чтобы вмѣстѣ съ арабскими географами признать особую область основателей религій, область, лежащую по указанію ихъ между 20° и 33° 47′ с. ш. Въ настоящее время это ученіе, абстрактное и сухое по виду, нашло горячую поддержку въ лицѣ Оскара Пешеля, столь энергично въ тоже время протестовавшаго противъ крайностей въ ученіяхъ Бёкля о видимомъ вліяніи природы на психику человѣка. „Во всякомъ случаѣ есть доля истины", говоритъ онъ, „въ наблюденіяхъ арабскаго географа Шемседдина [2]), по которому основатели высшихъ и нынѣ еще существующихъ религій Зороастръ, Моисей, Будда, Христосъ и Магометъ пріурочены къ субтропическому поясу; лишь младшій изъ пророковъ родился между тропиками, но и его мѣсторожденіе отстоитъ лишь на какія нибудь 19 нѣмецкихъ миль отъ тропика. Если мы не упоминаемъ Конфуція, то это мы дѣлаемъ не потому, что родина его лежитъ далѣе на сѣверъ, но потому, что, причисливъ китайскаго нравоучителя къ другимъ основателямъ религій, мы этимъ умалили бы ихъ значеніе" [3]). Существованіе подобной зоны основателей религіи объясняется по Пешелю тѣмъ, что въ умѣренныхъ странахъ борьба за существованіе такова, что заставляетъ человѣка болѣе трудиться, чѣмъ молиться, тогда какъ въ жаркихъ странахъ, человѣкъ на столько беззаботенъ, что не станетъ углубляться въ самого себя [4]). Иное дѣло пустыня съ ея освѣжающимъ и возбуждающимъ воздухомъ, съ тѣми лишеніями и опасностями, съ голодомъ, жаждою, зноемъ, ми-

---

[1]) A. V. Humboldt, Ansichten der Natur. Stuttgart, Cotta 1826, B. II, S. 18 ff.

[2]) Nouvelles Annales des voyages. Paris, 1860. VI-ième Série VI, p. 309.

[3]) Peschel. Völkerkunde, S. 328.

[4]) Peschel. S. 329, ff.

*

ражами, которымъ подвергаются обитатели ея... Пустыня прежде всего способствуетъ развитію монотеизма [1]).

Мы всегда готовы признать за природою извѣстную степень вліянія на душевную жизнь человѣка, но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не считать въ данномъ случаѣ доказательства Пешеля весьма мало убѣдительными. Основы монизма, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы искать не столько въ природѣ пустыни, сколько въ историческомъ характерѣ народа и въ извѣстной зрѣлости его мышленія.

Мы не въ состояніи также слѣдовать за Фр. Ратцелемъ, который полемизируетъ съ Бёклемъ не менѣе самого Пешеля, и въ тоже время пытается установить особую область завоевателей и основателей государствъ [2]). Эти основатели и завоеватели всегда будто бы приходятъ съ сѣвера. Достаточно по мнѣнію Ратцеля вспомнить роль Германіи по отношенію къ Италіи, значеніе сѣверныхъ испанскихъ королевствъ въ борьбѣ противъ мавровъ, сѣверныхъ итальянцевъ въ средней и южной Италіи, побѣды манджуровъ надъ китайцами, монголовъ надъ индійцами и, наконецъ, передвиженія кафровъ изъ умѣренныхъ областей въ тропическую Африку [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что это ученіе Ратцеля не находитъ ни малѣйшей поддержки въ исторіи. Можно набрать безконечное число примѣровъ, указывающихъ на то, что завоеватели и основатели государствъ приходили съ юга, а не съ сѣвера: такъ, римляне являлись побѣдителями въ Германіи, мавры въ Испаніи и т. д.; вспомнимъ, наконецъ, движенія нашей европейской культуры съ юго-востока и юга на сѣверо-западъ и сѣверъ [4]).

Но мы, въ то же время, отнюдь не можемъ отрицать той

---

[1]) Peschel. S. 331.

[2]) Ratzel, Anthropogeographie, S. 315.

[3]) Ratzel, l. c., 315. 316.

[4]) Идея Ратцеля до извѣстной степени предзахвачена Ласамомъ, установившимъ извѣстную „Zone of conquest“, распространяющуюся отъ Эльбы до Амура и заключающую въ себя германцевъ, сарматовъ, угровъ, тюрокъ, монголовъ и манджуровъ. Обитатели этой области завоевателей нападали на сосѣдей своихъ сѣверныхъ и южныхъ, тогда какъ ни со стороны сѣвера, ни со стороны юга ни одинъ народъ не съумѣлъ вытѣснить жителей умѣренной полосы на болѣе продолжительное время. Нечего и говорить, что эти предположенія Ласама столь же мало въ состояніи выдержать историческую провѣрку, какъ и ученіе Ратцеля. Ratzel, Anthropogeographie etc., S. 325, 326.

существенной разницы, которая зачастую наблюдается между сѣверными и южными группами одного и того же народа: такъ, нѣмцы въ сѣверной Германіи отличаются умомъ выдержаннымъ, острымъ, но въ то же время до извѣстной степени холоднымъ; южные германцы, напротивъ того, душевнѣе, ихъ умъ, если и не острѣе и не обширнѣе, то во всякомъ случаѣ глубже и богаче ума сѣвернаго германца. Сѣверный французъ отнюдь не соотвѣтствуетъ обыденному представленію о легкомысленномъ французѣ, напротивъ того, это умный и расчетливый дѣлецъ; южный французъ несравненно впечатлительнѣе и экспансивнѣе сѣверянина. Точно также чрезвычайно велика разница между великоруссомъ и малоруссомъ; въ данномъ случаѣ мы опять противопоставляемъ большей мягкости, душевности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторой неустойчивости южанина, большую широту и бойкость ума и большую выдержанность сѣверянина.

Но, конечно, указанная разность въ характерѣ сѣверянъ и южанъ не есть результатъ различныхъ климатическихъ условій. Напротивъ того, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ комбинацій географическихъ, историческихъ и соціальныхъ факторовъ.

Глава X.

Миграціи человѣческаго рода въ связи съ географическими условіями.

Миграціи организмовъ.—Характеръ и причины ихъ.—Миграціонный инстинктъ и случаи утраты его.—Передвиженія по меридіану.—Географическія приманки.—Инстинкты массы.—Географическія условія, способствующія миграціи.—Географическія условія, препятствующія миграціи.—Географическія условія, способствующія возникновенію осѣдлости.

Мы убѣдились въ томъ, что распредѣленіе питательныхъ веществъ зависитъ отъ извѣстныхъ географическихъ комбинацій воды, тепла, свѣта, воздуха и солей. Въ основѣ географическаго распредѣленія питанія лежатъ условія климатологическія. Но въ виду крайне неравномѣрнаго распредѣленія земныхъ благъ и въ виду своего органическаго стремленія къ сохраненію жизни, организмамъ приходится отыскивать тѣ условія, которыя могли бы удовлетворить ихъ потребностямъ. Это исканіе становится жизненной необходимостью при размноженіи данныхъ организмовъ данной географической провинціи, при возрастаніи числа потребителей извѣстныхъ пищевыхъ веществъ.

Такимъ образомъ, передвиженіе, переселеніе или миграція организмовъ представляется однимъ изъ распространеннѣйшихъ, а въ интересахъ сохраненія организмовъ и однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ біологіи.

Миграція можетъ быть постоянная, періодическая, временная или случайная. Она можетъ быть активною, точно такъ же какъ и пассивною, такъ какъ многіе организмы, въ

особенности же низшіе и болѣе мелкіе зачастую переносятся другими животными или же силою воды и вѣтра; наконецъ, всѣ организмы могутъ быть перенесены по волѣ человѣка.

Мигрируютъ такъ или иначе едва ли не всѣ организмы, начиная съ человѣка и кончая организмами низшими. Среди болѣе извѣстныхъ мигрирующихъ организмовъ мы назовемъ сѣверныхъ оленей, лосей, бизоновъ, рогатый скотъ въ Альпахъ, нѣкоторыя породы овецъ, африканскихъ антилопъ и другихъ копытныхъ животныхъ. Мигрируютъ почти всѣ ластоногіе, многія летучія мыши и грызуны, вродѣ мышей, бѣлокъ, леммингов, горностаевъ и т. д.; періодически мигрируютъ птицы; рыбы для метанія икры; насѣкомыя какъ напр. Pachytylus migratorius и личинки Sciarae Thomae; наконецъ, даже среди низшихъ и притомъ среди такихъ, которыя большую часть жизни своей прикрѣплены къ мѣстожительству, мы встрѣчаемъ Tubiculae, Ascidiae, Crinoida, которые въ юномъ возрастѣ блуждаютъ; вспомнимъ далѣе ползучія растенія, способъ размноженія растеній посредствомъ перенесенія цвѣточной пыли и морскія Algae въ первичной формѣ ихъ. Эти миграціи достигаютъ подчасъ грандіозныхъ размѣровъ, независимо отъ того, будутъ ли они активными или пассивными. Въ послѣднемъ случаѣ наилучшимъ свидѣтелемъ могущества человѣка служитъ намъ культурное преображеніе растительнаго и животнаго покрова всего земнаго шара подъ вліяніемъ человѣка [1]); относительно перваго достаточно вспомнить извѣстныя массовыя переселенія грызуновъ [2]), насѣкомыхъ и т. д.

Основною причиною переселенія организмовъ является, какъ уже указано, стремленіе къ сохраненію жизни. Подъ это опредѣленіе можно подвести всѣ тѣ побужденія, которыя могутъ заставить организмъ мигрировать; такъ недостатокъ пищи вслѣдствіе размноженія потребителей или же вслѣд-

---

[1]) По Бругину, въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, ввезено 623 вида растеній, частью произростающихъ на свободѣ, частью же культилируемыхъ. Изъ нихъ Европа дала 420 видовъ, Азія—112, южная и средняя Америки—64, Африка—12, Австралія—1 видъ. Th. Bruhin, Prodromus florae adventiciae Boreali-Americanae, Verhandlungen der Kaiserlich-Königlichen-Zoologisch-Botanischen Gesellschaft in Wien. 1885, S. A., S. 62, 36.

[2]) G. J. Romanes. Die geistige Entwickelung im Thierreich, Leipzig, Günther 1885, S. 430.

ствіе климатическихъ или другихъ причинъ, отступленіе предъ врагомъ, свѣдѣнія о мѣстностяхъ болѣе благопріятныхъ въ какомъ либо отношеніи, отступленіе соперниковъ изъ этихъ благопріятныхъ областей, явленія половой жизни (метаніе икры). Но помимо этихъ естественныхъ причинъ, намъ приходится считаться еще съ одною весьма темною причиною, а именно съ миграціоннымъ инстинктомъ (Wandertrieb), который приводится въ непосредственную связь съ способностью мигратора находить наиболѣе соотвѣтствующее направленіе [1]). Съ той осторожной точки зрѣнія, которую мы желали бы удержать относительно такихъ гипотетическихъ понятій, какъ инстинктъ, мы, конечно, не можемъ удовлетвориться терминомъ „миграціонный инстинктъ". Существуетъ, впрочемъ, не мало предположеній, если не относительно возникновенія миграцій, которыя въ данномъ случаѣ, конечно, должны быть сведены къ наиболѣе простымъ и естественнымъ причинамъ, то во всякомъ случаѣ, относительно указанной способности оріентироваться. Дарвинъ и Уоллесъ говорятъ объ унаслѣдованной и укрѣпленной путемъ наслѣдованія привычкѣ удерживать путь въ извѣстномъ направленіи [2]). Анализуруя положеніе названныхъ авторовъ, Романесъ допускаетъ, какъ унаслѣдованную привычку, такъ и общее безсознательное воспоминаніе о пути [3]); онъ указываетъ далѣе на помощь, которую можетъ находить мигрирующій организмъ въ положеніи солнца [4]), въ воздушныхъ теченіяхъ (для птицъ) [5]); но съ другой стороны авторъ не можетъ удержаться отъ рискованнаго предположенія о томъ, что животныя одарены спеціальнымъ чувствомъ къ токамъ земного магнетизма [6]). Нельзя сказать, чтобы это предположеніе не напоминало извѣстную комбинацію Тидемана о спеціальномъ чувствѣ мигрирующихъ животныхъ къ воздушному электричеству [7]). Не менѣе странно предположеніе Уоллеса о томъ, что животныя руководятся при отъискиваніи обратнаго пути воспо-

---

[1]) Romanes, l. c., S. 316, § 3.
[2]) Romanes, l. c, S. 317. 318.
[3]) Romanes, l. c., S. 321.
[4]) Ibid, S. 325.
[5]) Ibid, S. 327.
[6]) Ibid, S. 321.
[7]) Корнеліусъ. Переселяющіяся животныя. Москва. Глазуновъ, 1866, стр. 4.

минаніями органа обонянія, тогда какъ извѣстно, что животныя при своемъ возвращеніи на родину избираютъ совершенно новый путь или же идутъ по такъ называемой пчелиной линіи (bee-line), какъ говорятъ американцы, т. е. по прямой линіи [1]).

Вопросъ о миграціонномъ инстинктѣ изученъ въ настоящее время крайне недостаточно. Можно, однако, надѣяться на то, что въ ближайшемъ будущемъ въ эту темную область будетъ внесено болѣе свѣту. По крайней мѣрѣ, наука не признаетъ уже существованія подобныхъ инстинктовъ тамъ, гдѣ она располагаетъ болѣе богатымъ и болѣе осязательнымъ матеріаломъ. Такъ, разбирая вопросъ о причинахъ миграціи человѣка, Фридрихъ Ратцель прямо указываетъ на то, что не существуетъ этого инстинкта для человѣка; въ то же время онъ допускаетъ вліяніе подобной „темной силы" на нѣкоторыхъ животныхъ [2]). Съ другой стороны, Корнеліусъ еще недавно могъ предполагать „для германскаго племени какую то національную особенность, составляющую причину переселенія" [3]). Подобную же національную особенность нѣкоторые иностранные писатели до сихъ поръ находятъ у русскихъ. Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ, какъ и при всѣхъ другихъ физіологическихъ вопросахъ, явленія паталогическія представятъ намъ ключъ къ пониманію явленій нормальныхъ; вопросъ о способности оріентироваться разрѣшится при изученіи случаевъ нарушенія этой способности. Какъ извѣстно, дикари и люди, живущіе жизнію близкой къ природѣ, пріобрѣтаютъ путемъ навыка изумительную способность оріентироваться [4]), способность, которая во многомъ напоминаетъ то, что въ подобныхъ случаяхъ разсказывается о животныхъ. При извѣстныхъ условіяхъ, однако, человѣкъ,

---

[1]) Romanes, l. c., S. 320.

[2]) Ratzel. Anthropogeographie, S. 442. Впрочемъ, ученикъ Ратцеля В. Гёцъ, написавшій обширный и чрезвычайно богатый, если не по мысли, то во всякомъ случаѣ по матеріалу, трактатъ въ 806 страницъ о путяхъ сообщенія съ точки зрѣнія антропогеографической, не съумѣлъ отрѣшиться отъ „Wandertrieb'a", хотя онъ и сливаетъ его съ не менѣе гипотетичнымъ призваніемъ человѣка властвовать надъ землею. W. Götz. Die Verkehrswege im Dienste des Welthandels, Stuttgart, Enke, 1888, S. 17.

[3]) Корнеліусъ, l. c., стр. 2.

[4]) Charles Darwin. Ueber den Instinct. Прибавленіе къ цитированному сочиненію Romanes'a, стр. 396.

да не менѣе того и животное, теряютъ либо временно, либо же навсегда способность оріентироваться. Извѣстны указанія на то, что люди и животныя въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ круги, идя при этомъ большею частью влѣво [1]). Ближайшее изученіе подобныхъ ненормальностей несомнѣнно выяснитъ въ значительной степени самый процессъ оріентировки.

Дальнѣйшимъ доказательствомъ крайней невыработанности этого вопроса можетъ послужить абстрактная формула Корнеліуса, увѣряющаго, что „переселенія преимущественно направляются по меридіанамъ отъ полюса къ экватору“ [2]). Это повидимому столь своеобразное направленіе объясняется чрезвычайно просто тѣмъ, что страны, болѣе близкія къ экватору, по своей природѣ, богаче странъ высшихъ широтъ. Дѣйствительно, среди болѣе извѣстныхъ миграцій, направлявшихся въ нашемъ сѣверномъ полушаріи болѣе или менѣе къ югу, мы можемъ отмѣтить переселенія дорійское, арійско-индійское, иранское, гальское, германо-славянское, астекское и т. д.; въ южномъ полушаріи къ экватору стремятся кафры [3]). Несомнѣнно, однако, что этимъ переселеніямъ мы можемъ противупоставить рядъ другихъ, имѣвшихъ въ силу мѣстныхъ географическихъ условій совершенно иное направленіе, напримѣръ, распространеніе германцевъ по сѣверу Европы, въ Исландіи, въ Грёнландіи и т. д., распространеніе русскихъ въ Сибири и въ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, оттѣсненіе многочисленныхъ инородцевъ на крайній сѣверъ и т. д., и т. д.

Основнымъ мотивомъ для передвиженія какъ человѣческаго рода, такъ и всѣхъ прочихъ организмовъ, является стремленіе къ сохраненію жизни. На первомъ планѣ тутъ стоитъ исканіе пищи, благосостоянія. Нельзя, однако, отрицать того, что человѣкъ, въ соотвѣтствіи съ исключительнымъ развитіемъ своего духа, стремится къ благосостоянію не только физическому, но и психическому. Ища религіозной или поли-

---

[1]) Romanes, l. c., S. 323.

[2]) Корнеліусъ, въ указанномъ мѣстѣ стр. 5. Интересно, кстати, замѣтить, что Герландъ обобщая факты миграціи въ не менѣе крайней степени, чѣмъ Корнеліусъ, приходитъ къ обратнымъ выводамъ. По его мнѣнію, сѣверяне, свыкнувшись со своимъ сѣверомъ, никогда не пойдутъ на югъ. G. Gerland. Atlas der Ethnographie, Leipzig, Brockhaus, 2. Aufl., 1876, S. 6.

[3]) Ratzel. Anthropogeographie, S. 325.

тической свободы, человѣкъ создавалъ колоніи болѣе сильныя, чѣмъ колоніи хищниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить судьбы Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки съ судьбою бывшихъ американскихъ владѣній испанцевъ, искателей золота и приключеній. Политически-религіозныя причины являются серьезнымъ стимуломъ для эмиграціи народовъ. Значительную роль играетъ, напримѣръ, это исканіе свободы и возможности жить по старому и бывалому въ исторіи колонизаціи нашихъ азіатскихъ владѣній. Религіозно-политическій характеръ присущъ переселенію евреевъ изъ Египта, дорійцевъ изъ Беотіи, морисковъ изъ Испаніи, гугеноттовъ изъ Франціи, квакеровъ изъ Англіи, крымскихъ татаръ изъ Крыма и т. д. Характерно, что колонія Родъ-Эйлендъ основана была выселенцами изъ Массачузета, которые желали уклониться отъ религіознаго гнета пуританъ [1]). Колонизація является лучшимъ предохранительнымъ клапаномъ для политическихъ броженій. Такъ, германскій „безумный годъ", т. е. 1848 годъ, нашелъ свой исходъ въ усиленной эмиграціи недовольныхъ въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки; Англія до сихъ поръ энергично поощряетъ эмиграцію ирландцевъ. Остроумный Талейранъ горячо настаивалъ въ 1797 году на завоеваніи и колонизаціи Египта, чтобы такимъ образомъ открыть оттокъ безпокойнымъ силамъ, оставшимся послѣ распада революціи. Наконецъ, колонизація можетъ быть насильственная, съ цѣлью карательною и исправительною, примѣръ чему представляетъ колонизація Сибири, прежнихъ ссыльныхъ колоній англичанъ въ Сѣверной Америкѣ и Австраліи, колоній французовъ въ Гвіянѣ и Новой Каледоніи; шведы, во времена Густава Адольфа, ссылали своихъ преступниковъ въ Ингерманландію [2]); Въ другихъ случаяхъ къ насильственной эмиграціи прибѣгаютъ съ цѣлью ослабленія пауперизма. Подобныя эмиграціи неоднократно происходили уже въ классическіе вѣка. Наиболѣе обыденнымъ мотивомъ для эмиграціи является, во всякомъ случаѣ, избытокъ населенія, но избытокъ не абсолютный, а лишь относительный, т. е. избытокъ для даннаго экономическаго состоянія страны.

---

[1]) Roscher und Jannasch. Kolonien, Kolonialpolotik etc., 3 Aufl., Leipzig, Winter, 1885, S. 41.

[2]) E. Geijer. Geschichte Schwedens, Hamburg, Perthes, 1836, B. III, S. 49.

Таково было значеніе древняго ver sacrum италійцевъ, по которому дѣлался наборъ между молодежью, долженствовавшей удалиться, чтобы дать оставшимся болѣе простору[1]). Точно также въ новѣйшія времена усиленная эмиграція изъ Великобританіи, съ 1827 по 1848 года, сводится на неурожай и на промышленные кризисы. Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Австралія обязаны заселенію своему преимущественно упомянутымъ мотивамъ. Сюда же относятся тѣ случаи, когда мотивомъ колонизаціи является избытокъ продуктивныхъ силъ.

Къ этимъ формамъ миграціи современный индустріализмъ прибавилъ еще одну роковую форму, а именно эмиграцію искусственную, пособниками которой являются люди корыстные, наживающіеся на эмигрантахъ. Жертвою подобныхъ эмиграцій дѣлаются сплошь и рядомъ даже страны крайне недостаточно населенныя. Такъ, напримѣръ, Швеція, имѣя 8,6 жителей на 1 квадр. кил., дала отъ 1871 до 1885 года 325.097 эмигрантовъ; въ 1886 году эмигрировало 32.889 человѣкъ. Норвегія, при 6 жителяхъ на 1 квадр. кил., дала въ срокъ отъ 1871 по 1885 г. 192.052 эмигрантовъ; въ 1886 году эмигрировало 15.158 человѣкъ. Въ послѣднее время эта искусственная эмиграція коснулась даже нашей Финляндіи.

Въ жизни первобытнаго человѣка преобладаютъ мотивы физическаго характера. Чѣмъ первобытнѣе строй общества, тѣмъ легче оно поднимается съ мѣста; чѣмъ первобытнѣе люди, тѣмъ пассивнѣе они подчиняются мотивамъ миграціи.

Подобными мотивами могутъ оказаться, напримѣръ, явленія метеорологическаго характера, или же какія либо другія силы, нарушающія обыденную жизнь дикаря. Засуха, недостатокъ въ пастбищахъ, падежъ скота, убыль дичи и т. д.,— все это можетъ послужить толчкомъ къ передвиженію. Гунны снялись, по Іоганну Мюллеру, съ своихъ кочевьевъ потому, что стада ихъ были поражены вреднымъ насѣкомымъ, чернымъ паучкомъ[2]). Съ другой стороны, толчкомъ къ миграціи можетъ послужить натискъ болѣе сильнаго сосѣда. Въ этихъ то именно натискахъ и въ передачѣ ихъ дальнѣйшимъ со-

---

[1]) Roscher und Jannasch, l. c., S. 43.

[2]) По догадкѣ Ѳ. П. Кёппена, это было Lathrodectus guttatus или же Vermipsylla Alakurt. Schimkewitsch.

сѣдямъ мы видимъ характерную черту всѣхъ великихъ переселеній народовъ.

Рѣшающее значеніе въ исторіи миграціи имѣютъ такъ называемыя „географическія приманки". Достаточно темнаго слуха о странѣ богатой и свободной, чтобы взволновать умы. Значительную роль въ жизни нашихъ русскихъ переселенцевъ играетъ, напримѣръ, исканіе какого-то фантастическаго Бѣловодья. Эмигранты изъ западной Европы искали Атлантиду, Дорадо или же источникъ юности. Такъ, напримѣръ, Флорида была открыта въ 1513 году людьми, искавшими на Лукайскихъ островахъ источникъ юности [5]). Географическія приманки способны поднять даже среди культурныхъ людей цѣлыя сотни тысячъ. Америка никогда бы не была такъ быстро открыта, такъ быстро завоевана и заселена, если бы она не обладала, на несчастье своихъ туземцевъ, золотомъ. Австралія пріобрѣла громадный контингентъ переселенцевъ благодаря золотой лихорадкѣ. Сибирь была пройдена и завоевана въ баснословно короткій срокъ, благодаря пушнымъ товарамъ и золоту. Безчисленныя открытія и завоеванія культурныхъ народовъ имѣютъ своимъ мотивомъ прежде всего погоню за географическими приманками.

На ряду съ перечисленными мотивами намъ остается указать еще на одинъ мотивъ, несравненно менѣе поддающійся точному опредѣленію. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду элементъ психологическаго характера, а именно вліяніе единичной воли на массу.

Не будемъ останавливаться на томъ экстазѣ, въ который приводитъ массу талантливый ораторъ и который, выражаясь восторженнымъ слогомъ Паоло Мантегацца, „является одною изъ величественнѣйшихъ и грандіознѣйшихъ сценъ въ человѣческомъ мірѣ" [2]); подобное увлеченіе, конечно, легко можетъ послужить толчкомъ къ народному передвиженію. Оставимъ въ сторонѣ также вліяніе сильной воли, воли героя на толпу, и обратимся къ странному и пока еще необъясненному вліянію, оказываемому массою, на каждаго

---

[1]) Peschel. Geschichte der Erdkunde, München, Oldenburg, 2 Aufl. 1877, S. 263. См. также G. Robertson. Histoire de l'Amérique, Neuchatel, 1778, T. II, p. 45.

[2]) P. Mantegazza. Die Ekstasen des Menschen Jena, Costenoble, 1888, S. 432.

отдѣльнаго индивидуума, входящаго въ составъ ея. Кому случалось стоять въ нервно-настроенной толпѣ, тому, конечно, приходилось испытывать на себѣ вліяніе массы. Исторія представляетъ намъ рядъ случаевъ, при которыхъ масса, слѣдуя примѣру какого либо случайнаго индивидуума, не имѣющаго ничего общаго съ дѣйствительнымъ героемъ, впадала въ такія крайности геройства или трусости, восторга или гнѣва, жалости или жестокости, на которые ни одинъ изъ индивидуумовъ въ отдѣльности не былъ бы способенъ [1]). Въ особенности сильно выражается это „табунное чувство", какъ его назвалъ одинъ талантливый русскій юристъ, въ первобытныхъ народностяхъ, менѣе дифференцированныхъ индивидуально, чѣмъ народы культурные, и поэтому несравненно скорѣе подчиняющихся смутнымъ и полусознательнымъ движеніямъ души.

Примѣняя эти соображенія къ нашей задачѣ, мы себѣ легко можемъ представить, какъ иниціатива одного человѣка поднимаетъ на ноги неосѣвшую еще массу и увлекаетъ ее на странствованія и на борьбу съ сосѣдями. Особенно богатъ востокъ такими массовыми движеніями и героями многомилліонныхъ скопищъ, вродѣ Тамерлана, Чингизъ-Хана и другихъ. Если иниціаторъ является выдающимся человѣкомъ, то его вліяніе на массу выражается тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе.

Мы должны, однако, признать, что существуютъ извѣстныя географическія условія, способствующія или препятствующія передвиженію, или, другими словами, условія, возбуждающія стремленіе къ миграціи или же способствующія возникновенію осѣдлости.

Несомнѣнно, что необъятная ширь и просторъ степей, постоянныя передвиженія кочевниковъ, вызываемыя необходимостью отыскивать новыя пастбища, и обладаніе быстрыми конями постепенно укрѣпляютъ въ человѣкѣ привычку къ блужданіямъ. Такъ точно морякъ любитъ свое море и плаваніе по морю. Привязанность моряка и кочевника къ передвиже-

---

[1]) Любопытные примѣры подобныхъ увлеченій собраны въ весьма интересной статьѣ Н. Михайловскаго: „Герои и толпа", Отечественныя Записки. 1882 г.

ніямъ намъ понятна безъ того, чтобы мы должны были прибѣгать къ фантастическому миграціонному инстинкту. Наконецъ, жизнь кочевника и моряка полна опасностей и смѣлыхъ подвиговъ, воспитывающихъ въ душѣ человѣка извѣстную предпріимчивость и подвижность, которыхъ чуждъ обитатель мирныхъ долинъ. Этотъ послѣдній, въ своемъ тихомъ, защищенномъ отъ вторженія враговъ и обезпеченномъ отъ жизненныхъ невзгодъ уголку, дѣлается человѣкомъ сдержаннымъ, тяжелымъ на подъемъ и робкимъ; онъ прикованъ къ почвѣ тою затратою труда, которую онъ вложилъ въ нее, онъ вѣчно опасается за неприкосновенность своего имущества, добытаго долголѣтнимъ трудомъ. Но если кочевники и являются „сокрушителями государствъ и истребителями культуры“ [1]), то съ другой стороны именно степи неоднократно оказывались достойною ареною для тѣхъ фантастическихъ, грандіозныхъ государствъ, которыя мгновенно возникали и мгновенно распадались со смертью ихъ создателей. Съ другой стороны именно моря явились тѣми путями и сообщеніе по морямъ тѣмъ могущественнымъ средствомъ, которые дали намъ, европейцамъ, наше могущество надъ народами всего міра.

Извѣстную предпріимчивость мы встрѣчаемъ также у горныхъ жителей, которые, не смотря на глубокую привязанность къ своимъ горамъ, относительно легко рѣшаются на смѣлыя путешествія и сплошь и рядомъ ищутъ счастья внѣ своей родины. Почти во всѣхъ странахъ міра мы встрѣчаемъ швейцарцевъ, норвежцевъ, шотландцевъ, тирольцевъ, савоярдовъ [2]) и т. д. Они смотрятъ на міръ съ высоты своихъ горъ; онъ кажется имъ доступнѣе, ихъ горизонтъ дѣйствительно шире, чѣмъ у обитателей долинъ.

Побудительною причиною къ миграціи можетъ, наконецъ, послужить, какъ это замѣчаетъ М. Кулишеръ, внезапно открывшійся просторъ. Таково было дѣйствіе, произведенное уходомъ 600.000 калмыковъ съ береговъ Волги и Урала въ Джунгарію (1781 г.) на окрестное населеніе. Даже оффиціальные документы признаютъ нравственную заразительность

---

[1]) Ratzel. Anthropogeographie, S. 217.
[2]) Ratzel, l. c., S. 201.

этого факта и заманчивость приволья, образовавшагося вслѣдствіе обезлюденія края [1]).

Однако, кромѣ простора, способствовать миграціи могутъ и пути, предначертанные самою природою. Но мы прежде всего должны считаться съ тѣмъ, что доступность данной географической области является понятіемъ совершенно относительнымъ [2]). Тамъ, гдѣ первобытный человѣкъ отступаетъ предъ непреодолимыми препятствіями, поставленными самою природою, тамъ человѣкъ культуры проходитъ, какъ побѣдитель. Море является препятствіемъ, повидимому, раздѣлявшимъ народы на вѣки; для насъ же, европейцевъ, оно стало ареною міровыхъ сношеній.

Для первобытнаго человѣка существуетъ, однако, цѣлый рядъ естественныхъ пособій къ миграціямъ. Такими пособіями являются извѣстныя орографическія формы, напримѣръ, естественные выходы изъ извѣстныхъ географическихъ областей. Такова роль перехода изъ азіатскихъ степей въ европейскія, т. е. пространства между южными отрогами Урала и Каспійскимъ моремъ, „тотъ знаменательный, глубокій просвѣтъ, который мы и въ историческомъ отношеніи можемъ назвать вмѣстѣ съ Геродотомъ великими воротами для переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу“ [3]). Азія вообще чрезвычайно богата подобными естественными входами и выходами. „Движеніе народовъ въ Центральной Азіи“, пишетъ Фердинандъ ф. Рихтхофенъ въ достопримѣчательной главѣ о движеніяхъ среднеазіатскихъ народовъ въ связи съ строеніемъ почвы, „упорядочивается подъ вліяніемъ великихъ законовъ. Темна общая колыбель этихъ народовъ на сѣверо-востокѣ, темны тѣ причины, благодаря которымъ выходили все новыя и новыя полчища изъ этихъ столь мало обезпеченныхъ природою мѣстностей. Но благодаря той свободѣ передвиженія, которая представлялась бассейномъ Шамо съ прилежащими землями, переходя даже за грань пространствъ, лишенныхъ стока [4]), эта

[1]) М. Кулишеръ. Механическія основы передвиженія массъ. Вѣстникъ Европы, 1887. Августъ, стр. 598 и далѣе.

[2]) Petri. См.: Jadrinzew-Petri. Jena, Costenoble 1886, S. 478, ff.

[3]) Karl Ritter. Asien, Berlin 1832, B. I, S. 71.

[4]) Рихтхофенъ (China, Berlin, Reimer, B. I, 1877, S. 7 ff.,) раздѣляетъ материкъ Азіи на центральныя и периферическія части, которыя отличны другъ отъ друга, какъ по геологическому происхожденію своему, такъ и по совре-

мѣстность являлась въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тою ареною, на которой могло попытать свои юныя силы каждое племя, выступающее на сцену, и окрѣпнуть, привлекая къ себѣ элементы родственныя. Въ быстромъ порывѣ оно овладѣвало этой областью и оттѣсняло чуждые элементы на западъ. Волна за волною слѣдовала по этому направленію, но если иныя волны и разбивались о гористый выступъ Тянь-Шаня или о берега Тарымскаго бассейна и являлись причиною обратныхъ теченій, то всякая изъ нихъ устремлялась чрезъ Джунгарскій бассейнъ и уносила съ собою, въ соотвѣтствіи съ той силою, съ которою она подвигалась, большія или меньшія толпы внизъ, въ необъятныя равнины. То, что доходило до нихъ, уже не возвращалось назадъ на востокъ. Отсюда два пути вели на западъ; одинъ чрезъ широкія открытыя врата Чернаго Иртыша, другой чрезъ цѣпь Тальки къ рѣкѣ Или; соотвѣтственно этому раздѣлялся потокъ. На первомъ пути у озера Зайсана и отсюда до Урала условія благопріятствовали продолженію той кочевой жизни, къ которой привыкли выселенцы; они распространились на западъ и на сѣверо-западъ и лишь отдѣльныя толпы обратились къ югу. Врата Или приводятъ другихъ, по мѣрѣ того какъ они подвигаются по склонамъ горъ, все болѣе и болѣе въ особыя условія периферическихъ странъ. Они начинаютъ свое движеніе, направляясь къ югу, и слѣдуютъ влеченію своему въ болѣе теплыя страны сначала по широкому бассейну Яксарта, затѣмъ по бассейну Оксуса, а отсюда къ Иранскому плоскогорію. Тамъ теченіе вновь раздѣляется: съ одной стороны оно идетъ на западъ, въ Персію, Месопотамію и Сирію, съ другой—чрезъ проходъ Баміанъ и Болонъ въ Индію. Опустошительные разливы, происходящіе періодически, лучше всего

менному географическому габитусу. Средняя Азія Рихтхофена, пространство простирающееся отъ Тибета на югѣ до Алтая на сѣверѣ, отъ Памира на западѣ до Хингана и водораздѣла великихъ китайскихъ рѣкъ на востокѣ, является областью водныхъ бассейновъ, лишенныхъ стока въ море; периферическая часть Азіи обладаетъ стокомъ. Въ первой области главнымъ геологическимъ дѣятелемъ является вѣтеръ, она богата эоловыми и субъаэральными осадками; во второй этимъ дѣятелемъ является проточная вода. Въ первой продукты разрушенія остаются; во второй они выносятся въ море. Отсюда въ Средней Азіи преобладаніе степей, зачастую солончаковыхъ, однообразность орографическихъ формъ, тогда какъ въ периферіи—разнообразіе орографіи и всей природы.

указываютъ эти различные пути“ [1]). Толпы, достигнувшіе периферическихъ странъ, совершенно мѣняютъ свои нравы; подъ вліяніемъ мѣстныхъ природныхъ условій они приходятъ къ осѣдлости.

Передвиженію народовъ соотвѣтствуютъ горы, расположенныя по меридіану, напримѣръ, Кордильеры въ Америкѣ, тянущіяся съ сѣвера на югъ; вдоль этихъ горъ индѣйцы блуждали взадъ и впередъ, подобно прочимъ представителямъ животнаго міра. Дѣйствительно, орографія этой части свѣта въ такой степени способствуетъ миграціи, что колибри залетаютъ съ юга въ Канаду, а москиты въ Гренландію; этими же орографическими условіями объясняется то, что Америка заселена была, за исключеніемъ крайняго сѣвера, одною расою индѣйцевъ.

Значительную роль въ миграціяхъ играютъ горные проходы. Мы имѣемъ нѣкоторое право утверждать, что уже съ древнѣйшихъ временъ человѣчество пользовалось горными проходами. „Едва ли существуетъ на земномъ шарѣ какой либо возвышенный районъ, не исключая даже Новаго Свѣта по ту сторону океана, который не былъ бы пройденъ такимъ образомъ уже въ доисторическую эпоху“, говоритъ д-ръ Бернгардъ Шварцъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Die Erschliessung der Gebirge“ [2]). На это намъ указываютъ преданія различныхъ народовъ о ихъ миграціяхъ. Такъ, переднеазіатскія племена ищутъ свою родину на востокѣ, индусы на сѣверѣ, китайцы на западѣ, зендскіе народы на югѣ. Точно также не подлежатъ сомнѣнію такъ называемыя арійскія переселенія, при которыхъ выдающуюся роль играетъ Гиндукушъ [3]). Тѣ же переходы, которые служатъ перелетнымъ птицамъ [4]), въ свое время проводили въ благословенную Италію полчища варваровъ. Появленіе сѣверянъ въ Италіи облегчалось въ высокой степени тѣмъ, что спускъ Альпъ къ сѣверу, относительно говоря, постепененъ, тогда какъ южные склоны отличаются крутостью. Тоже значеніе естествен-

---

[1]) F. v. Richthofen. China, Berlin, Reimer, B. I, 1877, S. 35 f.

[2]) Bernhard Schwarz. Die Erschliessung der Gebirge von den ältesten Zeiten bis auf Saussüre, Leipzig, Baldamus, 2. Aufl. 1888, S. 93.

[3]) B. Schwarz, l. c., S. 96.

[4]) Daniel-Richter. Die Alpen, 1885, S. 62.

ныхъ путей въ горахъ имѣютъ и горныя долины; такъ, въ „великой долинѣ“ Эллегенскихъ горъ, „the great valley of the Alleghanies“, пролегаетъ два, а мѣстами даже три желѣзнодорожныхъ пути [1]).

На морѣ прекрасными руководителями человѣчества являются легко достижимые берега и цѣпи острововъ. Весьма цѣнныя соображенія приводитъ по этому поводу Пешель въ пятой главѣ своего „Народовѣдѣнія“. Онъ останавливается прежде всего на финикіянахъ и обитателяхъ южнаго берега Аравіи. „Близость достойныхъ достиженія мѣстностей, лежащихъ за моремъ, скорѣе всего побуждаетъ къ тому, чтобы попытаться покинуть родной берегъ. Финикіянъ манилъ, какъ легко достижимый берегъ „мѣдный островъ“ (Кипръ), арабовъ— близлежащая Африка. Берега Сиріи, равно какъ аравійскаго Іемена, Гадрамаута и Омана простираются въ болѣе или менѣе прямолинейномъ направленіи. Позади узкой береговой полосы почва здѣсь поднимается, а позади возвышенности распространяются такъ называемыя пустыни“ [2]). Въ виду того, что на такихъ берегахъ водный путь является наиболѣе короткимъ и правильные вѣтры способствуютъ плаванію, народонаселеніе, дойдя до извѣстной степени сгущенія и увлекаемое мыслью о богатствахъ, лежащихъ за моремъ, пускается въ плаваніе. Извѣстно, что финикіяне такимъ образомъ проникли въ Кипръ, изъ Кипра въ Критъ, изъ Крита въ Карѳагенъ, въ Испанію и до Сенегала; арабы плавали по побережью Восточной Африки, достигая, по всему вѣроятію, до Кильбы у входа въ проливъ Мозамбикъ [3]). На нашемъ материкѣ мы находимъ смѣлыхъ моряковъ въ Норвегіи, такъ какъ „побережья, снабженныя фіордами и оторочeнныя островами, можно считать прекрасными воспитательными средствами для искусства мореплаванія“ [4]). На сѣверѣ отъ острова Ванкувера до острововъ Алеутскихъ мы встрѣчаемъ рядъ племенъ, которыхъ можно было бы назвать „норманнами Новаго Свѣта“ [5]). Малайцы распространились въ

---

[1]) Ratzel. Anthropo-Geographie, S. 184.
[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 199.
[3]) Ibid, стр. 199.
[4]) Ibid, стр. 201.
[5]) Ibid, стр. 203.

*

Тихомъ океанѣ къ сѣверу до группы Гаваи или Сандвичевыхъ, къ востоку до острова Св. Пасхи, къ югу до Новой Зеландіи, а въ Индѣйскомъ океанѣ до Мадагаскара [1]). Если огнеземельцы, не смотря на богатство своей родины фіордами, не достигли особенно выдающихся успѣховъ въ морскомъ дѣлѣ, то это, по нашему мнѣнію, объясняется прежде всего не тѣмъ, что они были слабою ордою охотниковъ, оттиснутою болѣе сильными сосѣдями на югъ [2]), а тѣмъ, что всѣ достижимые въ данномъ случаѣ берега крайне бѣдны, тогда какъ при изолированности южнаго отрога Америки, достиженіе болѣе благопріятныхъ береговъ для первобытнаго морского плаванія географически немыслимо [3]).

Прекрасно выясняется намъ высокое значеніе легко достижимыхъ береговъ на классическомъ примѣрѣ древней Греціи. Богатство красивыми, глубоко врѣзывающимися бухтами и множество островов, разсѣянныхъ по морямъ, омывающимъ Грецію, уже рано навели народъ греческій на плаваніе по морю [4]). Берега Эвбеи лежатъ напротивъ Беотіи, Саламисъ лежитъ непосредственно предъ аттическимъ берегомъ. Достаточно одного любопытства, чтобы попытаться переѣхать туда. Съ Акрополиса можно обозрѣть не только острова Саронскаго залива, но и горы Пелопонеса, лежащія по ту сторону моря; бухты Пелазейская, обрамленная горами, походитъ на горное озеро, Коринѳская—на узкую щель [5]). Тамъ, гдѣ манила подобная видимая цѣль, трудно было устоять противъ искушенія примѣнить навыкъ, пріобрѣтенный въ тихихъ бухтахъ, къ морскому плаванію, направленному къ этимъ цѣлямъ. Разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, одна станція уже приводила къ другой, такъ какъ въ греческомъ морѣ близко другъ къ другу лежатъ берега самого лучшаго свойства [6]). Значеніе богато разчлененныхъ береговъ Греціи еще болѣе увеличивается тѣмъ, что бухты почти всѣ расположены благопріятно по отношенію къ господствующимъ вѣтрамъ [7]).

---

[1]) Ibid, стр. 206.
[2]) Ibid, стр. 203.
[3]) E. Petri. Verkehr und Handel, S. 26.
[4]) Neumann-Partsch, Physikalische Geographie Griechenlands, S. 133.
[5]) Neumann-Partsch, l. c., S. 133, 134.
[6]) Ibid, S. 147, 149.
[7]) Ibid, S. 138.

Въ общемъ можно сказать, что античное мореплаваніе старательно приспосабливалось къ условіямъ природы, не вступая въ борьбу съ противною погодою и съ неблагопріятнымъ временемъ года [1]). Въ большемъ масштабѣ и въ общихъ чертахъ эти указанія примѣнимы по отношенію ко всей Европѣ [2]).

Что касается до рѣкъ, то они до извѣстной степени, конечно, могутъ явиться препятствіями для сношеній. Въ древности, напримѣръ, Нилъ, эта жизненная артерія Египта, страны, обозначаемой Геродотомъ, какъ даръ Нила [3]), раздѣлялъ народы. Точно также Рейнъ служилъ въ древности границею германцевъ и кельтовъ [4]). Однако, рѣки являются границею лишь временно; даже первобытные народы не удерживаются рѣками, а переходятъ ихъ подобно тому, какъ кочевники неоднократно переходили нашу Волгу. Эта рѣка можетъ послужить прекраснымъ примѣромъ тому, что подобная жизненная артерія не только привлекаетъ къ себѣ самыя разнообразныя народности, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ имъ и руководящею нитью для дальнѣйшихъ передвиженій. Судьбы Волги различны, смотря по участкамъ ея. Первый отдѣлъ ея, до впаденія Оки, направляясь съ запада на востокъ, послужилъ путемъ для передвиженія русскихъ на востокъ; русскіе здѣсь весьма рано оттѣснили финскія племена [5]). Второй участокъ Волги, по направленію къ югу, уже весьма рано явился мѣстомъ прохожденія тюркскихъ племенъ [6]). Достовѣренъ переходъ гунновъ и другихъ народовъ, тюркское происхожденіе которыхъ болѣе или менѣе вѣроятно, а именно аваровъ, хазаровъ, печенѣговъ, куманъ и т. д. Съ V вѣка у сліянія Волги съ Камою появились тюркскіе болгары, подавивъ мѣстныхъ туземцевъ, финновъ. Въ IX вѣкѣ они достигли своего наивысшаго развитія. Однако, уже въ VIII, IX и X столѣтіяхъ русскіе славяне стали

---

[1]) Ibid. S. 123.

[2]) Petri, Verkehr und Handel, S. 26.

[3]) Геродотъ. II, 5 перев. Мищенко. Москва, 1888, т. I, стр. 110.

[4]) Strabo. Geographica, lib. IV, Cap. 4, § 4.

[5]) Vámbéry. Das Türkenvolk, Brockhaus 1885, S. 75. F. H. Müller. Der ugrische Volksstamm, Berlin, 1835, S. 5. Е. Замысловскій. Объясненія къ атласу Русской Исторіи. С.-Петербургъ, Ильинъ. Изд. 3, 1887 стр. 22, 27 и далѣе.

[6]) Мы не останавливаемся здѣсь на предположеніи Клапрота (Asia polyglotta s. 182 f.), что фины распространялись до Каспійскаго моря.

проникать въ область верхняго теченія Волги, между прочимъ и съ сѣверо-запада [1]), ассимилируясь здѣсь съ тою постепенностью и настойчивостью съ туземцами, на которую способенъ этотъ столь исключительно одаренный въ колонизаторскомъ отношеніи народъ. Мало по малу, они стали подвигаться къ востоку. Не смотря на всѣ препятствія, оказываемыя какъ воинственными финнами средняго Поволжья, такъ и еще болѣе крѣпкими и устойчивыми тюркскими и монгольскими племенами, не смотря на великое нашествіе такъ называемыхъ татаръ, волны которыхъ нахлынули на Россію и сдѣлали главную рѣку ея на долгое время рѣкою типично тюркскою, русскіе постепенно подвигались впередъ и уже въ XVI и XVII ст. сдѣлали эту рѣку въ полномъ смыслѣ русскою рѣкою. Финскіе, тюркскіе и монгольскіе инородцы сохранились нынѣ въ области этой рѣки лишь въ незначительныхъ островкахъ.

Нѣтъ рѣчной долины въ Англіи, въ которой происходило бы столько столкновеній, стычекъ и битвъ, какъ въ долинѣ бассейна рѣки Темзы. Уже въ римскую эпоху она явилась пограничною линіею между Britania prima и Flavia Cesariensis; ту же роль она играла въ началѣ XI ст., когда Англія была раздѣлена въ 1017 г. между Эдвардомъ и Канутомъ Великимъ и въ 1035 году между Гарольдомъ и Гардиканутомъ. И понынѣ Темза служитъ административною границею графствъ и епископствъ, а въ средніе вѣка она явилась той линіею, на которой разыгрывались гражданскія междоусобія. Оттого-то нѣтъ рѣки въ Англіи, берега которой были бы украшены столькими замками и крѣпостями, какъ Темза [2]).

Такимъ образомъ, рѣки дѣйствительно являются жизненными артеріями странъ. Понятенъ намъ, поэтому, тотъ высокій почетъ, которымъ пользуются рѣки въ міровоззрѣніяхъ народа. Понятно, почему народъ называетъ Волгу—матушкою, Донъ—батюшкою, Рейнъ—отцомъ, Темзу— „the lordly Thames“, или же отецъ и король рѣкъ [3]); древніе египтяне поклонялись Нилу, какъ божеству, современные называютъ его

---

[1]) Замысловскій. Объясненія къ атласу Русской Исторіи, стр. 23.

[2]) J. G. Kohl. Die geographische Lage der Hauptstädte Europas, Leipzig, Veit 1874, S. 169.

[3]) Ibid. S. 168.

Abu-el-baroga [1]); самоѣды называютъ Обь—куаи = душа [2]), остяки почитаютъ Обь какъ божество, стоящее выше всѣхъ другихъ боговъ, они обращаются къ ней съ самыми пламенными молитвами и приносятъ ей самыя обильныя жертвы [3]). Рѣки служатъ главными путями для вывоза продуктовъ страны и для ввоза продуктовъ чужеземныхъ. До сихъ поръ они успѣшно конкуррируютъ съ наиболѣе совершенными культурными средствами передвиженія, съ желѣзными дорогами. Рѣки въ состояніи ослабить до нѣкоторой степени недостатки извѣстной страны въ расчлененности: бѣдная береговыми линіями Россія, благодаря своимъ рѣкамъ, болѣе доступна, чѣмъ богатая берегами Испанія; такія же преимущества имѣетъ весьма слабо расчлененная Южная Америка [4]). Сибирь пройдена была съ такой быстротою, благодаря своей дивной рѣчной системѣ, доставляющей возможность проникнуть завоевателямъ и колонизаторамъ съ небольшими перерывами отъ Урала до береговъ Великаго океана и отъ южныхъ пограничныхъ горъ до ледяныхъ тундръ сѣвера [5]). Открытія странъ и колонизація ихъ дѣлаются преимущественно со стороны рѣкъ, тѣмъ болѣе, что долины рѣкъ указываютъ естественные пути для проложенія сухопутныхъ дорогъ [6]). Тамъ, гдѣ сообщеніе по рѣчнымъ путямъ сопряжено съ затрудненіями, открытіе доступа въ страну явнымъ образомъ задерживается. Такъ, африканскія рѣки развиваются свободно на плоскогоріяхъ, но ниспадаютъ въ устьяхъ своихъ съ береговыхъ террасъ и поэтому представляютъ въ этихъ наиболѣе важныхъ для судоходства частяхъ многочисленные катаракты и водопады; мы видимъ это, напримѣръ, на Нилѣ, Замбези, Сенегалѣ, Конго и т. д. Съ другой стороны, дельта Нигера лежитъ среди столь обширныхъ болотъ, что европейцы долго не могли найти рукава, по которому можно было бы проникнуть во

---

[1]) J. Dümichen. Geschichte des alten Aegyptens, Berlin, Grote, 1879—1886, S. 11.

[2]) Castrén. Nordische Reisen und Forschungen, St. Petersburg, Akademische Ausgabe, B. II, 1856, S. 153.

[3]) Ibid, S. 110.

[4]) Ratzel. Anthropogeographie, S. 277.

[5]) Petri. Die Erschliessung Sibiriens, см. Jadrinzew-Petri. Sibirien, S. 513 f.

[6]) Ratzel, l. c., S. 280.

внутрь страны. Вредное вліяніе на открытіе страны оказываетъ также обращеніе рѣкъ не въ ту сторону, откуда обыкновенно прибываютъ мореплаватели: характерный примѣръ представляетъ намъ въ данномъ случаѣ прекрасная судоходная рѣка Флей-Риверъ на Новой Гвинеѣ[1]), которая, не смотря на то что островъ былъ открытъ въ 1526 году, посѣщена европейцами лишь въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія.

Съ другой стороны, значительный просторъ, представляемый моремъ, пустынею, или же высокія горныя преграды являются рѣшительнымъ препятствіемъ для сношеній первобытныхъ людей. „Какъ ничтожна, въ сравненіи съ громадными цифрами древнеегипетской, китайской, вавилонской и другихъ древнихъ культуръ, та эпоха, въ которую народы Европы, живущіе къ сѣверу отъ Альпъ, вступаютъ въ область исторіи„, говоритъ Рауберъ[2]). „Въ данномъ случаѣ, цифры едва переходятъ за Рождество Христово, частью же слѣдуютъ далеко послѣ него. Едва ли возможно придумать болѣе грандіозный примѣръ, говорящій въ пользу вліянія строенія почвы на судьбы народовъ“. Альпы, пустыни, моря какъ бы стѣною раздѣляютъ народы другъ отъ друга и либо совершенно прекращаютъ взаимныя сношенія, либо же замедляютъ и затрудняютъ ихъ. Пустыня Сахара раздѣляетъ два совершенно различные міра растеній, животныхъ и людей. Тоже можно сказать относительно пустыни Калагари. Весьма вѣроятно, что преріи Сѣверной Америки и пампасы области Ла-Платы были почти безлюдными до прибытія европейцевъ[3]). О томъ, насколько моря задерживаютъ передвиженіе народовъ первобытныхъ, мы говорили уже выше. Что же касается горъ, то болѣе всего задерживаютъ миграціи горы, направляющіяся по широтамъ и представляющія по сю и по ту сторону совершенно разные міры. Таково значеніе Альпъ, Пиренеевъ и еще въ большей степени Гималайскихъ горъ[4]). Трудность перехода тутъ сочетается съ бѣдностью

---

[1]) C. Meinicke. Die Inseln des stillen Oceans, Leipzig, Baldamus, 2 Aufl. 1888, B. I, S. 70 ff.

[2]) Rauber. Urgeschichte des Menschen, Leipzig, Vogel, 1884, B. I, S. 7 u. 8.

[3]) Ratzel, l. c., S. 224.

[4]) Ibid. S. 189 ff.

горъ, съ мужествомъ и свободолюбіемъ ихъ обитателей [1]). Необходимо при этомъ замѣтить, что представленія первобытныхъ людей о проходимости горъ отнюдь не соотвѣтствуютъ нашимъ. Высокія горы въ глазахъ первобытнаго человѣка являются обиталищами боговъ [2]). Австралійцы считали свои Голубыя горы непроходимыми, на этихъ недоступныхъ высотахъ пребывали ихъ боги; теперь же чрезъ эти горы пролегаетъ желѣзная дорога. Переходы черезъ Альпы считались въ классическую эпоху величайшимъ героическимъ подвигомъ; они совершались лишь въ единичныхъ случаяхъ [3]), когда робкая масса увлекалась и оживлялась волею великаго человѣка. Ганнибалъ первый доказалъ возможность перехода черезъ Альпы для войска [4]). Еще въ концѣ прошлаго столѣтія европейцы боялись мечтать о томъ, чтобы человѣчеству доступны были наивысшія вершины Альпъ; въ настоящее время, когда пути для восхожденія на эти вершины извѣстны, эти восхожденія считаются дѣломъ обыденнымъ.

Великимъ препятствіемъ для распространенія человѣчества являются иногда невысокія горы, лишенныя удобныхъ переходовъ, какъ, напримѣръ, Скандинавскія горы, не представляющія на разстояніи 15° широты ни одного сколько нибудь значительнаго пониженія. О горныя преграды неоднократно разбивались волны великихъ переселеній народовъ; защитою для европейцевъ въ этомъ смыслѣ явились, напримѣръ, горы Семиградскія. Еще болѣе усиливаются эти препятствія, если горы покрыты лѣсами; Арденскія горы назывались у римлянъ только Silva Arduena [5]). Лѣса вообще препятствуютъ какъ прохожденію, такъ и поселенію большихъ массъ людей и всюду являются убѣжищемъ преслѣдуемыхъ. Англичане справились съ непокорными обитателями Уэльса лишь тогда, когда они вырубили лѣса въ Уэльскихъ горахъ. Передвиженіе народовъ можетъ въ концѣ концовъ задерживаться и большими болотами; извѣстно, напримѣръ, что историческіе пути про-

---

[1]) Свѣдѣнія древнихъ о горахъ переполнены разсказами о страшныхъ обитателяхъ, хищныхъ животныхъ и чудищахъ, см. Schwarz. Die Erschliessung der Gebirge, S. 33.

[2]) Schwarz. Die Erschliessung der Gebirge, S. 86 ff.

[3]) Schwarz. Die Erschliessung der Gebirge, S. 206.

[4]) Ibid. S. 204 ff.

[5]) Ratzel, l. c., S. 185.

ходили вправо и влѣво отъ болотистыхъ, залитыхъ водою земель нашей Бѣлоруссіи [1]).

Нечего и говорить, что существеннѣйшимъ препятствіемъ для передвиженія народовъ являются столкновенія съ народами, способными къ сопротивленію, примѣромъ чему является борьба Западной Европы съ азіатскими кочевниками.

Необходимо, однако, замѣтить, что мѣстности, слишкомъ благопріятствующія передвиженію массъ, могутъ имѣть въ то же время весьма роковое значеніе для культуры. Всякое блужданіе затрудняетъ осѣданіе, необходимое для культуры; если же и зарождается культура, то она никогда не можетъ быть такой прочной, какъ въ мѣстахъ, гдѣ задерживается передвиженіе и гдѣ юной культурѣ представляется естественная возможность защиты. Лучшими свидѣтелями того шаткаго положенія, въ которомъ находятся культурные центры въ областяхъ, способствующихъ передвиженію первобытныхъ массъ, служатъ знаменитые древніе города востока, Бактрія, Мервъ, Самаркандъ и др., многократно подвергавшіеся разрушенію.

Въ смыслѣ весьма благопріятномъ для зарождающейся культуры задерживаютъ передвиженіе плоскогорія, полуострова и острова. Мы уже прослѣдили, какъ индѣйскіе охотники за ламами, попавъ на плоскогорія Кито и Перу, нашли тамъ питательное и вкусное растеніе картофель и просо-киноа; они увлеклись этими мѣстностями, благодатными въ климатическомъ отношеніи, хорошо защищенными отъ нападенія враговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ господствующими надъ окружающей страной; они могли такимъ образомъ стать людьми болѣе или менѣе осѣдлыми и отъ охоты перейти постепенно къ земледѣлію [2]). При подобныхъ условіяхъ могла зародиться культура и на Мехиканскомъ плоскогоріи. Слишкомъ великія плоскогорія, какъ, напримѣръ, плоскогоріе среднеазіатское, обладаютъ на столько выраженнымъ характеромъ пустыни, что, конечно, не могутъ способствовать возникновенію культуры.

Тамъ, гдѣ плоскогорія такъ слабо развиты, какъ въ Западной Европѣ, воспитательную роль плоскогорій принимаютъ на себя полуострова. Эти полуострова являются какъ бы ло-

[1]) Реклю. Россія. С.-Петербургъ, Ильинъ, 1883 г., т. I, стр. 163.

[2]) Смотри выше, стр. 185.

вушками для кочевниковъ; попавъ туда, они видятъ себя со всѣхъ сторонъ окруженными морями, въ тоже время они находятся въ мѣстности относительно защищенной и болѣе или менѣе благопріятной; отступленіе возможно лишь по тому же пути, по которому они пришли и на который они наведены были либо преслѣдованіемъ враговъ, либо же нуждою. Мы видимъ, что наша европейская культура зародилась и развилась именно на полуостровахъ,—на Балканскомъ, Апеннинскомъ и Пиренейскомъ; высокое значеніе для древнегерманской культуры имѣлъ полуостровъ Скандинавскій. Въ Азіи мы находимъ древнія культуры на полуостровахъ Малоазійскомъ, Аравійскомъ, Остиндскомъ и отчасти на полуостровахъ Малаккѣ и Кореѣ; на Камчаткѣ не могла развиться сколько нибудь значительная культура въ виду крайней суровости климата. Тоже можно сказать про полуостровъ Лабрадоръ въ Сѣверной Америкѣ, тогда какъ полуостровъ Флорида слишкомъ изолированъ отъ прочей Америки, да къ тому же крайне болотистъ; полуостровъ Калифорнскій слишкомъ удлиненъ и узокъ [1]); полуостровъ Юкатанъ явился центромъ культуры народовъ Майя.

Подобную же воспитательную роль могутъ принять на себя острова, не слишкомъ отдаленные отъ материка; достаточно, напримѣръ, вспомнить культурное значеніе малоазійскихъ и греческихъ острововъ, современное культурное значеніе Англіи и т. д.

Относительную безопасность и вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятныя физическія условія представляютъ, наконецъ, переселенцамъ горныя долины и котловины. Въ подобныхъ убѣжищахъ сохраняются въ самой удивительной степени разнообразныя народности и первобытные нравы, примѣромъ чему можетъ послужить „гора народовъ“ Кавказъ и Швейцарія.

Чудную приманку, наконецъ, составляютъ для переселенцевъ такія благодатныя и защищенныя самою природою рѣчныя долины, какъ, напримѣръ, долина рѣки Нила. Египетъ представляетъ собою долину нижняго Нила. Эта область ограничена съ двухъ сторонъ пустынею. На западѣ возвы-

---

[1]) J. G. Kohl. Der Verkehr und die Ansiedelungen des Menschen in ihrer Abhängigkeit von der Gestaltung der Erdoberfläche, Dresden und Leipzig, Arnoldi 1841, S. 352.

шается ровное, совершенно обнаженное и покрытое пескомъ плоскогоріе Ливійской пустыни. На востокѣ медленно поднимаются скалистыя высоты изъ крѣпкой песчанной мѣловой почвы, позади которыхъ возвышаются, поднимаясь до 2.000 метровъ, кристаллическія массы такъ называемыхъ арабскихъ горъ. Между ними пролегаетъ долина рѣки Нила, шириною отъ 3 до 7 географическихъ миль; культурная полоса еще уже того, представляя въ среднемъ до 2, рѣдко болѣе $2^1/_2$ географическихъ миль; она расширяется лишь въ дельтѣ Нила. На сѣверѣ болѣе или менѣе недоступную для своего времени границу Египта образовывало море; южную границу представляетъ первый катарактъ; насколько затруднительно сообщеніе съ страною, лежащею позади его, еще недавно выяснилось въ борьбѣ англичанъ противъ махдистовъ [1]). Конечно, подобные примѣры рѣдки; тѣмъ не менѣе, можно было бы прибавить къ этому примѣру еще великія рѣчныя области Месопотаміи, Индостана, сѣвернаго и средняго Китая, а въ нашей части свѣта долину рѣки По, долину Гаронны и Луары [2]). Прибавимъ еще, что мѣстопребываніе первобытныхъ людей обыкновенно пріурочивается къ прѣсной водѣ; доисторическія станціи приходится прежде всего искать у источниковъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ [3]). Точно также море представляетъ первобытному человѣку легко доступные запасы пищи и соли [4]).

---

[1]) Ed. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens, Berlin, Grote, 1886, S. 16, 17.

[2]) Ratzel, Anthropo-Geographie, S. 447.

[3]) Rauber. Urgeschichte des Menschen, B. I, S. 129.

[4]) Ibid. S. 130.

Глава XI.

Миграціи человѣческаго рода въ связи съ географическими условіями.

(Продолженіе).

Распространеніе миграцій.—Послѣдствія миграцій.—Воспитательное значеніе миграцій.—Вліяніе географическихъ провинцій на типъ эмигранта.— Леопольдъ ф. Бухъ.—Морицъ Вагнеръ.—Значеніе его миграціоннаго закона.—Существуютъ-ли областные типы?—Типъ сѣверо-американца.—Типъ негра въ Соединенныхъ Штатахъ.—Типъ сибиряка.—Скрещиваніе племенъ.

Мы не будемъ слѣдовать примѣру Эрнста Геккеля, предначертавшаго намъ въ своей увлекательной „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ подробный маршрутъ человѣчества по лицу земли. За исходную точку миграціи имъ, какъ извѣстно, принимается фантастическая Лемурія, погруженная нынѣ въ волны Индійскаго океана[1]). Мы опасаемся даже тѣхъ трудностей, которыя намъ представляетъ объясненіе современнаго расположенія народовъ земнаго шара. Эта тема неистощима и въ то же время, по крайней мѣрѣ при настоящемъ запасѣ свѣдѣній, совершенно неразрѣшима. Намъ неизвѣстна точка исхода всего человѣчества [2]), намъ неизвѣстны даже ближайшія точки исхода, хотя бы, напримѣръ, европейцевъ. Пресловутый вопросъ о прародинѣ индо-европейцевъ [3]) можетъ послужить наиболѣе

---

[1]) Ernst Häckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte, S. 641, f., 703. f.

[2]) См. выше, стр. 105.

[3]) O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte, Jena, Costenoble. 1883, S. 117—149. Ѳ. Кеппенъ. Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейцевъ и финно-угровъ. С.-Петербургъ. 1886, стр. 4—8.

яркой иллюстраціей того, что одни лингвистическія соображенія не въ состояніи разрѣшить предстоящія намъ задачи.

Не будемъ останавливаться на очевидной смѣнѣ народовъ въ Европѣ въ палеолитическую и неолитическую эпохи. Замѣтимъ лишь, что европейцы, независимо отъ того, лежала ли ихъ прародина въ Средней Азіи, въ области Согдіаны и Бактры (Пиктэ, Генъ), въ южной Сибири, въ области Алатау (Піетремань), въ Арменіи или же на обоихъ склонахъ Кавказа (Пешель, Фр. Мюллеръ, Шпигель), въ самой Европѣ, къ сѣверовостоку отъ Чернаго моря (Ласамъ, Бенфей, Куно), или же далѣе на западъ въ нашихъ Пинскихъ болотахъ (Пёше), или, наконецъ, въ Скандинавіи (Пенка) или Германіи (Л. Гейгеръ) и т. д., и т. д.,—что европейцы должны были совершить рядъ величайшихъ передвиженій для того, чтобы расположиться въ томъ порядкѣ и въ томъ соотношеніи къ неевропейскимъ народамъ, въ которомъ мы ихъ встрѣчаемъ въ настоящее время въ Европѣ и Азіи, какъ въ основной провинціи ихъ, и въ прочихъ частяхъ свѣта, какъ въ колоніяхъ. Эти передвиженія европейцевъ совершаются и по настоящее время въ весьма значительномъ масштабѣ. Достаточно вспомнить, что одна Германія дала съ начала XVIII ст. болѣе 5 милліоновъ эмигрантовъ въ заокеаническія страны; весьма значительно, однако, выселеніе нѣмцевъ и въ прилежащія европейскія страны. Такъ, въ одной Англіи ихъ насчитывали въ 1880 г. около 69 тысячъ.

Изъ племенъ родственныхъ европейцамъ разсѣяны по всему лицу земли семиты-евреи и до сихъ поръ блуждаютъ въ различныхъ странахъ цыгане.

Одно изъ колоссальнѣйшихъ передвиженій совершили малайцы и полинезійцы, распространившіеся на $^5/_9$ окружности земнаго шара въ области Великаго и Индійскаго океановъ. Они сидятъ главнымъ образомъ на островахъ, а между тѣмъ острова никоимъ образомъ не могутъ считаться первичными мѣстами обитанія. Исторія большинства острововъ указываетъ на то, что они не были заняты при открытіи ихъ европейцами. Незаселена была коралловая группа Бермудскихъ острововъ на Атлантическомъ океанѣ, вулканическіе острова Мадейры, Зеленаго мыса, Гвинейскаго залива, острова Фернандо Норонья, Тринидадъ, св. Елены, Вознесенія, Тристанъ-

да. Кунья, Фалклендскіе острова, Маскарены, Хуанъ-Фернандесъ, Мазафуэра, С. Феликсъ, Амброзіо, Сала-и-Гомесъ, Галлапагосы и т. д. [1]). Другіе острова открывались и заселялись незначительными и малопредпріимчивыми поселенцами, оставаясь въ то же время неизвѣстными для прочаго человѣчества. Такую судьбу испытали, напримѣръ, Канарскіе острова [2]), или Австралія, которая, какъ извѣстно, нѣсколько разъ открывалась и вслѣдъ затѣмъ забывалась [3]). Разселеніе малайцевъ и полинезійцевъ по занимаемому ими нынѣ району возможно, однако, до нѣкоторой степени возстановить благодаря традиціямъ ихъ [4]). Они двинулись, по всему вѣроятію, изъ юго-восточной части Азіатскаго материка, близъ области большихъ Зондскихъ острововъ. Одна вѣтвь направилась на востокъ, тѣсня передъ собою темнокожихъ папуасцевъ, часть которыхъ ими подавлена, какъ напр. негритосы на Филиппинскихъ островахъ, минкопи на Андаманскихъ островахъ, оранъ-сакаи на полуостровѣ Малаккѣ, тогда какъ другая часть сохранилась до настоящаго времени болѣе или менѣе неприкосновенною, какъ напр., папуасцы на Новой Гвинеѣ. Въ восточномъ районѣ исходною точкою передвиженій послужилъ архипелагъ Самоа, такъ какъ на него указываютъ преданія, какъ на центръ разселенія. Вторая вѣтвь переселенцевъ направилась на западъ и, дойдя до Мадагаскара, подавила здѣсь негровъ-банту. Мы знаемъ далѣе, что австралійцы проникли относительно поздно на свой материкъ и что они пришли туда безъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ развѣ только одной полудикой собаки динго. Африка является театромъ весьма значительныхъ передвиженій. Хамиты и семиты на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ несомнѣнные пришельцы; народы Фульба клиномъ врѣзались въ группу суданскихъ негровъ; готтентотты и бушмены оттѣсняются неграми-банту, которые въ то же время непрестанно двигаются къ сѣверу. Туземцы Америки пришли изъ Азіи, повидимому, чрезъ Беринговъ проливъ, бывшій въ то время, быть можетъ, не про-

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 27, 28. См. также Fr. Ratzel. Ueber die Anwendung des Begriffes Oekumene, Königl. Sächsische Gesellschaft der Wissenschaften, 1888, S. 149.

[2]) Пешель, стр. 28.

[3]) Peschel. Geschichte der Erdkunde, S. 350, 367, 373.

[4]) См. карту у Quatrefages. Histoire générale, p. 145.

ливомъ, а перешейкомъ [1]). Впрочемъ Герландъ предполагаетъ, что они двинулись чрезъ Южное море; быть можетъ, они были занесены во время морскихъ плаваній на сѣверныя окрайны Южной Америки, подобно тому, какъ въ свое время занесены были мореплаватели изъ Китая и Японіи. Съ мѣста своего прибытія они затѣмъ постепенно разселились по Южной и Сѣверной Америкѣ [2]). Азія является прежде всего областью великихъ переселеній народовъ. Эта часть свѣта скорѣе другихъ могла явиться прародиною человѣчества [3]), слѣдовательно, тѣмъ центромъ, изъ котораго разселилось человѣчество по землѣ [4]); но мы коснулись уже ряда передвиженій, происходившихъ въ средѣ кочевниковъ [5]) и можемъ еще присовокупить, что подобными передвиженіями отмѣчена исторія заселенія Остиндіи, колонизація Японіи, судьбы нашихъ сѣверныхъ окраинъ и т. д.

Подобные переходы человѣчества изъ одной области въ другую не могли, конечно, остаться безъ послѣдствій для внѣшняго и для внутренняго существа эмигрантовъ.

Прежде всего мы видимъ въ этихъ передвиженіяхъ великую воспитательную силу для человѣчества и, если во время бурь великаго переселенія народовъ неоднократно погибали юныя культуры, если подчасъ эмигранты попадали въ условія худшія и въ этихъ условіяхъ утрачивали свою прежнюю культуру и вырождались въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ [6]), то все-таки, въ большинствѣ случаевъ, миграціи являлись основою для цѣлаго ряда культурныхъ успѣховъ человѣчества.

Миграціи прежде всего ведутъ людей къ болѣе глубокому познанію природы и къ расширенію географическихъ горизонтовъ. Миграціи ведутъ къ столкновенію и къ сближенію

---

[1]) Peschel. Völkerkunde, S. 421 ff.

[2]) Gerland. Atlas der Ethnographie, S. 6.

[3]) См. выше, стр. 105.

[4]) Катрфажъ неоднократно указывалъ на прародину человѣчества, лежащую на сѣверѣ Азіи, въ нашей Сибири. См. Quatrefages. Histoire générale des Races Humaines, p. 133.

[5]) См. выше, стр. 240.

[6]) Многочисленныя указанія авторовъ на упадокъ культуры тѣхъ или другихъ народовъ могутъ найти свое объясненіе въ подобныхъ условіяхъ. Таково, напримѣръ, предположеніе Герланда о прежней болѣе высокой культурѣ австралійцевъ: Waitz-Gerland. Anthropologie, B. VI, S. 767.

различныхъ племенъ. Но помимо сближенія чуждыхъ обитателей различныхъ географическихъ провинцій, миграціи являются могущественнымъ объединителемъ и устроителемъ среди членовъ одного и того же племени. Незначительныя группы людей обыкновенно не рѣшаются на какія нибудь далекія путешествія. Типичныя миграціи совершаются, въ виду тѣхъ опасностей, съ которыми они сопряжены, лишь бо́льшими массами. Въ этомъ отношеніи люди дѣлаютъ тоже, что дѣлается зачастую въ мірѣ животномъ, гдѣ точно также переселенцы двигаются сплоченными массами. Понятно, однако, что въ мірѣ людей эта сплоченность должна быть большая и, главное, болѣе сознанная, чѣмъ среди мигрирующихъ животныхъ, точно также какъ роль вожака здѣсь является болѣе выясненною и твердою. Въ послѣднихъ указаніяхъ мы находимъ, такимъ образомъ, извѣстныя основы для внутренней дифференцировки человѣческаго сообщества.

Но намъ приходится остановиться еще нѣсколько ближе на вліяніи „географическихъ провинцій" на человѣка.

Уже въ 1825 году знаменитый геологъ и путешественникъ-изслѣдователь Леопольдъ Ф. Бухъ замѣтилъ, что „отдѣльные представители видовъ распространяются на материкахъ и образуютъ, въ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ разстоянія и съ измѣненіемъ мѣстожительства, подвиды, которые дѣлаются стойкими самостоятельными видами, благодаря далекому отстоянію, пріобрѣтенному ими, если только они не скрещиваются болѣе съ другими подвидами и не возвращаются такимъ образомъ къ главному типу; эти новые самостоятельные виды въ свою очередь, быть можетъ, опять сталкиваются на иныхъ путяхъ съ другими точно также измѣненными подвидами, будучи оба весьма различными и уже не смѣшивающимися видами"[1]).

Въ этихъ знаменательныхъ словахъ какъ бы уже предвосхищено извѣстное ученіе Морица Вагнера о вліяніи миграцій на организмы. Впрочемъ, Вагнеръ пришелъ къ своему миграціонному закону, не будучи знакомъ съ указанною цитатою изъ Буха[2]). Миграціонный законъ М. Вагнера, раз-

[1]) L. v. Buch. Physikalische Beschreibung der Kanarischen Inseln, Berlin 1825, B. I, S. 133.

[2]) M. Wagner. Darwinistische Streitfragen, Kosmos, B. XII, 1882, S. 117.

витый имъ въ 1868 году въ сочиненіи: „Das Migrationsgesetz und die Organismen“ и въ цѣломъ рядѣ дополнительныхъ и полемическихъ статей, печатавшихся въ „Kosmos'ѣ“ [1]), сводится на слѣдующія общія положенія:

1) Чѣмъ значительнѣе сумма перемѣнъ въ образѣ жизни, съ которыми приходится считаться эмигрирующимъ организмамъ при иммиграціи въ новую область, тѣмъ интензивнѣе должна проявиться присущая каждому организму способность измѣняться. 2) Чѣмъ менѣе эта усиленная индивидуальная способность организмовъ къ варіированію задерживается смѣшеніемъ съ многочисленными продолжающими иммигрировать переселенцами того же вида, тѣмъ чаще будетъ удаваться, благодаря суммированію и наслѣдованію новыхъ примѣтъ, образованіе новаго подвида, слѣдовательно, начинающагося вида. 3) Чѣмъ благопріятнѣе для подвида, претерпѣваемыя въ отдѣльныхъ органахъ измѣненія, чѣмъ лучше послѣднія приспосабливаются къ окружающимъ условіямъ, и чѣмъ долѣе будетъ продолжаться безпрепятственный подборъ начинающагося подвида колонистовъ въ новой области безъ смѣшенія съ послѣдующими иммигрантами того же вида, тѣмъ чаще изъ подвида будетъ вырабатываться новый видъ.

Легко себѣ представить, какая необычайно интересная географическая подкладка лежитъ въ этихъ біологическихъ формулахъ. Организмъ, попавшій въ условія, отличныя отъ родныхъ, долженъ къ нимъ приспособиться или же погибнуть. Если онъ приспособится, онъ этимъ приспособленіемъ своимъ пріобрѣтетъ новыя качества и постепенно утратитъ извѣстныя качества, присущія ему прежде, но не упражняемыя въ новой географической провинціи. Выработка этихъ новыхъ качествъ и утрата старыхъ укрѣпляется и постепенно усиливается, подъ условіемъ изолированія эмигрантовъ, путемъ наслѣдованія. Благодаря подобному суммированію или уменьшенію примѣтъ, эмигранты съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ родительскихъ видовъ.

Мы не можемъ, конечно, считать вмѣстѣ съ Вагнеромъ его „законъ образованія видовъ путемъ изолированія“ за опроверженіе Дарвиновскаго ученія; мы видимъ въ немъ лишь

[1]) Kosmos: B. VII, S. 1, 89, 169, 329; B. XII, S. 175, 300; B. XIV, S. 355, B. XV, S. 175, 286.

одно изъ многихъ дополненій, въ которыхъ несомнѣнно нуждается это ученіе. Точно также мы не можемъ согласиться съ ученикомъ Вагнера, Ратцелемъ, безусловно превозносящимъ законъ своего учителя и называющимъ его: „фундаментальной теоріей всемірной исторіи“ [1]). Мы, однако, признаемъ, что для географа и антрополога этотъ законъ имѣетъ весьма высокое значеніе, а въ вопросѣ о происхожденіи разновидностей человѣческаго рода долженъ играть руководящую роль.

Весь смыслъ этого закона заключается въ вопросѣ о томъ, насколько условія новой „географической провинціи“ могутъ отразиться на человѣкѣ. При этомъ, конечно, совершенно безразлично—переселится ли организмъ въ новыя условія, или же условія измѣнятся на мѣстѣ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ.

Мы не сомнѣваемся въ подобномъ вліяніи географическихъ провинцій на животныхъ; выше уже нами было указано на то, что овцы мѣняютъ въ знойныхъ областяхъ Африки свою шерсть на волосы [2]); то же замѣчается на овцахъ въ жаркихъ областяхъ провинціи Магдалены въ Коломбіи; въ провинціи Маркита рогатый скотъ лишенъ волосяного покрова; на холодныхъ плоскогорьяхъ Кордильеръ, напротивъ того, безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны человѣка, образовалась порода свиней съ шерстистымъ волосомъ. Примѣры подобныхъ превращеній, какъ извѣстно, весьма многочисленны. Но животныя мѣняютъ въ новыхъ географическихъ провинціяхъ, или же вообще при новыхъ способахъ жизни, не только свой внѣшній видъ, но и свое внутреннее строеніе. Скелетъ ручныхъ животныхъ отличается цѣлымъ рядомъ примѣтъ отъ скелета ихъ дикихъ собратьевъ. По словамъ Рютимейера, этого превосходнѣйшаго знатока остеологіи доисторическихъ животныхъ, примѣтами прирученія являются: болѣе слабое развитіе естественнаго вооруженія животныхъ, болѣе слабая структура костей, меньшее развитіе точекъ прикрѣпленія мышцъ; болѣе частое появленіе костныхъ пораженій (Rhachitis, Osteomalacia, Caries), причемъ эти патологическія примѣты свидѣтельствуютъ о томъ, что

[1]) Ratzel. Anthropo-Geographie, S. 466.

[2]) См. выше, стр. 206.

животное перенесено въ новыя условія, которыя не совсѣмъ то соотвѣтствуютъ его организму и т. д. [1]). Правъ былъ, поэтому, Гердеръ, когда онъ писалъ: „неужели же человѣкъ, будучи по своимъ мускуламъ и нервамъ по преимуществу животнымъ, не станетъ мѣняться вмѣстѣ съ климатомъ? Если бы этого не случалось, то, по аналогіи съ природою, это было бы чудомъ“ [2]).

Мы изучили уже въ общихъ чертахъ вліяніе географическихъ условій на человѣка; изучивъ самый процессъ этого вліянія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны уяснить себѣ причины появленія различія въ формахъ изучаемыхъ нами организмовъ (Земперъ). Нечего и говорить, что мы, остановившись на одномъ внѣшнемъ вліяніи географическихъ факторовъ, далеко еще не въ состояніи удовлетворить нашему первому и основному положенію.

Наука наша сдѣлала уже весьма значительные успѣхи въ области вопросовъ антропогеографическихъ, однако, детальное изученіе вопросовъ и главнымъ образомъ экспериментальное физіологическое изученіе вліянія каждаго географическаго фактора въ отдѣльности заставляетъ еще желать весьма многаго. Главное затрудненіе мы видимъ въ данномъ случаѣ именно въ томъ, что естественные факторы, какъ это выяснилось, напримѣръ, при изученіи вліянія климата на человѣчество, дѣйствуютъ всегда совокупно, а не въ отдѣльности.

Мы не думаемъ вмѣстѣ съ Вирховымъ, что нѣтъ возможности даже и подойти къ вопросу объ образованіи расъ, не смотря на то, что расы очевидно образуются подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ [3]). Рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ искать, какъ мы уже указывали выше, съ одной стороны въ изученіи географическихъ факторовъ въ отдѣльности, съ другой—въ изученіи такъ называемыхъ „областныхъ типовъ“, т. е. типовъ, выработавшихся подъ вліяніемъ условій извѣстной географической провинціи.

Частью подъ впечатлѣніемъ ожесточенной борьбы съ ученіемъ дарвинистовъ, частью же изъ политическихъ сообра-

---

[1]) Rauber. Urgeschichte, B. 1, S. 397.

[2]) Herder. Präludien, 1. Th. II, 3.

[3]) R. Virchow. Ueber Akklimatisation, Tageblatt der 58. Versammlung deutscher Aerzte und Naturforscher, S. 544.

женій существованіе подобныхъ областныхъ типовъ неоднократно оспоривалось. Нельзя, однако же, отрицать того, что даже въ одной и той же странѣ и при болѣе или менѣе одинаковыхъ физическихъ условіяхъ встрѣчаются типы, которые каждый изъ насъ съ легкостью пріурочитъ къ той или другой провинціи. Наиболѣе споровъ возбудилъ въ свое время вопросъ объ областномъ типѣ сѣвероамериканскихъ янки.

„Какъ всѣми принято думать", писалъ уже Дарвинъ, „европейскіе поселенцы претерпѣваютъ въ Соединенныхъ Штатахъ незначительную, но поразительно быстро проявляющуюся перемѣну въ своемъ внѣшнемъ видѣ. Ихъ тѣло и ихъ конечности удлиняются; полковникъ Берни сообщаетъ мнѣ, что прекраснымъ доказательствомъ въ пользу этого явленія послужилъ фактъ, замѣченный во время послѣдней войны въ Соединенныхъ Штатахъ, а именно тотъ забавный видъ, который представляли нѣмецкіе полки, облаченные въ одежды, изготовленныя для американскаго рынка, въ одежды, которыя были для нихъ повсюду длинны" [1]). Множество данныхъ въ этомъ родѣ собрано было Катрфажемъ, въ 1861 году, въ его книгѣ „Единство человѣческаго рода". По мнѣнію того же автора, янки проявляетъ уже во второмъ поколѣніи черты индѣйскаго типа. Система железъ редуцируется на минимумъ нормальнаго развитія; кожа суха; цвѣтъ лица блѣднѣетъ и тускнѣетъ. Черепъ становится мельче, круглымъ или же заостряется; замѣчается значительное развитіе скулъ и жевательныхъ мышцъ; виски впадаютъ; нижнія челюсти дѣлаются массивнѣе; глаза лежатъ въ глубокихъ и весьма сближенныхъ между собою глазницахъ. Радужная оболочка темнѣетъ, взглядъ становится пронизывающимъ и дикимъ. Длинныя кости удлиняются въ особенности на верхнихъ конечностяхъ. Во Франціи и Англіи выдѣлываются, поэтому, спеціальныя перчатки для Янки съ особенно длинными пальцами. Внутреннія полости этихъ костей съужаются, ногти легко удлиняются и заостряются. Тазъ женщины, по строенію своему, приближается къ тазу мужскому. Характерно для американца его длинная шея и жесткій прямой волосъ; не даромъ

---

[1]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 185.

англійскіе юмористическіе журналы изображаютъ янки съ шеею аиста и съ гривою лошади [1]).

Сколько бы не оспоривали тотъ или другой признакъ въ типѣ янки и какъ бы не объясняли его тѣмъ нервнымъ, безпокойнымъ образомъ жизни, въ который втягивается даже всякій пришелецъ въ этой странѣ, гдѣ пресловутый „struggle for life“ доведенъ до послѣдней степени, во всякомъ случаѣ остается фактомъ то, что въ какія нибудь двѣнадцать поколѣній и не смотря на притокъ переселенцевъ изъ Европы и на то, что англосаксы твердо придерживаются своихъ обычаевъ [2]), въ Соединенныхъ Штатахъ выработался новый областной типъ [3]). По увѣренію Кнокса, этотъ типъ представляетъ собою вырожденіе англо-саксонскаго племени. Дѣйствительно, по наблюденіямъ цѣлаго ряда изслѣдователей, преобразованіе англо-саксонцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ не лишено нѣкоторыхъ роковыхъ сторонъ. Джонъ Вайтъ указываетъ, напримѣръ, на то, что женщины въ пятомъ или шестомъ поколѣніи становятся крайне блѣдными, все болѣе и болѣе эфирными и въ концѣ концовъ малоспособными къ дѣтопроизводству [4]). Еще рѣзче относится къ нашему вопросу извѣстный американскій гинекологъ Эметъ, по мнѣнію котораго, американцы несомнѣнно вырождаются. Причины этого вырожденія авторъ видитъ въ крайней измѣнчивости климата и въ томъ, что, выражаясь его словами, „американцы развиваются рано и ведутъ жизнь, переполненную и искрещенную диспепсіями, невральгіями и другими нервными страданіями. Средній уровень интеллигентности, продолжаетъ онъ, я ставлю выше въ этой странѣ, чѣмъ въ какой либо другой, вслѣдствіе нашего различнаго происхожденія“ [5]). Американецъ достигаетъ своей цѣли, по признанію нашего автора, вполнѣ соотвѣтствующему тому впечатлѣнію, которое вынесъ изъ своей американской поѣздки Гербертъ Спенсеръ, въ

---

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. I, S. 58.

[2]) Quatrefages. Histoire générale des Races Humaines, p. 170.

[3]) Европейцы укрѣпились въ Соединенныхъ Штатахъ, собственно говоря, лишь со времени переселенія пуританъ, слѣдовательно съ XVII столѣтія.

[4]) John White. Sketches from America, London 1870, p. 122.

[5]) Th. Ad. Emet. Principien und Praxis der Gynaekologie, deutsch von Rothe, Leipzig, Abel, 1881, S. 1.

ущербъ благополучія своего организма [1]). Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что американцы народъ молодой, что они лишь въ настоящее время заканчиваютъ періодъ хищническаго завоеванія своей провинціи и лишь теперь начинаютъ примѣнять свои силы къ наукѣ, къ искусству и къ упорядоченію обыденной жизни.

Характерно то, что англосаксы, столь упорные во всѣхъ своихъ привычкахъ и избѣгающіе скрещиванья съ туземцами столь тщательно, какъ ни одинъ другой народъ въ мірѣ, претерпѣваютъ рядъ измѣненій и въ другихъ географичическихъ провинціяхъ: въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ дѣти европейскихъ родителей обнаруживаютъ ту же наклонность къ болѣе высокому росту и худощавому тѣлосложенію, какъ и въ Америкѣ. Въ Капландіи колонисты легко тучнѣютъ [2]). Точно также французы въ Канадѣ испытали весьма значительное превращеніе [3]), причемъ, однако, необходимо имѣть въ виду большую степень скрещиванья съ туземцами, чѣмъ у англосаксовъ.

Подобнымъ же превращеньямъ подвержены различные инородцы. Негры въ Соединенныхъ Штатахъ измѣнились въ продолженіи полутора столѣтій настолько, что приблизились и къ бѣлымъ, и къ индѣйцамъ. По Реклю, они приблизились къ бѣлымъ по крайней мѣрѣ на одну четверть. Ихъ черная окраска поблѣднѣла, лицо пріобрѣло болѣе выраженія; непріятный запахъ кожи по Ляйеллю уменьшился [4]). Кому случалось видѣть интеллигентныхъ негровъ, тотъ, конечно, долженъ былъ признать, что они, такъ сказать, европеизируются. Относительно негровъ во французской Гвіянѣ Поль Леви сообщаетъ, что они, пребывая въ лѣсахъ, сохранили свой цвѣтъ кожи, но по чертамъ своимъ, по пропорціямъ тѣла и по внѣшнему виду волосъ приблизились къ туземнымъ расамъ; измѣнился даже запахъ ихъ кожи [5]).

Трудно уклониться во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отъ невольныхъ преувеличеній авторовъ. Къ подобнымъ преувели-

---

[1]) Th. Ad. Emet, l. c., S. 2.

[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. I, S. 59.

[3]) Quatrefages. Histoire générale des Races Humaines, p. 169, 172.

[4]) Подобное же приближеніе къ европейскому типу замѣчаемъ мы и на цивилизованныхъ индѣйцахъ. G. Gerland. Die Zukunft der Indianer, B. XXXVI, S. 378.

[5]) Quatrefages, l. c., p. 170.

ченіямъ мы, напримѣръ, должны отнести удивительное сообщеніе Н. Ханыкова о томъ, что виртембергскіе нѣмцы, переселившіеся въ 1816 году въ Закавказье, отнюдь не смѣшиваясь съ туземцами, превратились изъ некрасивыхъ и угловатыхъ блондиновъ въ кавказскихъ брюнетовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, наука наша располагаетъ цѣлымъ рядомъ данныхъ, говорящихъ въ пользу измѣненій человѣческаго рода подъ вліяніемъ гееграфическихъ провинцій.

Мы не можемъ не остановиться въ концѣ концовъ еще на одномъ примѣрѣ, непосредственно касающемся русскихъ, а именно на областномъ типѣ сибиряковъ.

Сибирь и ея туземцы положили своеобразный отпечатокъ на славянъ, завладѣвшихъ востокомъ. Современный сибирякъ представляетъ собою спеціальный типъ, несомнѣнно уклоняющійся отъ типа общеславянскаго. Этотъ типъ изучаемъ былъ въ послѣднее время А. П. Щаповымъ, П. А. Ровинскимъ, Н. М. Ядринцевымъ и др. „Чувствительную разницу замѣчаете вы“, пишетъ Ровинскій, „когда изъ середины Россіи перенесетесь чрезъ Уральскій хребетъ и очутитесь гдѣ нибудь на равнинахъ Иртыша и Оби, или на холмистыхъ берегахъ Томи. Другой говоръ, другой обычай, иной характеръ во всемъ, котораго вы сразу не опредѣлите, но, тѣмъ не менѣе, чувствуете. Затѣмъ ѣдете до Красноярска и далѣе по Енисейской губерніи, и новыхъ особенностей не встрѣчаете, и только вступивъ въ Иркутскую губернію и еще больше приближаясь къ городу Иркутску, встрѣчаете новый типъ. Преобладаніе черныхъ волосъ предъ русыми, черные или каріе съ томнымъ выраженіемъ глаза, значительно выдающіяся скулы, короткій носъ — всѣ эти признаки очень ясно указываютъ на примѣсь монгольской расы. Въ говорѣ вы чаще слышите примѣсь словъ неславянскаго происхожденія. Селенія часто построены въ разбросъ, иногда совсѣмъ безъ службъ и безъ огорожей, мало напоминаютъ русскія селенія, какія встрѣчались еще въ западной Сибири. Въ сторонѣ отъ дороги вы видите особеннаго рода постройки, круглыя или шестиугольныя, покрытыя лубомъ и землею; это такъ называемыя домовьюшки, а форма ихъ совершенно бу-

[1]) N. de Chanykow. Mémoire sur l'éthnographie de la Perse, Paris 1866, p. 14 et suiv.

рятская юрта“ [1]). „Мы приходимъ къ тому общему выводу“, говоритъ Щаповъ, „что въ физическомъ типѣ своемъ сибирское русское населеніе путемъ скрещиванія съ туземными азіатскими племенами повидимому стремится образовать нѣсколько своеобразный народно-областной типъ, не раздѣляющій въ одинаковой степени признаковъ родоначальныхъ расъ славяно-русской и азіатско-инородческихъ. Общей и наиболѣе выдающейся въ настоящее время характеристической чертой этого населенія, повидимому, представляется особенный преобладающій типъ, если можно такъ выразиться— брюнетическій, отпечатлѣвающій въ себѣ однородное и въ то же время замѣтно-своеобразное выраженіе помѣси славянорусскаго племени съ смуглыми, черноволосыми сѣверно-азіатскими племенами. Конечно, всѣ эти отличительные признаки физической структуры русскаго сибирскаго населенія еще не выразились рѣзко, не установились въ строго очерченный, всеобщій однородный физическій типъ; въ очертаніяхъ его часто встрѣчаются большія или меньшія реверсивныя уклоненія, варіаціи и вообще неустановившіяся черты. Это естественно и неизбѣжно среди только что начинающейся разнородной помѣси народонаселенія, при сліяніи разнообразныхъ племенныхъ элементовъ. Но не смотря на то, все таки повторяемъ, уже и въ настоящее время въ сибирскомъ населеніи болѣе или менѣе замѣтно стремленіе къ образованію путемъ скрещиванія и мѣстныхъ физико-географическихъ и этнологическихъ условій однородной и нѣсколько своеобразной областной народности“ [2]).

Черты монгольскаго характера въ славянскомъ типѣ выражаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ незначительнѣе славянское населеніе сравнительно съ инородческимъ. Въ общемъ инородцы численно превосходятъ русскихъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ; на югѣ западной Сибири находится, наконецъ, громадная инородческая область нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, откуда сибирское инородческое населеніе какъ бы получаетъ

---

[1]) П. Ровинскій. Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области. Извѣстія Сибирск. отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. 1872, т. III, стр. 120.

[2]) А. Щаповъ. Историко-географическія и этнологическія замѣтки о сибирскомъ населеніи. Извѣстія Сибирск. отд. Имп. Р. Геогр. Общ. 1872, т. III, № 3 и 4.

свое подкрѣпленіе. Вліяніе инородцевъ тѣмъ рѣзче обнаруживается на сибирякахъ, что русскіе даже тамъ, гдѣ они не входятъ ни въ какое прямое смѣшеніе съ инородцами, необычайно легко приспосабливаются къ обычаямъ и къ общему характеру ихъ [1]). Не мѣсто, конечно, здѣсь говорить о хорошихъ и дурныхъ качествахъ сибиряка, такъ какъ сибирякъ представляетъ собою прежде всего типичное созданіе колоніальной исторіи Сибири [2]).

Послѣдній примѣръ ввелъ, однако, совершенно новый элементъ въ нашъ вопросъ о развитіи областныхъ типовъ. Въ данномъ случаѣ вліяніе скрещиванья племенъ на выработку новаго типа не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но случаи, подобные нашему, могутъ повторяться на столько часто, что скрещиванье племенъ дѣйствительно необходимо считать однимъ изъ выдающихся факторовъ при образованіи областныхъ типовъ. Въ этомъ духѣ высказывается даже М. Вагнеръ, резюмируя въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ причины, способствующія образованію видовъ, слѣдующимъ образомъ: „скрещиванье (!), усиленное дальнѣйшее развитіе индивидуальныхъ признаковъ колонистовъ, благодаря внутриобщиннымъ бракамъ и измѣненныя внѣшнія условія, которыя должны оказать свое вліяніе на колонистовъ и потомковъ ихъ въ каждой новой колоніи, въ особенности благодаря иному примѣненію органовъ“ [3]).

Вопросъ о скрещиваніи расъ принадлежитъ къ серіи тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ антропологіи, которые, благодаря своей прикосновенности къ дарвинистическимъ ученіямъ, претерпѣли множество ложныхъ толкованій и породили обширную, хотя въ сущности и весьма мало производительную литературу. Достаточно, что Гобино утверждалъ, что скрещиванье типовъ ведетъ къ вырожденію, къ нравственному и физическому ухудшенію расы, а въ концѣ концовъ къ вымиранію ихъ. Ноттъ училъ, что метисы лишены способности

---

[1]) Э. Петри. Сибирь какъ колонія. Сибирскій сборникъ. 1886, кн. 2, стр. 92.

[2]) Превосходное описаніе характера сибиряка со всѣми его достоинствами и со всѣми его недостатками мы находимъ въ извѣстной книгѣ Н. Ядринцева „Сибирь какъ колонія“. С.-Петербургъ. 1882 г.

[3]) M. Wagner. Darwinistische Streitfragen, Kosmos, B. XII, S. 299.

продолжать свой родъ и основать новый типъ. Современная наука относится къ этому вопросу совершенно иначе, усматривая въ скрещиваніи племенъ одинъ изъ лучшихъ залоговъ для образованія сильныхъ и способныхъ типовъ [1]). Дѣйствительно, мы сталкиваемся съ смѣшанными племенами всюду; гдѣ только географическія и историческія условія способствуютъ подобному смѣшенію, оно происходитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; гдѣ подобному смѣшенію препятствуютъ условія географическія (въ горахъ, на островахъ и т. д.) или историческія (религіозныя или кастовыя), оно тѣмъ не менѣе совершается, хотя и крайне медленно (типъ современныхъ евреевъ). Какъ послѣдствіе миграцій, мы всюду встрѣчаемъ метизацію племенъ. Всѣ культурные народы представляютъ собою смѣсь тѣхъ или другихъ племенъ [2]); иногда намъ удается даже возстановить элементы метизаціи путемъ историческаго изслѣдованія. Подобную же метизацію мы можемъ предполагать и относительно цѣлаго ряда племенъ первобытныхъ.

Въ общемъ мы должны поэтому признать, что скрещиванье, на ряду съ непосредственнымъ вліяніемъ данной географической провинціи, является наиболѣе могущественнымъ пособіемъ для выработки новыхъ расовыхъ особенностей; но если, не смотря на все значеніе этихъ факторовъ, переселенцы не уподобляются тотчасъ же или чрезъ извѣстное число поколѣній туземцамъ, если въ Соединенныхъ Штатахъ ни европейцы, ни негры не стали индѣйцами, то намъ необходимо имѣть въ виду, что противовѣсомъ этимъ силамъ представляются внутреннія и внѣшнія данныя, пріобрѣтенныя чужеземцами на мѣстѣ родины ихъ [3]), а къ этимъ даннымъ принадлежитъ, конечно, и культура, подъ вліяніемъ которой, какъ нами уже указано, мѣняются сами туземцы [4]).

---

[1]) Достаточно противупоставить ученію американца Нотта упомянутое уже указаніе Эмета на то, что высшая интеллектуальная сила американцевъ обусловливается именно смѣшанностью ихъ происхожденія. См. стр. 262.

[2]) Смотри выше, стр. 107.

[3]) Quatrefages. Histoire générale des Races Humaines, p. 170.

[4]) Смотри выше, стр. 263.

Глава XII.

Зачатки экономической жизни и вліяніе ихъ на человѣка.

Охота, скотоводство и земледѣліе; преемственность этихъ фазисовъ человѣческаго развитія.— Ошибочность этого воззрѣнія.— Предположеніе Рошера.— Ученіе Герланда.— Воспитательное значеніе охоты, скотоводства и земледѣлія.— Взгляды Новацкаго.— Естественныя условія пропитанія человѣка.— Собираніе пищевыхъ запасовъ.— Муравьи.— Возникновеніе земледѣлія и осѣдлости.— Понятіе Οἰκουμένη у древнихъ и примѣненіе этого понятія къ задачамъ антропогеографіи.

Природа руководитъ первыми шагами человѣка. Но если строй природы отражается столь точно въ первобытномъ человѣкѣ, то мы невольно спрашиваемъ себя, каковы тѣ законы, которые обусловливаютъ собою исторію развитія человѣчества, или, если мы останавливаемся передъ трудностями этой задачи, каковы тѣ первые шаги, которые предначертала людямъ ихъ мать—природа?

Ученые, какъ извѣстно, никогда не затруднялись въ отгадываніи тайнъ природы и, не смотря на быструю смѣну такъ называемыхъ законовъ природы, всегда находили поклонниковъ и вѣрующихъ. Вопросъ, которымъ мы задались, нашелъ не мало отвѣтовъ. По ученію, освященному традиціей, первые шаги человѣчества на пути экономической культуры расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: вначалѣ человѣкъ занимался охотою, затѣмъ онъ перешелъ къ скотоводству, а отъ скотоводства къ земледѣлію. „Нормальная эволюція человѣчества должна быть: человѣкъ охотникъ, человѣкъ скотоводъ, человѣкъ воздѣлыватель почвы“, восклицаетъ извѣстный

французскій археологъ де-Мортилье[1]). Но даже такой безусловный отрицатель, какъ Луи Бюхнеръ, авторъ пресловутаго „Kraft und Stoff“ и многихъ другихъ книгъ, надѣлавшихъ въ свое время не мало шума, пишетъ, не мудрствуя лукаво: „Дикій и первобытный человѣкъ существуетъ лишь продуктами, предоставляемыми ему свободною природою и добычею съ охоты; изъ этого состоянія онъ путемъ скотоводства совершаетъ переходъ къ ступени земледѣлія“ [2]).

Стоитъ, однако, лишь всмотрѣться въ этотъ законъ экономическихъ фазисовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что подобная преемственность немыслима, какъ законъ, уже въ силу географическихъ условій. Такъ, напримѣръ, скотоводство отнюдь не вездѣ возможно. Для скотоводства, прежде всего, необходимъ домашній скотъ, а онъ не вездѣ существуетъ; наконецъ, этотъ скотъ не вездѣ находитъ необходимый просторъ и необходимыя пастбища. Осѣдлые островитяне и земледѣльцы полинезійцы никогда не были скотоводами, такъ какъ у нихъ не было домашняго скота; новокаледонцы—земледѣльцы, но они имѣли, какъ домашнее животное, лишь одну свинью; патагонцы стали скотоводами, когда они получили возможность обладать европейскимъ скотомъ. Японія, въ противуположность Центральной Азіи, не можетъ быть страною скотоводства. Здѣсь нѣтъ необходимаго простора, нѣтъ настоящихъ луговъ и пастбищъ; поэтому здѣсь, да и въ Китаѣ, неизвѣстны главныя питательныя вещества кочующихъ монголовъ — молоко, масло и сыръ. Болѣе значительную роль чѣмъ мясо домашнихъ животныхъ, которое многіе милліоны никогда не ѣдятъ, играютъ уже яйца и дичь. Такъ какъ овца совершенно не распространена въ Кореѣ и Японіи, а въ Китаѣ лишь весьма мало, то шерсть въ прежнее время лишь мало примѣнялась для одеждъ; пенька, хлопчатая бумага, а для богатыхъ шелкъ,—вотъ тотъ матеріалъ, въ который одѣвались, да одѣвается и понынѣ населеніе этихъ странъ. За то область муссоновъ какъ бы предназначена са-

---

[1]) G. de Mortillet. Dictionnaire des sciences Anthropologiques, Paris. O. Doin. Vid. Agriculture, p. 26.

[2]) L. Büchner. Die Stellung des Menschen in der Natur, Leipzig, 1870. H. 2, S. CIX.

мою природою для земледѣлія [1]). Мы ссылались, наконецъ, на американскихъ охотниковъ за ламами, которые на плоскогорьяхъ Перу и Кито могли непосредственно отъ охоты перейти къ земледѣлію. Спросимъ себя, къ тому же, гдѣ именно въ скотоводствѣ тѣ элементы, которые могли бы возбудить въ человѣкѣ желаніе стать осѣдлымъ. Мы упоминали уже о томъ, до какой степени завлекательно кочевничество. Ширь и необъятный просторъ степей, безпрестанныя передвиженія, жизнь кочевника, исполненная опасностей и безпечныхъ наслажденій, страшнаго напряженія силъ и сладостной лѣни, все это воспитываетъ въ человѣкѣ любовь къ кочевничеству и презрѣніе къ осѣдлой жизни. Кочевникъ и осѣдлый человѣкъ по всему складу своей жизни и по міровоззрѣнію своему совершенные антиподы. Смѣлый, живой, безпечный кочевникъ смотритъ съ явнымъ пренебреженіемъ на своего трусливаго, вѣчно трудящагося и вѣчно разсчетливаго осѣдлаго собрата [2]). Киргизъ считаетъ своего сродича, рѣшившагося стать осѣдлымъ, за существо достойное сожалѣнія или даже презрѣнія. Пока у киргиза находится хотя малѣйшая возможность кочевать, онъ остается кочевникомъ; онъ согласенъ даже поступить въ батраки къ болѣе богатому сродичу, лишь бы продолжить излюбленную жизнь кочевника. Осѣдлость среди киргизовъ—признакъ крайняго обѣднѣнія. Оттого то такъ неудачны наши гуманныя попытки сдѣлать киргизовъ осѣдлыми, что онѣ не считаются съ своеобразною психикою кочевника [3]).

Анализируя традиціональную систему экономическаго развитія человѣчества, мы пришли къ тому убѣжденію, что она абсолютно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Къ подобному заключенію приходили, впрочемъ, всѣ ученые, сколько нибудь заинтересованные этимъ вопросомъ. Извѣстный энциклопедистъ-политико-экономъ В. Рошеръ заключаетъ поэтому, что человѣчество питалось вначалѣ въ какомъ либо раю пло-

---

[1]) J. J. Rein. Japan, B. II Land- und Forstwirthschaft, Industrie und Handel, Leipzig, Engelmann, 1886, S. 4.

[2]) Глубокая психологическая рознь между кочевникомъ и земледѣльцемъ прекрасно изложена Н. Ядринцевымъ, въ цѣнной работѣ его: „Начало осѣдлости“. Литературный Сборникъ Восточнаго Обозрѣнія. 1885, стр. 148 и далѣе.

[3]) См. выше стр. 154. Земледѣліе не сдѣлало еще киргизовъ осѣдлыми. Левшинъ. Описаніе киргизскихъ ордъ и степей. Спб. 1832. Т. III. стр. 199.

дами деревъ, а затѣмъ, выселившись изъ рая, занялось сообразно съ природными условіями, личнымъ характеромъ своимъ и историческими случайностями—земледѣліемъ, охотою или же первичнымъ (?) скотоводствомъ [1]). Къ сожалѣнію, Рошеръ выражаетъ эту мысль лишь мимоходомъ въ одномъ изъ примѣчаній, которыми такъ богаты его обширные труды; онъ не даетъ намъ отчета въ томъ, почему именно человѣкъ пользовался первоначально столь идеальною пищею, какъ плоды деревъ, и какимъ образомъ человѣкъ перешелъ отъ питанія плодами къ болѣе реальной пищѣ.

Но среди присяжныхъ антропологовъ нашъ вопросъ нашелъ весьма основательнаго изслѣдователя. Страсбургскій географъ Георгъ Герландъ, извѣстный своей рѣдкою начитанностью, изложилъ намъ въ своихъ оригинальныхъ, хотя и не всегда убѣдительныхъ „Anthropologische Beiträge“ весьма обстоятельное ученіе о томъ, что человѣкъ питался первоначально злаками, а отъ этой пищи перешелъ къ земледѣлію. „Человѣчество, первоначально единое“, пишетъ онъ „въ эту эпоху своего единства явилось населеніемъ земледѣльческимъ; впослѣдствіи отъ него стали отдѣляться народы, которые подъ гнетомъ жизненныхъ нуждъ стали заниматься, охотою; отдѣлились другіе народы, которые постепенно преобразовывались въ кочевниковъ“ [2]). Въ томъ, что извѣстные народы могли стать кочевниками или охотниками, нашъ авторъ видитъ явленіе регресса [3]).

Это, надобно сказать, довольно необычайное представленіе о ходѣ экономическаго развитія человѣчества Герландъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ: по мнѣнію его, ни охота, ни скотоводство, ни питаніе плодами не могли воспитать человѣка настолько, чтобы сдѣлать его изъ существа звѣрообразнаго настоящимъ человѣкомъ. Для возникновенія человѣческой культуры, для возникновенія осѣдлости необходимо извѣстное обезпеченіе и нѣкоторый покой. Слишкомъ затруднительная борьба съ природою препятствуетъ развитію и даже существованію человѣка (полярныя страны); точно также излишнее довольство дѣлаетъ человѣка безпечнымъ, лѣнивымъ

---

[1]) W. Roscher. Nationaloekonomie des Ackerbaues. 5. Aufl., 1867, S. 49.
[2]) G. Gerland. Anthropologische Beiträge. Halle, 1875, B. I, S. 141.
[3]) Ibid., S. 141, 151.

и непредпріимчивымъ (тропическія страны). Охота представляетъ человѣку питаніе лишь случайное и притомъ, сообразно съ удачей или неудачей охотника, либо въ избыткѣ, либо же недостаточное. Самое занятіе охотника до крайности безпокойно; оно требуетъ частыхъ передвиженій и исключаетъ собою возможность высшей культуры. Наконецъ, мясная пища, по довольно неосновательному предположенію Герланда, не даетъ чувства сытости, а по причинѣ быстраго перевариванія—„всегда оставляетъ ярость голода“ [1]). Кочевничество препятствуетъ осѣданію человѣка и по природѣ своей поддерживаетъ въ кочевникѣ любовь къ кочевому образу жизни. Питаніе плодами опять-таки не имѣетъ воспитательнаго значенія; напротивъ того, обиліе плодовъ въ періодъ зрѣлости и наступающій вслѣдъ затѣмъ недостатокъ дѣйствуютъ развращающимъ образомъ на первобытнаго человѣка. Одни лишь зерновыя растенія, приковывающія человѣка къ мѣсту, приспособленныя къ храненію въ прокъ и вполнѣ пригодныя къ тому, чтобы возбудить въ человѣкѣ мысль объ искусственномъ разведеніи ихъ, „могли послужить рычагомъ для развитія человѣка“ [2]).

Своеобразная мысль Герланда, очевидно, имѣетъ кое-что за себя, но коренная ошибка автора заключается, въ томъ, что онъ, въ увлеченіи своемъ идеею о пользѣ зерновой пищи, не допускаетъ и отдаленной возможности того, чтобы охота или скотоводство могли воспитать человѣка. Взглянувши безпристрастно на дѣло, мы должны, однако, признать, что всякое исканіе пищи ведетъ къ болѣе глубокому познанію природы, а вслѣдствіе этого оказываетъ и извѣстное воспитательное вліяніе на человѣка. Изучая способы охоты у дикарей, мы не можемъ не удивляться необычайно развитымъ органамъ чувствъ ихъ, въ особенности зрѣнію и слуху; прибавимъ къ этому еще дивную способность оріентироваться, поразительный даръ комбинаціи и, наконецъ, рядъ подчасъ весьма остроумныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простыхъ снарядовъ для охоты [3]). Какъ самые способы охоты, такъ и изобрѣтеніе орудій несомнѣнно развиваютъ человѣка и могутъ навести

---

[1]) Gerland, S. 92.

[2]) Gerland, S. 96—99.

[3]) См. выше, стр. 112. См. также: Д. Анучинъ. Лукъ и стрѣлы. Москва, 1887.

его при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ на высшую культуру. О томъ, что охота можетъ способствовать сближенію людей, мы уже говорили [1]).

Еще большую культурную силу мы видимъ въ пастушествѣ, а именно въ прирученіи животныхъ. Въ данномъ случаѣ человѣкъ одновременно выступаетъ и владѣтелемъ и воспитателемъ. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо приложима пословица: „уча, мы учимся"; съ другой стороны, обладаніе собственностью совершенно пересоздаетъ характеръ первобытнаго человѣка. Какъ обладатель и какъ воспитатель домашнихъ животныхъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ большую осмотрительность, выдержку характера и извѣстное самосознаніе; съ другой стороны, большая обезпеченность и нормальное питаніе оказываютъ свое вліяніе на общее благосостояніе скотовода, тогда какъ шерсть овецъ значительно улучшаетъ его одѣяніе, а трудъ домашнихъ животныхъ необычайно увеличиваетъ силу и дѣятельность человѣка. Человѣкъ въ высшей степени легко привыкаетъ къ прирученію животныхъ, благодаря податливости ихъ; даже тѣ народы, которые не держатъ полезныхъ домашнихъ животныхъ, разводятъ таковыхъ для своей забавы. Такъ, индѣйцы Южной Америки держатъ обезьянъ, говорящихъ попугаевъ, наконецъ, для питанья своего—черепахъ въ бассейнахъ и т. д. [2]). Зачастую извѣстное животное само привязывается къ человѣку и идетъ по слѣдамъ его, какъ за болѣе хищнымъ звѣремъ. Такъ это возможно предположить относительно одного изъ полезнѣйшихъ животныхъ, собаки [3]). Мы упоминали уже о томъ, что австралійцы пришли въ Австралію по всему вѣроятію въ сопровожденіи полудикой собаки динго [4]); собаку же мы находимъ у пещернаго чело-

---

[1]) См. выше, стр. 186.

[2]) Peschel, Völkerkunde, S. 444.

[3]) Gerland. Anthropologische Beiträge, S. 146, 147. Кстати замѣтить, Туснель придаетъ колоссальнѣйшее значеніе собакѣ, указывая на то, что человѣкъ достигъ своего обезпеченнаго и культурнаго положенія единственно благодаря собакѣ. Безъ собаки нѣтъ стада, говоритъ онъ, безъ стада нѣтъ обезпеченнаго существованія, нѣтъ баранины или бычачьяго мяса, нѣтъ шерсти, нѣтъ плаща, нѣтъ свободнаго досуга, а слѣдовательно нѣтъ астрономическихъ наблюденій, нѣтъ техническихъ искусствъ. Человѣкъ обязанъ собакѣ тому, что поднялся изъ состоянія дикости и пришелъ къ патріархальной жизни! Toussenel. L'Esprit des bêtes, Paris 1868, p. 149.

[4]) См. выше, стр. 255.

вѣка неолитическаго періода [1]). Зачастую мы видимъ, что животное, которое служитъ предметомъ охоты для одного народа, является домашнимъ животнымъ для другихъ. Эскимосы охотятся за сѣвернымъ оленемъ, тогда какъ въ жизни нашихъ сѣверныхъ инородцевъ этотъ олень играетъ ту же полезную роль, какъ верблюдъ у обитателя пустыни.

Но прирученіе животныхъ имѣетъ также великое соціальное значеніе. Весьма мѣтко Бэръ указываетъ на то, что овцеводство дало поводъ къ развитію большихъ патріархальныхъ семей [2]). Съ другой стороны, мы уже указывали на то, что скотоводство ведетъ къ сообществу людей [3]): лишь большая масса людей можетъ предохранить многочисленныя стада отъ того, чтобы они не разбѣжались и не стали жертвою хищныхъ животныхъ или же разбойническихъ сосѣдей. Скотоводство при маломъ числѣ скота немыслимо, такъ какъ животныя легко подвергаются падежу, а при большихъ переходахъ или голодовкахъ, были бы истреблены самими владѣтелями своими. Но подобно тому, какъ стада требуютъ управленія одною волею человѣка, такъ и большія скопища людей, въ интересахъ своего собственнаго сохраненія и сохраненія своихъ богатствъ, должны подчиниться указаніямъ одного опытнаго и энергичнаго ума. Такимъ образомъ, скотоводство представляетъ собою весьма существенный шагъ впередъ въ сравненіи съ охотою даже въ общественномъ отношеніи. Если при охотѣ, въ виду неравномѣрности пропитанія и пугливости дичи, болѣе многочисленныя скопища людей возможны лишь какъ временныя исключенія, то въ кочевомъ быту они становятся жизненною необходимостью.

Но, конечно, Герландъ правъ, говоря, что земледѣліе является рычагомъ въ дѣлѣ развитія человѣка. Земледѣліе воспитываетъ въ человѣкѣ бо̀льшую наблюдательность и изобрѣтательность, осмотрительность и выдержанность характера. Воспитывая и облагораживая растенія, человѣкъ и самъ

---

[1]) W. Boyd Dawkins. Die Höhlen und die Urbewohner Europas, deutsch v. Spengel, Leipzig 1876, S. 121.

[2]) K. E. v. Baer. Ueber den Einfluss der äussern Natur auf die socialen Verhältnisse der einzelnen Völker und die Geschichte der Menschen überhaupt. Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften Th. II, H. 1, St. Petersburg. Schmitzdorff 1873, S. 25.

[3]) См. выше, стр. 187.

воспитывается и облагораживается. Посвящая свой трудъ землѣ или деревьямъ, которыя принесутъ ему плоды лишь по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени, человѣкъ этимъ самымъ прикрѣпляетъ свои интересы, и, такъ сказать, самого себя къ землѣ. Онъ въ еще большей степени, чѣмъ скотоводъ, владѣтель и воспитатель, обязанный радѣть о своемъ достояніи и могущій гордиться имъ, какъ результатомъ собственнаго труда своего. Оттого то земледѣлецъ является не только болѣе культурнымъ и интеллигентнымъ, но,—не смотря на осторожность и заботливость, доводящія его до робости,—и болѣе сознательно гордымъ, чѣмъ смѣлый, безпечный и гордый по природѣ, по темпераменту кочевникъ. „Nihil est agriculturae melius, nihil uberius, nihil dulcius, homine libero dignius“ говоритъ Цицеронъ [1]). Японская поговорка гласитъ: „сельское хозяйство источникъ“, т. е. источникъ, опора всей жизни. Крестьянинъ (Hiyakushô) по рангу своему выше ремесленника (Shakunin) и купца (Akindo) [2]), и, дѣйствительно, крестьяне составляютъ наиболѣе крѣпкую и дѣльную часть населенія Японіи [3]). Въ Китаѣ земледѣліе чтится столь высоко, что самъ императоръ ежегодно вспахиваетъ участокъ земли въ садахъ при храмѣ императора Шиннунга, введшаго земледѣліе въ страну и причисленнаго за это къ богамъ [4]).

Отыскивая въ земледѣльческомъ быту естественныя основы возникновенія человѣческаго сообщества, мы должны сказать, что достаточнымъ мотивомъ для возникновенія подобнаго сообщества является какъ большая успѣшность общиннаго труда, такъ и болѣе успѣшная охрана созданныхъ тяжкимъ трудомъ нивъ, постоянныхъ жилищъ и запасовъ. Въ земледѣльческомъ быту дифференцировка между руководителями и руководимыми, между опытными и неопытными, имущими и неимущими должна быть еще бóльшая, чѣмъ у кочевниковъ. Даже болѣе того, свойство земледѣльческаго труда, осѣдлость и большая упорядоченность сообщества допускаютъ проявленіе извѣстной зависимости не только животныхъ отъ человѣка, но и человѣка отъ человѣка. Если въ охотничьемъ быту

---

[1]) Cic. de off. lib. I.
[2]) J. J. Rein. Japan, S. 6.
[3]) Ibid, S. 8.
[4]) Ibid, S. 5.

*

рабъ является лишнею обузою, лишнимъ голоднымъ ртомъ, и поэтому тамъ, гдѣ онъ появляется, возможенъ развѣ только какъ терпимый сотоварищъ; если въ подвижномъ кочевомъ быту охраненіе раба усложняетъ трудъ кочевника, охранителя своихъ стадъ, и поэтому рабъ представляетъ собою нѣчто вродѣ младшаго и неравноправнаго члена семьи [1]), то въ земледѣльческомъ быту, требующемъ столь усиленныхъ и постоянныхъ трудовъ и допускающемъ, благодаря осѣдлости, прекрасную охрану рабочей силы, рабство является учрежденіемъ хотя и печальнымъ, но въ высшей степени умѣстнымъ съ экономической точки зрѣнія. На почвѣ рабства возникаетъ въ свою очередь цѣлый рядъ другихъ учрежденій, способствующихъ развитію культуры, и прежде всего создается тотъ досугъ отъ жизненныхъ тревогъ, который необходимъ для процвѣтанія наукъ и искусствъ. Наконецъ, самое свойство труда и владѣнія при земледѣліи таковы, что допускаютъ несравненно большую индивидуализацію имущества, чѣмъ какой либо другой промыслъ.

Приведенныхъ соображеній, конечно, вполнѣ достаточно для того, чтобы доказать, что любой жизненный промыслъ можетъ явиться воспитателемъ человѣчества. Исключительное предпочтеніе, отданное Герландомъ зерновой пищѣ, совершенно неосновательно; къ тому же, мы уже имѣли случай указать на то, что зерны не были первоначальною пищей человѣка [2]). Самъ Герландъ допускаетъ, что „звѣрообразные предки человѣка, конечно, не ограничивались одною растительною пищею, напротивъ того, какъ указываютъ уже человѣческія челюсти, они были приспособлены къ смѣшанному роду пищи“ [3]).

Взамѣнъ ученія Герланда, цюрихскій профессоръ агрономіи Новацкій [4]) предложилъ новую комбинацію, по которой первичной формой была охота, понимая подъ этимъ словомъ

---

[1]) Таково положеніе рабовъ у киргизовъ, у чукчей (Nordenskiöld. Vega, B. II, S. 124), у бедуиновъ Палестины (Rampendahl. Deutsche Rundschau für Geographie, 1883, H. 10).

[2]) См. выше, стр. 168.

[3]) Gerland. Anthropologische Beiträge, S. 91.

[4]) Nowacki. Jagd oder Ackerbau, Zürich, Schmid, 1885. Краткій отзывъ нашъ объ этой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма легкомысленной работѣ смотри Petermann's Mitteilungen, 1885, S. 278.

не охоту въ собственномъ смыслѣ, а добываніе и потребленіе дикихъ растеній и животныхъ. Сообразно съ мѣстными условіями, весьма мало, впрочемъ, выясненными авторомъ, эта форма переходитъ либо къ скотоводству, соединенному съ охотою и земледѣліемъ, либо къ земледѣлію въ связи съ охотою и скотоводствомъ, либо же къ земледѣлію и скотоводству въ связи съ охотою [1]). Въ общемъ мысль Новацкаго еще мало оформлена; тѣмъ не менѣе, видимая заслуга его въ томъ, что онъ настойчиво указываетъ на смѣшанный характеръ данныхъ формъ экономической жизни.

Законъ, по которому человѣчество совершало бы свое развитіе, такимъ образомъ еще не найденъ. Но, спросимъ себя, существуетъ ли вообще какая либо законность въ этомъ вопросѣ, въ виду крайняго разнообразія географическихъ условій? Человѣчество не можетъ, въ виду безконечно разнообразныхъ условій своей жизни, развиваться по одному шаблону; ступени, предначертанныя теоретиками, отнюдь нельзя считать преемственными и неизбѣжными; проявленіе ихъ совершенно индивидуально и обусловливается прежде всего общимъ характеромъ данной географической провинціи.

Будучи по природѣ своей всеяднымъ, человѣкъ началъ экономическую жизнь свою съ того, что съѣдалъ все, что ему попадалось подъ руки. Онъ срывалъ съѣдобное съ деревъ и растеній, онъ выкапывалъ корни и клубни, онъ отъискивалъ или ловилъ все то, что ему казалось съѣдобнымъ и достижимымъ въ мірѣ животномъ. Мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, что наши предки едва ли были болѣе разборчивы, чѣмъ современные дикари [2]). Первобытный человѣкъ питался тѣмъ, что ему предлагала природа, или, лучше сказать, тѣмъ, что онъ уже умѣлъ отъискивать въ природѣ. Назвать его охотникомъ нельзя, потому что данный способъ пропитанья является лишь зачаткомъ охотничьяго промысла. Это, такъ сказать, исканіе и собираніе пищи, такъ какъ первобытный человѣкъ несомнѣнно дѣлалъ нѣкоторые запасы. Подобные запасы дѣлаютъ даже въ мірѣ животномъ грызуны, дятловыя, Picidae, муравьи, пчелы и другія. Человѣкъ зачастую пользуется естественными запасами животныхъ, опу-

[1]) Nowacki, S. 40.

[2]) См. выше, стр. 168, 169.

стошая, напримѣръ, улья дикихъ пчелъ [1]); бушмены похищаютъ у муравьевъ запасы зеренъ Arthraterum brevifolium; негры-банту, готтентотты и бушмены пользуются даже глиною изъ гнѣздъ термитовъ [2]). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ, если бы онъ даже самъ и не пришелъ на мысль дѣлать запасы, все же послѣдовалъ бы полезному примѣру животныхъ. Природные запасы, повидимому, должны были играть весьма значительную роль въ жизни первобытнаго человѣка. Подобно тому, какъ животныя собираются въ тундру, въ краткій періодъ ея лѣтняго расцвѣта, для того чтобы полакомиться ягодами, или же животными, привлеченными этими ягодами, подобно тому, какъ различнѣйшія животныя и птицы сосредоточиваются на берегахъ рѣкъ во время движенія рыбы вверхъ по теченію, такъ точно человѣкъ быстро распознаетъ и запоминаетъ мѣста, обильныя въ извѣстный сезонъ пищею. Такъ называемые сандильеросы, т. е. дынные индѣйцы, сосредоточиваются на берегахъ Гоацокоалекоса въ Мехикѣ въ періодъ созрѣванія растущихъ тамъ въ изобиліи дынь; индѣйцы чипевеи собираются въ періодъ созрѣванія цицаніи въ болотистыхъ мѣстностяхъ; австралійцы привлекаются поспѣвающими марсиліаціями [3]) и т. д. Точно также дикари-охотники собираются на излюбленныхъ пастбищахъ, у водопоевъ или у береговъ рѣкъ во время метанія икры. Бушмены практиковали въ былыя времена весьма первобытный способъ земледѣлія: въ пору созрѣванія извѣстныхъ питательныхъ растеній они сходились въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ и собирали свою жатву; приэтомъ они всегда оставляли часть растеній нетронутыми на посѣвъ; этотъ посѣвъ стоялъ подъ строжайшимъ и святѣйшимъ запретомъ. У австралійцевъ мы встрѣчаемъ подобные же запреты, налагаемые на питательныя растенія, на плодовыя деревья и птичьи гнѣзда [4]).

Въ этой подготовкѣ будущихъ жатвъ мы видимъ зачатки земледѣлія. Отъ охраненія посѣва, совершаемаго природою, до посѣва, самостоятельно произведеннаго человѣкомъ, переходъ относительно невеликъ. Отъ подобнаго перехода не да-

---

[1]) Chapman. Travels in to the Interior of South-Africa, v. II, p. 79.
[2]) Ratzel. Anthropo-Geographie, S. 348, 349.
[3]) Ratzel, S. 349.
[4]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 727, 728.

леки даже извѣстныя животныя; но, повторяемъ, мы не думаемъ, что человѣкъ пришелъ къ земледѣлію благодаря животнымъ, какъ увѣряетъ Ратцель [1]). Не только изъ уваженія къ нашимъ предкамъ, но главнымъ образомъ при взглядѣ на наше собственное культурное состояніе, мы не можемъ отказаться отъ мысли, что человѣкъ могъ дойти до земледѣлія собственнымъ умомъ своимъ. Если человѣкъ и позаимствовалъ что либо у животныхъ, то развѣ только нѣкоторыя свѣдѣнія о болѣе полезныхъ растительныхъ веществахъ. Такъ, по Кольбу, готтентотты ѣдятъ лишь тѣ корни, которыми питаются павіаны и дикія свиньи и которые оказались такимъ образомъ безвредными [2]). Что же касается до животныхъ, занимающихся земледѣліемъ, то они столь рѣдки, что, конечно, не могли научить человѣка этому полезнѣйшему изъ промысловъ. Мы говоримъ здѣсь объ этихъ животныхъ, поэтому, лишь съ цѣлью показать всю, такъ сказать, естественность перехода отъ собиранія къ сознательному посѣву.

Земледѣльцами являются, какъ извѣстно, муравьи, Pogonomyrmex barbatus въ Техасѣ, которые, какъ сообщаютъ, культивируютъ злакъ Aristida oligantha; они истребляютъ на особомъ маленькомъ гумнѣ всѣ прочія травы и не только собираютъ зерна этой травы и предохраняютъ ихъ отъ проростанья, но, будто бы, даже и высѣваютъ ихъ. Послѣднее, впрочемъ, все еще спорно. Лёббокъ лично наблюдалъ въ Алжиріи, что муравьи допускаютъ нѣкоторымъ видамъ растеній рости на своихъ гнѣздахъ [3]).

Глубокаго вниманія заслуживаютъ, съ нашей точки зрѣнія, и муравьи-скотоводы. Они ухаживаютъ за тлями (Aphidae) и другими насѣкомыми, за различными родами Coccidae, Cecropis, Centratus, Membracis и т. д. [4]). Эти насѣкомыя являются

---

[1]) Ratzel. Anthropo-Geographie, S. 349. Нашъ авторъ вообще невысокаго мнѣнія о человѣкѣ. Такъ, онъ учитъ насъ, вмѣстѣ съ другими учеными, что человѣкъ у животныхъ научился подкрадываться къ жертвѣ, нападать на нее ночью и т. д., S. 406.

[2]) Характерно, впрочемъ, что животныя, привезенныя въ чуждыя страны, утрачиваютъ инстинктъ къ вреднымъ травамъ и часто погибаютъ отъ ядовитой пищи. V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, Berlin, 4 Aufl. 1883, S. 428.

[3]) Лёббокъ. Муравьи, пчелы и осы. Перев. Аверкіева. С.-Петербургъ, Суворинъ, 1884, стр. 61.

[4]) Лёббокъ. Муравьи, пчелы и осы. 1884, стр. 67.

какъ бы коровами муравьевъ; о тлѣ Линней выразился, что она „Aphis formicarum vacca“. Муравьи питаются сладкимъ сокомъ, выдѣляемымъ тлями; они лижутъ также гусеницы извѣстныхъ бабочекъ [1]). Муравьи весьма тщательно заботяться о своемъ домашнемъ скотѣ, избираютъ для него пастбища, строятъ изъ глины крытые ходы и хлѣвы. Lasius flavius, желтый луговой муравей, сосредоточиваетъ зимою свой скотъ въ подземныхъ хлѣвахъ, а весною выгоняетъ его на свѣжее пастбище; муравьи ухаживаютъ даже за яйцами тлей, которыя, пока не разовьются, для нихъ, конечно, совершенно безполезны [2]).

Существуютъ, наконецъ, охотники-муравьи, страшные разбойники, живущіе въ небольшихъ общежитіяхъ; они забираются въ одиночку, группами, а иногда даже большими шайками въ чужія кучи и угоняютъ чужой скотъ [3]). Точно также наблюдались эгоисты-муравьи, лишенные альтруизма, необходимаго для гармоничнаго общежитія; они утаивали себѣ въ укромномъ мѣстѣ сладкую тлю и втихомолку пользовались ею, пока зоркимъ товарищамъ не удавалось накрыть эгоиста и наказать его соотвѣтствующимъ образомъ.

Этого мимолетнаго взгляда на міръ животный достаточно, чтобы придти къ тому заключенію, что главные типы нашихъ промысловъ настолько элементарны, что находятъ свои параллели въ мірѣ животномъ. Мы можемъ, поэтому, сказать вмѣстѣ съ Герландомъ, что первые шаги къ земледѣлію были сдѣланы уже тогда, когда еще не было самого человѣка. Земледѣліе относится къ собиранію плодовъ и растительной пищѣ, такъ какъ скотоводство къ простой охотѣ, говоритъ Рауберъ [4]).

„Не слѣдуетъ считать земледѣліе какимъ нибудь затруднительнымъ или необычайнымъ изобрѣтеніемъ“ [5]), не слѣдуетъ поэтому, и смущаться тѣмъ, что въ глазахъ первобытныхъ народовъ земледѣліе является даромъ боговъ или же изобрѣ-

---

[1]) Лёббокъ, стр. 67.

[2]) Ibid, стр. 68.

[3]) Ibid, стр. 58, 89, 90.

[4]) Rauber. Urgeschichte, S. 141.

[5]) Тайлоръ. Антропологія, перев. Ивина. С.-Петербургъ. Билибинъ. 1882, стр. 212.

теніемъ великихъ героевъ; таковъ духъ человѣка, что онъ окружаетъ дорогіе ему предметы фантастическими и прекрасными арабесками. Чудною красотою и богатою мыслью отличаются извѣстные миѳы грековъ и римлянъ о возникновеніи земледѣлія, а культъ земледѣльческихъ божествъ является однимъ изъ наиболѣе глубокомысленныхъ и наиболѣе тѣсно связаныхъ съ личными и семейными отношеніями человѣка; необычайною поэтическою силою отличаются соотвѣтствующіе миѳы полинезійцевъ, къ которымъ мы впослѣдствіи еще разъ вернемся. Скиѳамъ, по Геродоту, небо подарило золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкиру и чашу [1]). Нечего смущаться и тѣмъ, что нѣкоторые авторитеты до сихъ поръ останавливаются предъ вопросомъ, какимъ образомъ человѣчество изобрѣло земледѣліе. Такъ, Мортилье говоритъ, что „происхожденіе земледѣлія неизвѣстно и тщетно, отъискивая его, справлялись съ историческими документами“ [2]). Разбирая этотъ вопросъ, мы можемъ себя лишь спросить: при какихъ условіяхъ могъ возникнуть тотъ или другой промыслъ человѣка. Мы видѣли уже, что охота оказывается наилучшимъ промысломъ для человѣка тамъ, гдѣ существуетъ соотвѣтствующая дичь и гдѣ существуютъ причины, препятствующія осѣданію человѣка, гдѣ, напримѣръ, господствуютъ громадные лѣса. Охотничій промыслъ, въ соединеніи съ исканіемъ пищи безъ всякаго разбора, можетъ, наконецъ, имѣть мѣсто и тамъ, гдѣ скудость природы препятствуетъ возникновенію какихъ либо другихъ промысловъ, напримѣръ, въ пустынныхъ частяхъ Австраліи и т. д. Кочевничество возникаетъ тамъ, гдѣ есть достаточный просторъ, подходящія пастбища и скотъ и гдѣ можетъ сосредоточиться большая масса людей. Наконецъ, земледѣліе, и вмѣстѣ съ тѣмъ осѣдлость, мыслимы лишь тамъ, гдѣ существуетъ извѣстный, покой, гдѣ, слѣдовательно, проявляютъ свое вліяніе причины, препятствующія миграціи; при этомъ покоѣ, конечно, требуются еще благопріятныя условія почвы и климата, соотвѣтствующія растенія и извѣстная густота мѣстнаго населенія, обусловливающая необходимость большаго напряженія въ борьбѣ

---

[1]) Геродотъ. IV. 5. Перев. Мищенки, стр. 305.
[2]) De Mortillet. Dictionnaire, p. 25.

за существованіе [1]); ко всему этому необходимо еще присовокупить безопасность отъ вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, отъ термитовъ, саранчи, мухи цеце и т. д. Четыре ступени собирателя, охотника, пастуха и земледѣльца не представляютъ ступеней, которыя необходимо было бы пройти по порядку, одну за другою. „На каждой ступени человѣкъ можетъ остановиться, каждая ступень можетъ выпасть“ [2]). Главные виды промысловъ рѣдко гдѣ могутъ встрѣтиться въ чистомъ видѣ. Они обыкновенно проявляются въ различныхъ комбинаціяхъ, въ различныхъ переходахъ другъ отъ друга, въ зависимости отъ мѣстныхъ географическихъ и соціальныхъ условій. Человѣкъ живетъ такъ, какъ ему позволяетъ жить природа и его собственное развитіе [3]).

Переходъ отъ неустойчиваго пастушескаго быта къ осѣдлости нигдѣ не совершается внезапно; на многочисленныхъ посредствующихъ ступеняхъ народы могутъ пребывать иногда въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Бродячій пастухъ или даже охотникъ-индѣецъ засѣваетъ мимоходомъ участокъ земли, а осенью также мимоходомъ снимаетъ свою жатву, или же остается временно на мѣстѣ, выжидая жатвы. Участокъ, занятый имъ однажды, въ слѣдующій сезонъ обмѣнивается на другой, неистощенный. Но наряду съ земледѣліемъ прочіе жизненные промыслы продолжаютъ сохранять свое первенство. Жилище все еще отличается непрочностью; сельскія орудія крайне несовершенны. Значительный успѣхъ представляютъ собою уже озими, но рѣшительнѣйшимъ шагомъ является культура деревъ. „Лишь съ этою послѣднею“, говоритъ В. Генъ [4]), „вступаетъ въ свои права сознаніе родины и понятіе о собственности“. Дерево приходится годами выхаживать, прежде чѣмъ оно начнетъ приносить плоды. „Затѣмъ оно ихъ приноситъ ежегодно, тогда какъ связь съ однолѣтнею травою, сѣять которую научила насъ Деметра, прерывается въ то самое мгновеніе, когда плоды

---

[1]) Весьма интересныя указанія на то, что побудительною причиною для возникновенія земледѣлія можетъ явиться извѣстная степень нужды, мы находимъ у Ling Roth'a. Journal of the Anthropological Institute, 1886, IV.

[2]) Rauber. Urgeschichte, B. I, S. 154.

[3]) Letourneau. Dictionnaire, p. 24, et 25.

[4]) V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, S. 98.

собраны". „Вокругъ виноградника, вокругъ плодоваго сада возводится въ защиту изгородь, знакъ вполнѣ выраженной собственности"; земледѣлію же само по себѣ достаточно межевыхъ знаковъ, каменьевъ. Поле удовлетворяется, по крайней мѣрѣ въ нашихъ широтахъ, росою и дождемъ; садъ требуетъ искусственнаго орошенія. Прибѣгая къ этому орошенію, садоводъ не только совершенствуется въ техническомъ отношеніи, онъ въ то же время запутывается съ сосѣдомъ своимъ въ споры по поводу права на воду. Эти споры разрѣшимы только при упорядоченныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Жилище садовода отличается прочностью, оно разсчитано на долгіе годы. Убранство жилища отличается довольствомъ, такъ какъ въ домѣ сосредоточенъ производительный трудъ нѣсколькихъ поколѣній. Наконецъ, сами боги становятся благороднѣе: мѣняется жертва, подносимая имъ; вмѣсто убитыхъ животныхъ богамъ приносятся плоды [1]). Насколько преобразовываются характеры людей съ осѣдлостью, мы можемъ видѣть на удачной борьбѣ французовъ съ алжирскими кабилами; тогда какъ войны ихъ съ кочевниками-арабами были безконечны и безплодны, кабилы, эти непосредственные потомки древнихъ ливійцевъ, садоводы, обитающіе въ полукаменныхъ домахъ, были весьма скоро покорены [2]).

Природа руководитъ первыми шагами человѣка. Первобытный человѣкъ отражаетъ въ себѣ всѣ особенности окружающей его природы. Но природа отнюдь не вездѣ благопріятствуетъ человѣку.

Греки и римляне считали лишь незначительную часть нашей земли за обитаемую и обозначали эту часть какъ Ойкумену. Однако уже въ классическія вѣка выяснилось, что Ойкумена не было понятіемъ неизмѣннымъ. На глазахъ древнихъ представленіе объ обитаемости земли претерпѣвало самое существенное измѣненіе. Міръ Гомера несравненно менѣе міра Геродота, простиравшагося съ востока на западъ приблизительно на 500 географическихъ миль. Еще шире представляется намъ Ойкумена Птолемея, распространяющаяся отъ меридіана Счастливыхъ острововъ до столицы той страны, въ которой выдѣлывается шелкъ. Міръ Птолемея за-

[1]) V. Hehn, S. 99.
[2]) Ibid, S. 107.

нимаетъ по меньшей мѣрѣ одну четверть извѣстнаго намъ міра [1]). Постепенное расширеніе горизонта культурнаго человѣчества представляетъ собою картину въ высшей степени поучительную и увлекательную. Всматриваясь въ исторію землевѣдѣнія въ картографическихъ изображеніяхъ ея, мы какъ бы присутствуемъ при великомъ процессѣ ознакомленія человѣка съ мѣстомъ своего обитанія; полное знакомство съ нимъ равносильно пріобрѣтенію власти надъ нимъ.

Мы имѣли уже случай убѣдиться въ важности изученія той среды, въ которой живетъ ἄνδρωπος. Въ этомъ смыслѣ Ойкумена со всѣми ея географическими и историческими особенностями всегда будетъ имѣть громадное значеніе для мыслящаго антрополога. Связь между природою и даннымъ способомъ жизни, открывающаяся передъ нами при изученіи Ойкумены, проступаетъ съ наибольшею ясностью именно тамъ, гдѣ мы прослѣживаемъ борьбу человѣка съ природою и постепенное распространеніе власти его надъ землею. Открытіе Новаго Свѣта представляется грандіознѣйшимъ приростомъ Ойкумены, и это увеличеніе раіона дѣятельности человѣчества на ряду со многими новыми продуктами, или, другими словами, новыми естественными силами, внесенными Америкою въ сокровищницу культуры, произвели рѣшительный переворотъ въ жизни представителей цивилизаціи.

И по нынѣ еще, въ той же Америкѣ, происходитъ нѣкоторое расширеніе Ойкумены благодаря открытію доступа въ нетронутыя области; подобное расширеніе опять-таки влечетъ за собою переселеніе народовъ и увеличиваетъ экономическую силу Соединенныхъ Штатовъ, этой величайшей изъ колоній Европы.

Густота населенія данной страны есть, однако, прежде всего симптомъ культурнаго состоянія ея, а отнюдь не отраженіе мѣстныхъ силъ Ойкумены. Страна, которая въ свое время могла пропитать лишь ничтожныя группы охотничьихъ племенъ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ настоящее время обладаетъ культурнымъ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 50 милліоновъ и всегда готова къ тому, чтобы гостепріимно при-

---

[1]) Fr. Ratzel. Ueber die Anwendung des Begriffes „Oekumene“ auf geogr. Probleme, Königl. Sächsische Gesellschaft der Wissenschaften, 1888, S. 144.

нять новые милліоны. Охотничьи племена и кочевники нуждаются въ огромныхъ земельныхъ пространствахъ; въ малокультурныхъ странахъ неудобные участки, какъ то: лѣса, болота, путыни, озера и т. д. занимаютъ громадное пространство. Въ культурныхъ странахъ эти неудобныя земли быстро сокращаются, а въ крайнемъ случаѣ носителями жилища и посѣвовъ является даже вода, какъ, напримѣръ, рѣки въ Китаѣ.

Такимъ образомъ, мы отнюдь не можемъ согласиться съ Ратцелемъ, которому и на этотъ разъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, принадлежитъ иниціатива примѣненія понятія Ойкумены къ современной антропологіи, когда онъ говоритъ, что „Ойкумена менѣе подвержена измѣненіямъ, чѣмъ тѣ границы народовъ и государствъ, которыя мы чертимъ, она представляетъ извѣстные пункты, которые въ послѣднія тысячелѣтія менѣе передвинулись, чѣмъ иныя береговыя линіи“ [1]).

Изъ предыдущихъ строкъ, да и не менѣе того изъ самой работы Ратцеля явствуетъ [2]), что Ойкумена есть прежде всего понятіе культурное. Съ возрастаніемъ культуры расширяется Ойкумена; мы не достигли еще и понынѣ естественныхъ предѣловъ ея, такъ какъ несомнѣнно, что мы далеко еще не пользуемся всѣми существующими въ мірѣ питательными веществами и далеко еще не знакомы со всѣми способами для успѣшной борьбы съ географическими и историческими недостатками Ойкумены.

Такимъ образомъ намъ казалось бы необходимымъ указать на то, что Ойкумена подвержена колебаніямъ временнымъ вслѣдствіе историческихъ, или, лучше сказать, культурныхъ причинъ. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ подвержена колебаніямъ вѣковымъ, подъ вліяніемъ причинъ геологическихъ и метеорологическихъ.

Что касается до границъ Ойкумены, то необходимо было бы различать границы естественныя и границы культурныя. Жизнь органическая шире распространяется въ воздухѣ, чѣмъ въ водѣ, въ послѣдней опять таки болѣе, чѣмъ на сушѣ [3]), но прежде всего, конечно, вопросъ объ Ойкуменѣ, по скольку

---

[1]) Ratzel, l. c., S. 143.
[2]) Ibid, S, 138, 140, 144, 158, 162, 165, 168, 173 etc.
[3]) Ibid, S. 140.

онъ касается человѣка, сводится на вопросъ о распредѣленіи суши и воды. Отсюда великая разница между сѣвернымъ, преимущественно континентальнымъ, и южнымъ, преимущественно океаническимъ полушаріями. Современная граница Ойкумены проводится Ратцелемъ слѣдующимъ образомъ: Ойкумена образуетъ поясъ вокругъ земли по обѣ стороны отъ экватора; концы этого пояса, тамъ гдѣ они ближе всего подступаютъ другъ къ другу, все еще раздѣлены проливомъ Атлантическаго океана между мысомъ Пальма и мысомъ Санъ-Рокъ шириною въ 350 миль. Среднее отстояніе между сѣверомъ и югомъ можно опредѣлить въ $100^0 = 1.500$ миль; наивысшей величины достигаетъ это отстояніе въ меридіанѣ мыса Горна, прорѣзывающаго зундъ Смиса, въ 137^0; наименьшей величины, немного болѣе 60^0, въ западной части Индійскаго Океана. Площадь Ойкумены можно опредѣлить въ 5.700.000, почти двѣ трети земной поверхности. Двѣ трети этой плоскости принадлежатъ къ сѣверному, одна треть къ южному полушарію [1]).

Нечего и говорить о томъ, что не только естественная, но и культурная граница Ойкумены не поддаются точному опредѣленію. До сихъ поръ, напримѣръ, не опредѣлена крайняя сѣверная граница распространенія человѣка. Проникая глубже въ область Арктики, европейскіе путешественники отодвигаютъ эту границу все далѣе и далѣе къ сѣверному полюсу [2]). Необходимо, однако, имѣть въ виду, что тамъ, гдѣ иные путешественники не встрѣчали ни одного человѣка, другіе сталкивались съ людьми, или же находили слѣды ихъ пребыванія. Временному влеченію на сѣверъ подлежатъ, какъ извѣстно, наши европейскіе и сибирскіе кочевники-оленеводы, слѣдующіе за своими стадами на сѣверъ, точно также эскимосы-промышленники, несъумѣвшіе приручить оленей, смѣло двигаются за ними, равно какъ за преслѣдующими ихъ волками и песцами, изъ сѣвернаго Девона и острова Принцессъ-Рояль по восточному берегу страны Гриннелля, достигая быть можетъ крайняго предѣла своего распространенія. Тамъ они

---

[1]) Ratzel, S. 147.
[2]) Ratzel, S. 144.

пребываютъ мѣсяца три, промышляя тюленей, оленей и мускусныхъ быковъ [1]).

По указаніямъ Ратцеля, народы на окрайнахъ Ойкумены ведутъ, въ соотвѣтствіи съ болѣе суровою природою, жизнь скудную и малокультурную [2]). Слѣдовало бы, однако, включить въ число окрайныхъ народовъ, помимо обитателей сѣверной и южной границы Ойкумены, и жителей пустынь, плоскогорій и горныхъ высотъ [3]).

---

[1]) Ratzel, S. 164.
[2]) Ratzel, S. 157, 158.
[3]) См. выше, стр. 218.

Глава XIII.

Первобытный человѣкъ и его отношеніе къ внѣшнему міру.

Значеніе международныхъ сношеній.—Отношеніе первобытнаго человѣка къ своимъ собратьямъ.—Причины междоусобій.—Гостепріимство и его основной принципъ.—„Торговлѣ предшествуетъ грабежъ".—Опроверженіе этого ученія.—„Нѣмая торговля".—Первобытная честность.—Торговля на первобытной ступени культуры.—Неприкосновенность личности торговца и женщины.—Общественный строй, создаваемый торговыми сношеніями.

„Исторія культуры есть исторія сношеній людей", говоритъ остроумный Генъ, „и подобно тому, какъ единичный человѣкъ достигаетъ своего на значенія въ общественной средѣ, то-есть достигаетъ наивысшаго развитія своихъ задатковъ, такъ и народы по мѣрѣ того, какъ они возвышаются въ культурѣ, являются, лишь учениками и наслѣдниками другихъ, окружающихъ ихъ и высшихъ по культурѣ народовъ" [1]).

Въ исторіи человѣчества международныя сношенія и торговля выступаютъ какъ наиболѣе значительные двигатели культуры. Кто сталъ бы въ этомъ теперь сомнѣваться, когда передъ нами, европейцами, открытъ весь міръ и когда не только цивилизованные, но и многочисленные некультурные народы уже навсегда покинули тѣсныя рамки замкнутой національной жизни? Экономическая и духовная дѣятельность наша неразрывно связана съ жизнію и съ интересами всего міра. Наши національныя особенности, которыя мы стараемся со-

---

[1]) V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere etc., 4. Aufl., Berlin, Borntträger, 1883, S. 425.

хранить въ могучемъ водоворотѣ міровыхъ сношеній и которыя мы разсматриваемъ какъ результаты нашихъ индивидуальныхъ народныхъ задатковъ и окружающихъ насъ географическихъ условій, являются тѣми величинами, которыя опредѣляютъ наше положеніе въ міровой жизни.

Но гдѣ же кроятся зачатки международныхъ отношеній? Каковы тѣ мотивы въ природѣ человѣка и въ окружающихъ его обстоятельствахъ, благодаря которымъ человѣкъ пришелъ къ тому сожитію и къ тому сотрудничеству, безъ которыхъ онъ, повидимому, не можетъ существовать нынѣ.

Какъ мало согласуются съ картиною современныхъ намъ міровыхъ сношеній ученія, унаслѣдованныя нами издревле и освященныя столѣтнею вѣрою въ ихъ непогрѣшимость, представленія о томъ, что „Homo homini lupus est“ и что существуетъ „bellum omnium contra omnes“!

Тѣмъ не менѣе, эти положенія не утратили своего значенія и для современныхъ ученыхъ. Ленге учитъ въ своей „Теоріи гражданскихъ законовъ“, что охота есть первая форма коопераціи, а охота на людей (война) одна изъ первыхъ формъ охоты. Нашъ извѣстный политико-экономъ Н. И. Зиберъ, удостоившійся похвалъ даже отъ безпощаднѣйшаго Карла Маркса, находитъ это замѣчаніе Ленге „весьма остроумнымъ и мѣткимъ“ [1]) и открываетъ имъ свое замѣчательное изслѣдованіе о первобытной экономической культурѣ.

Первая половина этого положенія сводится, однако, на традиціональное заблужденіе; мы уже имѣли случай указать на то, что охотѣ, въ точномъ смыслѣ этого слова, предшествуетъ другой, при извѣстныхъ обстоятельствахъ также кооперативный промыселъ, который мы могли обозначить, какъ собираніе всего съѣдобнаго. Изъ подобнаго-то собиранія питательныхъ корней, растеній, раковинъ, насѣкомыхъ и другихъ животныхъ можетъ, при извѣстныхъ географическихъ условіяхъ, выработаться охотничій промыселъ, тогда какъ въ областяхъ бѣдныхъ дичью человѣчество приходитъ къ скотоводству или къ земледѣлію, или же еще скорѣе къ одной изъ многочисленныхъ смѣшанныхъ или переходныхъ формъ этихъ трехъ основныхъ ступеней нашей политической экономіи. Од-

[1]) Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Москва, 1883, стр. 5.

нако же и вторая половина положенія Ленге ничто иное, какъ ошибка, сводящаяся на выше цитированныя латинскія формулы.

Мы говорили уже о томъ, что дикарь по обыденному представленію является существомъ грубымъ, свирѣпымъ, чувственнымъ и т. д. [1]). Однако же, первобытныя ступени человѣческаго сообщества отнюдь не являютъ намъ картины самоуничтоженія человѣчества. Напротивъ того, мы встрѣчаемся на этихъ ступеняхъ съ зачатками общественной жизни.

Положимъ, что нѣтъ недостатка въ борьбѣ и между первобытными людьми; даже болѣе того, постоянные внутренніе раздоры чрезвычайно губительны для этихъ народовъ и во всякомъ случаѣ задерживаютъ культурное развитіе ихъ. Но причины этихъ раздоровъ лишь въ незначительной части лежатъ въ кровожадныхъ и хищническихъ инстинктахъ дикарей. Напротивъ того, намъ приходится въ данномъ случаѣ считаться съ одною изъ ужаснѣйшихъ силъ, вліяющихъ на жизнь человѣка; сила эта губила и истребляла какъ единичныя личности, такъ и цѣлые народы, неоднократно уничтожала она самый чудный и многообѣщающій цвѣтъ нашей культуры, неоднократно разрушала она самыя грандіозныя сооруженія, но въ то же время ей, этой силѣ, мы обязаны самыми величайшими дѣяніями и успѣхами человѣчества— это нужда. Нужда и голодъ не знаютъ и не уважаютъ никакихъ границъ.

Переходы черезъ границы, проступки по отношенію къ чужой собственности—вотъ обыденныя причины вѣчныхъ раздоровъ дикарей. Строго опредѣленныя и неприкосновенныя границы извѣстны собирателямъ и охотникамъ въ Австраліи, Южной Америкѣ и Сибири также хорошо, какъ кочевникамъ Киргизскихъ степей и любымъ земледѣльцамъ [2]). По мнѣнію Бойда-Даукинса, даже палеолитическій человѣкъ пользовался распредѣленіемъ охотничьихъ угодій [3]). Удача при безнаказанныхъ переходахъ на чужую землю и легкое пріобрѣтеніе добычи при грабежахъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на первобытнаго человѣка и при случаѣ дѣлаютъ

---

[1]) См. выше, стр. 127.

[2]) См. выше, стр. 184.

[3]) Boyd-Dawkins. Die Höhlen, Leipzig 1876, S. 292.

изъ него страстнаго и привычнаго грабителя. Великимъ обаяніемъ пользуются разсказы о барантѣ и о батыряхъ среди киргизовъ; намъ лично указывали въ Киргизской степи на киргиза, къ которому окружающіе относились съ великимъ уваженіемъ, какъ къ батырю по внутреннему призванію, хотя онъ въ настоящее время, подъ давленіемъ администраціи, оставилъ всякую баранту и всякіе грабежи. Среди негровъ похищеніе рогатаго скота пользуется необычайною популярностію и, точно также какъ конокрадство у киргизовъ, считается не преступленіемъ, а удальствомъ.

Мы отнюдь не стремимся къ тому, чтобы идеализировать дикаря. Говоря о нравственномъ обликѣ дикихъ, мы не будемъ пользоваться первыми впечатлѣніями испанцевъ, открывшихъ Америку; мы готовы признать, что они представляли собою довольно гнусную шайку искателей приключеній и разбойниковъ, которыхъ не трудно было удивить нѣкоторою честностію и миролюбіемъ. Мы откажемся даже, хотя и съ тяжелымъ сердцемъ, отъ отчетовъ путешественниковъ XVIII столѣтія и прежде всего отъ словъ незабвеннаго Георга Форстера; мы готовы признать, что въ эту достопримѣчательную эпоху умы были до нѣкоторой степени ослѣплены зарницею приближающейся великой революціей. Мы не послѣдуемъ за знаменитымъ, хотя и крайне увлекающимся натуралистомъ Уоллесомъ, безмѣрно восхваляющимъ нравственность дикарей [1]); мы не попытаемся даже примкнуть къ нашему высокоуважаемому коллегѣ, Фридриху Ратцелю, увѣряющему въ своей цѣнной „Антропогеографіи“ [2]), что „почти достовѣрно, что развитіе извѣстнаго свойства, первоначально чуждаго человѣку, а именно, хищнической натуры его, противорѣчащей даже его естественному вооруженію, произошло изъ подражанія хищнымъ животнымъ, нападеніямъ которыхъ онъ подвергался самъ и методы которыхъ онъ долженъ былъ изучить въ точности, если только хотѣлъ достаточно оградиться отъ нихъ“. Въ данномъ случаѣ намъ до нѣкоторой степени подозрительны удивительные успѣхи этого ученика хищныхъ животныхъ, успѣхи, о которыхъ, между прочимъ, говорится и въ главѣ VII нашего труда.

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 287.

[2]) Fr. Ratzel. Anthropo-Geographie, S. 406.

*

Обратимся къ современнымъ дикарямъ, съ которыми мы отчасти уже знакомы. Если одинокій дикарь попадаетъ въ страну чуждую, если онъ обезоруженъ и ищетъ защиты и крова, то его отнюдь не разрываютъ, какъ это подобало бы по обычаю хищныхъ звѣрей. Онъ всюду находитъ сердечный пріемъ. Если къ становищу дикарей приближается чуждая толпа воиновъ, то ихъ встрѣчаютъ съ оружіемъ въ рукахъ. Пріемъ оказывается имъ лишь тогда, когда вполнѣ выяснятся ихъ мирныя намѣренія. Таково правило и притомъ правило весьма основательное, что доказывается, между прочимъ, и тѣми картечными выстрѣлами, которыми англійскіе мореплаватели когда то привѣтствовали неосторожныхъ тасманійцевъ, поспѣшившихъ имъ на встрѣчу съ зелеными вѣтвями въ рукахъ и съ пѣснями [1]). Гостепріимство первобытнаго человѣка можетъ быть названо вполнѣ идеальнымъ. Хозяинъ уступаетъ гостю на время его пребыванія у него всѣ свои личные права. Онъ не только обмѣнивается съ нимъ различными предметами и главнымъ образомъ оружіемъ, онъ передаетъ ему даже временно свою жену или свою дочь. Принципъ подобнаго гостепріимства прекрасно обнаруживается въ словахъ Норденшёльда: „гостепріимство чукчей своеобразно“, говоритъ онъ. „Его, можетъ быть, возможно охарактеризовать словами: „сегодня я ѣмъ и сплю въ твоей палаткѣ, завтра ты ѣшь и спишь въ моей“, поэтому, судя по тому, что я видѣлъ, одинаково принимаются всѣ, богатые и бѣдные, какъ тѣ, которые пріѣзжаютъ въ большихъ саняхъ, такъ и тѣ, которые ходятъ пѣшкомъ. Всѣ могутъ быть увѣрены, что найдутъ уголъ въ палаткѣ“ [2]). Какъ далеко заходитъ гостепріимство, намъ показываетъ сообщеніе недавно скончавшагося путешественника Миклухи-Маклая, касательно несчастныхъ и страшно тѣснимыхъ негритосовъ на островѣ Лузонѣ. У этого народца, влачащаго крайне жалкое существованіе, въ обычаѣ передъ трапезою громко призывать къ участію лицъ, могущихъ находиться вблизи; несоблюденіе этого обычая, какъ говорятъ, влечетъ за собою смертную казнь [3]). „Въ образован-

---

[1]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 817.

[2]) Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens etc., Leipzig, Brockhaus, 1882, B. II., S. 24.

[3]) Petri. Miklucho-Maklay, S. 183 und 184.

ной Европѣ", говоритъ генералъ Костенко, „мы не встрѣчаемъ того природнаго великодушія, которое побуждаетъ жителей Средней Азіи раздѣлять между собою все до послѣдняго куска хлѣба" [1]). Святой обычай гостепріимства выступаетъ предъ нами въ строгихъ и прекрасныхъ чертахъ въ обычаѣ монголовъ, по которому за ограбленіе, убійство или голодную смерть путника отвѣчаетъ все населеніе, близъ котораго случится такое происшествіе [2]).

Гостепріимство соблюдается, какъ святой обычай, даже тамъ, гдѣ грабежъ является занятіемъ профессіональнымъ и, поэтому, до извѣстной степени законнымъ. Напомнимъ прелестный разсказъ отважнѣйшаго изъ средне-азіатскихъ путешественниковъ, Вамбери: дервишу приходится переночевать у разбойника туркмена; хозяинъ проситъ у него небольшую сумму взаймы, чтобы угостить его же, своего гостя. На слѣдующее утро паломникъ въ наилучшемъ настроеніи духа пускается въ путь и благодаритъ Бога за то, что такъ дешево отдѣлался отъ страшнаго хозяина; но вотъ въ степи его нагоняетъ разбойникъ. Здѣсь нѣтъ уже болѣе гостепріимства. Дервишъ былъ ограбленъ; однако, его прежній хозяинъ возвратилъ ему занятыя у него за ночь передъ тѣмъ деньги [3]). Туркменъ поступилъ въ данномъ случаѣ какъ бы по пословицѣ бедуиновъ, по которой гость считается неприкосновеннымъ, пока вмѣстѣ съѣденная соль „еще остается въ желудкѣ" [4]).

Прекрасный обычай гостепріимства все еще выживаетъ у нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ, въ особенности у тѣхъ, которые сохранили свою первоначальную свѣжесть. У славянъ, въ добрыя старыя времена, хозяинъ похищалъ у сосѣдей то, чего ему самому не доставало для угощенія гостей. Въ Швеціи безграничное гостепріимство повело къ такимъ плохимъ результатамъ, что король Магнусъ, прозваный Ладуласъ, издалъ въ 1279 году указъ противъ гощенія, по которому въ каждой деревнѣ было назначенъ завѣдующій уго-

---

[1]) Костенко. Средняя Азія. С.-Петербургъ, 1879, стр. 81.

[2]) Я. П. Дуброва. Поѣздка въ Монголію. Извѣстія Восточно-Сибирск. Отд. Геогр. Общ. 1885 г. стр. 102.

[3]) H. Vámbéry. Skizzen aus Mittelasien, Leipzig, Brockhaus 1868, S. 66 f.

[4]) C. N. Pischon. Der Einfluss der Islam auf das häusliche, sociale und politische Leben seiner Bekenner, Leipzig, Brockhaus 1881, S. 62.

щеніемъ проѣзжихъ, тогда какъ дворы епископовъ и дворянъ были совершенно освобождены отъ всякаго угощенія [1]).

Но пріемъ повсюду находитъ не только безоружный и поэтому безопасный путникъ! Мы идемъ далѣе, указывая на то, что при извѣстныхъ условіяхъ даже торговецъ, нагруженный сокровищами, можетъ безпрепятственно идти своей дорогой, не вызывая хищныхъ инстинктовъ столь обезславленныхъ дикарей. Дѣло въ томъ, что торговля ведется уже на первобытныхъ ступеняхъ человѣчества.

Но вотъ передъ нами вновь воздымаются высокою стѣною застарѣлые предразсудки.

Вышеупомянутый политико-экономическій авторъ, какъ представитель цѣлаго ряда собратьевъ по наукѣ, учитъ насъ, что „торговлѣ между различными племенами долженъ былъ предшествовать взаимный грабежъ, служившій, вѣроятно, первоначальнымъ способомъ ознакомленія съ продуктами сосѣдей (!). Только долговременная взаимная борьба могла научить дикарей прибѣгать для удовлетворенія взаимныхъ потребностей къ обмѣну на нейтральной почвѣ, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній долговременно сохраняетъ слѣды враждебнаго происхожденія. Въ подтвержденіе справедливости этой точки зрѣнія можно сослаться на всѣмъ извѣстный замкнутый характеръ первобытныхъ общежитій и на тѣ непрерывно продолжающіяся войны, которыя они ведутъ между собою“ [2]).

Въ подкрѣпленіе своей мысли нашъ авторъ ссылается на Врангеля [3]), описывающаго торговлю между русскими и чукчами на ярмаркѣ въ Островномъ; при этомъ чукчи остаются „въ полномъ вооруженіи копьями, луками и стрѣлами“.

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ мысли нашего автора служатъ примѣры такъ называемой нѣмой торговли. Такъ, разсказывается объ одномъ народѣ, обитающемъ въ области верховьевъ Нигера, что онъ ведетъ мѣновую торговлю съ мавританскими купцами, при чемъ участвующіе не видятъ другъ друга. „Въ опредѣленное время мѣсяца купцы явля-

---

[1]) Geijer. Geschichte Schwedens, Hamburg 1832, B. I, S. 164. См. также указанія на языческій періодъ. Стр. 109.

[2]) Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 374 и 375.

[3]) F. v. Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien etc., Berlin 1834, S. 273.

ются на извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ они вечеромъ находятъ все, что желаютъ покупать, главнымъ образомъ золото въ порошкѣ, въ маленькихъ, немного отдаленныхъ другъ отъ друга кучкахъ. Противъ этихъ кучекъ купцы кладутъ эквивалентъ того, что они хотятъ дать за каждый товаръ, а ихъ товары состоятъ изъ коралловъ, стеклянныхъ бусъ, браслетовъ и т. д.; уходя они оставляютъ ихъ лежать. На другой день является другая партія и уноситъ съ собою товаръ, если она довольна обмѣномъ, въ противномъ случаѣ они уменьшаютъ противъ поставленное количество золота" [1]).

Подобныхъ примѣровъ не трудно набрать въ географической и антропологической литературѣ [2]), ибо такой способъ торговли прекрасно соотвѣтствуетъ робкому первобытному человѣку.

Для насъ, однако, въ данномъ случаѣ въ особенности важно то обстоятельство, что здѣсь, не смотря на самыя благопріятныя условія, не происходитъ грабежа, а между тѣмъ насъ учатъ, что грабежъ является именно тою основною формою, изъ которой развилась торговля. Съ юридической точки зрѣнія эта честность легко находитъ свое объясненіе. По мнѣнію М. И. Кулишера, пользующагося почтеннымъ именемъ и въ западной антропологической литературѣ, „покупатель и продавецъ—враги, вѣчные, (!) неумолимые враги [3])"; они не грабятъ другъ друга, потому что боятся возмездія [4]). Мы имѣли, однако, уже случай указывать на то, что нѣтъ возможности отъучить первобытнаго человѣка отъ грабежа, ставшаго ему почему либо любезнымъ, даже самыми страшными наказаніями [5]). Мы ссылались, между прочимъ, на описанныя Я. П. Дубровою [6]) нечеловѣческія

---

[1]) Winterbottom. Nachrichten von der Sierra-Leoneküste, deutsch v. Ehrmann, Weimar 1805, S. 231.

[2]) Raffenel. Nouveau voyage dans les pays des Nègres, Paris 1856, v. I, p. 194 et suiv; Herodot. IV, 196; Bastian. Der Mensch in der Geschichte, B. III, S. 366 u. 368; Bastian. Loango-Expedition 1875, S. 89; Lassen. Indische Alterthumskunde, B. III, S. 85; М. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры. С.-Петербургъ 1887, стр. 196 и далѣе.

[3]) М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры. С.-Петербургъ, 1887, стр. 196.

[4]) Стр. 204.

[5]) E. Petri. Die Ehrlichkeit der sogenannten Naturvölker, Kosmos 1886, S. 462.

[6]) Я. П. Дуброва, въ указ. мѣстѣ, 1886 г., стр. 78, 79.

истязанія, которымъ въ Монголіи подвергаются конокрады. Послѣ мучительной пытки одинъ богатый монголъ былъ приговоренъ къ отнятію лѣвой руки до локтя и правой ноги до колѣна путемъ отмораживанія. Несчастнаго привязали на полу юрты такимъ образомъ, что онъ не могъ двинуться; предназначенныя къ отмораживанію части тѣла были выдвинуты изъ-подъ края юрты на воздухъ (дѣло происходило зимой), обернуты въ кошму и многократно пронизаны шиломъ, затѣмъ ихъ обливали водою, до тѣхъ поръ, пока онѣ не закоченѣли. Весьма понятно, что наказанный лишился означенныхъ частей тѣла. Замѣтимъ еще, что преступникъ, помимо этого наказанія, долженъ былъ потерять все свое состояніе, въ десять разъ превосходившее цѣнностію своею похищенное добро. Еще страшнѣе отгниваніе ногъ лѣтомъ; при этомъ ноги скованныхъ преступниковъ заколачиваются въ тяжелые деревянные тиски; лишенныхъ всякой возможности къ передвиженію, ихъ затѣмъ оставляютъ на произволъ судьбы [1]).

Этимъ ужаснымъ и притомъ совершенно безполезнымъ наказаніямъ легко противопоставить цѣлый рядъ примѣровъ, по которымъ самая идеальная честность господствуетъ именно тамъ, гдѣ не существуетъ чувствительныхъ наказаній и гдѣ отсутствуетъ всякая возможность къ тому, чтобы открыть похитителя.

Мы имѣли уже случай указать на примѣры замѣчательной честности самоѣдовъ, остяковъ, чукчей и папуасцевъ [2]). Относительно самоѣдовъ Кастренъ замѣчаетъ, что кража у нихъ почти никогда не случается, домъ и имущество оставляются безъ всякаго присмотра [3]).

Миддендорфъ разсказываетъ, что онъ оставилъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тундрѣ боченокъ съ водкой; самоѣды не прикоснулись къ этому лакомству, противъ котораго они въ другихъ случаяхъ не могутъ устоять [4]). Кеннанъ съ глубокимъ удивленіемъ говоритъ о честности коряковъ,

---

[1]) Дуброва, стр. 32.

[2]) См. выше, стр. 128, 129.

[3]) Castrén. Ethnologische Vorlesungen, St. Peterburg, Akademische Ausgabe, B. IV 1857, S. 127.

[4]) Middendorff. Sibirische Reise, B. IV, 2, 1875, S. 1430.

около жилищъ которыхъ онъ безъ всякаго надзора оставлялъ свои сани, нагруженные табакомъ, бусами и прочими привлекательными для туземцевъ товарами [1]). Новозеландцы безусловно честны по отношенію къ чужому имуществу; они возвращаютъ бѣлымъ всякую мелочь, потерянную ими [2]). Курубари въ Южной Индіи отличаются при всей своей бѣдности абсолютною честностію; фермеры обыкновенно нанимаютъ ихъ сторожить рисовыя плантаціи въ полной увѣренности, что туземецъ скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ попользуется имуществомъ хозяина. Курубари настолько правдивы, что показанія ихъ на судѣ имѣютъ силу присяги. Интересны случаи проявленія первобытной честности среди крестьянъ нашей Архангельской глуши: если прохожему человѣку понадобится рыба для пищи, то онъ вынимаетъ ее изъ разставленныхъ сѣтей рыбаковъ, оставляя завернутыя въ тряпицу деньги. Въ Пинежскомъ уѣздѣ проѣзжіе забираютъ сѣно для лошадей изъ зародовъ, находящихся на пути, оставляя деньги завязанными въ тряпицѣ на шестѣ [3]).

Подобные примѣры встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ это можно было бы ожидать на первый взглядъ. Путешественники зачастую обвиняютъ ту или другую народность въ недостаточной честности, хотя бы они сталкивались лишь съ индивидуумами, развращенными самими европейцами, или же съ племенами, незнакомыми съ частною собственностью.

Перебравъ цѣлый рядъ примѣровъ, говорящихъ о честности или нечестности тѣхъ или другихъ первобытныхъ племенъ, Н. И. Зиберъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „1) въ предѣлахъ своихъ собственныхъ общежитій первобытные народы, еще не вошедшіе въ торговыя сношенія съ европейцами, или очень мало смыслятъ въ виновности совершаемаго ими воровства, или вовсе не имѣютъ о ней понятія, что объясняется господствующимъ у нихъ общеніемъ движимаго имущества; 2) при первоначальныхъ сношеніяхъ съ европейцами совершаемое туземцами воровство представляетъ не столько сознательное завладѣніе чужимъ имуществомъ, сколько непосредственный результатъ весьма понятнаго лю-

---

[1]) Kennan. Tent life in Siberia, London 1871, p. 150.

[2]) Dieffenbach. New-Zealand, p. 26.

[3]) Ефименко. Юридическіе знаки. Ж. М. Н. Пр. 1874 г. XI стр. 159—160.

бопытства къ невиданнымъ ими европейскимъ товарамъ; 3) туземцы, испорченные уже вліяніемъ европейскихъ торговцевъ, предаются воровству у чужеземцевъ болѣе или менѣе сознательно, имѣя въ виду достиженіе той или другой экономической выгоды; 4) чѣмъ болѣе изолировано то или другое племя, тѣмъ, повидимому, оно наивнѣе по отношенію къ воровству у чужеземцевъ; примѣромъ этого могутъ служить островитяне Южнаго Океана; напротивъ, племя, помѣщенное среди другихъ враждебныхъ племенъ, что встрѣчается гораздо чаще, возводитъ воровство у непріятеля въ одну изъ отраслей почетнаго труда" [1]).

Сопоставляя примѣры несомнѣнной честности первобытныхъ народовъ съ изученнымъ нами выше способомъ нѣмой торговли, мы усматриваемъ въ этой торговлѣ лишь выраженіе извѣстной осторожности по отношенію къ чуждому племени торговцевъ. Съ подобной осторожностью мы имѣли уже случай познакомиться, когда говорили о гостепріимствѣ [2]). Съ другой стороны, честность, соблюдаемая при нѣмой торговлѣ,

---

[1]) Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 215. Интересно, что народы, отличающіеся несомнѣнною честностью, въ тоже время проявляютъ извѣстныя наклонности къ обману. Чукчи, на честность которыхъ Норденшёльдъ (Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens, B. I, S. 445) не можетъ достаточно надивиться, въ тоже время неоднократно пытались продать одинъ и тотъ же предметъ по нѣсколько разъ, или же продать лису безъ ногъ и головы за зайца (S. 446), или же собаку вмѣсто тюленя (S. 137). Масаи, которыхъ Томсонъ изображаетъ самыми отчаянными головорѣзами, постоянно безпокоили его экспедицію, пытаясь на глазахъ всѣхъ внезапно вырвать у носильщиковъ ихъ ношу; однакожъ эти похищенія имѣли почти всегда характеръ дружественныхъ поддразниваній. (Thomson. Durch Massai-Land, Leipzig 1885, S. 253, 254). Вакуафи же, обѣднѣвшее племя масаевъ, настолько честны, что имъ безопасно можно было довѣрить самые драгоцѣнные товары и пищевые вещества (S. 404). Важно, наконецъ, замѣтить, что воровство наказывается у многихъ племенъ съ необычайною жестокостью; оно сопряжено съ потерею свободы въ Африкѣ у Фанти (Bowdich), король діагара продавалъ воровъ въ рабство (Hecquard); у бурбъ-іолоффовъ (Mollien), у муцелисовъ въ глубинѣ Анголы (Monteiro), въ королевствѣ Лоанго (Proyart), у фелутовъ въ Сенегамбіи (Bérenger-Féraud); воры подвергаются отсѣченію тѣхъ или другихъ частей тѣла въ Угандѣ (Wilson u. Felkin), въ Борну при рецидивахъ (Denham), въ Абиссиніи при тяжкомъ воровствѣ (Heuglin, Ferret), въ Марокко (Rohlfs), въ Фута-Джаллонѣ (Gouldsbury), въ Абеокутѣ (Burton) и въ Карагвѣ (Burton); воровство наказуется смертью у банаковъ (Wilson), въ тяжкихъ случаяхъ въ Іорубѣ (Burton & Rohlfs), въ Укеревѣ, гдѣ впрочемъ смертная казнь замѣняется и рабствомъ (Stanley), у нуеровъ (Brun-Rollet).

[2]) См. выше стр. 292.

является для насъ новымъ доказательствомъ возможности мирныхъ сношеній между дикарями.

Подобныя сношенія и болѣе или менѣе развитая торговля дѣйствительно существуютъ на первобытной ступени человѣчества. Въ пользу этого говорятъ многочисленныя указанія даже въ доисторическихъ находкахъ. Знаменитая находка у источника рѣки Шуссены, въ Вюртембергѣ, представляетъ, между прочимъ, кремни, частью столь похожіе на южно-французскіе, что Фраасъ считаетъ вполнѣ возможнымъ, чтобы они были вывезены оттуда [1]). Лишь путемъ обмѣна обитатели пещеръ Перигора могли стать обладателями горнаго хрусталя, атлантическихъ раковинъ и тому подобныхъ предметовъ [2]). „Доказательствомъ въ пользу существованія мирныхъ морскихъ плаваній и мирныхъ сношеній съ другими народами", говоритъ Монтеліусъ относительно доисторической эпохи Скандинавіи, „служитъ намъ значительное число вывезенныхъ изъ чуждыхъ земель предметовъ, которые мы встрѣчаемъ въ находкахъ бронзоваго періода". Какъ предметы ввоза въ Швецію въ эту эпоху должно прежде всего разсматривать всю употребляемую въ это время, какъ сырой матеріалъ, бронзу; по всему вѣроятію, большинство золота, точно также какъ и извѣстныя бронзовыя подѣлки, рѣдкія въ Скандинавіи, но часто встрѣчающіяся въ другихъ мѣстахъ [3]). Эти чуждые предметы все-же такъ многочисленны и такъ своеобразны, что знаменитый Нильсонъ въ свое время могъ съ увлеченіемъ доказывать, что „эти древности не только финикійскаго происхожденія, но и доставлены были сюда народами этого племени и этой религіи" [4]). По Монтеліусу, въ древнѣйшемъ желѣзномъ вѣкѣ „заграничныя монеты и многочисленные другіе предметы указываютъ, что торговля и сношенія съ чуждыми землями были весьма значительныя [5]).

Во второй половинѣ новѣйшаго желѣзнаго періода „мирная торговля пользовалась значеніемъ, на которое мы въ преж-

---

[1]) A. Rauber. Urgeschichte des Menschen. Leipzig 1884, B. I, S. 150.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 37.

[3]) Montelius. Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit, deutsch von Appel, Berlin, Reimer 1885, S. 73.

[4]) Nilsson. Die Ureinwohner des skandinavischen Nordens, deutsch von Messmer, Hamburg 1863, B. I, S. VI.

[5]) Montelius, l. c., S. 110.

нія времена обыкновенно смотрѣли уже слишкомъ легко“ [1]). Торговля велась по преимуществу мѣновая, причемъ предметами вывоза изъ Швеціи являлись: главнымъ образомъ драгоцѣнныя мѣха, лошади (шведскія лошади славились), рабы, быть можетъ рыба и шерсть. Въ обмѣнъ на эти предметы являлись, конечно, золото, серебро по вѣсу, бронзовыя колесницы [2]). Торговля велась съ странами восточнаго и южнаго побережья Балтійскаго моря, однако и съ западной Европой, въ особенности съ Британскими островами; въ отдѣльныхъ случаяхъ торговцы отправлялись еще далѣе. Всѣмъ извѣстны, наконецъ, прекрасные сѣверные предметы, находимые въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, точно также какъ нефритовыя, ядеитовыя и хлоромеланитовыя находки, которыя, если бы даже всецѣло и подтвердилось ихъ европейское происхожденіе, все же должны были сдѣлать громадный путь, для того чтобы достигнуть своего современнаго распредѣленія. Тоже самое можно было бы сказать и про болѣе обыденный кремень. Характерны въ данномъ случаѣ пещеры въ Пиренеяхъ. Къ концу каменнаго періода съ сѣвера вывозился янтарь въ кускахъ; въ большемъ количествѣ онъ, однако, появляется лишь въ бронзовый періодъ [3]). Замѣчательно, что янтарь находится въ Апеннинахъ, въ Сициліи, въ Испаніи, въ Англіи и т. д., тогда какъ Тацитъ и Плиній говорятъ только о балтійскомъ янтарѣ. Рѣшающее значеніе въ вопросѣ о существованіи торговли въ доисторическія времена имѣетъ, наконецъ, открытіе цѣлыхъ фабрикъ орудій и утвари.

Обратимся вновь къ дикарямъ настоящаго времени. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ многочисленные примѣры торговли, происходящей совершенно свободно и притомъ въ весьма значительномъ масштабѣ. Потребность торговать, или, лучше сказать, любовь къ торговлѣ, чрезвычайно развита у дикарей. Увѣрять за одно съ Летурно [4]), что коммунальная организація внутри самой орды не допускаетъ обмѣна и что внѣш-

---

[1]) Montelius, S. 174.

[2]) Montelius, S. 179.

[3]) J. Ranke. Der Mensch, Leipzig 1887, B. II, S. 473.

[4]) Ch. Letourneau. Dictionaire des Sciences anthropologiques, vd. „Commerce“, p. 327.

нія сношенія орды могутъ быть только враждебными, это значитъ относиться къ представленію объ общинности строже, чѣмъ сама пестрая и оппортунистическая жизнь, это значитъ совершенно упустить изъ виду психику первобытнаго человѣка.

Подобно тому, какъ наши дѣти въ высшей степени охотно мѣняютъ предметы, имѣющіеся въ ихъ распоряженіи, и подобно тому, какъ они легко ссорятся, благодаря различію въ юридическихъ понятіяхъ и своеобразнымъ представленіямъ объ обмѣнѣ, такъ точно и дикари всегда готовы поторговать и поссориться другъ съ другомъ, или же еще чаще съ европейцами, въ виду совершенно различныхъ представленій о самой сути торговли.

Потребительная цѣнность предмета въ глазахъ дикаря въ большинствѣ случаевъ не играетъ никакой роли. Карибы предпринимаютъ большія путешествія и притомъ зачастую въ самыя неблагопріятныя времена года, чтобы пріобрѣсть какой нибудь совершенно ничтожный предметъ, ножъ или что либо подобное; за этотъ предметъ они все готовы отдать [1]). Гренландцы, по сообщеніямъ Крантца, мѣняются чрезвычайно охотно, не принимая во вниманіе цѣнности предметовъ, а это крайне вредно отзывается на ихъ благосостояніи [2]). Большинство африканцевъ имѣютъ природную склонность и способность къ торговлѣ, говоритъ Ратцель въ своемъ „Народовѣдѣніи“ [3]). Торговля соотвѣтствуетъ ихъ безпокойному характеру, ихъ болтливости и любопытству. Они любятъ торговлю скорѣе ради самой торговли, а не ради выгоды. Торговля забавляетъ ихъ какъ занимательное времяпрепровожденіе. У многихъ племенъ, какъ, напримѣръ, у дуалла въ верхней Гвинеѣ, торговля пріобрѣла характеръ пагубной страсти, ради которой они забываютъ всякую продуктивную работу; постоянно торгуя, они все болѣе и болѣе бѣднѣютъ. Прекрасную иллюстрацію къ вышеприведеннымъ строкамъ представляетъ разсказъ Ливингстона о торговцахъ въ Тете, которые по цѣлымъ днямъ переходятъ съ слоновою костью отъ одного купца къ другому и повсюду торгуются до

---

[1]) Labat. Nouveau voyage aux îles de l'Amerique, 1722, pag. 50 et suiv.

[2]) Crantz. Historie von Grönland, 1770, B. II, S. 266.

[3]) Fr. Ratzel. Völkerkunde, Leipzig 1885, B. I, S. 193.

самой крайней степени, когда же имъ надоѣстъ это занятіе, они отдаютъ свой товаръ за ничтожнѣйшую цѣну. Можно было бы привести множество примѣровъ въ пользу того, что потребительная стоимость не имѣетъ особаго значенія для негровъ [1]).

Летурно сообщаетъ, что австралійцы и готтентотты принадлежатъ къ народамъ незнакомымъ съ обмѣномъ [2]). Однако же въ центральныхъ частяхъ Австраліи, нѣкоторыя племена, какъ извѣстно, вели между собою торговлю, а на сѣверѣ туземцы болѣе отдаленныхъ областей вымѣнивали черезъ посредство племенъ, живущихъ по дорогѣ (!), на щиты и другіе предметы охру, которая у нихъ не встрѣчается, но необходима имъ при извѣстныхъ обрядахъ. Племя діеіеровъ также занимается нѣкоторою торговлею, но и ими руководитъ въ данномъ случаѣ болѣе стремленіе къ новизнѣ, чѣмъ къ наживѣ. Къ наиболѣе важнымъ предметамъ торговли, производимымъ самими австралійцами и служащимъ средствомъ для обмѣна, принадлежатъ оружія; въ обмѣнъ, однако, идутъ и шкуры, употребляемыя на одежды и рогожи. Въ западной Австраліи имѣется даже спеціальное слово „мандраръ“ для обозначенія базара или ярмарки [3]). Что касается готтентоттовъ, то мы, отрѣшившись даже отъ настоящаго времени, можемъ указать на нѣкоторые слѣды торговыхъ сношеній, представляющіеся намъ въ старинныхъ сообщеніяхъ объ этихъ народахъ. Почти всѣ старинные изслѣдователи останавливаются на незначительномъ количествѣ слоновой кости, находимой въ странѣ въ необработанномъ видѣ или же въ формѣ браслетовъ, тогда какъ готтентотты убивали слоновъ въ большомъ количествѣ. Отсюда заключали, что существовалъ сбытъ слоновой кости въ португальскія колоніи, сбытъ либо прямой, либо же черезъ посредство такъ называемыхъ „мономотапенсовъ“. Въ пользу прямаго сообщенія съ Наталемъ говоритъ одно замѣчаніе у Кольба, нашедшаго въ отчетахъ голландскаго корабельнаго капитана Фанъ-деръ-Шеллинга указанія на то, что въ Terra de Natal находится въ большомъ количествѣ слоновая кость, „куплен-

---

[1]) Ratzel, l. c., S. 198.
[2]) Letourneau, l. c., p. 326.
[3]) Ratzel, l. c., B. II, S. 58.

ная отъ пограничныхъ мономотапенсовъ и близъ лежащихъ готтентоттовъ". Между собою и съ голландцами готтентотты вымѣниваютъ избытокъ рогатаго скота на табакъ, котораго они по Кольбу истребляютъ ежегодно нѣсколько тысячъ фунтовъ, и на другіе предметы. Свое оружіе они неохотно продавали.

Въ способностяхъ къ торговлѣ у нихъ не было недостатка и голландскіе торговцы охотно посылали готтентотскихъ прикащиковъ своихъ съ товаромъ къ ихъ землякамъ въ увѣренности, что прикащики добьются при обмѣнѣ бо̀льшихъ барышей, чѣмъ они сами. Старинные писатели хвалятъ также ихъ честность въ торговлѣ [1]), относительно которой современнымъ писателямъ уже не приходится распространяться.

При соотвѣтствующемъ торговомъ темпераментѣ населенія первобытный обмѣнъ распространяется на громадныя пространства. Англійскіе товары, обмѣненные въ Момбасѣ, слѣдовательно на восточномъ берегу Южной Африки, были вновь признаны въ Магадорѣ, слѣдовательно на западномъ берегу Сѣверной Африки [2]); одухотворенные своею мѣновою способностью, они такимъ образомъ достигли идеала столь многихъ европейскихъ путешественниковъ, т. е. прошли черезъ всю Африку.

Кураре, приготовленіе котораго составляетъ секретъ немногихъ ордъ, является драгоцѣннымъ предметомъ торговли для индѣйцевъ рѣки Амазонки; обитатели береговъ рѣки Напо предпринимаютъ трехмѣсячныя путешествія, чтобы получить его [3]). Моундбильдеры сѣверной Америки получали обсидіанъ изъ Мехики, или съ Калифорнскихъ вулкановъ и морскія раковины изъ Мехиканскаго залива. Мы можемъ, поэтому, предположить, что въ данномъ случаѣ существовала распространенная торговля [4]). Сношенія между народами по обѣ стороны Берингова пролива могутъ быть названы чрезвычайно живыми. Торговля на крайнемъ сѣверѣ обусловливаетъ собою, какъ справедливо замѣчаетъ Ратцель, сношенія, распространяющіяся на бо̀льшія пространства, чѣмъ это можно

---

[1]) Ratzel, l. c., B. I, S. 102 и 103.

[2]) Th. Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. II, S. 101.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 210, 211.

[4]) Rauber. Urgeschichte, B. II, S. 89.

было бы предположить въ виду малонаселенности этихъ странъ. Торговцы слѣдуютъ при этомъ опредѣленными путями, которые они наносятъ и на карты, рисуемыя ими и для европейцевъ. Непрерывные пути сообщенія идутъ отъ Лабрадора на югѣ до зунда Смиса на сѣверѣ, такіе же пути ведутъ съ востока на западъ. Подобные пути направляются, по всему вѣроятію, въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ мы это знаемъ, къ мѣстамъ ярмарокъ, которыя временно посѣщаются значительнымъ числомъ лицъ, занимающихся торговлей [1]).

Торговецъ пользуется правомъ безпрепятственнаго прохода; на первобытной ступени общества торговецъ не подвергается никакой пошлинѣ за право прохода. Все дѣло ограничивается обмѣномъ подарковъ при встрѣчѣ съ чуждымъ племенемъ или при пребываніи у него. Сотни миль проходятъ австралійскіе юноши, нагруженные діоритомъ, прежде чѣмъ они достигнутъ своей родины, или же другаго племени, которое взамѣнъ діорита снабдитъ ихъ необходимыми предметами. Никто не вздумаетъ враждебно прикоснуться къ нимъ. Личность торговца священна; торговецъ не подвергается опасностямъ даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ свирѣпствуютъ войны [2]). Примѣръ этого рода представляютъ намъ масаи, грубые разбойники, пользующіеся весьма дурною славой: „между масаями и вадягами идетъ война на жизнь и смерть, но по договору женщины имѣютъ право безпрепятственнаго передвиженія между ними и не нуждаются ни въ какой защитѣ“. Онѣ ведутъ торговлю [3]). Кстати замѣтить, и у австралійцевъ женщина стоитъ внѣ распрей мущинъ. Жены и дѣти являются вмѣстѣ съ мущинами на полѣ битвы и мирно бесѣдуютъ между собою зачастую даже тогда, когда уже началась та перебранка между мущинами, которая у австралійцевъ предшествуетъ битвѣ и должна привести воиновъ въ возможно болѣе яростное настроеніе; женщины и дѣти расходятся лишь тогда, когда приступаютъ къ метанію копій [4]).

Какъ извѣстно, эскимосы встрѣчаютъ чужеземцевъ съ большою осторожностью. Хотя между эскимосами и существу-

---

[1]) Fr. Ratzel, l. c., B. II, S. 743 u. 744.

[2]) Тайлоръ. Антропологія, 1882, стр. 281.

[3]) Thomson. Durch Massai-Land, Leipzig, Brockhaus 1885, S. 148.

[4]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, Bd. VI, S. 747.

ютъ мирныя отношенія и, по сообщеніямъ доктора Боаса, дѣйствительной вражды между цѣлыми поселеніями не встрѣчается, чужеземцы часто вступаютъ въ единоборство другъ съ другомъ [1]). Во избѣжаніе подобныхъ опасностей, эскимосы, не чувствующіе желанія вступить въ борьбу съ пришельцами, высылаютъ имъ, какъ разсказываетъ Г. Клучакъ, навстрѣчу женщину, пользующуюся, въ качествѣ парламентера, правомъ неприкосновенности [2]). Но женщина не только остается неприкосновенной: ее значеніе таково, что она можетъ оградить цѣлый караванъ отъ разграбленія; она одна въ состояніи провести табунъ лошадей по странѣ явныхъ конокрадовъ. Чтобы пройти въ Татаріи враждебную деревню, достаточно поставить женщину во главѣ каравана или табуна [3]). Подобныя же установленія мы встрѣчаемъ и у нѣкоторыхъ индогерманскихъ племенъ. Такъ, законъ вестготовъ гласитъ: „женщина должна пользоваться миромъ на рынкахъ и на ярмаркѣ, какъ бы велика ни была распря между мущинами". За убійство женщины или старика налагалось двойное возмездіе [4]).

Приведенныя нами указанія на безопасность человѣка беззащитнаго и, даже болѣе того, человѣка, проходящаго съ сокровищами по чуждой странѣ, не совсѣмъ то согласуются съ прославленною волчьею натурою первобытнаго человѣка.

---

[1]) Fr. Boas. Baffin-Land, Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen, № 80, 1885, S. 86.

[2]) H. W. Klutschak. Als Eskimo unter den Eskimos, Wien, Hartleben, 1881, S. 76.

[3]) Huc. Voyage dans la Tartarie, v. II, p. 482, цит. по Letourneau. La Sociologie, p. 165.

[4]) Geijer. Geschichte Schwedens, B. I, S. 267 u. 273. „Въ общемъ именно тѣ преступленія казались болѣе достойными наказанія, которыя совершались трусливымъ и лукавымъ образомъ". S. 273. По ученію Заратуштры обманъ хуже разбоя, а воровство уже потому преступленіе, что оно совершается втайнѣ. Подобныя высоконравственныя представленія свойственны, однако, не всѣмъ народамъ: такъ, въ Сіамѣ за убійство старца полагается меньшая пеня, чѣмъ за убійство человѣка въ силѣ (Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 244). Точно также у киргизовъ за убійство женщины налагался меньшій „кунъ", чѣмъ за убійство мущины. Такъ, напримѣръ, въ Тургайской и Уральской областяхъ за мужчину платили 100 верблюдовъ, за женщину 50. По сообщеніямъ киргизовъ Дамбарской волости, за убійство или грабежъ, совершенныя въ средѣ собственнаго рода, налагается несравненно большій штрафъ, чѣмъ за убійство внѣ рода. Если внутри рода ограбленъ мущина, то преступникъ подвергается „куну", равному двойной цѣнѣ похищеннаго; если же женщина или ребенокъ—тройной цѣнѣ. Въ данномъ случаѣ мы, слѣдовательно, видимъ опять-таки болѣе тонкое различеніе правовыхъ понятій.

Мы могли бы привести еще множество другихъ примѣровъ въ этомъ родѣ, но упомянемъ лишь о томъ, что спеціальное мѣсто торговли или ярмарокъ всегда является мѣстомъ мира. Уоллесъ описываетъ намъ городъ Доббо на островахъ Ару, въ которомъ обитаетъ до 500 человѣкъ, различныхъ по происхожденію и пользующихся самою отчаянною славою какъ по отношенію ихъ честности, такъ и по отношенію ко всякимъ другимъ правиламъ нравственности; это китайцы, бугизы, метисы и среди нихъ нѣкоторое число дикихъ папуасцевъ съ Тимора, Бальбара и другихъ острововъ. Здѣсь нѣтъ и тѣни правительства или полиціи [1]). Тѣмъ не менѣе, „мы наблюдаемъ здѣсь въ простѣйшей формѣ генія торговли за цивилизаціонной работой. Торговля является здѣсь тою волшебною силою, которая удерживаетъ въ мирѣ всѣхъ, рѣшительно всѣхъ, и которая объединила эти безпощадные элементы въ сообщество, въ которомъ всѣ хорошо ладятъ другъ съ другомъ. Они всѣ торговцы и знаютъ, что этотъ миръ и этотъ порядокъ существенно необходимъ для успѣшной торговли, и вотъ такимъ образомъ создается общественное мнѣніе, которое противопоставляется всѣмъ беззаконіямъ“ [2]). Подобные же примѣры представляетъ намъ Африка. Та масса, которая сходится на рынкахъ, очевидно внушаетъ довѣріе единичной личности. Неприкосновенность посѣтителей ярмарки и самаго мѣста торговли представляется однимъ изъ немногихъ крѣпкихъ и освященныхъ долгими вѣками правовыхъ понятій мѣстнаго населенія [3]).

Таковы основы естественной ассоціаціи и мирныхъ сношеній людей; эти сношенія прекращаются лишь въ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ при тяжкой войнѣ или когда торговые караваны слишкомъ многочисленны и поэтому могутъ возбуждать справедливыя опасенія. Не мало примѣровъ въ этомъ родѣ, примѣровъ, ложно истолковываемыхъ въ смыслѣ крайне неблагопріятномъ для нравственности туземцевъ, представляютъ новѣйшія путешествія съ многочисленными и прекрасно вооруженными караванами.

---

[1]) Wallace. Der Malayische Archipel, deutsch von A. B. Meyer, Braunschweig 1869, B. II, S. 198.

[2]) Wallace. Der Malayische Archipel. B. II, S. 199.

[3]) Ratzel. Völkerkunde, B. I, S. 194.

Глава XIV.

Нравственность первобытнаго человѣка.

Сообщество есть явленіе нормальное въ органическомъ мірѣ. — Формы сообщества въ животномъ мірѣ. — Примѣры сообщества и соціальныхъ чувствъ среди человѣкоподобныхъ обезьянъ и другихъ животныхъ. — Обособленность первобытнаго сообщества человѣка. — Круговая порука и кровавая месть. — Враждебность къ чуждымъ сообществамъ. — Этическая цѣнность первобытной нравственности. — Убійство стариковъ и дѣтей. — Эволюція нравственности. — Нравственность и преступленіе въ мірѣ животныхъ.

Знаменитая формула Аристотеля: „Ἄνθρωπος φύσει ζῶον πολιτικόν“ [1]) находитъ себѣ блестящее подтвержденіе во всемъ строѣ органической природы и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ современнаго естествовѣдѣнія [2]). Дѣйствительно, выражаясь словами того же Аристотеля, можно сказать, что человѣкъ не полонъ самъ по себѣ, что онъ самимъ собою не объясняется [3]). Съ другой стороны, наши свѣдѣнія о жизни животныхъ указываютъ намъ, что совмѣстная жизнь въ животномъ царствѣ не составляетъ случайнаго явленія. „Она появляется не по прихоти или какому нибудь капризу то тамъ, то здѣсь“, говоритъ прекрасный знатокъ соціальной жизни животныхъ А. Эспинасъ [4]). „Это совсѣмъ не привиллегія (какъ часто думаютъ) нѣсколькихъ отдѣльно стоящихъ на зоологической лѣстницѣ видовъ, ка-

---

[1]) Aristot. Pol. I, 2.

[2]) Darwin. Die Abstammung des Menschen, S. 101.

[3]) Aristot. Pol. I, 1.

[4]) А. Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ, перев. Павленкова. С.-Петербургъ, 1882, стр. 3.

ковы напримѣръ бобры, пчелы и муравьи, а напротивъ нормальный, постоянный и всемірный фактъ. Отъ самыхъ низшихъ ступеней лѣстницы и до самыхъ высшихъ, всѣ животныя въ извѣстный моментъ ихъ существованія входятъ въ составъ какого нибудь общества: соціальная среда составляетъ необходимое условіе сохраненія и обновленія жизни. Это — біологическій законъ. Такимъ же общимъ закономъ можно считать постоянное прогрессированье въ развитіи соціальныхъ привычекъ: каждая зоологическая группа всегда подвигаетъ немного дальше въ томъ или въ другомъ направленіи усовершенствованіе этихъ привычекъ. Наконецъ, соціальные факты подчинены законамъ, и эти законы одинаковы повсюду, гдѣ только они проявляются, такъ что общественный міръ образуетъ въ природѣ значительную область, имѣющую свое обособленное единство и составляющую одно однородное цѣлое, гармонически связанное во всѣхъ своихъ частяхъ".

Прекрасною иллюстраціею къ этимъ положеніямъ служитъ тотъ безконечный рядъ всѣ болѣе и болѣе совершенствующихся формъ животнаго сообщества, которыя намъ представляются въ необъятной природѣ. Наинисшими ступенями сообщества мы считаемъ формы паразитизма, при которыхъ одно существо живетъ на счетъ другаго, прикрѣпившись къ тѣлу послѣдняго; выше паразитизма стоитъ уже комменсализмъ (нахлѣбничество), причемъ паразитъ довольствуется отбросами пищи своего хозяина; еще выше стоятъ формы мутуализма, при которыхъ нахлѣбникъ болѣе или менѣе полезенъ своему хозяину. Типичными представителями паразитовъ являются глисты, обитающіе въ тѣлѣ человѣка или животнаго. Къ формамъ комменсализма слѣдуетъ отнести постоянное сосѣдство между акулою и лоцманомъ; многія животныя, и между прочимъ ракообразныя, питаются изверженіемъ рыбъ. Множество примѣровъ комменсализма наблюдалось среди птицъ: подворы гоняются за чайками, поморниками, чигрявами, буревѣстниками и выхватываютъ у нихъ добычу; чайки перехватываютъ у дельфиновъ добычу; чибесъ питается паразитами, вытаскиваемыми имъ изъ пасти крокодилъ; человѣкъ также имѣетъ много нахлѣбниковъ, начиная отъ ветчиннаго кожеѣда и до кошки и мыши. Представителями му-

туалистовъ точно также весьма часто являются птицы; такъ напримѣръ въ общія стаи соединяются подорожники съ жаворонками, зябликами и дроздами; сорока—съ вóронами и врóнами; пѣвчій дроздъ—съ черными дроздами; точно также часто встрѣчается соединенія болотныхъ и береговыхъ птицъ—долгоножки и шилоклювы, цапли и чепуры, болотныхъ куликовъ, зуекъ и бекасовъ и т. д. Мотивами соединенія этихъ животныхъ служатъ не только общая пища, но и общая безопасность: крикъ той или другой птицы указываетъ другимъ о приближеніи опаснаго хищника. Такъ какао въ Африкѣ предупреждаетъ другихъ птицъ при видѣ змѣи или какой либо большой кошки; страусъ охотно допускается въ стада газелей, зебръ и квагъ, такъ какъ онъ, благодаря чуткости своей, является лучшимъ стражемъ. Кулики, вступающіе въ товарищество съ самыми мелкими береговыми птицами, пріобрѣтаютъ среди этихъ послѣднихъ какъ бы нѣкоторый авторитетъ: онѣ подражаютъ дѣйствіямъ кулика; его движенія и его крики руководятъ всей стаей [1]). Сѣверцовъ разсказываетъ, что сибирскіе охотники прикрываютъ вѣтвями убитаго марала и стараются это сдѣлать тайно отъ сорокъ, иначе сорока разскажетъ грифу, а тотъ справится съ добычею и дастъ ей возможность поживиться [2]). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что разобранныя нами выше три формы отнюдь не отличаются какими либо строгими границами, а напротивъ того чрезвычайно легко переходятъ другъ въ друга. Прирученное состояніе есть высшая форма мутуализма.

Нормальными обществами Эспинасъ называетъ такія, члены которыхъ буквально не могутъ существовать безъ взаимной помощи. По мотивамъ соединенія нашъ авторъ отличаетъ сообщества, ассоціирующіяся ради функціи питанія или воспроизведенія; функціи взаимныхъ отношеній составляютъ, по его мнѣнію, связь третьяго рода обществъ [3]).

По способу выполненія племенныя сообщества (sociétés éthniques) раздѣляются на три класса: 1) случайныя не-

---

[1]) Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ, стр. 138—151.

[2]) М. Мензбиръ. Общество животныхъ. Юридическій Вѣстникъ, 1882. стр. 56.

[3]) Эспинасъ, стр. 386.

произвольныя, 2) произвольныя кратковременныя, 3) произвольныя постоянныя [1]). Къ категоріи перваго разряда относятся скопища, представляющія собою результатъ дѣйствія внѣшнихъ механическихъ причинъ; эти скопища обязаны своимъ существованіемъ либо одновременному дѣйствію физическихъ силъ на простые организмы, либо же случайностямъ рожденія, которыя соединяютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ значительное количество индивидуумовъ. Нѣкоторыя морскія животныя, называемыя пелагическими, образуютъ громадныя стада, благодаря извѣстной температурѣ воды, одинаково удобной для всѣхъ особей данной стаи, благодаря теченіямъ, увлекающимъ ихъ изобильемъ питательныхъ веществъ въ данныхъ мѣстахъ, или же, наконецъ, размноженію ихъ на одномъ мѣстѣ.

Таковы скопища морскихъ свѣчей, медузъ, гребневиковъ, сагиттъ, веслоногихъ рачковъ, мизидъ, моллюсковъ и многокоробничиковъ. Подобныя же причины способствуютъ, повидимому соединенію молодыхъ рыбокъ. Случайности рожденія приводятъ къ скопленію тлей, кошенили, бабочекъ. Типичными представителями произвольныхъ кратковременныхъ общеній являются, напримѣръ, многочисленныя переселяющіяся животныя, равно какъ животныя, соединяющіяся для взаимной защиты или для болѣе успѣшной охоты. Весьма большое число птицъ соединяется въ стаи, подобно тому какъ это дѣлаютъ жуки могильщики и священные, для борьбы съ врагами и для завладѣванія добычей. Вороны сообща аттакуютъ зайцевъ, ягнятъ и молодыхъ газелей, съ которыми не могутъ справиться въ одиночку, то же дѣлаютъ волки. Въ другихъ случаяхъ мотивомъ кратковременнаго сообщества является половое влеченіе и т. д. [2]). Во всѣхъ классахъ животныхъ легче всего соединяются въ общества молодыя особи [3]). Птицы представляютъ намъ два различныхъ рода сообществъ, одни — продолжающіяся только во время любовнаго сезона и воспитанія птенцовъ, другія — практикуемыя внѣ этого времени; первая изъ категорій содержитъ только общества морскихъ птицъ; всѣ остальныя общества

---

[1]) Эспинасъ, стр. 386.

[2]) Стр. 390.

[3]) Стр. 392.

пернатыхъ относятся ко второй [1]). Классъ птицъ, обладающій наивысшимъ развитіемъ семьи, представляетъ менѣе всего возможности для развитія организованнаго общества. У млекопитающихъ организація сообщества стоитъ нѣсколько выше, но опять таки не у тѣхъ видовъ, гдѣ высоко развито семейство [2]).

Однако, мы еще не разъ будемъ имѣть случай говоритъ о сообществѣ животныхъ и объ удивительной коопераціи муравьевъ и т. д. Въ данномъ мѣстѣ насъ ближе всего долженъ интересовать вопросъ о существованіи соціальныхъ чувствъ у животныхъ.

Извѣстно, что забота о членахъ семьи и защита ихъ, привязанность и вѣрность, любовь къ дѣтямъ, а нерѣдко и супружеская любовь относительно весьма распространены въ мірѣ животныхъ [3]), но, скажемъ даже болѣе, животныя представляютъ намъ нерѣдко примѣры такъ сказать соціальныхъ чувствъ.

Обращаясь къ человѣкоподобнымъ обезьянамъ мы прежде всего должны констатировать, что горилла, благодаря значительному количеству пищевыхъ веществъ, необходимыхъ для ея питанія, живетъ лишь небольшими семьями. Въ семьѣ самецъ является охранителемъ самокъ и дѣтенышей, ночью онъ спитъ у подножья дерева, на которомъ семья избрала свой ночлегъ; дѣтеныши чрезвычайно привязаны къ матери [4]). Самки и дѣтеныши собираютъ плоды для самца, но если они не достаточно проворно прислуживаютъ ему, онъ испускаетъ сердитое хрюканье и раздаетъ имъ увѣсистыя плюхи (Коппенфельсъ) [5]). Гориллы мстятъ за смерть своихъ сродичей [6]). Шимпанзе (соко) живутъ въ постоянныхъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ моногамическихъ паръ, такъ что въ обитаемыхъ ими лѣсахъ, отличающихся тишиной, нерѣдко находятъ по пяти гнѣздъ на одномъ и томъ же деревѣ [7]) они также мстятъ за смерть

---

[1]) Эспинасъ, стр. 400.
[2]) Стр. 411.
[3]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 273.
[4]) Hartmann, S. 240.
[5]) Hartmann, S. 217.
[6]) Ibid, S. 219.
[7]) Эспинасъ, стр. 419.

своихъ собратьевъ [1]). Павіаны-гамадріасы переворачиваютъ сообща камни, подъ которыми они ищутъ насѣкомыхъ. Брэмъ разсказываетъ, какъ онъ, путешествуя по Абиссиніи, наткнулся въ одной долинѣ на большое стадо павіановъ; когда собаки напали на обезьянъ, старые павіаны, уже успѣвшіе взобраться на склонъ горъ, поспѣшно вернулись на защиту своихъ отставшихъ товарищей и такъ страшно заревѣли на собакъ, что тѣ въ испугѣ убѣжали. Но собаки были вновь направлены на обезьянъ; на этотъ разъ въ долинѣ осталась лишь одна маленькая обезьянка, которая взобралась на каменную глыбу и окруженная со всѣхъ сторонъ собаками громко звала на помощь. Тогда одинъ изъ самыхъ большихъ самцовъ, настоящій герой, медленно подошелъ къ осажденному дѣтенышу, снялъ его съ камня, обласкалъ и унесъ съ собою; собаки были до того поражены, что не рѣшились тронуть его [2]). Лере и Граціоле разсказываютъ о томъ, что собакоголовыя обезьяны, весьма жестокія отъ природы, чрезвычайно любятъ своихъ маленькихъ собратьевъ по звѣринцамъ и, такъ какъ они крайне измѣнчивы, всегда предпочитаютъ новенькихъ тѣмъ, съ которыми онѣ уже познакомились. Этой чертой ихъ характера и пользуются сторожа, помѣщая возлѣ нихъ для ночлега обезьянъ, нуждающихся въ защитникѣ. Разъ такое знакомство сдѣлано, маленькіе квартиранты могутъ безопасно оставаться все время съ большими въ одной клѣткѣ [3]).

Когда какая либо изъ игрунокъ въ клѣткѣ звѣринца заболѣваетъ, всѣ товарищи устремляются къ ней и спѣшатъ наперерывъ такъ или иначе облегчить ея страданія [4]). Примѣры самой пламенной любви обезьянъ къ дѣтенышамъ, любви, доходящей до самопожертвованія, или же до того, что мать задушаетъ дѣтеныша въ своихъ объятьяхъ, приводятся многочисленными авторами.

Но и среди другихъ животныхъ намъ извѣстны примѣры высокаго проявленія соціальныхъ чувствъ. Такъ въ штатѣ Юта у Солянаго озера замѣченъ былъ старый слѣпой и при-

---

[1]) Эспинасъ, стр. 421.
[2]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 95.
[3]) Эспинасъ, стр. 425.
[4]) Эспинасъ, стр. 420.

томъ чрезвычайно жирный пеликанъ, котораго его сотоварищи очевидно уже долгое время преисправно кормили; наблюдали также, что индійскія вороны и домашнія куры кормили своихъ слѣпыхъ товарокъ [1]). Интересное проявленіе соціальныхъ чувствъ представляетъ забота стадъ о своей безопасности, выражающаяся въ томъ, что разстанавливаются часовые [2]), или же та удивительная дисциплина, которую обнаруживаютъ животныя при охотѣ [3]). Г. Радде разсказываетъ о томъ, что Sciurus vulgaris высылаетъ отдѣльныхъ развѣдчиковъ, какъ разъ въ то время когда эти животныя парятся; эти развѣдчики должны выслѣдить лучшія кедровыя рощи и возвращаются съ совершенно стертыми лапками въ августѣ; къ концу сентября всѣ прочія бѣлки двигаются въ указанныя угодья [4]). Среди птицъ весьма часты примѣры безусловнаго самопожертвованія. Такъ напримѣръ Одюбонъ, Вильсонъ и другіе разсказываютъ, что если въ стаѣ попугаевъ убить нѣколько птицъ, остальныя не улетаютъ, а, напротивъ того, окружаютъ своихъ товарищей и, испуская жалобные звуки, сами дѣлаются жертвою охотника. Такимъ образомъ ихъ можно перестрѣлять цѣлую сотню. Тоже говоритъ Бремъ о снигиряхъ и тоже можно сказать относительно коноплянокъ, соекъ-кукшъ, кардиналовъ, долгохвостыхъ синицъ и другихъ [5]).

Выше указанные примѣры достаточно краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ, что животнымъ не чужды извѣстныя соціальныя чувства. Эти указанія, конечно, могутъ лишь подтвердить тѣ положенія, которыя были выработаны нами въ предшествующей главѣ и которыми мы пытались опровергнуть старинное ученіе, о томъ что человѣкъ — животное хищное и враждебное по отношенію къ собратьямъ своимъ уже по самому существу своему. Возможность мирныхъ сношеній между людьми и присутствіе соціальныхъ чувствъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ животнаго міра не является, конечно, свидѣтельствомъ въ пользу непорочности и чистоты

[1]) Darwin, S. 96.

[2]) Darwin, S. 94.

[3]) Darwin, S. 97.

[4]) G. Radde. Reisen im Süden von Ostsibirien, St. Petersburg, Akademische Ausgabe 1862, B. I, S. 142.

[5]) Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ, стр. 406.

первобытнаго человѣка по идеалу Ж. Ж. Руссо, но вполнѣ достаточна для того, чтобы разрушить мрачное ученіе Гоббса и его сотоварищей.

Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не признать, что соціальные инстинкты первобытнаго человѣка сосредоточиваются преимущественно на своемъ собственномъ міркѣ, т. е. на ближайшемъ сообществѣ своемъ. Эта замкнутость первобытной общины, ея враждебность по отношенію къ чуждому міру и исключительное соблюденіе нравственныхъ правилъ по отношенію къ сродичамъ своимъ, неоднократно смущали изслѣдователей. Сопоставляя столь разнорѣчивые отзывы спеціалистовъ о нравственности дикарей, Кулишеръ пытается свести отзывы эти „къ ихъ надлежащимъ размѣрамъ, къ тому, чтобы указать предѣлъ дѣйствія этихъ нравственныхъ правилъ“ [1]). Этотъ предѣлъ, по его мнѣнію: „тѣсно, точно опредѣленный кругъ людей“, это „свои“ [2]).

Подобное ограниченіе солидарности узкимъ раіономъ „своихъ“, повидимому, противорѣчитъ нашимъ воззрѣніямъ о томъ, что человѣкъ не враждебенъ человѣку по природѣ своей. Стоитъ, однако, лишь вспомнить, что мы въ предыдущей главѣ говорили о томъ, что эта враждебность первобытнаго человѣка къ чужемцу обусловливается прежде всего незнакомствомъ съ намѣреніями его и смѣняется высшимъ доброжелательствомъ, какъ только уяснятся добрыя намѣренія чужеземца. Необходимо замѣтить, что появленіе существа чуждаго и необыденнаго производитъ потрясающее впечатлѣніе даже на храбрѣйшихъ дикарей въ виду того, что они по душѣ своей, въ концѣ концовъ, всетаки не болѣе не менѣе какъ дѣти.

Гиляки на южномъ берегу Охотскаго моря, смѣлѣйшіе охотники на медвѣдей, въ самомъ забавномъ страхѣ разбѣжались, когда появился Миддендорфъ со своими безвредными, но, дѣйствительно, украшенными страшными рогами сѣверными оленями [3]). Точно также волки долгое время боялись овецъ, когда послѣднія впервые появились на Амурѣ [4]).

Первобытная община, окруженная невѣдомымъ міромъ,

---

[1]) Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры, стр. 9.

[2]) Стр. 10 и 195.

[3]) Middendorff, B. IV, 2, S. 906.

[4]) Radde. Reisen im Süden von Ostsibirien, B. I, S. 59.

представляетъ собою тѣсно сплоченный союзъ, она сомкнулась для болѣе успѣшной борьбы съ окружающимъ ее міромъ и въ этомъ сомкнутомъ строю всѣ элементы солидарны по своимъ жизненнымъ функціямъ и стремленіямъ, всѣ живутъ общею жизнію и общими силами. Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ. Обиду, нанесенную одному изъ сочленовъ, чувствуетъ на себѣ весь его родъ и точно также весь этотъ родъ отвѣтствененъ за каждый поступокъ каждаго изъ своихъ сочленовъ. Естественнымъ результатомъ такой тѣсной общности является принципъ круговой поруки [1]).

Но эта круговая порука выражается иногда въ наиболѣе ужасныхъ формахъ, напримѣръ въ кровавой мести. Въ этомъ установленіи мы видимъ одно изъ учрежденій, свойственныхъ едва ли не всѣмъ племенамъ человѣческаго рода [2]). Если въ данной общинѣ убитъ одинъ изъ сочленовъ ея, то это убійство должно быть отомщено смертію убійцы или кого либо изъ принадлежащихъ къ его роду. Обязанность выполненія мести принимаетъ на себя ближайшій кровный родственникъ убитаго, или же, при недостаточной дифференцировкѣ семейныхъ отношеній, одинъ изъ сочленовъ общины. Кровавая месть представляетъ собой явленіе тѣмъ болѣе страшное, что каждое убійство влечетъ за собой новое убіство; такимъ образомъ распря между племенами продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе, оканчиваясь либо полнѣйшимъ истребленіемъ одной изъ участвующихъ сторонъ, либо же болѣе или менѣе затруднительнымъ примиреніемъ. Кровавая месть практиковалась недавно, а отчасти практикуется и понынѣ, у ирландцевъ, корсиканцевъ, альбанцевъ, и т. д. По ирландскимъ грагасамъ выполненіе кровавой мести разрѣшалось сродичамъ и свидѣтелямъ преступленія лишь впродолженіи полутора лѣтъ; по истеченіи этого срока допускалось только судебное преслѣдованіе [3]). „Jus talionis“ и понынѣ еще имѣетъ

[1]) Извѣстно какъ часто европейцы злоупотребляютъ этою круговою отвѣтственностью. Базельскіе миссіонеры сообщали намъ, что въ странѣ Того нѣмецкіе купцы собираютъ долги съ неисправныхъ плательщиковъ такимъ образомъ, что держатъ въ заключеніи перваго попавшагося сродича должника по племени, пока не будетъ выплаченъ долгъ.

[2]) Сравни: Kohler Zur Lehre von der Blutrache, Würzburg 1885, S. 5; Miklosich. Die Blutrache bei den Slaven, Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften 1888, B. XXXVI, S. 127—209.

[3]) C. Lombroso. Der Verbrecher, Hamburg 1887, S. 88.

полное свое значеніе во всѣхъ магометанскихъ государствахъ. У дикихъ племенъ бедуиновъ до сихъ поръ еще практикуется обычай давать дѣтямъ ножъ въ руки, чтобы они выполнили месть надъ убійцею отца, котораго правосудіе выдаетъ въ оковахъ сродичу убитаго[1]). Въ Киргизской степи до сихъ поръ еще живы воспоминанія о кровавой мести, практиковавшейся въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; при выполненіи этой мести обычай требовалъ, чтобы мститель умертвилъ убійцу приблизительно тѣмъ же способомъ, которымъ тотъ покончилъ со своей жертвою, и чтобы онъ выпилъ ложку крови его.

Въ законѣ Моисея допускается кровавая месть даже при ненамѣренномъ убійствѣ[2]). Но мы встрѣчаемъ этотъ страшный обычай даже у такихъ, повидимому, не воинственныхъ и осторожныхъ народовъ какъ у китайцевъ: „человѣкъ не можетъ жить подъ однимъ небомъ съ убійцею отца", учитъ Ли-цзи, „человѣкъ всегда долженъ имѣть на готовѣ оружіе противъ убійцы брата, человѣкъ не можетъ жить въ одномъ государствѣ съ убійцею друга"[3]). Конфуцій обязывалъ сына не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока онъ не настигнетъ убійцу своего отца и не убьетъ его[4]). У баквирисовъ въ Африкѣ, человѣкъ, выполняющій кровавую месть, устраиваетъ засаду предъ городомъ, въ которомъ живетъ убійца, и убиваетъ всякаго выходящаго изъ этого города[5]). Какъ разсказываетъ смѣлый швейцарскій путешественникъ и авантюристъ Вернеръ Мунцингеръ у мареевъ существуетъ обычай, что дворянинъ мститъ за убитаго другимъ дворяниномъ крѣпостнаго (тигрэ) тѣмъ, что онъ убиваетъ одного изъ его крѣпостныхъ[6]); если же у народовъ кунама и бареа кто либо убиваетъ гостя, то хозяинъ мститъ тѣмъ, что убиваетъ гостя убійцы[7]).

Обязанность мщенія свято соблюдается. Въ Гвіанѣ мсти-

---

[1]) Zschocke. Religiöse, sociale und häusliche Verhältnisse des Orients, Wien 1876, S. 64 f.

[2]) Моис. 5. 19. Впрочемъ для подобныхъ убійцъ существовали убѣжища. Моис. 4. 35. Подобныя же убѣжища были извѣстны магометанскому міру.

[3]) С. Георгіевскій. Принципы жизни Китая. С.-Петербургъ, 1888, стр. 38.

[4]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 242.

[5]) Bernhard Schwarz. Kamerun, Leipzig 1886, S. 169 f.

[6]) W. Munzinger. Ostafrikanische Studien, Schaffhausen 1864, S. 243.

[7]) W. Munzinger. l. c., S. 477.

тель преслѣдуется духомъ истребленія, называемымъ Канайма, подобно тому какъ въ классическіе вѣка Эринніи преслѣдовали убійцу. Онъ живетъ вдали отъ людей и подвергаетъ себя посту и всякимъ лишеніямъ. Жертвою его мести становится либо убійца, либо одинъ изъ сочленовъ его рода, хотя бы даже малый ребенокъ. Но ему недостаточно простаго убійства: тутъ нужна страшная месть. Убійца оглушаетъ жертву свою ударомъ сзади и затѣмъ вонзаетъ въ языкъ ея зубы ядовитой змѣи, или же всыпаетъ ей ядъ въ ротъ. Очнувшись, жертва умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Но месть еще не закончена. Мститель выслѣживаетъ мѣсто, гдѣ похоронена его жертва, чтобъ согласно обычаю на третью ночь проткнуть ее коломъ. Конечно, родственники убитаго стараются схоронить его тайно и прибѣгаютъ къ волшебству, чтобы погубить мстителя. Если ему не удается месть, то онъ самъ въ большинствѣ случаевъ становится жертвой того страшнаго нервнаго состоянія, въ которое онъ впадаетъ съ того момента, когда вселяется въ него страшный Канайма [1]). Неисполненіе кровавой мести считается дѣломъ въ высшей степени позорнымъ. Если въ Австраліи кто либо уклоняется отъ обязанностей мести, то онъ подвергается за это общему презрѣнію: если онъ не женатъ, онъ никогда не получитъ жены, если же у него есть жена, то она тотчасъ же покидаетъ его; надъ нимъ повсюду издѣваются старухи, а къ этому австралійцы весьма чувствительны. Кстати замѣтить, этотъ фактъ служитъ новымъ подтвержденіемъ тому, что женщины зачастую являются хранителями чести и славы племени [2]). Марно, столь печально погибшій въ Африкѣ, присутствовалъ въ Гедебатѣ, въ египетскомъ Суданѣ, при большомъ народномъ совѣтѣ, разбиравшемъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ юношей, который, будучи ребенкомъ, лѣтъ 10—15 тому назадъ въ игрѣ случайно убилъ камнемъ другаго ребенка; теперь, когда онъ сталъ совершеннолѣтнимъ, семья убитаго требовала кровавой мести или какого либо другаго возмездія [3]).

---

[1]) A. Bastian. Der Papua des dunklen Welttheiles, Berlin, Weidmann 1885, S. 159.

[2]) Таковы же взгляды черногорцевъ: Miklosich, Die Blutrache bei den Slaven. S. 145, 146.

[3]) Marno. Reisen im Gebiete des blauen und weissen Nil, Wien 1873 S. 200. Сравни также Jlias. XXIII, 85 и далѣе.

Переходъ отъ кровавой мести къ вирѣ, т. е. къ какому либо вещественному возмездію, совершается съ большимъ трудомъ. Хотя Коранъ и рекомендуетъ денежную пеню вмѣсто кровавой мести [1]), эта пеня примѣняется у кочевыхъ бедуиновъ крайне рѣдко. Арабы кочевники до сихъ поръ держатся ученія: „око за око, зубъ за зубъ"; арабы горожане удовлетворяются вирою. У бени-амеровъ вира примѣняется лишь въ исключительныхъ случаяхъ; кто не способенъ отомстить убійцѣ, говоритъ Мунцингеръ, скорѣе откажется отъ мести, чѣмъ приметъ деньги за кровь своего сродича [2]). Въ иныхъ случаяхъ убійца уклоняется отъ кровавой мести на время или на всегда тѣмъ, что онъ скрывается. У бареа и кунама убійца переходитъ къ сосѣднему народу и остается тамъ, пока старики его племени не условятся съ потерпѣвшими относительно виры [3]). Убійцы, скрывающіеся отъ мщенія, иногда образуютъ цѣлыя поселенія, иногда же месть по общему рѣшенію племени замѣняется изгнаніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Анло 18 человѣкъ обвиненныхъ въ отравленіи были изгнаны по предложенію короля и основали новыя поселенія на лагунахъ [4]).

Какъ ни страшны подчасъ эти проявленія кровавой мести, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не согласится съ Пешелемъ [5]), усматривающимъ въ этомъ учрежденіи „первую попытку къ обоснованію законной охраны". Рядомъ убѣдительныхъ примѣровъ упомянутый авторъ доказываетъ, что кровавая месть создана была съ цѣлью охраны жизни. Замѣчательно также, что столь излюбленная среди киргизовъ „баранта" сводилась, по показаніямъ самихъ киргизовъ, въ свое время прежде всего на „lex talionis", а не только на одно пристрастіе къ смѣлымъ грабежамъ. Эта баранта также передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе и прекращалась лишь путемъ особыхъ торжественныхъ договоровъ.

Но если мы въ принципѣ и относимся съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ кровавой мести, какъ къ первой попыткѣ обе-

---

[1]) Sure, 2.

[2]) Munzinger. Ostafrikanische Studien, S 322.

[3]) Munzinger, l. c., S. 501.

[4]) Quartalblatt der Norddeutschen Missions-Gesellschaft für die Mitglieder der Groten-Collection 1880, № 92, S. 230.

[5]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 242 и далѣе. См. также: Wilda. Strafrecht der Germanen, Halle, 1842, S. 157.

зопасить извѣстнымъ установленіемъ жизнь, имущество и честь личности [1]), то съ другой стороны, мы отнюдь не можемъ сочувствовать тѣмъ проявленіямъ враждебности къ чуждымъ племенамъ, которыя неоднократно наблюдаются во взаимныхъ отношеніяхъ дикарей. Необходимо, однако, понять и эти проявленія, чтобы ихъ до нѣкоторой степени извинить. Мы легко уясняемъ себѣ крайнюю степень враждебности къ чужеземцамъ, тамъ, гдѣ борьба за существованіе до того обострилась, что каждый шагъ чужеземцевъ на земляхъ роднаго племени равносиленъ уменьшенію жизненныхъ силъ его. Такова вражда между эскимосами и индѣйцами [2]). Вполнѣ понятно намъ далѣе, что дикарь можетъ относится враждебно къ чужеземцу, внушающему ему опасенія, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ единствѣ человѣческихъ племенъ по ихъ происхожденію. Мы познакомились, уже выше съ тою враждебною брезгливостью, съ которой молодая культура [3]) смотритъ на окружающихъ ее варваровъ. Не мѣшаетъ, наконецъ, вспомнить, что мы, европейцы, еще весьма недавно считали себя вправѣ истреблять, ограблять и обращать въ рабство представителей неевропейскихъ народовъ. Важно далѣе то, что у древнихъ грековъ дозволялся не только морской разбой, подобно тому, какъ онъ практиковался еще весьма недавно у европейцевъ во время войнъ, но въ Спартѣ, напримѣръ, разрѣшалось даже воровство подъ тѣмъ условіемъ, чтобы воръ не былъ пойманъ. У древнихъ германцевъ грабежъ у чуждаго племени считался воспитательнымъ средствомъ для молодежи; это было полезное упражненіе, да къ тому же предохраняло юношей отъ лѣни [4]).

Иногда это враждебное отношеніе къ чужеземцамъ принимаетъ крайне возмутительныя формы. Такъ напримѣръ, въ Малайскомъ архипелагѣ до сихъ поръ существуетъ столь страшный для голландцевъ обычай „Kopsnellen'a", обычай, по которому всякій порядочный человѣкъ долженъ обладать черепомъ кого-либо убитаго имъ; безъ черепа онъ неправо-

[1]) Miklosich. Die Blutrache bei Slaven, S. 145.

[2]) Ratzel. Ueber die Anwendung des Begriffes Oekumene, S. 170—171.

[3]) См. выше стр. 5, 108.

[4]) Latrocina nullam habent infamiam, quae extra fines eujusque civitatis fiunt, atque ea juventutis exoriundae ac desidiae minuendae causa fieri praedicant. J. Caes, de bello Gallic. 1, VI, 23.

способенъ и не найдетъ себѣ жены; черепъ, такъ сказать, свидѣтельство его зрѣлости, при этомъ, однако, совершенно безразлично чей черепъ онъ добылъ и какимъ путемъ; въ данномъ случаѣ ему разрѣшается всякая хитрость и измѣна. Этотъ ужасный обычай былъ, въ свое время, повидимому, распространенъ у всѣхъ Малайцевъ, но и понынѣ настолько господствуетъ въ независимыхъ частяхъ острова Борнео, что, повидимому, служитъ причиною уменьшенія числа даяковъ [1]).

Необходимо, однако, обратить вниманіе на то, какими мотивами руководятся малайцы при исполненіи это страшнаго обычая: они исходятъ при этомъ изъ того убѣжденія, что обладаніе черепомъ, который послѣ смерти завладѣвшаго имъ кладется съ нимъ въ могилу, обезпечиваетъ ему въ загробномъ мірѣ услуженіе со стороны умерщевленнаго имъ человѣка [2]). Знаменитый коллекторъ берлинскаго этнологическаго музея, Кубари говоритъ, что пелаузцы отличаютъ два рода войны: „бенгетъ", большую войну, и затѣмъ „осіикъ а кадъ", малую войну, т. е. охоту на людей, или лучше сказать охоту за черепами, которые многократно примѣняются въ общественной жизни; когда, напримѣръ, приступаетъ къ правленію новый „рупакъ", т. е. начальникъ племени, то онъ до тѣхъ поръ не считается утвержденнымъ въ своей власти, пока какая нибудь дружественная община не принесетъ ему въ подарокъ голову. Если „рупакъ" заболѣваетъ и предсказанія указываютъ на то, что онъ заболѣлъ по волѣ своего домашняго бога и что этотъ богъ требуетъ особаго празднества, то опять таки долженъ быть доставленъ черепъ. Черепа вообще необходимы при празднествахъ, при постройкахъ общественныхъ домовъ и т. д. [3]). Весьма понятно, что подобная охота за черепами, быть можетъ и вызванная первоначально извѣстнымъ суевѣріемъ, можетъ быть доведена до крайней степени, какъ изъ привычки къ подобнымъ дѣяніямъ, такъ и изъ-за удальства. Лёббокъ цитируетъ Гальбрета, разсказывающаго о томъ, что у сіуксовъ высочайшее и даже единственное

[1]) Bock. Unter den Kannibalen auf Borneo, Jena, Costenoble 1882, S. 246 f.

[2]) Tylor. Anfänge der Kultur, B. I, S. 452. G. A. Wilken. Jets over de Schedelvereering bij de volken van den Indischen Archipel, Gravenhage, Nijhoff. 1889, Z. 14.

[3]) Kubary. Ethnographische Beiträge zur Kenntniss der Karolinischen Inselgruppe und Nachbarschaft, Berlin, Asher 1885, S. 124, 125.

честолюбіе молодаго удальца заключается въ томъ, чтобы добыть себѣ „перо“, которое служитъ указаніемъ на то, что онъ совершилъ убійство, или принималъ участіе въ умерщвленіи какого нибудь человѣческаго существа — все равно, мужчины, женщины, или ребенка; такъ какъ храбрость индѣйца опредѣляется по числу перьевъ на его шапкѣ, то получивши свое первое „перо“, онъ входитъ во вкусъ дальнѣйшаго ихъ пріобрѣтенія“ [1]).

Темнымъ пятномъ на нравственности первобытнаго человѣка лежатъ такія, на нашъ взглядъ страшныя, преступленія, какъ убійство старцевъ, младенцевъ и людоѣдство. Что касается до людоѣдства и дѣтоубійства, то мы имѣли уже выше [2]) случай замѣтить, что къ этимъ преступленіямъ, совершаемымъ дикарями, абсолютно не приложима мѣрка нашей европейской нравственности. Вопросъ объ убійствѣ стариковъ получаетъ также иное освѣщеніе, если мы, руководствуясь весьма основательными данными, сгрупированными по этому вопросу М. Кулишеромъ [3]), постараемся вникнуть въ мотивы къ совершенію подобныхъ преступленій. Разсматривая собранныя М. Кулишеромъ данныя, мы всюду встрѣчаемъ указанія на то, что оставленіе стариковъ на произволъ судьбы или же убійство ихъ объясняются крайне суровыми условіями борьбы за существованіе. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для насъ, неоднократно боровшихся за то, что дикари не лишены человѣческихъ чувствъ, можетъ послужить обстоятельство, что убійство стариковъ не было чуждо и намъ индо-европейцамъ. Въ указанной работѣ М. Кулишера отмѣчено, что убійство престарѣлыхъ родителей встрѣчается у индусовъ, германцевъ и славянъ вообще, у русскихъ въ частности. Оказывается, что обычай сажать стариковъ на лубокъ или оставлять ихъ въ пустой избѣ, гдѣ они умирали съ голода, практиковался въ Малороссіи еще въ весьма недавнее время [4]). Весьма важно для насъ, что люди, исполняющіе этотъ обычай, не усматривали въ немъ ничего страшнаго, тогда какъ,

---

[1]) Лёббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 286.

[2]) См. выше стр. 130—133.

[3]) М. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи: Глава IV; относительно дѣтоубійства: Глава V.

[4]) Кулишеръ въ указанномъ мѣстѣ, стр. 41—42.

съ другой стороны, старики охотно шли на смерть, какъ потому, что таковъ былъ обычай народный, такъ и потому, что они чувствовали на себѣ все бремя старости.

Присутствіе или отсутствіе словъ, обозначающихъ добродѣтель, справедливость и другія нравственныя понятія въ языкѣ даннаго народа, отнюдь еще не говоритъ о степени нравственности его, какъ это повидимому полагаетъ Лёббокъ[1]); лучшимъ подтвержденіемъ этого могутъ послужить языки европейцевъ, изобилующіе самыми изысканными выраженіями по части нравственныхъ понятій. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся, когда приступимъ къ спеціальному изученію языка.

Попытаемся, однако, въ заключеніе дать себѣ отчетъ объ этической цѣнности первобытной нравственности.

Кулишеръ, столь рѣзко формулировавшій враждебное отношеніе человѣка къ человѣку при вопросѣ о первобытной торговлѣ, касательно этой нравственности говоритъ: „ей не достаетъ экстензивности, но по интензивности, по глубинѣ и силѣ, эта мораль будетъ вѣчнымъ недосягаемымъ идеаломъ для болѣе культурныхъ народовъ, къ осуществленію котораго они стремятся въ своей собственной жизни“ [2]). Еще болѣе превозноситъ нравственность первобытнаго человѣка знаменитый натуралистъ Уоллесъ, по мнѣнію котораго, цивилизованное общество ушло значительно дальше дикарей по отношенію къ своимъ интеллектуальнымъ силамъ, но въ нравственномъ отношеніи отнюдь не ушло также далеко [3]). Цивилизованный человѣкъ, говоритъ нашъ авторъ, могъ бы въ нравственномъ отношеніи кой чему поучиться у дикарей [4]).

При всей нашей симпатіи къ дикарямъ, мы не можемъ сочувствовать этимъ увѣреніямъ. Мы имѣли уже случай изучить многія стороны нравственности дикарей [5]) и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти познакомились съ тѣми мотивами, которые приводятъ первобытнаго человѣка, такъ сказать, совершенно инстинктивно къ сообществу. Это сообще-

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 285, 290, 291, 295.

[2]) Кулишеръ, стр. 10.

[3]) A. R. Wallace. Der Malayische Archipel, B. II, S. 426.

[4]) Wallace, S. 424.

[5]) См. выше, стр. 125 и далѣе.

ство основано на коопераціи и въ самомъ себѣ содержитъ всѣ условія для развитія духа солидарности между сочленами коопераціи. Но именно въ виду того, что образъ жизни первобытнаго человѣка складывается болѣе или менѣе инстинктивно, а не сознательно, онъ съ нимъ легко разстается. Первобытный строй, всецѣло основанный на естественныхъ началахъ, распадается при первомъ толчкѣ; онъ разлагается, наконецъ, когда онъ предоставленъ самому себѣ, благодаря тѣмъ ферментамъ, которые присущи ему и способствуютъ его дальнѣйшему развитію.

Такимъ ферментомъ прежде всего является та индивидуальность человѣка, которую мы ближе изучимъ въ послѣдующихъ главахъ.

Достаточно бѣглымъ взоромъ окинуть части свѣта, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ соотвѣтствіи съ искусственнымъ распространеніемъ или мѣстнымъ развитіемъ цивилизаціи идетъ ускоренное распаденіе первобытной нравственности и разложеніе первобытныхъ учрежденій. Но эта страшная перемѣна въ строѣ жизни и въ мышленіи дикаря не ограничивается однимъ распаденіемъ и разложеніемъ первобытныхъ началъ. Результатомъ этихъ печальныхъ процессовъ являются несомнѣнный упадокъ и развращеніе первобытнаго человѣка.

Въ описанныхъ нами явленіяхъ легко усмотрѣть всю глубокую разницу между нравственностью человѣка первобытнаго и человѣка культурнаго: нравственность первобытнаго человѣка не сознана; она вытекаетъ изъ тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ онъ находится. Нравственность человѣка культурнаго сознана и вполнѣ мотивируется историческимъ развитіемъ его и размышленіемъ многихъ поколѣній; она закрѣплена во всемъ существѣ его путемъ наслѣдованія и воспитанія. Человѣкъ культурный можетъ отступиться отъ своихъ нравственныхъ воззрѣній и падетъ при этомъ, конечно, несравненно ниже и ужаснѣе дикаря. Послѣдній крайне легко дѣлается преступникомъ, но на этомъ преступникѣ, какъ мы имѣли уже случай выразится, лежитъ скорѣе печать нравственной неустойчивости, а отнюдь не печать безнравственности [1]); онъ выбитъ обстоятельствами изъ колеи и потерялъ подъ ногами твердую почву.

[1]) См. выше стр. 130.

Говоря о кафрахъ, Казалисъ, прожившій 23 года въ южной Африкѣ, выражается такъ: „нравстственность среди этого народа настолько зависитъ отъ общественнаго порядка, что каждый случай политическаго неустройства немедленно ведетъ за собой состояніе полной распущенности, которое можетъ быть исправлено только возстановленіемъ порядка“ [1]). Еще рѣзче, чѣмъ при этой временной анархіи, колебаніе нравственности первобытнаго человѣка выражается при общеніи его съ европейцами, на губительное вліяніе которыхъ мы уже неоднократно указывали.

Съ расширеніемъ географическаго горизонта человѣка расширяется и нравственный кругозоръ его. Въ первобытномъ строѣ нравственныя обязательства человѣка распространяются лишь на извѣстный ему міръ, т. е. на людей близкихъ, извѣстныхъ ему, на людей, которыхъ онъ исключительно и считаетъ людьми и которыхъ онъ противопоставляетъ прочему, чуждому ему міру [2]). Съ другой стороны представители культурнаго человѣчества не могутъ не считаться съ извѣстными нравственными обязательствами, имѣющими объектомъ все человѣчество, и если въ первобытномъ строѣ наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ считается преступленіе, совершенное по отношенію къ „своимъ“, т. е. по отношенію къ данному обществу, то мы все болѣе и болѣе свыкаемся съ мыслею, что нѣтъ преступленій позорнѣе и ужаснѣе тѣхъ, которыя совершаются противъ общечеловѣческихъ правъ.

Наша нравственность отличается отъ нравственности первобытнаго человѣка, однако, не только тѣмъ, что она болѣе или менѣе сознана нами и захватываетъ несравненно большій раіонъ, но и тѣмъ, что она, въ соотвѣтствіи съ указаннымъ развитіемъ своимъ, пріобрѣтаетъ и значительно большую глубину.

Школа эволюціонистовъ объясняетъ генезисъ нравственности, не прибѣгая ни къ какимъ метафизическимъ силамъ и ограничиваясь одними физическими и физіологически-психологическими факторами; „категорическій императивъ“ Канта не необходимъ для эволюціонистовъ: они разлагаютъ

---

[1]) Casalis. The Basutos, p. 300; цитировано по Лёббоку. Начало цивилизаціи, стр. 290.

[2]) См. выше стр. 4.

это понятіе на антропологическіе элементы его [1]). Какъ мы уже неоднократно указывали, сообщество человѣка создается и развивается подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ преимущественно географическаго характера, причинъ, побуждающихъ его, въ интересахъ болѣе успѣшной борьбы съ природою, искать сообщества и содѣйствія собрата. Изъ самаго существа подобнаго сожитія и сотрудничества вытекаетъ рядъ естественныхъ соотношеній между членами сообщества и въ этихъ соотношеніяхъ мы видимъ зачатки нашихъ нравственныхъ воззрѣній.

Для того, чтобы могло существовать какое либо сообщество требуется извѣстный „минимумъ справедливости, симпатіи, вѣрности принятымъ на себя обязательствамъ, послушанія закона“ и т. д. [2]), необходимо, другими словами, чтобы каждый членъ общины привелъ свои личныя потребности въ извѣстное равновѣсіе съ потребностями своихъ собратьевъ.

Но, подобно тому, какъ дикія животныя при переходѣ своемъ въ состояніе прирученія утрачиваютъ качества, соотвѣтствующія жизни на волѣ, и пріобрѣтаютъ новыя качества, соотвѣтствующія новому образу жизни, и какъ онѣ укрѣпляютъ эти новыя характерныя черты свои изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ болѣе совершеннаго приспособленія и наслѣдованія, такъ точно и люди, живущіе въ сообществѣ, постоянно все болѣе и болѣе укрѣпляются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ воззрѣніяхъ, обусловливаемыхъ, какъ уже указано, самою идеею сообщества. „Такъ какъ человѣкъ соціальное животное“, говоритъ Дарвинъ, „то онъ, вѣроятно, и наслѣдуетъ нѣкоторую склонность быть вѣрнымъ своимъ товарищамъ и оставаться въ повиновеніи вожака своего племени, ибо это качество общее большинству животныхъ“ [3]).

Эта передача соціальныхъ чувствъ по наслѣдству производитъ могущественнѣйшія преобразованія въ человѣкѣ. Исходя изъ эгоистическаго начала, т. е., принимая за исходную точку инстинктъ самосохраненія, англійскіе мыслители

---

[1]) M. Benedikt. Zur Psychophysik der Moral und des Rechts, Wien, Urban und Schwartz, 1875, S. 21.

[2]) А. Фулье. Современныя Системы Морали. Изд. Русск. Богатства, С.-Петербургъ, 1886, стр. 20.

[3]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 102.

Дж. Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ учатъ, что „добродѣтели ищутъ сначала, какъ средства для достиженія счастья, но, въ концѣ концовъ, она дѣлается драгоцѣнною сама по себѣ, становится драгоцѣнною абстракціею, сдѣланною изъ ея полезности“ [1]). До извѣстной степени, наконецъ, и нравственный идеалъ становится факторомъ прогресса къ болѣе нравственному состоянію [2]).

Но, если мы вполнѣ можемъ обойтись безъ прирожденности нравственныхъ чувствъ, то мы съ другой стороны не станемъ утверждать съ Миллемъ, Бэномъ и другими, что человѣкъ пріобрѣтаетъ свои нравственныя воззрѣнія лишь индивидуально въ теченіи жизни своей. Несомнѣнно, что отдѣльная личность можетъ выработать подъ вліяніемъ, окружающихъ ее жизненныхъ условій, совершенно своеобразныя нравственныя воззрѣнія, но извѣстное наслѣдованіе, такъ сказать, органическихъ нравственныхъ привычекъ въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ понятно; оно прямо неизбѣжно, мы „не сознаемъ того“, говоритъ извѣстный изслѣдователь мозговъ преступниковъ, вѣнскій профессоръ Бенедиктъ, „какая громадная историческая работа накоплена въ насъ. Каждая гангліозная клѣтка въ насъ говоритъ о тысячелѣтней исторіи развитія“ [3]).

Вникая въ естественныя условія возникновенія человѣческаго сообщества, мы не можемъ, однако, вмѣстѣ съ Дарвиномъ утверждать, чтобы соціальное чувство представляло собою лишь извѣстное расширеніе чувства семейной любви [4]); въ данномъ случаѣ Дарвинъ, конечно, находится подъ вліяніемъ того преувеличеннаго значенія, которое онъ придаетъ первобытной семьѣ. Мы остановимся на послѣдующихъ страницахъ на анализѣ первобытныхъ отношеній половъ и увидимъ, что семья въ смыслѣ Дарвина не могла быть явленіемъ первичнымъ и не можетъ, поэтому, считаться первоисточникомъ соціальныхъ чувствъ. „Фундаментальный элементъ соціальныхъ инстинктовъ“ [5]), великое чувство симпатіи,

---

[1]) А. Фулье. Современныя Системы Морали. Стр. 19.

[2]) А. Фулье. Стр. 39.

[3]) Benedikt. Zur Psychophysik der Moral und des Rechts, S. 34.

[4]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 99.

[5]) Darwin, S. 105.

являющееся однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей въ жизни человѣчества и въ исторіи прогресса его, сводится по толкованію Адама Смита и Бэна на воспоминаніе о перенесенныхъ данною личностью страданіяхъ или удовольствіяхъ. По Бэну эгоизмъ, опытъ и подражаніе усиливаютъ эти чувства симпатіи, являющіяся косвеннымъ источникомъ удовольствія для ощущающаго его [1]). Едва ли, однако, это чувство обусловливается одною взаимностью услугъ и воспоминаніями прошлаго, слѣдовательно опытомъ; болѣе могущественный источникъ симпатіи мы видимъ въ нашей фантазіи, отличающейся, благодаря той массѣ точекъ соприкосновенія, которую имѣетъ культурный и интеллигентный человѣкъ по отношенію къ внѣшнему міру, необычайною чувствительностью. Сознавая, что извѣстное благополучіе достижимо для всего человѣчества и, что на это благополучіе имѣетъ свои права каждая отдѣльная личность, мы вникаемъ силою нашего воображенія въ психику нашихъ собратьевъ и какъ бы испытываемъ на себѣ страданія, о которыхъ мы зачастую не имѣемъ ни малѣйшаго опытнаго представленія. Наше этическое міровоззрѣніе, являющееся результатомъ либо воспринятія господствующихъ на нашей культурной ступени моральныхъ положеній, либо же нашей самостоятельной умственной работы, возросшей на почвѣ трудовъ, предшествующихъ намъ культурныхъ поколѣній, оскорбляется ненормальными условіями существованія собрата и, поэтому, внушаетъ намъ чувство симпатіи къ нему. Эта чувствительность къ страданіямъ и потребностямъ чуждыхъ людей можетъ при извѣстныхъ случаяхъ достигнуть крайняго и, такъ сказать, ненормальнаго повышенія. Подобная гиперэстезія симпатіи, совмѣстно съ достаточною силою воображенія для того, чтобы представить себѣ лучшій строй человѣчества, свойствена идеологамъ, борцамъ за права человѣчества. Но чувство симпатіи имѣетъ свои весьма отрадныя стороны, такъ какъ всякое улучшеніе въ положеніи интересующихъ насъ собратьевъ доставляетъ намъ чувство удовольствія; мы радуемся счастью окружающихъ насъ людей, ибо сознаніе этого счастья не только удовлетворяетъ нашему этическому чувству, оно

---

[1]) А. Бэнъ. Психологія. С.-Петербургъ, 1881, кн. III. Глава XI.

вмѣстѣ съ тѣмъ упорядочиваетъ и ту, выработанную вѣками потребность въ общеніи, которая создалась съ возникновеніемъ перваго сообщества. Но если существуютъ натуры болѣе воспріимчивыя къ этическимъ чувствамъ или даже съ болѣзненно повышенной этической чувствительностью, то съ другой стороны необходимо должны существовать и въ дѣйствительности существуютъ натуры мало воспріимчивыя, или же совершенно анормально невоспріимчивыя къ интересамъ и правамъ своихъ собратьевъ.

Отсюда вытекаетъ совершенно иное воззрѣніе на преступленіе. Но уже прежде чѣмъ это воззрѣніе могло дойти до сознанія мыслящихъ людей, оно нашло себѣ практическое примѣненіе въ извѣстныхъ установленіяхъ общественной жизни, въ законахъ. Законъ, представляющій собою оплотъ противъ дефектовъ въ этическомъ чувствѣ, опредѣляетъ извѣстныя степени вознагражденія или кары за правильное или же неправильное отношеніе къ господствующему міровоззрѣнію. Достигнувъ своего современнаго развитія идея о сущности преступленія не ограничивается уже одною фактическою внѣшностью его; какъ интегрирующая естественная величина въ данномъ случаѣ должна быть изучена вся, такъ сказать, физіологія преступленія. Съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ воззрѣній должны подлежать изученію индивидуальность преступника и въ особенности наслѣдственныя задатки его, должны быть приняты, наконецъ, во вниманіе обстоятельства, побуждавшія преступника къ совершенію преступленія. Такимъ образомъ преступленіе получаетъ какъ бы двоякое значеніе, какъ фактъ индивидуальный и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ фактъ соціальный.

Самый характеръ кары сводится уже не столько на логическое jus talionis, сколько на стремленіе къ тому, чтобы исправить преступника и предотвратить возможность повторенія подобныхъ же преступленій. На мѣстѣ абсолютныхъ идей справедливости, стремящихся къ соотвѣтствующему возмездію, господство пріобрѣтаютъ идеи относительныя; индивидуальное пониманіе преступленія вытѣсняется пониманіемъ соціальнымъ. Наша конечная цѣль, достигнуть анатомически-физіологическаго діагноза преступленія [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) M. Benedikt. Zur Psychophysik, S. 29.

и установить такія условія, при которыхъ совершеніе преступленія не становилось бы роковою необходимостью для людей малорезистентныхъ въ этическомъ отношеніи.

Существенная заслуга въ выясненіи перваго пункта и въ опредѣленіи естественной почвы для пресловутаго „budget des crimes“ Кетле принадлежитъ извѣстной школѣ Ломброзо-Ферри. Школа эта вступила, несмотря на шаткость и невыработанность своихъ антропологическихъ пріемовъ и на нѣкоторую неразборчивость въ своихъ доказательствахъ, на почву чрезвычайно плодотворную. Нечего говорить, конечно, о томъ, что идеи ея не новы, какъ это признаетъ самъ Ломброзо, называющій своими предшественниками Аристотеля, Авиценну, I. Б. Порта, Полемона[1]); болѣе тонкое различеніе индивидуальности преступленія не чуждо даже и первобытнымъ народамъ[2]). Однако лишь въ настоящее время указанныя правовыя воззрѣнія могутъ получить свое научное обоснованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ стать полноправнымъ соціальнымъ элементомъ нашей жизни.

Весьма далеко подвинется изученіе эмбріологіи преступленія, если мы глубже вникнемъ въ психику и этику не только дикаря, т. е. человѣка первобытнаго, и ребенка, но и животнаго. Къ сожалѣнію, Ломброзо, посвятившій преступленіямъ животныхъ интересную главу своего труда, и въ данномъ случаѣ проявилъ не мало легковѣрности. Такъ онъ приводитъ нѣкоторыя завѣдомыя анекдоты, вродѣ разсказовъ о собакѣ, похитившей барана и принимающей мѣры предосторожности къ тому, чтобы скрыть свое преступленіе; она обмываетъ между прочимъ свою морду отъ крови и сама надѣваетъ на себя намордникъ;[3]) и т. д.

Въ общемъ, однако, міръ животныхъ представляетъ намъ цѣлый рядъ преступленій, вполнѣ подходящихъ подъ рубрики нашихъ человѣческихъ проступковъ и можетъ намъ дать ключъ къ уразумѣнію извѣстныхъ сложныхъ процессовъ, совершающихся въ нашей соціальной жизни.

Мы имѣли уже случай[4]) останавливаться на удивительныхъ

---

[1]) Lombroso. Der Verbrecher etc., S. XXIII.

[2]) Смотри выше, стр. 305.

[3]) Lombroso. Der Verbrecher, S. 23, 24.

[4]) Смотри выше, стр. 60 и далѣе.

соотвѣтствіяхъ въ духовной жизни животныхъ и людей и вмѣстѣ съ тѣмъ установить, что разница между духомъ человѣка и животныхъ въ сущности неизмѣрима. Эта разность обусловливается тѣмъ, что человѣкъ, съ точки зрѣнія эволюціонистической, является величиною совершенно несоизмѣримою съ другими представителями органическаго міра. Правъ Дарвинъ, говоря, что „каждое животное, если только оно одарено ясно выраженнымъ соціальнымъ инстинктомъ, включая сюда любовь родительскую и къ родителямъ, непремѣнно достигло-бы нравственнаго чувства и сознанія, если бы интеллектуальныя силы его развились также далеко или приблизительно также далеко какъ у человѣка“ [1]). Но въ томъ то и заключается вся глубокая разница между нравственнымъ и умственнымъ обликомъ человѣка и животныхъ, что послѣднія, несмотря на то, что они располагаютъ извѣстными умственными и даже нравственными [2]) силами, все же способны лишь къ крайне незначительной эволюціи ихъ. Но та захирѣлая форма, въ которой предъ нами стоятъ эти силы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ первичная, зачаточная форма, изъ которой развились всѣ наши великія умственныя и нравственныя сокровища.

Изучивъ такимъ образомъ нравственность первобытнаго человѣка и установивъ, что она отличается въ абстрактномъ отношеніи отъ нравственности человѣка культурнаго тѣмъ, что она менѣе сознана, захватываетъ меньшій раіонъ и лишена болѣе тонкой выработки, мы вмѣстѣ съ тѣмъ уже установили и тѣ естественныя причины, почему человѣкъ малокультурный при все своей свѣжести и при всей чарующей естественности своихъ правовыхъ понятій, столь легко разстается съ ними [3]).

Въ нашихъ рукахъ, однако, лежитъ возможность оградить его отъ паденія и дать ему случай подняться на ту ступень сознательной, широкой и вполнѣ выработанной нравственности, которою гордимся мы и которая достигается нами путемъ унаслѣдованія, навыка и воспитанія.

---

[1]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 92.

[2]) Hartmann. Die menschenähnlichen Affen, S. 273.

[3]) См. выше, стр. 129 и далѣе.

Глава XV.

Общественное владѣніе и общественный трудъ.

Общность географической сферы порождаетъ общность функцій и потребностей.— Солидарность первобытныхъ общинниковъ.— Общинныя рыболовства и охота.— Общинное скотоводство.— Общинное земледѣліе, очистка лѣсовъ и искусственное орошеніе.— Общинные промыслы.— Общественные пиры и божества.

Какъ ни велика и многообразна природа, какъ ни различны, строго индивидуализированы и деталированы элементы, составляющіе пеструю мозаику нашего мірозданія, тѣмъ не менѣе мы всюду въ природѣ познаемъ одинъ общій и великій планъ построеній. Этотъ общій планъ прослѣживается въ организмахъ самыхъ различныхъ и, повидимому, совершенно далекихъ другъ отъ друга, но онъ проявляется, конечно, съ наибольшею ясностью тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ опредѣленною организаціей, находящейся въ опредѣленной географической сферѣ.

Общность сферы воспитываетъ въ индивидуумахъ данной организаціи общія жизненныя функціи и потребности; если же эти организаціи, подобно человѣческой, способны къ совершенствованію, то онѣ, благодаря этой способности, создаютъ для самихъ себя цѣлый рядъ новыхъ потребностей и новыхъ функцій; онѣ такимъ образомъ деталируютъ свою географическую сферу, тогда какъ съ большею дифференцировкою функцій въ массѣ, первоначально болѣе или менѣе однородной, выдѣляются своеобразные типы. Если, поэтому, первобытный строй насъ поражаетъ однообразіемъ индивидуумовъ, если общность признаковъ ихъ такова, что повер

хностный наблюдатель едва отличаетъ ихъ другъ отъ друга, то, напротивъ того, въ культурномъ строѣ мы съ легкостью распознаемъ индивидуальные и уже во всякомъ случаѣ профессіональные характеры, соотвѣтствующіе роду занятій индивидуумовъ; такъ каждый изъ насъ болѣе или менѣе безошибочно различаетъ ученыхъ, лицъ духовнаго или военнаго званія, купцовъ, портныхъ и т. д. Въ первомъ случаѣ общность интересовъ и функцій налагаетъ на всю племенную массу одну и ту же печать, во второмъ этихъ соціальныхъ обликовъ въ силу дифференцировки функцій явилось множество.

Подобно тому, какъ животныя соединяются въ общества, случайныя, временныя или постоянныя, съ цѣлью болѣе успѣшной борьбы съ природою, такъ точно и люди, побуждаемые тѣми же жизненными задачами, ищутъ сообщества себѣ подобныхъ. Въ цѣлесообразности и плодотворности подобныхъ ассоціацій не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; пути къ нимъ указуются намъ самою природою [1]). Имѣя въ виду бытъ современныхъ дикарей и болѣе достовѣрныя данныя о человѣкѣ доисторическомъ, мы дожны признать, что первичныя группы были весьма не многочислены и не сложны. Онѣ были не многочислены, такъ какъ сожитіе бо̀льшаго числа индивидуумовъ мыслимо лишь при совершенно исключительномъ и постоянномъ изобиліи пищи, и онѣ не были сложны, такъ какъ элементы первичнаго сообщества преслѣдовали однѣ и тѣже цѣли. Жизненные интересы и функціи ихъ были одинаковы, поэтому между ними господствовало указанное уже выше однообразіе во внѣшнемъ и внутреннемъ складѣ; они разнились не столько по своимъ индивидуальностямъ, сколько по грубымъ физическимъ признакамъ, по степени силы, выносливости, ловкости, по возрасту, по полу и т. д.

При солидарности всѣхъ стремленій индивидуальности обобщаются, почти сглаживаются и путемъ приспособленія къ коопераціи подчиняются общинному духу.

Въ идеальныхъ краскахъ рисуетъ намъ Уоллесъ картину подобныхъ первобытныхъ организацій: „каждый членъ ихъ“, говоритъ онъ [2]) „заботливо почитаетъ права своего со-

---

[1]) См. выше, стр. 186.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 288.

брата и нарушеніе этихъ правъ случается рѣдко, почти никогда. Въ подобныхъ общинахъ господствуетъ почти абсолютное равенство, тамъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ противуположностей—образованности и невѣжества, богатства и нищеты, положенія господина и слуги, которыя являются продуктомъ нашей цивилизаціи; тамъ нѣтъ того крайне обширнаго раздѣленія труда, которое, накопляя богатства, вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ столкновенія интересовъ. Тамъ нѣтъ и той жестокой конкурренціи, борьбы за существованіе или за богатство, которую неизбѣжно порождаетъ среда цивилизованныхъ обществъ".

Мы изложили уже выше наши воззрѣнія на природу человѣка и попытались доказать, что ученіе объ искони хищной натурѣ человѣка основано на предразсудкѣ. Развивая нашу мысль далѣе, мы легко можемъ придти къ тому убѣжденію, что картина, набросанная намъ Уоллесомъ, отнюдь не является плодомъ вымысла.

Мы имѣли уже случай познакомиться съ нѣкоторыми примѣрами солидарности и гумманности дикарей [1]). Обратимся теперь къ другимъ примѣрамъ, которые насъ ближе познакомятъ съ внутреннимъ строемъ первобытной общины, равно какъ и съ ферментами, способствующими ея разложенію и дальнѣйшему развитію. Безчисленные примѣры коопераціи въ мірѣ первобытныхъ народовъ собраны въ цѣнной работѣ Н. И. Зибера [2]). Въ данномъ случаѣ, однако, насъ интересуетъ не столько самый способъ производства кооперативныхъ работъ, сколько та соціальная идея, которая лежитъ въ основѣ коопераціи и выражается въ общиномъ владѣніи.

Присматриваясь къ экономической жизни первобытныхъ народовъ, мы всюду наталкиваемся на характернѣйшіе примѣры общинности, основанной на коопераціи.

Австралійцы, какъ указано выше, строго отличаютъ границы своихъ охотничьихъ участковъ: чуждое племя можетъ вступить въ участокъ сосѣдей лишь съ дозволенія послѣднихъ [3]); иногда же всѣ окружающія племена получаютъ право

---

[1]) См. выше, стр. 127 и далѣе, 292 и далѣе.

[2]) Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Москва, 1883.

[3]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, Bd. VI, 1872, S. 792.

явиться въ ту или другую мѣстность за сборомъ извѣстныхъ питательныхъ веществъ: подобныя сходбища устраиваются для сборовъ шишекъ сосны Бунна—Бунна и рода земляники—Нуръ, наконецъ право общаго пользованія распространяется и на нѣкоторые каменоломни [1]). Какъ извѣстно, австралійцы при случаѣ соединяются для рыбной ловли или для охоты на кенгуру. Обычаи, регулирующіе раздѣлъ добычи соблюдаются весьма строго. Раздѣлъ производится однимъ изъ стариковъ, который оставляетъ себѣ наибольшую долю. Всякій, получившій свою часть, остается доволенъ ею и весело направляется къ огню, чтобы изготовить ее [2]). При охотѣ на китовъ эскимосы также соединяются въ большія группы, причемъ каждый, присутствовавшій при ловлѣ, имѣетъ участіе въ добычѣ [3]).

Подобныя-же временныя организаціи мы встрѣчаемъ у индѣйцевъ. Отдѣльный человѣкъ не имѣетъ права охотиться за буйволомъ: у племени омаговъ это считается преступленіемъ; охота производится сообща, причемъ соблюдаются, въ виду важности этой охоты для всего племени, чрезвычайно строгія правила. Каждый изъ охотниковъ беретъ себѣ убитыхъ имъ животныхъ, если-же животное убито нѣсколькими людьми, то оно дѣлится по ровну между охотниками [4]) У южноамериканскихъ индѣйцевъ также устраиваются общественныя охоты, отличающіяся чрезвычайно справедливымъ раздѣломъ добычи; большее вознагражденіе получаетъ лишь тотъ, кто доставилъ ядъ для стрѣлъ [5]).

Если въ послѣднихъ случаяхъ принципъ труда играетъ нѣкоторую роль, то, напротивъ того, у якутовъ мы наталкиваемся на несравненно болѣе выраженное проявленіе общиннаго духа. Общими у якутовъ являются мѣста, удобныя для сѣнокоса и пастьбы скота, рѣки и озера важныя для рыболовства и лѣса, богатые звѣремъ. Угодьями своими якуты пользуются на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) звѣринные промыслы они производятъ свободно на всемъ пространствѣ, за-

[1]) И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 227.

[2]) l. c. стр. 10.

[3]) Cranz. Historie von Grönland, 1770, B. II, S. 159 f.

[4]) Ch. Letourneau. L'Evolution de la propriété, Paris, 1889, p. 62. 63.

[5]) v. Martius. Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens, München 1832, S. 50 f.

нимаемой ими территоріи; 2) на всемъ пространствѣ наслега якуты, входящіе въ составъ его, пользуются рыболовными и звѣриными промыслами, независимо отъ того, что эти угодья „состоятъ въ участкѣ одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ родниковъ"; 3) якуты изъ другихъ наслеговъ не имѣютъ права промышлять рыбу или звѣрей у своихъ сосѣдей, однако-же имъ разрѣшается „мимоходомъ или мимоѣздомъ стрѣлять птицъ и звѣрей, ловить лѣсныхъ птицъ, ставить морды и сѣти для рыбы на пропитаніе" [1]).

Якуты и объякутившіеся тунгусы и русскіе Жиганскаго улуса Якутской области лѣтомъ питаются продуктами промысла дикихъ оленей: „два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣсколько штукъ.—Мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа, по общему приговору, дается кому нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ, „ниматъ", соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Такимъ образомъ, убьетъ ли онъ въ теченіи лѣта сто штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ предентовать на то". Искусство стрѣлка дается Богомъ. Бѣдные якуты снабжаются оленями со стороны богатыхъ [2]). Общинный духъ на столько развитъ среди якутовъ, что якутъ, которому покойный Маакъ подарилъ бутылку водки, унесъ ее домой, заявивъ ему слѣдующее: „если добрый человѣкъ подарилъ мнѣ что нибудь съѣстное отъ добраго сердца, то я долженъ, пришедши домой, раздѣлить подарокъ между всѣми, не обдѣляя никого, даже собаки и домашній скотъ должны имѣть часть при дѣлежѣ"; особеннымъ же вниманіемъ пользуются больные [3]). Миддендорфъ неоднократно говоритъ о коммунизмѣ у самоѣдовъ: „всякій, являющійся къ хозяину убитаго животнаго, въ то время когда охотникъ еще не ус-

---

[1]) Самоквасовъ, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, Варшава, 1876, стр. 212 и далѣе.

[2]) Хитрово, Описаніе Жиганскаго улуса. Записки Сиб. отд. Геогр. Общ. Т. I. 1856, стр. 66 и далѣе.

[3]) Д. Маакъ, Вилюйскій округъ Якутской области. С.-Петербургъ, Ч. III. 1887, стр. 88.

пѣлъ разрѣзать добычу, вправѣ не только участвовать въ обѣдѣ, но и получить долю шкуры [1]). Точно также, по показанію, Кастрена остяки братски раздѣляютъ между собою добычу дня, и нищенство между ними, по крайней мѣрѣ въ прежнія времена, было совершенно неизвѣстно [2]). При ловлѣ рыбы на Колымѣ юкагиры устраиваютъ на средства деревни или артели поперекъ рѣки плетневые заборы, задерживающіе ходъ рыбы; въ серединѣ забора вставляются корзины для лова рыбы, при чемъ корзина каждаго участника оставляется въ водѣ на сутки, но и въ теченіи этого времени корзина неоднократно осматривается и уловъ дѣлится между всѣми владѣльцами корзинъ [3]). Черемисы до сихъ поръ сохранили общинный ловъ рыбы: при ловлѣ сомовъ одинъ изъ артельщиковъ рѣжетъ рыбу на мелкіе ровные куски. Затѣмъ, какъ разсказываетъ И. Н. Смирновъ, устанавливается число паевъ; для каждаго взрослаго назначается полный пай, подростки получаютъ одинъ пай вдвоемъ, дѣти вчетверомъ; особые паи были назначены владѣльцамъ сѣтей и сторожевому. По количеству паевъ одинъ изъ артельщиковъ разложилъ рыбу кучками, а участвовавшіе въ ловлѣ вырѣзали на маленькихъ кусочкахъ дерева какіе то знаки. Эти кусочки собрали въ шапку, перемѣшали и стали раскладывать по одному на каждой кучкѣ. По значкамъ рыболовы забирали рыбу, выпавшую по жеребью на ихъ долю [4]).

Въ обычаяхъ уральскихъ рыболововъ прекрасно отражается намъ основа кооперативнаго труда: при плавенномъ и аханномъ рыболовствѣ, при которомъ отдѣльный рыболовъ не нуждается въ посторонней помощи, за основаніе при раздѣлѣ добычи принимается индивидуальный трудъ; при багреньи, гдѣ преобладаетъ случайность и удача, дѣлежъ совершается по артелямъ, въ которыхъ бѣдные и богатые участвуютъ на равныхъ условіяхъ. При рыболовствѣ неводами, промышленными единицами, въ виду дороговизны невода и самаго способа работы, являются хозяинъ невода и артель.

---

[1]) Миддендорфъ. Путешествіе по Сибири, ч. II, стр. 679.

[2]) Castrén, Ethnologische Vorlesungen, S. 107.

[3]) F. v. Wrangel, Reise längs der Nordküste von Sibirien, Berlin, 1839, Sh. I, S. 342.

[4]) И. Н. Смирновъ, Черемисы, Казань, 1889, стр. 144.

Рыба, вытянутая артелью, распредѣляется между артельщиками такимъ образомъ, что каждый изъ участвующихъ получаетъ по паю; хозяину невода полагается за неводъ пять паевъ. Въ противоположность багренью здѣсь даются большія доли участвующимъ въ ловлѣ офицерамъ. На зимнемъ неводномъ ловѣ складываютъ всю рыбу, во избѣжаніе неравномѣрности улова для той или другой группы рыбаковъ, вмѣстѣ въ общія кучи, называемыя урсами, которыя затѣмъ распредѣляются по ровну; начальники получаютъ два пая, хозяинъ невода шесть [1]). Типъ древней товарищеской артели рыболововъ, въ которой члены участвуютъ равнымъ количествомъ капитала и труда, сохранился лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ поморья; въ настоящее время рѣшительно преобладаетъ артель покрученниковъ, во главѣ которой стоитъ капиталистъ [2]).

Общинный трудъ и общинное владѣніе не чужды также народамъ скотоводческимъ: киргизы различаютъ лѣтнія пастбища—„дхайлау", осеннія пастбища—„кузеу" и зимовыя стойбища—„кыстау". Лѣтнія стойбища находятся въ общей собственности всѣхъ киргизовъ. Временное положеніе по управленію киргизовъ предположило ограничить это общественное пользованіе „по возможности волостями", допустивъ, впрочемъ, исключеніе для Сыръ-Дарьинскихъ киргизовъ, имѣющихъ право лѣтняго кочеванія въ области Оренбургскаго вѣдомства [3]). На практикѣ, однако, подобное ограниченіе несоблюдается. Помимо лѣтнихъ пастбищъ въ общую собственность входятъ дороги, лѣса, прѣсныя и соленыя озера, рѣчки, рыбные и звѣриные промыслы. Общность пастбищъ у киргизовъ обусловливаетъ собою нѣкоторыя весьма интересныя проявленія общиннаго духа: „требуя поддержки, бѣдный говоритъ богатому; „дай мнѣ траву твоего скота", т. е. вознагради меня за мое общее съ тобою право на ту траву, на которой пасется твой скотъ". Когда у бѣднаго околѣваетъ скотъ, дѣлается сборъ со всего народа подъ руководствомъ

[1]) П. А. Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи. С.-Петербургъ, 1878 г., стр. 241 и далѣе.

[2]) П. А. Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, С.-Петербургъ, 1877, стр. 116.

[3]) Временное положеніе объ управленіи въ областяхъ: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. § 218.

аксакала; отказавшійся отъ взноса — лишается поддержки въ случаѣ несчастья. Поддержка менѣе состоятельныхъ собратьевъ соблюдается и при пользованіи случными самцами [1]). Въ старину каждый киргизъ могъ безъ спросу взять у хозяина лошадь и все необходимое орудіе и пользоваться ими до минованія надобности. Въ настоящее время это право сохранилось лишь для родственниковъ владѣльца; посторонній вправѣ взять лошадь лишь тогда когда она необходима для погони за ворами и барантачами [2]). „Такъ какъ главную пищу бурятъ исконни составляли продукты рогатаго скота, то естественно въ этой то именно сферѣ экономическаго быта бурятской родовой общины всего болѣе проглядываютъ еще нѣкоторые оттѣнки первобытнаго общинно-устроительнаго вліянія инстинктовъ родовой соціальной симпатіи“, говоритъ Щаповъ. Эта симпатія выражается въ стремленіи общины обезпечить своихъ сочленовъ. „Вслѣдствіе этого изстари существовалъ обычай у бурятъ даромъ давать коровъ тѣмъ, которые по какимъ нибудь обстоятельствамъ не имѣли ни одной скотины. Даже и теперь еще этотъ старинный обычай соблюдается, хотя не съ прежней безкорыстностью. И теперь еще богатые, скотные буряты имѣютъ обычай раздавать коровъ на дойку бѣднымъ, безскотнымъ“. Одинъ богатый бурятъ роздалъ бѣднымъ во время скотскаго падежа съ 1869 по 1870 годъ до 600 коровъ [3]). У бурятъ существуетъ общинное владѣніе пастбищами и вся такъ называемая „братская степь“, тянущаяся отъ рѣки Куды и до вершины рѣки Анги, считается бурятами общимъ родовымъ достояніемъ ихъ племенной общины [4]).

Если переходъ къ осѣдлости уже совершенъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы выяснилось понятіе о частной поземельной собственности. Какъ при индивидуальной собственности скотоводовъ пастбища оставались общиннымъ достояніемъ, такъ точно имъ остаются и поля, если только населе-

---

[1]) Н. П. Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ, 1889. Т. I, стр. 116.

[2]) Маковецкій. Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Омскъ, 1886 г., стр. 55.

[3]) А. Щаповъ. Бурятская улусная родовая община. Извѣстія Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества. 1875. Т. V, стр. 140.

[4]) Ibid. Стр. 141.

ніе данной мѣстности настолько малочисленно и мало дифференцированно, что индивидуализмъ сочленовъ его еще не успѣлъ проявиться.

Примѣры общиннаго земледѣльческаго труда и общиннаго землевладѣнія встрѣчаются у самыхъ различныхъ народовъ. У индѣйцевъ Сѣверной Америки, напр. у ирокезовъ, существовала не только общинная охота, но и общинное земледѣліе: раздѣлъ добычи и жатвы сообразовывался съ потребностями общинниковъ и состояніемъ запасовъ [1]). Общинная обработка полей омаговъ представляетъ намъ примѣръ строжайшей регламентаціи, вполнѣ соотвѣтствующей понятію о такъ называемомъ „communisme autoritaire“ [2]). Схожую картину регламентаціи общинныхъ работъ, впрочемъ при культурномъ уровнѣ несравненно высшемъ, представляютъ намъ древнекультурныя американскія государства. Въ странѣ инковъ практиковались ежегодные передѣлы земель, причемъ въ основѣ подобныхъ передѣловъ лежала рабочая сила наличныхъ семействъ. Вся земля раздѣлялась на три части, изъ которыхъ первая являлась собственностью солнца, т. е. храма, вторая народа, третья инки; обработка этихъ полей производилась въ указанномъ порядкѣ, причемъ земли, предназначенныя для содержанія бѣдныхъ и больныхъ, вдовъ, сиротъ и солдатъ, обработывались прежде участковъ, предназначенныхъ для народа вообще. Въ неурожайныя годы народъ пропитывался запасами изъ общественныхъ магазиновъ [3]). На побережьѣ Сіерра-Леоне поля обработываются совмѣстно всѣми жителями даннаго поселенія, а жатва распредѣляется соотвѣтственно потребностямъ, т. е. числу членовъ семействъ, участвовавшихъ въ работѣ. Каждая деревня и каждый городъ имѣютъ свои общественныя посѣвы [4]). Общинныя земледѣльческія работы встрѣчаются на островахъ Новой Зеландіи [5]), на Явѣ [6]) и, наконецъ, у цѣлаго ряда народовъ, непосредственно близкихъ намъ. Подобныя общинныя работы

---

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III. S. 129.

[2]) Letourneau. L'Evolution de la propriété, p. 63.

[3]) Waitz, l. c., B. IV, S. 404. См. также Letourneau. L'Evolution de la propriété, Chap. VIII.

[4]) A. Post. Afrikanische Jurisprudenz, Leipzig, Schulze 1887, B. II, S. 173.

[5]) Letourneau, p. 86.

[6]) Letourneau, p. 152.

*

описывались Діодоромъ у басковъ, у которыхъ существовали ежегодные передѣлы и общественная обработка [1]). Полководецъ Александра великаго Неархъ сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи земля обработывалась сообща, причемъ, по окончаніи года, участники раздѣляли между собою плоды и жатву. Это общеніе земель удержалось въ Индіи по настоящее время [2]). Интереснѣйшія указанія относительно общиннаго владѣнія и ежегодныхъ передѣловъ у древнихъ германцевъ мы встрѣчаемъ у Ю. Цезаря [3]) и Тацита [4]), хотя они и касаются весьма различныхъ періодовъ [5]). Слѣды общиннаго владѣнія и труда у древнихъ грековъ и римлянъ отмѣчены въ весьма содержательной работѣ Віоле о первоначальной недвижимой собственности [6]). „Въ Индіи, въ Греціи и въ Италіи земля была, какъ и въ Германіи, обладаема сообща, прежде, чѣмъ сдѣлалась собственностью семейства или индивидуума“, говоритъ названный авторъ въ заключеніи своего очерка [7]). Нечего останавливаться, конечно, на общинномъ владѣніи и на общинныхъ работахъ у славянъ вообще и въ частности у славянъ русскихъ. Вопросъ этотъ породилъ обширную и во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнную литературу. Въ общинномъ землевладѣніи славянъ ярко выражаются тѣ идеи справедливости и гуманности, съ которыми мы уже встрѣчались у другихъ народовъ. Основной принципъ русскаго общиннаго землевладѣнія заключается въ строгомъ согласованіи правъ и обязанностей общинника. Каждый членъ общины имѣетъ такое же право на владѣніе, какъ и всѣ другіе сочлены по общинѣ; каждый членъ общины несетъ на себѣ ту долю общественныхъ обязанностей, которая соотвѣтствуетъ долѣ его участія въ общественномъ достояніи. При этомъ, по воззрѣнію нашихъ крестьянъ, совершенно безразлично, является ли право на владѣніе землею по отношенію къ возмездію дѣйствительнымъ правомъ, т. е. выго-

---

[1]) Letoureau, p. 367.

[2]) Н. Віоле. Первоначальная Недвижимая Собственность, перев. Зибера. Юрид. В. 1882, стр. 14.

[3]) Jul. Caesar. Com. VI, 22.

[4]) Tacitus. Germania.

[5]) Віоле, стр. 11.

[6]) Ibid, стр. 15 и далѣе.

[7]) Ibid, стр. 43.

дою или же, если доходъ съ земли не соотвѣтствуетъ возмездію, обремененіемъ, отъ котораго всякій по возможности уклоняется [1]). Въ соотвѣтствіи со своею рабочею силою общинникъ принимаетъ на себя извѣстную долю земли и общественныхъ обязанностей. Вдовы, престарѣлые и обѣднѣвшіе получаютъ меньшій участокъ, чѣмъ крестьянинъ въ полной силѣ, имѣющій въ своемъ распоряженіи жену, подростковъ и рабочій скотъ и представляющій, поэтому, бо́льшую экономическую производительную силу. У русскихъ крестьянъ также практикуются періодическіе передѣлы, вызываемые, конечно, прежде всего естественными нарушеніями справедливости надѣла, нарушеніями въ потребительной и производительной силѣ семьи вслѣдствіе возрастанія или уменьшенія числа и силы членовъ ея или домашняго скота. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что данный сочленъ общины не долженъ получать при передѣлѣ своего прежняго участка, такъ какъ при предшествующемъ передѣлѣ, онъ, совершенно независимо отъ желанія своихъ сочленовъ, могъ получить лучшій или худшій участокъ земли [2]). Общинный земледѣльческій трудъ, выражающійся въ общественныхъ запашкахъ, въ сѣнокошеніи, помочахъ и т. д., представляетъ собою явленіе, съ которымъ русскіе люди вполнѣ сжились. Къ коопераціи такого рода прибѣгаютъ даже тѣ изъ русскихъ славянъ, на которыхъ мы привыкли смотрѣть какъ на абсолютныхъ индивидуалистовъ, такъ, напримѣръ, малоруссы. Если малоруссы и разстались относительно рано съ общиннымъ землевладѣніемъ [3]), то съ другой стороны у нихъ и по настоящее время практикуется рядъ общественныхъ работъ [4]): „оранка“, при которой два или три хозяина „спрягаются“ вмѣстѣ, чтобы имѣть плугъ съ шестью волами; при этомъ работа идетъ по соглашенью, у кого больше работы, тому больше работаютъ и, притомъ, безъ особаго вознагражденія; „толока“, помога, на которую сходятся лѣтомъ при полевыхъ

---

[1]) J. v. Keussler. Zur Geschichte und Kritik des baüerlichen Gemeindebesitzes in Russland, St. Petersburg, Ricker, 2 Th., I. Hälfte, 1882, S. 282 f.

[2]) E. Petri. Die Gemeindewirthschaft und der Bauer in Russland. Mittheilungen der Ostschweizerischen Geographischen Gesellschaft. 1884.

[3]) См. впрочемъ: И. Лучицкій. Отечествен. записки. 1882. Ноябрь.

[4]) П. П. Чубинскій. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи. Зап. Этнограф. Отд., т. II. 1869, стр. 708.

работахъ, а зимою при вывозкѣ сѣна и лѣса; при этомъ сговариваются хозяева такимъ образомъ, что угощаетъ тотъ, у котораго работаютъ, или же зажиточный человѣкъ сзываетъ односельцевъ на угощенье; при мелкихъ хозяйствахъ подобныя толоки чрезвычайно важное дѣло; третья форма коопераціи „парубоцька громада", которую извѣстный знатокъ малорусскаго быта Чубинскій [1]) характеризуетъ какъ нѣчто напоминающее наши клубы, но вмѣстѣ съ тѣмъ подходящее по задачамъ своимъ и къ древнимъ братчинамъ. Громада—собраніе парубковъ и дивчатъ извѣстнаго возраста, она обладаетъ выборнымъ „отаманомъ" и двумя подотаманами, кассою, образующейся изъ взносовъ сочленовъ, колядованья и отъ доходовъ съ общественнаго поля громады; цѣль громады заботиться объ украшеніи церквей, объ увеселеніи сочленовъ и поддержаніи между ними мирныхъ и справедливыхъ отношеній. „Судебная роль братчины во взаимныхъ ссорахъ членовъ существуетъ издревле". Работа на поляхъ, арендуемыхъ громадою, совершается общими силами, причемъ каждый членъ громады участвуетъ въ ней сообразно съ своими средствами и личными силами. Въ Болгаріи также устраиваются помочи (тълки) какъ для земледѣльческихъ, такъ и для техническихъ домашнихъ работъ, для пряденья и тканья. Домачинъ устраиваетъ праздничный ужинъ для приглашенныхъ [2]).

„Мы находимъ въ Осетіи", говоритъ М. Ковалевскій въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи обычнаго права осетинъ, „не только слѣды совмѣстнаго производства нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, но и живые образцы такого порядка, въ обычаѣ сосѣднихъ дворовъ складываться между собою и выполнять недостатокъ каждаго въ инвентарѣ или въ рабочихъ путемъ взаимной ссуды того и другого. Въ южной Осетіи это любопытное явленіе связано съ фактомъ производства оранки съ многоголовою упряжью". [3]) „Аграрный коммунизмъ, отличавшій собой нѣкогда родовыя сооб-

---

[1]) Чубинскій, l. c. стр. 709—712.

[2]) Богишичъ. Юридическій бытъ болгаръ. Изложеніе Майнова. Зап. по Этнографіи, Т. IV, 1871, стр. 604 и далѣе. Fr. Krauss. Sitte und Brauch der Südslaven, Wien 1885, S. 151.

[3]) М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Москва, 1886, Т. I, стр. 112.

щества осетинъ, доселѣ присущъ ихъ семейнымъ общинамъ. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, говоритъ г-нъ Пфаффъ, ведется общественное хозяйство, жатва принадлежитъ всему обществу. Пользованіе запасами происходитъ въ формѣ заготовленія пищи для всѣхъ жителей двора и раздачи каждому изъ его членовъ продуктовъ общей пряжи и тканья. Въ другихъ дворахъ общинное пользованіе успѣло уже уступить мѣсто частному" [1]).

Въ высшей степени характерно выступаетъ принципъ, лежащій въ основѣ общиннаго владѣнія тамъ, гдѣ земледѣльческія работы требуютъ ряда подготовительныхъ трудовъ, выполнимыхъ лишь при коллективныхъ усиліяхъ. Борьба съ дѣвственнымъ лѣсомъ не подъ силу единичному человѣку. Если лѣсъ и даетъ первобытному человѣку пищу, обезпечиваетъ ему до извѣстной степени безбѣдное существованіе и безопасность отъ набѣговъ болѣе дикихъ собратьевъ, то съ другой стороны онъ держитъ его на ступени бродячаго охотника и даетъ ему возможность развиться и подняться надъ „первобытностью" лишь тогда, когда человѣкъ соединится съ человѣкомъ и вступить въ борьбу съ лѣсомъ. Расчистка лѣса для устройства жилищъ или же полей является дѣломъ въ высшей степени труднымъ и, поэтому, требуетъ коллективныхъ усилій всѣхъ обитателей данной мѣстности; прибавимъ къ этому еще то, что выжиганіе лѣса, „огневое хозяйство", служитъ прекраснымъ средствомъ для удобрѣнія почвы и что эти лѣсные „палы" практикуются въ громадныхъ размѣрахъ не только въ нашей Сибири и въ Европейской Россіи, но и во всѣхъ богатыхъ лѣсомъ странахъ; впрочемъ лѣса, равно какъ болота и степи выжигаются не только съ цѣлью очистить мѣсто и удобрить почву, но и съ цѣлью охоты [2]).

По недостатку удобной для хлѣбопашества земли, якуты съ нѣкотораго времени дружно принялись за расчистку рощъ и лѣсовъ подъ посѣвы хлѣба. Они составляютъ между собою съ этою цѣлью товарищества и въ свободное отъ другихъ занятій время рубятъ лѣса, выжигаютъ пни, вспахи-

---

[1]) Ковалевскій, l. c. стр. 115.

[2]) Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 35 и далѣе.

ваютъ землю и т. д. Расчищенное мѣсто составляетъ общую собственность трудящихся и переходитъ по наслѣдству ко всѣмъ потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя его расчищали [1]).

Тамъ, гдѣ почва страдаетъ недостаткомъ влажности, становится необходимымъ искусственное орошеніе ея. Но такое орошеніе, опять таки, мыслимо лишь при коопераціи заинтересованныхъ лицъ, и, дѣйствительно, изученіе видовъ искусственнаго орошенія знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ коопераций, основанныхъ въ концѣ концовъ лишь на томъ принципѣ, что участвовавшій въ общинномъ трудѣ eo ipso становится причастенъ ко всѣмъ общественнымъ благамъ и, такъ сказать, органически входитъ въ составъ общиннаго союза. Такимъ образомъ работы по орошенію являются вмѣстѣ съ тѣмъ и значительною организаціонною силою для первобытнаго сообщества. Въ наиболѣе грандіозномъ видѣ представляется намъ эта сила при изученіи оросительныхъ работъ у древнихъ египтянъ; мы возвратимся къ этому вопросу, однако, впослѣдствіи, когда передъ нами болѣе выяснится роль труда въ исторіи развитія человѣческаго сообщества. Укажемъ здѣсь лишь на то, что работы по искусственному орошенію производятся сообща у индусовъ; у нихъ „орошеніе представляетъ ту основу, на которой сооружается вся политическая и экономическая организація общества“ [2]). Интересно, что разрушеніе и оставленіе прудовъ объясняются не столько упущеньями строителей, сколько разложеніемъ сельскихъ общинъ [3]). Подобные же примѣры общинныхъ работъ по орошенію представляютъ намъ малайцы на Явѣ [4]); весьма интересны правила по части пользованія искусственнымъ орошеніемъ у персовъ [5]) и въ Закавказьѣ [6]). При проведеніи новаго арыка въ Киргизской степи въ Сыръ-Дарьинской области, практикуются слѣдующіе обычаи: изъ каждой кибитки той группы, которая рѣшилась на совмѣстную оросительную работу, выходятъ сообразно съ работою, по

---

[1]) Н. А. Костровъ. Юридическіе обычаи якутовъ. Зап. по Отд. Этнографіи, Т. VIII, 1878, стр. 285.

[2]) Зиберъ, стр. 54.

[3]) Ibid, стр. 55.

[4]) Letourneau, p. 152.

[5]) Dr. Polak. Persien, Leipzig, Brockhaus, 1865, B. II, S, 115 ff.

[6]) A. v. Haxthausen. Transkaukasien, B. I, S. 52 ff.

одному или болѣе работниковъ. Изъ орошенной земли каждая участвовавшая кибитка, слѣдовательно каждый пайщикъ (кумалакъ), получаетъ участокъ соразмѣрно съ числомъ выставленныхъ работниковъ, дней работы и вообще потраченному труду (михнатъ) [1]).

Но общій трудъ является объединителемъ и при созданіи построекъ и при выполненіи нѣкоторыхъ техническихъ работъ. Общими силами создаются постройки, напримѣръ, у гуроновъ въ Сѣверной Америкѣ [2]). При постройкѣ домовъ на Нукагивѣ полинезійцы оказываютъ другъ другу помощь [3]), если же домъ сооруженъ одними, напримѣръ, мущинами, то онъ для женщинъ „табу", т. е. онъ для нихъ недоступенъ; у эскимосовъ зимнія жилища строются обыкновенно общими силами и принадлежатъ болѣе или менѣе значительному числу туземцевъ совмѣстно [4]). Наши пермяки отличаются весьма развитымъ общиннымъ духомъ. Идея взаимной помощи проникаетъ всю ихъ жизнь. Въ прежнія времена они даже сообща выкупали своихъ сочленовъ изъ солдатчины, но и понынѣ почти всѣ хозяйственныя работы выполняются общинными помочами: если, напримѣръ, приходится ронять бревна, избу вздымать, печки бить, жать, пахать, боронить, косить, молотить, навозъ вывозить. Безъ помочи производится лишь посѣвъ, но и помочи бываютъ не всегда съ угощеньями [5]). Общинность пермяковъ доходитъ, по ироническому замѣчанію одного изслѣдователя, „до стадности", до утраты всякой иниціативы [6]), не даромъ, впрочемъ, мѣткая русская пословица говоритъ, что „пермяки другъ безъ друга ложки ко рту не подносятъ" [7]). У кореловъ общія помочи встрѣчаются при постройкѣ домовъ, вся деревня вывозитъ лѣсъ строющемуся [8]). Склонность къ совмѣстной производительности, артельное начало, довольно сильно вы-

[1]) Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы, стр. 103.

[2]) Waitz. Anthropologie, B. III, S. 129.

[3]) Langsdorff. Reise um die Welt, Frankfurt a/M. 1812, B. I, S. 110.

[4]) H. Rink. Tales and Tradition of the Eskimo, London, 1875, p. 7.

[5]) Н. Добротворскій. Поземельная община въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губ. Русская Мысль, 1884, сентябрь, стр. 56.

[6]) Добротворскій, стр. 55.

[7]) Ibid., стр. 54.

[8]) А. Ефименко. Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ. Зап. Этнограф. Отд., т. VIII, 1878, стр. 141.

ражены и у самоѣдовъ. Самоѣды либо сами составляютъ артели, либо же входятъ въ составъ артели русской [1]). Артельное начало проникло, однако, въ среду и тѣхъ изъ нашихъ инородцевъ, которымъ оно очевидно чуждо по всему характеру ихъ. Извѣстный изслѣдователь финскихъ племенъ, покойный В. Майновъ знакомитъ насъ [2]) съ земледѣльческими и переселенческими артелями мордвы, которые подъ предводительствомъ человѣка бывалаго, „келломаня", ухитряются и дешевле пробраться на мѣста заработка и относительно хорошо заработать. Порядокъ въ мордовской артели, какъ мы лично неоднократно въ этомъ убѣждались въ Поволжскомъ краѣ, образцовый; самое чувствительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма рѣдко примѣняемое наказаніе,—изгнаніе изъ артели. Точно также смыкаются при столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ въ одну тѣсно сплоченную общину черемисы; они ведутъ свои торговыя сношенія чрезъ посредство довѣреннаго „каштана" [3]). Надобно замѣтить, при этомъ, что благодаря такому способу черемисы болѣе или менѣе удачно уклоняются отъ тѣхъ обмановъ со стороны скупщиковъ, жертвою которыхъ столь легко становится отдѣльный темный крестьянинъ. Помочь употребляется у черемисъ, точно также какъ у русскихъ, при полевыхъ работахъ и при постройкѣ [4]). Но всѣ эти разрозненные примѣры кооперацій ничтожны въ сравненіи съ тою интензивностью и экстензивностью, съ которою выразилась кооперація со всѣми изъ нея вытекающими послѣдствіями у русскаго народа. Дѣйствительно, артели получили свое наиболѣе широкое распространеніе и наиболѣе глубокое жизненное значеніе среди русскихъ племенъ. Мы встрѣчаемъ ихъ и на отдаленномъ сѣверѣ, и въ южнорусскихъ губерніяхъ, и на Кавказѣ, и въ Сибири, мы находимъ эту форму общенія какъ среди славянскихъ племенъ, такъ и среди инородцевъ. Но особенно часто примѣняется артельное общеніе въ великорусскихъ губерніяхъ, по теченіямъ Волги,

---

[1]) А. Ефименко. Стр. 205.

[2]) В. Майновъ. Очеркъ юридическаго быта мордвы. Зап. Этнограф. отд., т. XIV. 1885, стр. 262 и далѣе.

[3]) A. v. Haxthausen. Studien über die innern Zustände Russlands. Hannover 1847, B. I, S. 444.

[4]) Н. Смирновъ. Черемисы, Казань, 1889, стр. 144.

Оки и Сѣверной Двины [1]). Древнерусскій типъ артели сводится къ двумъ основнымъ цѣлямъ и группамъ: потребительнымъ и производительнымъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы хотя приблизительно опредѣлить число русскихъ артелей и ихъ членовъ, „но можно, безъ боязни впасть въ ошибку, утверждать, что наши народныя потребительныя артели считаютъ членовъ своихъ милліонами, а промышленныя, по крайней мѣрѣ, сотнями тысячъ“ [2]). Подводя артели подъ двѣ общія группы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, должны указать и на то, что артели въ то же время представляютъ поистинѣ удивительное разнообразіе подвидовъ, что есть артели торговыя, биржевыя, промысловыя, рыболовныя, артели дрягилей, плотниковъ, каменьщиковъ, извозчиковъ, даже нищихъ и т. п. [3]). Словомъ, нѣтъ почти такой области промысла и борьбы съ жизнею, гдѣ бы смѣтливый великоруссъ не съумѣлъ приложить свои излюбленные артельные пріемы. Но это разнообразіе въ приложеніи кооперативнаго труда, представляемое нашей родной картиною, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ послужить намъ прототипомъ для всѣхъ тѣхъ безконечно разнообразныхъ коопераціи, которыя мы встрѣчаемъ въ болѣе или менѣе развитой формѣ у всѣхъ народовъ міра.

Мы уже выше указывали на то, что въ основѣ совмѣстнаго владѣнія лежитъ совмѣстный трудъ. Поэтому-то для насъ особенно важны указанія на то, что даже при временныхъ артельныхъ коопераціяхъ и при помочахъ общія трапезы играютъ выдающуюся роль. Безъ общаго пиршества рѣдко гдѣ мыслимы помочи. Въ этой совмѣстной трапезѣ сотрудниковъ какъ бы отражается право каждаго отдѣльнаго члена на извѣстную долю изъ того, что добыто общимъ трудомъ. Тамъ, однако, гдѣ общинный духъ достигъ извѣстной степени развитія, эти общіе пиры становятся дѣломъ обыденнымъ и являются видимою связью, объединяющей членовъ коопераціи. Книдяне и родосцы колонизировали острова Липарскіе, но такъ какъ имъ приходилось много терпѣть отъ тиренскихъ пиратовъ, то они, какъ разсказываетъ Діодоръ

---

[1]) А. Исаевъ. Артели въ Россіи. Дополненіе къ V тому Всеобщей Геогр. Реклю, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 233.

[2]) А. Исаевъ, l. c., 237.

[3]) С. Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи. т. I, 1877, стр. 254.

Сицилійскій „вооружили суда для защиты себя отъ этихъ вторженій и раздѣлились на два отдѣльные класса; одинъ былъ обязанъ воздѣлывать земли острова, объявленныя общею собственностью; другимъ была ввѣрена забота о защитѣ. Сложивъ такимъ образомъ въ одно цѣлое всю свою собственность и питаясь совмѣстно на публичныхъ столахъ, жители островов жили сообща въ теченіи многихъ лѣтъ“ [1]). Обычай общественныхъ столовъ былъ распространенъ въ Италіи и въ Греціи. Общіе столы встрѣчались у енотріоновъ, опиковъ, хорійцевъ на берегахъ Япигіи, у жителей нѣкоторыхъ кантоновъ Бруціума и Луканіи, на островѣ Критѣ, у спартанцевъ какъ sussitia, узаконеные общіе столы, за которыми засѣдали всѣ граждане и даже цари, и какъ copis, традиціональные общинные пиры, въ которыхъ участвовали даже пришлые чужеземцы; въ Аѳинахъ существовали пританеи; въ Римѣ каждая курія имѣла залу для пиршества, а всѣ куріи общую залу [2]). Въ Китаѣ въ прежнія времена общій столъ раздѣляли 700 человѣкъ принадлежавшихъ къ одному семейству [3]). У другихъ народовъ эти общественные пиры не имѣютъ столь выработаннаго характера. Однако, у эскимосовъ, какъ нами уже указано было выше [4]), пойманный китъ или тюлень являлся добычею для всей общины; уклоненіе отъ этого правила дѣлалось только тогда, когда потребности самихъ охотниковъ были слишкомъ велики и настоятельны [5]). Во всякомъ случаѣ, если существуетъ въ поселеніи хотя бы одинъ кусокъ мяса, онъ считается общимъ достояньемъ, но при раздѣлѣ его прежде всего принимаются во вниманіе больные, вдовы и неспособные къ работѣ люди [6]).

Весьма близко къ подобнымъ установленіямъ подходятъ и тѣ факты, которые мы сообщали уже выше относительно гостепріимства, такъ какъ дружелюбіе заурядъ выражается въ общей трапезѣ, въ томъ, что люди вмѣстѣ хлѣбъ—соль ѣдятъ [7]). Примѣры раздѣла охотничьей добычи между сочле-

---

[1]) Віоле. Первоначальная недвижимая собственность, стр. 16.

[2]) Ibid, стр. 16—20.

[3]) Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 131.

[4]) См. выше, стр. 334.

[5]) Rink. Tales and Traditions of the Eskimos, p. 27.

[6]) Klutschak. Als Eskimo unter den Eskimos, Hartleben, Wien 1881, S. 232.

[7]) Klutschak, S. 70.

нами общины и пришельцами, ищущими гостепріимства, точно также уже были приведены нами [1]). Укажемъ, наконецъ, на тотъ общеизвѣстный фактъ, что совмѣстное пиршество считается необходимымъ символомъ объединенія при всевозможныхъ союзахъ, сборищахъ и празднествахъ. На Пелаускихъ островахъ туземцы образуютъ такъ называемыя клöббергели, группы въ 30—40 человѣкъ, въ которыя они вступаютъ съ малолѣтства; въ программу этихъ группъ входятъ не только нѣкоторыя общественныя работы: какъ напримѣръ, сооруженіе большихъ домовъ, судовъ, шитье парусовъ, крученье канатовъ, ловля большихъ рыбъ, но и устройство большихъ празднествъ, сопряженныхъ съ угощеньемъ [2]). У бурятъ члены загороди работаютъ, а зачастую и обѣдаютъ сообща; эти общія трапезы происходятъ при всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда зарѣзывается баранъ, когда наконецъ, „устраиваются общинныя, всеулусныя жертвенныя трапезы и оргіи“ [3]). Братскіе пиры существовали, однако, и у нашихъ южно-русскихъ братствъ; такіе пиры устраивались или въ день патрональнаго праздника или въ другой большой праздникъ и совершались иногда даже въ церкви [4]).

Пиршества при общинныхъ жертвоприношеніяхъ и религіозныхъ празднествахъ представляютъ опять таки явленіе, можно сказать, интернаціональное. У остяковъ общія моленія и жертвоприношенія богамъ сопровождаются общимъ пиршествомъ, причемъ съѣдаютъ оленей, заколотыхъ шаманами [5]). У черемисовъ встрѣчаются также общія моленія, сопровождаемыя пиршествами [6]); при этомъ старики составляютъ смѣту расходовъ и дѣлаютъ раскладку ихъ по деревнямъ и домамъ [7]). Подобную же кооперацію въ устройствѣ общихъ моленій мы отмѣчаемъ у мордвы. Совершенно справедливо Майновъ замѣчаетъ, что общіе „моляны“, а также „салтанъ-штатольцы“ мордвы носятъ на себѣ всѣ признаки древнихъ братчинъ и

---

[1]) См. выше, стр. 292 и далѣе, 334 и далѣе.
[2]) Semper. Die Palau-Inseln, Leipzig, Brockhaus 1873, S. 72 ff.
[3]) Щаповъ. Бурятская улусная родовая община, стр. 138 и далѣе.
[4]) А. Ефименко. Южно-русскія братства. Слово, 1880, сентябрь, стр. 191.
[5]) Castrén. Ethnologische Vorlesungen, S. 111.
[6]) Смирновъ. Черемисы, стр. 103 и гл. V.
[7]) Смирновъ, стр. 142.

отнюдь не заимствованы мордвою у русскихъ. Ко дню общаго „моляна“ всѣ семьи готовятъ извѣстныя кушанья, припасаютъ куръ и вносятъ подворно, сообразно съ количествомъ душъ, извѣстную лепту на покупку жертвенныхъ барановъ, быковъ или коровъ. Ни одна семья не имѣетъ права съѣсть свои припасы, а всѣ должны выложить ихъ и затѣмъ уже ѣдятъ сообща. Куры убиваются въ честь боговъ каждой семьею отдѣльно, а бараны, быки или коровы приносятся въ жертву жрецами отъ имени всѣхъ присутствующихъ. Почти на тѣхъ же основаніяхъ устраивается и „салтанъ-штатольцъ“, свѣча, которая зажигается въ честь нарождающагося и затѣмъ освобождающагося отъ обуявшей его черной силы юнаго бога, бога огня, плодородія и добра, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бога защитника и воителя. Кадка, которая служитъ вмѣстилищемъ свѣчи, ежегодно возобновляется и стоитъ по очереди то на томъ, то на другомъ дворѣ. Посреди кадки укрѣплена толстая веревка, свитая изъ льняной пряжи; въ этомъ фитилѣ столько пасмъ, сколько дворовъ на селѣ, такъ какъ каждый дворъ приноситъ свою пасму. Смотря по достаткамъ и по усердію жертвователь бросаетъ въ кадку то или другое количество перваго добытаго имъ воску. Въ русско-турецкую войну у мордвы горѣли штатольцы въ 20—25 пудовъ вѣса чистаго воска, что стоило по мѣстнымъ цѣнамъ отъ 250 до 300 рублей. Подобные штатольцы зажигаются также въ праздники старухъ, дѣвицъ, парней, равно какъ и по случаю общественныхъ бѣдствій; такъ во время знаменитаго самарскаго голода горѣлъ сборный штатольцъ въ 40 пудовъ воску [1]).

Такого рода сборныя жертвоприношенія мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ, имѣющихъ, помимо семейныхъ, домовыхъ или личныхъ божествъ, божества общія. Эти представители общности племенъ, зачастую живущихъ порознь и, такъ сказать, въ разбродъ, утрачиваются лишь тогда, когда неумолимая культура разбиваетъ естественныя экономическія основы той дивной солидарности и гуманности первобытнаго человѣка, о которыхъ свидѣтельствовали предшествующія страницы. Такъ томскія самоѣды, подобно многимъ другимъ остяцкимъ и самоѣдскимъ племенамъ, имѣли въ свое время идоловъ,

---

[1]) В. Майновъ. Очеркъ Юридическаго быта мордвы, стр. 260 и далѣе.

которые принадлежали цѣлымъ племенамъ или родамъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до путешествія Кастрена по землямъ самоѣдовъ и остяковъ существовалъ подобный „лозъ“ въ Карбинскихъ юртахъ на рѣкѣ Кети [1]). Въ тоже время у остяковъ есть фетиши личные, которые даже умираютъ одновременно съ обладателями ихъ [2]). У древнихъ египтянъ было можно сказать столько религій, сколько областей, каждая область, каждый городъ имѣлъ своего бога, служившаго, такъ сказать, объединителемъ для мѣстнаго населенія [3]).

---

[1]) Castrén. Reisen, Akademische Ausgabe, B. II, S. 171. — Ethnologische Vorlesungen, S. 108.

[2]) Castrén. Reisen, B. II, S. 171.

[3]) Meyer. Geschichte des alten Aegyptens, 1887, S. 31 f.

Глава XVI.

Принципъ труда и частная собственность.

Общинное и частное владѣніе.—Трудъ какъ регуляторъ общественныхъ отношеній.—Индивидуальный трудъ и индивидуальная собственность.—Принципъ труда въ жизни русскаго народа.—Взгляды первобытнаго человѣка на поземельную собственность.—Причины разложенія общиннаго порядка.—Возможная будущность общины и принципъ ассоціаціи силъ.—Воспитательное значеніе труда.—Примѣръ древняго Египта.

Многочисленные примѣры общиннаго владѣнія и общиннаго труда, изученные нами въ предыдущей главѣ, сами собою наводятъ насъ на слѣдующія заключенія:

Общинное владѣніе не представляетъ чего либо органически присущаго природѣ первобытнаго человѣка,—этотъ порядокъ естественнымъ образомъ возникаетъ изъ общиннаго труда на томъ уровнѣ культуры, гдѣ функціи и интересы лицъ, вступившихъ, въ виду бо́льшаго успѣха въ борьбѣ съ природою, въ кооперацію, болѣе или менѣе одинаковы. Общинное владѣніе и общинный трудъ являются результатомъ приспособленія къ мѣстнымъ естественнымъ условіямъ и, въ силу приспособленій къ этимъ условіямъ, конечно, весьма различнымъ, не могутъ представить какой либо схемы, такъ сказать, обязательной для всего человѣчества на извѣстномъ уровнѣ культуры. Тамъ, гдѣ условія благопріятствуютъ развитію общиннаго духа, онъ дѣйствительно проникаетъ собою всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь данной группы; тамъ, гдѣ въ силу географическихъ и историческихъ условій поощряются индивидуалистическія наклонности, общинность никогда не достигаетъ особаго развитія. Такимъ образомъ мы

не можемъ допустить того, чтобы человѣчество начало свою жизнь съ болѣе или менѣе оформленнаго общиннаго владѣнія; напротивъ того, мы разсматриваемъ всякій болѣе или менѣе оформленный общинный порядокъ какъ болѣе высокую и довольно исключительную форму гражданскаго развитія.

Нетрудно убѣдиться въ вѣрности этихъ положеній, если противопоставить другъ другу общинное и частное владѣнія. У эскимосовъ существуетъ три вида собственности: данная группа эскимосовъ владѣетъ сообща зимнимъ жилищемъ, требующимъ общихъ усилій для своего сооруженія, продуктами китобойнаго промысла или вообще всякой значительной охотничьей добычей, являющейся результатомъ общинной охоты или же соотвѣтствующей потребностямъ всей общины. Во владѣніи одной или нѣсколькихъ, но не болѣе трехъ родственныхъ семей состоятъ: лѣтнія жилища, большія лодки, сани, вся хозяйственная утварь, лампы, деревянныя блюда, каменные горшки и т. д.; наконецъ, пищевые запасы на два или три мѣсяца въ виду того, что семья можетъ на время отдѣлиться отъ всего рода съ цѣлью охоты, сюда же относится и нѣкоторый запасъ предметовъ для обмѣна. Третій разрядъ собственности составляетъ собственность личная, къ которой относится одежда, оружія, каюки, лодки, предназначенныя только для одного лица и принадлежащіе къ каюку снаряды для морскихъ промысловъ [1]). Этотъ примѣръ можетъ служить прототипомъ для цѣлаго ряда подобныхъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ намъ принципъ общиннаго и частнаго владѣнія. То, что соотвѣтствуетъ общимъ потребностямъ, что вырабатывается сообща или чѣмъ завладѣваютъ сообща, является общиннымъ достояніемъ; то, что присуще единичной личности и можетъ быть воспроизведено личнымъ трудомъ, является частнымъ имуществомъ.

У бразильскихъ дикарей, по Марціусу, существуютъ также три вида собственности: общею собственностью орды или племени является все пространство земли, захваченной имъ. Изъ этой общей земли одна или нѣсколько семей могутъ занять большій или меньшій участокъ, очистить его отъ лѣса и засѣять его маисомъ, мандіоккою, пизангомъ, хлоп-

[1]) Rink. Tales and Traditions of the Eskimos, London, 1875, p. 9 и далѣе

чатникомъ и т. д. Безъ желѣзныхъ орудій обработка такихъ полей сопряжена была, конечно, съ большими затрудненіями; затрата труда вознаграждалась, однако, тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовалась частная собственность, отмѣченная трудомъ, въ глазахъ дикарей. Марціусу никогда не приходилось слышать о похищеніи полевыхъ плодовъ. О дикаряхъ въ Куманѣ, разсказывается, что они ограждали свои посѣвы тѣмъ, что обводили вокругъ нихъ нити изъ хлопчатой бумаги или же ліану; у юрисовъ Марціусъ наблюдалъ нѣчто подобное. Собственностью нѣсколькихъ семей можетъ явиться общее жилище; въ этомъ жилищѣ, однако, каждая семья имѣетъ свое опредѣленное мѣсто. Домашняя утварь, глиняная посуда, приборы для приготовленія муки, гамаки и т. п. рѣдко составляютъ общую собственность всѣхъ семей, насѣляющихъ общее жилище; въ большинствѣ случаевъ каждая семья владѣетъ подобными предметами. Частную собственность, наконецъ, составляютъ для мужчинъ оружія и украшенія, для женщинъ украшенія и, если онѣ таковыми обладаютъ, одежды; впрочемъ и одежда у нихъ служитъ лишь для украшеній [1]).

Несомнѣнно, что трудъ играетъ выдающуюся роль въ опредѣленіи вида собственности. Исключенія намъ представляютъ лишь тѣ группы, въ которыхъ права индивидуальности болѣе или менѣе поглощены общиннымъ порядкомъ, а съ другой стороны, такія гражданскія общества, въ которыхъ первичныя правовыя отношенія совершенно затемнѣны абстрактными юридическими формулами. Конечно, и въ первобытномъ строѣ трудовой принципъ не является чѣмъ либо абсолютнымъ, такъ какъ первобытный строй вообще не представляетъ собою ничего упорядоченнаго и выработаннаго. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію и то, что трудъ выступаетъ на первичныхъ ступеняхъ человѣческаго сообщества, какъ наиболѣе существенный регуляторъ общественныхъ отношеній.

Мы говорили уже о томъ, что у бразильскихъ дикарей личный трудъ, вложенный въ общественную землю, выдѣляетъ ее изъ общей собственности; частною собственностью она

[1]) v. Martius. Von dem Rechtszustande der Ureinwohner Brasiliens, München, 1832, S. 34 ff.

остается, пока ее не покинутъ люди, обрабатывающіе ее [1]). То же самое мы встрѣчаемъ въ сѣверной Америкѣ у ирокезовъ [2]). На побережьѣ Сіерра-Леоне, у негровъ кру, существуетъ общинное землевладѣніе, однако же участки, расчищенные и обработанные личными усиліями, принадлежатъ трудившимся на нихъ и ихъ потомству, пока они продолжаютъ обрабатывать свой участокъ; передать его они, впрочемъ, не имѣютъ права. Если народъ рѣшается уступить участокъ земли чужеземцамъ подъ факторію или плантацію, то онъ при этомъ опять-таки исходитъ изъ той мысли, что земля возвращается къ общинѣ, какъ скоро чужеземецъ умретъ или уѣдетъ [3]). Земли, оставшіяся необработанными переходятъ, у кафровъ, вновь къ вождю племени [4]). Кто, у муссоронговъ, приспособитъ пальму къ выцѣживанію сока на пальмовое вино, тотъ и владѣетъ ею [5]). Кто, у богосовъ, выкопаетъ колодезь, тотъ вѣчно владѣетъ имъ [6]); тотъ же обычай соблюдается у бери-амеровъ [7]).

Если богосъ найдетъ внѣ жилыхъ или воздѣланныхъ мѣстъ улей дикихъ пчелъ, то онъ принадлежитъ ему, если же кто либо встрѣтитъ счастливца, то обычай требуетъ, чтобы тотъ его угостилъ до сыта медомъ; въ случаѣ отказа встрѣтившій его имѣетъ право проколоть копьемъ мѣхъ, въ которомъ заключается медъ [8]). Кто у австралійцевъ находитъ мѣсто, приспособленное птицами для высиживанія яицъ, получаетъ на нихъ первое право. Если австраліецъ въ Австраліи или кубу на Суматрѣ, нашелъ въ лѣсу соотвѣтствующее его цѣлямъ дерево, онъ дѣлаетъ въ немъ зарубку, отмѣчая такимъ образомъ то, что онъ его уже нашелъ; дерева этого не касается никто изъ его сродичей [9]). До русскаго владычества въ киргизской степи земля не считалась личною

[1]) v. Martius. Von dem Rechtszustande etc., S. 36.

[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 129.

[3]) Wilson. West-Afrika, Leipzig 1862, S. 101.

[4]) Zeitschrift für Ethnologie, B. XIV, S. 211.

[5]) Post. Afrikanische Jurisprudenz, S. 172.

[6]) Munzinger. Ueber die Sitten und das Recht der Bogos, Winterthur 1859, S. 70.

[7]) Munzinger. Ostafrikanische Studien, Schaffhausen 1884, S. 318.

[8]) Munzinger. Ueber die Sitten und das Recht der Bogos etc., S. 70.

[9]) A. Bastian. Der Papua des dunklen Inselreiches, Berlin, Weidmann 1885, S. 129.

*

собственностью. Она принадлежала данному лицу только до тѣхъ поръ, пока онъ на ней находился и ее обрабатывалъ. До сихъ поръ въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области — земля не переходитъ по наслѣдству [1]). Въ Никарагуѣ сыновья получаютъ наслѣдство поровну, лишь тотъ, кто болѣе другихъ помогалъ зарабатывать состояніе, наслѣдуетъ большую долю (Bancroft) [2]). На Филиппинскихъ островахъ, у бикоменговъ, земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ и переходитъ по наслѣдству къ его дѣтямъ; если же участокъ не будетъ обрабатываться впродолженіи двухъ лѣтъ, то право личной собственности на него теряется [3]). Вниманія заслуживаютъ тѣ случаи, когда трудъ ненамѣренно затраченъ на чужой землѣ. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ посѣявшій свой хлѣбъ на чужой землѣ отнюдь не теряетъ всей жатвы; собственникъ земли беретъ себѣ часть ея въ возмездіе за пользованіе его собственностью, а часть уступаетъ въ уплату за трудъ, приложенный къ ней (Domenech). Подобныя же постановленія мы находимъ въ сборникѣ по инородческому праву Самоквасова. „У нерчинскихъ тунгусовъ въ обычаѣ, чтобы хозяинъ луга отдалъ косившему самовольно на его землѣ одну треть сѣна и, притомъ, что употреблено на харчи и питье не останется втунѣ [4])“. Если у мордвы кому нибудь случится засѣять чужую землю, то хозяинъ земли сниметъ хлѣбъ, обмолотитъ и отдастъ сѣмена [5]).

Въ высшей степени характерной формѣ выразилось почитаніе труда у русскаго народа [6]). Вслѣдствіе этого наше

---

[1]) Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы, стр. 102.

[2]) Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 273.

[3]) F. Jagor. Reise in den Philippinen, Berlin 1871, S. 125.

[4]) Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры, стр. 273.

[5]) Майновъ. Юридическій бытъ мордвы, стр. 203.

[6]) Споръ о значеніи трудоваго начала въ жизни русскаго народа послужилъ, какъ извѣстно, темой для весьма оживленныхъ пререканій между различными авторами. Мы не можемъ здѣсь, конечно, углубиться во всѣ подробности этого въ сущности чисто юридическаго спора. Достаточно указать, что съ одной стороны П. Чубинскій утверждаетъ, что „трудъ народъ считаетъ единственнымъ справедливымъ способомъ для пріобрѣтенія собственности“. (П. Чубинскій. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи. Записки по отд. Этн. Т. II, 1869, стр. 681). Въ томъ же духѣ высказывается Оршанскій: „всякія абстрактныя правовыя и другія начала должны уступить мѣсто идеѣ труда со всѣми ея послѣдствіями“. (Цит. у С. Пахмана,

крестьянство до настоящаго времени держится весьма своеобразныхъ взглядовъ на собственность. Но эти взгляды, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ сходятся съ указанными уже воззрѣніями другихъ народовъ, ближе стоящихъ къ природѣ. Крестьянинъ не считаетъ, напримѣръ, порубку чужого лѣса, въ особенности казеннаго, преступленіемъ: на лѣсъ не употреблено человѣческаго труда. Съ другой стороны „бортяное дерево признается неприкосновеннымъ, потому что на него положенъ трудъ“ [1]). Уголовная статистика показываетъ, что самовольныя лѣсныя порубки даютъ огромный процентъ

Обычное гражданское право въ Россіи. С.-Петербургъ, 1877, Т. I, стр. 47 примѣчаніе). Наконецъ г-жа Ефименко предсказываетъ трудовому началу побѣду надъ всѣми другими началами (А. Ефименко, Изслѣдованіе народной жизни. Москва, 1884, вып. I, стр. 138). Съ другой стороны М. Кулишеръ горячо утверждаетъ, что, „такое начало, какъ трудовое, совершенно немыслимо въ тѣхъ народныхъ слояхъ, въ которыхъ складывалось обычное право, такъ какъ трудовое начало рѣшительно противорѣчитъ основному воззрѣнію на трудъ, на производительную дѣятельность, преобладающему въ этихъ народныхъ слояхъ“ (М. Кулишеръ. Очерки сравнительной Этнографіи и культуры. С.-Петербургъ 1887 г. стр. 16). Въ текстѣ мы намѣренно останавливались нѣсколько долѣе на примѣрахъ, говорившихъ въ пользу того великаго почета, которымъ не только русскій народъ, но едва-ли не всѣ народы міра окружаютъ „трудовое начало“. Этому нисколько не противорѣчатъ тѣ опасенія предъ новшествомъ и то пристрастіе къ жеребью въ сколько нибудь затруднительныхъ случаяхъ, на которыя указываетъ г-нъ Кулишеръ. Среди силъ, регулирующихъ общественныя отношенія первобытныхъ людей, трудъ играетъ, конечно, не исключительную, но во всякомъ случаѣ наиболѣе выдающуюся роль. Что касается до юридической стороны вопроса, то она, какъ намъ кажется, вполнѣ правильно разъяснена уже почтеннымъ С. В. Пахманомъ: „нѣтъ конечно нужды доказывать экономическое значеніе труда въ дѣлѣ пріобрѣтенія и накопленія имуществъ“, говоритъ онъ. „Справедливо также, что при низкомъ уровнѣ экономической жизни народа трудъ является не только главнымъ, но и почти единственнымъ источникомъ или орудіемъ добыванія средствъ жизни... Не подлежитъ также сомнѣнію, что, по тѣсной связи экономическихъ условій быта съ областью права, трудъ находитъ себѣ обширное примѣненіе и въ сферѣ правоотношеній, составляющихъ предметъ гражданскаго права... Однако труду не можетъ быть усвоено самостоятельное юридическое значеніе, съ одной стороны потому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда за трудъ полагается вознагражденіе, право на такое вознагражденіе сводится не къ самому труду, а къ другимъ юридическимъ основаніямъ, каковы сдѣлка, порученіе, недозволеніе обогащаться на счетъ чужаго ущерба и т. п., а съ другой стороны потому, что трудъ, самъ по себѣ, не всегда ведетъ къ праву на вознагражденіе, а разсматривается иногда только какъ дѣйствіе, нарушающее чужое право, напримѣръ, когда кто либо эксплоатируетъ въ свою пользу землю завѣдомо принадлежащую другому лицу“. (С. Пахманъ, обычное право и т. д. Т. I, стр. 43—47).

[1]) П. Чубинскій. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи. Зап. на отд. этнографіи, т. II, 1869, стр. 681.

преступленій, а между тѣмъ, по всей вѣроятности, лишь ничтожная часть этого рода преступленій доходитъ до вѣдома властей [1]). Г-жа Ефименко ссылается въ своемъ интересномъ изслѣдованіи: „о трудовомъ началѣ въ народномъ обычномъ правѣ“ на то, что взгляды крестьянъ на общедоступность лѣса какъ бы поддерживались колебаніями нашего законодательства въ вопросахъ объ охранѣ лѣса [2]). Однако и въ эпоху наиболѣе энергическихъ преслѣдованій противъ лѣсоистребленія, когда при Петрѣ Великомъ пойманныхъ на порубкѣ лѣса распинали на деревьяхъ, не удалось измѣнить этихъ воззрѣній народа. Такіе же взгляды на лѣсъ и на плоды деревъ мы встрѣчаемъ у лужицкихъ сербовъ и хорватовъ [3]). „Земля не продуктъ труда человѣка; слѣдовательно, на нее не можетъ быть того безусловнаго и естественнаго права собственности, какое имѣетъ трудящійся на продуктъ своего труда. Вотъ то коренное понятіе“. говоритъ г-жа Ефименко, „къ которому могутъ быть сведены воззрѣнія народа на земельную собственность“ [4]) земля — мірская, да Божія; поэтому не можетъ быть права частной собственности на землю, а можетъ быть право пользованія землею, которое дается трудомъ, въ нее вкладываемымъ [5]).

Весьма справедливо князь А. Васильчиковъ указываетъ на то, что „понятіе о поземельной собственности, которое служило въ другихъ странахъ краеугольнымъ камнемъ общественности, въ русской землѣ издревле и до новѣйшихъ временъ такъ шатко и смутно, что едва проникало въ сознаніе народа и правителей. Владѣніе, какъ фактъ, какъ заимка земель, лежащихъ впустѣ, составляло, повидимому, очень твердую основу; давность освящала это право, земля считалась принадлежностью того обывателя — хлѣбопашца, рыболова или звѣролова, который на ней сидитъ, и пространство, владѣнія опредѣлялось тоже фактическимъ пользованіемъ объемомъ эксплуатаціи (!). Очевидно, что эта черта не составляетъ особенности нашего русскаго быта и что она встрѣчается у всѣхъ народовъ при первобытномъ ихъ водворенія

[1]) Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. Москва, 1884 стр. 145.
[2]) Ефименко, стр. 144.
[3]) Ibid, стр. 148.
[4]) Ibid, стр. 139.
[5]) А. Ефименко, стр. 141.

въ ненаселенныхъ мѣстахъ; но нигдѣ, какъ въ Россіи, она не сохранилась такъ долго, не пережила въ смутномъ сознаніи народа эпоху гражданскаго и государственнаго устроенія, нигдѣ право собственности не было такъ шатко, и право владѣнія, напротивъ, такъ твердо, какъ у насъ [1])". Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ, дѣйствительно, весьма ярко отражаются особенности воззрѣнія русскаго народа на поземельную собственность.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего лѣснаго сѣвера, гдѣ держится еще подсѣчное хозяйство, отдѣльныя лица очищаютъ себѣ куски земли изъ подъ лѣса и обрабатываютъ ее. Эта земля не должна поступать въ общинный передѣлъ, прежде чѣмъ, по приблизительному разсчету, не окупитъ владѣльцу потраченный на нее трудъ; до тѣхъ поръ она, слѣдовательно, находится въ частномъ пользованіи [2]). Въ Томской губерніи земля, оставленная для отдыха, если даже не обрабатывается впродолженіи десяти лѣтъ, считается всетаки состоящею во владѣніи того, кто ее расчистилъ, пахалъ и засѣвалъ прежде, въ томъ предположеніи что „для первоначальнаго приготовленія ея подъ хлѣбопашество онъ долженъ былъ употребить не малые труды". За самовольную распашку такой земли, виновный обязывается уплатить хозяину цѣнность найма такого же количества земли, какое онъ самовольно распахалъ [3]). У югозападныхъ славянъ, каж-

[1]) Кн. А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европ. государствахъ. С.-Петербургъ, 1876. Т. I, стр. 297 и 298.

[2]) Ефименко, стр. 143. Г. Кулишеръ иронически замѣчаетъ, что вышеприведенный фактъ заимствованъ г-жею Ефименко изъ газетной корреспонденціи и обращаетъ вниманіе ея на работу Лалоша, „Сельская община въ Олонецкой губерніи". Отечеств. Зап. 1874, февраль, которая будто бы совершенно противорѣчитъ взглядамъ г-жи Ефименко (Кулишеръ. Очерки, стр. 15). Однако-жъ именно въ упомянутой статьѣ своей Лалошъ буквально подтверждаетъ слова г-жи Ефименко: „что касается сѣнокосовъ, расчищенныхъ отдѣльными домохозяевами, не считающихся платежными, то они или вовсе не передѣляются, находятся въ пользованіи того, кто ихъ обработалъ, или, если и поступаютъ въ передѣлъ, то не ранѣе—не то ревизіи, не то 40 лѣтъ пользованія, или, наконецъ, по усмотрѣнію сельскаго схода могутъ быть передѣлены и раньше". Въ томъ-же смыслѣ высказывается и знатокъ народной жизни въ Олонецкой губерніи, С. А. Приклонскій (Народная жизнь на сѣверѣ. Москва, 1884, стр. 171 и далѣе).

[3]) Ефименко, стр. 143. О трудовомъ началѣ у сибирскихъ крестьянъ говоритъ С. Марусинъ. Купля-продажа крестьянскихъ земель въ Тобольской губ., Сибирскій Сборникъ. 1887.

дый, кто займетъ лежащую впустѣ, необрабатываемую землю, пріобрѣтаетъ право владѣнія на нее трудомъ, вкладываемымъ въ эту землю.

Въ народѣ ясно воззрѣніе на трудъ, какъ на одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія собственности, говоритъ А. Титовъ. Больное животное поступаетъ, по выздоровленіи, во владѣніе того, кто его выходилъ, а не того, кому оно принадлежало ранѣе, даже если оно досталось бы первому владѣльцу по наслѣдству. Если въ убитую птицу стрѣляли двое, то она должна дѣлиться пополамъ. Если кто по ошибкѣ нарубитъ дровъ въ чужомъ лѣсу, то возвращаетъ ихъ хозяину, но не платитъ денегъ по стоимости дровъ. Сдѣлавшій по ошибкѣ посѣвъ на чужой полосѣ, получаетъ отъ хозяина ея обратно затраченныя сѣмена (тоже у мордвы, см. выше стр. 356) [1]). Множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ высоко народъ чтитъ чужой трудъ, приводится г-жою Ефименко, въ указанномъ трудѣ ея. Вознаграждается не только трудъ, но и рабочее время: по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, виновный удовлетворяетъ обиженнаго, между прочимъ, и за прогульные дни по случаю процесса, разыскиваніе украденнаго и т. д.; даже женихъ требуетъ отъ невѣсты, нарушившей свадебный договоръ, вознагражденія за рабочій день, потраченный на проѣздъ къ ней. Въ Сибири, при находкѣ домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, пчелиныхъ роевъ, всегда соображается: сдѣлана ли находка случайно, слѣдовательно безъ всякаго труда со стороны нашедшаго, или же онъ предпринималъ для отысканія какой нибудь трудъ, напримѣръ, ѣздилъ куда нибудь, отвлекался отъ домашнихъ занятій и т. п. [2]). Кража скошеннаго сѣна на лугу, хлѣба на полѣ на нашемъ сѣверѣ явленіе совершенно исключительное. Часто богатая промысловая добыча бросается гдѣ нибудь въ лѣсу или на морскомъ берегу, но къ ней никто не притронется, если на ней мѣтка [3]).

Еще характернѣе выражается это преклоненіе народа

---

[1]) А. Титовъ. Юридическіе обычаи села Никола-Перевоза Ростовскаго уѣзда, Ярославль. 1888, стр. 72.

[2]) Ефименко, стр. 151.

[3]) Ефименко, стр. 144.

предъ трудомъ въ вопросѣ о наслѣдственныхъ правахъ. Въ нашей крестьянской средѣ трудъ оказывается критеріемъ болѣе существеннымъ, чѣмъ кровное родство. Родные сыновья, не работавшіе въ домѣ отца, устраняются иногда отъ наслѣдства, тогда какъ другія лица, участвовавшія, такъ сказать, въ созиданіи двора, получаютъ свою долю въ наслѣдствѣ, не смотря на то, что они не состоятъ въ кровномъ родствѣ съ умершимъ [1]). Если-же родные сыновья, хотя и не наравнѣ съ прочими членами, принимали участіе въ общихъ работахъ, то и наслѣдственная часть ихъ находится въ зависимости отъ мѣры участія ихъ въ пріобрѣтеніи этого имущества. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ начало кровнаго родства уступаетъ мѣсто болѣе справедливому началу — трудовому; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполнѣ устраняются отъ наслѣдства сыновья, не работавшіе на домъ. Тамъ гдѣ нѣтъ труда, нѣтъ и владѣнія; кто трудился, тотъ имѣетъ право на добытое трудомъ соразмѣрно съ количествомъ и качествомъ потраченнаго имъ на общесемейную пользу личнаго труда. Право на участіе въ имуществѣ наравнѣ съ прочими членами семьи получаетъ посторонній, принятый въ семью, лишь тогда, когда онъ проживетъ и проработаетъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, обыкновенно лѣтъ около десяти, „хотя и тутъ нѣтъ опредѣленной нормы, вслѣдствіе склонности народа къ преслѣдованію не формальной, а индивидуальной правды“ [2]). Если пріемышъ, зять-примакъ или пасынокъ желаютъ выдѣлиться или, по какимъ либо причинамъ, устраняются отъ наслѣдства, они получаютъ вознагражденіе, соотвѣтствующее затраченному ими труду. Во всѣхъ подобныхъ вопросахъ рѣшающее значеніе имѣетъ, впрочемъ, отнюдь не воля отца или завѣщателя, а мірская совѣсть. Въ большинствѣ мѣстностей и незаконорожденные призываются къ наслѣдству, если они участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ [3]). Трудовой принципъ, какъ доказываетъ г. Тютрюмовъ, даетъ себя чувствовать и въ правахъ женщины на наслѣд-

[1]) Н. Тютрюмовъ. Крестьянское наслѣдственное право. Слово. 1881, февраль, стр. 47, 68, 82, 83. Ефименко, стр. 153 и далѣе.

[2]) Ефименко, l. c., стр. 157. Тютрюмовъ, l. c., стр. 46, 48.

[3]) Тютрюмовъ, l. c., стр. 77 и далѣе.

ство [1]). Право труда на владѣніе столь несомнѣнно для ума крестьянина, что сербскіе хозяева мѣняютъ своихъ работниковъ, покрайней мѣрѣ, два раза въ десятъ лѣтъ, такъ какъ человѣкъ, проработавшій десятокъ лѣтъ на землѣ, получаетъ уже извѣстное право на нее [2]).

Такимъ образомъ намъ приходится констатировать глубокую рознь между воззрѣніями людей болѣе или менѣе первобытныхъ и культурныхъ на собственность вообще и на поземельную собственность въ частности. Эта рознь отражается не только въ непониманіи тѣхъ условій, которыя особенно дороги человѣку, сохраняющему въ цѣлости и святости правовыя взгяды предковъ, она оказываетъ свое пагубное вліяніе и при всѣхъ непосредственныхъ столкновеніяхъ людей первобытныхъ съ насадителями европейской культуры. Между европейцами, вторгающимися въ чужія страны, и туземцами, исконими владѣтелями этихъ странъ, всюду возникаютъ раздоры въ виду различныхъ ихъ взглядовъ на способы пріобрѣтенія собственности. Дикарь готовъ продать свой участокъ, хотя бы разъ пять подъ рядъ, нисколько не подозрѣвая того, что онъ поступаетъ нечестно; напротивъ того, дикарь радуется, какъ дитя, тому, что европеецъ, столь превосходящій его во всѣхъ отношеніяхъ, въ концѣ концовъ все же оказывается такимъ простякомъ, что платитъ болѣе или менѣе щедро за то, что не стоитъ никакой платы. Если же вслѣдъ затѣмъ европеецъ не вступитъ въ пользованіе своими угодьями, дикарь ихъ опять отбираетъ назадъ, такъ какъ по его міровозрѣнію угодье стало бы дѣйствительною собственностью европейца лишь тогда, когда бы въ него вложенъ былъ трудъ. Не мало такихъ недоразумѣній, вызываемыхъ зачастую едва ли не намѣренно, колоніальная исторія отмѣчаетъ, напримѣръ, для Новой-Зеландіи и для нашей Сибири.

Неоднократно уже мы могли убѣждаться въ томъ, что трудъ, какъ регуляторъ общественныхъ отношеній, является величиною весьма полезною. Члены первобытной коопераціи весьма легко упорядочиваютъ свои взаимныя обязанности, придерживаясь прежде всего, если и не исключительно, критеріума труда. Положимъ, что съ обыденной точки зрѣнія

[1]) Тютрюмовъ, l. c., стр. 53 и далѣе.

[2]) Ефименко, стр. 149.

первобытная община, лишенная ближайшей дифференцировки и держащаяся исключительно на какихъ то темныхъ традиціональныхъ обычаяхъ и предразсудкахъ, представляетъ собою явленіе до нѣкоторой степени странное. „Въ любомъ муравейникѣ больше порядка и власти, чѣмъ у тѣхъ народовъ, о которыхъ я писалъ“, восклицаетъ патеръ Гумилла, говоря объ индѣйцахъ области Ориноко. Несравненно удачнѣе, однако, характеризируетъ этотъ, повидимому столь неупорядоченный строй другой — старинный изслѣдователь Шарльвуа, замѣчая объ индѣйцахъ Сѣверной Америки, что они безъ видимыхъ властителей пользуются всѣми выгодами благоустроеннаго правительства [1]). Для изслѣдователя, впервые сталкивающагося съ подобными явленіями, самое существованіе такого строя кажется парадоксомъ: „Прибрежные чукчи обходятся безъ какой либо достойной упоминанія религіи, безъ гражданскаго порядка, безъ главы“, восклицаетъ знаменитый путешественникъ Норденшёльдъ. „Если бы примѣръ американскихъ полярныхъ народовъ не научилъ насъ лучшему, то мы могли бы предположить, что у такого въ буквальномъ смыслѣ слова безбожнаго сброда анархистовъ нѣтъ помина о безопасности личности и имущества, нѣтъ границъ для безнравственности и нѣтъ болѣе слабому защиты отъ болѣе сильнаго. Но это столь мало сходится съ истиною, что здѣсь была бы невозможна даже статистика преступленій, за неимѣніемъ таковыхъ, если только исключить насилія, совершаемыя въ опьяненномъ состояніи“ [2]). Едва ли, однако, намъ нужно останавливаться на безчисленныхъ показаніяхъ путешественниковъ, говорящихъ съ изумленіемъ и почтеніемъ о гуманности и справедливости первыхъ общеній человѣка. Всѣ предыдущія страницы и нашъ основной взглядъ на природу первобытнаго человѣка служатъ свидѣтелями въ пользу существованія подобныхъ порядковъ и вполнѣ опровергаютъ старинное ученіе о хищности и свирѣпости первобытныхъ людей.

Но мы не думаемъ, конечно, идеализировать первобытныхъ людей и ихъ порядки. Мы можемъ симпатизировать этимъ по-

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 246, 247.

[2]) Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, Leipzig, Brockhaus 1882, B. II, S. 135, 136.

рядкамъ, видя въ нихъ зачатки будущаго, зачатки, вполнѣ способные къ дальнѣйшему развитію. Мы должны ими интересоваться, какъ исходною точкою нашихъ современныхъ порядковъ. Но мы не должны также и вооружаться противъ нихъ, не должны ломать и истреблять ихъ во имя прогресса. Необходимо помнить, а это относится, конечно, и къ нашей столь симпатичной и интересной сельской общинѣ, что подобные порядки возникаютъ и продолжаютъ существовать лишь какъ приспособленія къ извѣстнымъ экономическимъ и соціальнымъ формамъ развитія, и что они рушатся и исчезнутъ, какъ только измѣнится экономическая и общественная основа данной народной группы. Достаточно вспомнить, что общинный порядокъ представляется намъ въ формахъ и оттѣнкахъ безконечно разнообразныхъ и безконечно измѣнчивыхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что мы не имѣемъ дѣла съ шаблонною рамкою, въ которую можно было бы втиснуть и закрѣпить человѣчество, а, напротивъ того, съ типичнымъ приспособленіемъ человѣка къ даннымъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Нечего и думать, поэтому, о томъ, чтобы сохранить общину въ ея первичномъ или современномъ видѣ. Все, что мы можемъ сдѣлать, симпатизируя общиннымъ порядкамъ, это выслѣдить и изучить переходы общинныхъ организмовъ къ современнымъ порядкамъ культурнаго общества. Подобный переходъ дѣйствительно совершается почти незамѣтно и въ небольшихъ размѣрахъ на западѣ Европы и, поэтому, можетъ служить прообразомъ для странъ, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Россіи, общинность несравненно болѣе развита.

Мы говоримъ о томъ нормальномъ переходѣ общинниковъ къ современной формѣ коопераціи, къ производительной ассоціаціи, который, можно наблюдать въ нѣкоторыхъ кантонахъ восточной Швейцаріи. Однако же нормальный переходъ общины къ болѣе высокой культурной ступени, пользующейся полнымъ правомъ гражданства и имѣющей передъ собою обширнѣйшую будущность, остается дѣломъ исключительнымъ и требуетъ несомнѣнной и дающейся только вѣковою культурою выдержки со стороны общинниковъ. Какъ ни тѣсно сплочена община, какъ ни закалена она въ вѣковой борьбѣ съ природою и съ историческими невзгодами и какъ ни легко приспособить порядокъ ея ко всѣмъ техни-

ческимъ усовершенствованіямъ настоящаго времени[1]), судьба ея тѣмъ не менѣе предрѣшена[2]). Община беззащитна предъ тою страшною силою, которая преобразовывала не только разрозненныя и первобытныя общины, но цѣлыя государства и народы, которая надломила силы злѣйшаго врага общинности, феодализма, и нынѣ властвуетъ надъ всѣмъ міромъ,—эту силу мы видимъ въ индустріальномъ міровомъ хозяйствѣ. Въ самомъ индустріализмѣ, однако, возрастаетъ и крѣпнетъ новое направленіе, зиждущееся на той же идеѣ равноправности и товарищества, которую оберегала въ теченіи столькихъ столѣтій община;—эта ассоціація рабочихъ силъ, вначалѣ дифференцировавшихся и индивидуализировавшихся сообразно спеціальностямъ. Не мѣсто здѣсь, конечно, говоритъ о значеніи ассоціаціи силъ. Ей принадлежитъ будущность въ міровомъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ мы намѣтили одновременно и возможную будущность общинныхъ порядковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главную причину ихъ разложенія.

Та же сила, которая когда-то свела, сплотила и объединила первобытнаго человѣка, тотъ трудъ, успѣхи котораго при соединеніи силъ были такъ очевидны и который послужилъ регуляторомъ общественныхъ отношеній, способствуетъ и разъединенію людей.

Въ постепенномъ развитіи своемъ трудъ все болѣе и болѣе дифференцируется, а съ разностью функцій устанавливается и разность потребностей элементовъ коопераціи, вносится въ кооперацію разложеніе.

Частная собственность развивается, а общинное владѣніе распадается, конечно, не только благодаря процессу индивидуализаціи труда. Данная эволюція совершается подъ вліяніемъ цѣлаго ряда другихъ причинъ. Но между силами, способствующими индивидуализаціи человѣка, а слѣдовательно, и большему проявленію частной собственности, какъ симптому индивидуализаціи, первенствующая роль принадлежитъ именно дифференцированному труду. Разбирая вопросъ о разложеніи общиннаго землевладѣнія М. Ковалевскій[3])

---

[1]) Вопросъ о совмѣстимости общинныхъ порядковъ съ улучшеніями хозяйства рѣшенъ въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для общины.

[2]) E. Petri. Die Gemeindewirthschaft und der Bauer in Russland, S. 24.

[3]) М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе. Москва. 1879.

прежде всего отличаетъ причины самопроизвольныя и искусственныя, причемъ, примѣромъ послѣднихъ является непосредственное столкновеніе двухъ весьма отличныхъ другъ отъ друга культуръ [1]). Основную причину разложенія общины Ковалевскій видитъ „въ паденіи въ средѣ родственниковъ сознанія ихъ кровнаго единства“ [2]). Но, конечно, подобное ослабленіе родственныхъ чувствъ есть опять-таки фактъ вторичный и не болѣе какъ симптомъ общаго процесса индивидуализаціи. Впрочемъ, мы еще возвратимся къ этому предмету, когда ближе изучимъ основы кровнаго родства и вопросъ объ индивидуализаціи семьи, или, другими словами, вопросъ о болѣе строгомъ опредѣленіи кровнаго родства, идущаго, по нашему мнѣнію, рука объ руку съ развитіемъ частной собственности. Укажемъ здѣсь лишь на то, что М. Ковалевскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ объ „общинномъ землевладѣніи“, не только поставилъ вопросъ объ изученіи общины на подобающую ему интернаціональную почву, но и отмѣтилъ, что въ исторической смѣнѣ формъ собственности всѣ болѣе общіе виды медленно и постепенно уступаютъ мѣсто болѣе частнымъ категоріямъ ея, владѣніе землею у звѣроловной и рыболовной коопераціи смѣняется владѣніемъ рода, послѣднее формою владѣнія подраздѣленій рода и т. д., до собственности индивидуума включительно. Съ точки зрѣнія процесса постепенной индивидуализаціи предметовъ обладанія обыденное категорическое дѣленіе собственности на два противоположные вида,—общую и частную, въ дѣйствительности сводится къ дѣленію ея на цѣлый рядъ, незамѣтно переходящихъ другъ въ друга видовъ, представляющихъ болѣе общую собственность по отношенію ко всѣмъ болѣе частнымъ и болѣе частную собственность по отношенію ко всѣмъ болѣе общимъ ея видамъ. Говоря иначе, то рѣзко выраженное и какъ бы окаменѣвшее качественное различіе между общею и частною собственностью, которое является господствующимъ въ настоящее время, могло установиться не иначе, какъ въ результатѣ продолжительнаго процесса генетическаго преобразованія общей собственности въ частную,

---

[1]) См. выше, стр. 151 и далѣе.

[2]) М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ. Москва. 1886, т. I, стр. 128.

между отдѣльными ступенями котораго существуютъ только количественныя различія [1]). Прибавимъ еще, что г. Ковалевскій разсматриваетъ упомянутое свое сочиненіе, какъ обстоятельное развитіе высказанной имъ уже въ работѣ „Очеркъ распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ (Лондонъ, 1876)“ мысли, „что распаденіе общиннаго землевладѣнія происходило и происходитъ подъ вліяніемъ столкновеній, въ которыя рано или поздно приходятъ интересы состоятельныхъ и несостоятельныхъ членовъ общины, съ одной стороны, и выдѣлившихся изъ общинъ частныхъ владѣльцевъ съ остающимися въ общемъ владѣніи лицами съ другой“ [2]). Точно также авторъ отдаетъ и нѣкоторую дань принципу раздѣленія труда, хотя онъ въ своемъ „Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ“ и раскаивается въ этомъ [3]). Не будемъ говорить здѣсь о томъ значеніи, которое онъ придаетъ зажиточному, дворянскому классу, религіозно-ученому сословію, ремесленникамъ и торговцамъ, вождямъ и т. д., такъ какъ мы должны прежде всего познакомиться съ возникновеніемъ этихъ общественныхъ элементовъ.

Возвратимся къ вопросу о раздѣленіи труда и попытаемся прослѣдить на одномъ изъ классическихъ примѣровъ все великое значеніе этого общественнаго переворота.

Всѣмъ извѣстно на сколько зависитъ благосостояніе Египта отъ Нила. Египетъ, дѣйствительно, является прежде всего „даромъ Нила“. Мы имѣли уже выше случай говорить о томъ, насколько обособленность долины рѣки Нила, при прочихъ благопріятствующихъ человѣку обстоятельствахъ, способствовала возникновенію культуры [4]). Осѣвшія здѣсь племена должны были тѣмъ не менѣе, приняться за серьезную и неустанную работу, чтобы обезпечить себѣ возможность проживанія въ этой столь благодатной долинѣ. Рѣка Нилъ, по мѣткому выраженію извѣстнаго оріенталиста Бругша, напоминаетъ собою восточнаго деспота: вздумается ему, онъ осыпетъ милостями, а захочетъ — все разоритъ и погубитъ.

[1]) См. прекрасную рецензію книги Ковалевскаго, помѣщенную Н. И. Зиберомъ въ Юрид. Вѣстникѣ 1880, стр. 675—692.

[2]) М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе, стр. 3.

[3]) М. Ковалевскій. Современный обычай и древній законъ, стр. 129.

[4]) См. выше, гл. X.

Достаточно незначительнаго повышенія воды противъ нормы, повышенія въ 12 вершковъ, чтобы пришлось опасаться самыхъ страшныхъ разрушеній, а недостатокъ воды при климатѣ Египта опять-таки равносиленъ безплодію. Для плодороднаго года достаточно 22 градусовъ нилометра[1]) (10 метровъ, во времена Геродота достаточно было 16 градусовъ). Но отъ правильности всѣхъ отправленій Нила зависитъ не только судьба урожая, но и судьба всей долины. Не будь потока, эта долина была бы занесена песками пустыни. Такимъ образомъ, первобытнымъ обитателямъ Египта приходилось, прежде всего, преодолѣть рѣку, заключить ее въ систему плотинъ, регулировать наводненія, отвести воду изъ одного мѣста, гдѣ ее было слишкомъ много, провести въ другое, гдѣ ея не было, противостоять каждому измѣненію въ завоеванной собственнымъ трудомъ плодоносной почвѣ и постоянно быть на стражѣ предъ грозною пустынею[2]). Но въ этой борьбѣ съ Ниломъ и съ окружающей природою, въ этой борьбѣ, которая увѣнчивалась наилучшимъ успѣхомъ, обитатели Нильской долины сами крѣпли и развивали свою наблюдательность, точность и изобрѣтательность, равно какъ и свои общественныя отношенія. Необходимо было прежде всего изучить періодичность явленій Нила; необходимо было знать, когда начнетъ наполняться Нилъ, когда рѣка достигнетъ наивысшаго и наинисшаго уровня своего, такъ какъ соотвѣтственно этому распредѣлялись всѣ работы. Эти явленія были весьма естественно приведены въ связь съ явленіями небесными и египтяне достигли такимъ образомъ удивительныхъ для своего времени астрономическихъ познаній, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, орнаменты потолковъ ихъ храмовъ и гробницъ[3]). Необходимо было далѣе сооруженіе цѣлаго ряда гидрографическихъ приспособленій, водопроводовъ, водокачекъ, плотинъ и т. д., необходима была опредѣленная мѣра длины для распредѣленія плодоносныхъ участковъ между населеніемъ, весьма быстро достигшемъ значительной густоты; размежеванія эти должны были происхо-

---

[1]) H. Stephan. Das heutige Aegypten, Leipzig, Brockhaus 1872, S. 27.

[2]) Meyer. Geschichte des alten Aegyptens, Berlin, Grote 1887, S. 25.

[3]) J. Dümichen. Geschichte des alten Aegyptens, Berlin, Grote 1879, S. 17, 18) приводитъ литературу по этому вопросу.

дить едва-ли не ежегодно, такъ какъ межевыя знаки уничтожались наводненіями [1]). На этихъ-то работахъ развилась замѣчательная техника древнихъ египтянъ, развились и ихъ художественныя способности и наклонности, благодаря которымъ они создали архитектуру и скульптуру, если и не абсолютно самостоятельныя, то, во всякомъ случаѣ, крайне своеобразныя и едва-ли мыслимыя въ какой-либо другой странѣ. Та размѣренность и точность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грандіозность, которыя столь характерны для всѣхъ памятниковъ древняго Египта, представляются намъ отраженіемъ трудовой жизни ихъ творцовъ.

Но эти громадныя работы и сооруженія могли, именно въ виду ихъ громадности, создаваться лишь при коопераціи весьма значительныхъ массъ. Природа „этой самой узкой въ мірѣ страны", была такова, что въ Нильской долинѣ существовало необычайно густое населеніе [2]), а густота населенія есть уже сама по себѣ залогъ для дифференцированія функцій и для упорядоченія гражданскихъ отношеній обитателей данной страны. Но работа, предстоящая этому населенію, при всей своей грандіозности была именно такова, что могла быть произведена лишь по общему плану, подъ единичнымъ, строго централизированнымъ руководствомъ. Подобно тому, какъ на войнѣ и въ этой борьбѣ съ природою необходимы былъ точный планъ дѣйствія и строгое руководство массы. Понятно, поэтому, что въ Египетскомъ народѣ рано развился духъ дисциплины, почтеніе къ законамъ и къ установленіямъ страны. Въ противоположность древнимъ культурамъ греческой, италійской, сирійской, персидской и германской Египетъ не зналъ свободныхъ крестьянъ. Египтяне типичнѣйшіе крестьяне, но въ силу указанныхъ условій они никогда не были свободными [3]).

Съ другой стороны, для руководительства массами, для выработки плана общихъ работъ необходимы были выдаю-

---

[1]) Dümichen. S. 19.

[2]) Египтологи увѣряютъ, что населеніе древняго Египта въ періодъ наивысшаго расцвѣта превосходило современное населеніе численностью; между тѣмъ, Египетъ понынѣ занимаетъ выдающееся положеніе по густотѣ своего населенія: въ Верхнемъ Египтѣ приходится на квадр. километръ 242 человѣка, въ Нижнемъ — 247 челов., на перешейкѣ и въ оазисахъ 1419 чел.

[3]) E. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens, S. 25.

щіяся познанія, громадный опытъ и, наконецъ, недюжённыя способности, рѣдкія даже въ нашъ культурный вѣкъ. Знаніе вскорѣ стало великою общественною силою. Отъ знанія руководителей зависѣла жизнь и будущность всего народа. Такимъ образомъ, самою экономическою жизнею выдвинута была извѣстная умственная аристократія, и эта аристократія, почувствовавшая въ своихъ рукахъ власть и охваченная обаяніемъ власти, приложила со своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы выдѣлить себя еще болѣе изъ толпы, чтобы оградить свое знаніе, обезпечивавшее ей всѣ жизненныя преимущества, сдѣлать его достояніемъ своихъ близкихъ людей, своей касты. Знаніе это, источникъ всѣхъ жизненныхъ благъ, было ими облечено въ таинственные покровы; оно являлось чѣмъ то сверхестественнымъ, оно сообщалось избранникамъ путемъ божественнаго откровенія; люди знающіе были въ то же время посредниками между божествами и толпою, жрецами. Въ ихъ рукахъ такимъ образомъ сосредоточивалась власть физическая и духовная. Самою высшею и самою могущественною аристократіею была духовная аристократія древняго Египта. „Весь государственный строй и всѣ общественныя отношенія, обычаи и узаконенія, науки и искусства, находились въ тѣснѣйшомъ общеніи съ религіею и въ такой зависимости отъ нея, какъ ни у одного другаго народа древняго міра“ [1]). Предъ жрецами-учеными преклонялась толпа, всегда готовая раболѣпствовать передъ сильнымъ, повиноваться желающимъ повелѣвать и трепетать передъ таинственнымъ и непонятнымъ. Но имъ воздавали полную честь и самые блестящіе умы того времени, къ нимъ ходили на поклоненіе и у нихъ искали поученія греческіе мыслители, родоначальники нашей европейской культуры. Наконецъ, они съумѣли подчинить и представителей высшей внѣшней власти, своихъ царей, не смотря на то, что они же ихъ окружали чисто восточнымъ великолѣпіемъ и воздавали имъ божескія почести [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ древніе египтяне, такъ сказать, силою самихъ обстоятельствъ были приведены къ строю, совершенно отличному отъ всѣхъ вышеприведенныхъ нами картинъ. Условія труда создали здѣсь иныя отношенія

---

[1]) Dümichen. Geschichte des alten Aegyptens, S. 20.

[2]) Dümichen. S. 23.

между людьми. Мы готовы признать, что примѣръ древняго Египта является довольно исключительнымъ по своей ясности. Правъ Карлъ Риттеръ, говоря, что „какъ бы далеко не заходила исторія, мы понынѣ не знаемъ еще другаго культурнаго народа, обитающаго по берегамъ одного изъ главныхъ потоковъ, въ исторіи котораго до такой степени ясно отразилась бы мѣстная природа земли, у котораго бы природа отечества выступила столь несомнѣнною обусловливающею силою въ развитіи внѣшнемъ и внутреннемъ, какъ у народа древнихъ египтянъ... Вѣроятно, именно поэтому во всей исторіи человѣчества одинъ лишь разъ выступили особенности исторіи развитія Египта и при этомъ они могли совпасть съ культурою, пріуроченной къ бассейну рѣки Нила, тогда какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ великаго земнаго шара они должны были бы стать иными“ [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ яркимъ примѣромъ мы можемъ себѣ легко представить, какъ и въ другихъ менѣе выраженныхъ или болѣе сложныхъ случаяхъ дифференцированный трудъ вносилъ рознь въ функціи и жизненныя потребности людей и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся ферментомъ для дальнѣйшаго развитія человѣческаго сообщества. Почва для пониманія и разработки подобныхъ переходовъ нами уже дана.

---

[1]) C. Ritter. Afrika; Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, Th. I, B. I, S. 876, 877.

*

Глава XVII.

Первобытный строй и международныя торговыя сношенія.

Вліяніе международныхъ сношеній на развитіе общества. — Представители общества. — Монополизація торговыхъ сношеній. — Пошлины. — Общественное положеніе торговцевъ. — Вліяніе торговли на первобытные нравы, на выработку представительства, частной собственности и капитализма. — Развитіе торговли при помощи средствъ обращенія. — Потребительная стоимость: скотъ, мѣха, рыба, металлы, матеріи и вкусовыя вещества, употребляемые какъ деньги. — Значеніе предметовъ эстетическаго и мистическаго характеровъ. — Потребительная стоимость замѣняется символомъ ея. — Значеніе штемпеля вѣса и герба. — Чеканенная монета и ея ухудшеніе. — Бумажныя деньги и наивысшая идеализація потребительной стоимости. — Взглядъ Н. И. Зибера на развитіе денегъ. — Заключеніе.

Въ исторіи развитія международныхъ сношеній лежитъ великая культурная сила. Расширеніе этихъ сношеній преобразуетъ внѣшній обликъ нашей земли; эти сношенія налагаютъ на тѣ страны, которыхъ они коснулись, печать культуры. Благодаря колоссальной энергіи и экспансивности европейцевъ, другія части свѣта, такъ сказать, европеизируются. Мѣняется ихъ растительное, животное и человѣческое населеніе, а вслѣдствіе этого возникаетъ не мало перемѣнъ въ орографическомъ, гидрографическомъ и климатологическомъ характерѣ ихъ. Но усиленныя сношенія представляются исходною точкою и весьма многочисленныхъ печальныхъ явленій; приходя въ соприкосновеніе съ насадителями культуры, первобытные народы начинаютъ разлагаться, на нашихъ глазахъ; они опускаются все ниже и ниже, а иногда и совершенно исчезаютъ,—примѣры такого рода представляютъ намъ

индѣйцы Сѣверной Америки, многочисленныя племена Сѣверной Азіи, полинезійцы и другіе народы. Тѣмъ не менѣе, мы должны признаться, что культурная цѣнность международныхъ сношеній съ точки зрѣнія общечеловѣческой выше личныхъ бѣдствій того или другого народа или же цѣлыхъ народныхъ группъ.

Весьма понятно, что подобная грандіозная сила, какъ международныя сношенія, должна явиться однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ преобразователей первобытныхъ порядковъ. Мы видѣли, что въ трудѣ, который свелъ людей въ общину, лежатъ всѣ задатки къ тому, чтобы раздѣлить ихъ. Общность труда объединила людей; спеціализація труда вновь раздѣляетъ ихъ. Но эта спеціализація труда, возникновеніе которой среди условій первобытныхъ мы изучили на классическомъ примѣрѣ Египта, поощряется въ сильнѣйшей степени именно международными сношеніями. Поэтому мы необходимо должны обратиться къ тѣмъ измѣненіямъ въ первобытной общинѣ, которыя возникаютъ при столкновеніи общинниковъ съ внѣшнимъ міромъ.

Община всюду стремится къ тому, чтобы упростить свои сношенія съ внѣшнимъ міромъ и мы видѣли уже выше, какъ охотно она возлагаетъ производство подобныхъ сношеній на довѣренное лицо, на представителя общины [1]). Но весьма понятно, что въ рукахъ подобнаго представителя сосредоточиваются, на счастіе или на горе тѣхъ, кого онъ представляетъ, всѣ жизненныя отправленія ихъ по отношенію къ внѣшнему міру. Понятно, что тамъ, гдѣ начали расшатываться основы общиннаго духа, или же тамъ, гдѣ онѣ никогда не имѣли возможности пустить болѣе глубокіе корни, эти представители не упустятъ случая укрѣпить за собою ту власть и тотъ почетъ, которыми они весьма естественно пользуются въ своемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, всѣ сношенія и главнымъ образомъ торговля съ чужеземцами крайне упрощаются, благодаря такому представительству. Тамъ же, гдѣ уже существуютъ старѣйшины или короли, не великъ и скачекъ отъ представительства въ сношеніяхъ съ чужеземцами къ монополизированію ихъ.

---

[1]) См. выше, стр. 346.

Пышно разрослись подобныя монополіи среди негровъ, столь склонныхъ къ деспотизму [1]). Муата Казембе монополизировалъ всю торговлю. Въ Дагомеѣ торговля золотомъ, серебромъ, кораллами, оружіемъ и порохомъ составляютъ монополію короля и однимъ лишь каббоссирамъ (вождямъ) разрѣшается торговать извѣстными предметами, какъ напримѣръ, табакомъ и водкою (Вальдесъ). Въ Занзибарѣ продажа пороху составляетъ монополію султана (Вильсонъ и Фелькинъ). Въ Бамбукѣ старѣйшины деревни, фаримы, опредѣляютъ цѣну золота, продаваемаго чужеземцамъ; фаримъ же является маклеромъ, въ торговыхъ дѣлахъ своей деревни; онъ заключаетъ торговые договоры (Гольберри). Въ Сулиманѣ король монополизировалъ всю торговлю (Ленгъ). Повидимому и на полинезійскихъ островахъ торговля ведется главнымъ образомъ чрезъ посредство или даже въ интересахъ ихъ [2]). Въ Сіамѣ еще недавно торговля составляла монополію короля. Въ Тонкинѣ, въ періодъ независимости, одни китайцы обладали правомъ на торговлю, и это право принадлежало имъ въ виду той гегемоніи, которой Китай всегда пользовался по отношенію къ Аннаму. Китайцы пользовались этимъ правомъ на ярмаркахъ и базарахъ, въ горномъ дѣлѣ и въ промышленности и поддерживали короля въ пользованіи его доходной монополіею, въ торговлѣ рисомъ [3]). Мысль о возможности монополизаціи удивительно близка была правителямъ Индокитайскихъ земель во всѣ времена. Въ Аннамѣ и въ Бирмѣ господствовали въ свое время монополіи въ торговлѣ рисомъ и хлопчатникомъ [4]). Въ Бразиліи торговыя сношенія также ведутся чрезъ посредство вождей [5]).

У нуткасовъ торговля велась чрезъ посредство старѣйшины, распоряженія его подвергались, однако, еще контролю нѣкоторыхъ семействъ [6]). Ту же картину представляетъ намъ государство Марокко [7]), точно также какъ древній Египетъ или даже Египетъ подъ управленіемъ Магомета-Али. Подобный

---

[1]) Post. Afrikaniche Jurisprudenz, S. 275 f.

[2]) Ratzel. Völkerkunde, B. II, S. 350.

[3]) Ratzel, l. c., B. III, S. 488.

[4]) Ibid, B. Ш, S. 489.

[5]) Martius. Ethnographie, S. 14.

[6]) Lafitau. Moeurs des sauvages américains, p. 303.

[7]) Maltzan. Im Nordwesten von Afrika, Leipzig 1863, B. IV, S. 130 f.

же примѣръ представляетъ намъ правительственная торговля московскихъ царей съ англичанами и другими народами [1]).

Вступая въ сношенія съ чужеземными торгашами или же вообще съ людьми, желающими пройти чрезъ страну, представители племени, или же его главы, обезпечиваютъ имъ полную личную безопасность и неприкосновенность имущества. Но эта защита пріобрѣтаетъ, по мѣрѣ того какъ вырабатывается власть представителя, оттѣнокъ неизбѣжнаго зла. Если на первобытной ступени чужеземецъ, не внушающій опасеній, былъ огражденъ отъ какихъ бы то ни было насилій священнымъ правомъ гостепріимства, а торговцы пользовались правомъ безпрепятственнаго прохода [2]), то при болѣе развитыхъ общественныхъ порядкахъ, огражденіе чужеземца становится необходимостью, и вслѣдствіе этого чужеземецъ долженъ платить за свою безопасность. На первобытной ступени господствуетъ обычай обмѣниваться подарками; здѣсь эти подарки замѣняются совершенно узаконенною данью. Торговецъ преслѣдуетъ, однако, свои собственные интересы, пріучая представителя племени или вождя къ подаркамъ. Онъ такимъ образомъ располагаетъ его въ свою пользу. Такъ поступаютъ всюду европейцы. У народовъ кру жители свободны отъ податей и налоговъ; лишь капитаны кораблей, посѣщающихъ страну для торговыхъ сношеній, обязаны дѣлать вождямъ подарки (Вильсонъ). Точно также въ Южной Гвинеѣ нѣтъ ни государственныхъ доходовъ, ни обложенія пошлиною; но за то въ обычаѣ подарки вождю или королю со стороны чужихъ кораблей [3]). Энергическій шагъ впередъ въ эксплуатаціи торговцевъ представляютъ намъ уже слѣдующія установленія: въ округѣ Мвуми въ Угого каждый мелкій вождь взимаетъ съ проходящихъ чрезъ его область каравановъ настолько высокій „гонга“ (пошлину), что за нѣсколько дневныхъ переходовъ онъ часто составляетъ отъ 20—25% стоимости всего товара (Вильсонъ и Фелькинъ). Въ Бонду пошлины, взимаемыя съ путешественниковъ, весьма значительны. Почти въ каждомъ городѣ приходится отдавать цѣлый вьюкъ осла, тюкъ

[1]) Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. стр. 383.
[2]) См. выше стр. 292 и 304.
[3]) Post. Afrikanische Jurisprudenz etc., S. 262.

европейскихъ товаровъ, а въ Фаттекондѣ, въ резиденціи короля, требуется ружье и шесть бутылокъ пороха, какъ обыденная пошлина (Паркъ). Въ Гондорѣ, въ Абессиніи, взимается пошлина со всѣхъ товаровъ прибывающихъ изъ заграницы при входѣ въ городъ. Эта пошлина состоитъ изъ десяти талеровъ съ каждаго вьюка мула или осла и съ половины этой суммы съ каждаго носильщика, независимо отъ качества или цѣнности товара (Рюппель) и т. д. [1]).

Обмѣнъ продуктовъ данной страны на продукты иноземные обусловливаетъ собою то, что поставщиками послѣднихъ являются обыкновенно чужеземцы [2]). Сношенія первобытныхъ народовъ съ внѣшнимъ міромъ устраиваются такимъ образомъ при помощи представителей народовъ чуждыхъ, но эти чуждые торговцы вмѣстѣ съ тѣмъ стоятъ выше по культурѣ своей и ведутъ уже болѣе или менѣе развитыя торговыя сношенія съ своими сосѣдями. Они отличаются по своей внѣшности и по своимъ обычаямъ и воззрѣніямъ отъ родной обстановки дикаря, и это, одновременно съ ихъ хлопотливымъ трудолюбіемъ и алчнымъ исканіемъ заработка, которыя такъ чужды дикарю, обусловливаютъ брезгливое пренебреженіе дикаря по отношенію къ чужеземному торгашу; къ этому присоединяется еще вполнѣ достойная презрѣнія беззащитность и трусливость торгаша, вѣчно дрожащаго изъ за своего имущества и забывшаго благородное ремесло воина. Поэтому-то положеніе чужеземнаго торговца въ общинѣ часто крайне невыгодно, но таково же заурядъ отношеніе общины и къ торговцамъ, вышедшимъ изъ роднаго племени. У веръ-сингелльцовъ (сомали) они относятся на ряду съ кузнецами къ классу паріевъ, которые могутъ найти себѣ женъ лишь среди своего собственнаго класса (Гильдебрандтъ) [3]). Однако же Мехика отнюдь не составляетъ исключенія, какъ это изображаетъ Летурно [4]), по тому почету, которымъ пользовались въ ней торговцы. Положеніе торговцевъ въ древней Индіи въ третьей кастѣ „вайсія“, послѣ воиновъ, „кшатрія“ и жрецовъ, „брахмановъ“, отнюдь нельзя

---

[1]) Post, l. c., S. 268, 269.

[2]) Много цѣнныхъ примѣровъ въ этомъ духѣ собрано М. Кулишеромъ, стр. 219, 220.

[3]) Post, l. c., S. 171.

[4]) Letourneau. Dictionnaire des Sciences anthropologiques, p. 327.

было назвать плохимъ въ особенности, съ того времени когда выяснилось что „рахнія“, царскіе, какъ обозначали себя аристократы и воины, подчинились священнослужителямъ [1]). Что касается Абессиніи, то мы можемъ противопоставить замѣчанію Летурно тотъ фактъ, что и здѣсь торговцы состоятъ въ третьемъ классѣ послѣ благородныхъ (владѣтелей наслѣдственныхъ леновъ) и жрецовъ и что они высоко почитаются (Ферре) [2]).

Въ Дагомеѣ весь народъ раздѣляется на слѣдующіе классы: 1) солдаты, 2) купцы, 3) носильщики тяжестей и ремесленники; сословіе купцовъ пользуется наивысшимъ почетомъ (Лабартъ) [3]). У бракуасовъ (мавровъ) гассаны, воины, занимаютъ первое мѣсто въ странѣ; за ними слѣдуютъ марабуты, жрецы, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ торговлю. Затѣмъ слѣдуютъ сенаги, крѣпостные, и ларатины, рабы (Кайлье) [4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что сношенія съ внѣшнимъ міромъ вносятъ совершенно новую жизнь въ орду. Эти сношенія приносятъ съ собою чуждые нравы и обычаи, заурядъ стоящіе несравненно выше первобытной общинности, а новыя воззрѣнія разлагаютъ все то, что освящено стариною. Эти сношенія выдѣляютъ силою обстоятельствъ изъ равноправной общины представителей массы, обладающихъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ на своихъ сродичей, а, въ концѣ концовъ, и профессіональныхъ торговцевъ, абсолютно враждебныхъ всякому общинному духу, этому сильнѣйшему оплоту противъ эксплуатаціи отдѣльной слабой единицы. Эти сношенія, наконецъ, способствуютъ возникновенію частной собственности, такъ какъ представители общинъ или коопераціи получаютъ за свой личный трудъ извѣстное личное вознагражденіе, лишній паекъ, какъ, напримѣръ, его получаетъ „келломань“ въ упомянутой нами мордовской артели [5]); эти сношенія способствуютъ быстрому накопленію богатствъ въ рукахъ тѣхъ, которые уже обособились отъ сво-

---

[1]) S. Lefmann. Geschichte des alten Indiens, Berlin 1885, S. 416.

[2]) Post, l. c., S. 174.

[3]) Post, l. c., S. 175.

[4]) Ibid.

[5]) См. выше стр. 346. В. Майновъ, Юридическій бытъ мордвы, стр. 264 и д.

ихъ общинниковъ. Но въ этой своей разлагающей работѣ сама торговля претерпѣваетъ измѣненія весьма существенныя. Въ результатѣ этихъ измѣненій, торговля получаетъ совершенно иной обликъ, мѣняется и вся внутренняя подкладка ея.

Наипростѣйшая и естественная форма торговли сводится на обмѣнъ; у одного изъ лицъ, вступившихъ въ мѣновыя сношенія, избытокъ шкуръ, ихъ у него болѣе, чѣмъ ему нужно для прикрытія своего тѣла и для устройства своего жилища, но у него нѣтъ красной охры, чтобы подобающимъ образомъ окрасить свое тѣло; онъ встрѣчается съ другимъ субъектомъ, у котораго какъ разъ избытокъ охры и который въ тоже время желалъ бы раздобыть шкуръ. Они обмѣниваются своими продуктами къ обоюдному удовольствію. Такимъ образомъ уравнивается избытокъ съ одной стороны и недостатокъ съ другой стороны. Но этотъ способъ при всей своей простотѣ и естественности отнюдь не всегда примѣнимъ. Зачастую представляются такіе случаи, что ни одна изъ сторонъ не чувствуетъ ни малѣйшей необходимости именно въ томъ, чѣмъ другая обладаетъ въ изобиліи. Камерону однажды нужно было уплатить за переѣздъ на лодкѣ по озеру Танганика. Въ уплату требовалась слоновая кость. У путешественника не было слоновой кости, но за то были другіе товары. Однакожъ ему удалось разузнать, что нѣкто готовъ вымѣнять слоновую кость на сукно. Но у него не было и сукна. Какая то другая личность имѣла въ своемъ распоряженіи сукно и какъ разъ искало мѣдной проволоки. Вотъ тутъ то нашъ путешественникъ могъ выступить со своими запасами. Человѣкъ, желавшій имѣть проволоку принялъ ее отъ Камерона и передалъ свое сукно другому лицу, которое въ свою очередь снабдило слоновою костью владѣльца лодки, послѣ чего, наконецъ, путешественнику была предоставлена въ распоряженіе лодка [1]). Путешественники, не имѣющіе обыкновенія вдумываться въ чуждыя имъ условія общественной жизни, въ виду подобныхъ затрудненій говорятъ о незнакомствѣ дикарей съ обмѣномъ.

Мысль о томъ, что какой либо предметъ можетъ явиться посредникомъ въ мѣновой торговлѣ, возникаетъ тогда, когда

---

[1]) Cameron. Quer durch Afrika, Leipzig, Brockhaus 1877, B. I, S. 211.

въ виду одинаковыхъ жизненныхъ условій извѣстнаго народа этотъ предметъ получаетъ преобладающее значеніе, когда на немъ сосредоточиваются всѣ интересы народа. Такимъ образомъ у скотоводческихъ народовъ скотъ становится единицею, къ которой весьма легко пріурочиваются всѣ явленія экономической жизни. Такъ въ Иліадѣ при состязаніи въ бѣгахъ, какъ первый призъ обозначается жертвенный треножникъ, стоимостью въ двѣнадцать быковъ, какъ второй рабыня, стоимостью въ четыре быка. Скотъ становится мѣриломъ цѣнности: pecus-pecunia; точно также какъ тюрское слово товаръ-скотъ, стало въ русскомъ языкѣ синонимомъ всякаго предмета, служащаго для торговли. Жизнь оленеводовъ самоѣдовъ сосредоточивается на заботѣ объ оленьемъ стадѣ. Число оленей, которыми обладаетъ человѣкъ, является для него отраженіемъ всѣхъ тѣхъ колебаній, которыя онъ можетъ претерпѣть въ своей жизни и тѣхъ наслажденій, которыя ему предстоятъ. Самоѣдъ оплачиваетъ оленями и свои грѣхи (преступленія возмещаются утратою оленей) и свои наслажденія (калымъ за жену, водку и т. д.) [1]). Ту же картину представляетъ намъ въ противуположность тундрѣ и снѣжной пустынѣ сѣвера травянистая степь и песчаная пустыня киргизской земли. Обыденнымъ мѣриломъ для жизненныхъ потребностей, наслажденій и преступленій служитъ здѣсь лошадь и верблюдъ [2]). У негровъ скотоводовъ въ Африкѣ скотъ является мѣриломъ цѣнности въ особенности при большихъ оборотахъ [3]). У осетинъ на кавказѣ нормальной единицей цѣнности является корова, она представляетъ собою первоначальную форму денегъ, также какъ въ свое время у грековъ и римлянъ. У нихъ, поэтому, всегда говорится: предметъ стоитъ двѣ, три, четыре коровы или только $^1/_{10}$, $^1/_{100}$ коровы. Быкъ соотвѣтствуетъ двумъ коровамъ. Тѣмъ не менѣе осетинамъ уже давно извѣстна чеканенная монета, а въ мѣстностяхъ прилежащихъ къ Грузіи выраженіе: отъ двухъ до трехъ коровъ, соотвѣтствуетъ извѣстной суммѣ чеканенной монеты; коровами выплачиваютъ осетины виру, калымъ и

---

[1]) А. Ефименко. Юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Архангельской губерніи. Записки Русс. Геогр. Общ. т. X. С.-Петербургъ. 1878.

[2]) Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Омскъ, 1886.

[3]) Post. Afrikanische Jurisprudenz, B. II, S. 176.

т. д. [1]). Въ Кукунорѣ и Цайдамѣ цѣнность товаровъ измѣряется не деньгами, а количествомъ овецъ [2]). Посредниками при торговлѣ служили у древнихъ германцевъ рогатый скотъ, лошади и прочая скотина. Lex Saxorum, напримѣръ, опредѣляетъ цѣнность различныхъ solidi и другихъ денежныхъ знаковъ рогатымъ скотомъ и овцами [3]). Человѣкъ, какъ рабочая сила, какъ рабъ, представляетъ въ свою очередь весьма понятное мѣрило цѣнности. Какъ таковое, онъ имѣетъ ходъ въ особенности въ Африкѣ [4]). Русскіе въ Сибири искали прежде всего драгоцѣнные мѣха: они облагали туземцевъ данью, которая должна была выплачиваться мѣхами, туземцы оплачивали мѣхами товары привозимые русскими и это вполнѣ соотвѣтствовало ихъ образу жизни, такъ какъ они существовали охотничьимъ промысломъ [5]). То же мы встрѣчаемъ и у другихъ охотничьихъ народовъ, такъ напримѣръ у сѣверныхъ американцевъ, у древнихъ скандинавовъ, у русскихъ славянъ и волжскихъ болгаръ [6]). На Фарёрскихъ островахъ счетъ производился по „скинамъ", т. е. по бараньимъ шкуркамъ, такимъ образомъ, что одинъ скинъ равнялся четыремъ шиллингамъ датскимъ или двумъ шиллингамъ любекскимъ, хотя натурою эти шкурки не выдавались и не получались [7]). Исландцы употребляли вмѣсто размѣнной монеты треску. „Такимъ образомъ всѣ контракты купли и продажи пріурочиваются къ рыбѣ и ведутся по счету рыбъ", говоритъ Андерсонъ [8]). „Одинъ талеръ всегда идетъ за 48 рыбъ, а простая крона была приравнена королемъ къ 15-ти, двойная къ 50 рыбамъ. Рыба шла за два фунта или же рыба въ два фунта всегда шла за одинъ Любекскій шиллингъ".

Значительную потребительную стоимость имѣютъ металлы, на долю которыхъ впослѣдствіи выпала честь стать мѣриломъ цѣнности почти единственнымъ, имѣющимъ соперникомъ

[1]) v. Haxthausen. Transkaukasia, B. II, S. 30.

[2]) Пржевальскій. Путешествіе въ Монголію и страну тангутовъ. С.-Петербургъ, 1875, стр. 376.

[3]) R. Andree. Ethnographische Parallelen und Vergleiche, Stuttgart 1878, S. 249.

[4]) R. Andree, l. c., S. 250, Post, l. c., S. 177.

[5]) Jadrinzew-Petri. Sibirien, Jena, Costenoble 1886.

[6]) R. Andree, l. c., S. 248.

[7]) Ibid, S. 248.

[8]) Ibid, S. 240.

своимъ лишь бумажные символы денегъ. Въ четвертомъ путешествіи своемъ Кукъ разсказываетъ объ одномъ начальникѣ племени на Таити, который сдѣлался богатымъ и вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ, будучи счастливымъ обладателемъ двухъ желѣзныхъ гвоздей: онъ отдавалъ свои гвозди за хорошее вознагражденіе нуждающимся въ нихъ, и точно также обитатели Маркизскихъ острововъ (Маршандтъ) и острова Амаката въ каналѣ Св. Георга (Лессонъ) жаждали желѣза и только желѣза [1]). „Желѣзо, которое въ Гренландіи представляетъ оба основныя условія всякой цѣнности, полезность и рѣдкость, дѣйствительно оправдываетъ свою цѣнность", пишетъ Андерсонъ и прибавляетъ къ этому, что гренландцамъ однажды предложена была золотая монета въ нѣсколько дукатовъ, нѣсколько иголокъ и цимбалы, на которыхъ было натянуто нѣсколько струнъ для того, чтобы побренчать. Гренландцы „ухватились за послѣдній предметъ. Они цѣнятъ желѣзо и большіе любители музыки и пѣнія" [2]). „Въ прежней торговлѣ своей съ европейцами", говоритъ Мунго-Паркъ объ обитателяхъ странъ, прилежащихъ къ Сенегалу, „желѣзо было товаромъ, который они цѣнили выше всего. Въ виду пользы его, такъ какъ оно даетъ орудія для войны и для земледѣлія, ему давалось предпочтеніе предъ всѣми другими предметами. Желѣзо стало поэтому скоро масштабомъ, по которому опредѣлялась цѣнность всѣхъ прочихъ товаровъ". Единицею цѣнности въ данномъ случаѣ является желѣзный прутъ, штабъ или барръ, выражаясь языкомъ торговцевъ [3]). Въ Бонни у устья Нигера желѣзу, какъ мѣрилу цѣнности, придается форма подковообразныхъ полуколецъ; теперь они дѣлаются большею частью изъ мѣди. Въ другихъ мѣстахъ желѣзо получаетъ форму копья (негры джуръ) или же лопаты (бонго). Изъ болѣе цѣнныхъ металловъ мѣриломъ цѣнности служитъ далѣе мѣдь, бронза, олово, золото и серебро [4]). У нямъ-нямъ все большее и большее распространеніе находитъ англійская штаб-

[1]) Зиберъ. Очерки и т. д. стр. 372 и 373.

[2]) J. Anderson. „Nachrichten von Island, Grönland etc.", Hamburg, G. Chr. Grund. 1746, S. 265.

[3]) Mungo-Park. Reise in das Innere von Afrika in den Jahren 1795, 1796 und 1797, aus dem Englischen, Hamburg 1799, S. 32.

[4]) R. Andree, l. c., S. 242, Post, l. c., S. 177.

ная мѣдь въ два сантиметра въ діаметрѣ. Изъ этихъ прутьевъ изготовляется размѣнная монета въ формѣ колецъ спеціальными кузнецами, которые сопровождаютъ экспедиціи нямъ-нямовъ [1]). Въ древней Мехикѣ въ обращеніи находилась мѣдь въ кускахъ въ формѣ **T**, равно какъ пластинки олова и золотой песокъ въ гусинныхъ перьяхъ [2]). Въ Дарфурѣ, въ исходѣ прошлаго столѣтія употребляли кольца изъ олова, въ Ашанти золотой песокъ, въ Абессиніи золото въ палочкахъ [3]). Въ Тимбукту золото подвержено сильнымъ колебаніемъ курса, несравненно устойчивѣе его раковина каури, о которой мы будемъ говорить ниже [4]).

Обратимся къ другой практичной мѣрѣ цѣнности, которая, соотвѣтственно развитію европейской торговли, пріобрѣтаетъ все большій и большій успѣхъ—это матеріи, служащія для одежды. Въ данномъ случаѣ Африка, изобилующая столь разнообразными мѣрами цѣнности, даетъ намъ опять таки цѣлый рядъ примѣровъ. Въ Багирми, самою ходкою монетою, является полоса бумажной ткани, „фарда“ весьма различной длины, обыкновенно длиною въ два „дра“, шириною въ ладонь, но весьма различной доброты. За большую монету идутъ рубашки, цѣною отъ 70 до 150 фарда (Бартъ). Въ Вадаи, на ряду со скотомъ и рабами, опредѣленною мѣрой цѣнности служатъ „токіа“, двѣ полосы ситца въ 18 дра длины и три ширины, составленныя изъ меньшихъ полосъ (Бартъ). Въ Борну прежде также употреблялись деньги изъ матеріи, „губбукъ“ (гобага), полосы изъ бумажной ткани въ три дюйма длины и въ локоть ширины (Денгамъ); подобныя же указанія на употребленіе ткани вмѣсто денегъ, мы находимъ для Лагоне (Бартъ), для Дарфура (Вильсонъ и Фелькинъ), на востокѣ для тедовъ (Нахтигаль), для Абессиніи (Терре), для сомали (Гагенмахеръ), для Занзибара (Вильсонъ и Фелькинъ), для Біи и другихъ мѣстъ центральной и южной Африки (Серпа Пинто), для кимбундовъ (Мадьяръ) и въ прежнее время для области Конго и Лоанго (Цуккели, Бастіанъ [5]). Въ Азіи

[1]) Schweinfurt. Im Herzen von Afrika, B. I, S. 541.
[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. IV, S. 101.
[3]) Post, l. c., 176 ff.
[4]) Rohlfs. Geld in Afrika. Petermanns Mittheilungen 1889, S. 189.
[5]) Post, l. c., S. 176 ff.

матерія точно также часто служитъ мѣриломъ цѣнности. Когда черкесы не обладали еще монетою, вошедшей въ употребленіе, они довольствовались „бокассинами“ (куски полотна), одной штуки которыхъ хватало какъ разъ на рубашку (Клаппротъ[1]). Большое распространеніе и хорошее примѣненіе имѣютъ, какъ мѣрила цѣнности и вкусовыя вещества, въ особенности соль... Солью оплачивается у фановъ въ области рѣки Огове невѣста[2]). О томъ, что въ Сахарѣ, къ югу отъ Марокко, употреблялись какъ деньги кирпичи изъ соли, упоминаетъ уже Ибнъ-Батута (XIV ст.[3]). Въ Абессиніи употребляется между прочими предметами, какъ размѣнная монета, соль, однако же никто не обязанъ ее принимать (Терре); какъ размѣнная монета, относящаяся къ вкусовымъ веществамъ, въ Абессиніи встрѣчается также и черный перецъ[4]). Поразительно то, что киссама на Коанго, въ Анголѣ употребляютъ соль какъ размѣнную монету, именно въ томъ же видѣ какъ абессинцы, т. е. нарубленную въ формѣ точильныхъ камней и обмотанную тростникомъ[5]). Соль какъ деньги пользуется большимъ распространеніемъ, чѣмъ желѣзо[6]). На Юкатанѣ и въ Мехикѣ употреблялись, какъ деньги, бобы какао[7]), тогда какъ на рѣкѣ Амазонкѣ индѣйцы также собираютъ бобы и какао на ряду съ сассапарилью, ванилью и т. д. для торговаго обмѣна при сношеніяхъ съ бѣлыми; но эти предметы не служатъ у нихъ мѣриломъ опредѣленной цѣнности[8]).

На ряду съ матеріальною цѣнностью извѣстное значеніе получаетъ и эстетическое наслажденіе, доставляемое нѣкоторыми предметами. Украшенія, какъ напримѣръ жемчугъ, раковины и т. п. могутъ фигурировать какъ мѣрило стоимости и часто находятъ себѣ примѣненіе даже тамъ, гдѣ житейскія потребности дикаря крайне ничтожны. Какъ украшеніе идутъ въ ходъ въ особенности раковины; онѣ становятся

---

[1]) Andree, l. c., S. 248. См. также стр. 246, 247.
[2]) Lenz. Skizzen aus Westafrika, S. 81.
[3]) R. Andree, l. c., S. 245.
[4]) Post, l. c., B. II, S. 178.
[5]) R. Andree, l. c., S. 246.
[6]) Rohlfs. Geld in Afrika, S. 191.
[7]) Зиберъ, l. c., стр. 385, 388.
[8]) v. Martius. Ueber die Rechtszustände, S. 42.

съ теченіемъ времени абстрактными мѣрилами стоимости и какъ таковыя пользуются громаднымъ распространіемъ. Среди раковинъ, опять-таки, ни одна не получила такого широкаго примѣненія, какъ каури (Cypraea moneta)[1]). Въ Африкѣ каури встрѣчается почти по всему Судану и употребляется, какъ на западномъ, такъ и на восточномъ побережьѣ. На восточномъ берегу, главнымъ складочнымъ пунктомъ для торговли каури считается Занзибаръ; отсюда раковина распространяется при помощи каравановъ-носильщиковъ внутрь страны или же отправляется на гамбургскихъ корабляхъ въ Лагосъ на западномъ берегу[2]) Въ Азіи раковина каури употреблялась, какъ размѣнная монета еще въ XVII вѣкѣ въ Индіи, на Филлипинахъ и въ Сіамѣ; въ послѣдней странѣ она встрѣчается еще и по нынѣ. Раковина каури носится какъ украшеніе женщинами мордвы, чувашей, черемисовъ. Женщины бедуинки носятъ ихъ на поясѣ, тодда — на серебряномъ снуркѣ на шеѣ; въ области верхняго Нила эта раковина украшала узду верблюдовъ, а еще въ началѣ нашего вѣка саксонскіе гусары украшали ею своихъ коней[3]). Другаго сорта раковина, употребляемая какъ посредникъ при обмѣнѣ, встрѣчается въ Америкѣ, таковы, напр., извѣстные „вампумы“[4]). У народа мая на Юкатанѣ какъ размѣнная монета встрѣчались, между прочимъ, маленькіе колокольчики[5]).

Но въ числѣ посредниковъ при обмѣнѣ намъ встрѣчаются иногда и крайне причудливыя вещи, такъ, напр., у индѣйцевъ карокъ въ Калифорніи красныя головки дятла, у мишамисовъ въ Ассамѣ черепа животныхъ[6]); камни, обожженная глина, эмаль и стекло фигурируютъ какъ деньги въ южномъ морѣ, такъ напр. у папуасцевъ, на Япѣ, на Новыхъ Гебридахъ и т. д.[7]). Возможно предположить, что этимъ страннымъ пособіямъ при обмѣнѣ въ свое время приписывалось какое либо таинственное качество, что они обладали извѣ-

---

[1]) Herz. Verwendung und Verbreitung der Kaurimuschel, Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft zu Hamburg, 1880/81.

[2]) Andree, l. c., S. 233, Post, l. c., S. 176.

[3]) R. Andree, l. c., S. 235.

[4]) Ibid, S. 238.

[5]) Waitz. Anthropologie der Naturvoölker, B. IV, S. 304.

[6]) Andree, l. c, S. 234, 239, 240.

[7]) Ibid, S. 230 f. C. Semper, Die Palauinseln, Leipzig 1873, S. 61.

стною мистическою потребительною стоимостью, болѣе точное представленіе о которой впослѣдствіи утратилось.

Въ упомянутыхъ случаяхъ, привычка къ данному „средству обращенія“ вполнѣ замѣняетъ дѣйствительную потребительную стоимость его.

Такимъ образомъ, мы подходимъ къ высшей ступени торговыхъ сношеній. Благодаря постоянному употребленію, цѣнность извѣстныхъ предметовъ фиксируется; сознаніе того, что данный предметъ всегда сохранитъ свою стоимость, чрезвычайно благопріятствуетъ распространенію торговыхъ сношеній и развитію ихъ, какъ интензивному, такъ и экстензивному. Предметъ потребленія все болѣе и болѣе превращается въ символическаго представителя той трудовой стоимости, которая затрачена на созданіе его или любой другой потребительной стоимости; въ различныхъ ступеняхъ цѣнности эти символы представляютъ намъ сумму труда, затраченнаго на производство даннаго предмета. Подобный символизмъ самымъ явнымъ образомъ выступаетъ въ древне-китайскихъ монетахъ, которыя представляютъ намъ изображенія различныхъ предметовъ обиходной жизни, какъ то одежды, ножей и т. п. изъ кусковъ мѣди. Потребительная стоимость легко уловима въ слиткахъ металла; благодаря своему универсальному примѣненію и удобству, съ которымъ они перевозятся, слитки постепенно получаютъ все большее и большее примѣненіе. Слитки эти, въ подходящей формѣ, напр., какъ древне-египетскія кольца или вавилонскіе львы оцѣниваются по вѣсу; вѣсъ обозначается приложеніемъ штемпеля [1]), такъ какъ отбиваніе металла и взвѣшиваніе его для каждаго отдѣльнаго случая, какъ это, напримѣръ, дѣлается, по разсказамъ Бастіана, въ Бирмѣ [2]), является дѣломъ въ высшей степени сложнымъ. Однако же обозначеніе вѣса далеко еще не представляетъ необходимой гарантіи; поэтому поставщикъ металла ручается за дѣйствительность вѣса и цѣнности извѣстнымъ знакомъ, присвоеннымъ его имени, тамгою или гербомъ. Такимъ образомъ, по всему вѣроятію, создалась малоазійская

---

[1]) Подобнымъ же образомъ португальцы накладывали штемпеля, обозначающія цѣну, на „макуты“, матерію, служащую вмѣсто денегъ въ Нижней Гвинеѣ. Andree, l. c., S. 246.

[2]) Bastian. Birma, S. 57.

монета. За удобство обращенія подобныхъ монетъ говоритъ быстрое распространеніе ихъ даже среди малокультурныхъ народовъ. Чрезвычайно поучительна въ этомъ отношеніи интересная глава въ этнографическихъ параллеляхъ Андреа о распространеніи талера Маріи Терезіи [1]); этотъ талеръ расходится, по крайней мѣрѣ, по одной трети всей Африки, слѣдовательно,на пространствѣ въ добрыхъ 180.000 географическихъ квадратныхъ миль; „такимъ образомъ около 70.00.000 людей, по большей части находящихся въ варварскомъ состояніи, знакомы съ чертами лица великой императрицы". Весьма естественно, что талеръ Маріи Терезіи перешелъ и въ Аравію и признается во всѣхъ прибрежныхъ пунктахъ Чермнаго моря. Въ своей новѣйшей работѣ о деньгахъ въ Африкѣ Г. Рольфсъ говоритъ, что этотъ талеръ въ ходу по всей Африкѣ, хотя онъ и не признается повсюду какъ законная монета. Во всякомъ случаѣ негры строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на этомъ талерѣ былъ выставленъ 1780 годъ, чтобы на коронѣ было семь точекъ, а на діадемѣ на плечѣ восемь [2]).

Чѣмъ болѣе ходу имѣетъ данное средство обращенія, чѣмъ увѣреннѣе оно выступаетъ, тѣмъ скорѣе оно удовлетворяется одною внѣшностью и забываетъ свое дѣйствительное назначеніе, служить потребительной стоимостью. Вмѣсто настоящаго содержанія металла остается только штемпель его. Это поразительная идеализація средства обращенія, но такая идеализація, страннымъ образомъ, связана съ весьма быстрымъ ухудшеніемъ его. Такимъ образомъ посрамляется вполнѣ основательное изреченіе англійскихъ политико-экономовъ: „money is a pledge", ибо залогъ не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи къ претензіямъ, предъявляемымъ имъ. Эквивалентъ въ дѣйствительности не есть эквивалентъ. Но практика, обыкновенно столь враждебная всякому идеалу, въ этомъ случаѣ удовлетворяется идеальной цѣнностью монеты. Она мирится съ неизбѣжнымъ стачиваніемъ монеты, она переноситъ даже и самое крайнее паденіе номинальнаго вѣса, напримѣръ, превращеніе libra въ англійскій фунтъ, представляющій менѣе $^1/_3$ первоначальнаго вѣса, въ шотландскій

[1]) Andree, l. c., S. 225—230.

[2]) G. Rolhfs. Geld in Afrika, Petermann's Mitteilungen 1889, S. 188.

фунтъ въ $^1/_{36}$, французскій ливръ $^1/_{74}$ фунта, въ испанскій мараведи менѣе чѣмъ въ $^1/_{1000}$ и еще меньшій португальскій рей. Но практика доходитъ и до наивысшихъ степеней идеализаціи средства обращенія: она совершенно абстрагируетъ отъ потребительной стоимости и замѣняетъ металлическій остатокъ прежняго эквивалента штемпелеванной бумагой, олицетворяющей извѣстную рабочую стоимость. Если символическій характеръ еще до нѣкоторой степени скрытъ въ металлическихъ денежныхъ знакахъ, то въ бумажныхъ деньгахъ онъ, напротивъ того, выступаетъ совершенно явно наружу. Китай знакомъ съ бумажными деньгами уже съ 119 года до Р. Х. [1]); знаменитый Марко-Поло къ немалому удивленію своихъ согражданъ разсказывалъ о бумажныхъ деньгахъ великаго хана, сдѣланныхъ изъ коры тутоваго дерева [2]). Пониженіе цѣнности монеты является, при извѣстномъ тактѣ, прекраснымъ средствомъ для поднятія государственныхъ финансовъ, но оно переносится весьма плохо даже терпѣливою практикою, если ведется слишкомъ рьянымъ образомъ. Наша европейская исторія весьма богата поучительными примѣрами въ этомъ смыслѣ. Всякія излишества въ выпускѣ бумажныхъ денегъ, этой наивысшей идеализаціи средства обращенія, могутъ вызвать охлажденіе публики къ идеалу. Вспомнимъ лишь о прекрасныхъ ассигнаціяхъ французской революціи, которыя довели дѣло до того, что фунтъ масла оплачивался ассигнаціей въ 500 франковъ [3]). Династія Минговъ и монгольская династія погибли въ Китаѣ именно отъ излишествъ въ бумажныхъ деньгахъ [4]).

Коснувшись въ общихъ чертахъ исторіи денегъ, „этого общаго масштаба для цѣнностей различнаго рода“ [5]), мы не можемъ не указать на удивительные выводы, къ которымъ въ этомъ случаѣ приходятъ нѣкоторые политико-экономы, занимающіеся этнологіей. „Первоначальными деньгами являются самые цѣнные предметы, служащіе въ видѣ украшеній и очень часто

---

[1]) Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 372.

[2]) S. Ruge. Zeitalter der Entdeckungen, Berlin, Grote 1882, S. 70.

[3]) J. St. Mill. Grundzüge der politischen Oekonomie, deutsch von Gompert, B. III, Cap. XIII, § 3, S. 223.

[4]) Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 372.

[5]) J. St. Mill, l. c., cap. VIII, § 1, S. 154.

*

зарываемые, какъ сокровища, въ землю", пишетъ Н. И. Зиберъ. „Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, орудіе обмѣна пріурочивается или къ важнѣйшему предмету мѣстнаго потребленія или къ важнѣйшему предмету ввоза" [1]). Мы думаемъ, что нами въ достаточной мѣрѣ выяснено, что руководящимъ мотивомъ въ мѣновыхъ сношеніяхъ является потребительная стоимость и что эволюція средства обращенія отъ непосредственнаго практическаго примѣненія къ мѣновому средству, имѣющему общее универсальное значеніе, совершается лишь въ томъ предположеніи, что обмѣнъ удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ. Поэтому-то эстетическія потребности должны отступить на второй планъ передъ необходимостью удовлетворить практическимъ жизненнымъ потребностямъ. Мы не располагаемъ никакими доказательствами въ пользу того, чтобы развитіе денежной стоимости шло по пути, указанному Зиберомъ. Но мы можемъ угадать, что къ упомянутому мнѣнію своему Зиберъ пришелъ, благодаря тому весьма естественному обстоятельству, что при сношеніяхъ своихъ съ европейцами дикари прежде всего накидываются на пестрыя украшенія; такія украшенія имъ скорѣе бросаются въ глаза, тогда какъ съ другой стороны всѣ прочія жизненныя потребности ихъ удовлетворяются собственными силами, а къ правильному обмѣну они еще не пріучены. Очевидно, однако, что въ такомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, такъ сказать, „естественномъ" возникновеніи торговыхъ сношеній, о которомъ мы говорили выше. Напротивъ того, здѣсь все дѣло въ непосредственномъ столкновеніи высшей и низшей культуры, въ столкновеніи, результаты котораго, къ сожалѣнію, уже достаточно извѣстны [2]).

Такимъ образомъ, мы вновь вернулись къ тѣмъ же печальнымъ явленіямъ, которыя были уже упомянуты нами въ началѣ этой главы. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ дѣйствительно разбиваютъ самые крѣпкіе общественные союзы. Человѣчество должно при этомъ приносить свои жертвы. Но вѣдь и замкнутая первобытная община представляетъ собою, именно въ виду своей замкнутости и своей относительной враждебности ко всему чуждому, извѣстные тормазы для развитія культуры.

---

[1]) Н. Зиберъ, l. c., стр. 394.

[2]) См. выше, глава VI и VII.

Съ другой стороны, мы не должны забывать того, что въ этихъ же роковыхъ международныхъ сношеніяхъ намъ представляется дивная сила, которая способствуетъ несомнѣнному усиленію общаго благосостоянія человѣчества, которая создаетъ новыя матеріальныя и духовныя сокровища, возвышаетъ работу мысли и нравы и обычаи и въ тоже время нивеллируетъ крайности ихъ, благодаря расширенію географическаго горизонта. Мы не должны забывать того, что торговля и международныя сношенія способствуютъ не только развитію и расширенію общественныхъ отношеній, но и умиротворенію ихъ. Выступивъ изъ узкой рамки первыхъ и робкихъ попытокъ къ обмѣну и завладѣвъ нынѣ почти всѣмъ міромъ, торговля и международныя сношенія укрѣпляютъ и доводятъ до конца ту идею ассоціаціи и умиротворенія всего человѣчества, которая была имъ присуща уже при первомъ зарожденіи ихъ.

Глава XVIII.

Война и ея послѣдствія. Касты. Рабство.

Культурно-историческое значеніе войны.—Первобытная классификація общественныхъ элементовъ.—Власть вождей во время войны.—Выборы ихъ.—Способы веденія войны.—Сближеніе союзниковъ.—Эпонимическіе предки.—Сближеніе съ покоренными.—Обращеніе покоренныхъ въ рабство.—Укрѣпленіе власти за личностью военнаго вождя.—Увеличеніе народонаселенія и послѣдствія этого явленія.—Касты.—Миѳы индусовъ о происхожденіи кастъ.—Касты въ древней и современной Индіи.—Причины происхожденія кастъ.—Примѣры.—Касты ремесленниковъ.—Исключительное положеніе нѣкоторыхъ ремесленниковъ.—Рабство и причины его возникновенія.—Положеніе рабовъ у народовъ первобытныхъ и полукультурныхъ.—Общество въ мірѣ животныхъ.—Заключеніе.

Мы изучили уже рядъ явленій, способствующихъ разрушенію первобытнаго сообщества и возникновенію розни между индивидуальностями, первоначально столь схожими по функціямъ и потребностямъ своимъ. Однимъ изъ величайшихъ преобразователей человѣческаго сообщества является, однако, война. Война прежде всего способствуетъ развитію индивидуальнаго вліянія и индивидуальной собственности, она основываетъ государства, создаетъ богатство и досугъ, закаляетъ характеръ и поощряетъ наиболѣе благородныя качества человѣка, мужество и любовь къ отечеству... Но какъ бы высоко мы не цѣнили значеніе войны какъ воспитательницы человѣчества [1]), мы должны же указать и на то, что по кро-

---

[1]) Война нерѣдко вдохновляетъ нетолько поэтовъ, но и ученыхъ. Однимъ изъ пламенѣйшихъ апологетовъ войны является Fr. v. Hellwald въ своей несомнѣнно талантливой „Culturgeschichte inihrer natürlichen Entwickelung“ Augsburg 1875, S. 44, 317, 324, 325, 573 и т. д.

вавому слѣду ея идутъ такія страшныя общественныя явленія, какъ гибель цѣлыхъ народовъ, рабство, притѣсненіе слабаго, кастовая нетерпимость, деспотизмъ, ожесточеніе и огрубѣніе человѣка. Война—это борьба за существованіе, доведенная до крайнихъ предѣловъ. Но, если эта борьба неизбѣжна, если она составляетъ явленіе естественное, то намъ тѣмъ болѣе необходимо изучить не только выгодныя, но и опасныя стороны ея; а эти послѣднія, какъ мы видѣли, слишкомъ крупны для того, чтобы не считать войну однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ бѣдствій въ исторіи развитія человѣчества.

Но таково, повидимому, это столь великое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь слабое человѣчество, что величайшіе успѣхи и подвиги его, зачастую вызываются именно несчастьями, что въ развитіи своемъ оно какъ бы обязано пройти извѣстныя роковыя ступени, прежде чѣмъ достигнетъ высшаго совершенства; каждый шагъ впередъ оно должно оплатить своею кровью. Вторженіе варваровъ въ Европу, паденіе Византійской монархіи и водвореніе тюрковъ на развалинахъ древне-классическаго міра побудили европейцевъ искать путей западныхъ, которые могли бы имъ замѣнить недоступные восточные пути къ богатѣйшимъ странамъ тогдашняго міроваго хозяйства. Эти исканія новыхъ путей повлекли за собою открытіе Америки, послужившее началомъ къ той экспанзивности европейцевъ въ экономическомъ отношеніи, которая наилучшимъ образомъ характеризируетъ намъ эпоху такъ называемой Новой Исторіи. Но, съ другой стороны, эти открытія новыхъ и при томъ богатѣйшихъ странъ, эта неожиданная возможность хищническаго обогащенія сгубила счастливыхъ испанцевъ, она сгубила точно также и несчастныхъ индѣйцевъ, обладателей этихъ роковыхъ сокровищъ, тогда какъ изолированное положеніе, въ которомъ очутились тюрки, повело къ разложенію и паденію ихъ несомнѣнно немаловажной культуры. „Персидскія войны создали могущество грековъ“, говоритъ Гельвальдъ [1]), „могущество создало богатство, богатство создало искусство, искусство создало роскошь, роскошь создала изнѣженность, изнѣженность создала паденіе и гибель“.

Но вернемся непосредственно къ войнѣ. Въ мирное вре-

[1]) Hellwald. Kulturgeschichte, S. 267, см. также Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 382.

мя первобытная община управляется сама собою и руководительство въ ней принадлежитъ развѣ только болѣе опытнымъ и поэтому, обыкновенно, старымъ людямъ. Это такъ называемые аксакалы [1]) нашей Средней Азіи; въ томъ же духѣ намъ представляется знаменитая герузія древнихъ грековъ. Но и первобытное сообщество человѣка отнюдь не находится въ состояніи анархіи [2]), оно лишь мало дифференцировано. Существуетъ, конечно, соотвѣтственно различію половъ извѣстная рознь, которая, какъ мы увидимъ изъ послѣдующей главы, обозначается на самыхъ раннихъ ступеняхъ человѣчества. Существуетъ также рознь по возрастамъ: масаи образуютъ сообщества сверстниковъ; мальчики живутъ въ одномъ краалѣ со своими родителями, по достиженіи 14-лѣтняго возраста они подвергаются обрѣзанію и переходятъ въ крааль, гдѣ живутъ исключительно молодые люди обоихъ половъ, это крааль воиновъ; въ зрѣломъ возрастѣ они возвращаются въ крааль стариковъ [3]). У горныхъ жителей Марры въ Даръ-Форѣ юношество каждой деревни имѣетъ своего начальника „ворнанъ", точно также и дѣвушки имѣютъ свою начальницу „мейремъ". [4]) На Пелаускихъ островахъ сверстники образуютъ мужскіе и женскіе клёбергелли [5]). Уже выше мы упоминали о подобныхъ сообществахъ сверстниковъ, говоря о малороссійской громадѣ [6]), и т. д. Но помимо такой физіологической розни, которая въ экономическомъ отношеніи сводится прежде всего на естественное различіе физическихъ силъ, мы не замѣчаемъ на первобытной ступени человѣчества какихъ бы то ни было опредѣленныхъ властителей. Въ этомъ случаѣ вполнѣ сходятся мнѣнія антропологовъ. Тщетно пытаются путешественники отъискивать такихъ вождей; они иногда создаютъ ихъ насильственно, поддерживая въ борьбѣ

---

[1]) Ак-сакал — бѣлая борода, старикъ на казанскомъ нарѣчіи, старшина на джагатайскомъ, въ связи съ другими словами ак даетъ значеніе чего либо почетнаго: благородный, образованный. См. интересное сопоставленіе словъ сложныхъ съ ак. у В. Радлова. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. В. I. Спб. 1888, стр. 88 и далѣе.

[2]) См. выше, стр. 363.

[3]) Thomson. Durch Massai-Land, Leipzig, Brockhaus 1885, S. 372—398.

[4]) Post. Afrikanische Jurisprudenz, Oldenburg und Leipzig 1887, B. I, S. 167.

[5]) Semper. Die Palau-Inseln, Leipzig, Brockhaus 1873, S. 72, 73 f.

[6]) См. выше стр. 342.

противъ первобытной равноправности [1]), иногда же сами становятся жертвою своего желанія всегда и во что бы то ни стало находить отраженія своихъ собственныхъ культурныхъ порядковъ [2]).

Но вотъ подобное первобытное сообщество сталкивается съ сосѣднимъ племенемъ. Причинъ къ подобнымъ столкновеніямъ въ жизни первобытнаго человѣка слишкомъ много, даже помимо приписываемыхъ ему кровожадныхъ инстинктовъ. Нужда заставила сосѣдей войти въ предѣлы нашего сообщества, или же дѣло идетъ о кровавой мести, о возмездіи за убійство или за похищеніе женщины и т. д. Теперь общественное и традиціональное управленіе не мыслимо. Необходима единичная рѣшающая воля, необходимъ человѣкъ, обладающій спеціальными военными и административными талантами.

Не разъ уже путешественники изумлялась тому, съ какою внезапною быстротою децентрализированное и, повидимому, совершенно безпорядочное сообщество первобытныхъ людей преобразовывалось въ строго централизированное гражданское общество.

Вожаку предоставляется страшное право надъ жизнею и смертью всѣхъ сочленовъ даннаго народа. Ф. Марціусъ разсказываетъ, какъ онъ въ своихъ странствованіяхъ по дѣвственнымъ лѣсамъ Бразиліи однажды наткнулся на скелетъ, привязанный ліанами къ одному изъ деревъ. Проводникъ его, индѣецъ, замѣтилъ, что это былъ одинъ изъ воиновъ его племени, котораго онъ, будучи начальникомъ, велѣлъ здѣсь на вѣки привязать и разстрѣлять стрѣлами за то, что тотъ ослушался его приказанія призвать на помощь сосѣднее племя [3]). У буйныхъ масаевъ избранный краалемъ вождь, „Лейтуку“, также пользуется безграничнымъ правомъ надъ

---

[1]) Бастіанъ справедливо бичуетъ европейцевъ въ Африкѣ за то, что они ради собственныхъ выгодъ и удобствъ навязываютъ негрскямъ племенамъ деспотовъ.

[2]) Нѣчто подобное случилось съ Норденшёльдомъ среди нашихъ чукчей: знаменитый путешественникъ не мало угощалъ и одаривалъ одного псевдо-вождя чукчей, пока ему не пришлось убѣдиться въ томъ, что чукчи не имѣютъ вождей. Nordenskiöld. Reise etc., B. II, S. 151.

[3]) v. Martius. Von dem Rechtszustande der Ureinwohner Brasilien, München 1832, S. 22.

жизнею и смертью своихъ воиновъ и кромѣ того является ихъ судьею [1]). Конечно, выборъ такого лица считается дѣломъ весьма серьезнымъ. Чтобы занять высокій постъ вожака своего народа необходимо выдержать строжайшій искусъ. У карибовъ кандидатъ въ вожди подвергается бичеванью, зарыванію по поясъ въ муравейникъ и т. д. [2]). Но даже и тамъ, гдѣ уже укрѣпилась власть единичнаго лица надъ массою и гдѣ власть вождя переходитъ по наслѣдству, встрѣчается сознаніе того, что вождь долженъ быть именно избранникомъ своего народа. Такъ у древнекультурнаго народа Америки чибча предполагаемый наслѣдникъ получалъ весьма строгое воспитаніе въ храмѣ, живя тамъ съ 16-ти лѣтняго возраста въ уединеніи, не видя солнца, избѣгая женщинъ и не потребляя соли. По окончаніи воспитанія онъ подвергался впродолженіе одного года посту [3]); наконецъ, пытаютъ его чувственность въ присутствіи обнаженныхъ дѣвушекъ, чтобы убѣдиться въ его безпристрастности [4]). Такова идея выбора вождя, которая, какъ мы выше замѣтили, руководитъ уже первобытнымъ человѣкомъ.

Но вотъ достойная личность найдена. Народъ, который въ общемъ собраніи, гдѣ каждый имѣлъ право голоса, рѣшилъ быть ли войнѣ или міру и кому ввѣрить свою судьбу, безусловно подчиняется распоряженіямъ вождя. Каждый членъ сообщества исполняетъ посильную работу; даже женщины и дѣти участвуютъ въ приготовленіи запасовъ и въ томъ, чтобы сосредоточить ихъ въ мѣстахъ сокровенныхъ, на случай вторженія непріятеля. У сосѣдей вѣсть о походѣ возбудила общее волненіе. Чужеземцы примыкаютъ къ воинамъ, частью по приглашенію, частью же добровольно въ надеждѣ на то, что и имъ въ свое время будетъ оказана помощь, или въ разсчетѣ на добычу или же, наконецъ, ради опасныхъ удовольствій войны и нервнаго упоенія битвою.

Война ведется, конечно, сообразно съ темпераментомъ воюющихъ сторонъ. Австралійцы изощряются въ ругатель-

---

[1]) Thomson. Durch Massailand, S. 385.

[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 384.

[3]) Waitz, l. c., B. IV, S. 359.

[4]) A. Bastian. Der Papua des dunklen Inselreiches, Berlin, Weidemann 1885, S. 164.

ствахъ и угрозахъ [1]), но битвы ихъ почти безкровны. Ловко владѣя щитами, они перекидываются иногда часа два копьями, безъ того, чтобы кто-либо былъ раненъ. Если же, наконецъ, рана нанесена, то поднимается страшный крикъ: ликуютъ побѣдители, вопятъ женщины пораженной стороны. Затѣмъ, послѣ короткой перебранки слѣдуетъ примиреніе, сопровождаемое празднествомъ. Иногда примиреніе заключается даже безъ пораненія кого-либо изъ участвующихъ, иногда же воины увлекаются до того, что битва дѣйствительно становится кровопролитною [2]). Кафры заботятся при войнахъ своихъ преимущественно о добычѣ и главнымъ образомъ похищаютъ другъ у друга скотъ, разоряютъ поля, жилища и т. д. Впрочемъ плѣнные неблагороднаго происхожденія убиваются [3]). Съ другой стороны масаи умерщвляютъ всѣхъ вакуафи мужскаго пола, а вакуафи продаютъ плѣнныхъ масаевъ въ рабство. Бечуаны не дѣлаютъ военноплѣнныхъ [4]), они умерщвляютъ всѣхъ побѣжденныхъ. Когда галла вторгались въ Абессинію, они истребляли всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста [5]). У галла, сомали, вакамба и ваника военноплѣнные подвергаются оскоплѣнію [6]). Фаны умерщвляютъ и затѣмъ съѣдаютъ военноплѣнныхъ [7]). Наивысшей свирѣпости достигали въ своихъ войнахъ монголы; достаточно вспомнить имена знаменитыхъ бичей человѣчества Чингисъ-хана и Тамерлана, этихъ страшныхъ губителей культуры и народовъ. Впрочемъ, исторія индоевропейцевъ также преисполнена всевозможными ужасами и свирѣпостями, совершенными во время воинственныхъ столкновеній. Едва ли намъ нужно останавливаться на зарѣ гражданской жизни Европы и ужасаться, напримѣръ, того, что древніе бритты пили кровь своихъ враговъ и бросались въ битву вымазанные спекшеюся кровью ихъ [8]); исторія послѣднихъ вѣковъ слишкомъ богата страшными поступками совершенными по волѣ людей, вполнѣ

---

[1]) См. выше, стр. 304.
[2]) Waitz-Gerland, l. c., B. VI, S. 746.
[3]) Post. Afrikanische Jurisprudenz, S. 85.
[4]) Post, l. c., S. 84.
[5]) Ibid. S. 84.
[6]) Ibid, S. 85.
[7]) O. Lenz. Skizzen aus Westafrika, Berlin 1878, S. 84.
[8]) Ch. Elton. Origins of Englisch History, London, Quaritsch 1882, p. 246.

сознающихъ значеніе своихъ дѣяній, поступками, могущими служить параллелью ко всѣмъ жестокостямъ, совершаемымъ людьми, не сознающими ни себя, ни обязанностей человѣка относительно человѣчества.

Въ виду всего вышесказаннаго и, главнымъ образомъ, упомянутыхъ нами проявленій „атавизма“ у цивилизованныхъ народовъ, мы отнюдь не можемъ присоединиться къ Летурно, который различаетъ въ войнахъ три стадіи: войну животную, при которой все дѣло сводится на истребленіе, войну варварскую, которая имѣетъ цѣлью добычу рабовъ, и, наконецъ, войну цивилизованную, т. е. гуманную (!), упорядоченную международными постановленіями [1]). Мы не будемъ говорить о томъ, что симптомы, избранные для этой классификаціи, слишкомъ поверхностны и не затрогиваютъ психической сущности вопроса; отмѣтимъ лишь, что самъ авторъ считаетъ свою классификацію общею въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и указываетъ на то, что точныхъ границъ между этими тремя стадіями не существуетъ. Если бы намъ когда-либо пришлось взять на себя трудную задачу прослѣдить исторію враждебныхъ отношеній человѣка къ человѣку, то мы бы прежде всего остановили наше вниманіе на томъ, какъ рука объ руку съ развитіемъ индивидуализма выработывается изъ безсознательнаго опасенія предъ чужеземцемъ сознательная вражда къ нему; какъ эта вражда возводится въ принципъ и облагороживается и украшается наивысшими гражданскими доблестями, и какъ, въ концѣ концовъ, по мѣрѣ ограниченія индивидуализма въ интересахъ ближайшаго сообщества, а затѣмъ и человѣчества, оппозиція противъ этой профессіональной вражды все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Но представимъ себѣ, что походъ счастливо окончился. Побѣдители и союзники ихъ возвращаются домой, увѣнчанные славою и обремененные добычею. Вмѣстѣ перенесенныя опасности и кровавыя событія, тревоги, волненія, экстазы и восторги, наконецъ, богатая добыча, сообща пріобрѣтенная, все это объединяетъ соратниковъ. Между ними установилась

---

[1]) Ch. Letourneau. Dictionaire des Sciences Anthropologiques, v. Guerre, p. 554 et suiv.

тѣсная дружба; съ наслажденіемъ вспоминаютъ они „минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“ и всегда готовы вновь сомкнуться и выступить для пріобрѣтенія новой добычи и новой славы. Если уже достаточно было обыденныхъ промысловъ, напримѣръ удачной охоты [1]), для того, чтобы дать возможность возникнуть болѣе постояннымъ коопераціямъ, то это, конечно, въ несравненно высшей степени примѣнимо къ коопераціи военной. Но вотъ, досужая фантазія человѣка уже работаетъ надъ тѣмъ, чтобы освятить эту случайную и временную связь прекрасною легендою, которая бы указывала, что дружба племенъ основана на древнемъ сродствѣ ихъ и уже поэтому должна считаться священною. Первобытное человѣчество относится къ вопросу о кровномъ родствѣ несравненно поверхностнѣе, чѣмъ это принято думать въ нашей наукѣ.

Всѣмъ памятенъ миѳическій родоначальникъ древнихъ грековъ Эллинъ и три сына его, Эолъ, Доръ и Ксанѳъ. Въ высшей степени характерно, однако, что въ Южной Америкѣ европейцамъ удалось прослѣдить самый процессъ возникновенія подобнаго эпонимическаго миѳа: въ Бразиліи и въ Парагваѣ живутъ два племени тупи и гуарани. По преданіямъ дикарей когда то существовало два брата, носившіе это имя; они пришли въ свое время въ Бразилію и поселились тамъ со своими дѣтьми. Жили они въ мирѣ и любви, пока говорящему попугаю [2]) не удалось посѣять вражду между женами этихъ двухъ братьевъ; тогда они рѣшили, что имъ слѣдуетъ разойтись, и Гуарани ушелъ со своею семьею въ область Ла-Платы. Нѣкоторое подозрѣніе въ истинности этого разсказа можетъ, несомнѣнно, возбудить уже то обстоятельство, что въ немъ повторяется одинъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и интернаціональнѣйшихъ оборотовъ, корень зла—это женщина. Она же, напримѣръ, лишила сосѣдей этихъ племенъ, индѣйцевъ области Ориноко, вѣчной жизни. Когда творецъ

---

[1]) См. выше стр. 186, 187.

[2]) Индѣйцы, какъ извѣстно (см. стр. 273), не приручали домашнихъ животныхъ, но забавы ради держали обезьянъ и попугаевъ; послѣднимъ они придавали красную и желтую окраску перьевъ, кормя ихъ рыбою. Они учатъ попугаевъ говорить, а у чибча говорящій попугай замѣнялъ человѣческую жертву.

разставался съ людьми, онъ обѣщалъ имъ вѣчное обновленіе, подобно тому какъ змѣя обновляетъ свою шкуру. Но вотъ, женщина усомнилась въ правоподобности этого обѣщанія; она засмѣялась, и Богъ въ гнѣвѣ своемъ обрекъ за это людей на смерть [1]). Но наши подозрѣнія относительно вышеприведеннаго разсказа подтверждаются совершенно инымъ образомъ. Оказывается, что имя гуарани обозначаетъ воиновъ и было дано іезуитами воинственнымъ племенамъ области Ла-Платы. Прозваніе это за ними утвердилось, а дальнѣйшія дружественныя сношенія этихъ гуарани и тупи повели къ созданію нашего эпонимическаго миѳа [2]). Подобныя явленія неоднократно наблюдались у народовъ, состоявшихъ въ дружбѣ или жившихъ болѣе или менѣе продолжительное время въ одной и той же странѣ.

Мы разсмотрѣли одинъ изъ видовъ сближенія народовъ, обусловливаемыхъ войною. Но кромѣ объединенія союзниковъ, мы можемъ себѣ представить и объединеніе побѣдителей и побѣжденныхъ. Побѣжденные отнюдь не всегда обращаются въ рабство; нерѣдко случается, что они пріобрѣтаютъ несомнѣнный перевѣсъ надъ побѣдителями. Таково, напримѣръ, было отношеніе болѣе культурныхъ китайцевъ къ грубымъ побѣдителямъ манджурамъ. Зачастую побѣжденные въ силу здравой политики принимались побѣдителями въ общую государственную семью на правахъ союзниковъ или младшихъ сочленовъ. Такъ, подобныя присоединенія побѣжденныхъ заурядъ практиковались римлянами, этими величайшими завоевателями и выдержаннѣйшими политиками древняго міра; въ сердцѣ всемірной имперіи, въ великомъ Римѣ находились храмы всевозможныхъ божествъ чуждыхъ народовъ. Это были пресловутые dii minorum gentium; но общій духовный культъ тѣсно связывалъ между собою различнѣйшіе народы, а присутствіе родныхъ боговъ въ Римѣ въ высшей степени льстило мелкимъ и варварскимъ племенамъ. Въ древнемъ Перу божества побѣжденныхъ народовъ пользовались общимъ признаніемъ, точно также политеизмъ древнихъ мехиканцевъ объясняется признаніемъ національныхъ божествъ раз-

---

[1]) Bastian. Der Papua, S. 268.

[2]) Тайлоръ. Антропологія, стр. 386; Lippert. Die Religionen der europäischen Cuturvölker, Berlin, 1881, S. 330.

личныхъ народовъ [1]). Гуацлипотли былъ національнымъ богомъ астековъ, Квецлакоатлъ богомъ толтековъ. Мѣстныхъ боговъ насчитывали до 2,000 [2]). Но даже у древнихъ индусовъ, у гордыхъ арійцевъ съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на темнокожихъ туземцевъ [3]), мы находимъ въ числѣ божествъ Кришну, бога дикихъ пастуховъ. Выше мы уже имѣли случай указать на аналогичное объединеніе мѣстныхъ боговъ въ древнемъ Египтѣ [4]); мѣстнаго происхожденія были даже Горусъ и Сетъ, причемъ страною послѣдняго была „красная" пустыня и центры почитанія его лежали въ области народовъ, частью уже чуждыхъ египетской національности [5]). Египетскіе боги различныхъ областей прекрасно мирились другъ съ другомъ; въ храмѣ одного бога допускались и другіе [6]). Подобное же объединеніе мы встрѣчаемъ у древнихъ германцевъ, такъ какъ по древнимъ сказаніямъ Торъ былъ первоначально богомъ англовъ, Одинъ — саксовъ, Фрейеръ — шведовъ и т. д. [7]).

Но помимо такого объединенія союзниковъ или даже побѣдителей и побѣжденныхъ, мы видимъ еще чаще, что побѣдители угнетаютъ побѣжденныхъ, т. е. обращаютъ ихъ въ рабство. Однако и въ данномъ случаѣ война можетъ явиться благодѣтельницею, хотя бы для одной части человѣчества, такъ какъ владѣтели рабовъ обогащаются весьма важнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ: тяжкую борьбу съ природою принимаютъ на себя рабы, а господа ихъ пользуются досугами своими, чтобы разработать свою культуру и возвысить какъ мышленіе, такъ и изящныя искусства. Но къ рабству мы возвратимся на послѣдующихъ страницахъ. Обратимся вновь къ счастливымъ побѣдителямъ и прослѣдимъ нѣкоторыя другія послѣдствія войны, отражающіяся на внутреннемъ строѣ первобытнаго общества. И такъ, побѣдители снабжены богатѣйшею добычею, рабами, женщинами и тому

---

[1]) Waitz. Anthropologie, B. IV, S. 139.

[2]) Ruge. Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin 1881, S. 365.

[3]) См. выше, стр. 5.

[4]) См. выше, стр. 351.

[5]) E. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens, S. 72.

[6]) Maspero. Geschichte der morgenländischen Völker, Leipzig 1877, S. 28.

[7]) J. Lippert. Die Religionen der europäischen Culturvölker, Berlin, Hofmann, 1881, S. 220, 221.

подобными сокровищами. Но, если война велась, хотя бы сколько нибудь правильно, если избранъ былъ, какъ мы выше предположили, извѣстный предводитель, то, конечно, всѣ воины будутъ смотрѣть на него, на своего вожака, съ невольнымъ уваженіемъ и съ горячею благодарностью. Представитель общества при торговыхъ или промышленныхъ предпріятіяхъ получаетъ за свой трудъ особое вознагражденіе [1]). Подобное же вознагражденіе приличествуетъ еще въ большей степени военному вождю. Лейбонъ масаевъ получаетъ извѣстную долю изъ общей добычи за то, что онъ „такъ хорошо велъ ихъ и лекарство его было такое могущественное". Вся прочая добыча расхватывается воинами. „Мы не видимъ у нихъ даже и попытки къ тому, чтобы правильно раздѣлить ее"; при дѣлежѣ зачастую гибнетъ болѣе воиновъ чѣмъ на войнѣ. Но добыча отнятая у товарищей не остается у побѣдителя; онъ ограничивается одною славою удальца, передавая все награбленное имъ своему отцу [2]). Таланту вождя, его опыту, его храбрости побѣдители обязаны счастливымъ исходомъ своего предпріятія. Понятно, поэтому, что данная личность и впослѣдствіи будетъ стоять выше всѣхъ и прежде всего имѣется въ виду въ случаѣ общественныхъ нуждъ. Еще большею силою, чѣмъ въ средѣ людей близкихъ, бывшихъ равными ему до его возвышенія и смотрящихъ на него теперь съ завистью, онъ будетъ пользоваться среди союзниковъ и побѣжденныхъ. Онъ далѣе отъ нихъ и, поэтому, кажется имъ существомъ высшимъ; онъ является лицомъ, объединившимъ племена и покорившимъ побѣжденныхъ. Но, какъ бы то ни было, счастливый вождь остается болѣе или менѣе выраженнымъ олицетвореніемъ той удачи, которая озаряетъ всю жизнь, всю исторію первобытнаго человѣка. „Подобно Индрѣ шествуетъ онъ впереди". „На войнѣ добывается власть и укрѣпляется". „Боги бури и битвы, маруты, создаютъ народу сильнаго царя", а „онъ даетъ народу силу и богатство" [3]). Такъ истолковываютъ происхожденіе вождей и значеніе ихъ древнія сказанія индусовъ. Чего не достигнетъ въ настоящемъ случаѣ фантазія человѣка, освѣщающая личность до-

---

[1]) См. выше, стр. 346, 377.

[2]) Thomson. Durch Massailand, S. 389, 390.

[3]) S. Lefmann. Geschichte des alten Indiens, S. 130, 131.

рогаго человѣка блескомъ божественнаго сіянія, то дополнятъ печальныя инстинкты массы, всегда готовой преклоняться предъ сильною волею героя, желающаго властвовать.

Но первобытное общество отнюдь не сразу поддается властолюбію отдѣльнаго индивидуума, да и властолюбіе это можетъ найти себѣ почву лишь тогда, когда экономическія условія уже благопріятствуютъ распаденію общества на руководителей и руководимыхъ. И тутъ, однако, уступки дѣлаются лишь весьма постепенно: властителю придается товарищъ, какъ бы служащій ему противовѣсомъ. Въ Спартѣ было два короля, въ Римѣ два консула, въ союзѣ Ахеянъ два стратега, у делаверовъ и ирокезовъ два вождя, у японцевъ два властителя, гражданскій, шугунъ, и духовный, микадо, и т. д. Однако же, централизація управленія народомъ въ рукахъ одного или нѣсколькихъ человѣкъ становится дѣломъ неизбѣжнымъ, когда населеніе данной страны достаточно сгустилось или же начало дифференцироваться. При большомъ числѣ индивидуумовъ и, еще болѣе того, если районъ распространенія этихъ индивидуумовъ захватываетъ области весьма различныя по природѣ, функціи и потребности ихъ разнятся по причинамъ весьма естественнымъ. Мы упомянули уже выше о томъ вліяніи, которое оказываютъ чуждые нравы и воззрѣнія на первобытную общину [1]), но и сгущеніе народонаселенія въ данномъ мѣстѣ равносильно разложенію первобытнаго общества: добываніе пищевыхъ веществъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ, оно мыслимо въ концѣ-концовъ лишь при большей интензивности хозяйства, слѣдовательно, при дифференцированномъ трудѣ и при болѣе точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей каждаго сочлена общества. Точно также мы неоднократно указывали на зависимость образа жизни первобытнаго человѣка отъ условій окружающей его природы. Весьма понятно, что мирное или насильственное соединеніе разнородныхъ элементовъ, являющееся результатомъ войнъ, должно окончательно уничтожить первобытное общеніе элементовъ однородныхъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Никобарскихъ острововъ, гдѣ населеніе рѣдкое, мы до сихъ поръ встрѣчаемъ общинное владѣніе земель; тамъ же гдѣ населеніе сгустилось, уже по-

[1]) См. выше, стр. 377.

явились межевые знаки[1]). Австралійцы, по справедливому замѣчанію Пешеля, не доразвились до земледѣлія, не смотря на всѣ естественныя данныя своей страны; населеніе Австраліи не было достаточно густымъ, оно опредѣлялось не выше какъ въ 200.000, а иными изслѣдователями даже только въ 60,000 душъ, для которыхъ данныхъ охотничьихъ угодій было болѣе чѣмъ достаточно; въ случаѣ же нужды они скорѣе готовы были разъ поголодать, чѣмъ отказаться отъ своей золотой свободы[2]). Тамъ, гдѣ на сотню квадр. километровъ приходится лишь по 1 человѣку, какъ, напримѣръ, на окрайнахъ ойкумены, тамъ, гдѣ нѣтъ племени, въ которомъ насчитывалось бы болѣе 10 хижинъ, какъ это сообщаетъ Боасъ относительно эскимосовъ къ сѣверу отъ пролива Барро[3]), или гдѣ лишь при чрезвычайныхъ событіяхъ случается видѣть нѣсколько сотъ человѣкъ вмѣстѣ, какъ это, напримѣръ, разсказываетъ Бове объ огнеземельцахъ, собиравшихся въ миссіи для полученія пищи и одежды—тамъ нѣтъ мѣста для развитія общественнаго и государственнаго строя. Но гдѣ населеніе начинаетъ внезапно сгущаться, напримѣръ, при вторженіи сосѣдей, тамъ возгарается борьба за существованіе со всѣми ея послѣдствіями[4]). Правъ, поэтому, Пешель, говоря, что значительныя цифры народонаселенія уже сами по себѣ служатъ ручательствомъ въ пользу развитія культуры и совершенствованія техническихъ искусствъ[5]).

При спеціализаціи труда зависимость членовъ сообщества другъ отъ друга все болѣе и болѣе увеличивается. Подобно тому какъ низшіе организмы могутъ быть расчленены безъ непосредственнаго ущерба для своей жизни и какъ они, разрѣзанныя на куски, продолжаютъ жить въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, такъ точно и разбитое первобытное сообщество продолжаетъ свою жизнь въ разрозненныхъ представителяхъ своихъ, изъ которыхъ каждый способенъ поддержать до нѣкоторой степени свое существованіе. Но подобно тому какъ

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. B. 1. S. 440.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 340, 341.

[3]) Boas. Ehemalige Verbreitung der Eskimos. Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde, 1883, S. 122.

[4]) Ratzel. Der Begriff der Oekumene. Bericht der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften 1888, S. 162, 170.

[5]) Пешель, Народовѣдѣніе, стр. 381.

сложный организмъ, совершенствуясь, слѣдовательно, дифференцируясь на несходныя части, обладающія различными функціями, становится существомъ нераздѣльнымъ и благоденствующимъ лишь подъ условіемъ неприкосновенности своихъ составныхъ частей, такъ и общественный организмъ состоитъ изъ членовъ находящихся, по выраженію Гегеля, въ системѣ всесторонней зависимости другъ отъ друга; будучи оторванными отъ цѣлаго, эти члены либо гибнутъ, либо страдаютъ, но точно также и общество теряетъ свою нормальную жизнь съ утратою того или другаго составнаго элемента. Дифференцированное общество становится по мѣрѣ своего развитія все болѣе воспріимчивымъ къ особенностямъ внѣшняго міра и незамѣтно для себя вступаетъ въ ту сѣть великихъ и мелкихъ отношеній къ чуждымъ странамъ, которую мы называемъ міровымъ хозяйствомъ и изъ которой нѣтъ уже возврата разъ вступившему на этотъ плодотворный, но, конечно, и небезопасный путь.

Среди тѣхъ явленій, которыя быстрѣе всего намѣчаются при первыхъ же попыткахъ первобытнаго общества къ тому, чтобы дифференцироваться, мы остановимся прежде всего на исторіи развитія кастъ.

Классическимъ примѣромъ, подтверждающимъ все то, что мы выше говорили о значеніи раздѣленія труда, о торговыхъ сношеніяхъ и о послѣдствіяхъ войны, могутъ послужить касты древней Индіи. Въ настоящее время доказано повидимому достаточно основательно, что выработанный кастовый строй не является достояніемъ доисторическаго или эпическаго періодовъ арійскихъ народовъ [1]). Древняя Индія также имѣла свой золотой вѣкъ, незнавшій соціальнаго неравенства, вѣкъ, когда всѣ были счастливы и равны; но впослѣдствіи, по истеченіи многихъ тысячелѣтій, родъ людской испортился, появились холодъ, зной, голодъ и вождѣленіе—рознь и расколъ. И вотъ одни явились представителями насилія и защиты, другіе продолжали проповѣдывать истину и слово божіе, третьи, со своей стороны принялись неутомимо разрывать землю плугомъ и заботиться о поддержаніи жизни своей и другихъ, тогда какъ четвертые подчинились унизительной служ-

[1]) S. Lefmann. Geschichte des alten Indiens. S. 135, 383, 411. Представителемъ противнаго мнѣнія является Лудвигъ. Der Rigveda, Prag. 1876—81, B. III, S. 243.

*

бѣ [1]). Но есть и другія легенды, которыя намъ указываютъ на значеніе раздѣленія труда при образованіи кастъ: такъ, напримѣръ, извѣстный миѳъ, по которому при жертвѣ первичнаго человѣка „изо рта создался брахманъ, изъ рукъ—раянія (кшатрія), изъ лядвій—ваисіа, изъ ногъ—судра"; по другому сказанію они произошли въ такомъ же порядкѣ изъ Брахмы, послѣ чего богъ осмотрѣлъ ихъ и сравнилъ ихъ дѣятельность и вотъ людей перваго разряда онъ поставилъ надъ другими, а въ виду стремленія ихъ къ божественной наукѣ (brahmaveda) онъ сдѣлалъ ихъ брахманами; слѣдующую ступень составляли защитники отъ зла, кшатріи; третьи, такъ какъ они занимались торговлею, которая укрѣпляетъ успѣхи войны, равно какъ земледѣліемъ и скотоводствомъ на собственное свое и прочаго человѣчества пропитаніе, названы были ваисіями; послѣдніе же добровольно должны были служить другимъ и сдѣлались, поэтому, судрами; они должны были покорно лежать у ногъ высшихъ [2]).

Многія легенды разсказываютъ намъ о томъ, что цари и жрецы находились въ непрестанной борьбѣ другъ съ другомъ, что первые отнимали у послѣднихъ жертвенныхъ животныхъ и вторгались въ святилища ихъ; но мы узнаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что побѣда осталась за сословіемъ жрецовъ, тогда какъ выясненіе взаимоотношеній этихъ двухъ классовъ послужило толчкомъ къ тому, чтобы опредѣлились и обособились прочія сословія [3]). Какъ на третій разрядъ причинъ, способствующихъ образованію кастъ, мы должны указать на подчиненіе покоренныхъ народовъ; въ такомъ положеніи находилась, повидимому, наиболѣе приниженная каста судры. Къ этой кастѣ прежде всего относились туземцы, подчинившіеся брахманизму, но все-же отличные отъ высшихъ трехъ кастъ даже по внѣшнему своему виду. Мы уже выше говорили о томъ, что они были Dâsa или Dasyu, что значитъ презрѣнные, приниженные, злокозненные и что varna въ одно и тоже время обозначало и касту и цвѣтъ [4]). Уже древнѣйшая эпоха приводитъ внѣшнюю окраску въ связь съ темпераментами

---

[1]) S. Lefmann, S. 413, 414.

[2]) l. c., S. 413.

[3]) l. c., S. 411.

[4]) См. выше стр. 5.

и профессіею. Въ началѣ не было различія въ окраскѣ, говоритъ легенда, весь міръ былъ брахманскимъ. Но тѣ брахманы, которые уступали чувственнымъ удовольствіямъ, жесткой злобѣ и упорству, забывая свой законъ, (обязанности своего сословья) и представлялись красными (отъ страстей) стали кшатріями; другіе, которые обратились къ скотоводству и земледѣлію, желтые, стали вайсіями; третьи, наконецъ, которые необуздано, лживо и похотливо ухватились за всѣ прочія дѣла, которые уступили всю свою чистоту, черные, стали судрами [1]). Впрочемъ подобная классификація по цвѣтамъ не чужда и древнимъ германцамъ: сообразно съ тремя основными цвѣтами, которые Эдда принимаетъ въ мосту, образуемомъ радугою, богъ Геймдаль основываетъ три сословья германскаго народа. По этой классификаціи, представляющейся намъ въ Рингсмалѣ, слуга оказывается существомъ темноволосымъ, съ грубою кожею. Свободный человѣкъ имѣетъ свѣтло-красную окраску щекъ и волосъ. Благородный обладаетъ свѣтлыми волосами, блестящими щеками; шея и затылокъ его жены блестящѣе чистаго снѣга. Самое обращеніе къ нему: Herr—hêrro, hêriro производится отъ hêr, возвышенный, свѣтлый, просвѣщеный [2]).

Но если уже разъ установились касты, они, аналогично первобытной общинѣ, замыкаются въ свой кругъ, въ свой тѣсный мірокъ, которому противупоставляется весь прочій міръ. Весьма понятно, что такъ называемые кастовые народы отличаются большою устойчивостью, но эта устойчивость не представляетъ собою чего либо отраднаго [3]), ибо если уже первобытная община относится, благодаря своей замкнутости, ко всякимъ нововведеніямъ болѣе или менѣе отрицательно, то это враждебное отношеніе къ прогрессу выражается, конечно, еще рѣзче въ застывшемъ кастовомъ строѣ общества. Чѣмъ болѣе выгодъ представляетъ данная каста, тѣмъ ревнивѣе соблюдаютъ свою чистоту сочлены ея. Весьма удачно обнаруживается это на кастѣ жрецовъ въ Индіи. Тоже можно

---

[1]) Lefmann, S. 414.

[2]) E. L. Rochholz. Deutscher Glaube und Brauch im Spiegel der heidnischen Vorzeit, Berlin, Dümler, 1867, 2 Aufl., S. 192, 191.

[3]) Такого мнѣнія, повидимому, держится упомянутый уже нами апологетъ войны Гельвальдъ. Kulturgeschichte, S. 317.

сказать и относительно кастъ ремесленниковъ, купцовъ-монополистовъ и т. д.

Обособленіе кастъ порою доводится до крайности. Подъ угрозою потерять касту воспрещаются смѣшанные браки, общія трапезы [1]), взаимное соприкосновеніе между кастами. Не смотря на занимаемое ею положеніе, каждая каста гордится собою, а брахманъ повторяетъ каждое утро послѣ омовенія гимнъ о жертвѣ первороднаго человѣка, чтобы напомнить себѣ свое высокое происхожденіе [2]). Каждая каста опутана густою сѣтью предписаній, несоблюденіе которыхъ влечетъ за собою утрату касты. Брахманы Пиръ-Али, изъ среды которыхъ вышелъ одинъ изъ обновителей брахманизма, Дебендра Натъ Тагоръ, должны были обособиться въ отдѣльную касту, когда магометанскій управитель, по имени Пиръ-Али-ханъ, велѣлъ внести въ собраніе ихъ сильно пахучее блюдо, которое имъ пришлось вдыхать вмѣстѣ съ нимъ [3]).

Необходимо, однако, помнить, что оппортунистическая жизнь не терпитъ подобныхъ непримиримыхъ крайностей. Изученіе Индіи, какъ древнѣйшей, такъ и новѣйшей, указываетъ намъ что смѣшанныя касты всегда существовали. Помимо вышеупомянутыхъ четырехъ главныхъ кастъ существуетъ масса мелкихъ; такъ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ ихъ насчитываютъ около 307, въ Бенгаліи 1000, касты ваисіевъ и кшатріевъ почти уже исчезли; среди брахмановъ многіе занимаются практическими ремеслами или даже нищенствуютъ; такъ въ Бомбеѣ въ 1864 году нищими были уже 33% всѣхъ мѣстныхъ брахмановъ [4]). Самому существу кастоваго строя противорѣчатъ гуманныя воззрѣнія Будды; ученіе Шакьямуни является благою вѣстью для всѣхъ; характерна въ этомъ случаѣ прекрасная легенда о любимомъ ученикѣ Шакьямуни, Анандѣ, легенда столь схожая съ расказами о встрѣчѣ съ самаритянкою у колодца въ четвертомъ Евангеліи. Онъ проситъ у дѣвушки чандала, одной изъ презрѣннѣйшихъ сектъ, воды, а когда она медлитъ, боясь осквернить его прикосновеніемъ, онъ говоритъ: „сестра моя, я не спрашиваю о твоей кастѣ и о

---

[1]) Смотри выше стр. 293.

[2]) Смотри выше стр. 404. S. Lefmann. Geschichte des alten Indiens, S. 413.

[3]) E. Schlagintweit. Religiöse Neuerungen in Britisch Indien, Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik, B. VII, S. 159.

[4]) Werner. Ostindien. Jena, Costenoble 1884, S. 262.

твоемъ происхожденіи, я прошу воды, если ты можешь мнѣ ее дать". Точно также и въ современномъ ученіи брахмаджарманскомъ, основателемъ котораго является умершій въ 1884 году Кешабъ-Чандеръ-Сенъ высказывается та мысль, что всѣ люди одной касты, что всѣ они имѣютъ право общенія съ богомъ и что нѣтъ разницы между брахманами и судрами, между индусами и европейцами. „Наша религія задалась", говоритъ Кешабъ-Чандеръ-Сенъ, „задачею уничтожить ненависть и вражду между кастами, а вмѣсто этого преобразовать все человѣчество въ одну великую семью" [1]). Такимъ образомъ вполнѣ опровергаются слова Вернера, утверждающаго, что ни одинъ индусъ не поднималъ голоса за уничтоженіе кастъ и что пройдутъ еще цѣлыя столѣтія, пока что либо измѣнится въ этомъ отношеніи [2]).

Мы видѣли, что касты, какъ это отмѣчено было въ свое время уже Максомъ Мюллеромъ [3]), могутъ образовываться подъ вліяніемъ весьма различныхъ силъ. Однако въ основѣ раздѣленія на касты чаще всего лежатъ отличія профессіональныя, политическія или этнологическія.

Тѣ-же мотивы, которые нами были выяснены относительно Индіи, встрѣчаются всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ кастовыми учрежденіями. Въ Африкѣ, напримѣръ, мы находимъ у цѣлаго ряда племенъ, какъ касту наиболѣе могущественную и опасную, жрецовъ и кудесниковъ; выше уже нами было указано на то вліяніе, которымъ пользовались жрецы въ древнемъ Египтѣ [4]). У веръ-сингелловъ мы встрѣчаемъ нѣсколько профессіональныхъ кастъ: 1) мидганъ—кузнецы и торговцы; 2) томаль—нѣчто въ родѣ оброчныхъ крестьянъ, слуги, пастухи и погонщики верблюдовъ, солдаты; 3) джиббиръ—бродяжничающіе фокусники и знахари [5]), въ Уньоро пастухи составляютъ также отдѣльную касту, подъ именемъ богума; со скотомъ разлучаетъ ихъ одна лишь смерть, ибо если скотъ будетъ отбитъ, они переходятъ къ новому владѣльцу [6]). Въ другихъ мѣстностяхъ мы имѣемъ

[1]) E. Schlagintweit. Religiöse Neuerungen etc., S. 206.
[2]) Werner. Ostindien, S. 266.
[3]) Max Müller. Chips of a German workshop v. II, p. 297—356.
[4]) Смотри выше стр. 370.
[5]) Post. Afrikanische Jurisprudenz, B. I, S. 171.
[6]) Ibid, S. 171.

дѣло съ кастами этнологическаго происхожденія: такъ у народа дамара отличаются касты овакуейба, родственные солнцу, овакуеномбура, родственные дождю и т. д., такихъ кастъ перечисляется пять или шесть; у бечуановъ касты называются по имени извѣстныхъ животныхъ, такъ, напримѣръ, бакатла (происходящіе отъ обезьянъ), бакуена (происходящіе отъ аллигатора), батлани (происходящіе отъ рыбы) и т. д.; при этомъ данными кастами соблюдаются пищевые запреты относительно животныхъ, носящихъ имя ихъ родоначальниковъ [1]).

Наконецъ, существуютъ касты политическаго происхожденія: элькононы, когда то самостоятельные, находятся теперь въ абсолютной зависимости отъ племени вакуафи; они исполняютъ презираемую здѣсь обязанность кузнецовъ [2]). Точно также они подчиняются масаямъ. Для послѣднихъ они изготовляютъ оружіе, но сами они не имѣютъ права участвовать въ войнахъ и точно также они лишены права вступать въ бракъ со своими господами [3]). Подобнымъ же образомъ скандинавы въ свое время отдѣлились отъ покоренныхъ ими лапландцевъ и сохранили, благодаря строгому воспрещенію браковъ между побѣдителями и побѣжденными, свою племенную чистоту въ большей степени, чѣмъ другіе германцы. Военноплѣнные заурядъ составляютъ касту людей несвободныхъ; въ Анголѣ и въ области Конго они составляютъ касту мобика, мевика (Бастіанъ); такую же касту военноплѣнныхъ мы встрѣчаемъ на Золотомъ берегу (Босманъ) [4]).

Возратимся, однако, еще разъ къ техническимъ искусствамъ; они достигаютъ наивысшаго своего совершенства подъ вліяніемъ раздѣленія труда. Но если, въ конечномъ результатѣ этого раздѣленія труда, на нашихъ фабрикахъ рабочіе всю свою жизнь посвящаютъ выдѣлкѣ какой либо сотой или тысячной части цѣлаго продукта, то прототипомъ первичнаго раздѣленія труда является та спеціализація въ промыслахъ того или другаго племени, которая въ большинствѣ случаевъ основана на чисто географическихъ причинахъ. Въ Перу, по Прескотту, различныя провинціи

---

[1]) Post, S. 170.
[2]) V. der Decken. Reisen in Afrika, B. II, 1871, S. 24.
[3]) Thomson. Durch Massailand, S. 379.
[4]) Post, B. I, S. 92.

доставляли людей, подходящихъ къ различнымъ занятіямъ. Такъ, одинъ округъ доставлялъ людей знакомыхъ съ работою въ рудникахъ, другой самыхъ лучшихъ рабочихъ по металлу или по дереву и т. д. [1]). Въ формѣ еще болѣе примитивной такая спеціализація выражается тамъ, гдѣ она распространяется на цѣлыя народности или значительныя географическія провинціи: такъ, напримѣръ, финикіяне являлись торговцами древняго времени, востокъ снабжалъ западъ благовоніями, Китай былъ страною шелка и т. д.

Зачастую первыми піонерами спеціализаціи труда въ первобытной общинѣ являются чужеземцы, образующіе, опять таки уже въ силу своего чуждаго происхожденія, замкнутыя касты. Въ Аравіи, въ странѣ Резасъ, презрѣнное ремесло кузнеца находится въ рукахъ либо евреевъ, либо касты паріевъ [2]), въ Абессиніи кузнецами являются такъ называемые еврейскіе фалаша [3]); Навуходоносоръ въ свое время отвелъ плѣнныхъ евреевъ-ремесленниковъ въ Вавилонъ; то же дѣлали и филистимляне. Изъ Эпира уходитъ ежегодно масса народу на заработки въ Константинополь и другія мѣста; ремесла монополизированы по народностямъ; такъ, оловянныхъ и свинцовыхъ дѣлъ мастера—евреи, серебрянныхъ и мѣдныхъ—валахи, лучшіе плотники и столяры изъ округа Коницы, предполагаемые потомки туземныхъ эпиротовъ, кузнецы—цыгане, ковали—мусульмане; во многихъ мѣстностяхъ Азіатской Турціи главнѣйшія ремесла находятся въ рукахъ христіанъ [4]).

Но, если ремесла являются большею частью дарами, принесенными извнѣ, то, съ другой стороны, и внутри самой общины спеціализація быстро ведетъ къ обособленію ремесленниковъ, или даже къ образованію ремесленныхъ кастъ. Зачастую эти касты или-же разрозненные ремесленники подвергаются презрѣнію со стороны прочихъ сочленовъ общины, но, преслѣдуя свои интересы, они сами становятся въ противорѣчіе со своими согражданами. Въ такомъ положеніи находились ремесленники отчасти у грековъ и

---

[1]) Цитировано по Н. Зиберу. Очерки первобытной экономической культуры. Стр. 485.

[2]) v. Maltzan. Reisen nach Südarabien, S. 309.

[3]) R. Hartmann. Die Nigritier, B. I, S. 374.

[4]) Зиберъ. Очерки, стр. 487.

римлянъ, или, пожалуй, даже и въ средневѣковой Германіи. Въ высшей степени странное положеніе занимаютъ въ особенности тѣ ремесленники, профессія которыхъ имѣетъ характеръ таинственный и мрачный. Таково, напримѣръ, отношеніе чрезвычайно значительнаго числа народовъ къ кузнецамъ. Достаточно вспомнить сказанія сѣверныхъ германцевъ, легенды грековъ или, наконецъ, дивнаго кузнеца Ильмарейнена финской Калевалы, чтобы убѣдиться въ томъ, что и для насъ, европейцевъ, кузнецъ издавна былъ личностью загадочною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоящей въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ. Кузнецъ не только мастеръ своего дѣла, но въ большинствѣ случаевъ и знахарь; онъ полезенъ, но въ то же время и опасенъ. Онъ пользуется большимъ почетомъ у многихъ народовъ, напримѣръ у фановъ; маленькія племена на Оговэ, не обработывающія желѣза, высоко чтятъ фанскихъ кузнецовъ; но если у самихъ фановъ кузнецъ въ тоже время и жрецъ и медицинменъ, то у этихъ племенъ поклоненіемъ пользуются даже мѣхи фанскихъ кузнецовъ; эти иструменты вѣшаются, напримѣръ, въ домахъ фетишей (Ленцъ). Почетно также положеніе кузнеца у феллата и гаусса. (Рольфсъ)[1]). У кабиловъ и у мандинго кузнецъ считается святою, неприкосновенною личностью на войнѣ[2]); мотивомъ этого почтенія передъ кузнецомъ выставляется польза, приносимая имъ. Для другихъ племенъ нѣтъ людей болѣе презрѣнныхъ, чѣмъ кузнецы. Такимъ образомъ относятся къ кузнецамъ бари и динка на Бѣломъ Нилѣ, абессинцы, іолофы и т. д.[3]). У тедовъ въ восточной Сахарѣ кузнецы какъ бы стоятъ внѣ общества. Они совершенно изолированы и могутъ вступать въ бракъ лишь съ сочленами своей собственной касты. Ни одинъ теда не будетъ ѣсть совмѣстно съ кузнецами или спать съ ними подъ одною крышею. Съ другой стороны никто не рѣшится оскорбить кузнеца или же поднять на него оружіе; это было бы тяжкимъ позоромъ. Къ нимъ же обращаются въ случаѣ болѣзни. Искусство ихъ пе-

---

[1]) Andree. Ethnographische Parallelen und Vergleiche, Stuttgart 1878, S. 156.

[2]) A. Bastian. Ein Besuch in San-Salvador, Bremen 1859, S. 161. — Der Papua, S. 54.

[3]) Andree, S. 156.

редается по наслѣдству отъ отца къ сыну (Рольфсъ, Нахтигаль)[1]).

Однимъ изъ характернѣйшихъ продуктовъ дифференціаціи общества на болѣе высокихъ ступеняхъ хозяйства является рабство. Но, какъ мы уже выше указывали, рабство мыслимо, какъ опредѣлившійся экономическій фактъ, лишь тамъ, гдѣ для существованія его подготовлена извѣстная почва[2]). Наиболѣе совершенныя формы рабства мы встрѣчаемъ, поэтому, у народовъ осѣдлыхъ, знакомыхъ съ раздѣленіемъ труда и привыкшихъ къ индивидуализаціи общественныхъ элементовъ[3]). Рабами являются, конечно, прежде всего дѣти рабовъ, тогда какъ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, при которыхъ лишь одинъ изъ членовъ брачной пары свободенъ, становятся рабами или свободными соотвѣтственно воззрѣнію даннаго народа на женщину. Но къ этому вопросу мы возвратимся въ послѣдующихъ главахъ; укажемъ здѣсь лишь на то, что по мнѣнію древнихъ мехиканцевъ люди всегда рождаются свободными[4]). Одна изъ наиболѣе естественныхъ формъ обращенія человѣка въ рабство, — это взятіе его въ плѣнъ. Мы видѣли уже выше, что рабство у племенъ бродячихъ немыслимо, потому что они не имѣютъ средствъ содержать своихъ рабовъ: они часто умерщвляютъ своихъ военнопленныхъ. Тамъ же, гдѣ рабство пустило корни, охота за рабами становится однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и доходныхъ занятій; такъ, напримѣръ, въ Африкѣ, въ особенности въ эпоху процвѣтанія торговли невольниками, или же въ Туркестанѣ до утвержденія въ немъ русскихъ, набѣги съ цѣлью добыть рабовъ являлись дѣломъ обыденнымъ.

Во многихъ случаяхъ племена слабыя или даже отдѣльныя личности ищутъ защиты у сильныхъ и признаютъ ихъ своими господами. Подобныя отношенія описываются Мунцингеромъ у богосовъ и у тигрэ[5]). Зачастую ищущій защиты

---

[1]) См. Post. Afrikanische Jurisprudenz, B. I, S. 173. О положеніи кузнецовъ смотри Post, l. c., B. I, S. 70 и Andree, l. c., Der „Schmied“, S. 153—159.

[2]) См. выше стр. 276.

[3]) См. выше стр. 369.

[4]) Waitz. Anthropologie, B. IV, S. 87.

[5]) Munzinger. Ueber die Sitten und das Recht der Bogos, Winterthur, 1859, S. 42, 44.

наноситъ какой нибудь ущербъ или даже оскорбленіе своему будущему патрону, и въ возмездіе за это признается кліентомъ или даже рабомъ его. Такіе случаи описываетъ Бастіанъ въ своемъ содержательномъ трудѣ: Die deutsche Expedition an der Loangoküste [1]). У кимбунда, говоритъ Мадьяръ, достаточно слегка разорвать платье патрона и сказать: „я твой рабъ", чтобы дѣйствительно стать его рабомъ [2]); надобно, впрочемъ замѣтить, что положеніе рабовъ у этого народа весьма благопріятно. Тамъ, гдѣ общественныя отношенія достигли уже нѣкотораго развитія, рабами дѣлаются несостоятельные должники. Мунцингеръ отмѣчаетъ существованіе такихъ рабовъ у богосовъ, гдѣ рабомъ становится человѣкъ, немогущій уплатить виры или долга; если у тигрэ рабъ-должникъ умеръ, не уплативъ своихъ долговъ, то его дѣти продаются въ рабство [3]). Круиксганкъ разсказываетъ, что фанти отдаютъ временно подъ залогъ своихъ женъ или дѣтей. Отданные на такихъ условіяхъ въ рабство должны выслужить у своего владѣтеля сумму, взятую ихъ мужемъ или отцомъ съ придачею 50%; если подъ залогъ отдана женщина, то заимодавецъ можетъ ее сдѣлать своею наложницею, когда же она возвращается обратно къ должнику, то послѣдній имѣетъ право купить прижитыхъ ею тѣмъ временемъ дѣтей за 22 шиллинга 6 пенсовъ съ человѣка [4]). Въ древнемъ Египтѣ существовалъ обычай, по которому умершій должникъ лишь предварительно погребался въ домѣ до уплаты долга. Галлы сжигали совмѣстно съ мертвецомъ его записи долговъ (Помпоній Мела). [5]) Въ Швабіи вдова приносила ключи мужа на могилу и тѣмъ избавлялась отъ обязанности платить за него [6]). У эвейцевъ люди, надѣлавшіе больше долговъ, чѣмъ они сами стоили вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, подлежатъ смертной казни. Прежде ихъ закапывали живыми, теперь имъ отрубаютъ головы.

---

[1]) A. Bastian. Die deutsche Expedition an der Loangoküste, Jena, Costenoble 1874, B. I, S. 195.

[2]) Цитиров. у Зибера, стр. 495.

[3]) Munzinger. Bogos, S. 42, 71.

[4]) Post. Afrikaniche Jurisprudenz, B. I; S. 94.

[5]) Bastian. Der Papua, S. 39.

[6]) Bastian, l. c., S 81.

Послѣ казни семья вноситъ князю двѣнадцать талеровъ, которые раздѣляются между старѣйшинами. При этомъ народу сообщаютъ что „такого то человѣка долги съѣли“; съ этого момента семья его свободна отъ всякихъ обязательствъ [1]). Полинезійцы страстно любятъ татуировку; чтобы покрыть свое тѣло прекрасными узорами, полинезіецъ готовъ продать себя въ рабство татуировщику; впрочемъ, татуировка въ то же время признакъ человѣка свободнаго. Если взятъ въ плѣнъ новозеландецъ съ незаконченою татуировкою, то онъ не имѣетъ уже права продолжать ее [2]). Малайцы такіе страстные игроки, что зачастую проигрываютъ, напримѣръ въ пѣтушьихъ бояхъ, свою свободу [3]). Тоже самое дѣлали въ свое время древніе германцы. Уже Тацитъ указываетъ на то, что древніе германцы, при всѣхъ идеальныхъ чертахъ своихъ, предавались [4]) пьянству и игрѣ въ кости. Въ послѣднемъ случаѣ они увлекались до того, что проигрывали и женъ и дѣтей, а, наконецъ и самихъ себя. Однако же правовое чувство народа не могло одобрить существованія такихъ рабовъ: ихъ стыдились и выигравшіе обыкновенно продавали ихъ на чужбину. Наивысшую форму обращенья человѣка въ рабство составляетъ покупка раба [5]).

Что касается до русскихъ славянъ, то свѣдѣнія о существованіи рабства у нихъ встрѣчаются и въ древнерусскихъ и въ иностранныхъ памятникахъ. Въ договорахъ Олега и Игоря съ греками говорится о плѣнныхъ и купленыхъ рабахъ. Плѣнникъ, проданный другому хозяину или оставшійся у прежняго, могъ быть выкупленъ: по договору Олегову, выкупъ опредѣляется рыночною цѣною рабовъ, а по договору Игореву, цѣна опредѣляется по возрасту. О торговлѣ рабами мы узнаемъ изъ словъ Святослава, обращенныхъ къ матери и боярамъ: объясняя всѣ выгоды Переяславца Дунайскаго, онъ перечисляетъ приходящіе туда товары и между прочимъ говоритъ: отъ „руси же скотъ и воскъ, медъ и челядь“. Ибнъ-Дастъ говоритъ объ обращеніи военноплѣнныхъ въ

---

[1]) Hornberger. Land und Volk der Eweer, Quartalblatt der Norddeutschen Missionsgesellschaft für die Mitglieder der Groten-Collection, 1878 N, 86, S. 488.

[2]) Waitz—Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 30.

[3]) Waitz. Anthropologie, B. III, Theil I, S. 158—189.

[4]) Tacitus. Germania, cap. XXII.

) Зиберъ. Очерки, стр. 488.

рабство[1]). „Русская правда“ выработала уже цѣлый рядъ казуистическихъ способовъ обращенія въ рабство: свободные люди становились рабами, если они женились на рабыняхъ, не заключивъ предварительнаго условія съ ихъ господиномъ, или же, когда они, опять таки не заключивъ условія, поступали въ тіуны. Рабами становились наконецъ военноплѣнные и несостоятельные должники и т. д.

Въ заключеніе укажемъ еще на то, что положеніе рабовъ у большинства первобытныхъ народовъ весьма сносное. Уже выше мы замѣтили, что при недостаточномъ расчлененіи общества и при невозможности постояннаго охраненія и пропитанія рабовъ они либо совершенно не мыслимы, либо же разсматриваются какъ младшіе, неполноправные сочлены общества и какъ сотрудники на общую или семейную пользу[2]). Весьма мѣтко Н. И. Зиберъ указываетъ на то, что по воззрѣніямъ первобытнаго человѣка раба можно принести въ жертву на могилѣ его господина, какъ принадлежащую ему собственность, но мучить его голодомъ или заставлять работать черезъ силу представлялось бы нарушеніемъ основныхъ началъ общинно-родоваго быта, такъ какъ рабъ до нѣкоторой степени входитъ въ составъ рода[3]). У чукчей Норденшёльдъ не встрѣтилъ рабовъ[4]). Если рабы существуютъ у эскимосовъ, то во всякомъ случаѣ съ ними обращаются, по свидѣтельству Ринка, не иначе, чѣмъ съ членами семейства[5]). Абипоны обращались, по свидѣтельству Добрицгоффера[6]), самымъ гуманнымъ образомъ со своими рабами; тоже самое слѣдуетъ замѣтить относительно древнихъ мехиканцевъ[7]) или бродячихъ индѣйцевъ[8]). Но даже въ Африкѣ, въ этой типичной странѣ рабства, мы встрѣчаемъ гуманныхъ рабовладѣльцевъ, напримѣръ, у кимбунда (Мадьяръ), въ Камерунѣ[9]) и т. д. Даже исламъ, противъ котораго нынѣ

---

[1]) Д. Хвольсонъ. Извѣстія Ибъ-Даста о хазарахъ, буртасахъ и т. д., стр. 35.

[2]) См. выше, стр. 276.

[3]) Зиберъ. Очерки, стр. 489.

[4]) Nordenskiöld. Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, B. II, B. II, S. 24.

[5]) Зиберъ, стр. 490.

[6]) M. Dobrizhoffer. Historia de Abiponibus, Wienna 1784, v. II, p. 148.

[7]) Waitz. Anthropologie, B. IV, S. 86 f.

[8]) l. c., B. III. S. 158.

[9]) Buchholz. Reisen in Westafrika, Leipzig 1880, S. 97.

воздвигаютъ такое сильное гоненіе, какъ противъ распространителя рабства, относится въ принципѣ къ рабамъ съ наивысшею гуманностью. „Прощай раба своего шестьдесятъ шесть разъ въ день“, говоритъ коранъ. „Не говори мой рабъ, мы всѣ рабы предъ богомъ; а говори мой слуга, моя служительница“ [1]). Большинство европейцевъ держится того мнѣнія, что рабство есть учрежденіе спеціально-магометанское, ибо, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ мы сами прекратили торговлю рабами, почти единственными рабовладѣльцами и распространителями рабства остаются магометане [2]).

Но это значитъ преднамѣренно упустить изъ виду какъ наше собственное недавнее прошлое, такъ и эпоху великихъ классическихъ вѣковъ и, наконецъ, распространеніе рабства среди такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ. Исламу, равно какъ и мозаизму, пришлось считаться съ рабствомъ, сложившимся уже ранѣе ихъ самихъ. И то и другое ученіе не отмѣнило рабства. Но мозаизмъ заботится объ охранѣ рабовъ, о гуманномъ обращеніи съ ними и устанавливаетъ тотъ обычай, что рабъ, прослужившій шесть лѣтъ, на седьмой годъ становится свободнымъ; пожизненными рабами оставались лишь тѣ, которые не принадлежали къ израильскому народу. Но и они всячески были ограждены отъ насилій со стороны своихъ господъ [3]).

Точно также исламъ ограждаетъ, какъ мы уже выше указывали, рабовъ отъ насилія [4]). Хотя коранъ и учитъ, что сво-

---

[1]) Koran. Sure 4.

[2]) C. N. Pischon. Sklavenwesen in der Türkei, Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft 1860, S. 242 f.

[3]) Рабство существовало у евреевъ издавна (Моисей 1, гл. 12, ст. 16, гл. 24, ст. 35). Рабы пріобрѣтались путемъ войны или покупки, рабами становились и дѣти рабовъ. Рабы имѣли свою собственность (Моисей 3, гл. 25, ст. 43). Тѣлесныя поврежденія, нанесенныя рабу владѣльцемъ, дѣлали его свободнымъ (Моисей 2, гл. 21, ст. 26 и далѣе). „А если выбьетъ зубъ рабу своему, или рабѣ своей, то пусть отпуститъ его на волю за зубъ его“. Съ другой стороны, стихъ 20 и 21 гласятъ слѣдующее: „А если кто ударитъ раба своего, или служанку свою палкою, и они умрутъ подъ рукою его, то должно отмстить ему“. „Но если день или два дня переживутъ, то не должно мстить ему; потому что это его деньги“. Знаменитый де-Веттъ толкуетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „тѣлесное наказаніе могло быть смертельно, если только смерть не наступала тотчасъ же“. W. M. de Vette. Lehrbuch der hebräisch-jüdischen Archäologie, Leipzig 1842. 3. Aufl., S. 202.

[4]) Sure 4.

бодные стоятъ надъ рабами подобно Богу надъ людьми и что рабы даны людямъ свободнымъ самимъ Богомъ [1]), но въ тоже время онъ рекомендуетъ браки между свободными мужчинами и рабынями, такъ какъ „всѣ люди одного происхожденія“, рекомендуетъ также и освобожденіе рабовъ и снабженіе освобожденныхъ нѣкоторымъ имуществомъ [2]). Рабыня, родившая своему господину сына становится свободной; если же она родила дочь, то эта дочь свободна; рабыня, вступившая въ законный бракъ съ свободнымъ человѣкомъ также становится свободной. Точно также освобождаются рабы, страдающіе тяжкою болѣзнею. Рабы мужчины, прослужившіе вѣрою и правдою лѣтъ семь или девять, отпускаются соотвѣтственно адетамъ на волю. Это освобожденіе можетъ быть и условнымъ, причемъ, бывшій рабъ постепенно выкупаетъ себя на свободу. Положеніе освобожденныхъ рабовъ, въ сущности мало разнится отъ положенія свободныхъ людей, что доказывается тѣмъ, что вольноотпущенные часто добиваются высшихъ должностей въ магометанскихъ государствахъ [3]).

Нельзя безусловно обвинять исламъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя дѣйствительно совершаются подъ его знаменемъ. Точно также, какъ никому не вздумается обвинить христіанство во всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые совершались христіанами въ эпоху процвѣтанія у насъ торговли невольниками. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, дѣло очевидно, не въ религіозныхъ принципахъ, а напротивъ того, въ искаженіи ихъ въ угоду экономическимъ выгодамъ. Съ этой точки зрѣнія, мы должны относиться и къ современному крестовому походу противъ ислама, иниціаторами котораго являются такіе заслуженные дѣятели, какъ кардиналъ Лавижери и его соратники. Пока не измѣнятся экономическія условія Африки, до тѣхъ поръ борьба противъ торговцевъ невольниками съ оружіемъ ли или съ крестомъ въ рукахъ, путемъ ли выкупа рабовъ или блокады африканскихъ побережій, останется мало производительною. Но съ проникновеніемъ европейцевъ въ сокровеннѣйшія нѣдра Африки, рабство падетъ здѣсь точно

---

[1]) Sure 13 и 30.

[2]) Sure 4 и 24.

[3]) Pischon. Der Einfluss des Islam, Leipzig, Brockhaus 1881. S. 28.

также, какъ оно падало въ свое время въ Средней Азіи, по мѣрѣ вступленія въ нея русскихъ.

Не можемъ не упомянуть здѣсь о томъ, что и древніе славяне обращались съ рабами весьма гуманно. Такъ это свидѣтельствуетъ Ибнъ-Дастъ, говоря о руссахъ [1]). „Военноплѣнные", по свидѣтельству Маврикія, „содержатся у славянъ въ рабствѣ не на всю жизнь, какъ это дѣлается у другихъ народовъ; но по прошествіи извѣстнаго времени предоставляютъ имъ на выборъ—возвратиться на родину, заплативъ выкупъ, или остаться между ними свободными и друзьями" [2]). Позднѣйшіе источники указываютъ, однако, на то, что обращеніе съ военноплѣнными стало болѣе суровымъ, въ особенности у балтійскихъ поморцевъ, прославившихся своими набѣгами на сосѣдей, съ цѣлью добычи невольниковъ [3]). Положеніе невольниковъ у древнихъ германцевъ, напротивъ того, обрисовывается въ болѣе суровыхъ чертахъ. Вотъ какъ нѣмецкій патріотъ, историкъ-юристъ Данъ резюмируетъ показанія Тацита по этому вопросу: „Понятно, что и здѣсь, какъ у большинства народовъ докультурнаго періода, существовало сословіе несвободныхъ; не принадлежа къ народу, не будучи причастны къ народному праву, не будучи ограждены закономъ, они, напротивъ того, были, подобно домашнему скоту, собственностью господина и первоначально могли быть, именно подобно этому домашнему скоту, убиты, обезображены, связаны, могли подвергаться тѣлесному наказанію и быть обременены всяческой работою, быть проданы, заложены, подарены, обмѣнены совмѣстно, а то и безъ той земли, на которую ихъ посадилъ господинъ, совмѣстно, а то и безъ той жены или тѣхъ дѣтей, которыхъ они фактически пріобрѣли съ разрѣшенія своего господина: бракъ, отцовская опека, семейныя права какого бы то ни было разбора, слѣдовательно, и право наслѣдія, для нихъ, понятно, не существовали" [4]). Но если Данъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что прежде было еще хуже, ибо тогда всѣхъ плѣнныхъ рѣзали, то съ другой сто-

[1]) Д. Хвольсонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста о хазарахъ, буртасахъ etc, стр. 36.

[2]) В. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ. С.-Петербургъ, 1861, стр. 148. См. выше стр. 413.

[3]) Макушевъ, стр. 149.

[4]) F. Dahn. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker, Berlin, Grote, Lief. I, 1880, S. 41.

роны, мы можемъ противопоставить вышеприведенной цитатѣ признаніе того же автора, что на практикѣ всѣ эти жестокія постановленія, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще то, что дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ людей свободныхъ съ несвободными всегда оставались несвободными и что вольноотпущенный никогда не сравнивался по положенію своему съ свободнорожденнымъ, умѣрялись многочисленными болѣе гуманными установленіями. Прежде всего между господами и несвободными господствовало весьма близкое общеніе, а затѣмъ и несвободный пользовался судомъ равныхъ, которые вершилъ надъ нимъ судъ, хотя бы и подъ предсѣдательствомъ своего господина.

Несравненно суровѣе положеніе невольника тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ полукультурою, гдѣ добываніе и продажа рабовъ стала дѣломъ обыденнымъ, а самое существованіе рабовъ представляется экономическимъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ. Для классическаго вѣка рабство стало необходимостью; дивная культура этой эпохи всецѣло держалась на обязательномъ трудѣ одной части человѣчества. Достойно вниманія то презрѣніе, съ которымъ относились древніе греки и римляне къ рабамъ [1]), стоящимъ въ сущности уже внѣ человѣчества. Точно также и первобытные люди, достигшіе болѣе или менѣе деспотическаго строя, отрицаютъ существованіе души у человѣка простаго или у раба. На островахъ Тонга душа простаго человѣка исчезаетъ, души благородныхъ, эги, вступаютъ въ придворный штатъ въ Бологу; у ашанти простые люди вступаютъ въ состояніе покоя, благородные восходятъ на небо (Баудичъ); въ Тласкалѣ благородные превращаются въ птицъ, простые люди въ насѣкомыхъ, букашекъ и т. д.[2]). Рабы у древнихъ германцевъ составляютъ удѣлъ Тора, а не Одина [3]).

Но мы не будемъ останавливаться на всѣхъ ужасахъ положенія рабовъ у народовъ полукультурныхъ [4]). Достаточно вспомнить, что въ исторіи развитія рабства у неевропейскихъ народовъ мы, европейцы, по единогласному признанію

---

[1]) См. выше, стр. 108, 109.

[2]) Bastian. Der Papua, S. 38.

[3]) Geijer. Geschichte Schwedens, B. I, S. 103.

[4]) См. выше, глава VII.

изслѣдователей, играли не послѣднюю роль [1]). Въ Африкѣ до сихъ поръ различаютъ рабовъ домашнихъ и торговыхъ. Положеніе первыхъ, относительно говоря, сносное, такъ какъ они держатся въ качествѣ прислуги или младшихъ сочленовъ семьи; положеніе вторыхъ—отчаянное, ибо они являются объектомъ хищнической наживы: за ними охотятся, ихъ пріобрѣтаютъ всякими правдами и неправдами, съ ними обращаются наиболѣе жестокимъ образомъ. Къ профессіональной торговлѣ рабами пріучили негровъ, однако, европейцы и арабы, благодаря запросу на рабовъ и систематическому развращенію прибрежнаго населенія. Но именно въ виду нашей ближайшей прикосновенности къ ужасамъ торговли невольниками, именно потому, что мы участвовали въ нанесеніи человѣчеству, выражаясь словами Ливингстона, этой „зіяющей раны", мы обязаны загладить, насколько это возможно, наши преступленія относительно болѣе слабыхъ собратьевъ и облегчить имъ пути къ прогрессу.

Изучивъ въ общихъ чертахъ нѣкоторые фазисы развитія первобытнаго общества, мы не можемъ не указать на то, что и въ данномъ случаѣ, животный міръ представляетъ намъ не мало внѣшнихъ аналогій.

Великій вопросъ о раздѣленіи труда, напримѣръ, играетъ весьма значительную роль въ извѣстныхъ обществахъ животнаго міра, достигая своихъ наивысшихъ точекъ развитія у муравьевъ, пчелъ и т. д. При обычныхъ условіяхъ, муравьиныя гнѣзда и пчелиныя улья состоятъ изъ особей трехъ родовъ: рабочихъ, или неполныхъ самокъ (которыхъ огромное большинство), самцевъ и полныхъ самокъ. Однако среди рабочихъ легко отличить нѣсколько спеціальностей. У саубскихъ южно-американскихъ муравьевъ (Oecodoma cephalotes), Бэтсъ отличаетъ пять классовъ особей и между прочимъ: обыкновенныхъ маленькихъ рабочихъ, большихъ рабочихъ съ большими волосатыми головами и большихъ рабочихъ съ большими гладкими головами [2]). Чаще всего встрѣчается намъ раздѣленіе рабочихъ на простыхъ рабочихъ и на воиновъ. Сэвэджъ наблюдалъ у муравьевъ-

[1]) Въ этомъ духѣ высказались въ послѣднее время напр. Н. И. Зиберъ. Очерки, стр. 494, 504 и W. Schneider. Die Naturvölker. 1885. B. II, S. 327 ff.

[2]) Лёббокъ. Муравьи, пчелы и осы. Перев. Аверкіева, С.-Петербургъ, стр. 21.

погонщиковъ, гдѣ также имѣется два рода рабочихъ, что большія становились съ каждой стороны колонны, составленной изъ маленькихъ. Очевидно, говоритъ онъ, они являлись скорѣе проводниками, чѣмъ стражею. Бэтсъ утверждаетъ, что въ походныхъ колоннахъ Eciton'a drenaphora — большеголовыя рабочія „шли все время съ пустыми руками и внѣ колонны, на довольно правильныхъ разстояніяхъ одна отъ другой, подобно субъалтернъ-офицерамъ въ полку на походѣ“ [1]). Еще болѣе убѣдительныя доказательства въ пользу чрезвычайно тонко проведеннаго раздѣленія труда представляетъ фактъ, подмѣченный Макъ-Кукомъ, по сообщеніямъ котораго члены муравьиной общины, занятые постройками и внутренними работами, представляютъ остальнымъ муравьямъ заботу снабжать пищей какъ ихъ, такъ и младшихъ безпомощныхъ членовъ общины [2]). На болѣе или менѣе знакомыя явленія мы наталкиваемся далѣе, когда обращаемся къ рабству и къ войнамъ муравьевъ. Обычай рабовладѣльчества, т. е. пользованіе трудомъ другихъ породъ муравьевъ, существуетъ въ болѣе или менѣе выраженной степени у Formica rufescens, sanguinea и strongylognathus. Въ самомъ широкомъ смыслѣ пользуется трудомъ рабовъ Formica rufescens. У этой породы самецъ и плодородныя самки совсѣмъ не работаютъ; рабочія же и безплодныя самки, наиболѣе энергичныя при захватѣ плѣнныхъ, не исполняютъ, кромѣ этого, никакой другой работы. Вслѣдствіе этого вся община находится въ безусловной зависимости отъ своихъ невольниковъ. Губеръ отдѣлилъ нѣсколькихъ рабовладѣльцевъ отъ рабовъ, но снабдилъ ихъ въ изобиліи пищею, такъ же, какъ ихъ собственными личинками и и куколками въ качествѣ стимула труда; но они не умѣли даже прокормить себя и многіе умерли съ голода. Тогда онъ пустилъ къ нимъ одного невольника, и тотъ немедленно принялся за дѣло: накормилъ своихъ оставшихся въ живыхъ господъ, сталъ ходить за личинками и построилъ нѣсколько ячеекъ [3]). О томъ, что муравьи забираютъ въ плѣнъ травя-

---

[1]) Лёббокъ. Муравьи, стр. 20, см. также стр. 44 и далѣе.

[2]) Дж. Роменсъ. Умъ животныхъ, перев. Холодковскаго. С.-Петербургъ, 1888, стр. 63.

[3]) Роменсъ, стр. 64, 65.

ныхъ вшей, тлю и употребляютъ ихъ какъ дойный скотъ, мы говорили уже выше [1]). Но точно также они употребляютъ, по Одюбону, въ бразильскихъ лѣсахъ древесныхъ клоповъ для доставки въ свои жилища листьевъ, откушенныхъ отъ дерева; они выстраиваютъ ихъ попарно въ колонну, которую сопровождаютъ съ обѣихъ сторонъ для сохраненія порядка; лѣнивыхъ и отсталыхъ они кусаютъ. По окончаніи работы, клоповъ заключаютъ въ стѣнахъ колоніи и скудно кормятъ [2]). Съ цѣлью пріобрѣтенія рабовъ муравьи устраиваютъ набѣги, обнаруживая при этомъ не мало соображенія, храбрости и дисциплины.

Муравьи, говоритъ Форель, не имѣютъ опредѣленныхъ вожаковъ или вождей; однако, несомнѣнно, что каждая экспедиція, измѣненіе въ направленіи пути и другія перемѣны рѣшаются небольшою кучкой индивидуумовъ, которые приходятъ предварительно ко взаимному пониманію и затѣмъ ведутъ за собою остальныхъ, колеблющихся. Послѣдніе не всегда слѣдуютъ за ними немедленно, но часто только послѣ того, какъ получатъ по нѣсколько ударовъ по головѣ отъ членовъ кружка. Процессія начинаетъ свое шествіе только послѣ того, какъ вожаки удостовѣрятся собственными глазами, что главная часть арміи слѣдуетъ за ними [3]). Иногда же экспедиціи не удаются въ виду отсутствія надлежащаго единодушія. Войны ведутся весьма различно, смотря по темпераменту сражающихся. Любопытныя характеристики по этому вопросу мы находимъ у Лёббока. Formica rufa никому не даетъ пощады, убивая возможно большее количество враговъ, и, никогда не задумываясь, жертвуетъ собою для общаго блага. Formica sanguinea, по крайней мѣрѣ при походахъ за рабами, прибѣгаетъ скорѣе къ угрозамъ, чѣмъ къ убійству [4]). Самыя кровавыя битвы—это междоусобныя войны страшныхъ амазонокъ (Polyergus rufescens) [5]). Оригинальныя войны ведутся видомъ Atta barbata изъ за сѣмянъ: одна колонія грабитъ запасы смежнаго гнѣзда того же вида, причемъ сла-

---

[1]) См. выше стр. 279, 280.
[2]) Роменсъ, стр. 71.
[3]) Стр. 73.
[4]) Лёббокъ, стр. 16 и далѣе.
[5]) Роменсъ, стр. 75.

бѣйшее гнѣздо дѣлаетъ продолжительныя, хотя по большей части безуспѣшныя попытки возвратить свою собственность [1]). Войны между муравьями одного и того же вида часто кончаются прочнымъ союзомъ, въ особенности тогда, когда число участниковъ съ обоихъ сторонъ сравнительно невелико [2]).

Что касается до общежитій муравьевъ, то ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ муравьиными кучами въ обычномъ смыслѣ. Форель отмѣчаетъ, что въ одномъ случаѣ гнѣздо вида Formica exsecta обладало не менѣе чѣмъ двумя стами колоній и занимало круглое пространство съ радіусомъ около двухсотъ ярдовъ (600 ф.). Въ подобныхъ случаяхъ число вмѣстѣ живущихъ муравьевъ должно быть огромно. Даже въ отдѣльныхъ гнѣздахъ, по соображеніямъ Фореля, ихъ было отъ пяти тысячъ до полумилліона [3]). Земледѣльческіе муравьи иногда позволяютъ муравьямъ кочующимъ основывать колоніи въ предѣлахъ расчищеннаго ими круга. Если же кочевниковъ становится слишкомъ много, ихъ выживаютъ безкровнымъ образомъ, заваливая ихъ жилища землею изверженной земляными червями [4]).

Подобно муравьямъ и пчелы прибѣгаютъ къ раздѣленію труда. Въ пчелиномъ ульѣ мы видимъ не только часовыхъ, оберегающихъ входъ въ коммунальное помѣщеніе (Губеръ), но и подраздѣленіе работницъ на два класса—восковщицъ и кормилицъ, изъ которыхъ первые занимаются спеціально постройкою сотовъ, а вторыя—воспитаніемъ дѣтей. Съ другой стороны гражданскій строй улья не отличается большимъ совершенствомъ, такъ какъ всюду проявляется иниціатива работницъ, начиная отъ выбора мѣста для склада запасовъ, постройки ячеекъ, воспитанія личинокъ, умерщвленія самцевъ и до установленія времени, когда молодыя плодовитыя самки могутъ выходить изъ ячеекъ. Они не только не получаютъ приказаній отъ такъ называемыхъ царицъ, но даже оказываютъ на нихъ нѣчто вродѣ давленія, напримѣръ, когда тѣ не выказываютъ надлежащей рѣшительности въ борьбѣ,

---

[1]) Роменсъ, стр. 80.
[2]) Стр. 77.
[3]) Лёббокъ, стр. 24.
[4]) Роменсъ, стр. 172.

долженствующей рѣшить, которой изъ соперницъ придется восторжествовать [1]).

Подобно муравьямъ и пчелы готовы пограбить своихъ сосѣдей. Грабежи производятся по одиночкѣ, или сообща, цѣлыми арміями; нападаютъ такъ сказать на большой дорогѣ на отдѣльную пчелу-работницу, причемъ грабители схватываютъ свою жертву за лапки и мучаютъ до тѣхъ поръ, пока она не высунетъ хоботка, съ котораго они поочередно обсасываютъ медъ, а затѣмъ отпускаютъ свою жертву съ миромъ; иногда же подвергаются разграбленію цѣлые ульи [2]).

Не входя въ дальнѣйшій перечень болѣе или менѣе поразительныхъ аналогій между обществомъ людей и животныхъ [3]), мы должны вновь сосредоточиться на томъ существенномъ психическомъ отличіи, которое отдѣляетъ міръ человѣка отъ міра животныхъ [4]). Способность послѣднихъ къ совершенствованію въ вышей степени ничтожна. Изучая животныя общества, достигшія значительной спеціализаціи труда, мы тѣмъ не менѣе останавливаемся передъ вопросомъ о томъ, какимъ путемъ шло ихъ развитіе и насколько мыслимы какіе либо дальнѣйшіе успѣхи ихъ. Какъ ни остроумны сопоставленія Лёббока, указывающія намъ на то, что и муравей продѣлалъ шаблонныя стадіи экономическаго развитія человѣка, перейдя отъ охоты къ скотоводству, а отъ послѣдняго къ земледѣлію, мы все же съ благодарностью принимаемъ его осторожную оговорку: „можно почти вообразить (!), что мы въ состояніи очертить стадіи, соотвѣтствующія главнымъ ступенямъ въ исторіи человѣческаго развитія“ [5]). Еще болѣе очевидна искусственность построенія исторіи развитія животнаго сообщества въ столь цѣнномъ по матеріалу и богатомъ по мысли сочиненіи Эспинаса: „Соціальная жизнь животныхъ“.

Но если толкованіе животнаго сообщества представляетъ намъ рядъ пока еще непреодолимыхъ трудностей, то мы не

---

[1]) Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ, перев. Павленкова. С.-Петербургъ, 1882, стр. 308, 309.

[2]) Роменсъ, стр. 173—175.

[3]) Мы отсылаемъ читателя въ данномъ случаѣ къ упомянутой книгѣ Роменса, весьма цѣнной въ виду множества цитатъ.

[4]) См. выше стр. 60 и далѣе.

[5]) Лёббокъ. Муравьи, стр. 89.

должны забывать, что съ такими же трудностями намъ приходится считаться при опредѣленіи тѣхъ ступеней, которыя прошло въ исторіи своего развитія человѣческое сообщество. Нѣтъ ничего легче, какъ увлечься „ученою поэзіею“, по выраженію Вирхова, и сочинить схему, подобную пресловутой схемѣ Л. Г. Моргана[1]), но абсолютно невозможно уложить жизнь, столь пеструю уже въ силу разнообразія географическихъ и историческихъ условій, въ тѣсныя рамки, заимствованныя въ лучшемъ случаѣ изъ исторіи двухъ или трехъ болѣе извѣстныхъ народовъ. Но именно этому-то неудержимому схемитазированію матерьяла, разнороднаго по природѣ своей и, во всякомъ случаѣ, относительно мало изученнаго, наилучшимъ образомъ можетъ противодѣйствовать объективное освѣщеніе того, что выработано по настоящее время и чего мы прежде всего должны ожидать отъ современныхъ дѣятелей въ области нашей науки.

---

[1]) Морганъ отличаетъ: 1) дикое состояніе, которое въ свою очередь распадается на три ступени: a) глубочайшая дикость—до изобрѣтенія огня и употребленія рыбной пищи; b) средняяя дикость—до изобрѣтенія лука, стрѣлъ и подобныхъ инструментовъ; c) высшая дикость—до изобрѣтенія гончарнаго искусства; 2) за дикимъ состояніемъ слѣдуетъ состояніе варварское, распадающееся на a) глубочайшее варварство—до прирученія домашнихъ животныхъ или до воздѣлыванія маиса; b) среднее варварство—до изобрѣтенія выплавки желѣзной руды; c) высшее варварство—до изобрѣтенія фонетическаго алфавита и культуры Гомеровской эпохи. Lewis H. Morgan. Ancient Society, or researches in the limes of human progress from savagery through barbarism to civilization, London, 1877.

Глава XIX.

Первобытныя отношенія половъ.

Семья какъ основа человѣческаго общества.— Коммунальный бракъ.— Ограниченіе понятія о коммунальномъ бракѣ.— Термины: „семья“ и „бракъ“.— Примѣры первобытныхъ отношеній половъ у народовъ древности и у современныхъ дикарей.— Слѣды „коммунальнаго брака“ у славянъ.— Понятіе о кровномъ родствѣ.— Усыновленіе.— Jus primae noctis.— Спенсеръ о „безпорядочномъ половомъ сожитіи“.— Отношеніе половъ въ животномъ мірѣ.— Выводы.

Зачатки человѣческаго сообщества лежатъ уже въ сближеніи половъ. Поэтому, мы видимъ въ сближеніи половъ не только великую міровую силу, способствующую продолженію жизни данныхъ организмовъ, но и важный образовательный элементъ соціальнаго характера.

Разсмотрѣвъ послѣдовательно положеніе человѣка въ природѣ и ближайшее отношеніе его къ окружающимъ географическимъ условіямъ, мы перешли къ изученію явленій, обусловливающихъ собою какъ возникновеніе, такъ и дальнѣйшее развитіе человѣческаго сообщества. Но, чтобы глубже понять существеннѣйшія основы этого сообщества, мы должны ближе всмотрѣться въ отношенія разнополыхъ элементовъ его. При этомъ мы весьма быстро убѣдимся въ томъ, что именно эти то отношенія и представляютъ наиболѣе яркій и вѣрный симптомъ общественнаго развитія.

Прежде всего мы, однако, должны констатировать тотъ фактъ, что разбираемый нами вопросъ принадлежитъ къ одному изъ наиболѣе запутанныхъ въ Антропологіи. Мнѣнія ученыхъ расходятся въ этомъ случаѣ самымъ существеннымъ

образомъ. Мысль старинной школы антропологовъ выражается весьма ясно въ формулѣ Максимиліана Перти: „семья основа всякаго человѣческаго общества“ [1]). Въ томъ же духѣ высказываются Клеммъ [2]) и Вайцъ [3]). „Семейство есть древнѣйшее человѣческое общество“, говоритъ первый. „Семейство есть источникъ и начало гражданской жизни, ядро племени“, говоритъ Поль Віоле [4]). Не чуждъ этого взгляда, наконецъ, и великій обновитель естественныхъ наукъ Ч. Дарвинъ, когда онъ осторожно уклоняется отъ всякаго рѣшенія въ этомъ вопросѣ, но въ то же время подчеркиваетъ существованіе моногаміи у дикарей, стоящихъ на наиболѣе низкихъ ступеняхъ культуры, и у человѣкоподобныхъ обезьянъ [5]). „Оглядываясь по возможности далеко на потокъ временъ и сообразуясь съ соціальными обычаями человѣка, какимъ онъ существуетъ понынѣ, мы считаемъ“, говоритъ онъ, „за самое вѣроятное, что человѣкъ первоначально жилъ въ небольшихъ сообществахъ, каждый мужчина съ отдѣльною женщиною, или, если у него было достаточно силы, съ нѣсколькими, которыхъ онъ ревниво оберегалъ отъ всѣхъ прочихъ мужчинъ. Или, быть можетъ, онъ не былъ соціальнымъ животнымъ, но все же жилъ съ нѣсколькими женщинами самъ по себѣ, подобно гориллѣ“ [6]).

Знаменитый юристъ-антропологъ Г. С. Мэнъ допускаетъ, что какіе либо дикари — неарійцы могутъ начать свою общественную жизнь не съ семьи, но для арійцевъ, которыхъ онъ ставитъ на недосягаемую для прочихъ племенъ высоту, онъ не знаетъ другихъ началъ [7]).

Противъ этого ученія выступаетъ рядъ знаменитыхъ и незнаменитыхъ ученыхъ, доказывающихъ на основаніи массы фактовъ, что ни историческія древности, ни современный бытъ дикарей не даютъ намъ права утверждать, чтобы ис-

---

[1]) M. Perty. Grundzüge der Ethnographie, 1859, S. 346.

[2]) Klemm. Kulturgeschichte, B. I, S. 205.

[3]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. II, S. 154.

[4]) П. Віоле. О коллективномъ характерѣ первоначальной недвижимой собственности. Юрид. Вѣстникъ, 1882, стр. 43.

[5]) Ch. Darwin. Abstammung des Menschen, IV. Aufl., Stuttgart, Schweizerbart, 1883, S. 562 ff.

[6]) Darwin, S. 565.

[7]) H. S. Maine. Ancient Laws' London 1861 и Early Law and Customs, London. 1883.

ходною точкою общества явилась семья, а тѣмъ болѣе того семья патріархальная. Геніальный, хотя въ то же время и увлеченный мистическими идеями Бахофенъ опровергнулъ ученія старинной школы въ своемъ знаменитомъ „Das Mutterrecht“ [1]) и впервые указалъ на то, что первобытныя отношенія половъ были коммунальными. За нимъ послѣдовали Макъ Леннанъ [2]), Морганъ [3]), Лёббокъ [4]), Жиро-Тейлонъ [5]), Гельвальдъ [6]), Постъ [7]), Бастіанъ [8]), Липпертъ [9]), Даргунъ [10]), Вилькенъ [11]), и другіе. Изъ нашихъ русскихъ ученыхъ къ новому ученію весьма энергично примкнули, напримѣръ, Кулишеръ [12]) и Зиберъ [13]).

„Намъ извѣстны убѣдительныя доказательства того“, говоритъ крупнѣйшій изъ англійскихъ антропологовъ и вмѣстѣ въ тѣмъ смѣлый иниціаторъ по цѣлому ряду антропологическихъ вопросовъ, Джонъ Лёббокъ, „что низшія человѣ-

---

[1]) J. J. Bachofen. Das Mutterrecht, eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt, nach ihrer rechtlichen und religiösen Natur, Strassburg, 1861.

[2]) M'Lennan. Primitive mariage, Edinburg, 1865, вновь напечатано въ Studies in ancient history, London 1876, того же автора.

[3]) Lewis Morgan. Proceed. of. Americ. Acad. of. Nat. Sciences, Philadelphia, v. VII, 1868; Systems of Consanguinity and Affinity of the human family, Washington 1871 (Smithsonian Contrib. v. XVII).

[4]) Sir J. Lubbock. Prehistoric times, London 1869 и Origin of Civilization, London 1870.

[5]) Giraud Teulon. La mère chez certains peuples de l'antiquité, Paris 1867 и Les Origines de la famille, Paris 1874.

[6]) Hellwald. Die Anfänge der Familie, Ausland 1875.

[7]) J. Post. Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit und die Entstehung der Ehe, Oldenburg 1875. Die Anfänge des Staats- und Rechtslebens, Oldenburg 1878 и Zur Entwickelung der Familie. Dentsche Geograph. Blätter. 1884. B. RII.

[8]) A. Bastian. Allgemeine Grundzüge zur Ethnologie, Berlin 1884.

[9]) J. Lippert. Die Geschichte der Familie, Stuttgart 1884 и Kulturgeschichte, B. I, 1886.

[10]) Lothar Dargun. Zum Problem des Ursprungs der Ehe, Archiv für Anthropologie, B. XI, 1879 и Mutterrecht und Raubehe, Breslau 1883.

[11]) G. A. Wilken. Over de primitieve vormen van het Huwelijk en den Oorsprong van het Gezin, Ind. Gids 1880, 1881 и Over de verwantschap en hat huwelijks en erfrecht bij de Volken van den indischen Archipel, Leiden, Brill 1883.

[12]) Kulischer. Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Vorzeit, Zeitschrift für Ethnologie 1876. Intercommunale Ehe, l. c., 1878. Die communale Zeitehe und ihre Ueberreste, Archiv für Anthropologie 1879.

[13]) Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Москва 1883.

ческія расы живутъ или жили въ такомъ состояніи, которое удобнѣе всего можетъ быть названо „общиннымъ бракомъ“ или „гетеризмомъ“ [1]). Слово „гетеризмъ“, предложенное Бахофеномъ, весьма мало соотвѣтствуетъ сути дѣла, такъ какъ съ гетерами у насъ связаны весьма опредѣленныя понятія, заимствованныя изъ классическаго міра. Напротивъ того, терминъ „общинный“ или „коммунальный бракъ“, предложенный Лёббокомъ, какъ замѣчаетъ Дарвинъ „вѣжливости ради“ [2]), или какъ онъ самъ признается „удобства ради“ [3]), находится въ полномъ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ, раздѣляемымъ большинствомъ упомянутыхъ писателей, что человѣчество начало свою общественную жизнь съ полной общности. Все имущество было общимъ, общимъ были и жены.

Къ положенію, высказанному Лёббокомъ, сводятся въ общихъ чертахъ, и несмотря на многочисленныя варіаціи, ученія цитированныхъ авторовъ. Это положеніе мало по малу пріобрѣло значеніе почти что общепризнанной истины. Тѣмъ не менѣе оно въ послѣднее время стало оспариваться несравненно основательнѣе, чѣмъ это могло быть сдѣлано въ моментъ появленія его. Слѣдуя осторожному примѣру Дарвина, Гербертъ Спенсеръ значительно съузилъ понятіе о коммунальномъ бракѣ [4]). Карлъ Каутски, весьма радикальный въ своихъ убѣжденіяхъ, тѣмъ не менѣе видитъ первичную форму соединенія половъ въ моногаміи [5]). Фр. Гельвальдъ относится въ своей новой работѣ о семьѣ весьма скептически къ коммунальному браку [6]). Въ томъ же духѣ разсматриваетъ обязательность коммунальнаго брака для всѣхъ народовъ и Летурно [7]). Датскій философъ Штарке видитъ первичную форму соединенія половъ въ монандріи или моногаміи, выдѣляя, очевидно, подъ вліяніемъ Мэна, въ особенности арійцевъ [8]).

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 65.

[2]) Darwin. Abstammung ets. S. 72.

[3]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 65.

[4]) H. Spenser. The principles of Sociology, London.

[5]) K. Kautsky. Dis Entstehung der Ehe und Familie, Kosmos B. XII.

[6]) Fr. v. Hellwald. Die menschliche Familie, Leipzig, Günther 1888, S. 126.

[7]) Ch. Letourneau. L'Evolution du Mariage et de la Famille, Paris 1888, p. 48.

[8]) C. N. Starke. Die primitive Familie, Leipzig, Brockhaus 1888, S. 273.

Среди русскихъ ученыхъ къ ограниченію коммунальнаго брака въ духѣ Спенсера примкнулъ М. Ковалевскій [1]).

Виною этихъ противорѣчивыхъ воззрѣній на первобытныя отношенія половъ является, однако, не только недостаточность свѣдѣній по этому вопросу и субъективные, предвзятые взгляды авторовъ, но и абсолютная невыработанность терминологіи. Уже Дарвинъ счелъ необходимымъ оговориться на счетъ того, что онъ, говоря о первобытныхъ отношеніяхъ половъ, понимаетъ бракъ лишь въ смыслѣ зоологическомъ, какъ если бы натуралистъ говорилъ о животныхъ моногамическихъ или, какъ говорятъ о животныхъ полигамическихъ; „извѣстно, однако", прибавляетъ онъ, „что нѣкоторые писатели соединяютъ съ выраженіемъ „бракъ" понятіе объ нѣкоторомъ правѣ общепризнанномъ и ограждаемомъ племенемъ" [2]). Весьма удачно указываетъ, поэтому, Штарке на необходимость болѣе строгихъ опредѣленій. Слово „семья", говоритъ онъ, должно означать лишь небольшую группу родителей и дѣтей. Группа, которая объединяетъ различныя поколѣнія, имѣя въ виду большую или меньшую степень родства, мы называемъ семейною группою. „Семья основывается благодаря браку, и въ этомъ случаѣ не существуетъ никакой разницы между нашими отношеніями и первобытными. Но, конечно, бракъ нельзя разсматривать какъ учрежденіе, бывшее всегда такимъ святымъ, какимъ оно стало у насъ. Бракъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова представляетъ собою ничто иное, какъ болѣе чѣмъ моментальное соединеніе мужчины и женщины, въ теченіе котораго они сообща заботятся о своемъ пропитаніи" [3]). Мы намѣренно привели доподлинныя слова автора, относящагося столь отрицательно къ теоріи коммунальнаго брака, желая этимъ отмѣтить, что даже противники означенной теоріи, не считаютъ нынѣ возможнымъ приступать къ изученію первобытнаго общественнаго строя съ нашими европейскими понятіями о семьѣ [4]). Обращаясь къ

---

[1]) М. Ковалевскій. Первобытное право. В. II, Семья. Москва 1886, стр. 18.

[2]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 563. Къ сожалѣнію подобныя оговорки слишкомъ мало ограждаютъ даже такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ Дарвина. Съ обычною смѣлостью Гельвальдъ обвиняетъ Дарвина именно въ смѣшеніи понятій. Hellwald. Die menschliche Familie, S. 123.

[3]) Starke. Die primitive Familie, S. 13, 14.

[4]) Неудивительно, конечно, если приверженцы теоріи коммунальнаго брака

анализу первобытныхъ отношеній половъ мы, поэтому, охотно повторяемъ, что и мы съ своей стороны будемъ употреблять термины „семья“ или „бракъ“ лишь какъ понятія, подлежащія развитію и столь же мало сходныя въ своихъ первичныхъ и конечныхъ, современныхъ, формахъ, какъ первобытное недифференцированное однородное сообщество съ современнымъ гражданскимъ обществомъ, дифференцировавшимся едва ли не до саморазложенія. Для болѣе точнаго различенія первичныхъ и послѣдующихъ формъ мы будемъ, поэтому, по возможности, прибавлять при упоминаніи о первыхъ характеристику „первобытный“.

Но обратимся теперь къ разсмотрѣнію того матеріала, на основаніи котораго разраслись вышеприведенныя нами ученія. Весьма богатъ древній міръ указаніями на то, что на первобытной ступени своей человѣчество не знало индивидуальнаго брака. Многочисленныя свѣдѣнія представляетъ намъ, напримѣръ, Геродотъ. Вотъ, что мы читаемъ въ книгѣ „Кліо“: „у лидянъ всѣ дѣвушки занимаются проституціею, собирая себѣ такимъ способомъ приданое; онѣ дѣлаютъ это до замужества и выдаютъ себя замужъ сами“ [1]). О массагетахъ Геродотъ говоритъ, что, „хотя каждый изъ нихъ женится на одной женщинѣ, но женами они пользуются сообща. Если какой-нибудь массагетъ пожелаетъ имѣть сообщеніе съ женщиной, онъ вѣшаетъ колчанъ свой передъ ея повозкой и сообщается спокойно“ [2]). Такія же явныя сношенія нашъ авторъ отмѣчаетъ у кавказскихъ горцевъ [3]) и у индійцевъ [4]). Въ другихъ книгахъ Геродотъ разсказываетъ, что „агаѳирсы пользуются женщинами сообща съ тою цѣлью, чтобы всѣмъ быть братьями между собою и родными и не возбуждать другъ въ другѣ ни зависти, ни вражды“ [5]). О насамонахъ тотъ же авторъ повѣствуетъ, что „по обычаю, каждый изъ нихъ имѣетъ много женъ, но женщинами они пользуются сообща, поступая при этомъ также какъ и массагеты: же-

---

отличаютъ парованіе, какъ первичную ступень, отъ брака, какъ вторичной. См., напримѣръ, Lippert. Kulturgeschichte. B. I, S. 70 ff.

[1]) Геродотъ. Исторія, перев. Мищенко. Москва. 1888, кн. I, § 93. стр. 51.

[2]) Геродотъ. кн. I, § 216, стр. 114.

[3]) Ibid., кн. I, § 203.

[4]) Ibid., кн. III, § 101.

[5]) Ibid., кн. IV, § 104, стр. 350, 351.

лающій ставитъ передъ дверьми палку и сообщается свободно съ женщиной. По другому обычаю, невѣста насамона, если онъ женится на первой женщинѣ, обходитъ всѣхъ гостей и сообщается съ ними, причемъ, каждый сообщающійся съ невѣстой предлагаетъ ей взятый изъ дому подарокъ" [1]). Про авсеевъ говорится, что „сообщеніе съ женщинами у нихъ смѣшанное, браковъ они не знаютъ и сообщаются какъ животныя. Каждый мѣсяцъ мужчины ихъ собираются въ одно мѣсто и, если ребенокъ какой-нибудь женщины пришелъ къ тому времени въ возрастъ, онъ считается сыномъ того изъ мужчинъ, на котораго похожъ" [2]). У гинданов женщины, имѣвшія наибольшее число любовниковъ, пользуются особымъ почетомъ [3]); у ѳракіянъ женщины пользуются абсолютною свободою до вступленія въ бракъ; напротивъ того, замужнія женщины у нихъ строго охраняются [4]). Страбонъ подтверждаетъ, что массагеты имѣютъ по одной женѣ, но въ тоже время сходятся съ „чужими женами и вовсе не тайно" [5]). У троглодитовъ Африки женщины и дѣти общія за исключеніемъ тирановъ" [6]). Это съ своей стороны, подтверждаетъ и Діодоръ Сицилійскій.

О безразличномъ смѣшеніи половъ у гарамантовъ разсказываетъ Плиній. По преданіямъ эллиновъ Кекропсъ первый установилъ въ Аѳинахъ постоянную связь между мужчиной и женщиной, до этого времени отношенія половъ не были регулированы никакими общепринятыми правилами или законами и не было ребенка, который бы могъ назвать своего отца. М. Ковалевскій совершенно справедливо замѣчаетъ касательно этой цитаты, что „интересъ приведеннаго свидѣтельства лежитъ не въ фиксированіи эпохи. происхожденія въ Аѳинахъ индивидуальнаго брака, а въ констатированіи имъ факта существованія въ Греціи преданія объ отсутствіи нѣкогда опредѣляемыхъ закономъ отношеній между пола-

---

[1]) Геродотъ, кн. IV, § 172, стр. 381.

[2]) Ibid., кн. IV, § 180, стр. 384.

[3]) Ibid.. кн. IV, § 176, стр. 382.

[4]) Ibid., кн. V, § 6, т. II, стр. 3.

[5]) Страбонъ. Географія, перев. Мищенко. Москва, 1879 г., кн. XI, гл. 8, § 6, стр. 523.

[6]) Страбонъ. Кн. XVI, гл. 4, § 17, стр. 792.

ми“ [1]). Интересно противопоставить этому древнему обычаю ученіе философа Платона, требующаго отъ идеальнаго государственнаго строя уничтоженія семейнаго союза и общественное воспитаніе дѣтей. Цезарь [2]) указываетъ на форму общенія женъ между братьями у древнихъ кельтовъ, тогда какъ существованіе обычаевъ, противорѣчащихъ индивидуальному браку, констатируется, напримѣръ, до сихъ поръ въ крестьянскомъ населеніи Ирландіи. Въ ирландскихъ пѣсняхъ встрѣчается много намековъ на существованіе неупорядоченныхъ сношеній половъ [3]).

Подобныя же отношенія представляютъ намъ и нынѣ существующіе первобытные народы. У минкопи на Андаманскихъ островахъ индивидуальный бракъ у нѣкоторыхъ племенъ строго воспрещается и наказуется: у другихъ же мужчина и женщина составляютъ индивидуальную пару до выкормленія ребенка [4]). Докторъ Магаленшъ разсказываетъ, что у каяновъ въ Бразиліи господствуетъ почти что общность женъ. Пары остаются совмѣстно лишь на время беременности и кормленія ребенка грудью. Если женщина переходитъ къ другому мужчинѣ, то ребенокъ ея считается ребенкомъ этого послѣдняго [5]).

Относительно австралійцевъ даже Лёббокъ признаетъ, что у нихъ нѣтъ ни одного племени, у котораго бы сохранился коммунальный бракъ [6]), тѣмъ не менѣе бракъ заключается у нихъ на срокъ неопредѣленный [7]). Обычаи камилараевъ [8]) относятся въ виду своей упорядоченности, повидимому, къ высшему порядку. Въ основѣ этихъ обычаевъ лежитъ признаніе всѣхъ мужчинъ и женщинъ одного клана за братьевъ и

---

[1]) М. Ковалевскій. Первобытное право. Вып. II, стр. 13.

[2]) Caesar. Comment. V, 14, 8.

[3]) М. Ковалевскій, l. c. стр. 7.

[4]) Trans. Ethnol, soc., v. II, p. 35, v. V, p. 45.

[5]) Dr. Conto de Magelbaes. Globus XXV, S. 298, цитировано у Hellwald'a. Die menschliche Familie, S. 141.

[6]) Lubbock. On the customs of Marriage and Systems of Relationship among the Australians, Anthrop. Jnstit. 1885, XIV.

[7]) Dubock. Australische Eingeborene, Ausland. 1862, S. 593.

[8]) Rev. Lor. Fison and A. W. Howitt. Kamilaroi and Kurnai. Group-Marriage and Relationship und Marriage by Elopement drawn chiefly from the usage of the Australian Aborigines etc., London 1884.

сестеръ, тогда какъ дѣти ихъ считаются общимъ достояніемъ клана. Браки между сочленами клана воспрещены, за то данный кланъ, напримѣръ, Куба состоитъ въ бракѣ съ кланомъ Иной. Однакожъ это право лишь теоретическое; оно существуетъ лишь въ „номенклатурѣ". Ричардсонъ разсказываетъ, что индѣйцы Сѣверной Америки боролись на его глазахъ за обладаніе женщинъ [1]). То же сообщается другими авторами. У Гудзонова залива обыкновенно борятся изъ за женщинъ. Слабый мущина рѣдко удерживаютъ за собою женщину. При случаѣ ее отбиваютъ даже жены другаго мущины, если имъ самимъ приходится слишкомъ тяжко въ виду многочисленныхъ запасовъ пищи и шкуръ, которыя они должны тащить на себѣ [2]). Про калифорнскихъ индѣйцевъ разсказываютъ, что они живутъ почти что въ полномъ смѣшеніи [3]). У дамара по сообщенію Галта иныя женщины мѣняютъ своихъ мужей каждую недѣлю [4]). У масаевъ юношество образуетъ свободныя колоніи любовниковъ, причемъ ревность отсутствуетъ [5]). Ѳеоѳилъ Ганъ и А. Меренскій, несомнѣнные знатоки южно-африканскихъ народовъ, утверждаютъ, что у сановъ почти не существуетъ брака [6]). Курумбасы и ируласы не имѣютъ никакого представленія о бракѣ, какъ это утверждаетъ Россъ Кингъ [7]). У кафровъ амахоза во время празднества „Ага-Квета", обрѣзанія юношей, послѣдніе почти что свободны отъ всѣхъ законовъ, въ особенности относительно половъ, они безнаказанно могутъ завладѣть каждою незамужнею женщиною [8]). У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ браки заключаются на сроки болѣе или менѣе короткіе, напримѣръ, на охотничьи сезоны, на годъ и т. д.; въ этомъ случаѣ все сводится на чистую кооперацію [9]). У персіянъ заключаются

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 74.

[2]) Hearn. Tagebuch, цитировано у Starcke. Die primitive Familie, S. 272, 273.

[3]) Bagaert. The Aboriginal Inhabibotants of the Californian Peninsula, Smithonian Report 1863, p. 368.

[4]) M. Kulischer. Communale Zeitehe, Archiv für Anthropologie 1879, S. 216.

[5]) Thomson. Durch Massailand, S. 384.

[6]) Th. Hahn. Globus XVIII, S. 122. A. Merensky. Beiträge zur Erkenntniss Südafrikas, Berlin 1875, S. 68.

[7]) Ch. Letourneau. L'Evolution du mariage, p. 54.

[8]) G. Fritsch. Die Eingeborenen Südafrikas, 1872, S. 109.

[9]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 505.

браки, освящаемые муллою, срокомъ отъ 99 годовъ, до одного часа[1]). У арабовъ-гассаніе, къ югу отъ Хартума замужняя женщина свободна каждый четвертый день, „помимо же этого курьезнаго исключенія, женщина гассаніевъ не столь безнравственна, какъ женщины во многихъ другихъ мѣстахъ нашего міра“, прибавляетъ по этому поводу Вудъ[2]). Въ провинціяхъ Манбумъ и Рамгуртъ всѣ кандитаты на бракъ живутъ до совершенія брака въ сообществѣ[3]).

Весьма характернымъ доводомъ въ глазахъ ученыхъ, стоящихъ за коммунальный бракъ, является, наконецъ, то несомнѣнное пренебреженіе, съ которымъ относится чрезвычайно значительное число первобытныхъ народовъ къ безпорочности дѣвушекъ. Такого взгляда держатся, помимо упомянутыхъ нами выше народовъ древности, кафры, австралійцы, полинезійцы, малайцы, тибетанцы и т. д. У нашихъ финскихъ инородцевъ свободныя отношенія юношества до нѣкоторой степени поощряются тѣмъ, что дѣвушка, имѣющая нѣсколько дѣтей, скорѣе находитъ жениха: она показала, что можетъ продолжать родъ и что она нравится. Такого взгляда держатся, напримѣръ, наши вотяки[4]). „Если мужикъ не любитъ дѣвушку, то и Богъ ее не любитъ“, гласитъ пословица вотяковъ.

Абсолютно противнымъ нашимъ взглядамъ на бракъ является далѣе обычай многихъ народовъ предлагать гостю свою жену или дочь[5]). Такого правила держатся напримѣръ въ Африкѣ: базуто, м'бондемо, м'понгве, тейта, арабы-гассаніе; въ Азіи и сѣверовосточной Европѣ: обитатели Гунза, тунгусы, коряки, телеуты, камчадалы, остяки, самоѣды, вотяки; въ Океаніи: гавайскіе полинезійцы; въ Америкѣ: команчи, эскимосы, индѣйцы тинне, алеуты и т. д. и т. д.

Подобный же обычай соблюдался въ старину въ Нидерландахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Мурнеръ. Анализируя остатки „безпорядочнаго половаго сожитія“ у германцевъ, М. Ковалевскій указываетъ между прочимъ на преслову-

---

[1]) J. E. Polack. Persien, Leipzig, Brockhaus 1865, B. I, S. 207.

[2]) Wood. The natural history of man. Africa, London, 1868, p. 765.

[3]) Hellwald. Naturgeschichte des Menschen, S. 460.

[4]) M. Buch. Die Wotjäken, Stuttgart. 1882, S. 45.

[5]) См. выше, стр. 292.

тый Kilchgand или Dorfgehen, обычай молодежи навѣщать своихъ возлюбленныхъ по ночамъ и притомъ не безъ вѣдома родителей [1]). Что же касается славянъ, то въ Лаврентьевской лѣтописи мы встрѣчаемъ указанія на то, что „радимичи, вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху..... брацы же не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имѣху же по двѣ и по три жены". По словамъ Переяславской лѣтописи упомянутые народы не любили браковъ, но на игрищахъ у нихъ допускалась свобода половыхъ сношеній. Еще подробнѣе говорится объ этихъ игрищахъ въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Митрополитъ Кириллъ пишетъ въ XIII вѣкѣ: „мы слышали, что въ предѣлахъ новгородскихъ невѣстъ водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ, чтобы это такъ было и повелѣваемъ это проклинать. Мы слышали, что въ субботу вечеромъ собираются вмѣстѣ мужи и жены и играютъ безстыдно и скверну творятъ въ ночь Святаго Воскресенія". Современемъ общеніе женъ, говоритъ М. Ковалевскій [2]), ограничивается лишь извѣстными праздниками. Весьма характерно для первичныхъ отношеній половъ празднество Купалы, которое еще въ XVI вѣкѣ было выдающимся празднествомъ и у великоруссовъ, какъ видно изъ Стоглава и изъ посланія Елеазара, игумена одного изъ псковскихъ монастырей. Въ Стоглавѣ описывается празднованія вечера на Ивановъ день, кануна рождества Христова и кануна крещенія, которое собственно относится къ Иванову дню: „Сходятся мужи, жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на богомерзкія дѣла; и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе. И егда мимо нощь ходитъ, тогда отходятъ къ рѣкѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни, и умываются водою" [3]).

[1]) М. Ковалевскій въ указ. мѣстѣ стр. 9. Тотъ же авторъ указываетъ на изслѣдованія Всеволода Миллера, открывшаго въ отдѣльныхъ гимнахъ Ведовъ нѣкоторые, впрочемъ болѣе или менѣе гадательные, слѣды общиннаго брака индусовъ, стр. 9 и далѣе.

[2]) М. Ковалевскій, стр. 4.

[3]) А. Соболевскій. Купало, Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1889, стр. 186. Интересны указанія г. Соболевскаго на то, что „Купало" не слѣдуетъ разсматривать какъ древнее божество. „Это было названіе народнаго праздника, названіе подобное названіямъ Радуница, Семикъ, ведшее свое происхожденіе изъ

*

Въ Нижегородской губерніи, по сообщенію Якушкина, въ настоящее время сходятся на красную горку женихи и невѣсты, нарядясь какъ можно лучше; при этомъ бываютъ и умыканія. Купальныя ночи начинаются съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжаются до осени во всѣ праздники. Отъ этихъ ночей сначала завязывается лада, потомъ сватовство [1]). Вечеръ на Ивана Купала справляется съ большимъ торжествомъ въ южной и западной Руси. Свобода половыхъ отношеній сохранилась, наконецъ, до сихъ поръ въ великорусскихъ посидѣлкахъ и малорусскихъ вечерницахъ. Нѣкоторыя интересныя указанія по этому поводу приводятъ Якушкинъ [2]) Сумцовъ [3]), Ковалевскій [4]) и др.

Не вступая пока въ ближайшій анализъ приведенныхъ нами показаній, мы позволимъ себѣ остановиться на наиболѣе существенной чертѣ въ первобытныхъ отношеніяхъ половъ, а именно на крайней неустойчивости понятія о кровномъ родствѣ. Неустойчивость въ данномъ вопросѣ должна, конечно, явиться наиболѣе сильнымъ доводомъ, какъ въ пользу неупорядоченности первобытныхъ отношеній, такъ и противъ стариннаго ученія о первичности патріархальной семьи.

У наировъ, касты воиновъ на Малабарскомъ берегу въ Остиндіи, женщина имѣетъ многихъ мужей, никогда однако болѣе дюжины. При подобныхъ отношеніяхъ понятіе объ отцѣ, какъ объ основномъ элементѣ патріархальной семьи, становится въ высшей степени недостовѣрнымъ. Несомнѣнною оказывается одна личность матери; поэтому то наслѣдіе идетъ по материнской линіи; имущество мужа переходитъ, напримѣръ, къ дѣтямъ его сестры, такъ какъ между братомъ и сестрою кровное родство не можетъ подлежать сомнѣнію [5]). Противуположный примѣръ представляютъ намъ редди въ Южной Индіи [6]). Здѣсь дѣвушка лѣтъ 15—16 вы-

глубокой древности. Съ теченіемъ времени слово Купалы превратились въ слово единств. ч., то средняго, то женскаго рода, и въ этомъ видѣ стало употребляться то какъ эпитетъ къ имени Иванъ, для означенія дня памяти Іоанна Предтечи, 23 Іюня, то какъ названіе игрища или его принадлежностей", стр. 188, 189.

[1]) Ковалевскій, стр. 5.

[2]) Якушкинъ. Обычное право. Ярославль. 1875.

[3]) Сумцовъ. Историч. Вѣстникъ. 1886, мартъ.

[4]) Ковалевскій, l. c., стр. 5, 6.

[5]) Letourneau. L'Evolution du mariage, p. 99 et suiv.

[6]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 59. Въ Черногоріи женихи вачас-

ходитъ замужъ за мальчика лѣтъ 5—6. Но это бракъ, конечно, фиктивный; фактически же жена принадлежитъ отцу мужа, или же дядѣ, или двоюродному брату матери своего мужа, слѣдовательно мужскимъ родственникамъ мужа по восходящей отъ линіи. Дѣти, происходящія отъ этого брака считаются законными дѣтьми мужа; если же онъ подростаетъ, то жена его, въ виду климатическихъ условій уже перешла періодъ зрѣлости, столь кратковременный въ Индіи, и мужъ ея, поэтому, вступаетъ въ фактическія брачныя отношенія съ молодою женою другаго малолѣтняго родственника; приэтомъ его фактическія дѣти будутъ опять-таки считаться законными дѣтьми недоросля мужа. Въ извѣстныхъ областяхъ Тибета господствуетъ поліандрія [1]); нѣсколько братьевъ имѣютъ общую жену, руководясь, какъ сообщаетъ Уйфальви [2]), прежде всего принципомъ бережливости, такъ какъ содержаніе жены стоитъ болѣе или менѣе дорого. Главнымъ мужемъ считается при подобныхъ поліандрическихъ бракахъ патріархъ семьи, старшій братъ; всѣ дѣти общей жены считаются законными дѣтьми старшаго брата; если же умретъ этотъ старшій братъ, то власть патріарха и вмѣстѣ съ нею и потомство семьи переходитъ, какъ законное, ко второму брату.

У китайцевъ имѣется одна главная жена и нѣсколько побочныхъ, но всѣ дѣти отца считаются законными дѣтьми первой жены, если она бездѣтна; если же у нея есть свои дѣти, то дѣти побочныхъ женъ все же считаются законными дѣтьми отца [3]). Въ данномъ случаѣ у народа, отличающагося наиболѣе выраженнымъ патріархальнымъ строемъ, понятіе о кровномъ родствѣ оказывается совершенно спутаннымъ. Штарке указываетъ на то, что индусъ, женившійся на женщинѣ, имѣвшей дѣтей или родившей ихъ въ плѣну, или же во время бѣгства, признаетъ ихъ за своихъ родныхъ [4]); точно также

тую слишкомъ молоды, поэтому братъ или другой близкій родственникъ жениха проводитъ три дня и три ночи съ молодой женою. Макушевъ, Задунайскіе и Адріатическіе славяне, С.-Петербургъ 1867, стр. 22.

[1]) Letourneau. L'Evolution du mariage, p. 97 et suiv.

[2]) Ujfalvy. Vorkommen der Polyandrie bei den Völkerschaften im westlichen Himalaya, Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik, B. VI, S. 14 f. Въ томъ же духѣ высказались Гаркуръ и Русселэ.

[3]) Hellwald. Die menschliche Familie, S. 383.

[4]) Starcke. Die primitive Familie (цитированъ Wade), S. 136.

признаются на Маріанскихъ островахъ законными дѣти, прижитыя внѣ брака съ даннымъ мужемъ [1]). Тоже констатируетъ Кубари для Пелаускихъ острововъ [2]). Вилькенъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ первобытныхъ отношеній половъ, сообщаетъ, что женщина у арабовъ иногда вступаетъ въ сношенія съ десяткомъ мущинъ, причемъ она впослѣдствіи сама опредѣляетъ, кому ея ребенокъ долженъ принадлежать; иногда же по рѣшенію толковыхъ людей ребенокъ передается человѣку, не состоявшему ни въ какихъ ближайшихъ отношеніяхъ къ данной женщинѣ [3]). Точно также въ свое время либурнійцы пользовались, подобно авсеямъ [4]), общностью женъ; они воспитывали дѣтей совмѣстно до пятилѣтняго возраста, а затѣмъ распредѣляли ихъ по сходству между мужчинами [5]).

У племенъ галла мужъ можетъ отправить жену свою обратно къ родителямъ ея, однако же всѣ дѣти прижитыя ею впослѣдствіи, если только она при этомъ не вступитъ въ новый бракъ, считаются его законными дѣтьми; какъ мужъ, такъ и родители его обязаны заботиться о нихъ [6]).

Абсолютное безразличіе къ дѣйствительному кровному родству выказываютъ, наконецъ, всѣ перечисленные нами выше народы, у которыхъ существуетъ обычай отдавать своихъ женъ гостямъ [7]).

Наконецъ мы уже неоднократно имѣли случай указывать на ту легкость, съ которой первобытные люди принимаютъ въ свой „кровный союзъ“ чужеземцевъ, зачастую даже совершенно отличныхъ отъ нихъ по происхожденію. Такъ, напримѣръ, европейцы усыновлялись австралійцами и индѣйцами [8]). Легкое отношеніе первобытныхъ людей къ кровному родству и къ усыновленію представляется намъ существеннымъ элементомъ въ исторіи образованія болѣе крупныхъ общественныхъ организмовъ. Это же отношеніе лежитъ въ основѣ воз-

---

[1]) Starcke. Die primitive Familie (цитиров. Фресинэ), S. 136.
[2]) Kubary. Karolinische Inselgruppe, Berlin 1885, S. 61.
[3]) Wilken. Das Matriarchat bei den Arabern, Leipzig 1884, S. 26.
[4]) См. выше, стр. 431.
[5]) Bachofen. Das Mutterrecht, S. 20.
[6]) A. Cecchi. Fünf Jahre in Ostafrika, Leipzig, Brockhaus 1888, S. 69.
[7]) См. выше, стр. 434.
[8]) См. выше, стр. 4.

никновенія и созиданія многочисленныхъ смѣшанныхъ народностей. Совершенно иначе относится къ усыновленію окрѣпшая и вполнѣ развившаяся съ формальной стороны община, которой приходится защищать свои собственныя интересы отъ притязаній окружающихъ неполноправныхъ элементовъ. Штарке, не мало потрудившійся надъ тѣмъ, чтобы разрушить то преувеличенное значеніе, которое до сихъ поръ, приписывалось кровному родству, отмѣчаетъ, что эндогамическіе народы охотно вступаютъ съ чужими женщинами въ бракъ, если только эти женщины заранѣе приняты племенемъ какъ кровныя родственники; плѣнныя женщины, напримѣръ, зачастую входятъ въ составъ племени, но точно также и мужчины переходятъ въ племя и семью своей невѣсты [1]). Усыновленіе въ высшей степени легкое встрѣчается какъ у племенъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, напримѣръ, у эскимосовъ [2]), такъ и у народовъ, достигшихъ весьма почтенной культуры и пользующихся строемъ болѣе или менѣе патріархальнымъ, напримѣръ, у японцевъ [3]). Японцы сплошь и рядомъ усыновляютъ дѣтей, мальчиковъ, для того чтобы имѣть наслѣдниковъ, могущихъ пользоваться привиллегіями семьи, продолжать профессію ея, а, главное, заботиться о культѣ предковъ; дѣвочки же зачастую пріобрѣтаются лишь для того, чтобы продавать ихъ при достиженіи ими половой зрѣлости. Полинезійцы столь мало придаютъ значенія дѣйствительному кровному родству, что на Маркизскихъ островахъ люди въ возрастѣ усыновляются дѣтьми; однажды вождь усыновилъ собаку, которая была впослѣдстіи похоронена рядомъ съ нимъ (Radiguet); въ общемъ у нихъ не дѣлается различій между дѣйствительными и пріемными родителями (Mariner) [4]). При обрядѣ усыновленія соблюдаются иногда въ высшей степени характерные пріемы, долженствующіе символизировать вступленіе пріемыша въ кровное родство. У гурійцевъ и черкесовъ желающій быть усыновленнымъ сосетъ въ присутствіи родственниковъ грудь усыновляющей его жен-

---

[1]) Starcke. Die primitive Familie, S. 249.

[2]) Fr. Boas. Baffin-Land, Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen 1885, B. 80, S. 87.

[3]) J. J. Rein. Japan, Leipzig, Engelmann, B. I, S. 490.

[4]) Letourneau. L'Evolution du mariage etc., p. 369.

щины (Дубровинъ, Леонтовичъ), абессинцы удовлетворяются сосаніемъ пальца (Пэркинъ)[1]); у другихъ народовъ практикуется фиктивное рожденіе; даже Юпонѣ, желавшей усыновить Геркулеса, пришлось подвергнутся этому, какъ Діодоръ замѣчаетъ, „варварскому обряду“[2]).

Въ нѣкоторыхъ раскольническихъ толкахъ Россіи практикуется, кстати замѣтить, „перерожденіе“ вновь вступающихъ, причемъ ихъ пропускаютъ сквозь запачканную кровью рубашку фиктивной роженицы. Обрядъ этотъ существуетъ въ Пошехонскомъ и въ сосѣднемъ Череповецкомъ уѣздахъ Ярославской и Новгородской губерній, хотя его, конечно, нельзя разсматривать какъ усыновленіе въ точномъ смыслѣ. Такой же обычай при дѣйствительномъ усыновленіи существовалъ въ средніе вѣка въ западной Европѣ, существуетъ и нынѣ у турокъ (Либрехтъ)[3]). У насъ въ Россіи до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ не требуется ни обряда ни формальнаго акта для усыновленія. Въ Ярославской губерніи усыновленіе совершается посредствомъ простой передачи усыновляемаго его пріемному отцу[4]). Въ другихъ мѣстахъ соблюдаются извѣстные формальности.

Въ весьма характерной формѣ выражается вся условность кровнаго родства въ формахъ брака на островѣ Суматрѣ. Этихъ формъ, неоднократно уже описанныхъ[5]), существуетъ три: 1) югуръ: мужъ покупаетъ жену у родителей ея и этимъ пріобрѣтаетъ извѣстныя права на нее, 2) амбель-анакъ: жена покупаетъ себѣ мужа и послѣдній вступаетъ въ извѣстную зависимость отъ нея. Дѣло обыкновенно происходитъ такъ, что отецъ богатой семьи выбираетъ подходящаго молодаго человѣка изъ менѣе значительной семьи, онъ, такъ сказать, пріобрѣтаетъ его. Переходя въ чужую семью молодой человѣкъ дѣлается кровнымъ родственникомъ ея. Солидарность сочленовъ, уже описанная нами, вполнѣ распространяется и на него: онъ отвѣчаетъ за всѣхъ, всѣ отвѣча-

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 70 и далѣе. М. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры. Спб. 1887, стр. 107 и далѣе.

[2]) Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte, Berlin, Auerbach, 2. Aufl., B. II, S. 410.

[3]) Кулишеръ, стр. 108, 109. Якушкинъ. Обычное право, стр. XV.

[4]) Якушкинъ. Обычное право, стр. XIV.

[5]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 57, 58.

ютъ за него. Онъ настолько пріурочивается къ своей новой семьѣ, что въ случаѣ необходимости выступаетъ вмѣстѣ съ нею противъ своихъ прежнихъ кровныхъ родственниковъ. Однакоже, положеніе его не совсѣмъ то пріятное: онъ въ зависимости отъ жены и отъ ея семьи; они могутъ его даже прогнать, если бы имъ это вздумалось. Тогда онъ возвращается къ своимъ прежнимъ родственникамъ и вступаетъ вновь въ ихъ союзъ: его кровное родство съ ними какъ будто бы никогда не нарушалось. 3) Наконецъ существуетъ еще третій способъ брака: семанда, при которомъ ни мужъ, ни жена не отличаются богатствомъ; жена покупается у родителей за незначительную плату; имущество брачущихся общее. Если они расходятся по обоюдному соглашенію, то имущество дѣлится пополамъ, если же по желанію мужа, то онъ теряетъ калымъ и половину имущества. На островѣ Сейлонѣ также существуютъ двѣ формы брака: 1) дига, при которомъ жена идетъ къ мужу въ домъ, и 2) бина, при которомъ мужъ переходитъ къ женѣ. Кромѣ того здѣсь существуетъ весьма характерный обычай заключать браки лишь послѣ двухнедѣльнаго сожитія [1]). Въ высшихъ классахъ Японіи существуетъ обычай, по которому старшая дочь въ семьѣ можетъ взять себѣ мужа въ домъ, причемъ онъ принимаетъ имя ея; впрочемъ если мужъ младшей дочери переходитъ въ ея домъ, то онъ принимаетъ фамилію жены [2]). О переходѣ мужа въ родъ жены мы, однако, будемъ говорить при изученіи вопроса о матріархатѣ. Замѣтимъ лишь, что нѣкоторую параллель къ подобнымъ переходамъ мы встрѣчаемъ въ нашихъ „зятьяхъ—пріемышахъ“, „влазеняхъ“, „примакахъ“, которые переходятъ въ домъ жены обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ домѣ нѣтъ сыновей и чувствуется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. При пріемѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также не заключается никакихъ условій.

Бахофенъ и его послѣдователи приводятъ въ непосредственную связь съ коммунальнымъ бракомъ между прочимъ и пресловутый Jus primae noctis. Подъ этимъ обычаемъ разсма-

---

[1]) Лёббокъ, l. c. стр. 58.

[2]) Лёббокъ, l. c., (цитировано по Morgan'y System of Consang. etc., p. 428), стр. 58, 59.

триваемомъ какъ форма переживанія коммунальнаго брака, мы разумѣемъ право владѣтеля на первую ночь съ новобрачной его подчиненнаго. По этому вопросу, какъ извѣстно, существуетъ весьма обширная и интересная литература [1]). Луи Вельо уже въ 1854 году отрицалъ самое существованіе „droit du seigneur“ [2]), а Карлъ Шмидтъ освѣтилъ критически этотъ вопросъ въ 1881 году въ своемъ знаменитомъ „Jus primae noctis“. Обладая не только замѣчательною начитанностью, но и весьма совершенною діалектикою, К. Шмидтъ послѣдовательно разбиваетъ доводы, приводимые въ пользу существованія такого права и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ тому заключенію, что ученіе „о господствѣ этого возмутительнаго права въ эпоху христіанскихъ среднихъ вѣковъ въ большинствѣ или во всѣхъ европейскихъ странахъ“, должно считать „ученымъ суевѣріемъ“ [3]).

Въ сущности Шмидтъ не отрицаетъ существованія jus primae noctis какъ факта, но онъ строго отличаетъ узаконенное право отъ права сильнаго. Съ другой стороны несомнѣнною заслугою его слѣдуетъ считать критическую оцѣнку матеріаловъ по данному вопросу. Благодаря работѣ Шмидта мы, какъ это охотно признаютъ наиболѣе объективные противники его [4]), не можемъ уже смѣшивать платежи, получаемые духовными и свѣтскими сеньерами при вступленіи крестьянскихъ дѣвушекъ въ бракъ, съ тѣми платежами, которые слѣдуютъ имъ за отказъ отъ права первой ночи. Споръ о томъ, существовало ли jus primae noctis какъ право или какъ обычай можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ чисто историческихъ изслѣдованій, причемъ придется ближе опредѣлить значеніе тѣхъ болѣе или менѣе шаткихъ доводовъ, которые приводятся въ пользу существованія этого права. Мы же съ своей стороны можемъ здѣсь констатировать, что говоря о русскихъ славянахъ М. Ковалевскій

---

[1]) См. Karl Schmidt. Jus primae noctis, Freiburg i/B. 1881; см. введеніе. Того же автора: Der Streit über das Jus primae noctis, Zeitschrift für Ethnologie 1884, B. XVI und Slavische Geschichtsquellen zur Streitfrage über das Jus primae noctis, Posen 1886 (Zeitschrift der Historischen Gesellschaft für die Provinz Posen, H. I., 3—4).

[2]) L. Veuillot. Le droit du seigneur au moyen âge, Paris 1854.

[3]) K. Schmidt. Jus primae noctis, S. 379.

[4]) М. Ковалевскій. Первобытное право, т. II, стр. 36.

приходитъ къ тѣмъ же сомнѣніямъ [1]) относительно существованія у нихъ этого права, какъ и К. Шмидтъ [2]).

Поскольку дѣйствительно существуетъ такое право, или, лучше сказать, такой обычай, онъ находится въ извѣстной связи съ неупорядоченными брачными отношеніями. Насъ въ данномъ случаѣ долженъ, поэтому, интересовать не столько вопросъ о фактическомъ существованіи такого права въ средніе вѣка и о маловѣроятномъ переходѣ неупорядоченныхъ брачныхъ отношеній къ означенной формѣ права, сколько неустойчивость и неопредѣленность личности отца, проглядывающая въ подобномъ обычаѣ.

Но обратимся къ нѣкоторымъ нынѣ существующимъ видамъ jus primae noctis: Сношенія жены съ гражданскимъ или духовнымъ сеньеромъ высоко цѣнятся первобытнымъ человѣкомъ, онъ видитъ въ нихъ какъ бы освященіе своего брака и зачастую оплачиваетъ сеньера [3]). У балантовъ въ Сенегамбіи начальникъ племени иногда получаетъ весьма значительные подарки за свою милость [4]). Жрецъ выполняютъ эту обязанность за вознагражденіе на Малабарскомъ берегу [5]). Съ той же точки зрѣнія смотритъ на этотъ вопросъ, повидимому, и эскимосъ, весьма гордящійся тѣмъ, что онъ будетъ имѣть сыновей отъ ангекока (Бастгольмъ) [6]). Точно также арабы охотно заботяться объ улучшеніи своего рода, приглашая къ сношенію со своими женами людей достойныхъ [7]).

Впрочемъ, мы отнюдь не должны смѣшивать jus primae noctis съ тѣми случаями, когда лишеніе дѣвственности по-

[1]) М. Ковалевскій, стр. 48, 49. Существованіе этого права у древнихъ славянъ основывается на словахъ одной раскольничьей лѣтописи, извлеченныхъ Татищевымъ. „Тогда же отрѣши Ольга княжее и уложила брать отъ жениха по черной кунѣ какъ князю такъ и боярину отъ его подданныхъ“. Слово „княжее“ истолковывалось въ смыслѣ права князя на первую ночь, а не въ смыслѣ jus maritagium, напр. Буслаевымъ. За существованіе jus primae noctis почти что до освобожденія крестьянъ стоитъ Кулишеръ. Die communale Zeitehe, Archiv, für Anthropologie 1879, S. 288 f.

[2]) K. Schmidt. Slavische Geschichtsquellen etc. Разбору подвергается постановленіе Ольги отъ 964 и законъ Генриха I бреславльскаго.

[3]) K. Schmidt. Jus primae noctis, S. 216, 309, 313, 358, 366.

[4]) A. Marche. Trois voyages dans l'Afrique occidentale, Paris 1879, p. 70.

[5]) Letourneau. L'Evolution du mariage, p. 58.

[6]) Starcke. Die menschliche Familie, S. 135.

[7]) Wilken. Das Matriarchat bei den alten Arabern, Leipzig 1884, S. 26.

ручается человѣку постороннему или производится посредствомъ какого либо инструмента въ виду предразсудка или же въ виду того, что кровь надорванной дѣвственной плевы считается столь же нечистою какъ кровь менструальная [1]).

Формы, болѣе подходящія къ jus primae noctis, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у оранъ-сакаевъ на Малаккѣ и у обитателей восточныхъ Молуккскихъ острововъ, у которыхъ, по показаніямъ Миклухи-Маклая, отцы пользуются правомъ jus primae noctis по отношенію къ дочерямъ [2]). То же разсказываетъ Д-ръ Вольфъ про бакубовъ [3]). При выраженномъ деспотическомъ строѣ вождь племени владѣетъ всѣми женщинами. Король Дагомеи считаетъ всѣхъ женщинъ государства своей собственностью, у него покупаются жены; даже при перепродажѣ наложницъ должна быть испрошено королевское разрѣшеніе [4]). Точно также и побѣдители не упускаютъ случая воспользоваться правомъ сильнаго. Такъ, напримѣръ, мусульмане не пренебрегали этимъ правомъ въ то время, когда они господствовали надъ южными славянами [5]). Но въ данномъ случаѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло не съ правомъ, а съ насиліемъ, каковымъ, по нашему мнѣнію, jus primae noctis и является въ большинствѣ случаевъ по самому существу своему [6]).

Мы привели здѣсь уже не мало примѣровъ изъ первобытной жизни половъ. Не трудно было бы увеличить число этихъ примѣровъ до безконечности, такъ какъ вопросъ нашъ разработанъ, по крайней мѣрѣ, со стороны матеріальной,

---

[1]) Schneider. Naturvölker, B. II, S. 471. Св. Аѳанасій сообщаетъ, что у финикіянъ съ этою цѣлью держались рабы; на Филиппинскихъ островахъ, по Блументритту, существуетъ люди, выполняющіе обязанность новобрачнаго за деньги. Искусственно лишаютъ самихъ себя дѣвушки невинности у саккалавовъ (Носель) Ploss-Barthels. Die Frau, S. 301 f.

[2]) K. Schmidt, l. c., S. 324. Относится весьма скептически къ сообщенію Миклухи, не находя въ немъ ни слѣда jus primae noctis въ нынѣшнемъ смыслѣ слова.

[3]) H. Wissmann, L. Wolf, C. Francois. Im Innern Afrikas, Leipzig, Brockhaus 1888, S. 240.

[4]) Labarthe. Reise nach der Küste von Guinea, Lbj. 1803, S. 93.

[5]) Fr. Krauss. Sitten und Brauch der Südslaven, Wien, Hölden 1885, S. 244.

[6]) Hellwald, l. c., S. 23 отмѣчаетъ существованіе jus primae noctis даже у обезьянъ, указывая, впрочемъ, лишь на полигамическія наклонности болѣе сильныхъ самцовъ.

весьма основательно. Результатомъ изученія этихъ примѣровъ является прежде всего убѣжденіе въ томъ, что мнѣніе старинной школы о первичности семьи должно быть отвергнуто. Дѣйствительно, факты говорятъ за то, что семья, а тѣмъ болѣе семья патріархальная, не можетъ быть началомъ человѣческаго сообщества. Всѣ наши понятія о семьѣ, или, что еще важнѣе, о кровномъ родствѣ опрокидываются этою пестрою толпою противорѣчивыхъ воззрѣній. Но, съ другой стороны, у насъ неизбѣжно должно возникнуть сомнѣнія и въ томъ, чтобы приводимые примѣры могли служить безупречнымъ свидѣтельствомъ въ пользу общиннаго брака. Если мы отмѣтили нѣкоторыя исключительныя формы, соотвѣтствующія общинному браку, если мы съ нѣкоторою натяжкою [1]) могли даже усмотрѣть въ тѣхъ или другихъ примѣрахъ слѣды или переходныя ступени, или же извращенія коммунальнаго брака, то съ другой стороны мы не можемъ отказаться отъ мысли, что типичный коммунальный бракъ мыслимъ лишь тамъ, гдѣ существуетъ общественный порядокъ, строго блюдящій за сохраненіемъ обычаевъ, установленныхъ на основаніи вполнѣ оформленной коопераціи. Подобныя семейныя отношенія представляютъ намъ, такимъ образомъ, форму высшаго развитія. Съ этой точки зрѣнія мы отчасти соглашаемся съ Гербертомъ Спенсеромъ [2]) и М. Ковалевскимъ [3]), принявшемъ ученіе Спенсера о томъ, что первичное отношеніе половъ отнюдь не можетъ быть названо „коммунальнымъ бракомъ". „Я не думаю", говоритъ Спенсеръ [4]), „чтобы факты оправдывали заключеніе, будто бы безпорядочное

[1]) Не можемъ не указать на нѣкоторую неразборчивость авторовъ, болѣе или менѣе явно стоящихъ за коммунальный бракъ, при цитированіи источниковъ. Гельвальдъ, напримѣръ, усматриваетъ въ словахъ Библіи: „Тогда увидѣли сыны Божіи дочерей человѣческихъ, что онѣ прекрасны, и брали себѣ въ жены, какую кто выбралъ" (Бытіе. Гл. 6 ст. 2) доказательство, если и не безграничнаго смѣшенія, то все же большей свободы. (Hellwald. Die menschliche Familie, S. 130). Бегертъ издавна фигурируетъ какъ авторъ, свидѣтельствовавшій о существованіи коммунальнаго брака у калифорнскихъ индѣйцевъ; но тотъ же авторъ говоритъ о томъ, что у калифорнцевъ существовалъ обычай, по которому зять не смѣлъ даже взглянуть на свою тещу и на родственниковъ жены своей женскаго пола. Baegert. Nachrichten von Kalifornien, Manheim 1772, S. 164.

[2]) Спенсеръ. Основы соціологіи, стр. 698 и далѣе.

[3]) М. Ковалевскій. Первобытное право. Вып. II, стр. 18 и далѣе.

[4]) Спенсеръ. Основы соціологіи, стр. 699.

половое сожительство существовало когда либо въ совершенно неограниченной формѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что если бы оно даже существовало когда нибудь въ этой формѣ, то все таки названіе „коммунальнаго брака“ не дало бы намъ вѣрнаго представленія о немъ“. Первоначальное общественное состояніе не можетъ представить намъ, по мнѣнію Спенсера, какихъ либо общественныхъ законовъ, вслѣдствіе этого не могло существовать ни малѣйшаго представленія о „правахъ, вытекающихъ изъ коммунальнаго брака“. Съ другой стороны, однако, нашъ авторъ указываетъ на то „даже въ доисторическія времена, безпорядочное половое сожительство сдерживалось установленіемъ индивидуальныхъ связей, являвшихся слѣдствіемъ мужскихъ вкусовъ и склонностей и поддерживавшихся противъ другихъ мужчинъ открытою силою“; впрочемъ, „оговаривается онъ вновь, „на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія, безпорядочное половое сожительство ограничивалось этимъ способомъ лишь въ очень слабой степени“ [1]). Такимъ образомъ Спенсеръ предлагаетъ замѣнить терминъ „коммунальный бракъ“ выраженіемъ „безпорядочное половое сожитіе“.

Бросимъ, однако, еще одинъ взглядъ на животный міръ, прежде чѣмъ сдѣлать свои окончательные выводы. Посмотримъ на то, каковы законы сожитія органическихъ существъ вообще. На нисшихъ ступеняхъ животнаго міра намъ, въ общемъ, не встрѣчаются формы семейнаго сожитія половъ. Первые шаги къ такому сожитію представляются во временномъ соединеніи родителей или, по крайней мѣрѣ, матери съ дѣтьми до той поры, когда они пріобрѣтаютъ достаточно силы для жизни болѣе или менѣе самостоятельный. Уже каликтріи проявляютъ нѣкоторую заботливость по отношенію къ своему потомству. Семейная жизнь наиболѣе развитыхъ насѣкомыхъ, напримѣръ пчелъ, осъ, муравьевъ, представляется намъ въ простой, но въ тоже время и весьма своеобразной формѣ, стоящей въ строгомъ соотвѣтствіи съ общественною жизнью ихъ. Рыбы даютъ намъ неоднократно примѣры весьма трогательной заботы о дѣтенышахъ, причемъ у нѣкоторыхъ породъ о потомствѣ заботится болѣе

---

[1]) Спенсеръ, l. c. стр. 702.

всего самецъ. Такъ у пучкожаберныхъ (Syngnathus, Hippocampus) самцы носятъ яйца съ собою, а Chromis paterfamilias въ Тиверіадскомъ озерѣ выводитъ до двухсотъ штукъ дѣтенышей въ ротовой жаберной полости. Cottus gobio, бычокъ, отыскиваетъ ямку въ источникахъ для кладки яицъ между камнями и по цѣлымъ недѣлямъ храбро охраняетъ икру. Gasterosteus (колюшка) вьетъ гнѣзда, стережетъ яйца и удерживаетъ слабыхъ дѣтей отъ преждевременнаго выхода изъ гнѣзда.

Въ общемъ, однако, міръ животныхъ представляетъ намъ чрезвычайное разнообразіе въ формахъ сожитія [1]). Прежде всего, мы встрѣчаемъ великое множество полигамистовъ; какъ таковыхъ можно обозначить: антропоморфныхъ, павіановъ и, повидимому, даже гориллу, жвачныхъ, лошадь, осла, слона, кабана, льва, тюленей, куринныхъ птицъ и т. д.; впрочемъ, среди послѣднихъ встрѣчаются и моногамисты, напримѣръ, цецарки. Еще интереснѣе то, что моногамисты при случаѣ дѣлаются полигамистами: такъ дикая утка живетъ въ моногаміи, домашняя же въ типично полигамическихъ отношеніяхъ [2]). Въ данномъ случаѣ, склонность къ полигаміи развилась у утки на ряду съ другими качествами, пріобрѣтенными въ прирученномъ состояніи: на ряду съ лѣнью, трусливостью, несамостоятельностью и готовностью къ рабскому подчиненію. Точно также кабанъ тщательно заботится о своемъ потомствѣ, а домашняя свинья, отупѣвшая въ неволѣ, часто становится дѣтоубійцею. Между моногамистами фигурируютъ прежде всего множество птицъ: пѣвчія и хищныя, вороны, сороки, голуби, зачастую и воробьи и т. д. Среди птицъ же мы встрѣчаемъ наиболѣе трогательные примѣры семейной любви и вѣрности. Примѣры нѣжной любви проявляютъ: лебеди, гагары, голенастыя, лысухи и водяныя курочки, вальдшнепы, бѣлоголовые орлы и т. д. [3]). Неразлучны, напримѣръ, psitacus pertinax, горлицы и т. д. Умираютъ другъ безъ друга также и обезьянки Uistiti. Индійскій макакъ, Macacus silenus, моногамистъ, строго соблюдающій брачную вѣрность. Монога-

---

[1]) С. Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ. Darwin, Abstammung des Menschen. Letourneau. L'Evolution du mariage, Chap. I, II.

[2]) Мензбиръ. Общество животныхъ. Юрид. Вѣстн. 1882, т. IX, стр. 44.

[3]) Мензбиръ. Общество животныхъ, стр. 39.

мисты встрѣчаются и среди орангъ-утановъ, живущихъ во время паровапія совмѣстно съ одною самкою. Шимпанзе живутъ по нѣсколько моногамическихъ семей на одномъ деревѣ. Наконецъ, поліандрія встрѣчается у нѣкоторыхъ рыбъ, а также у насѣкомыхъ, отличающихся значительнымъ соціальнымъ развитіемъ, напримѣръ, у пчелъ.

Намъ остается еще упомянуть о томъ, что животныя сходятся не только ради физическаго сожитія, ради продолженія рода. Нѣтъ сомнѣнія, что и имъ не чуждо чувство любви. Въ пользу этого, помимо вышеприведенныхъ данныхъ, говорятъ многочисленные способы ухаживанія, встрѣчающіеся въ мірѣ животномъ. Если Герлахъ и оспариваетъ значеніе усиленной окраски перьевъ у птицъ, которую Дарвинъ выставляетъ какъ весьма значительный элементъ въ половомъ подборѣ, то все же намъ необходимо имѣть въ виду, что въ пору любви животныя стараются выказаться съ наиболѣе привлекательныхъ сторонъ и готовы даже жертвовать жизнею, чтобы достигнуть своей цѣли. Даже птицы, лишенныя голоса, стараются пѣть. Picus martius L., черный дятелъ, барабанитъ въ угоду самкѣ своимъ клювомъ по сухимъ сучьямъ. Rupicola aurantia въ Южной Америкѣ устраиваютъ площадки для танцевъ, очищая извѣстное пространство отъ травы. На этихъ площадкахъ самцы упражняются въ танцахъ и въ испусканіи своеобразныхъ звуковъ, тогда какъ другія птицы любуются на нихъ. При этомъ они до такой степени увлекаются, что иногда возможно перебить нѣсколько штукъ изъ духовой трубки, прежде чѣмъ онѣ замѣтятъ опасность. Танцуетъ, наконецъ, и журавль (Grus cinerea). Amblyornis ornata въ Австраліи устраиваетъ для своихъ возлюбленныхъ цѣлые дворцы, бесѣдки изъ листьевъ, которыя украшаются цвѣтами, плодами, раковинами, пестрыми камешками, осколками, тряпочками и различными блестящими бездѣлушками, похищенными у людей. Въ этихъ бесѣдкахъ происходятъ собранія птицъ.

Несравненно болѣе серьезный характеръ имѣютъ ухаживанія животныхъ, борящихся между собою изъ-за обладанія самкою. Львица съ видимымъ удовольствіемъ смотритъ на смертельный бой самцовъ, съ пренебреженіемъ обнюхиваетъ

и оставляетъ погибшихъ изъ за нея и покорно лижетъ раны побѣдителю.

Не чужда животнымъ и страшная ревность. Имѣя въ виду существованіе этой страсти, Дарвинъ считаетъ возможнымъ даже усомниться въ существованіи коммунальнаго брака на первобытной ступени человѣчества, такъ какъ „сильная ревность встрѣчается во всемъ животномъ мірѣ“ [1]). Не мѣшаетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что въ общемъ самка является центромъ, вокругъ котораго группируются первые зачатки животной семьи и что самка, заурядъ, проявляетъ болѣе заботливости о потомствѣ, чѣмъ самецъ [2]).

Эта краткая экскурсія въ область животнаго міра можетъ насъ вполнѣ убѣдить въ томъ, что коммунальный бракъ не представляетъ собою чего либо лежащаго въ самомъ строѣ природы. Напротивъ того, животныя не придерживаются исключительно одной формы брака. Съ другой же стороны, мы не встрѣчаемъ среди нихъ того, что можно разумѣть подъ коммунальнымъ бракомъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Въ виду этого мы, дѣйствительно, должны удовлетвориться предположеніемъ, что человѣчество начало свою жизнь при весьма мало упорядоченномъ отношеніи половъ. На ряду другъ съ другомъ здѣсь могли существовать полигамическія, моногамическія и поліандрическія формы, не будучи тѣсно разграниченными или лишенными возможности переходить другъ въ друга. Мы не назвали бы такое состояніе „безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ“, такъ какъ мы не отводимъ столько мѣста произволу и грубости въ первобытномъ обществѣ, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло скорѣе всего съ эпохою „неупорядоченныхъ отношеній половъ“. При дальнѣйшемъ же гражданскомъ развитіи отношенія сочленовъ первобытнаго общества нормируются, та или другая брачная форма становится преобладающею, а при сильномъ развитіи общиннаго духа мыслимъ даже и коммунальный бракъ.

---

[1]) Darwin. Abstammung des Menschen, S. 565.

[2]) Letourneau. L'Evolution du mariage, p. 26.

Глава XX.

Переходъ отъ неупорядоченнаго брака къ индивидуальному браку.

Ученіе Бахофена.—Матріархатъ.—Причины его возникновенія.—Переходъ мужа въ родъ жены.—Наслѣдованіе по женской линіи.—Почетное положеніе женщины у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ.—Положеніе женщины у древнихъ германцевъ и славянъ.—Матріархатъ совмѣстимъ съ угнетеніемъ женщины.—Переходъ къ индивидуальной семьѣ.—Положеніе женщины есть симптомъ общественнаго развитія.—Лёббокъ объ умыканіи.—Распространеніе умыканія.—Значеніе выкупа невѣсты.—Бракъ есть дѣло экономическое.—Обрядовое умыканіе у первобытныхъ народовъ.—Обрядовое умыканіе у славянъ.

Бахофенъ, впервые затронувшій вопросъ о первобытныхъ половыхъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія ученія о коммунальномъ бракѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ набросалъ намъ грандіозную картину перехода отъ коммунальнаго брака къ индивидуальному [1]). Принявъ во вниманіе цѣлый рядъ примѣровъ, говорящихъ о высокомъ почетѣ, которымъ пользовалась женщина въ древнее время, и сопоставивъ это почетное положеніе ея со слѣдами коммунальныхъ отношеній, нашъ авторъ учитъ, что первоначально существовалъ смѣшанный, нераздѣльный бракъ, господствовалъ „гетеризмъ“; однако же, женщины возмутились противъ подобныхъ порядковъ, онѣ устроили революцію, побѣдили мужчинъ и заставили ихъ признать бракъ съ преобладаніемъ женщины. Въ эту эпоху такъ называемаго „матріархата“ значительная часть политической власти лежала въ рукахъ женщинъ, имущество и родовое имя наслѣдовалась чрезъ посредство женщины, словомъ, это

---

[1]) Bachofen. Das Mutterrecht. Stuttgart 1861.

была эпоха властвованія женщинъ на землѣ, „гинейкократія". Однакоже, духовное вліяніе отца стало постепенно все болѣе и болѣе преобладать надъ болѣе матеріальнымъ принципомъ матери; власть переходила въ руки мужчинъ; на смѣну матріархата появился патріархатъ, отъ гинейкократіи человѣчество постепенно перешло къ „андрократіи"; имущество и родовое имя наслѣдовалось уже по мужской линіи. „Благодаря этому шагу", говоритъ Бахофенъ, „человѣкъ сбрасываетъ оковы теллуризма и поднимаетъ взоръ свой къ высшимъ сферамъ космоса", ибо „въ матеріальномъ материнскомъ правѣ лежатъ корни его личнаго міровоззрѣнія, которое не въ состояніи возвысится надъ міромъ и надъ непрестанной гибелью его,— въ отцовскомъ же правѣ свѣта, напротивъ того, лежитъ та мирная увѣренность, которая познаетъ суть соларной сферы, поднявшись надъ смѣною и печалью преходящихъ явленій" [1]). Таково въ общихъ чертахъ ученіе Бахофена, относительно котораго Штарке довольно мѣтко выразился, что оно ему скорѣе напоминаетъ „рапсодію глубокоученаго поэта, чѣмъ твореніе ума яснаго и научно выдержаннаго" [2]). Дѣйствительно, знаменитое „Mutterrecht" Бахофена проникнуто поэтическимъ и мистическимъ вдохновеніемъ. Основными элементами въ жизни первобытнаго человѣка являются, по мнѣнію его, половое чувство, любовь и религія. „Всѣ ступени половой жизни, начиная съ афродистическаго гетеризма и кончая аполлоновскою чистотою отцовскаго права находятъ соотвѣтствующій прототипъ свой въ жизненныхъ формахъ природы, начиная съ дикой болотной растительности, прообраза брачнаго материнства, и до гармоничной законности звѣзднаго міра и небеснаго свѣточа, который какъ flamma non urens соотвѣтствуетъ духовной сторонѣ вѣчно обновляющейся отцовской идеѣ. И эта связь на столько законосообразна, что по преобладанію того или другаго великаго міроваго тѣла въ культѣ можно судить о данной формѣ половой жизни" [3]). Съ другой стороны, говоритъ онъ, „существуетъ лишь одинъ могущественный рычагъ всякой цивилизаціи, это религія. Каждый подъемъ, каждое паденіе человѣческаго су-

[1]) Bachofen. Das Mutterrecht, S. XXVII.
[2]) Starcke. Die menschliche Familie, S. 259.
[3]) Bachofen, S. XXIX.

*

ществованія исходитъ изъ движенія, получившаго начало въ этой наивысшей сферѣ“ [1]).

Но если ученіе Бахофена и страдаетъ бездоказательностью, если не всегда возможно соглашаться съ его толкованіемъ миѳовъ, и если мы, съ своей стороны, абсолютно сомнѣваемся въ томъ, чтобы могъ существовать когда либо „золотой женскій вѣкъ“ или чтобы въ доисторическую эпоху происходила какая то титаническая борьба между мужскимъ и женскимъ началомъ, если, наконецъ, слогъ Бахофена страдаетъ какъ бы преднамѣренною псевдофилосовскою и мистическою темнотою, то съ другой стороны, мы все-же должны признать что по временамъ темнота эта освѣщается молніями вдохновенныхъ и пророческихъ мыслей, а дивная масса труда и знанія, положенныхъ въ эту и въ другія книги Бахофена, могутъ вполнѣ вознаградить критическаго читателя, взявшагося за трудную задачу изученія этого автора.

Но, будучи мистическимъ въ устахъ Бахофена, ученіе это стало совершенно наивнымъ въ разработкѣ его подражателей, не смогшихъ слѣдовать за высокимъ полетомъ мысли своего учителя. Отсюда то и установилось въ современной антропологіи нѣкоторое пренебрежительное отношеніе къ Бахофену.

Между тѣмъ, матріархатъ, хотя, конечно, и не въ томъ грандіозномъ видѣ, въ какомъ его изображалъ нашъ авторъ, въ дѣйствительности существуетъ. Болѣе того, онъ совершенно естественно вытекаетъ изъ неупорядоченнаго сожительства половъ, изученнаго нами въ предыдущей главѣ. Для пониманія его намъ не приходится прибѣгать ни къ какимъ фантастическимъ картинамъ. На изученной нами ступени общественнаго развитія бракъ въ той или другой формѣ, полигамической, моногамической, поліандрической или, наконецъ, смѣшанной, легко слагается и еще легче расторгается; ни одна изъ этихъ формъ не фиксирована, всѣ они неустойчивы, всѣ они могутъ переходить другъ въ друга при любомъ колебаніи даннаго народа. Первобытной семьѣ не присуще прежде всего то, что характеризируетъ современную семью: она лишена устойчивости. Единственная сколько нибудь

---

[1]) Bachofen, S. XIII.

достовѣрная личность въ этой путаницѣ отношеній и понятій — эта мать. Съ понятіемъ общей матери связывается естественнѣе всего представленіе о принадлежности къ данной группѣ, къ общинѣ. Принадлежность эта обусловливаетъ собою участіе во всѣхъ тѣхъ выгодахъ, которыя представляетъ племя, въ пользованіи общею солидарностью, угодьями, жилищемъ и т. д. Мать, это элементъ, вокругъ котораго кристаллизируются члены рода, это элементъ, скрѣпляющій общину. Чрезъ мать свою данный индивидуумъ становится причастнымъ къ благамъ жизни. Со смерти матери теряется скрѣпа группы и эта группа распадается. Пелауское племя, лишившееся женщинъ, должно изчезнуть; Кубари [1]) говоритъ о томъ, что многія общины такимъ образомъ прекращали свое существованіе. Въ семьѣ чествуется одно лишь женское божество, Kalids, зачастую называемое Amlahél [2]), что значитъ рождающая и указываетъ на высшую функцію женщины, продолжить родъ человѣческій.

Такимъ образомъ предъ нами выясняется значеніе женщины въ эпоху неупорядоченныхъ брачныхъ отношеній. Въ примѣрахъ, подтверждающихъ извѣстное преобладаніе женщины надъ мужчиною нѣтъ недостатка. Одинъ изъ типичнѣйшихъ видовъ превосходства материнскаго принципа мы видимъ въ переходѣ мужа въ родъ жены, тогда какъ у насъ, конечно, жена переходитъ въ родъ мужа. Подобный переходъ мужа встрѣчается [3]) у даяковъ на Борнео, у ительмовъ на Камчаткѣ, у многихъ индѣйцевъ Америки, на Новой Зеландіи у маори; наконецъ, мы упоминали уже о бракѣ Амбелъ-анакъ на Суматрѣ, о бракѣ Бина на Сейлонѣ и о брачныхъ формахъ въ Японіи, при которыхъ мужъ переходитъ въ родъ жены [4]).

Интересную параллель къ этому послѣднему явленію мы видимъ въ наслѣдованіи имущества по материнской линіи, слѣдовательно, въ переходѣ имущества отца не на дѣтей его, а на дѣтей сестры, кровное родство съ которой въ виду общ-

---

[1]) J. Kubary. Ethnographische Beiträge zur Kenntniss der Karolinischen Inselgruppe, Berlin, Asher, 1885. S. 38.

[2]) Kubary, l. c., S. 39.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе стр. 237.

[4]) Смотри выше стр. 440, 441.

ности матери не подлежитъ сомнѣнію. Такое наслѣдованіе по женской линіи практикуется или практиковалось у маори, у фиджійцевъ, на островахъ Маршальскихъ, въ Австраліи, у негровъ Золотаго берега, берега Лоанго, области Конго, въ Центральной Африкѣ, у варварійцевъ, у многочисленныхъ племенъ Сѣверной и Южной Америки, а въ древности у ликійцевъ, этрусковъ, сумеро-аккадійцевъ и т. д. [1]). У древнихъ германцевъ родственники жены всегда принимались во вниманіе при раздѣлѣ наслѣдства, вообще же дядя со стороны матери считается родственникомъ весьма близкимъ [2]). Въ пользу болѣе близкаго отношенія дѣтей къ матери у славянъ, свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Ковалевскаго, тотъ фактъ, что въ былинахъ говорится только о матеряхъ богатырей, а отцы выступаютъ лишь въ позднѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ [3]). Въ Русской правдѣ упоминается въ числѣ мстителей въ случаяхъ кровавой мести „сестринъ сынъ", тогда какъ въ послѣдующихъ спискахъ, напр. въ спискѣ Карамзинскомъ, слова „сестрину сынови" замѣнены словами: „братню сынови".

Интересно далѣе указать на нѣкоторыя примѣры фактическаго преобладанія женщины. У индѣйцевъ Сѣверной Америки женщина, какъ извѣстно, пользуется весьма незавиднымъ положеніемъ. На ней лежитъ наиболѣе тяжкій трудъ и подъ бременемъ этого труда она не только быстро старѣется, но и вообще хирѣетъ на столько, что по внѣшнему виду своему кажется какъ бы существомъ иного племени, чѣмъ мужчина. Однако же у отоваевъ мужчина не имѣетъ права покинуть жены, если она ему надоѣла. Онъ долженъ представить племени вѣскія доказательства въ пользу развода, иначе онъ теряетъ все свое имущество и, кромѣ того, подвергается весьма чувствительнымъ побоямъ со стороны жены и ея родственниковъ (Перро); у отоваевъ женщина неоднократно управляла племенемъ (Таннеръ) [4]). У чиппивеевъ, клатроповъ и чиноковъ женщина пользуется привиллегированнымъ поло-

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 237, 239.

[2]) Tacit. Germania, cap. XX. G. Waitz. Die Verfassung des deutschen Volkes, B. I, 3. Aufl., Kiel, Homann, 1880, S. 67.

[3]) М. Ковалевскій. Первобытное право. Вып. I, стр. 137.

[4]) Н. Зиберъ. Очерки, стр. 288, 289.

женіемъ. У ирокезовъ и гуроновъ женщины рѣшаютъ казнить или миловать военноплѣнныхъ [1]); „чести ради“ имъ даже предоставляется право рѣшить быть ли войнѣ или міру [2]). Весьма характерный эпизодъ изъ жизни кафровъ передаетъ намъ Ливингстонъ. Однажды его слуга торговалъ козу у негра и уже пришелъ къ соглашенію съ нимъ, какъ вдругъ явилась жена негра и начала его упрекать: „право можно подумать, кричала она, что у тебя нѣтъ жены; продавать козу, не посовѣтовавшись съ женой, какой же ты человѣкъ“? Всѣ старанія Ливингстона дать торгу дальнѣйшій ходъ были безуспѣшны; сконфуженный супругъ увѣрялъ, что онъ и безъ того себѣ не мало повредилъ. Въ другой деревнѣ женщина запретила своему мужу продать цыпленка, исключительно съ цѣлью показать чужеземцамъ свою власть. Къ сѣверу отъ Замбези господствуетъ тотъ же обычай, что мужъ не можетъ безъ разрѣшенія жены заключить торговую сдѣлку. Невольно вспоминается, наконецъ, какъ тяжко приходилось самому Ливингстону отъ чисто женскихъ капризовъ принцессы Маненки [3]). Бакуба при всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ совѣтуются съ женщинами; обыкновенно имъ принадлежитъ даже рѣшающій голосъ [4]). Въ странѣ Нильемовъ, къ югу отъ Багирми, по опроснымъ свѣдѣніямъ Нахтигаля [5]), всегда царствуютъ женщины, королевы. Государство Агонна также управлялось женщиной, по крайней мѣрѣ во времена Босмана [6]). Въ Лоболѣ нѣсколько государствъ управлялось женщинами [7]) и т. д. Чальмерсу одинъ папуасецъ на Новой Гвинеѣ при торгѣ сказалъ: „позволь мнѣ пойти домой и послушать, что скажетъ мать и жена; если онѣ согласны, я скоро вернусь назадъ“ Характерно, что Чальмерсъ въ этомъ усматриваетъ доказательство патріархальныхъ порядковъ. Такова сила евро-

---

[1]) Charlevoix. Nouvelle France, v. III, p. 244 et suiv.

[2]) Charlevoix, p. 269.

[3]) Livingstone. Missionsreisen und Forschungen, Jena, Costenoble 1855, B. 1, cap. XV, XVI.

[4]) Dr. Wolf. Im Innern Afrikas, H. Wissmann, L. Wolf und C. v. Francois Leipzig, Brockhaus, 1888, S. 240.

[5]) Nachtigal Sahara und Sudan, Ergebnisse sechsjähriger Reisen in Afrika, Berlin, B. II, 1881, S. 675.

[6]) Bosman см. Post. Afrikanische Jurisprudenz, B. I, S. 297.

[7]) Magyar. Petermann's Mitteilungen 1860, S. 233.

нейскихъ предразсудковъ [1]). На островахъ Тонга, также какъ на нѣкоторыхъ другихъ группахъ Океаніи, женщины избавлены отъ всякаго труда. Мужчины сами варятъ, женщины же заняты исключительно почетнымъ трудомъ, онѣ изготовляютъ матерію, тапа изъ размягченной коры Broussonetia papyrifera; эта матерія вырабатывается выколачиваніемъ; однако и при этомъ мужчины отбиваютъ для женщинъ тактъ. Женщины знатнаго происхожденія всегда являются въ сопровожденіи свиты другихъ менѣе знатныхъ женщинъ и всюду встрѣчаются съ почетомъ. На Пелаускихъ островахъ мужчины и женщины образуютъ, какъ уже выше упомянуто [2]), такъ называемыя, клёббергелы, причемъ на мужскомъ клёббергелѣ лежатъ всѣ несложныя работы дикарей и воинская повинность, женщины-же пользуются, можно сказать, одними лишь преимуществами, не выполняя никакихъ обязанностей. Къ нимъ относятся съ большимъ почтеніемъ, въ особенности если онѣ являются въ полномъ составѣ [3]). Мужчины приближаются къ клёббергелю женщинъ лишь послѣ многократныхъ поклоновъ и выраженій почтенія. Женщины не обязаны оказывать вождю, рупаку, никакого почета, на что пелаусцы обыкновенно обращаютъ весьма много вниманія [4]); даже относительно своей собственной начальницы онѣ болѣе самостоятельны чѣмъ мужчины [5]). Женщины имѣютъ большое вліяніе въ жизни пелаусцевъ [6]). На Маріанскихъ островахъ, гдѣ женщины отличаются красотою и замѣчательною бѣлизною кожи, ихъ чрезвычайно балуютъ. На слабости ихъ смотрятъ сквозь пальцы; если же мужъ окажется невѣрнымъ, то весь женскій родъ считаетъ себя оскорбленнымъ: женщины являются въ домъ преступника подъ предводительствомъ его жены и разносятъ все; если же самъ хозяинъ не успѣлъ во время выбраться изъ дома, то его подвергаютъ сильнымъ побоямъ [7]). На Сандвичевыхъ островахъ, на группѣ Самоа, на Новой Зеландіи женщина принимаетъ участіе въ общественныхъ собраніяхъ и можетъ быть избрана регент-

[1]) Chalmers und Gill. Die Papuas von Neuguinea, 1886, S. 209 f.
[2]) См. выше стр 392.
[3]) Semper. Die Palauinseln, S. 73.
[4]) Kubary, l. c., S. 79.
[5]) Kubary, l. c., S. 83.
[6]) Kubary, l. c., S. 39.
[7]) Зиберъ. Очерки (по Гобьену), стр. 286.

шею.[1]) Въ Малайскомъ Архипелагѣ, на Селебесѣ и на Явѣ женщины также неоднократно занимали тронъ и играли выдающуюся роль въ общественныхъ собраніяхъ[2]). У кочевниковъ киргизовъ и у туркменовъ женщины точно также неоднократно играли выдающуюся политическую роль. У арабовъ въ домогаметанскій періодъ рожденіе дочери считалось нѣкоторымъ несчастіемъ; арабу для жизни его въ пустынѣ требовался воинъ, а не женщина. Поэтому, какъ говорятъ, умерщвленіе дочерей не было рѣдкостью; ихъ закапывали живыми въ землю[3]). Обычай этотъ уничтоженъ былъ исламомъ. Но, если женщина оставалась жить, то она пользовалась уже весьма почетнымъ положеніемъ[4]): она имѣла рѣшающій голосъ въ вопросахъ о мирѣ и о войнѣ; выборъ мужа былъ предоставленъ ей самой и отъ насилій его она была до нѣкоторой степени ограждена. Интересныя указанія на слѣды матріархата у арабовъ дастъ Вилькенъ въ упомянутомъ сочиненіи своемъ: Das Matriarchat bei den alten Arabern (Leipzig. 1884). По законамъ Ману женщина всегда должна находиться подъ охраною мужчины: отецъ да защититъ ея дѣтство, супругъ—юность, сыновья—старость. Но эта охрана должна быть нѣжною и преисполненна любовью. Женщина отнюдь не была рабынею, она не подлежала смертной казни: мечъ созданъ не для женщинъ, даже цвѣткомъ нельзя ударить женщину[5]).

У европейцевъ, наконецъ, женщина во многихъ случаяхъ является во время войны и междоусобій столь же неприкосновенною, какъ и у многихъ дикарей[6]). Мы въ этомъ случаѣ, указывали на примѣръ древнихъ скандинавовъ. Весьма характерно, что женщина подобно святилищу, охраняетъ иногда неприкосновенность преступниковъ и даже людей, подлежащихъ кровавой мести. Подобныя указанія даютъ намъ легенды и обычаи Германіи, Франціи, Италіи, Венгріи,

---

[1]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 120 f.

[2]) Зиберъ. Очерки стр. 287 и далѣе.

[3]) Jul. Braun. Gemälde der mohamedanischen Welt. Leipzig, Brockhaus, 1870, S. 33.

[4]) Braun, S. 61. См. также D. Perron. Femmes arabes avant et depuis l'islamisme, Paris 1858.

[5]) Kolb. Kulturgeschichte, B. I, S, I. 80.

[6]) См. выше, стр. 304, 305.

Славянскихъ земель и т. д. [1]). Не безъинтересны также многочисленныя юмористическія сказки о женахъ, которыя умнѣе своего мужа [2]). Что касается до положенія женщины у древнихъ германцевъ, то оно рисуется намъ въ краскахъ не особенно привлекательныхъ [3]). Жена и ребенокъ находятся, по Тациту, въ полной зависимости отъ мужа и подъ постоянною опекою (mundium); но и въ данномъ случаѣ, обращеніе съ ними не должно было быть суровымъ. Женщина считалась товарищемъ и почиталась какъ „госпожа" дома [4]). Тацитъ восхищается нравственностью германцевъ [5]) и указываетъ на страшныя кары за невѣрность, а также за насилованіе или похищеніе женщинъ; нельзя, однако, забывать того, что обязательство сохранять брачную вѣрность существовало исключительно для женщины. Въ общемъ вопросъ о положеніи женщины у древнихъ германцевъ породилъ весьма обширную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма субъективную литературу [6]). Трудно, однако, усомниться въ томъ, что на практикѣ женщина у древнихъ германцевъ пользовалась уваженіемъ, по-крайней мѣрѣ, насколько „въ ней чтили нѣчто святое и пророческое: совѣтами женщинъ не пренебрегали, ихъ рѣшенія цѣнили высоко" [7]); дѣйствительно, какъ прорицательницы, женщины пріобрѣтали иногда значительное вліяніе. Добавимъ еще, что у германцевъ преобладала моногамія; полигамію же мы встрѣчаемъ лишь у людей знатныхъ [8]); впрочемъ, на ряду съ главною женою существовали наложницы.

Что касается до древнихъ славянъ, то мы знаемъ, что они смотрѣли на женщину какъ на существо слабое и беззащитное, которое, одна, безъ содѣйствія мужа, не могла даже войти въ рай (Массуди) [9]). Отсюда объясняется обычай сож-

[1]) F. Liebrecht. Zur Volkskunde, Heilborn, Henninger 1879, S. 433 f.: Miklosich. Die Blutrache bei den Slaven, Wien, Akademie 1888, S. 147.

[2]) H. Wlislocki. Germania 1887, S. 442 ff. Рудченко. Южно-русскія сказки. Кіевъ 1869, В. I, стр. 165.

[3]) G. Waitz. Die Verfassung der deutschen Volkes. B. I. S. 57 f.

[4]) Waitz. Die Verfassung, S. 48, 58.

[5]) Tacit, Germania, cap. 18, 19.

[6]) Ploss-Barthels. Das Weib, 2. Aufl., B. I, S. 490—499.

[7]) Tacit. Germania, cap. 8.

[8]) Ковалевскій. Первобытное право, В. II, стр. 77 и далѣе анализируетъ противорѣчивыя мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ по этому вопросу.

[9]) В. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ. С.-Петербургъ, 1861, стр. 142.

женія жены вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ. По Сефриду, жена пользовалась большимъ значеніемъ въ семьѣ: она занималась хозяйствомъ, воспитывала дѣтей и, по смерти мужа, управляла всѣмъ домомъ [1]). Во всякомъ случаѣ, положеніе ея было довольно безправнымъ, „она является существомъ служебнымъ; она живетъ для мужа, а не мужъ для нея“ [2]); такъ мужа, напримѣръ, не сожигали въ случаѣ смерти его жены. У славянъ преобладала моногамія, хотя дозволено было и многоженство. Въ послѣднемъ случаѣ, однако, число женъ было ограничено [3]), число же наложницъ неопредѣленно. Не смотря на введеніе христіанства, слѣды полигаміи продолжаютъ держаться въ русскомъ народѣ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій [4]). Бракъ строго соблюдался [5]). Почти у всѣхъ славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ выдающихся женщинъ-правительницъ или героинь [6]): рядомъ съ тремя братьями, строителями Кіева, стоитъ сестра ихъ Лыбедь, затѣмъ является Ольга, у чеховъ—Любуша, у поляковъ—Ванда, у хорватовъ—Туга и Буга. Воинственные женщины былинъ: жена Потыка, Василиса Микулишна и проч. напоминаютъ воинственныхъ дѣвъ германскаго сѣвера, валькирій. Глубокаго вниманія заслуживаетъ, впрочемъ, почетная роль женщины у современныхъ малоруссовъ. Жена—совѣтница, вѣрный другъ, помощница; въ домѣ она полная хозяйка: всѣми предметами домашняго хозяйства она распоряжается по своему усмотрѣнію, тогда какъ мужъ не вправѣ вмѣшиваться [7]). У сербовъ управленіе общиною за отсутствіемъ подходящаго мужчины можетъ перейти къ женщинѣ; она же представительница семейной общины, пока подростутъ дѣти ея или же она выйдетъ замужъ; точно также возможно, что представительницею дома будетъ дѣвушка, однако лишь въ томъ случаѣ, когда въ общинѣ нѣтъ взрослыхъ мужчинъ [8]).

---

[1]) В. Макушевъ, стр. 143.

[2]) Макушевъ, стр. 142.

[3]) Хвольсонъ. (Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ etc. Ибнъ-Даста Спб., 1869, стр. 131, 132), полагаетъ, что въ эпоху Ибнъ-Даста обыкновенное число женъ у славянъ, или по крайней мѣрѣ у богатыхъ изъ нихъ, было три.

[4]) Ковалевскій, l. c., стр. 76 и далѣе.

[5]) Макушевъ, l. c, стр. 141.

[6]) Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Спб., 1872, т. I, стр. 42.

[7]) П. Чубинскій. Труды экспедиціи въ Западно-русскій край, т. VII, в. 2. Спб., 1877, стр. 353.

[8]) Ковалевскій. Вып. I, стр. 23, 24.

Не трудно понять, что подобные примѣры, столь поразительные именно въ той первобытной сферѣ, въ которой мы ихъ встрѣчаемъ, могли въ концѣ концовъ навести ученыхъ на мысль о существованіи гинейкократіи. Однако же всѣ эти явленія объясняются условіями въ высшей степени естественными. За то, что почетное положеніе женщины на первобытной ступени обусловливается прежде всего значеніемъ матери для первобытной группы и, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ проявленіемъ наиболѣе чистыхъ правовыхъ чувствъ первобытнаго человѣка, говорятъ уклоненія отъ вышеописанныхъ отношеній половъ. Дѣло въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ женщину отнюдь не ограждаетъ ея положеніе какъ центра группы или общины и то, что по женской линіи наслѣдуются имя и имущество. Матріархатъ существуетъ какъ естественное слѣдствіе неустойчиваго семейнаго быта, но женщина можетъ пребывать въ положеніи угнетенномъ. Такъ у австралійцевъ, несчастныхъ бродячихъ охотниковъ, положеніе которыхъ, въ виду истребленія дичи и постепеннаго расширенія европейской культуры, становится все болѣе и болѣе отчаяннымъ, женщина представляетъ собою существо въ высшей степени несчастное. Для мужчины она прежде всего вьючный скотъ, на который во время переходовъ нагружаются всѣ пожитки семьи и пищевые запасы, оружіе, шкурки животныхъ, предназначенныя для обмѣна; кромѣ того она тащитъ съ собою малолѣтнихъ дѣтей, въ одной рукѣ она держитъ посохъ, а въ другой горящее полѣно, такъ какъ разведеніе огня безъ подходящихъ приборовъ крайне затруднительно. Къ тому же она по дорогѣ должна собирать и выкапывать съѣдобные растенія и корни. Мужъ идетъ впереди; онъ не можетъ быть нагруженнымъ, ибо ему необходимо все его проворство и вся его ловкость, чтобы добыть самые главные пищевые запасы путемъ охоты. При ѣдѣ женщина получаетъ лишь остатки послѣ главнаго работника въ семьѣ, послѣ мужа; наиболѣе вкусную пищу австраліецъ даже готовитъ самъ. Въ празднествахъ женщины и дѣти не принимаютъ участія; имъ грозитъ смертная казнь, если они рѣшатся подсмотрѣть за мужчинами. Тотъ же инструментъ, который отгоняетъ злыхъ духовъ, кусокъ дерева, привязанный къ веревкѣ и издающій при быстромъ вращательномъ

движеніи гудящій звукъ, даетъ женщинамъ знать, чтобы онѣ не смѣли подходить къ извѣстному мѣсту. Женъ своихъ австраліецъ зачастую добываетъ путемъ похищенія; онъ нападаетъ на женщину сзади, оглушаетъ ее ударомъ палицы и уноситъ къ себѣ. Съ женщинами австралійцы обращаются возмутительно; по свидѣтельству Ира трудно встрѣтить женщину, не имѣющую рубцовъ на головѣ отъ ударовъ палкою. Даже украшенія, это столь естественное удовольствіе женщины, отнято у нея, и австраліецъ, супругъ, нацѣпляетъ на себя все, по его мнѣнію, красивое и горделиво выступаетъ передъ своими скромными женами подобно тому, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, папуасецъ, готтентоттъ, суданскій негръ, индѣецъ, огнеземелецъ и т. д. У индѣйцевъ охотниковъ положеніе женщины зачастую не менѣе отчаянное. Если индѣецъ не на войнѣ, онъ дѣлаетъ тоже, что во времена далекія дѣлалъ благородный германецъ, онъ лежитъ на шкурахъ звѣрей или забавляется на охотѣ; жена совершаетъ всю необходимую работу вмѣсто него [1]). И здѣсь женщина ѣстъ отдѣльно отъ мужчины. Супругъ считаетъ себя оскверненнымъ, если ему придется пить изъ той же чаши, какъ и жена. У дакотовъ [2]) женщина не имѣетъ права ѣздить верхомъ или даже только засѣдлать коня—это аттрибуты мужчины; прикосновеніе женщины къ орудіямъ охоты или рыболовства оскверняетъ ихъ. У индѣйцевъ криковъ мужчина говоритъ о женѣ лишь какъ о матери сына своего [3]).

Женщина, несмотря на матріархатъ, угнетается и подавляется какъ элементъ менѣе устойчивый уже въ силу физіологическихъ условій, всюду, гдѣ борьба за существованіе принимаетъ столь же безпощадный оттѣнокъ, какъ у упомянутыхъ бродячихъ дикарей-охотниковъ. Голодъ и нужда не знаютъ равенства, не знаютъ и почета; они пробуждаютъ наиболѣе грубые инстинкты человѣка, они заглушаютъ правовое чутье его. Но представимъ себѣ совершенно противоположное состояніе общества. Перейдемъ къ строю общественному болѣе совершенному, къ порядкамъ, при которыхъ по крайней мѣрѣ, избранныя лица наслаждаются извѣстнымъ

[1]) W. Schneider. Naturvölker, B. I, S. 246 f.
[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 100.
[3]) Waitz. l. c. S. 100.

избыткомъ жизненныхъ благъ. Въ данномъ случаѣ, совершенно безразлично къ кому мы обратимся: къ талантливому ли и блестящему, но къ сожалѣнію столь опустившемуся персіянину, къ пресыщенному жизнею апатичному османли, или же къ ученику глубокоправственнаго Конфуція, къ безнравственному китайцу, ищущему отдыха отъ семейнаго этикета въ пресловутыхъ чайныхъ вертепахъ. Всюду мы сталкиваемся съ извѣстнымъ пренебреженіемъ къ женщинѣ; она служитъ лишь самкою и игрушкою для своего властителя, она ревниво держится взаперти въ возможно большемъ числѣ и должна скрываться отъ взоровъ людей постороннихъ. Полигамія, насчитывающая среди своихъ апологетовъ людей столь противоположныхъ какъ Магомета, Наполеона и Шопенгауера, всюду сопряжена съ приниженіемъ женщины и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ; женщина, какъ предметъ наслажденія, становится достояніемъ людей богатыхъ, тогда какъ бѣдняки часто совершенно лишены женъ.

На ряду съ этимъ приниженнымъ положеніемъ женщины развивается все большее и большее пренебреженіе по отношенію къ ней. Китаецъ перечисляетъ, говоря о семьѣ своей, однихъ сыновей; дочери не идутъ въ счетъ. У бедуиновъ, взгляды которыхъ на женщину изучены были нами уже выше [1]), женщина въ настоящее время не имѣетъ права на загробную жизнь, а названіе „человѣкъ“ относится лишь къ мужчинѣ [2]). Въ Дагомеѣ женщины составляютъ собственность государя и продаются и раздариваются имъ, женщина не смѣетъ ѣсть въ присутствіи мужчины, передавая какую-либо вещь мужу, жена становится на колѣни [3]). Такимъ образомъ, женщина, какъ существо слабое, гибнетъ всюду, гдѣ только проявляется большая степень индивидуальности. Голодъ и нужда заставляютъ каждаго человѣка бороться изо всѣхъ силъ, а женщина уступаетъ въ этомъ случаѣ мужчинѣ. Роскошь и изобиліе выпадаютъ, при порядкахъ экономическихъ болѣе развитыхъ, на долю людей сильныхъ и властолюбивыхъ и они, эти люди, притѣсняютъ не только женщину, но и своихъ болѣе сла-

---

[1]) См. выше стр. 457.

[2]) Rampendahl. Die Beduinen Palästinas, Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik, B. V, 1883, № 11.

[3]) Labarthe. Reise nach der Küste von Guinea, Leipzig 1803, S. 94.

быхъ собратьевъ, мужчинъ. Теченіе первобытной жизни таково, что въ борьбѣ за существованіе право сильнаго преобладаетъ. Положеніе женщины находится въ непосредственной связи съ даннымъ общественнымъ строемъ, съ экономической и умственной жизнею даннаго народа. По мѣрѣ того, какъ проявляется и разрастается индивидуализмъ, по мѣрѣ, слѣдовательно, разрушенія первобытнаго порядка, характеризируемаго равенствомъ функцій и потребностей общества, по мѣрѣ проявленія индивидуальнаго превосходства, индивидуальнаго права и имущества, вырабатывается индивидуальное право на женщину и ухудшается положеніе женщины.

Индивидуализмъ, утвердившійся въ правахъ своихъ, несовмѣстимъ съ матріархатомъ. Съ утвержденіемъ личныхъ интересовъ и личной собственности, растетъ значеніе главнаго добывателя этой личной собственности, мужчины. И это его значеніе опредѣляется прежде всего въ личной семьѣ, обособившейся отъ общества, какъ опредѣленная экономическая единица. Въ семьѣ отношенія сочленовъ вполнѣ выражены и вмѣстѣ съ тѣмъ изчезла здѣсь та неустойчивость въ понятіяхъ о кровномъ родствѣ, которая обусловливала въ свое время преобладаніе материнскаго принципа. Отецъ совершенно опредѣлился и вмѣстѣ съ тѣмъ отцу, какъ главному добывателю семейныхъ богатствъ, естественнѣе всего передавать свое добро собственнымъ дѣтямъ, а не по прежнему, дѣтямъ своихъ сестеръ и братьевъ, уже обособившихся въ своихъ семьяхъ. Съ его личностью и съ его именемъ связуется теперь понятіе о семьѣ, о родѣ; значеніе матери ослабилось въ значительной степени и вмѣстѣ съ тѣмъ пострадало ея правовое положеніе.

Лишь нынѣшній вѣкъ, стремящійся къ тому, чтобы ограничить индивидуальность въ рамкахъ общественныхъ интересовъ и привести въ гармонію потребности индивидуума и потребности общества, обратилъ глубокое вниманіе на женскій вопросъ. Но повторяемъ, положеніе женщины стоитъ въ непосредственной связи съ общимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ народовъ. Положеніе женщины—это симптомъ общественнаго строя. Немыслимо, поэтому, разработывать женскій вопросъ въ отдѣльности, независимо отъ того ряда печальныхъ недоразумѣній, который мы называемъ соціальнымъ

вопросомъ; лучшіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ свое глубокое этическое право, явятся въ концѣ концовъ лишь результатами удачи и энергіи отдѣльныхъ лицъ, результатами погибающими въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ этими лицами.

Переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому совершается такимъ образомъ весьма естественно на почвѣ постепеннаго развитія индивидуализма. Мы приходимъ отъ неупорядоченныхъ семейныхъ отношеній къ семьѣ съ преобладающимъ материнскимъ правомъ и отъ послѣдней къ семьѣ съ преобладающимъ отцовскимъ правомъ, не покидая экономическихъ основъ человѣческой жизни и не прибѣгая къ какимъ бы то ни было болѣе или менѣе фантастическимъ ступенямъ. Существуетъ, однако, цѣлый рядъ явленій въ исторіи развитія семьи, которыя должны были въ сильной степени способствовать переходу ея отъ материнской системы къ отцовской.

По идеѣ Лёббока человѣчество перешло отъ коммунальнаго брака, сопряженнаго съ матріархатомъ, къ индивидуальному браку и патріархату путемъ похищенія женщинъ, поддерживаемомъ экзогаміею, т. е. запрещеніемъ брака внутри племени [1]). Главною силою въ данномъ случаѣ является, слѣдовательно, не пересозданіе экономическаго строя, а похищеніе, умычка. Вотъ что пишетъ по этому поводу Лёббокъ: „Вмѣстѣ съ Макъ-Леннаномъ, Бахофеномъ и Морганомъ, я предполагаю, что общественныя отношенія настоящаго времени развились изъ первоначальной стадіи гетеризма или общественнаго брака. Едвали нужно доказывать, что даже и при общинномъ бракѣ какой-либо воинъ, похитивши во время грабежа дѣвушку, могъ предъявить на нее исключительное право и, если это было возможно, прямо пойти противъ обычая. Мы уже видѣли, что бываютъ примѣры совмѣстнаго существованія общиннаго и индивидуальнаго брака въ одной и той же странѣ. Безъ сомнѣнія при общинномъ бракѣ никто не можетъ исключительно присвоить дѣвушку себѣ, не нарушая этимъ правъ всего племени. На подобный поступокъ всегда должны смотрѣть съ завистью, и

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 75.

онъ можетъ быть оправданъ только при особыхъ обстоятельствахъ. Но женщина, взятая въ плѣнъ, находилась въ исключительномъ положеніи; племя не имѣло на нее никакого права; взявшій ее въ плѣнъ могъ убить ее, если хотѣлъ; а если онъ предпочелъ оставить ее въ живыхъ, слѣдовательно, на то была его воля; онъ поступалъ какъ ему нравилось, и племя во всякомъ случаѣ не терпѣло отъ этого" [1]).

Однакоже, пріобрѣтеніе добычи въ собственность немыслимо при строгомъ общинномъ порядкѣ; мы уже выше указывали на то, что добыча дѣлится поровну между общинниками, преимуществами же пользуются развѣ только люди больные, нуждающіеся [2]); въ другихъ случаяхъ добыча передается старикамъ, вышедшимъ изъ союза воиновъ [3]); во всякомъ же случаѣ, самъ воинъ или охотникъ довольствуется одною славою удальца [4]). Удержаніе добычи возможно, поэтому, лишь тамъ, гдѣ общество не доразвилось до общины, или же тамъ, гдѣ общинные порядки уже начинаютъ разлагаться. Съ другой же стороны пріобрѣтеніе плѣнной женщины важно уже потому, что плѣнница не имѣетъ тѣхъ правъ и не найдетъ той защиты, какъ женщина роднаго племени, а это у народовъ матріархальныхъ, дѣйствительно, моментъ весьма существенный. При большемъ обаяніи плѣнница пользуется опять-таки, въ силу своего исключительнаго положенія, большимъ вліяніемъ на побѣдителя, свидѣтельствуя такимъ образомъ о превосходствѣ индивидуальнаго брака для женщинъ.

Не можемъ не замѣтить далѣе, что едва ли похищеніе вызывалось однимъ общиннымъ бракомъ. Мы полагаемъ, что подобныя похищенія существовали и до выработки общиннаго брака и при господствѣ его и послѣ его уничтоженія. Едва ли умыканіе возможно разсматривать какъ особое соціальное явленіе, скорѣе всего это одна изъ формъ грабежа, особенно завлекательнаго по объекту своему. Этимъ и объясняется столь широкое распространеніе похищенія женщинъ.

Умычка практикуется и понынѣ какъ большими группами

---

[1]) Лёббокъ, стр. 75, 76.

[2]) См. выше, стр. 127, см. также главу XV.

[3]) См. выше, стр. 400.

[4]) См. выше, стр. 335, 400.

людей, въ родѣ того какъ въ свое время похищали сабинянокъ, такъ и отдѣльными личностями, подобно тому какъ добываютъ своихъ женъ австралійцы [1]). Довольно часты случаи похищенія женщинъ у австралійцевъ и у негровъ. Зачастую похищенія происходятъ въ виду отказа родителей или невѣсты изъ-за непомѣрно великаго калыма или тому подобныхъ препятствій. Не рѣдки, напримѣръ, такіе случаи среди нашихъ кавказскихъ горцевъ, среди киргизовъ, туркменовъ и т. д. Зачастую похищенія устраиваются удальства ради и мы лично весьма недалеки еще отъ того времени, когда подобные браки у насъ на Руси пользовались своеобразною популярностью. Въ общемъ, однако, даже изслѣдователи столь крайніе, какъ напримѣръ Гельвальдъ, признаютъ, что „простое, основанное на одной грубой силѣ похищеніе женщинъ, слѣдуетъ считать среди современныхъ дикарей исключеніемъ, и даже у многихъ племенъ Австраліи этотъ обычай низведенъ на чисто внѣшнюю церемонію“ [2]).

Во всякомъ случаѣ подобныя похищенія служатъ постояннымъ поводомъ къ раздорамъ. Во избѣжаніе такихъ раздоровъ человѣчество, нуждающееся прежде всего въ мирномъ преуспѣяніи и отнюдь не столь свирѣпое, какъ это обыкновенно изображаютъ, прибѣгнуло къ извѣстнымъ соглашеніямъ и уступкамъ, напоминающимъ намъ уступки при кровавой мести [3]). Подобно тому, какъ тамъ страшная кровавая месть постепенно замѣняется вирою, здѣсь неизбѣжное мщеніе за похищеніе женщины предупреждается выкупомъ. Но входя въ обычай, выкупъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма естественно переходитъ въ простую покупку [4]). Съ другой стороны, однако, намъ кажется, что покупка женщинъ совершалась и безъ всякаго предварительнаго похищенія. Женщина—цѣнная рабочая сила, она же элементъ, способствующій распложенію рода, она же, наконецъ, источникъ наслажденій.

Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ болѣе у него женщинъ; по-

---

[1]) См. выше стр. 461.

[2]) Hellwald. Die menschliche Familie, S. 184.

[3]) См. выше стр. 318.

[4]) Этотъ переходъ превосходно разобранъ Вилькеномъ, см. Зиберъ. Очерки, стр. 296 и далѣе.

лигамія выпадаетъ на долю лишь богатыхъ. Мы полагаемъ, поэтому, что даже тѣ племена, которыя обладали женщинами въ изобиліи, отнюдь не отдавали ихъ даромъ. Обмѣнъ и торговля существуетъ на ступеняхъ наиболѣе первобытныхъ [1]); несомнѣнно, поэтому, что торговля практиковалась и относительно женщины, столь важнаго въ жизни племени элемента. У нѣкоторыхъ народовъ въ самомъ названіи брака кроется значеніе простой торговой сдѣлки, такъ по аварски бракосочетаніе называется „магари тиэ", что означаетъ: „заключеніе брачнаго торга" [2]).

У якутовъ бракъ дѣло чисто экономическое. „Основа брака собственно мѣна, онъ состоитъ въ обоюдныхъ (!) платежахъ и подаркахъ. Якутскій бракъ — чисто гражданскій и легко расторгается, но, конечно, по возвратѣ уплаченныхъ и подаренныхъ денегъ, скота и вещей" [3]). Въ г. Нерехтѣ Костромской губерніи не только бѣдные, но и богатые крестьяне продаютъ дочерей и считаютъ для себя оскорбительнымъ отдать дочь безденежно [4]). Опираясь на свадебные обряды и пѣсни, Сумцовъ говоритъ, что невѣсту у славянъ продавалъ весь родъ, впослѣдствіи же одни ея ближайшіе родственники. И покупателемъ является не столько самъ женихъ, сколько его родъ и родители [5]). Если женщина не выполнитъ своего главнаго назначенія быть продолжительницею рода [6]), т. е. если она окажется безплодною, то она можетъ быть возвращена прежнему роду. Половая зрѣлость дѣвушки на островѣ Япѣ отмѣчается тѣмъ, что ей чернятъ зубы; пробывъ затѣмъ вдали отъ взоровъ мущинъ мѣсяца три, она появляется уже какъ невѣста и пріобрѣтается за подарки у отца. „Если великій кудесникъ благосклонно взглянетъ на жертвы ея, т. е. если она станетъ матерью, то она обыкновенно остается всю жизнь у своего мужа; въ противномъ случаѣ она разстается съ нимъ уже чрезъ три—четыре мѣсяца и перехо-

[1]) См. выше главу XIII.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. III, отд. 3, стр. 25.

[3]) Маакъ. Вилюйскій округъ. Спб., ч. III, 1887, стр. 49.

[4]) Терещенко. Бытъ русскаго народа, ч. II, стр. 170.

[5]) Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ, 1881, стр. 24.

[6]) См. выше стр. 453.

*

дитъ къ другому человѣку, желающему купить ее у родителей"[1]). Эскимосъ расходится со своею женою въ случаѣ безплодія ея[2]). Точно также поступаетъ сѣвероамериканскій индѣецъ, который такъ высоко цѣнитъ плодородіе женщины, что опредѣляетъ бо́льшее наказаніе за убійство женщины, могущей плодиться, чѣмъ за убійство мущины[3]). Безплодіе является причиною развода у германцевъ[4]) и у китайцевъ[5]), безплодная женщина презирается у евреевъ[6]) и т. д.

Глубокій интересъ, однако, намъ внушаетъ то обстоятельство, что похищеніе женщинъ практикуется даже при мирныхъ условіяхъ и при обоюдномъ согласіи брачущихся сторонъ; но оно практикуется лишь для вида, какъ обрядъ, какъ шутка. Множество примѣровъ этого обрядоваго умыканія приведено было уже Макъ-Леннаномъ, Леббокомъ, Даргуномъ и другими изслѣдователями. По мнѣнію господствующей школы антропологовъ, обрядовое умыканіе свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкогда браки заключались только путемъ умыканія.

Идея обрядоваго похищенія такова, что по окончаніи переговоровъ относительно перехода женщины въ другую семью и часто даже послѣ выплаты условленнаго калыма, женихъ и его дружки производятъ нападеніе на домъ невѣсты и похищаютъ ее; она имѣетъ полное право защищаться, она отбивается, царапается, кусается; ея родители, родственники и подруги, вначалѣ будто бы и не замѣтившіе въ чемъ дѣло, въ извѣстный моментъ также выступаютъ противъ партіи жениха. Та обращается со своею добычею въ бѣгство. Ее настигаютъ; поднимается страшная свалка, доставляющая искреннее удовольствіе всѣмъ участвующимъ. Побѣдителями изъ этой шуточной битвы выходятъ, однако, всегда женихъ и его товарищи, да и само преслѣдованіе продолжается лишь до извѣстной грани; въ Болгаріи, напримѣръ, до межи. Переступивъ сельскую межу, похитители спокойно

---

[1]) Hernsheim. Fünf Jahre in der Südsee, Berlin, Hofmann, 1884, S. 26.

[2]) Anton von Etzel. Grönland, Ausland 1862, S. 1078.

[3]) Waitz. Anthropologie, B. III, S. 100.

[4]) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, 2 Aufl., S. 443 f.

[5]) С. Георгіевскій. Принципы жизни Китая. С.-Петербургъ, 1888, стр. 138, 139.

[6]) I. Моис. XXIV 60. I. Сам. 1, 6 Псалт. CXIII, 9 и т. д.

останавливаются и разговариваютъ съ родственниками невѣсты, стоящими по сю сторону межи[1]). Побои, нанесенныя другъ другу, понятно, забываются и прощаются при обильномъ пиршествѣ, соединяющемъ обѣ стороны.

Этотъ обычай, способствующій не мало общему веселью, чрезвычайно распространенъ [2]). Мы его встрѣчаемъ и въ Сѣверной и въ Южной Америкѣ, и даже у флегматичныхъ эскимосовъ, въ Африкѣ, въ Океаніи и Австраліи, въ Азіи у нашихъ тунгусовъ, калмыковъ и киргизовъ, наконецъ, въ Европѣ, и притомъ отнюдь не только у однихъ финскихъ инородцевъ, напримѣръ, у мордвы [3]), у эстовъ [4]) и т. д.; слѣды обряднаго умыканія мы встрѣчаемъ и донынѣ, или въ прошломъ весьма недавнемъ, въ свадебныхъ обрядахъ [5]) въ Германіи, Швеціи, Франціи, Англіи и т. д. Такіе же обычаи констатируются и для кельтовъ [6]), о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и ирландскія сказки [7]). Что касается славянъ, то мы имѣемъ дѣло съ многочисленными указаніями, въ брачныхъ обрядахъ, группированныхъ Сумцовымъ [8]) слѣдующимъ образомъ: 1) Обыкновеніе сватовъ жениха являться въ домъ невѣсты въ видѣ путешественниковъ. 2) Обыкновеніе сватовъ жениха отправляться въ домъ отца невѣсты поздно вечеромъ или въ полночь. 3) Обыкновеніе ихъ заводить рѣчь о томъ, какъ князь увидѣлъ на охотѣ лисичку, или куничку, и началъ ее преслѣдовать. 4) Устройство передъ воротами дома невѣсты искусственныхъ преградъ. 5) Обыкновеніе производить во время сватовства и свадьбы выстрѣлы. 6) Употребленіе на свадьбахъ хоругви. 7) Многочисленность участвующихъ въ поѣздкѣ жениха. 8) Обыкновеніе поѣзжанъ провожать молодую непременно на лошадяхъ верхомъ. 9) Свадебная джигитовка. 10) Запираніе воротъ во дворѣ невѣсты передъ сватомъ жениха

---

[1]) Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ, стр. 7.

[2]) L. Dargun. Mutterrecht und Raubehe, Breslau 1883. S. 110.

[3]) В. Майновъ. Очерки юридическаго быта мордвы, стр. 30 и далѣе.

[4]) L. v. Schröder. Die Hochzeitsgebräuche der Esten, Berlin, Asher 1888, S. 19, 20, 57, 68, 141 u s. w.

[5]) Ковалевскій. Первобытное право, вып. II, стр. 104 и далѣе. Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 87.

[6]) Ковалевскій, стр. 105 и далѣе.

[7]) Carleton. Skizzen und Erzählungen. (Traites and Stories of the Irish Peasentry), B. I, см. Shane-Fads Hochzeit.

[8]) Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ, стр. 9—21.

11) Высылка вмѣсто невѣсты копья. 12) Стукъ въ двери дома невѣсты. 13) Пусканіе стрѣлы въ окно дома невѣсты. 14) Борьба передъ воротами дома невѣсты. 15) Пуганіе лошади жениха. 16) Обыкновеніе прятать невѣсту. 17) Просьба родныхъ невѣсты о пощадѣ. 18) Высылка жениху подарковъ. 19) Женихъ и поѣзжане его садятся за столъ въ домѣ невѣсты, не снимая шапокъ и не здороваясь. 20) Вооруженіе брата невѣсты или замѣняющаго его саблей. 21) Вооруженіе дружка плетью и его обыкновеніе хлестать въ домѣ невѣсты лавки и стѣны. 22) Враждебныя отношенія между гостями жениха и невѣсты. 23) Обыкновеніе совершать вѣнчаніе поздно вечеромъ. 24) Обыкновеніе отправлять молодую въ домъ новобрачнаго поздно вечеромъ. 25) Внесеніе молодой на рукахъ въ домъ новобрачнаго. 26) Сниманіе покрывала молодой кнутовищемъ. 27) Освѣщеніе молодой. 28) Символическое бѣгство молодой. 29) Символическое освобожденіе молодой отъ новобрачнаго. 30) Притворное рванье косы молодой. 31) Вооруженное обереганіе молодыхъ въ первую брачную ночь.

Многіе изъ упомянутыхъ обрядовъ дѣйствительно могутъ служить весьма достовѣрными свидѣтельствами въ пользу переживанія брака путемъ умыканія (см. въ особенности №№ 4, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 25, 30, 31). Наконецъ, эти похищенія практикуются, и притомъ съ вѣдѣнія родителей, донынѣ въ Сибири не смотря на всѣ противодѣйствія духовенства: въ данномъ случаѣ родители руководятся тѣмъ соображеніемъ, что „воровская свадьба“ дешевле [1]). Въ Украйнѣ, не далѣе какъ въ первой половинѣ XVII вѣка, похищеніе невѣстъ было обычнымъ явленіемъ [2]). У черногорцевъ до сихъ поръ встрѣчаются похищенія, у прочихъ сербовъ рѣже, у нихъ они выродились въ обрядность; тоже можно сказать относительно Болгаріи, гдѣ также встрѣчается завѣдомое похищеніе дешевизны ради [3]). Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ губерній похищеніе невѣстъ встрѣчалось еще весьма недавно, такъ въ губ. Витебской [4]) и т. д.

---

[1]) Petri, см. Jadrinzew-Petri. Sibirien, Jena, Costenoble 1886, S. 442.

[2]) Ковалевскій. Первобытное право. В. II, стр. 93 (по Бонплану).

[3]) Krauss. Brauch und Sitte der Südslaven, S. 245—271.

[4]) Ковалевскій, 95.

Сопоставляя всѣ вышеприведенные примѣры дѣйствительнаго и фиктивнаго похищенія женщинъ съ развитыми нами въ предшествующихъ главахъ указаніями на то, что человѣкъ по природѣ своей отнюдь не можетъ и не долженъ считаться существомъ исконни хищнымъ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы умыканіе составляло какое то неизбѣжное звѣно въ исторіи развитія семьи. Нисколько не отрицая распространенности похищеній такого рода, мы въ тоже время охотно отвели бы въ свадебныхъ обрядахъ большій просторъ фантазіи, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Безъ сомнѣнія многое изъ того, что нами догматически истолковывается какъ переживаніе нѣкогда могущественнаго стариннаго обычая, является плодомъ веселья и фантазіи, является игрищемъ для первобытнаго человѣка, игрищемъ, имѣющимъ свою естественную почву въ переходѣ невѣсты въ чуждый домъ. Но помимо всего этого невѣроятно, чтобы явленіе столь маловажное, какъ похищеніе невѣсты, могло само по себѣ произвести, а въ шуточной формѣ даже и закрѣпить переворотъ столь грандіозный, какъ переходъ отъ материнскаго права къ праву отцовскому. Въ данномъ случаѣ эти умыканія могли развѣ только играть роль болѣе или менѣе значительнаго подспорья въ этомъ переходѣ.

Глава XXI.

Переходъ отъ неупорядоченнаго брака къ индивидуальному браку.

(Продолженіе).

Избѣганіе родственниковъ по браку.— Объясненія Лёббока и Фритча.— Бракъ есть дѣло семейное.—Левиратъ.— Эндогамія.— Стремленіе закрѣпить индивидуальный бракъ.— Экзогамія.—Предположенія Макъ Леннана, Лёббока, Спенсера, Тайлора, Моргана.— Кровосмѣшеніе и его послѣдствія.— Религіозная подкладка брака.— Культъ Пріапа.— Священная проституція.— Извѣстна-ли дикарямъ любовь?— Экономическій элементъ въ бракѣ.—Отношеніе семьи къ клану.

Въ предыдущей главѣ мы изложили наши сомнѣнія на счетъ того, чтобы похищеніе невѣстъ являлось достаточнымъ мотивомъ для перехода отъ материнскаго права къ праву отцовскому. Эту то недостаточность вполнѣ сознаютъ даже защитники великаго значенія умыканія. Поэтому они стараются пріурочить къ умыканію цѣлый рядъ другихъ явленій, связанныхъ съ нимъ или же вытекающихъ изъ него, явленій, долженствующихъ подкрѣпить доказательность ихъ положеній.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и загадочныхъ явленій такого рода представляется намъ обычай избѣганія родственниковъ мужскаго или женскаго пола по восходящей линіи со стороны невѣстки или зятя. Вотъ какъ намъ рисуется этотъ обычай, напримѣръ, у нашихъ якутовъ, гдѣ онъ называется Кинитти: свекоръ и другіе родственники мужскаго пола должны соблюдать относительно невѣстки слѣдующія правила: 1) не показывать ей голаго тѣла, начиная

выше локтя и ступни; 2) не говорить при ней двусмысленностей, на что якуты обыкновенно большіе мастера; 3) оказывать всяческое почтеніе, такъ невѣстку цѣлый годъ не заставляютъ работать. Съ своей стороны она 1) не смѣетъ пройти передъ огнемъ свекра; 2) не должна обнажать тѣла, кромѣ передней части лица и кистей рукъ, и не показывать волосъ; 3) не повышать голоса и не говорить двусмысленностей; 4) не называть свекра по прозвищу, избѣгая даже тѣхъ словъ, которыя соотвѣтствовали бы его имени; 5) чтить его и не ѣсть головы какого нибудь животнаго [1]).

Но этотъ обычай встрѣчается отнюдь не у однихъ якутовъ, мы констатируемъ его и притомъ подчасъ въ формахъ еще болѣе жестокихъ, доходящихъ до положительнаго запрещенія видѣть другъ друга или обмѣниваться словами, у многихъ индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки, у остяковъ, монголовъ, бурятъ, калмыковъ, индусовъ, китайцевъ, у закавказскихъ армянъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія, у фиджійцевъ, австралійцевъ, негровъ и т. д. [2]). Уже самая форма этого крайне стѣснительнаго обычая указываетъ намъ на то, что мы имѣемъ передъ собою дѣло отнюдь не шуточное. Это не какой-либо фиктивный захватъ невѣсты, служащій подспорьемъ для общаго свадебнаго веселья. Напротивъ того, подобныя отношенія среди членовъ семьи, живущихъ общею жизнью, должны явиться тяжкимъ стѣсненіемъ, проникающимъ во всѣ жизненныя отправленія родственниковъ. Несомнѣнно, что причины, побудившія человѣка къ тому, чтобы наложить на себя подобныя оковы, должны были быть весьма серьезными.

Но каковы-же эти причины? Тайлоръ говоритъ въ своей „Древней исторіи человѣка“, что „трудно даже придумать тотъ порядокъ вещей, который могъ бы породить этотъ обычай“ [3]). Штарке, обыкновенно столь основательный въ своихъ изслѣдованіяхъ, въ данномъ случаѣ рѣшается назвать этотъ таинственный обычай „довольно безразличнымъ“ [4]) и затѣмъ

---

[1]) Н. Гороховъ. Кинитти. Извѣстія Восточно-Сиб. Отд. Имп. Р. Г. Общ. Т. XIV, 1883, стр. 71, 72.

[2]) R. Andree. Ethnographische Parallelen, B. 1, S. 159—164. Лёббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 12—15.

[3]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 15.

[4]) Starcke. Die primitive Familie, S. 253.

говоритъ, „мы думаемъ, что общаго объясненія всѣхъ формъ не существуетъ; онѣ, конечно, истекаютъ изъ различныхъ представленій“ [1]). Лёббокъ предлагаетъ намъ объясненіе, стоящее въ непосредственной связи съ его воззрѣніями на роль похищеній въ исторіи семьи. По его мнѣнію, обычай, по которому тесть и теща избѣгаютъ зятя и невѣстки и наоборотъ, ничто иное какъ естественное слѣдствіе брака чрезъ похищеніе [2]). Точно также Бастіанъ говоритъ, что: „отъ брака чрезъ символическій захватъ, столь часто выражающагося въ свадебныхъ обрядахъ, осталось, какъ переживаніе, избѣганіе родственниковъ по браку въ восходящей и нисходящей линіи“ [3]). Липпертъ, наконецъ, усматриваетъ [4]) въ данныхъ отношеніяхъ живой протестъ противъ индивидуальнаго брака со стороны женщинъ, какъ будто бы индивидуальный бракъ не отвѣчаетъ въ концѣ концовъ несравненно болѣе индивидуальной человѣческой натурѣ, чѣмъ бракъ коммунальный.

Необходимо признать, что толкованіе вышеприведенныхъ авторовъ имѣетъ многое за себя; но все-же мы не можемъ уклониться отъ вопроса, существуетъ ли въ данномъ случаѣ хотя-бы какое нибудь соотвѣтствіе между причиною и послѣдствіями? Если первобытный человѣкъ склоненъ къ символизму, то онъ все таки не наложитъ на себя пожизненныхъ оковъ ради символа. Если основная причина, отместка за похищеніе невѣсты, имѣетъ тотъ ничтожный исходъ, что ее, по совершеніи купли и всѣхъ прочихъ условій, изображаютъ символически въ шуточной дракѣ, то какъ-же явленіе столь ничтожное, какъ фиктивная злоба родителей, въ сущности уже совершенно умилостивленныхъ выкупомъ или подарками, можетъ держаться всю жизнь и притомъ въ такой страшно стѣснительной формѣ? Но мы идемъ далѣе, мы утверждаемъ, что упомянутыя толкованія лишены всякаго логическаго права на существованіе: мы знаемъ, что родители невѣсты, лишившіеся дочери, выражаютъ во время брачныхъ обрядовъ, конечно символически, свой гнѣвъ на похитителей; они, на-

---

[1]) Starcke, l., c., S. 254.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 88.

[3]) Bastian. Der Papua, S. 99.

[4]) Lippert. Kulturgeschichte, Stuttgart, Enke 1887, B. I, S. 156 f.

примѣръ въ нашихъ приволжскихъ губерніяхъ, бьютъ жениха плетью. Въ виду же поднесенныхъ подарковъ они смѣняютъ гнѣвъ на милость, происходитъ торжественное примиреніе съ зятемъ и, опять таки, символически, выражается полное согласіе родителей невѣсты на бракъ.

Съ другой стороны невѣста, похищенная изъ дома родителей, или, лучше сказать, разставаясь съ родителями, выражаетъ свое отчаяніе по этому поводу; приличіе требуетъ того, что бы она въ вопляхъ и въ причитаніяхъ высказала всю свою привязанность къ родному дому. Но, ставъ женою, она должна быть тиха, скромна, работяща и вполнѣ довольна своею судьбою. Такимъ образомъ всѣ лица, имѣвшія нѣкоторое право негодовать, умиротворены.

Однако же, упомянутое нами избѣганіе практикуется какъ разъ въ той семьѣ, въ которую вступила невѣстка. Но какой же логическій смыслъ въ томъ, что невѣстку избѣгаютъ именно всѣ мужскіе родственники по восходящей линіи? Вѣдь они должны смотрѣть на нее какъ на желанную добычу, которую онѣ либо похитили съ опасностью жизни, либо же оплатили болѣе или менѣе дорогимъ калымомъ [1]); они встрѣтили ее съ торжествомъ, они смотрятъ на нее нетолько какъ на новую рабочую силу, но и какъ на продолжательницу рода своего [2]). Вѣдь бракъ прежде всего дѣло экономическое и, какъ таковое, онъ согласуется съ интересами всей семьи или всей данной группы. Бракъ во многихъ случаяхъ заключается съ вѣдома и съ согласія не только членовъ семьи, но и сосѣдей. Уже Гакстгаузенъ указываетъ на то, что у осетиновъ всѣ дѣти, рожденные въ бракѣ, считаются законными, независимо отъ законности ихъ происхожденія, и что женщина, лишившаяся мужа, должна вторично выйти замужъ именно въ той же семьѣ, такъ какъ она уже разъ пріобрѣтена ею; но если она бы и не могла выйти замужъ, въ виду отсутствія подходящихъ мужчинъ, то дѣти ея, пріобрѣтенныя со стороны, все таки остаются достояніемъ семьи [3]). Та-

[1]) Наименьшій калымъ у киргизовъ Тургайской области равняется 200 рублямъ, иногда же калымъ возрастаетъ до 5.000 рублей. Подробныя свѣдѣнія о калымѣ у киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской области приводитъ Гродековъ: Киргизы и каракиргизы. Ташкентъ, 1889, Глава VI.

[2]) См. выше стр. 467.

[3]) Haxthausen. Transkaukasia, B. II, S. 24.

кимъ образомъ мы приходимъ къ одному изъ подвидовъ левирата, основная идея котораго такова, что женщина, пріобрѣтенная семьею, не должна быть утрачена ею [1]) и что она должна выполнить роль свою, быть продолжительницей рода. Обычай перехода вдовы къ прочимъ мужскимъ родственникамъ покойнаго ея мужа встрѣчался, а отчасти встрѣчается и понынѣ у евреевъ, индусовъ, спартанцевъ, афинянъ, арабовъ, осетиновъ, у многихъ негрскихъ племенъ, у калифорнцевъ и бразильцевъ, у полинезійцевъ, австралійцевъ, монголовъ, киргизовъ, тунгусовъ и т. д. [2]).

Такимъ образомъ толкованіе Лёббока вполнѣ опровергается ближайшимъ анализомъ фактовъ.

Другое толкованіе даетъ намъ Фритчъ, повидимому совершенно незнакомый съ тѣмъ, что Лёббокъ до него пытался разрѣшить этотъ вопросъ: „въ основѣ этого обычая", говоритъ онъ, „лежитъ очевидно боязнь впасть въ преступленіе кровосмѣшенія, хотя бы даже въ мысляхъ" [3]). Такого-же мнѣнія былъ, впрочемъ, уже Альберти [4]).

Эта мысль точно также весьма заманчива: вѣдь избѣганіе кровосмѣшенія весьма распространено, на что указываетъ намъ обычай экзогаміи, къ которому мы возвратимся на послѣдующихъ страницахъ. Но, спросимъ себя прежде всего, каковы-же понятія кафровъ о кровосмѣшеніи. Оказывается, что браки между побочными родственниками не считаются за кровосмѣшеніе. Положимъ, Брунлей говоритъ, что родство по восходящей линіи считается препятствіемъ для брака даже въ отдаленнѣйшихъ поколѣніяхъ, но за то Уарнеръ, которому Фритчъ подчиняется какъ авторитету, отрицаетъ существованіе такого обычая, по крайней мѣрѣ, относительно кафровъ болѣе далекихъ мѣстностей [5]). Наконецъ, положеніе Фритча едва ли выдерживаетъ логическую критику, ибо если бы мы представили себѣ, что кафры руководятся въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ прежде всего опасеніями кровосмѣшенія, то съ другой стороны, необходимо было бы предположить, что су-

[1]) 5 Моисея. Гл. 25 ст. 5 и далѣе.
[2]) Starcke. Die primitive Familie, S. 176.
[3]) Fritsch. Die Eingeborenen Südafrikas, S. 115.
[4]) Alberti. Die Kaffern auf der Südküste von Afrika, Gotha 1818, S. 105.
[5]) Fritsch. Die Eingeborenen Südafrikas, S. 115.

ществуетъ еще болѣе усиленное избѣганіе между отцомъ и дочерью, матерью и сыномъ, братомъ и сестрою. Ничего подобнаго мы здѣсь не встрѣчаемъ. Необходимо прибавить, наконецъ, что если многіе народы обнаруживаютъ весьма выраженное опасеніе предъ кровосмѣшеніемъ, а экзогамія представляется явленіемъ весьма распространеннымъ, то съ другой стороны не рѣдки и примѣры эндогаміи, т. е. браковъ именно внутри племени, или даже между ближайшими родственниками. Эндогамистами были до извѣстной степени древніе евреи [1]), перуанцы, извѣстныя племена въ Сѣверной Америкѣ, въ Индіи, Полинезіи и въ Южной Африкѣ, напримѣръ, готтентотты. Въ основѣ эндогамическихъ браковъ лежитъ несомнѣнно извѣстное обособленіе отъ окружающихъ племенъ, или даже, какъ у евреевъ, сознаніе своего превосходства, слѣдовательно, племенная гордость. Благодаря этому обособленію, евреи и сохранили понынѣ типъ столь выраженно національный [2]). Браки между ближайшими родственниками допускались зачастую среди царствующихъ династій за отсутствіемъ женщинъ, равныхъ властителю по происхожденію. Такъ это констатировано относительно фараоновъ Египта, гуанчей, сакалавовъ, инковъ перуанскихъ и т. д. Въ древней Персіи бракъ съ сестрою или съ матерью былъ не только разрѣшенъ, но женитьба на родственницахъ считалась даже заслугою, браки между кровными родственниками допускались, наконецъ, эллинами, хотя и не одобрялись ими [3]).

Отклоняя теорію Фритча, мы, однако, должны признать, что она, по нашему мнѣнію, ближе къ истинѣ, чѣмъ теорія Лёббока. Въ этомъ тягостномъ избѣганіи другъ друга со стороны людей, ставшихъ родственниками, благодаря браку одного изъ своихъ сочленовъ, мы, положимъ, не видимъ какой-то придатокъ ничтожнаго обрядоваго похищенія, не видимъ и результата боязни кровосмѣшенія, а скорѣе всего энергическое стремленіе къ

---

[1]) Болѣе строгія положенія по этому вопросу были выработаны лишь въ позднѣйшія времена. Сравни 5 Моис. XXI 10, и далѣе, Ездра IX 2, X 3. Неемія XIII 23.

[2]) Интересныя указанія на значеніе эндогаміи въ исторіи развитія индивидуальныхъ народныхъ типовъ даетъ М. Вагнеръ. Die Entstehung der Arten durch räumliche Sonderung, Basel, Schwabe 1889, T. 519—540.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 227 и далѣе.

сохраненію индивидуальнаго брака. У народовъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ странный обычай избѣганія, мы не находимъ брака общиннаго, но индивидуальныя требованія и желанія все еще борятся съ бракомъ неупорядоченнымъ во всѣхъ его безконечныхъ переливахъ. Въ изучаемыхъ нами установленіяхъ мы усматриваемъ весьма опредѣленное стремленіе къ тому, чтобы уничтожить отношенія, господствующія, напримѣръ, среди редди въ Остиндіи [1]), среди малайцевъ, нашихъ вотяковъ [2]) и т. д. Это протестъ противъ извѣстнаго снохачества, столь распространеннаго даже и у насъ въ простомъ народѣ [3]). Въ избѣганіи означенныхъ родственниковъ мы признаемъ, поэтому, прежде всего практическое ограниченіе въ пользу индивидуальнаго брака.

Но возвратимся еще разъ къ ученію Лёббока. Намъ необходимо остановиться на экзогаміи. Этотъ обычай играетъ весьма значительную роль уже въ ученіи Макъ-Леннана, по мнѣнію котораго человѣчество перешло отъ гетеризма или общиннаго брака къ поліандріи, а отъ послѣдней либо къ экзогаміи, т. е. къ браку только внѣ своего племени, что повело къ обычному похищенію женщинъ, либо же къ эндогаміи, т. е. къ браку только внутри самого племени. Однако, уже Лёббокъ показалъ, что какъ поліандрію, такъ и эндогамію нельзя считать явленіями, входящими въ нормальный прогрессъ развитія семьи, напротивъ того, это явленія индивидуальныя, несмотря на свое относительно широкое распространеніе. Тоже самое нами выше показано было относительно общиннаго брака [3]). Такимъ образомъ, отъ этого ученія у насъ остается одна лишь экзогамія.

Макъ-Леннанъ связываетъ обычай экзогаміи съ убіеніемъ младенцевъ женскаго пола, слѣдствіемъ котораго является поліандрія внутри самого племени и похищеніе женщинъ внѣ его [4]); если же установился обычай, то онъ освящается давностью подобно всякому другому обычаю [5]). Но эта гипотеза совершенно голословная, въ особен-

[1]) См. выше стр. 436, 437.

[2]) Buch. Ausland 1882, S. 92.

[3]) Смирновъ. Очерки семейныхъ отношеній по русскому обычному праву. Москва, 1878.

[4]) M. Lennan. Primitive mariage, p. 138.

[5]) M. Lennan, l. c., p. 140.

ности если мы ограничимъ убіеніе младенцевъ столь умѣреннымъ образомъ, какъ это мы уже сдѣлали выше [1]). Что касается до Лёббока, то онъ, въ духѣ своего ученія, указываетъ на похищеніе женщинъ какъ на первоисточникъ экзогаміи; но въ тоже время онъ допускаетъ, на ряду съ освященіемъ обычая давностью, и сознаніе пользы скрещиванія, ибо выгода скрещиванія извѣстна всѣмъ племенамъ, воспитывающимъ племенныхъ животныхъ. Это, однако, не должно насъ смущать, такъ какъ отнюдь не всѣ экзогамисты могутъ считаться скотоводами. Такъ мы встрѣчаемъ этотъ обычай [2]) въ западной и восточной Африкѣ, въ Сибири, въ Китаѣ, въ Индостанѣ, въ Европѣ [3]), но точно также и въ Австраліи, въ сѣверной и южной Америкѣ, слѣдовательно, у народовъ, незнакомыхъ съ техникою скотоводовъ.

Утверждать на основаніи распространенія экзогаміи, чтобы она была явленіемъ интернаціональнымъ, или другими словами, чтобы она была необходимою ступенью въ исторіи развитія человѣчества, едва ли возможно. Но, если даже и разсматривать экзогамію какъ явленіе болѣе или менѣе мѣстное и индивидуальное, то все же она требуетъ объясненія. Однако же, намъ думается, что было бы гораздо логичнѣе предположить, что экзогамія повела къ обычаю похищенія женщинъ, а не наоборотъ, какъ это говоритъ Лёббокъ. Его превращеніе во всякомъ случаѣ требуетъ дальнѣйшаго объясненія. Если же мы предположимъ, что экзогамія уже существуетъ, то мы eo ipso устанавливаемъ необходимость похищенія чужихъ женъ. Не мудрствуя лукаво, Гербертъ Спенсеръ говоритъ, что обычай похищать чужихъ женъ былъ въ высшей степени привлекателенъ; похищенная женщина служила не только какъ женщина, но и какъ побѣдный трофей, какъ живой свидѣтель доблести ея владѣтеля.

„Можетъ ли что либо быть естественнѣе того“, продолжаетъ онъ, „что, какъ скоро многіе воины племени уже отличаются украденными женами, такое похищеніе женъ станетъ тѣмъ самымъ доказательствомъ, котораго будутъ тре-

---

[1]) См. выше стр. 132.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 97.

[3]) Г. С. Мэнъ. Древній законъ и обычай, перев. М. Ковалевскаго. Москва, 1884, стр. 172.

бовать отъ мужчины, чтобы убѣдиться, что онъ достоинъ имѣть жену? а отсюда возникнетъ законъ объ обязательности экзогаміи" [1]). Не останавливаясь долѣе на томъ, что экзогамія отнюдь не обусловливаетъ собою насильственнаго похищенія женщинъ, а, напротивъ того, вполнѣ мирится съ пріобрѣтеніемъ ихъ путемъ купли, извѣстной уже на первобытной ступени человѣчества, мы не можемъ не отмѣтить того, что Спенсеръ въ данномъ случаѣ отводитъ похищенію несравненно большую роль, чѣмъ въ другихъ случаяхъ [2]); самъ же онъ наконецъ, допускаетъ, что похищеніе и экзогамія могутъ существовать независимо другъ отъ друга [3]), и „форма похищенія можетъ иногда брать свое начало изъ дѣйствительнаго похищенія внутри племени, вмѣсто того, чтобы происходить отъ дѣйствительнаго похищенія женщинъ у чужихъ племенъ" [4]). Тайлоръ, съ своей стороны, предполагаетъ, что „вредъ, происходящій отъ брака между близкими родственниками, могъ служить главной причиной этого ряда ограниченій" [5]). Морганъ того мнѣнія, что экзогамія объяснима лишь какъ реформа, имѣвшая цѣлью прекратить браки между кровными родственниками, включая сюда весь данный родъ; при этомъ онъ какъ истый дилетантъ прибавляетъ слѣдующее, якобы научное дополненіе къ своему предположенію: „два развивающіяся племени смѣшиваются и новые черепа и мозги естественно расширяются до тѣхъ поръ, пока не охватятъ способность обоихъ племенъ" [6]). Однако же, мы встрѣчаемъ эндогамію въ иныхъ случаяхъ у народовъ болѣе развитыхъ чѣмъ экзогамисты. Нельзя, наконецъ, и помышлять о томъ, чтобы первобытные люди вполнѣ сознавали выгоды скрещиванія [7]) и опасности кровосмѣшенія. Губительность браковъ между кровными родственниками не подлежитъ сомнѣнію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оба

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія соціологіи. С.-Петербургъ, 1877, т. II, стр. 687 и далѣе, 689.

[2]) Г. Спенсеръ, l. c., стр. 689.

[3]) Ibid, стр. 690.

[4]) Штаркемѣтко замѣчаетъ, что нѣтъ такихъ племенъ, у которыхъ женщины были бы исключительно плѣнницы. Die primitive Familie. S. 233.

[5]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 95.

[6]) Morgan-Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats, Zürich 1884, S. 25.

[7]) См. выше стр. 479.

супруга страдаютъ одною и тою же болѣзнію. Но подобно тому какъ страданія кровныхъ родственниковъ, вступившихъ въ бракъ, могутъ суммироваться въ ребенкѣ ихъ, такъ точно суммируются заурядъ и дурныя качества людей чуждыхъ другъ другу по происхожденію. Но какъ среди людей чуждыхъ суммируются хорошія качества, такъ они могутъ суммироваться и давать комбинаціи въ высшей степени благопріятныя и среди кровныхъ родственниковъ [1]).

Обращась къ изученію экзогамическихъ явленій и, не удовлетворяясь существующими объясненіями, мы невольно должны захватить область, относящуюся къ послѣдующимъ главамъ нашего труда, а именно область религіозную. Всѣмъ извѣстно, конечно, какую значительную роль въ исторіи религіозныхъ идей играетъ поклоненіе предкамъ. Ужъ киренайскій философъ Эвгемеръ (около 300 д. Р. Хр.) пытался свести всю миѳологію на почитаніе славныхъ предковъ и встрѣтилъ въ этомъ случаѣ сочувствіе даже у Тертулліана. Представленія о загробномъ мірѣ возбуждаются размышленіями о томъ, что сталось съ людьми умершими; будучи-же пантеистомъ по природѣ своей, человѣкъ первобытный антропоморфизируетъ всю окружающую его природу, онъ вкладываетъ человѣческую душу, человѣческія желанія и страданія во всѣ встрѣчающіяся ему явленія. Онъ всюду сталкивается съ духомъ умершаго; но яснѣе всего чудится онъ ему въ представителяхъ животнаго міра, столь близкихъ человѣку по жизненнымъ проявленіямъ своимъ. Отсюда то возникаютъ представленія о переселеніи душъ, отсюда почитаніе животныхъ, почитаніе предковъ въ представителяхъ животнаго міра и легенды о происхожденіи человѣка отъ животныхъ [2]). Но это почитаніе предковъ связано съ охраненіемъ ихъ; предковъ не убиваютъ, не говоря уже о томъ, чтобы ихъ съѣдать. Такимъ образомъ объясняются многочисленные запреты на пищу, при исполненіи которыхъ дикарю приходится не мало страдать. Но дикарь скорѣе умретъ съ голода, чѣмъ притронется къ своему тотему, тогда какъ на тотемъ сосѣда для него не существуетъ ни малѣйшаго запрета. Этимъ то по-

---

[1]) См. нѣкоторыя сопоставленія у Т. Рибо. Наслѣдственность, перев. Черемшанскаго, С.-Петербургъ, 1884, стр. 532 и далѣе.

[2]) См. выше стр. 51, 52.

читаніемъ тотема намъ кажется возможно объяснить существованіе экзогаміи, ибо лица, принадлежащія къ тому же тотему, или, выражаясь другими словами, имѣющія общаго предка, не имѣютъ права жениться другъ на другѣ. Лишь люди чуждыхъ тотемовъ могутъ взаимно удовлетворять свои человѣческія потребности. Боасъ разсказываетъ о томъ, что эскимосы Баффиновой земли не охотятся въ одинъ и тотъ же день на моржей и сѣверныхъ оленей, не ѣдятъ ихъ мясо, не обработываютъ ихъ шкуръ одновременно, такъ какъ моржъ и олень родныя дѣти Седны, богини подземнаго царства [1]). Также точно китаецъ избѣгаетъ возможнаго оскорбленія общаго предка, когда онъ, пріобрѣтая второстепенную жену изъ неизвѣстной семьи, прибѣгаетъ къ гаданію, чтобы опредѣлить ея настоящую фамилію [2]). Весьма характерно для насъ, наконецъ, то обстоятельство, что экзогамія имѣетъ въ виду лишь группы меньшаго размѣра, не распространяясь на цѣлый родъ или цѣлое племя. Въ такомъ видѣ мыслимо единовременное существованіе экзогаміи и эндогаміи на извѣстной ступени культуры [3]).

Едва ли наше предположеніе о томъ, что экзогамія пріурочивается къ представленіямъ религіознымъ, можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ. Религіозная и половая жизнь въ высшей степени близки другъ къ другу. Если великій натурфилософъ Окенъ, приступая къ изученію половыхъ процессовъ, говоритъ, что онъ „осмѣливается писать о самомъ возвышенномъ въ мірѣ, о происхожденіи и размноженіи всего живущаго“ [4]), то люди первобытные относятся къ указаннымъ процессамъ не съ меньшимъ почтеніемъ. На это намъ указываетъ культъ любви, отнюдь не являющійся достояніемъ однихъ только классическихъ вѣковъ. Культъ Пріапа и Венеры можно считать едва ли не интернаціональнымъ культомъ. Но культъ половыхъ отношеній не явился, конечно, результатомъ того, что установилось понятіе о богахъ различныхъ половъ [5]); напротивъ того эти боги лишь

---

[1]) Dr Fr. Boas. Zeitschrift für Ethnologie 1885, S. 163.

[2]) С. Георгіевскій. Принципы жизни Китая, стр. 123.

[3]) Starcke. Die primitive Familie, S. 236 f. Ковалевскій. Первобытное право. В. I, стр. 112 и далѣе.

[4]) L. Oken. Die Zeugung, Bamberg und Wirzburg, Goebhardt, S. III.

[5]) J. J. Döllinger. Heidenthum und Judenthum, Regensburg 1857, S. 398 f.

олицетворили въ себѣ идею общепочитаемыхъ отношеній противоположныхъ половъ. Но точно также этотъ культъ нельзя разсматривать какъ переживаніе нѣкогда господствовавшаго гетеризма, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Бахофенъ [1]) и его школа. Въ культѣ, какъ таковомъ, лежитъ уже извѣстная рефлексія, отводящая ему опредѣленное мѣсто въ ряду первобытныхъ религіозныхъ представленій. Не будемъ здѣсь останавливаться на священной проституціи [2]), приносившей такъ сказать своихъ первенцовъ на алтарь богини любви въ Вавилонѣ, Месопотаміи, на Кипрѣ, въ прибрежныхъ пелопонезскихъ городахъ и т. д. Укажемъ лишь, что и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ строго различать между принципомъ и выполненіемъ или, лучше сказать, извращеніемъ его. Наиболѣе характерный примѣръ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи Римъ, въ которомъ храмъ Venus uraniae превратился въ лупанаръ Venus vulgivagae. Но и среди дикарей культъ любви и половыхъ тайнъ пользуется глубокимъ уваженіемъ. Лингамъ индусовъ встрѣчается у цѣлаго ряда другихъ народовъ, phalus и cunnus служатъ лучшимъ средствомъ противъ дурнаго глаза [3]), изображенія ихъ употребляютси какъ амулеты [4]) и помѣщаются на ряду съ изображеніями боговъ [5]). Достаточно бѣгло осмотрѣть хотя бы грандіозный этнологическій музей въ Берлинѣ, чтобы убѣдиться въ распространеніи этого культа. Равнымъ образомъ дикари имѣютъ свои священныя оргіи и эротическія празднества [6]), или даже религіозныя общины съ выраженно эротическою подкладкою, какъ напримѣръ общества ареои въ Океаніи [7]).

Но если мы допускаемъ, что первобытныя отношенія половъ въ иныхъ случаяхъ тѣсно связуются съ первичною религіозною мыслею, то съ другой стороны мы охотно указы-

---

[1]) Bachofen. Das Mutterrecht, S. XIX.

[2]) F. Dufour. Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde, Paris 1851—54, 6 v.; J. A. Dulaure. Des Divinités génératrices ou du culte du Phallus chez les Anciens et les Modernes. Réimprimé sur l'édition 1805, Paris. 1885; R. P. Knight. Le Culte de Priape. Bruxelles, 1876.

[3]) F. Liebrecbt. Zur Volkskunde, 401.

[4]) F. Liebrecbt. Einige Beiträge zur Geschichte der Frauen, Germania XXXIII, H. 2, 1888, S. 250.

[5]) Geiseler. Die Osterinsel, Berlin 1883, Taf. 18.

[6]) Ploss-Barthels. Das Weib, B. I., S. 337 f.

[7]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker. B. VI, S. 363.

*

ваемъ и на то, что эти отношенія отнюдь не лишены искренней и всеоблагораживащей подкладки любви. Съ легкой руки антропологовъ, смотрящихъ съ презрѣніемъ на всѣхъ неевропейцевъ, современные писатели заурядъ сомнѣваются въ томъ, чтобы дикарямъ знакомо было чувство любви. Одни, какъ напримѣръ Лёббокъ [1]), стоятъ на той весьма шаткой почвѣ, что на языкѣ иныхъ дикарей нѣтъ слова для любви; другіе, какъ напримѣръ Гельвальдъ [2]), ограничиваются горделивымъ отрицаніемъ того, чтобы дикари способны были къ чувствамъ болѣе тонкимъ.

Противъ тѣхъ и другихъ говорятъ факты. Современное народовѣдѣніе знакомитъ насъ съ множествомъ примѣровъ, говорящихъ о томъ, что тѣ же народы, которые лишены спеціальныхъ выраженій для обозначенія любви [3]) и на которыхъ поверхностные или чрезъ мѣру гордые наблюдатели наговаривали не мало злого, прибѣгаютъ къ самоубійству изъ за несчастной любви, рѣшаются на геройскіе подвиги ради своихъ возлюбленныхъ и воспѣваютъ ихъ въ чудныхъ пѣсняхъ [4]). Характерно для насъ, напримѣръ, что такой тонкій наблюдатель какъ д-ръ Поллакъ, несмотря на всѣ сокровища восточной поэзіи, увѣряетъ, что любви въ нашемъ смыслѣ не существуетъ на востокѣ, не существуетъ и въ Персіи [5]). Еще легче, конечно, на основаніи личнаго знакомства съ болѣе развращенными элементами среди дикарей отрицать за ними всякую способность къ любви [6]), забывая при этомъ, что любовь существуетъ даже среди

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи стр. 541.

[2]) Hellwald. Die menschliche Familie, 107 ff.

[3]) О томъ, что отсутствіе спеціальнаго выраженія для даннаго чувства абсолютно не говоритъ за отсутствіе самого чувства мы будемъ говорить въ главѣ о языкѣ.

[4]) Множество примѣровъ въ этомъ родѣ мы находимъ уже въ старинной литературѣ. Новыя сопоставленія даютъ: Schneider. Die Naturvölker, B. II, S. 449 ff.; Ploss. Das Weib, B. I, S. 341 f.; Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 224 (бушмены), 143 (ведды) и т. д.

[5]) Pollak. Persien, Leipzig, Brockhaus 1865, B. I, S. 206.

[6]) Популярный, въ извѣстныхъ кружкахъ по крайней мѣрѣ, историкъ культуры Генне-амъ-Ринъ, хотя и незнакомый съ бытомъ дикарей, все же утверждаетъ, что лишь со временъ Александра Великаго къ грубой чувственности стала присоединяться нѣкоторая доля этической любви (Otto Henne-Am-Rhyn. Blätter für litterarische Unterhaltung, 1884, S. 167). Не менѣе увѣренно подобные и даже болѣе серьезные писатели толковали объ удивительной развращенности и чувственности полинезійцевъ. Съ удовольствіемъ мы, поэтому, мо-

животныхъ [1]). Какъ третій, весьма существенный, но отнюдь не единственный элементъ [2]) въ отношеніяхъ половъ, мы отмѣчаемъ экономическую сторону брака. Мы говорили уже выше [3]) о томъ, что бракъ есть дѣло хозяйственное, въ которомъ заинтересованы всѣ ближайшіе сочлены группы. Параллель между бракомъ и земледѣліемъ [4]) имѣетъ не только мистическую, но и практическую почву. Дѣйствительно, бракъ имѣетъ своей непосредственною задачею, достиженіе матерьяльнаго обезпеченія, своею же дальнѣйшею цѣлью продолженіе рода. Такимъ образомъ семья, все болѣе и болѣе индивидуализируясь подъ вліяніемъ экономическаго и гражданскаго прогресса, представляетъ собою, въ концѣ концовъ, небольшую единицу, объединенную экономическою силою и освященную какъ личными чувствами своихъ сочленовъ, такъ и глубокимъ сознаніемъ высокаго религіозно-житейскаго значенія своего соединенія.

Человѣчество объединилось ради болѣе успѣшной борьбы съ природою [5]); узами, закрѣплявшими это объединеніе являлись какъ успѣхи въ этой кооперативной борьбѣ, такъ и кровное соединеніе сочленовъ коопераціи. Дифференцируясь на элементы составные, и сообразно этому все болѣе и болѣе индивидуализируясь, человѣчество выработало индивидуальную семью съ преобладаніемъ въ ней, въ силу индивидуальныхъ тенденцій ея, мужчины, какъ члена болѣе энергичнаго и устойчиваго.

Мы отнюдь не смѣшиваемъ понятій о семьѣ, кланѣ [6]), родѣ и т. д., но мы не можемъ ихъ противопоставлять такъ

жемъ указать на то, что прекрасный знатокъ полинезійскихъ островитянъ, неоднократно цитированный нами Кубари, весьма энергично протестуетъ противъ эти традиціональныхъ обвиненій. Не отрицая легкомыслія и распущенности островитянъ, онъ въ то же время значительно умѣряетъ обыденный приговоръ европейцевъ надъ ними. (Beiträge zur Kenntniss der Karolinischen Inselgruppe, S. 64).

[1]) См. выше, стр. 448, 449.

[2]) Такъ это учитъ Штарке. Die primitive Familie, S. 278 f.

[3]) См. выше, стр. 467.

[4]) Bachofen. Das Mutterrecht, S. 142.

[5]) См. выше стр. 22 и далѣе.

[6]) Кланъ, собственно кленнъ, кельтское слово, примѣняется для обозначенія соединенія дѣйствительныхъ или фиктивныхъ кровныхъ родственниковъ подъ началомъ сюзерена, laird'a, какъ старшаго въ родѣ. См. Johnston and Robertson. The historical geography of the Clans of Scotland, London, 1872.

немотивировано другъ другу, какъ это дѣлаетъ Штарке, говоря, что кланъ возникъ ради борьбы за существованіе, а семья ради того, чтобы пользоваться добытымъ [1]). Безъ сомнѣнія и въ той и въ другой организаціи лежитъ стремленіе добывать и удерживать блага жизни; разница въ нихъ лишь въ степени индивидуализаціи общественныхъ элементовъ, а, слѣдовательно, и въ степени выработанности общественныхъ понятій; семья представляетъ собою явленіе несомнѣнно болѣе совершенное и болѣе позднее, чѣмъ кланъ; оно выживаетъ и совершенствуется, тогда какъ кланъ распадается. Едва ли, наконецъ, возможно объяснить происхожденіе клановъ различнымъ происхожденіемъ матерей, добытыхъ путемъ экзогаміи, какъ это дѣлаетъ К. Каутски [2]). Для этого пришлось бы отвести экзогаміи болѣе значительное мѣсто, чѣмъ это намъ кажется возможнымъ на основаніи предшествующихъ нашихъ разсужденій.

Какъ въ кланѣ, такъ и въ родѣ, единицѣ еще болѣе обширной и еще менѣе устойчивой, кровное родство не имѣетъ рѣшающаго значенія, ибо въ томъ и другомъ случаѣ вполнѣ возможно воспринятіе элементовъ чуждыхъ по происхожденію для даннаго общества [3]). Но кровное родство является элементомъ болѣе крѣпко связующимъ, чѣмъ даже экономическіе интересы. Поэтому-то, разнородные члены первобытнаго общества, болѣе или менѣе ассимилировавшись и сравнившись подъ вліяніемъ общихъ географическихъ и культурно-историческихъ условій, охотно знаменуютъ свой союзъ фикціею объ общемъ прародителѣ [4]). Ляель описываетъ намъ образованіе такъ называемыхъ смѣшанныхъ клановъ Индіи. Вокругъ человѣка предпріимчиваго, рѣшившагося выйти изъ обыденной сферы, группируется кучка удальцовъ различнаго происхожденія; они принимаютъ имя своего начальника, чтобы выдѣлиться такимъ образомъ среди окружаю-

---

[1]) Starcke. Die primitive Familie, S. 297.

[2]) K. Kautsky. Die Entstehung der Ehe und Familie, Kosmos. B. XII, S. 266. Въ томъ же духѣ высказывается М. Ковалевскій въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о родѣ. Первобытное право т. I, стр. 85—89, о родѣ у славянъ стр. 73 и далѣе.

[3]) См. выше стр. 4, 438.

[4]) См. выше стр. 397.

щихъ непріязненныхъ племенъ [1]). Полное объединеніе даннаго сброда происходитъ, однако, лишь тогда, когда сознаніе общаго происхожденія проникаетъ въ массу народную и изъ фикціи дѣлается символомъ вѣры [2]). Арабы обозначаютъ понятіе клана словомъ Batu, т. е. чрево, выражая этимъ кровное родство членовъ клана [3]).

---

[1]) A. C. Lyall. Asiatic Studies, religions and social. London, 1884, стр. 152 и далѣе.

[2]) См. выше стр. 107.

[3]) Мы не останавливаемся на такъ называемыхъ „номенклатурахъ", которымъ Морганъ въ своемъ Systems of consanguinity придавалъ такое великое значеніе. Въ настоящее время вполнѣ выяснено, что въ условныхъ обращеніяхъ родственниковъ другъ къ другу не всегда то кроятся хотя бы сколько нибудь точныя указанія на дѣйствительную основу семейнаго строя. См. между прочимъ анализъ воззрѣній Моргана у Штарке: Die primitive Familie. Кар. V.

Глава XXII.

Религіозныя представленія дикарей.

Существуютъ ли народы, лишенные религіи?—Трудность изученія этого вопроса.—Смерть, болѣзнь, обморокъ, сонъ въ представленіяхъ дикаря.—Общеніе съ мертвецами.—Тѣнь.—Значеніе портрета.—Изгнаніе злыхъ духовъ.—Загробные духи.—Возвращеніе ихъ.—Снаряженіе мертвеца при погребеніи.—Одухотвореніе природы.—Почитаніе силъ и явленій природы.—Чувство зависимости отъ высшихъ силъ.

Мучительный вопросъ: „гдѣ начало всѣхъ началъ?“ отнюдь нельзя считать исключительнымъ достояніемъ человѣчества культурнаго. И дикари носятся съ этою тяжкою загадкою изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Стремленіе къ разгадкѣ этого вопроса равносильно стремленію утвердиться въ жизни, выяснить себѣ соотношеніе вещей, оградить себя отъ силъ природы и завладѣть ими; поэтому, это стремленіе—общечеловѣческое.

„Я пошелъ однажды пасти свой скотъ“, говоритъ одинъ дикарь. „Погода была пасмурная. Я сѣлъ на скалѣ и сталъ задавать себѣ грустные вопросы; да, грустные, потому что я не въ силахъ былъ отвѣтить на нихъ. Кто касался звѣздъ своими руками? На какихъ столбахъ онѣ держатся? Я спрашивалъ себя также: воды никогда не устаютъ; у нихъ нѣтъ другаго дѣла, какъ течь, не переставая отъ утра до ночи и отъ ночи до утра; но гдѣ же онѣ останавливаются, и кто заставляетъ ихъ течь такимъ образомъ. И облака тоже приходятъ и уходятъ и изливаются водою на землю. Откуда они приходятъ? Кто посылаетъ ихъ? Конечно, не колдуны посылаютъ намъ дождь; какъ могутъ они сдѣлать это? и почему

я никогда не вижу своими глазами, какъ они поднимаются на небо, чтобы добыть его? Я не могу видѣть и вѣтра, но что же онъ такое? Кто несетъ его, заставляетъ его дуть, ревѣть и пугать насъ? Развѣ я знаю также, какъ растетъ хлѣбъ? Вчера у меня въ полѣ не было ни былинки; сегодня я пришелъ туда и нашелъ ихъ уже нѣсколько. Кто могъ дать землѣ мудрость и силу, чтобы произвести это? и я закрылъ лицо руками...“ [1]).

Такъ мыслитъ дикарь. Но этотъ дикарь не нервный, фантастическій индусъ, который путемъ пламенной борьбы поднялся отъ темныхъ мистическихъ глубинъ брахманизма до чисто философскихъ идей буддизма, этой „религіи безъ Бога“, какъ говоритъ Кюненъ [2]); это не мечтательный и мягкій поэтъ полинезіецъ, упивающійся плодами своей собственной фантазіи. Напротивъ того, это членъ весьма трезваго, физически крѣпкаго племени кафровъ, погрязшаго въ разбояхъ и во всевозможныхъ суевѣріяхъ. „Приводимый случай, впрочемъ, слѣдуетъ считать совершенно исключительнымъ [3])“, восклицаетъ Лёббокъ, и онъ дѣйствительно правъ, ибо мыслящіе люди вообще и повсюду составляютъ исключеніе, тѣмъ болѣе въ средѣ дикарей. Но, Лёббокъ не правъ, когда онъ прибавляетъ, что „дикари вообще не задумываются надъ подобными вопросами“ [4]). Вникая въ религіозную жизнь дикаря, мы убѣждаемся въ томъ, что вся жизнь его проникнута подобными размышленіями, являющимися, конечно, то въ болѣе глубокой, то въ болѣе поверхностной формѣ.

Приступая къ изученію религіозныхъ представленій дикарей, мы, однако, не должны скрыть отъ себя того, что намъ предстоятъ трудности почти невѣроятныя. Цѣлое море предразсудковъ отдѣляетъ насъ, людей, опирающихся на тысячелѣтную работу мысли нашихъ предковъ отъ наивныхъ представленій первобытныхъ дикарей. Наши лучшіе вожаки и проводники, за которыми мы могли слѣдовать при предшествующихъ изслѣдованіяхъ, покидаютъ насъ, уступая предразсуд-

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 146, 147.
[2]) Kuenen. Religion nationale et religion universelle, Paris 1884.
[3]) Лёббокъ, l. c., стр. 147.
[4]) Ibid.

камъ, установленнымъ и освященнымъ вѣками. Достаточно одного взгляда на самый основной вопросъ нашего изслѣдованія, на вопросъ о томъ, существуютъ ли у дикарей религіозныя представленія или нѣтъ, чтобы замѣтить, что, во имя религіозныхъ интересовъ, одни писатели констатируютъ присутствіе религіознаго сознанія у всѣхъ народовъ міра, тогда какъ другіе, во имя тѣхъ же идей, горячо настаиваютъ на томъ, что не слѣдуетъ называть ту путаницу суевѣрныхъ представленій о силахъ и явленіяхъ природы, которую мы встрѣчаемъ у дикарей, высокимъ именемъ религіи. На подобной почвѣ, въ сущности, стоитъ Лёббокъ, когда онъ насъ учитъ, что первичною формою религіознаго мышленія является атеизмъ, „понимая подъ этимъ не отрицаніе божества, но отсутствіе какихъ бы то ни было опредѣленныхъ понятій объ этомъ предметѣ“ [1]). Съ свойственнымъ ему рвеніемъ авторъ приводитъ удручающую массу фактовъ въ пользу своего мнѣнія, обвиняя въ атеизмѣ нѣкоторыя племена эскимосовъ, калифорнцевъ, бразильцевъ, нѣкоторые полинезійскіе и индусскіе народы, восточныхъ африканцевъ, австралійцевъ и т. д.

Мы имѣли уже случай высказаться по этому поводу [2]) и указывали, пользуясь нѣкоторыми примѣрами, какъ на неумѣлые разспросы изслѣдователей, такъ и на крайнюю легкомысленность отзывовъ ихъ. Нетрудно было бы увеличить число этихъ примѣровъ [3]). Укажемъ хотя бы на то, что путешественникъ столь опытный какъ Томсонъ, увѣряетъ, что у масаевъ нѣтъ и тѣни представленій о духахъ и привидѣніяхъ [4]). Но тотъ же авторъ разсказываетъ о томъ, что у нихъ господствуетъ колдовство и что они вопятъ цѣлые часы, молясь своему Нгаи. Но этотъ Нгаи все и онъ вездѣ; онъ являлся въ самомъ Томсонѣ, въ его лампѣ. Нгаи живетъ на снѣжныхъ поляхъ Кильманджаро. Трава и молоко для масаевъ святы; молоко нельзя варить, нельзя продавать; коровъ можно доить лишь въ темнотѣ [5]). Или, возьмемъ дру-

---

[1]) Лёббокъ, l. c., стр. 150.

[2]) См. выше стр. 134, 135.

[3]) Шнейдеръ подвергнулъ примѣры Лёббока обстоятельному изслѣдованію. Die Naturvölker, B. II, S. 361 ff.

[4]) J. Thomson. Durch Massai-Land, Leipzig, Brockhaus 1885, S. 396.

[5]) Thomson. Durch Massai-Land, S. 396, 397. То же говоритъ соперникъ Томсона Джонсонъ: Kilimandscharo, Brockhaus, Leipzig, 1884, S. 394.

гой примѣръ: знаменитѣйшій полярный изслѣдователь Норденшёльдъ говоритъ, что эскимосы, какъ и чукчи, повидимому не имѣютъ настоящей религіи или какого либо понятія объ загробной жизни [1]). Но у того же автора мы находимъ описаніе погребенія у чукчей, причемъ оказывается [2]), что покойникъ получаетъ не только массу вещей, могущихъ послужить ему въ загробномъ мірѣ, какъ то ружье, копье, огниво, лыжи, сани, но что эти вещи ломаются, слѣдовательно, тоже кончаютъ свою жизнь. На изслѣдованной могилѣ между прочимъ, найдена была одна изъ трубокъ, подаренныхъ нашимъ путешественникомъ чукчамъ уже весьма долго послѣ смерти похороненнаго; слѣдовательно, онъ могъ получать подарки даже въ мірѣ загробномъ. Весьма существеннымъ препятствіемъ для правильнаго пониманія религіозныхъ представленій дикарей является, далѣе, зависимость изслѣдователя отъ переводчика или же недостаточное знакомство его съ языкомъ туземцевъ. Ливингстонъ [3]) упрекалъ однажды одного бушмена за убійство, совершенное имъ, и между прочимъ воскликнулъ: „что скажетъ Богъ, когда ты предстанешь предъ нимъ“? „Онъ скажетъ“, отвѣтилъ бушменъ, „что я ловкій малый“! Можно себѣ представить изумленіе почтеннаго Ливингстона. Оказалось, однакоже, что онъ употребилъ для обозначенія Бога то же выраженіе, какъ и для вождя, и что бушменъ разумѣлъ именно послѣдняго.

Наконецъ, изслѣдователю приходится преобороть множество предразсудковъ дикарей и даже прямое нежеланіе ихъ разоблачить передъ чуждымъ человѣкомъ свои сокровеннѣйшія тайны. Извѣстна благоговѣйная боязнь многихъ народовъ предъ тѣмъ, чтобы назвать по имени высшее существо [4]); извѣстны опасенія, не чуждыя даже и намъ европейцамъ, чтобы не накликать на себя бѣды, упомянувъ о ней безъ оговорки. Почти всѣ народы области Ньясса и Манганья упорно отрицали, что въ странѣ ихъ случаются землетрясенія [5]).

---

[1]) Nordenskiöld. Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, Leipzig, Brockhaus 1882, B. II, S. 233.

[2]) Nordenskiöld, l. c., B. I, S. 87, 219.

[3]) D. Livingstone. Missionsreisen und Forschungen in Südafrika, Leipzig 1858, B. I, S. 193.

[4]) W. Schneider. Die Naturvölker, B. II, S. 357 f.

[5]) Fr. Ratzel. Anthropo-Geographie, Stuttgart, Engelhorn 1882, S. 378.

Весьма понятны намъ, поэтому, требованія такихъ опытныхъ изслѣдователей какъ Спрота[1]), Соайо[2]), Пехуеля-Леше[3]), чтобы европейцы добивались непосредственнаго и долгаго сближенія съ дикарями, если они намѣрены изучать ихъ душевную жизнь.

Необходимо, наконецъ, считаться и съ тѣмъ, какъ намъ кажется, вѣскимъ соображеніемъ, что путешественнику сплошь и рядомъ приходится сталкиваться съ самымъ разнообразнымъ сбродомъ и что къ услугамъ его не всегда-то являются лучшія, наиболѣе интеллигентныя и свѣдущія силы среди туземцевъ. Необходима вся храбрость и беззастѣнчивость опытнаго путешественника, чтобы обобщать тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя онъ мимолетно схватываетъ у людей случайныхъ. Но, что сказали бы наши путешественники, если бы неевропеецъ заявилъ, что англичане народъ, лишенный религіи, „народъ, находящійся на ступени первичнаго атеизма". Онъ могъ бы въ данномъ слачаѣ совершенно спокойно сослаться на вполнѣ достовѣрный авторитетъ покойнаго Биконсфильда, разсказывающаго, какъ одинъ одичалый фабричный пролетарій на запросы о его религіи отвѣтилъ, что „они знаютъ, что нужно вѣрить въ Господа и Спасителя нашего Понтія Пилата, который въ сопровожденіи Моисея, Голіаѳа и другихъ апостоловъ шествовалъ по землѣ" [4]). Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ правдивости этихъ ужасныхъ сообщеній Биконсфильда, такъ какъ въ данномъ случаѣ показанія консервативнаго министра вполнѣ подтверждаются наблюденіями его либеральныхъ и радикальныхъ противниковъ. Но для насъ этотъ примѣръ имѣетъ прямое приложеніе, такъ какъ онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что нельзя судить по словамъ двухъ—трехъ случайныхъ лицъ о воззрѣніяхъ цѣлаго народа.

Такимъ образомъ, мы вновь возвращаемся къ положенію, намѣченному нами уже ранѣе, что мы не обладаемъ ни однимъ достовѣрнымъ указаніемъ на то, чтобы существовали

---

[1]) Sproat. Anthropological Review, 1868, v. VI, p. 376.

[2]) H. Soyaut. Aus Westafrika, Leipzig, 1879, B. II, S. 180 f.

[3]) Pechuel-Lösche. Ethnologische Forschung, Verhandlungen des dritten Geographentages 1883, Berlin, Reimer 1884, S. 7.

[4]) Disraeli. Sibylla oder zwei Nationen.

народы, совершенно лишенные религіи [1]). Повидимому, Шеллингъ былъ правъ, называя религію, „универсальнымъ феноменомъ“ [2]). Но, конечно, подъ религіею первобытныхъ людей нельзя разумѣть какія либо стройныя религіозныя системы или даже зачатки монотеизма. Религіозныя представленія дикаря отличаются прежде всего неясностью, они лишены сознательности. Весьма образно это выражаютъ сами дикари. Базуто, обращенный въ христіанство, сказалъ однажды Меренскому: „О Богѣ мы ранѣе ничего не думали, мы лишь мечтали о немъ“. Для насъ достаточно вѣры въ присутствіе невидимыхъ силъ, достаточно размышленій первобытнаго человѣка о томъ, кто онъ такое и каково его отношеніе къ окружающему міру, чтобы констатировать зачатки религіозной мысли.

Но съ этими первобытными мышленіями мы познакомимся лучше всего, когда всмотримся въ тѣ представленія, которыя дикарь имѣетъ о духѣ своемъ.

Дикарь живетъ безпечно и весело въ кругу своихъ собратьевъ. Но вотъ онъ подвергается болѣзни, онъ умираетъ, онъ болѣе не живетъ. Его существо исчезло, не смотря на то, что тѣло его еще присутствуетъ. Но и оно лишено своей жизненной сущности и вскорѣ начинаетъ разлагаться и также исчезаетъ. Тѣло, очевидно, не имѣетъ цѣны. Отъ того-то нѣкоторые дикари столь возмутительно, на нашъ взглядъ, обращаются съ трупами своихъ родителей, выбрасывая ихъ на съѣденіе животнымъ [3]). Но это же самое явленіе, это страшное разлученіе сущности человѣка и его тѣла, наступаетъ не только при болѣзни, но и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, при тѣхъ случайностяхъ, которыми такъ богата жизнь первобытнаго человѣка на войнѣ, на охотѣ, при миграціяхъ и т. д. Если, такимъ образомъ, исчезаетъ одинъ товарищъ за другимъ, то всякъ сознаетъ, что и его не минетъ страшная участь, что и въ его жизни наступитъ моментъ, когда его существо разстанется съ тѣломъ и, когда то и

---

[1]) См. выше, стр. 135.

[2]) Schelling. Gesammelte Werke, B. II, S. 348.

[3]) Thomson. Durch Massai-Land, S. 392, однако авторъ прибавляетъ, что похоронить мертвеца, значитъ осквернить землю (S. 396). Также думали древніе иранцы и т. д.

другое исчезнутъ изъ круга обыденной жизни. Но, неужели же это существо можетъ окончательно исчезнуть? „Индѣецъ не можетъ на вѣки умереть“, говоритъ делаваръ, „ибо и зерно индѣйской пшеницы вновь оживаетъ и вновь растетъ“ [1]). Фиджійцы утверждаютъ, что возрождаются рѣшительно всѣ предметы и, что всѣ имѣютъ свои загробные міры, такъ, напримѣръ, существуетъ рай для съѣденныхъ кокосовыхъ орѣховъ [2]).

Да къ тому же, кромѣ этого окончательнаго разлученія существа и тѣла, существуетъ отдѣленіе временное. Въ болѣзни лишь часть духа оставляетъ тѣло, такъ какъ тѣло лишь частью переходитъ въ состояніе безпомощное, лишь частью разлагается [3]). Другаго рода временное отдѣленіе духа отъ тѣла представляетъ обморокъ. Наконецъ, существуетъ еще одинъ видъ временнаго отдѣленія, представляющій для человѣка нѣчто весьма отрадное и полезное—это сонъ. Смерть и сонъ братья не только въ сказаніяхъ великихъ классическихъ народовъ, но и въ представленіяхъ цѣлаго ряда племенъ болѣе или менѣе некультурныхъ. То, что видится во снѣ, имѣетъ свое реальное значеніе [4]). Эскимосы Гренландіи съ величайшимъ удовольствіемъ разсказываютъ другъ другу о томъ, что имъ удалось видѣть или сдѣлать во снѣ, и никто изъ слушателей не сомнѣвается въ реальности разсказа. Въ Иліадѣ духъ одного прорицателя имѣлъ обыкновеніе улетать. Когда онъ однажды вернулся послѣ долгаго отсутствія, онъ замѣтилъ, что жена сожгла его тѣло, и ему пришлось удалится въ страну духовъ. Малайцы исходятъ изъ той же точки зрѣнія, тщательно избѣгая того, чтобы перенести тѣло спящаго человѣка, ибо отсутствующій духъ можетъ затѣмъ не разыскать своего тѣла [5]).

Но вѣдь мы видимъ во снѣ не только людей живыхъ, т. е. сущность, духъ ихъ, но и умершихъ. Гдѣ же эти мертвецы?

Они являются во снѣ и вліяніе ихъ чувствуется повсюду въ природѣ. Они даютъ добрые совѣты. Такъ Геродотъ раз-

---

[1]) Schaffhausen. Anthropologische Studien, Bonn 1885, S. 20 ff.

[2]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Nuturvölker, B. VI, S. 672, 673.

[3]) Э. Тайлоръ. Антропологія, стр. 352.

[4]) Г. Спенсеръ. Основы соціологіи, т. I, гл. X.

[5]) Э. Тайлоръ. Антропологія, стр. 343, 344.

сказываетъ, что насамоны не только клянутся могилами предковъ, но и спятъ на нихъ ради гаданія; „что увидитъ гадающій во снѣ, тому онъ и слѣдуетъ“ [1]). Но и сами греки вѣрили въ реальность сновъ [2]), въ возможность общенія съ мертвецами и въ дѣйствительность ихъ показаній [3]). Оракулы мертвецовъ имѣлись у озера Аорноса, у рѣки Ахерона въ Ѳеспротіи, въ Гераклеѣ и т. д.

У нашихъ алтайцевъ и черневыхъ татаръ мертвецъ можетъ въ продолженіи трехъ лѣтъ насылать болѣзни (Ядринцевъ)[4]). Въ Малороссіи злой человѣкъ и послѣ смерти можетъ вредить, но съ другой стороны любящія матери навѣщаютъ своихъ дѣтей, вымываютъ и вычесываютъ ихъ, даютъ имъ наставленія; любовники не перестаютъ любовничать и послѣ смерти [5]). Но мы еще будемъ имѣть случай говорить о возвращеніи мертвецовъ на землю; здѣсь-же намъ хотѣлось лишь отмѣтить одно изъ явленій, могущихъ навести человѣка первобытнаго на мысль о существованіи души.

Но это представленіе о существованіи духа, отличнаго отъ тѣла, находитъ себѣ пищу въ цѣломъ рядѣ другихъ явленій.

Человѣку сопутствуетъ тѣнь, это „темный духъ“, который у фиджійцевъ нисходитъ въ міръ загробный [6]). Эта тѣнь состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ человѣкомъ, поэтому базуто тщательно остерегается того, чтобы тѣнь его не попала въ воду, такъ какъ крокодилъ можетъ схватить неосторожнаго человѣка за тѣнь и увлечь въ рѣку [7]). И у насъ тѣнь играетъ роль весьма значительную. Мертвецовъ и духовъ узнаютъ по отсутствію тѣни; они не имѣютъ тѣни, такъ какъ они сами тѣнь, не болѣе того. Этими-же предразсудками объясняется боязнь дикарей предъ портретированіемъ ихъ. Путешественники въ Африкѣ неоднократно избавлялись отъ

---

[1]) Геродотъ, IV, § 172, т. I, стр. 381.

[2]) J. Lippert. Die Religionen der Europäischen Culturvölker, Berlin 1881, S. 282, 283.

[3]) J. Lippert, l. c., S. 302, 373. Геродотъ V. § 92, т. II, стр. 49.

[4]) Г. Потанинъ. Очерки Сѣверо-западной Монголіи, С.-Петербургъ, 1883, т. IV. стр. 130.

[5]) П. Чубинскій. Труды экспедиціи въ Югозападный край. С.-Петербургъ, т. I, в. 1, 1872, стр. 220.

[6]) Лёббокъ, стр. 159.

[7]) Ibid.

назойливаго любопытства негровъ тѣмъ, что устанавливали фотографическій аппаратъ. У Лёббока и Андреа собрано нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ касательно вѣры дикарей въ то, что можно завладѣть частью души срисованнаго человѣка [1]).

Но представимъ себѣ далѣе, что дикарь заболѣлъ. Конечно, дѣйствительная причина заболѣванія для него неизвѣстна, но онъ лихорадитъ, онъ въ бреду и говоритъ страннымъ голосомъ, онъ обращается къ существамъ невидимымъ. Ясно, что онъ охваченъ злымъ духомъ. Если больной страдаетъ эпилепсіею или сумашествіемъ, то ясно, что его мучаютъ злые духи [2]). Нечего и говорить, что и въ данномъ случаѣ мы не находимся въ сферѣ чуждой намъ европейцамъ. На это указываетъ сильное распространеніе такъ называмыхъ кликушъ [3]) и изгнаніе злыхъ духовъ, подчасъ и до сихъ поръ практикуемое даже на Западѣ.

Но каковы-же представленія первобытнаго человѣка о духѣ? Ночныя видѣнія указываютъ ему на то, что духи обладаютъ тѣми-же жизненными потребностями и интересами, какъ и люди живые. Они въ постоянномъ общеніи съ оставшимися въ живыхъ [4]). Китаецъ держитъ въ домѣ своемъ маленькіе памятники, иногда даже лишь пластинки, въ честь своихъ предковъ. Предъ этими памятниками онъ говоритъ о происшествіяхъ въ домѣ своемъ, извѣщая предковъ такимъ образомъ о рожденіи, смерти или свадьбахъ сочленовъ семьи; въ честь предковъ устраиваются пиршества, причемъ имъ предлагаются лучшіе куски и ставится вода для омовенія. При празднествахъ, происходящихъ вечеромъ, зажигаются фонари, долженствующіе указать духамъ надлежащій путь [5]).

Китайцы получаютъ даже чины послѣ смерти, въ особенности-же за заслуги дѣтей, такъ какъ сыновья совершаютъ свои дѣла, очевидно, по внушенію покойнаго отца. Между прочимъ и Конфуцій получилъ въ теченіе вѣковъ княжескій

---

[1]) Лёббокъ, стр. 19, 20. R. Andree. Ethnographische Paralellen, Leipzig, Veit 1889, B. 2, S. 18 ff.

[2]) R. Andree. Ethnographische Paralellen, B. II, S. 1—7.

[3]) A. Bastian. Allerlei aus Volks- und Menschen-Kunde, Berlin 1888, 2. Bd., S. 111—119 (Les femmes aboyeuses по Жанету).

[4]) См. выше стр. 494, 495.

[5]) A. Bastian. Allerlei, B. II, S 119—135 (по Дулитлю).

титулъ и званіе верховнаго учителя [1]). Характерно, наконецъ, что у китайцевъ случаются даже посмертные браки, напримѣръ, сочетаніе умершихъ дѣтей, подходящихъ по возрасту; если умираетъ помолвленный, его невѣста переходитъ въ домъ родителей его [2]). Даяки на островѣ Борнео хоронятъ своихъ вождей въ хижинахъ ихъ и приносятъ имъ туда ежедневно пищу, чтобы имъ не пришлось голодать во время долгаго пути въ загробный міръ [3]). Дамара погружаютъ при ѣдѣ изображеніе мертвеца въ чашу [4]). Точно также наши остячки ухаживаютъ за изображеніемъ покойниковъ—мужей [5]). Черемисы угощаютъ предковъ три раза въ году: въ праздникъ мертвыхъ или старыхъ людей, въ великую среду и четвергъ, семикъ и праздникъ по окончанію полевыхъ работъ осенью. Для мертвецовъ между прочимъ затапливаютъ даже баню, чтобы они могли помыться [6]). По понятіямъ вотяковъ души умершихъ являются иногда къ изгородямъ, возлѣ которыхъ проходитъ дорога, и при полевыхъ воротахъ. При отправленіи на свадьбу вотяки бросаютъ у этихъ мѣстъ куски хлѣба, приговаривая: „благословите, умершіе, не нашлите на насъ болѣзни“ [7]).

Но если въ иныхъ случаяхъ ухаживаютъ за мертвецами, то въ другихъ, опять таки, приходится принимать весьма серьезныя мѣры предосторожности противъ возвращенія ихъ. Злой мертвецъ или врагъ можетъ надѣлать бѣды неисчислимыя. Поэтому, австраліецъ отрѣзаетъ у мертваго врага большой палецъ руки, чтобы лишить его возможности метать дротики [8]); онъ отнимаетъ оружіе у тѣхъ, кого онъ опасается. Галла отрѣзываютъ своими серповидными ножами половые органы даже у женщинъ и дѣтей, чтобы вражескій родъ не размножился послѣ смерти; напротивъ того,

---

[1]) Георгіевскій. Принципы жизни Китая. С.-Петербургъ, 1888 стр. 52.

[2]) Георгіевскій, l, c. стр. 37.

[3]) C. Bock. Unter den Kanibalen von Borneo, Jena, Costenoble, S. 161.

[4]) A. Bastian. Der Papua, Berlin, Wiedemann, 1885, S. 280.

[5]) Палласъ. Путешествія, т. III, 1, стр. 78. Новицкій. Описаніе о народѣ Остяцкомъ, изд. Л. Майкова, 1884, стр. 46.

[6]) И. Н. Смирновъ. Черемисы. Казань, 1889, стр. 156 и далѣе.

[7]) Гр. Верещагинъ. Вотяки Сарапульскаго уѣзда, Зап. Имп. Р. Г. Общ. по Этнографіи, т. XIV, в. 3, 1889, стр. 104.

[8]) A. Bastian, l. c., S. 160.

на могилѣ сродичей своихъ они водружаютъ изображеніе фаллуса, чтобы внушить имъ новую юношескую силу [1]); точно также древніе египтяне прилагали изображеніе фаллуса къ женскимъ муміямъ, символизируя такимъ образомъ свои надежды на возрожденіе [2]). Троглодиты Страбона привязывали ноги мертвецовъ къ головѣ и забрасывали ихъ каменьями [3]). Если у инородцевъ южнаго Китая кто либо увидитъ мертвеца во снѣ, то онъ на другой день кладетъ камень на его могилу, приговаривая: „не возвращайся вторично". При похоронахъ не принято оглядываться назадъ [4]). Дамара разбиваютъ мертвецамъ позвоночный столбъ; даяки окружаютъ могилу острыми кольями; гвинейскіе негры посыпаютъ дорогу, по которой пришлось бы идти возвращающемуся мертвецу терновыми шипами [5]). Черемисы обводятъ могилу срубомъ, просятъ прощенія у покойника и стараются не взглянуть на него, когда его проносятъ, чтобы онъ не захватилъ ихъ съ собою; съ другой же стороны они считаютъ возможнымъ навлечь злобу мертвеца на врага [6]). Эсты принимаютъ рядъ мѣръ противъ возвращенія мертвецовъ и между прочимъ стараются вести своихъ покойниковъ по возможно болѣе тряскимъ дорогамъ; они этимъ оглушаютъ ихъ до такой степени, что тѣ забываютъ дорогу домой [7]). Весьма важно выполнить всѣ обряды надъ мертвецомъ, въ особенности-же тщательно похоронить его, иначе онъ вѣчно будетъ блуждать и страдать [8]). Полинезійцы слышатъ, какъ души непогребенныхъ блуждаютъ ночью и жалобно стонутъ: „у, какъ холодно, какъ холодно!" [9]). Къ этому-же разряду явленій относится, наконецъ

---

[1]) R. Hartmann. Abyssinien und die übrigen Gebiete der Ostküste Afrikas. Leipzig, Freytag 1883, S. 161.

[2]) F. Liebrecht. Einige Beiträge zur Geschichte der Frauen, Germania 1888, B. XXXIII, S. 250, см. литературу по этому вопросу.

[3]) Страбонъ. Географія. Книга XVI, § 17, перев. Мищенки, Москва 1879, стр. 793.

[4]) А. Ивановскій. Матерьялы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая. С.-Петербургъ 1887, т. I, в. 2 стр. 31.

[5]) A. Bastian. Der Papua, S. 39 f.

[6]) И. Н. Смирновъ. Черемисы. Казань, 1889, стр. 150, 151, 153, 169.

[7]) Aus dem Esthnischen Volksleben. Deutsche Rundschau, B. VIII, 1881. H. 5, S. 206.

[8]) Tylor. Anfänge der Kultur, B. II, S. 28.

[9]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvolker, B. VI, S. 304.

и то, что дикари обыкновенно покидаютъ жилища, въ которыхъ кто либо умеръ, не называютъ имени мертвеца и быстро оставляютъ умирающихъ.

Подобныя поступки не должны, однако, казаться слишкомъ нелѣпыми въ глазахъ европейцевъ. Въ Парижѣ въ день Всѣхъ Святыхъ на кладбищѣ Père Lachaise кладутъ пирожки на могилы. Въ Бретани въ этотъ день зажигаютъ въ крестьянскихъ домахъ спеціальный огонь и ставятъ на столъ пищу для мертвецовъ. Въ Тиролѣ жители долины Альпахъ вѣрятъ въ то, что души отпускаются въ день Всѣхъ Святыхъ до праздничнаго звона слѣдующаго дня изъ чистилища; поэтому, въ вечеръ перваго дня зажигается на очагѣ сальная „свѣча для душъ"; бѣдныя души приходятъ смазать свои обжоги, полученные въ чистилищѣ [1]). Въ другихъ мѣстахъ Тироля на столъ ставятъ явства. Въ восточной Пруссіи зажигаютъ въ сочельникъ свѣчу, около которой духи могутъ грѣться [2]). Во время тризны по покойному духъ его сидитъ за большимъ полотенцомъ, повѣшеннымъ на двери или за столомъ [3]). У межи деревни кладется пукъ соломы, на которомъ онъ можетъ присѣсть и отдохнуть, когда онъ дня чрезъ три или девять послѣ смерти навѣститъ своихъ [4]). Нельзя быстро выливать воду за дверь и наступать на порогъ новаго дома, тамъ мертвецы [5]). Такія-же воззрѣнія встрѣчаются и среди славянъ. Характерно для русскихъ уже одно обиліе поминокъ [6]), въ родѣ вселенской, родительской субботы, дмитріевской, радоницы, которыя всѣ, какъ извѣстно, „начинаются за упокой, а кончаются за здравье". Пиръ происходитъ на могилѣ; къ участью его приглашаются покойники. Въ Бѣлоруссіи извиняются предъ покойниками, что мало принесли, и поливаютъ могилу брагою, пивомъ, водкою [7]). Въ Великоруссіи на Ѳоминой приносятъ красныя яички мертвымъ, втыкая ихъ въ могильную насыпь. На могилѣ ка-

---

[1]) A. Wuttke. Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart, Berlin Grieben, 2. Aufl, 1869, S. 442.

[2]) Wuttke, S. 441.

[3]) l. c., S. 440.

[4]) l. c., S. 439.

[5]) l. c., S. 441.

[6]) Терещенко, т. III, стр. 119.

[7]) l. c., стр. 122.

*

таютъ яйца и затѣмъ зарываютъ ихъ въ могилу [1]). На рѣкѣ Ояти семья умершаго ожидаетъ его прибытія на сороковой день кончины; въ это время душа отпускается на сутки, чтобы окончательно проститься. Изба чисто прибрана, на столѣ обѣдъ. Священикъ служитъ литію. Затѣмъ садятся за столъ, причемъ по правую руку отъ священика стоитъ пустой приборъ съ наполненнымъ стаканомъ. Родственники угощаютъ священика словами: „кушай-тко батюшка", а затѣмъ обращаются къ мертвецу, говоря: „кушай-тко родоименькой". Затѣмъ опять литія, причемъ всѣ плачутъ, такъ какъ тутъ-то душа окончательно прощается [2]).

Уже выше [3]) мы указывали на то, что мертвецы поддерживаютъ свои сношенія съ оставшимися въ живыхъ. Интересно, что и у древнихъ славянъ холостой человѣкъ могъ жениться послѣ смерти [4]). На западѣ въ эпоху такъ называемой новой исторіи еще вѣрили въ то, что возможно зачатіе женщины отъ мертвеца или вообще отъ отсутствующаго человѣка. Въ 1637 году парламентъ въ Греноблѣ постановилъ считать законнымъ ребенка женщины, не видавшей своего мужа въ продолженіи четырехъ лѣтъ, въ виду увѣреній ея, что мужъ приходилъ къ ней во снѣ. Такое зачатіе обозначалось какъ Lucina sine concubitu [5]). Не мало принимается и у насъ европейцевъ мѣръ противъ возвращенія опасныхъ людей съ того свѣта; весьма дѣйствительнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ считается у русскихъ, какъ извѣстно, пробуравленіе мертвеца осиновымъ коломъ [6]). Въ Германіи принимается цѣлый рядъ мѣръ противъ возвращенія мертвеца, такъ его выносятъ не изъ двери, а изъ оконъ, съ нимъ всячески колесятъ, прежде чѣмъ придти на кладбище, чтобы сбить его съ пути; наконецъ, на дорогѣ разливаютъ воду, чрезъ кото-

---

[1]) По устнымъ сообщеніямъ г. Епифанова, студента Имп. С.-Петербургскаго университета, въ Ставропольской губерніи по поводу этихъ яицъ прямо говорятъ: „пусть и покойники на томъ свѣтѣ покатаютъ яйца другъ съ другомъ".

[2]) И. Хрущовъ. Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти. Зап. Имп. Р. Г. Об. по Этнографіи, т. II, 1869, стр. 65 и 66.

[3]) См. выше, стр. 496.

[4]) Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ. С.-Петербургъ, 1861, стр. 142.

[5]) Ploss-Barthels. Das Weib, B. I, S. 327.

[6]) Чубинскій. Труды экспедиціи въ Юго-Западный край, т. I, в. 1 стр. 206.

рую душа не въ состояніи переправиться безъ посторонней помощи [1]); при похоронахъ не оглядываются [2]).

Но мы должны еще остановиться на похоронныхъ обрядахъ, такъ какъ они дадутъ намъ возможность глубже проникнуть въ представленія первобытнаго человѣка о самомъ себѣ и объ окружающей его природѣ. Извѣстно, что дикари зачастую снабжаютъ своихъ мертвецовъ цѣлымъ рядомъ предметовъ, могущихъ имъ пригодиться въ загробной жизни. Въ гробъ вотяка кладутъ шапку, рукавицы, денегъ, каточекъ, а если покойникъ курилъ, табакъ, трубку и т. д., при этомъ приговариваютъ, что пусть онъ „тамъ" не нуждается; женщинѣ кладутъ серебрянныя монеты [3]). Черемисы угощаютъ мертвецовъ на дорогу блинами, говоря: „не ходи, не ѣвши, не пивши, голодая", кромѣ этого имъ еще за пазуху кладутъ три куска блиновъ, а въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ раскрываютъ покойнику ротъ и вливаютъ немного водки. Наконецъ, мертвецовъ снабжаютъ всякою необходимою утварью, а въ Красноуфимскомъ уѣздѣ даже подушкою, войлокомъ и бѣльемъ по парѣ [4]). Корейцы хоронятъ съ мертвецами не только различные предметы обихода, помѣщаемые въ новомъ мѣшкѣ, но и ногти рукъ и ногъ его, остриженные при жизни. Въ ротъ покойнику прыскаютъ ложку съ рисомъ, называя его по имени; по обѣ стороны рта кладется по жемчужинѣ. Въ Китаѣ у бѣдныхъ кладутъ въ ротъ нѣсколько маленькихъ свертковъ съ чаемъ, а у богатыхъ яшму, чтобы ротъ не былъ пустъ. Въ Японіи у бѣдныхъ кладется рисъ, у богатыхъ двѣ жемчужины. Положивши покойника въ гробъ, корейцы приносятъ три жертвы изъ рыбы, мяса съ виномъ и плодами; первая жертва воздается духамъ, встрѣчающимъ душу мертвеца; она выбрасывается внѣ дома; вторая—духамъ, руководящимъ покойникомъ: третья самимъ покойникамъ [5]). Китайцы въ прежнія времена устраивали надъ гро-

---

[1]) J. Lippert. Die Religionen der Europäischen Culturvölker, S. 43.

[2]) Wuttke. Der deutsche Volksaberglaube, S. 436.

[3]) Верещагинъ. Вотяки Сосновскаго края. Зап. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по отд. Этнографіи, т. IV, 1886 г. стр. 29.

[4]) Смирновъ. Черемисы, стр. 147, 152.

[5]) Отано Кигоро. Записки переводчика, переведено и дополнено Дмитревскимъ, Зап. Имп. Р. Г. Общ. по Общей Географіи т. XII, 1884, стр. 146, 147.

бами балдахины въ видѣ первоначальной палатки, съ особою крышею и спускающимися съ нея водосточными трубами; все должно было напоминать, что покойникъ ѣдетъ въ своемъ собственномъ жилищѣ [1]). Съ покойникомъ погребались жены его, хотя и не обязательно; съ императоромъ Цинь-ши-хуаномъ погребены были его жены, неимѣвшія дѣтей; погребались и слуги въ большомъ числѣ [2]). Точно также съ мертвецами сжигалось и множество вещей; впрочемъ, китайцы и въ данномъ случаѣ показали себя величайшими практиками и въ тоже время величайшими идеалистами. Вмѣсто дѣйствительныхъ вещей, они сжигаютъ модели ихъ, напримѣръ, изъ бумаги, доходя при этомъ до крайнихъ предѣловъ щедрости. Фантазія китайцевъ одобряетъ даже такія выходки сыновней любви: мать одного китайца имѣла пристрастіе къ картамъ; сынъ ея сжегъ для нея нѣсколько чучелъ, партнеровъ, съ разложенными на столѣ картами [3]). Нѣчто подобное дѣлаютъ, кстати замѣтить, и наши черемисы, когда они вмѣсто цѣлаго коня приносятъ керемету въ жертву лишь носы, ноги, уши, а въ Козмодемьянскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ даже одни пряники съ оттиснутой на нихъ фигурой лошади [4]).

Въ Индіи въ свое время, какъ извѣстно, сжигались вдовы, зачастую совершенно добровольно [5]), вмѣстѣ со своими покойными мужьями. Запреты, положенные англичанами на этотъ, въ нашихъ глазахъ, ужасный обычай, возбудили не мало неудовольствія, являясь по мнѣнію индійцевъ, тѣмъ большимъ насиліемъ, что положеніе вдовъ въ Индіи въ высшей степени тягостно. Въ древнемъ Перу жены короля душили себя; тоже дѣлали онѣ на островахъ Фиджи и т. д. [6]). Но точно также умерщвляетъ себя и Брунгильда, чтобы послѣдовать за своимъ Сигурдомъ, причемъ она велитъ сжечь съ собою слугъ, двухъ собакъ и двухъ кречетовъ; она требуетъ, чтобы женская прислуга ея послѣдовала за нею [7]). По Ибнъ-

---

[1]) Георгіевскій. Принципы жизни Китая, стр. 33.

[2]) Георгіевскій, стр. 35, 37.

[3]) Георгіевскій, стр. 42.

[4]) Смирновъ. Черемисы, стр. 196.

[5]) Schlagintweit. Indien in Wort und Bild, B. II, S. 150.

[6]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. IV, S. 461, 462, B. VI, S. 640.

[7]) Lied von Sigurd, 64, 50.

Фодлану[1]) у руссовъ въ обычаѣ было сожигать съ покойникомъ умерщвленную дѣвушку рабыню, а если онъ былъ женатъ, то и жену его[2]); по Ибнъ-Дасту жена замуравливается[3]).

Замѣчательно, что обычай хоронить съ человѣкомъ дорогіе ему предметы удерживается, въ ослабленной, конечно, степени, и по настоящее время у народовъ культурныхъ. Мы не говоримъ о томъ, что мы, по чувству піэтизма, одѣваемъ нашихъ покойниковъ въ лучшія и новыя одежды, но мы должны здѣсь вспомнить, что еще въ 1781 году въ Тріестѣ похоронена была съ однимъ высокопоставленнымъ военнымъ его любимая лошадь[4]), а по газетнымъ извѣстіямъ, шесть лошадей изабелловой масти, везшихъ погребальную колесницу Фридриха Вильгельма II, послѣдняго курфирста Гессенскаго, скончавшагося въ 1874 году, были застрѣлены[5]). Съ другой стороны, какъ древнія сказанія, такъ и новѣйшія изслѣдованія свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что нынѣшніе европейцы вполнѣ достойны своихъ предковъ по части святой вѣры въ то, что неодушевленные предметы могутъ переходить въ загробный міръ совмѣстно съ покойниками. Въ извѣстныхъ частяхъ Германіи на покойниковъ надѣваютъ „Höllenstiefel“, адскіе сапоги; имъ даютъ свѣчку съ собою, а иногда даже зонтикъ и галоши[6]); въ Швейцаріи покойнику кладутъ въ гробъ иголку и нитку, на тотъ случай, что ему придется починиться, прежде чѣмъ предстать предъ Богомъ. Славяне кіевскіе зарывали съ мертвецомъ плетенныя изъ ремней лѣстницы и клали ему на запасъ всяческіе припасы, въ головахъ— кружку меду, пива и хлѣбъ[7]); литовцы снабжали покойника когтями рыси или медвѣдя для того, чтобы карабкаться по

---

[1]) C. M. Frähn. Ibn Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, Petersburg 1823, S. 13 ff.

[2]) Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва, 1868, стр. 231, Ибнъ-Дастъ, перев. Хвольсона. С.-Петербургъ, 1869, стр. 126 и далѣе.

[3]) Ибнъ-Дастъ, стр. 40.

[4]) Тайлоръ. Антропологія, стр. 316.

[5]) V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, Berlin, Bornträger, 4 Aufl. 1883, S. 444.

[6]) Wuttke. Der deutsche Volksaberglaube, S. 434.

[7]) Терещенко. Бытъ русскаго народа, т. Ш, стр. 79, 84.

крутой скалѣ [1]). Почти во всѣхъ странахъ мертвецу даютъ монету въ руки, подобно тому какъ это дѣлали древніе греки. Въ Архангельской губерніи монету кладутъ иногда на ротъ покойнику [2]). Въ Германіи эту монету кладутъ покойнику въ руку или въ ротъ [3]). Въ день смерти домохозяина или хозяйки необходимо извѣстить объ этомъ какъ скотъ его, такъ и пчелъ, и сады, и поля, иначе все это погибнетъ. Скотъ переставляется въ стойлахъ, запасы въ закромахъ перемѣшиваются. Сосѣдъ передаетъ сосѣду вѣсть о смертномъ случаѣ, послѣдній же громко сообщаетъ о немъ подъ открытымъ небомъ, лучше всего у дуба, иначе кто-нибудь умретъ въ домѣ его [4]).

На основаніи предыдущаго, мы можемъ себѣ легко представить, что покойнику нетрудно послать вѣсточку съ слѣдующимъ за нимъ покойникомъ. Обычай „Ада" въ Дагомеѣ влечетъ засобою смерть нѣсколькихъ сотъ людей, которые частью умерщвляются на могилѣ покойнаго короля, частью же посылаются ему вслѣдъ съ извѣстіями о новѣйшихъ событіяхъ въ его государствѣ [5]). Старикъ чукча, собирающійся добровольно покинуть міръ земной, принимаетъ порученія для родственниковъ, умершихъ уже ранѣе его [6]). Но покойника въ состояніи розыскать даже и безжизненные предметы. Періандру, деспоту Коринѳскому, явилась, какъ разсказываетъ Геродотъ, во снѣ его умершая жена съ жалобою на недостатокъ въ платьяхъ. Деспотъ велѣлъ созвать всѣхъ женщинъ Коринѳа въ храмъ Геры. Онѣ явились туда въ праздничныхъ платьяхъ, но тотчасъ же были раздѣты, а платья ихъ, посвящены покойной Мелиссѣ и сожжены [7]). Мы уже выше говорили о томъ, что мертвецамъ передаются угощенья и подарки на могилѣ ихъ или въ соотвѣтствующихъ случаю мѣс-

---

[1]) Bastian. Der Papua, S. 308.

[2]) П. Ефименко. Матеріалы по этнографіи Русскаго населенія Архангельской губ. Об. любит. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XXX, 1877, стр. 135.

[3]) Wuttke, S. 434. Интересныя сопоставленія, указывающія на значительное распространеніе обычая снабжать мертвецовъ деньгами, собралъ Andree, Ethnographische Paralellen, B. 2, S. 24, 29.

[4]) Wuttke, S. 430, 431.

[5]) Ausland, 1861, S. 407.

[6]) Bastian. Der Papua, S. 235.

[7]) Геродотъ, V, 92, перев. Мищенко, т. II, стр. 48, 49.

тахъ [1]) и, что чукчи, повидимому, умѣютъ лишать жизни даже и вещи, преподносимыя мертвецу; они разламываютъ ихъ. Точно также поступаютъ гаросы, одно изъ горныхъ племенъ Индіи: и они разламываютъ вещи, возлагаемыя на могилы покойниковъ [2]). Весьма понятно, что тутъ все дѣло въ выраженіи, такъ сказать, смерти даннаго предмета, а не въ желаніи отдѣлаться отъ необходимости оберегать могилы предковъ отъ расхищенія [3]). Могилы настолько святы для дикаря, что онъ ихъ не тронетъ и никогда не уклонится отъ того, чтобы защитить ихъ, если бы ему, напримѣръ, съ приходомъ европейцевъ, представилась къ тому надобность.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ одухотвореніи неодушевленныхъ предметовъ со стороны дикаря. Въ несомнѣнной естественности этого процесса для ума первобытнаго насъ могутъ убѣдить наши собственныя дѣти. Подобно первобытному человѣку ребенокъ не возвысился еще надъ природою; онъ живетъ одною общею жизнею съ природою. Норма, къ которой онъ пріурочиваетъ все окружающее его, еще у́же, еще субъективнѣе нормы обыденнаго культурнаго человѣка, судящаго, какъ извѣстно, о чуждыхъ народахъ по своимъ собственнымъ воззрѣніямъ. Ребенокъ еще увѣреннѣе относитъ все къ себѣ и во все вкладываетъ свою собственную душу. Палка для него лошадь и притомъ лошадь, которая бѣжитъ и можетъ ѣсть; кукла спитъ, она болѣетъ, она играетъ, она капризничаетъ. Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ, что ребенокъ отнюдь не считаетъ куклу дѣйствительно живою и что онъ испугался бы не менѣе насъ, если бы эта кукла, напримѣръ, укусила его. Мы вполнѣ увѣрены въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ Спенсеръ правъ; ребенокъ бы непремѣнно испугался, потому что кусающаяся кукла явленіе вполнѣ необычное и страшное. Но съ другой стороны, мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ моментъ игры душа ребенка вполнѣ лежитъ въ его игрушкѣ. Наблюдая за дѣтьми мы видимъ, что они бьютъ „злой“ стулъ, объ который они ушиб-

---

[1]) Не можемъ не вспомнить здѣсь о томъ, что постановленія Никейскаго собора были возложены на могилы, умершихъ во время собора, епископовъ Хрисанѳа и Мизонія для подписи ихъ. Bastian. Der Papua, S. 219.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 208.

[3]) Bastian. (Der Papua, S. 301) ограничивается этимъ объясненіемъ.

лись, и ласкаютъ „хорошій“ стулъ за то, что онъ имъ помогъ добраться до матери. Это уже не игра, это антропоморфизація.

Точно также поступаютъ и дикари. Вождь кафровъ-амохоза, въ классическомъ примѣрѣ Лихтенштейна [1]), велѣлъ отломать кусокъ отъ якоря, выброшеннаго на берегъ моря. Человѣкъ, исполнившій его порученіе, вскорѣ умеръ. Всѣмъ было ясно, что якорь отомстилъ за себя и съ тѣхъ поръ уже никто не прикасался къ нему. Если негру нужно срубить дерево, онъ послѣ перваго удара поливаетъ насѣчку пальмовымъ масломъ, любимымъ лакомствомъ своимъ; такимъ образомъ онъ умилостивляетъ духа дерева и этимъ ограждаетъ себя отъ того, чтобы дерево его не убило. Алтайцы и буряты приносятъ жертвы духамъ горныхъ переходовъ, рѣкъ или озеръ; они зажигаютъ трубку и выбрасываютъ табакъ на воздухъ, если же табаку у нихъ мало, то они ограничиваются тѣмъ, что протягиваютъ трубку впередъ. Черскій разсказываетъ, что эти инородцы привѣтствуютъ духовъ наклоненіемъ головы и радостною улыбкою [2]). Если индѣецъ Сѣверной Америки переправляется чрезъ рѣку, то онъ приноситъ ей жертву [3]): щепотку табаку, а если онъ проѣзжаетъ опасныя стремнины, то онъ бросаетъ въ нихъ подарки болѣе цѣнные: ножъ, трубку, большее количество табаку, рому и т. д. Ксерксъ велѣлъ избить Геллеспонтъ кнутами и бросилъ въ него желѣзныя оковы за то, что погибли, наведенные имъ мосты [4]): но онъ сдѣлалъ это, конечно, не самодурства ради, а въ виду того, что персы одушевляли воду. Переходъ въ бродъ чрезъ рѣку считался оскверненіемъ воды, а сооруженіе мостовъ дѣломъ благочестивымъ. Персы приносили рѣкамъ жертвы; Ксерксъ, напримѣръ, посвятилъ Стримону бѣлаго коня. Пароянe приносили еще во времена Тиверія въ жертвы Евфрату коней, а трояне бросали живыхъ коней въ водоворотъ Скамандра [5]). Вода,

---

[1]) Lichtenstein. Reisen im südlichen Afrika in den Jahren 1803, 4, 5, 6. Berlin, Th. I, S. 411.

[2]) Гр. Потанинъ. Очерки Сѣверо-Западной Монголіи, стр. 123.

[3]) Тайлоръ. Антропологія, стр. 355.

[4]) Геродотъ, VII, § 34, 35, т. II, стр. 153.

[5]) V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, S. 42, 43. Относительно древнихъ славянъ. Макушевъ, сказанія etc. стр. 77.

животворящее начало въ странахъ жаркихъ и сухихъ; не трудно понять, поэтому, почетъ, воздаваемый ей и обоготвореніе рѣкъ Ганга, Нила, Оби и другихъ [1]). Первобытный человѣкъ, какъ мы видѣли, прежде всего антропормифистъ, поэтому онъ одухотворяетъ всѣ великія силы и явленія природы, съ которыми связана его жизнь. Грозность или благодѣтельность этихъ жизненныхъ факторовъ пробуждаетъ въ душѣ человѣка то чувство благоговенія предъ высшею силою и то сознаніе своего собственнаго ничтожества, которое, конечно, никогда не заронитъ въ него одно представленіе о духѣ, отличномъ отъ тѣла.

Отсюда почитаніе солнца, луны и звѣздъ небесныхъ, молніи и грома, огня, воды, плодородной матери земли и т. д. „Все то, что является общимъ для человѣчества и служитъ общей потребности, то разсматривается имъ, какъ божественное, такъ вода, свѣтъ, весна; даже земля считается не только божественною, но даже божествомъ, богинею". Такъ училъ въ свое время уже Плутархъ [2]). Дѣйствительно земля — мать всей органической природы и даже людей [3]). Не менѣе того антропоморфизируются всѣ другія явленія природы: громъ голосъ боговъ у индоевропейцевъ [4]), но точно также и у скромныхъ остяковъ и у воинственныхъ масаевъ [5]). „У народовъ классическихъ вѣковъ, говоритъ Преллеръ [6]), было несравненно болѣе чутья, чѣмъ у людей современныхъ, къ демоническому элементу въ природѣ, который выражается въ тиши лѣсной, среди высящихся горъ, журчащихъ источниковъ, и могущественно вліяетъ на воспріимчивую душу человѣка. Здѣсь они слышали болѣе явственно голосъ божества, и рѣдко такое мѣсто оставалось безъ религіознаго освященія". Но правъ былъ Гёте, говоря, что человѣкъ всегда забываетъ о томъ, какой онъ антропоморфистъ. Это

---

[1]) См. выше, стр. 246, 247.

[2]) Fr. Rauber. Urgeschichte des Menschen, Leipzig, 1882, B. I, S. 132.

[3]) Е. Будде. Миѳическій элементъ въ русской народной словесности. Филологич. Зап. 1885, стр. 39.

[4]) F. Schwarz. Die poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen, Berlin, Heitz 1879, B. II, S. 137 и далѣе.

[5]) Castrén. Reisen im Norden, St. Petersburg, Akademische Ausgabe, B. II, S. 108.

[6]) L. Preller. Römische Mythologie, Berlin, Weidemann, 2. Aufl. 1865, S. 95.

опоэтизированіе природы, эта общность жизни съ природою отнюдь не отличаетъ однихъ только представителей классическихъ вѣковъ [1]).

Въ свое время Шиллеръ [2]) и Гервинусъ [3]) сомнѣвались въ чутьѣ древнихъ къ красотамъ природы, тогда какъ для насъ теперь вполнѣ ясно, что народы классическихъ вѣковъ были болѣе воспріимчивы къ жизни и красѣ природы, чѣмъ мы люди культурные, отдалившіеся отъ природы. Точно также мы не сомнѣваемся въ томъ, что настанетъ пора лучшей оцѣнки отношеній къ природѣ племенъ неевропейскихъ. Говоря объ искусствѣ у дикарей, мы будемъ имѣть случай указать на то, что и они глубоко вникаютъ въ природу. Религіозныя мечтанія ихъ, сводящіяся на антропоморфизацію окружающаго міра, служатъ намъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу тѣснаго общенія ихъ съ природою.

На ряду съ представленіями о духѣ, такимъ образомъ, выступаетъ передъ нами, какъ одинъ изъ мотивовъ, способствующихъ выработкѣ первобытныхъ религіозныхъ представленій, чувство зависимости человѣка отъ высшихъ силъ. Это чувство, о которомъ какъ объ основѣ религіозной мысли говоритъ и теософъ Шлейермахеръ и матеріалистъ Фейербахъ, является тою силою, которая придаетъ дѣйствительную религіозную жизнь анимистической дѣятельности человѣческаго ума. На этой-то канвѣ раскидываетъ свои пестрые узоры неугомонная фантазія человѣка, съ любовью и пытливостью всматривающагося въ окружающую его природу и слишкомъ часто замѣняющаго недостающее ему пониманіе явленія смѣлою поэтическою картиною.

---

[1]) Объ отношеніи древнихъ къ природѣ смотри кромѣ цитированныхъ уже сочиненій: H. Motz. Ueber die Empfindung der Naturschönheit bei den Alten, Leipzig 1865. W. Mannhardt. Wald- und Feldkulte. Berlin, Bornträger, B. II. Antike Wald- und Feldkulte, 1877. A. Biese. Die Entwickelung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern, Kiel, 1882—1884. см. также A. Biese. Die Entwickelung des Naturgefühls im Mittelalter und der Neuzeit, Leipzig, Veit 1888.

[2]) Fr. Schiller. Ueber naive und sentimentale Dichtung.

[3]) Gervinus. Litteraturgeschichte, B. I, S. 134.

Глава XXIII.

Религіозныя представленія дикарей.

(Продолженіе).

Исканіе причинъ.—Недостаточное развитіе способности наблюденія.—Фетишъ и фетишистъ.—Пренебрежительное отношеніе дикарей и народовъ юныхъ культуръ къ своимъ богамъ.—Колдовство общедоступное.—Нагакъ.—Колдованіе надъ именемъ человѣка.—Колдовство профессіональное.—Шаманы.—Психика шамановъ.—Посвященіе въ шаманы.—Кудесничество у европейцевъ.—Скептики среди дикарей и на зарѣ культуры.—Элементъ истины въ религіозныхъ воззрѣніяхъ дикарей.—Представленія о возмездіи въ загробномъ мірѣ.—Дуализмъ.—Творческій элементъ въ религіозныхъ представленіяхъ.—Сводъ мнѣній о происхожденіи религіи дикарей.

Мы познакомились въ прошлой главѣ съ отношеніемъ первобытнаго человѣка къ окружающей его природѣ. Но поклоненіемъ пользуются отнюдь не одни только великія явленія природы, предъ которыми дикарю приходится благоговѣть и трепетать, находя, выражаясь словами поэта, „тайную прелесть въ самомъ ужасѣ“. Робкій дикарь повсюду окруженъ невѣдомыми вліяніями; по неразвитости своего логическаго мышленія, а главное по недостаточному знакомству съ природою, онъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ причинахъ и послѣдствіяхъ. Всматриваясь въ природу, онъ слишкомъ легко успокаивается на видимой причинности, не отыскивая причинности истинной. „Разсмотрѣніе первыхъ ступеней человѣческаго развитія, представляемыхъ намъ дикими народами, положительно утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что сознательное и намѣренное содѣйствіе ума въ приспособленіи человѣка къ внѣшнему міру не велико“ [1]).

---

[1]) Г. Маудсли. Физіологія и Патологія души, перев. Исаина, Спб. 1871, стр. 33.

Дѣйствительно, исторія культуры человѣчества есть исторія постепенной борьбы индивидуальности человѣка съ природою. На первобытной ступени человѣкъ, такъ сказать, отдаетъ себя теченію жизни. При дальнѣйшихъ шагахъ своихъ онъ научается ступать все болѣе и болѣе твердо. Онъ всматривается въ природу, онъ относится сознательно къ ней. Предъ нимъ все болѣе и болѣе ясно выступаетъ связь между причиною и послѣдствіями; лишь благодаря этому, онъ въ состояніи отстоять свою индивидуальность.

Крайняя неразвитость способности наблюденія представляетъ, къ сожалѣнію, весьма обыденное явленіе даже и среди европейцевъ. Всѣмъ намъ извѣстно, до какой степени распространены суевѣрія среди людей культурныхъ. Нерѣдко, такъ называемые, образованные люди придаютъ роковое значеніе случайнымъ встрѣчамъ, извѣстнымъ числамъ, въ родѣ 13, днямъ и другимъ примѣтамъ [1]). Извѣстныя профессіи прославились у насъ своимъ суевѣріемъ, напримѣръ, игроки, охотники, артисты, политическіе авантюристы и т. д. Извѣстно, наконецъ, какую роль играютъ амулеты всякаго рода въ жизни темнаго народа, въ особенности въ римско-католическихъ странахъ. Не намъ, поэтому, укорять дикаря въ томъ, что онъ въ отыскиваніи зависимостей поступаетъ еще легкомысленнѣе насъ, что онъ еще болѣе насъ вѣритъ въ дѣйствительную силу тѣхъ явленій, къ которымъ онъ ошибочно пріурочиваетъ извѣстные факты. Въ непосредственную связь съ даннымъ происшествіемъ приводится именно то явленіе, которое совпадаетъ по мѣсту и времени съ нимъ и въ тоже время поразило встревоженную фантазію дикаря. Это, быть можетъ, какой нибудь необыденный камень, рогъ, кусокъ дерева и т. д. Иногда достаточно дикарю немного подправить это странное явленіе, чтобы оно стало еще страннѣе [2]). Если данное случайное явленіе поддержитъ свою репутацію, оно будетъ пользоваться почетомъ, если же оно окажется недѣйствительнымъ, то дикарь покидаетъ его тотчасъ же; онъ за-

---

[1]) Весьма цѣнныя указанія на удивительное сходство нашихъ европейскихъ взглядовъ по отношенію къ выбору дней, дурному глазу, всяческимъ симпатіямъ и суевѣріямъ собраны у R. Andree. Ethnographische Paralellen, B. I и II, 1878—1889.

[2]) M. Buchner. Kunst und Witz der Neger, Ausland, 1884, S. 9 ff.

мѣняетъ его другимъ, слѣдуя при этомъ, конечно, и примѣру и опыту сотоварищей своихъ и людей свѣдущихъ. Отношеніе первобытнаго человѣка къ этому мнимому отвѣтчику за всѣ случающіяся съ нимъ происшествія, въ высшей степени своеобразное. Данный предметъ, или назовемъ его фетишъ [1]), господствуетъ надъ своимъ поклонникомъ, но его почитатель вмѣстѣ съ тѣмъ и создатель его. Палласъ разсказываетъ намъ, какъ остяки угощаютъ своихъ фетишей, въ случаѣ благополучія, кровью сѣвернаго оленя и прочими лакомствами; если же стадо остяка подвергается падежу, то онъ бросаетъ фетиша объ земь и разбиваетъ въ куски [2]). Если негръ намѣренъ совершить что либо дурное, напримѣръ, украсть что нибудь, то онъ прячетъ своего фетиша [3]) и поступаетъ въ данномъ случаѣ точно также, какъ наши дѣти, которыя переворачиваютъ портретъ отца лицомъ къ стѣнѣ, когда они подбираются къ запретному лакомству. Если базуты устраиваютъ нападеніе на сосѣднюю деревню, то они подходятъ къ ней, подражая свисту и крикамъ пастуховъ. Они думаютъ этимъ обмануть фетишей враждебной деревни, внушивъ имъ мысль, что имъ пригоняется на жертву скотъ [4]); иначе они могли бы предупредить своихъ хозяевъ. Въ общемъ, представленія дикаря объ умственныхъ качествахъ своихъ боговъ крайне не велики [5]). Камчадалы отзываются съ большимъ неуваженіемъ о главномъ богѣ своемъ Куткѣ. Когда Коцебу имъ, однажды, выставилъ на видъ всю недостойность такого отношенія къ богамъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Ахъ, что, если бы Кутка не былъ такъ глупъ, то вѣдь онъ не сотворилъ бы непроходимыхъ горъ, стремительныхъ рѣкъ“ [6]). Фетишъ умираетъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ; для другихъ лицъ этотъ фетишъ не существуетъ, онъ

---

[1]) Португальцы обозначали предметы поклоненія западноафриканскихъ негровъ словомъ фетишъ, производнымъ отъ испорченнаго слова factiço (отъ латинскаго factitius, сдѣланный искусственно). См. Max. Müller. Vorlesungen über den Ursprung der Religion, Strassburg 1880, S. 68 f.

[2]) Палласъ. Путешествія, т. III, 1, стр. 78.

[3]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 165.

[4]) Ibid.

[5]) Не лишнимъ будетъ здѣсь вспомнить о томъ, какъ умѣло герои нашихъ сказокъ надуваютъ черта. Таковъ характеръ демонологическихъ разсказовъ всѣхъ народовъ.

[6]) Лёббокъ, l. c., стр. 164.

не поражаетъ ихъ фантазіи, если только, дѣйствительно, онъ не отличался особою удачею или же особенно своеобразнымъ видомъ. Когда умираетъ томскій самоѣдъ, его фетиша бросаютъ въ рѣку [1]). Фетишъ можетъ подвергаться всевозможнымъ бѣдамъ: однажды, у самоѣдовъ во время пожара мѣдный фетишъ расплавился; его сочли за умершаго и покинули [2]). Кстати замѣтить, этотъ фетишъ не былъ уже предметомъ поклоненія одного лица, а напротивъ того, считался племеннымъ фетишомъ.

На берегу Лоанго существуютъ оригинальные фетиши, въ видѣ человѣческой фигуры, тѣло которой сплошь утыкано гвоздями. Эти фетиши служатъ прежде всего для божьяго суда. Человѣка, котораго подозрѣваютъ, напримѣръ, въ воровствѣ, приглашаютъ вбить въ этотъ фетишъ раскаленный гвоздь. Если онъ виновенъ, то фетишъ ему, конечно, никогда не проститъ обиды. Поэтому-то негры всегда готовы покаяться въ своемъ преступленіи, лишь бы имъ избѣжать гнѣва фетиша [3]). Но, конечно, несравненно болѣе, чѣмъ у дикарей, оформлено это пренебрежительное отношеніе къ богамъ, это чувство превосходства человѣческаго духа надъ своими же собственными твореніями у индусовъ, этихъ наиболѣе типичныхъ философовъ-фантазеровъ. Выше божества стоятъ схимники. Путемъ долгой внутренней борьбы и всякихъ сверхчеловѣческихъ насилій надъ собою дошли они до полнаго отреченія отъ жизни, отъ міра. Этимъ они пріобрѣли свою власть надъ міромъ. Одинъ изъ схимниковъ приходитъ къ божествамъ, и даетъ тремъ главнымъ изъ нихъ, Брахмѣ, Вишну и Шивѣ по пинку ногою; онъ дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ они будутъ реагировать на эти оскорбленія. Схимникъ наказываетъ боговъ, если тѣ поступаютъ не такъ, какъ бы слѣдовало [4]). Но оставимъ это мрачное и нервное ученіе объ отреченіи отъ жизни, обратимся къ свѣтлымъ и всегда прекраснымъ антропоморфическимъ картинамъ

---

[1]) Castrén. Reisen, Akademische Ausgabe, B. II, S. 171.

[2]) Castrén, l. c., S. 181.

[3]) Dr. J. Falkenstein. Afrikas Westküste. Leipzig, Freytag 1885, S. 213. A. Bastian. Die deutsche Expedition an der Loangoküste. Jena, Costenoble 1875. B. II, S. 176 ff.

[4]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 165.

греческой фантазіи. Стоитъ лишь вспомнить, какія забавныя исторіи сплетали греки про своего Зевеса и про тѣ преслѣдованія, которымъ подвергался этотъ примѣрный супругъ со стороны своей супруги Юноны; стоитъ лишь вспомнить, что Ареса, бога войны, держали въ оковахъ на землѣ, что тоже приключилось съ Сатурномъ, Нике и Геркулесомъ, что Гера была ранена въ грудь, а прекрасная защитница Париса въ руку; кромѣ того, послѣднюю весьма непочтительно удалилъ съ поля битвы Діомедъ; стоитъ, наконецъ, вспомнить остроумные и вмѣстѣ съ тѣмъ столь возмутительные бесѣды боговъ Лукіана, чтобы сказать себѣ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ весьма сознательнымъ чувствомъ превосходства самаго творца предъ своими же богами.

Но именно въ этой-то эмансипаціи отъ безусловнаго страха предъ сверхъестественной высшею силою съ одной стороны, и въ намѣченномъ нами переходѣ отъ божества индивидуальнаго къ божеству общины или племени съ другой [1]), мы видимъ стремленіе къ высшей ступени религіозныхъ представленій. На ступени такъ называемаго фетишизма дикарь умилостивляетъ свое личное божество, онъ напоминаетъ ему о числѣ принесенныхъ жертвъ, онъ наказываетъ или покидаетъ его, когда оно ему плохо служитъ. Но человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, неустанно размышляетъ о томъ, какъ завладѣть ему счастьемъ, оградиться отъ зла, какъ подчинить себѣ тѣ силы, изъ которыхъ исходитъ добро и зло въ жизни человѣка. Добиться подобной власти могутъ, однако, лишь натуры избранныя; для того, чтобы вступить въ непосредственныя сношенія съ невидимыми силами, необходимо знать, гдѣ онѣ находятся и какъ съ ними обойтись, необходимо обладать силою и знаніями необыденными.

Немного поколдовать можетъ каждый. Существуетъ множество элементарныхъ способовъ, чтобы сдѣлать зло своему ближнему. Если взять что либо принадлежащее къ тѣлу этого ближняго, или хотя даже и отдѣленное отъ него, напримѣръ, волосы или ногти, и надъ ними произвести соотвѣтствующія заклинанія, которымъ научатъ люди знающіе, то данный субъектъ долженъ погибнуть или заболѣть. Папуасцамъ достаточно ночью сжечь кусокъ одежды или остатокъ пищи,

[1]) См. выше стр. 512.

завернутый въ листья, на медленномъ огнѣ; когда все превращено въ пепелъ, колдовство вступаетъ въ силу и смерть непріятеля дѣло рѣшенное. Если среди дикарей распространяется вѣсть о томъ, что сжигается подобный „нагакъ", то всѣ тѣ, которые чувствуютъ за собою грѣшокъ, приходятъ въ неописуемое волненіе. Они высылаютъ своихъ приближенныхъ, которые трубятъ въ раковину, давая этимъ знать кудеснику, чтобы онъ пріостановилъ свое страшное дѣло и что они готовы выкупить роковой нагакъ [1]). Начиная войну, кафры прежде всего заботятся о томъ, чтобы завладѣть какимъ либо предметомъ, принадлежащимъ начальнику враговъ; частица этого предмета наскребывается въ чашу съ волшебнымъ напиткомъ и выпивается начальникомъ войска, тогда побѣда обезпечена. Отъ того-то кафры столь тщательно убираютъ свой крааль, когда они рѣшаются покинуть его [2]). Г-жа Коронеди разсказываетъ, что въ Болоньи и по сей день тщательно сжигаются вычесанные волосы, такъ какъ при помощи ихъ легче всего колдовать [3]), а проф. В. Б. Антоновичъ констатировалъ въ своемъ изслѣдованіи объ „колдовствѣ" въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ, что и у славянъ весьма дѣйствительнымъ считается колдовство на одеждѣ, волосахъ, или даже на землѣ изъ подъ слѣда даннаго человѣка [4]).

Несравненно идеальнѣе выражается этотъ способъ кудесничества у нѣкоторыхъ дикарей, у которыхъ достаточно одного имени, т. е. выраженія самого существа человѣка, чтобы совершить надъ нимъ злыя чары. Во время войнъ англичанъ съ индусами первымъ удалось перехватить письмо возставшихъ, въ которомъ было сказано: узнайте имя командующаго генерала британской арміи, напишите его на бумагѣ, возьмите эту бумагу, немного рису и шафрану, произнесите надъ этимъ три раза великую формулу заклинанія. Когда же это будетъ совершено, принесите сливнаго дерева и сожгите

---

[1]) Повель, Тёрнеръ и др. цитировано у Пешеля, Народовѣдѣніе, стр. 270 и далѣе.

[2]) Пешель, l. c. стр. 271. См. также: Schneider. Naturvölker, B. I, S. 218 ff. Bastian, Allerlei, B. I, S. 225.

[3]) Ibid, стр. 272.

[4]) В. Б. Антоновичъ. Колдовство. Труды экспедиціи въ Юго-Западный край, т. I, в. 2, Спб. 1877, стр. 323 и далѣе. См. также И. П. Сахаровъ. Сказанія Русскаго Народа, Спб., 1885, кн. 1, стр. 79 и далѣе, „Чары на слѣдъ".

все вмѣстѣ [1]). Поэтому-то столь многіе дикари не только не называютъ по имени своихъ боговъ, но какъ бы боятся назвать и самихъ себя. Такія опасенія существуютъ, напримѣръ, на островѣ Суматрѣ, гдѣ люди обращаются другъ къ другу въ третьемъ лицѣ, у австралійцевъ, у негровъ и т. д. [2]).

Но даже подобныя кудесничества несравненно дѣйствительнѣе, если они совершаются людьми свѣдущими, или другими словами профессіональными кудесниками [3]). Такіе кудесники встрѣчаются повсюду, гдѣ общество начало до нѣкоторой степени дифференцироваться. Ихъ занятіе, по преимуществу, сводится на то, чтобы творить зло, по собственной иниціативѣ, или, еще чаще, по порученію другихъ людей. Они насылаютъ смерть, болѣзни и несчастья, они создаютъ, комаровъ, мухъ и скрываютъ дождь. Но если они въ состояніи призвать зло, то они могутъ и отозвать его. Они знаютъ какъ поступать, къ кому обратиться, что сдѣлать и сказать въ данномъ случаѣ; въ этомъ ихъ преимущество передъ обыденными смертными. Соотвѣтственно наивнымъ воззрѣніямъ поклонниковъ своихъ, кудесникъ является въ странномъ и дикомъ видѣ: онъ воочію свидѣтельствуетъ о необычности своего явленія. Кудесникъ, или шаманъ [4]), увѣшанъ и изукрашенъ шкурами и ремнями, изображающими змѣй, колокольчиками и погремушками, перьями, въ рукахъ у него трещетка или бубенъ, украшенный таинственными знаками; онъ сопровождаетъ свои кудесничества дикими пѣснями, заклинаніями и танцами. Таинственными и нервными звуками бубна, дикими криками и порывистыми движеніями танца шаманъ приводитъ самого себя въ экстатическое состояніе. По мѣрѣ того какъ усиливаются и учащаются движенія шамана, нервное возбужденіе его все болѣе повышается, онъ падаетъ передъ испуганными зрителями въ эпилептическихъ судорогахъ; у него выступаетъ пѣна у рта, онъ издаетъ страшные звуки: онъ видитъ боговъ, онъ прорицаетъ.

---

[1]) Лёббокъ, l. c. стр. 177 (цитиров. по Fraser'у).

[2]) Ibid, стр. 178, 177.

[3]) У остяковъ шаманъ облекается въ одежды просителя. Castrén. Reisen B. II, S. 172.

[4]) Слово шаманъ тунгусскаго происхожденія. О поразительномъ сходствѣ шамановъ сибирскихъ, американскихъ, африканскихъ, австралійскихъ и т. д. смотри Bastian. Allerlei aus Volks-und Menschenkunde, Berlin 1888, B. I und II. Пешель. Народовѣдѣніе, глава X.

*

Но публика не удовлетворяется одними нервными припадками; она требуетъ реальныхъ доказательствъ сверхестественной силы шамановъ. И вотъ шаманы всѣхъ частей свѣта воспроизводятъ въ угоду толпѣ, подобно нашимъ спиритамъ, стуки и видѣнія духовъ, крики животныхъ и т. д. Если же шаманы лечатъ какую либо болѣзнь, то они всегда готовы извлечь видимую причину ея. Для этого они присасываются къ той части тѣла, въ которой они опредѣлили сѣдалище страданій, и затѣмъ вытаскиваютъ изо рта кусочекъ дерева, камень, жука или нѣчто подобное [1]).

Но вопросъ, простые ли обманщики шаманы или нѣтъ, рѣшить не такъ легко, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Въ томъ то и сила этихъ нервныхъ аффектацій и всяческаго лжепророчества, что представители его въ концѣ концевъ сами вѣрятъ въ свою сверхестественную силу [2]), сами страшатся духовъ, которыхъ они призываютъ.

Психика лже-пророка трудно поддается анализу, тѣмъ болѣе, что истерія, среди жертвъ которой, при всѣхъ ея многообразныхъ переходахъ отъ легкой извращенности характера до положительнаго сумасшествія [3]), мы встрѣчаемъ наибольшее число кудесничествующихъ и пророчествующихъ, несомнѣнно сочетается съ самою выраженною склонностью къ обманамъ и къ театральничанью [4]). Конечно, между шаманами не мало

---

[1]) Такъ поступаютъ шаманы не только среди австралійцевъ (Bastian. Allerlei, B I. J. 243 no Howitt'y), но и среди другихъ племенъ: Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 23 и далѣе. Пешель. Народовѣдѣніе стр. 268. Bastian. Priesterliche Functionen unter Naturvölkern, Zeitschrift für Ethnologie, 1889, S. 110 f.

[2]) W. Radloff. Aus Sibirien, Lpz. Weigel. B. II, S. 55 ff.

[3]) A. Callere. Границы Сумасшествія, перев. Ковалевскаго, Харьковъ, 1889, стр. 130.

[4]) Весьма основательно вопросъ о психикѣ „пророчествующихъ" разобранъ Августомъ Мюллеромъ (Der Islam im Morgen-und Abendland, Berlin, Grote, 1885—87) на примѣрѣ Магомета, котораго нашъ авторъ, конечно не съ догматической точки зрѣнія, называетъ „пророкомъ". Мюллеръ удачно противопоставляетъ нервности Магомета, доходящей до галлюцинацій и всяческихъ припадковъ (однако едва-ли эпилептическихъ по существу своему) и его лукавству и лживости въ позднѣйшую эпоху пребыванія въ Мединѣ, ту страшную внутреннюю борьбу, которую пришлось ему выдержать въ моментъ пробужденія въ немъ религіознаго мышленія, и тѣ бѣдствія, которыя онъ переносилъ болѣе десяти лѣтъ безъ всякой видимой надежды на успѣхъ своего ученія. „Въ недостаточной выдержкѣ или въ отсутствіи цѣльности его никто не обвинялъ", говоритъ Мюллеръ, „и такимъ онъ представляется намъ понынѣ въ Коранѣ; слабость послѣдняго, это слабость мышленія, лишеннаго логической школы, но это отнюдь не сла-

обманщиковъ, паразитирующихъ на счетъ суевѣрія массы, но все-же свободные мыслители рѣдкость между ними и къ тому же рѣдко имѣютъ успѣхъ; простой эксплуататоръ никогда не войдетъ въ тотъ экзстазъ, который одинъ можетъ встрѣтить дѣйствительный откликъ въ душѣ слушателей его; онъ не захочетъ этого, потому что такими произвольно вызываемыми сильными экстазами онъ губитъ себя; каждое нервное потрясеніе его непомѣрно истощаетъ. Въ данномъ случаѣ съ шаманомъ происходитъ то же, что съ т. н. „пророками". Среди послѣднихъ наибольшій успѣхъ имѣютъ именно тѣ, „у которыхъ экзальтація и увлеченіе достигаютъ такой силы, что могутъ вызвать альтруизмъ, заставляющій человѣка жертвовать своими интересами и даже самой жизнью для пропаганды своихъ идей толпѣ" [1]). Къ тому же шаманы зачастую являются людьми, достойными общаго сожалѣнія, да и самихъ себя они считаютъ крайне несчастными [2]). Шаманъ-якутъ отрекается при посвященіи своемъ отъ Бога, отъ всего любимаго и дорогаго, и отдаетъ себя на служеніе демону [3]); онъ искренно кается въ общеніи своемъ съ дьяволомъ [4]). „Шаманы у якутовъ обыкновенно люди очень бѣдные, не имѣющіе собственнаго хозяйства; они пробиваются изъ дня въ день, прокармливаясь подаяніемъ за свои мистеріи" [5]). Не мѣшаетъ также указать на тѣ глубоко-нравственныя правила, которыя внушаются тому-же якуту-шаману при его посвященіи: „онъ обѣщается быть покровителемъ несчастныхъ, отцемъ бѣдныхъ, матерью сиротъ" [6]), тогда какъ бурятъ-шаманъ клянется, „что если позовутъ его вмѣстѣ богатый и бѣдный, то онъ пойдетъ

бость нарушенной психики". Нельзя, наконецъ, сомнѣваться въ полной честности его въ періодъ Мекки (стр. 56 ff). Не имѣя намѣренія касаться въ нашемъ трудѣ высшихъ религіозныхъ формъ, мы охотно ссылаемся на упомянутую характеристику Магомета, такъ какъ она несомнѣнно болѣе объективна, чѣмъ характеристика основателя ислама, предложенная, напримѣръ, Пешелемъ въ его Народовѣдѣніи, глава XV.

[1]) Ц. Ломброзо. Геніальность и Помѣшательство, перев. Тетюшиновой, Спб. 1885, стр. 193.

[2]) В. Приклонскій. О шаманствѣ у Якутовъ. Изв. Восточно-Сибирск. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. т. XVII, № 1—2, 1888, стр. 107.

[3]) Н. Припузовъ. Шаманство у Якутовъ Якутскаго округа. Изв. Восточно-Сиб. Отд. и т. д., т. XV № 3—4, 1884, стр. 65.

[4]) Приклонскій, l. c. стр. 107.

[5]) Приклонскій, l. c. стр. 99.

[6]) Приклонскій, l. c. стр 96.

сперва къ бѣдному, а потомъ къ богатому“ [1]) и что онъ будетъ брать съ нихъ, что дадутъ. Необходимо къ тому же замѣтить, что шаманы раздѣляются у бурятовъ шаманистовъ на два класса: бѣлыхъ, служащихъ добрымъ богамъ, и черныхъ, служащихъ злымъ [2]). Печальное нравственное извращеніе многихъ шамановъ объясняется у нашихъ бурятъ весьма поэтически, а первый и величайшій шаманъ Моргонъ-Хара, рѣшившійся освободить изъ рукъ бога неба, Эсэгэ-Маланъ-Тэнгэри, душу человѣка, былъ приговоренъ къ тому, чтобы скакать на черномъ камнѣ до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ не сотрется. Когда онъ изчезнетъ, шамановъ больше не будетъ. Когда у него стерлись ноги и руки, шаманы потеряли возможность такъ далеко и быстро ходить и доставать, какъ это имъ нужно было; когда у него стерлись внутренности, всѣ шаманы стали ненасытными и жадными, а когда стерлось сердце—безсердечными и безжалостными; потеря рта, языка и мозга сдѣлала ихъ болтливыми и заставила ихъ позабыть и перемѣшать таинства и обряды; потеря носа, ушей и глазъ лишили ихъ духовнаго обонянія, слуха и зрѣнія. Теперь отъ него осталась только верхняя часть головы [3]).

Весьма существенныя стороны психики шамановъ открываются передъ нами, когда мы знакомимся съ способомъ подготовленія ихъ къ шаманству. Шаманство бываетъ наслѣдственное, по весьма понятнымъ психологическимъ и практическимъ причинамъ [4]); зачастую встрѣчается, однако, и шаманство по призванію. Шаманятъ большею частью мужчины, бываютъ и женщины шаманки, но онѣ пользуются меньшимъ вліяніемъ на массу, чѣмъ мужчины [5]), быть можетъ въ виду недостатка въ той исключительной силѣ воли, которая необходима для того, чтобы дѣйствительно овладѣть толпою. За то

---

[1]) И. Агапитовъ и М. Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Изв. Восточно-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. т. XIV № 1—2, 1883 стр. 47.

[2]) Агапитовъ и Хангаловъ, l. c. стр. 46.

[3]) Первый бурятскій шаманъ Моргонъ-Хара. Изв. Восточно-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Об. т. XI, № 1—2, 1880, стр. 87—89.

[4]) W. Radloff. Aus Sibirien, B. II, S. 16.

[5]) Bastian. Allerlei, B. II, S. 108; Hoffman. Der Indianische Medizinmann, Ausland 1884, S. 174.

онѣ переуспѣваютъ какъ пророчицы и гадательницы [1]); у нашихъ якутовъ онѣ предпочитаются при леченіи душевныхъ болѣзней [2]). Шаманы выбираютъ [3]) въ неофиты субъектовъ нервныхъ или даже страдающихъ эпилепсіею. Въ такихъ людяхъ уже съ ранняго возраста намѣчаютъ будущихъ шамановъ. Они любятъ уединяться отъ прочихъ людей, они проводятъ свое время въ глубокихъ лѣсахъ или пещерахъ, тамъ, гдѣ по преданіямъ появляются злые или добрые духи; они постятся, бичуютъ себя и всѣ мысли свои страстно сосредоточиваютъ на томъ, чтобы увидѣть духовъ, чтобы сблизиться съ ними. Но вотъ, наконецъ, изможденное тѣло доведено до того состоянія, что появляются давно желанныя галлюцинаціи и организмъ подпадаетъ роковымъ конвульсивнымъ припадкамъ. Тогда неофитъ можетъ быть принятъ въ ряды шамановъ и посвящается, смотря по силѣ духа, проявляющагося въ немъ, во всѣ послѣдовательныя ступени шаманистическихъ тайнъ и практическихъ сноровокъ.

Современная наука нынѣ уже вполнѣ утвердилась на той почвѣ, что шаманизмъ не представляетъ собою какой либо спеціальной сибирской вѣры, а лишь одну изъ ступеней религіознаго мышленія первобытнаго человѣка.

У безчисленнаго ряда другихъ народовъ мы встрѣчаемъ все тѣ же пріемы при подготовленіи шамановъ [4]), тѣ же пріемы при выполненіи шаманистическихъ обрядовъ [5]), ту же идею посредничества человѣка свѣдущаго и одареннаго особою силою между божествомъ и толпою.

Отнюдь не безполезно, говоря о шаманствѣ, оглянуться и на насъ европейцевъ. „Сомнѣваться въ волшебной силѣ шамановъ, это дѣло атеизма; если многіе изъ нихъ и обманщики, то все-таки другіе поддерживаются дьяволомъ“? Такъ

---

[1]) См. выше стр. 458.

[2]) Агапитовъ и Хангаловъ, l. c., стр. 44 и далѣе. Приклонскій, l. c. стр. 95 и далѣе.

[3]) Ѳ. Соловьевъ. Остатки язычества у якутовъ, Сборникъ „Сибири“, 1876, стр. 414. Bastian. Priesterliche Functionen etc., S. 115.

[4]) Сибирскіе шаманы, сѣверо-американскіе медицинмены, бразильскіе піаи, южно-американскіе жрецы-фетишисты, австралійскіе и папуасскіе кудесники живутъ вдали отъ своихъ ордъ, воспитывая учениковъ своихъ, подвергая ихъ посту и покаяніямъ: Петель, Народовѣдѣніе стр. 273. На счетъ выбора нервныхъ субъектовъ см. стр. 269.

[5]) См. выше стр. 515, 516. Bastian. Allerlei, B. I, S. 129 ff., B. II, S. 102 ff.

учитъ извѣстный іезуитъ, патеръ Лафито, которому мы обязаны многими прекрасными свѣдѣніями объ индѣйцахъ. Того же мнѣнія былъ другой извѣстный миссіонеръ-этнографъ Лаба. Но точно такого же мнѣнія держится и понынѣ англичанинъ Уильямсъ [1]). Извѣстный бельгійскій іезуитъ, профессоръ патеръ Гури трактуетъ въ своемъ Compendium der Moral-Theologie (Regensburg 1867), одобренномъ пріятелемъ Лассаля, епископомъ Кеттлеромъ, о колдовствѣ; тирольскій патеръ Андреасъ Гасснеръ въ 60 годахъ указывалъ на то, что колдуновъ можно признать по необычнымъ звукамъ, раздающимся въ ихъ животахъ, напримѣръ, въ родѣ кваканья лягушки. Знаменитый А. Вильмаръ (Zur neusten Culturgeschichte Deutschlands, 1867 und Vorlesungen über Dogmatik an der Universität Marburg, 1874) сожалѣетъ о томъ, что юношество наше въ университетахъ недостаточно посвящается въ научную область важнѣйшихъ и практичнѣйшихъ вопросовъ сатанологіи и демонологіи [2]). Послѣдняя вѣдьма въ Европѣ была казнена, какъ говорятъ, въ Гларусѣ въ 1782 году, но еще въ 1793 году сожжены были двѣ вѣдьмы въ Польшѣ, въ 1860 году одна въ Мехикѣ, а въ 1874 въ С.-Хуанѣ де Якобо сожгли вдову и сына ея [3]). Своимъ судомъ сожгли, наконецъ, въ концѣ 70 годовъ наши крестьяне Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи женщину, подозрѣваемую ими въ колдовствѣ [4]). Но въ безпросвѣтно-темное время среднихъ вѣковъ, мрачныя тѣни котораго, къ сожалѣнію, слишкомъ далеко заходятъ и въ вѣка такъ называемой новой исторіи, поступали совершенно иначе и рѣшительнѣе: въ короткій періодъ отъ 1622—1633 года сожжено было въ одномъ епископствѣ Базелѣ 600 вѣдьмъ [5]).

---

[1]) Извѣстный біографъ Магомета, Sir William Muir, того мнѣнія, что коранъ внушенъ былъ Магомету дьяволомъ.

[2]) См. K. Braun. Wiesbaden. Die Hexen und Hexenmeister im XIX. Jahrhundert. Neue Freie Presse, 1880, № 5870.

[3]) H. Schaaffhausen. Der Aberglaube und die Naturwissenschaft, Anthropologische Studien, Bonn 1885, S. 513.

[4]) Колдуновъ и вѣдьмъ жгли и у насъ на Руси, но едва-ли въ такомъ количествѣ, какъ на западѣ (см. Антоновичъ, l. c., стр. 327). Тѣмъ не менѣе подозрѣнія въ чернокнижничествѣ являлись роковымъ дѣломъ и у насъ. Еще въ 1716 воинскій уставъ опредѣляетъ солдатамъ, уличеннымъ въ чернокнижіи, наказанія отъ шпицрутеновъ до сожженія.

[5]) Schaaffhausen, l. c., S. 513.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ разбираемаго нами вопроса былъ папа Іоаннъ XXII (1316—1334), который поучалъ мірянъ какъ узнавать кудесниковъ и, между прочимъ, сообщилъ, что достаточно изготовить восковое изображеніе человѣка, окрестить это изображеніе его именемъ и затѣмъ проколоть, тогда данный врагъ умретъ. Ко времени обнародованія этого посланія папою было открыто уже три покушенія на его жизнь и, конечно, виновники были наказаны [1]). Прошло три столѣтія и, какъ разъ въ то время, когда Христина Шведская, эта свободная мыслительница на престолѣ, повелѣла прекратить преслѣдованія вѣдьмъ въ нѣмецкихъ земляхъ, принадлежавшихъ тогда Швеціи [2]), въ Римѣ пылали костры, на которыхъ жгли монаховъ, пытавшихся погубить папу упомянутыми восковыми изображеніями [3]). Эти фигурки живо напоминаютъ намъ то, что мы уже выше сообщали о нагакѣ папуассцевъ [4]). Но мы тутъ же должны замѣтить, что подобныя изображенія изготовляются индусами изъ глины; на груди ихъ имѣется имя, а затѣмъ ихъ всячески мучаютъ, что, конечно, чувствуется оригиналами. Въ томъ же духѣ дѣйствуютъ, напримѣръ, сѣверные американцы [5]). Едва ли, однако, намъ необходимо распространяться о суевѣріи и легковѣріи европейцевъ и о томъ, что мы въ этомъ отношеніи не особенно далеко ушли отъ нашихъ дикарей. Вспомнимъ лишь тѣ проявленія симпатіи, которыхъ въ наши дни удостоивались среди кружковъ высокопросвѣщенныхъ всевозможные заклинатели духовъ.

Съ другой стороны, мы съ удовольствіемъ можемъ подчеркнуть, что и среди дикарей существуютъ ясные умы, отрицающіе возможность колдовства [6]) и глубоко задумывающіеся надъ жизненными вопросами. Перуанскій инка Гуайна Капакъ (+1525 по Р. Хр.), рожденный отъ солнца, почитав-

---

[1]) J. Buchmann. Die unfreie und die freie Kirche in ihren Beziehungen zur Sklaverei, Glaubens- und Gewissenstyrannei und zum Dämonismus, Breslau, 2. Aufl. 1875, S. 288 ff.

[2]) W. G. Soldan. Geschichte der Hexenprozesse, Stuttgart und Tübingen, 1834, S. 428.

[3]) Buchmann, l. c., S. 328.

[4]) См. выше стр. 514.

[5]) Лёббокъ, l. c., стр. 177.

[6]) См. выще, стр. 488, 489.

шій солнце какъ творца міра, однажды высказалъ свои сомнѣнія по поводу того, что „вѣдь и ночью продолжается жизнь и зарождается она“, а затѣмъ, сопоставляя власть и свободу создателя съ разъ навсегда установленнымъ механическимъ движеніемъ свѣтила, онъ говоритъ: „если бы оно было всемогущимъ властителемъ земли, оно бы мѣняло по собственному усмотрѣнію свой путь и отдыхало бы иногда, не чувствуя даже потребности въ отдыхѣ“.

Но все же перуанецъ этотъ видѣлъ наглядное проявленіе жизни солнца въ благотворномъ вліяніи его свѣта и тепла, въ губительной силѣ изсушающаго зноя, въ томъ, наконецъ, какъ лучи солнца поглощали жертву, влагу, наполнявшую золотую жертвенную чашу. Король Мехики Тескузасъ не удовлетворялся культомъ мѣстныхъ боговъ; онъ почиталъ „причину всѣхъ причинъ“ [1]). Разобранныя нами выше [2]) доказательства въ пользу отсутствія религіозныхъ представленій у дикарей сводятся въ большинствѣ случаевъ на тотъ естественный скептицизмъ и на нѣкоторое, психологически весьма понятное, пренебреженіе къ собственнымъ богамъ [3]), съ которымъ дикари относятся ко всякимъ вѣроученіямъ.

Вспомнимъ, наконецъ, что уже на зарѣ нашей культуры скептицизмъ получалъ самое широкое примѣненіе; уже Ѳалесъ Милетскій (640 до Р. Х.) оставилъ жреческій элементъ и сдѣлался чистымъ мыслителемъ. Іоническая школа искала начало, ἀρχή, свойственное и человѣку и всей природѣ. Платонъ сурово упрекалъ Гезіода и Гомера за ихъ чудныя антропоморфизаціи божествъ и исключилъ изъ идеальнаго государства поэтовъ. Весьма рѣзко выразилось отношеніе свѣтлыхъ умовъ классическаго періода къ темнымъ вѣрованіямъ массы въ неосторожномъ поступкѣ Ганнибала, одного изъ величайшихъ и несчастнѣйшихъ людей своего времени. Когда во время одной битвы Павзій, вопреки совѣту Ганнибала, не хотѣлъ выдвинуть свои войска, такъ какъ внутренности жертвеннаго теленка говорили за противное, Ганнибалъ горячо воскликнулъ: „И такъ ты готовъ повѣрить скорѣе куску телятины, чѣмъ опытному полководцу“!

---

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 252.

[2]) См. выше стр. 490.

[3]) См. выше стр. 511.

Но возвратимся къ нашимъ темнымъ дикарямъ.

Мы задались мыслію прослѣдить тѣ элементы, изъ которыхъ складываются религіозныя представленія дикарей. Задача наша, выражаясь словами философа Гегеля: „опредѣлить въ религіи дикарей смыслъ, опредѣлить элементъ истины и связь его съ истиною вообще, словомъ разумное; опредѣлить источникъ религіи какъ нѣчто человѣческое". „Вѣдь это были люди", продолжаетъ нашъ философъ, „которые пришли къ подобнымъ религіямъ, слѣдовательно, тутъ должно быть что нибудь разумное и при всей своей случайности, тутъ должно быть видимо проявленіе высшей необходимости. Въ этомъ то случаѣ мы должны быть, покрайней мѣрѣ, справедливы къ нимъ, ибо то, что человѣчески-разумно въ нихъ, присуще и намъ, хотя оно и является лишь какъ одинъ изъ моментовъ въ нашемъ болѣе развитомъ сознаніи" [1]). Эти глубокомысленныя и чудныя по своей гуманности слова наводятъ насъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ области первобытной религіи, на вопросъ, который мы должны рѣшить ранѣе, чѣмъ мы приступимъ къ своду нашихъ воззрѣній на исторію возникновенія религіозной мысли.

Погружаясь въ эти мрачныя пучины суевѣрія, изъ которыхъ человѣчеству не удалось вполнѣ выбраться даже на ступеняхъ культуры высшей, мы невольно спрашиваемъ себя: могутъ-ли подобныя „религіозныя представленія" имѣть какую нибудь нравственную цѣну? Вопросъ этотъ неоднократно поднимался и рѣшенъ былъ, напримѣръ, Лёббокомъ въ отрицательномъ смыслѣ [2]). Намъ думается, однако, что всякая религія, какъ бы низко она не стояла, налагаетъ извѣстную узду на человѣка [3]) и, въ этомъ смыслѣ, должна имѣть из-

[1]) G. F. W. Hegel. Vorlesungen über Philosophie der Religion, B. I, S. 78.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 292: „Едва ли нужно доказывать, что религія, за исключеніемъ лишь религіи народовъ, стоящихъ на весьма высокой ступени развитія, не имѣетъ морализирующаго значенія или вліянія. У нисшихъ расъ божества почти всегда являются съ злымъ характеромъ".

[3]) Мы знаемъ уже, что дикари охотно подчиняются весьма стѣснительнымъ обычаямъ (см. напр., выше стр. 472), если только они убѣждены въ необходимости ихъ. Къ области наиболѣе серьезныхъ стѣсненій, имѣющихъ религіозную подкладку, относится, напримѣръ, такъ называемое „табу" полинезійцевъ, благодаря которому предметъ, удостоившійся прикосновенія со стороны человѣка высшаго происхожденія, дѣлается недоступнымъ для прочихъ смертныхъ. Такой же обычай мы встрѣчаемъ у австралійцевъ, мадагассовъ, негровъ банту и т. д.

вѣстное воспитательное значеніе. Къ тому же принужденія, обусловливаемыя религіозными постановленіями, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ виду нравственныя цѣли.

Непріятный случай вызываетъ въ первобытномъ человѣкѣ весьма естественно мысль о томъ, что онъ какимъ либо неосторожнымъ поступкомъ самъ возбудилъ это зло. Дикарь не знаетъ случайности и, какъ антропоморфистъ по всему неразвитому мышленію своему, вкладываетъ во всѣ окружающія его явленія тѣ же душевные мотивы, которые руководятъ имъ самимъ; онъ находитъ въ нихъ ту же злобу, ту же жажду отомстить и постоять за себя, которыя охватываютъ его самого, когда онъ подвергается непріятностямъ.

Мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, что первобытный человѣкъ располагаетъ жизнь свою соотвѣтственно указаніямъ, которыя ему даетъ сама природа. Слѣдуя этимъ указаніямъ великой праматери, человѣкъ соединяется въ кооперативныя общины, основнымъ принципомъ которыхъ является общее благо сочленовъ. Все то, что способствуетъ этому общему благу—хорошо, что вредитъ—дурно [1]). Весьма естественно также укрѣпляется въ душѣ первобытнаго человѣка мысль о томъ, что добрые и злые люди сохраняютъ свое коренное различіе и въ будущемъ мірѣ. Злой человѣкъ заурядъ не наказуется на землѣ; очевидно, поэтому, правда должна восторжествовать въ загробномъ мірѣ. Какъ ни возвышены на нашъ взглядъ представленія о загробномъ существованіи и о возмездіи въ грядущемъ будущемъ, но эти представленія встрѣчаются намъ уже на весьма низкихъ ступеняхъ культуры [2]). Идеи о возмездіи въ загробномъ мірѣ при-

---

[1]) Къ этому то понятію, а, быть можетъ, и къ привычкѣ дикарей позабавиться надъ легковѣрнымъ европейцемъ, относится извѣстный анекдотъ, по которому бушменъ опредѣлилъ какъ дурной поступокъ—похищеніе у него жены, а какъ добрый—похищеніе имъ жены у сосѣда. (Waitz. Anthropologie, B. I, S. 376).

[2]) Въ антропологіи утвердилось мнѣніе, что негры не имѣютъ понятій о мірѣ загробномъ (Пешель, Народовѣдѣніе стр. 265). Совершенно справедливо Цёллеръ (Kamerun, Stuttgart, Spemann, 1885, B. II, S. 97) по этому поводу замѣчаетъ: „я почти не понимаю, какъ только можно предположить, что народъ, обладающій вполнѣ выработаннымъ культомъ предковъ, не вѣритъ въ безсмертіе души“! Впрочемъ, уже Титмаръ разсказывалъ про славянъ, „qui cum morte temporali omnia putant finiri“; въ тоже время похоронные обряды славянъ ясно указываютъ на ихъ вѣру въ загробную жизнь. Такимъ образомъ, подобныя заблужденія являются традиціональными.

сущи цѣлому ряду племенъ, индѣйцамъ Сѣверной Америки [1]) меланезійцамъ [2]) и т. д. Весьма развиты эти представленія у индусовъ, по ученію которыхъ скупецъ возрождается въ хищномъ животномъ, человѣкъ, кравшій зерновый хлѣбъ—въ крысѣ, конокрадъ—въ хромомъ человѣкѣ, злой—въ слѣпцѣ или уродѣ, злословецъ—въ человѣкѣ съ зловоннымъ дыханіемъ и т. д. Но какова, въ тоже время справедливость индусовъ! За тѣ немногія добрыя дѣла, которыя совершилъ въ своей жизни злой человѣкъ, онъ вкушаетъ хотя бы нѣкоторую долю райскихъ наслажденій, тогда какъ добрый не избѣгаетъ доли адскихъ мученій, ибо: кто такъ справедливъ что никогда не грѣшилъ, а всегда творилъ лишь добро [3]).

Весьма распространены идеи о судѣ надъ мертвецами [4]): индусовъ судитъ справедливый судья Яма [5]), у тамульскихъ бадагасовъ души должны пройти мимо огненнаго столба, пожирающаго грѣшниковъ; миновавшіе этотъ искусъ, проходятъ по нитяному мосту въ страну блаженныхъ [6]). Души мусульманъ также проходятъ мостъ, острѣе лезвія меча и тоньше волоса, причемъ грѣшники низвергаются въ пропасть. Аналогичныя представленія о мостахъ, представляющихъ какъ бы выраженіе суда высшихъ боговъ, Тайлоръ отмѣтилъ у евреевъ, у древнихъ германцевъ, у индѣйцевъ, бирманцевъ и т. д. [7]). Наши единовѣрцы, поселившіеся по Ингодѣ и Чикою, хоронятъ своихъ мертвецовъ въ колодѣ и снабжаютъ ихъ деньгами; при похоронныхъ обрядахъ уставщикъ распѣваетъ: „Протекала рѣка огненная. Да туда ѣздитъ Михаилъ Архангелъ царь. Перевозитъ онъ души праведныя къ пресвятому раю, къ присолнечному, къ самому царю небесному. Чтобы шла душа въ рай“. Присутствующіе мужчины въ голосъ трижды подпѣваютъ: „Такъ и надо, чтобы въ рай“. При этомъ они головою качаютъ въ разныя стороны. Съ тѣломъ умершаго хоронятъ стягъ, мѣрку, которою его измѣряли. Въ

---

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. III, S. 198.

[2]) Waitz-Gerland, l. c., B. VI, S. 673.

[3]) S. Lefmann. Geschichte des alten Indiens, S. 396.

[4]) См. изображеніе суда Озириса надъ мертвецомъ: E. Meyer. Geschichte des alten Aegyptens, S. 258.

[5]) S. Lefmann. Geschichte des alten Indiens, S. 396.

[6]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 290.

[7]) Tylor. Urgeschichte der Menschheit, Leipzig, S. 451.

загробной жизни покойникъ переплываетъ семь огненныхъ рѣкъ; гробъ—колода служитъ ему ладьею, стягъ — кормиломъ, а деньги для уплаты стерегущимъ переправу [1]). Подобные же мосты мы встрѣчаемъ у древнихъ персіянъ [2]), по весьма поэтическому представленію которыхъ душа умершаго носится еще три дня послѣ его послѣдняго дыханія вблизи покинутой тѣлесной оболочки. На четвертой утренней зарѣ она является къ мосту судьи душъ и предстоитъ предъ судьею Зроастою, который взвѣшиваетъ на вѣсахъ добрыя и злыя дѣла. Благочестивому, т. е. праведному, на встрѣчу выходитъ съ неземнымъ привѣтомъ олицетвореніе его доброй жизни въ образѣ 15-лѣтней дѣвушки, сіяющей юностью, стройной и высокогрудой, съ бѣлыми руками и благороднымъ лицомъ. Предъ безбожникомъ же, т. е. лжецомъ, предстаетъ олицетвореніе его жизни въ видѣ безобразной дѣвки, при взглядѣ на которую у него просыпаются воспоминанія о его лживости и несправедливостяхъ. По рѣшенію судьи душа переходитъ черезъ мостъ, либо въ обитель хвалебныхъ гимновъ, либо же въ обитель лжи [3]).

Но тамъ, гдѣ существуетъ взвѣшиваніе или оцѣнка добрыхъ и злыхъ дѣлъ, тамъ установилось принципіальное различеніе между добромъ и зломъ. Если же въ душѣ первобытнаго человѣка уже совершилось подобное принципіаль-

---

[1]) Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости, 1885, № 52. Обрядъ этотъ до нѣкоторой степени напоминаетъ обычай древнихъ славянъ пускать мертвеца въ ладьѣ по морю. А. А. Котляревскій приводитъ послѣдній обычай въ связь съ заходомъ солнца за моремъ.

[2]) Г. Спенсеръ прозаично объясняетъ представленія о подземномъ загробномъ мірѣ ни болѣе ни менѣе какъ прежнимъ обитаніемъ людей въ пещерахъ и обычаемъ хоронить тамъ покойниковъ (Соціологія, ч. I, стр. 218 и далѣе), а рѣку смерти преданіями о переселеніи изъ странъ предковъ, причемъ были пройдены рѣки. „Вслѣдствіе неимѣнія лодокъ, говоритъ авторъ (стр. 223), переправа черезъ такую рѣку всегда должна фигурировать въ послѣдующихъ преданіяхъ какъ главное изъ затрудненій, которыя пришлось преодолѣть переселенцамъ; а вторичная переправа черезъ нее будетъ разсматриваться какъ главное изъ препятствій, предстоящихъ умершему въ его возвратномъ путешествіи“. Имѣя въ виду условія миграціи человѣчества, точно также какъ и пристрастіе первобытнаго человѣка къ опоэтизированію жизненныхъ явленій, мы бы скорѣе готовы были отнести эти представленія о рѣкахъ, мостахъ, подземныхъ мірахъ и пропастяхъ не столько къ воспоминаніямъ о преградахъ во время путешествій, сколько къ изображенію грани между міромъ живымъ и царствомъ смерти.

[3]) Петель. Народовѣдѣніе, стр. 290.

ное различеніе, то онъ его тотчасъ же переноситъ и на свои божества. Фетишъ добръ и золъ, смотря по случайностямъ; но шаманистъ уже отличаетъ добрыхъ и злыхъ духовъ [1]). Въ ученіи Зороастра Маздано, создатель міра, объединяетъ въ себѣ добро и зло. Но въ позднѣйшей разработкѣ этого вѣроученія предъ нами являются Ормаздъ, какъ представитель добра и свѣта, и Ариманъ, представитель зла и тьмы. Это различеніе добра и зла появляется предъ нами въ цѣломъ рядѣ представленій. Человѣческое тѣло подавлено всяческими немощами; оно испытываетъ боль и страданія, оно тлѣнно, преходяще по существу своему. Это тѣло живетъ однимъ лишь духомъ. Духъ поддерживаетъ его и духъ непреходящъ; онъ продолжаетъ существовать даже тогда, когда тѣло уже погибло. Поэтому тѣлу присуще зло, духъ же есть представитель добра. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого представленія зло переносится на видимый міръ, на природу, которая является мѣстомъ грѣха и всякой скверни, и вотъ наболѣвшая душа ищетъ отдыха въ представленіяхъ о загробномъ, лучшемъ мірѣ. Въ темную ночь сонъ охватываетъ землю, сонъ, этотъ братъ страшной смерти; жизнь, движеніе замираютъ въ тиши ночной; не дремлетъ лишь зло, подъ покровомъ тьмы оно безпрепятственно выполняетъ свои замыслы. Но съ зарею яркою природа сбрасываетъ съ себя оковы; она вновь оживаетъ, и въ ней вновь все живетъ и движется и наслаждается свѣтомъ и тепломъ солнца. Зло это—тьма, добро—свѣтъ. Борьба между свѣтомъ и тьмою постоянно возобновляется, постоянно остается нерѣшенною. Въ ней олицетворяется весь смыслъ жизни. По глубокому ученію древнихъ иранцевъ въ этой борьбѣ долженъ принять участіе и человѣкъ; онъ долженъ выбрать между свѣтомъ и тьмою, своими добрыми дѣлами онъ поддерживаетъ свѣтъ; своими злыми, онъ усугубляетъ силы зла. Но послѣ долгой борьбы свѣтъ преодолѣетъ тьму, Ормаздъ побѣдитъ Аримана. И точно также свѣтлые боги древнихъ германцевъ, Азы, преодолѣютъ представителей тьмы, злыхъ великановъ [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 518.

[2]) Шаманизмъ, какъ это весьма убѣдительно доказываетъ В. В. Радловъ, точно также сводится на представленіе о непрестанной борьбѣ между добромъ и зломъ, свѣтомъ и тьмою. Источникомъ свѣта и всѣхъ благъ является небо, тьмы и зла—земля и подземный міръ. (Aus Sibirien, B. II, S. 14).

На первичныхъ ступеняхъ дуализма человѣкъ по природѣ своей, прежде всего сосредоточивается на представленіяхъ о зломъ, на мысляхъ о томъ, какъ оградиться отъ зла. Вѣдь, непріятное, злое играетъ въ жизни человѣка роль болѣе выдающуюся, чѣмъ доброе и пріятное, а первобытный человѣкъ къ тому же столь безпомощенъ и столь слабъ въ борьбѣ своей съ природою. Нельзя, однакоже, называть первобытнаго дуалиста, сосредоточивающаго всѣ свои помыслы на умилостивленіи представителей зла, поклонникомъ дьявола; нельзя также утверждать, что онъ игнорируетъ добрыхъ боговъ. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ чисто дѣтскимъ довѣріемъ къ добрымъ богамъ, съ наивною вѣрою въ то, что богъ добръ всецѣло и, поэтому, не можетъ сдѣлать зла; слѣдовательно, нечего и заботиться о немъ. Злое божество, напротивъ того, остается всегда злымъ: необходимо постоянно ухаживать за нимъ, иначе оно можетъ сильно повредить.

Такими мнимыми поклонниками дьявола являются не только наши сибирскіе шаманисты [1]), но и мадагассы, готтентотты, многія негрскія племена въ области Конго, въ Дагомеѣ, на берегу Невольниковъ, патагонцы, абипоны, гвіанскіе индѣйцы, дравиды и т. д. По мнѣнію остъ-индскаго епископа Кальдвеля [2]) около 90 % населенія Индіи молится нынѣ изъ боязни злымъ духамъ. Они не сомнѣваются нисколько въ существованіи добрыхъ боговъ, но и не приносятъ имъ жертвъ [3]); напротивъ того, всѣ злые демоны, различаемые по ступенямъ и приносящіе зло, опасности, несчастія, голодъ, болѣзни и смерть, нуждаются въ кровавыхъ жертвахъ. Представленія о такихъ злыхъ духахъ, о ихъ происхожденіи, характерѣ и о способѣ борьбы съ ними разработываются въ высшей степени детально не только индусами, но и всевозможными дикарями. Точно также эти дикари подчасъ задумываются надъ тѣмъ, какъ объяснить себѣ существованіе зла на ряду съ властью и конечною побѣдою всемогущаго добра. Творецъ въ глазахъ гвіанскихъ индѣйцевъ существо до такой

[1]) Анализъ этихъ обвиненій приводитъ Радловъ: Aus Sibirien, B. I, S. 16, 56 ff.

[2]) R. Caldwell. Der Teufelsdienst im südlichen Indien; см. Bastian. Allerlei, B. I, S. 152—171.

[3]) Caldwell, l. c., S. 153.

степени безконечно возвышенное, что онъ не заботится объ отдѣльныхъ людяхъ[1]). Того же мнѣнія негры-конго въ западной Африкѣ [2]). Добрые и злые духи, это души умершихъ. Добрые и злые борятся не только на землѣ, но и въ загробномъ мірѣ. Злые побѣждаютъ, этому учитъ насъ жизнь, тяжкій ежедневный опытъ. Когда же міръ становится совершенно невозможнымъ подъ гнуснымъ владычествомъ злыхъ, тогда пробуждается отъ грёзъ своихъ всемогущее небо. Громы и молніи мечетъ оно въ гнѣвѣ своемъ на грѣшную землю; въ ужасѣ бѣгутъ злые духи предъ смертельными ударами молній. Но вотъ, небо успокаивается и вновь предоставляетъ духамъ бороться изъ-за власти надъ людьми. Однако, послѣ того какъ пронесется подобная буря надъ землею, вся природа свободно вздыхаетъ.

Такимъ образомъ, первобытный человѣкъ отдается своей фантазіи, увлекающей его въ область поэтическихъ и мистическихъ мечтаній. Дѣйствительно, Мэли правъ, говоря, что первобытная религія „безъ примѣси миѳологическаго элемента фактически невозможна“ [3]).

Но оглянемся, послѣ этого изученія отдѣльныхъ элементовъ религіознаго мышленія, на нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ ученій о происхожденіи религіи [4]). Достаточно одного взгляда на ту массу противорѣчивыхъ комбинацій, которыя предлагаются для объясненія религіознаго чувства, чтобы убѣдиться въ томъ, что мы и здѣсь должны считаться съ роковымъ стремленіемъ изслѣдователей объяснять явленія наиболѣе сложныя путемъ одного какого-либо облюбованнаго ими фактора. Не трудно также замѣтить, что и въ данномъ случаѣ новѣйшія ученія находятъ свои прообразы уже въ первыхъ попыткахъ человѣческой культуры къ разъясненію міровыхъ загадокъ.

---

[1]) Appun. Ausland 1873, S. 683 f.

[2]) См. Тайлоръ. Антропологія, стр. 362.

[3]) J. Mähly. Ueber vergleichende Mythologie, Heidelberg, Winter, 1885, S. 7.

[4]) Мы оставляемъ въ сторонѣ школу онтологистовъ, стоящихъ за интуитивное пріобрѣтеніе представленій о Богѣ, и школу перцепціонистовъ (Якоби, Шлейермахеръ, Ульрици и др.), учащую, что представленіе о Богѣ пріобрѣтается путемъ внутренняго опыта. Ученія эти, какъ исключительно богословскія, не поддаются опытному анализу. Оцѣнку ученій объ откровеніи даетъ берлинскій богословъ-философъ Отто Пфлейдереръ. Religionsphilosophie auf geschichtlicher Grundlage, Berlin, Reimer, 2. Aufl. 1884, B. II, S. 5.

Въ настоящее время другъ другу противостоятъ главнымъ образомъ двѣ школы, анимистическая и фетишистическая. Анимисты, среди представителей которыхъ мы встрѣчаемъ имена столь крупныя, какъ Тайлора, Лёббока, Спенсера, Липперта и др., основываютъ свое ученіе на представленіяхъ о духѣ, вызываемыхъ размышленіями объ умершихъ, о причинѣ болѣзней, сновидѣніями и т. д.[1]). Но это-же ученіе захватываетъ и одухотвореніе всей природы и духовъ, независимо отъ предметовъ. А. Ревиль, поэтому, отличаетъ въ данномъ ученіи съ одной стороны „натуризмъ", почитаніе одухотворенной природы, а съ другой „анимизмъ", „спиритизмъ", вѣра въ духовъ, причисляя сюда и культъ предковъ[2]).

Съ исторической точки зрѣнія мы сопоставляемъ нашъ современный анимизмъ съ упомянутымъ уже выше эвгемеризмомъ[3]), съ критической же точки зрѣнія мы невольно останавливаемся предъ той суммой рефлексіи, которая кроется за анимизмомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что анимистическія размышленія до извѣстной степени доступны человѣку и составляютъ существенный элементъ въ первобытной религіи; но они не могутъ являться исключительною основою религіознаго мышленія и въ виду своей абстрактности реализируются лишь благодаря другимъ элементамъ, вносимымъ въ религіозныя представленія, какъ подъ вліяніемъ могучей природы, такъ и благодаря неугомонной поэтической фантазіи человѣка.

Если анимисты слишкомъ много полагаются на рефлексію дикаря, если они упускаютъ изъ виду, что первобытный человѣкъ болѣе фантазируетъ, чѣмъ философствуетъ, то фетишисты, напротивъ того, до крайности его принижаютъ. Первобытный человѣкъ, какъ учитъ насъ эта школа (Шульце, Пешель, Каспари, Гельвальдъ, Лефевръ и др.), ищетъ повсюду и всегда возможность выяснить себѣ причины тѣхъ явленій, которыя его окружаютъ. Но его неопытный взоръ останавливается прежде всего на случайныхъ предметахъ, на камняхъ, горахъ, деревьяхъ, источникахъ, на животныхъ и людяхъ. Эти явленія становятся для него предметами покло-

---

[1]) См. выше, стр. 493 и далѣе.

[2]) O. Pfleiderer. Religionsphilosophie, S. 13.

[3]) См. выше стр. 481.

ненія. Но вотъ взоръ его поднимается къ небесамъ, къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ, къ небу. Его представленія все болѣе и болѣе облагораживаются, проникаясь въ концѣ концовъ анимистическими размышленіями; онъ устанавливаетъ высшее непознаваемое существо надъ всѣми другими существами и въ немъ ищетъ онъ причину всѣхъ причинъ.

Таковъ путь, которымъ человѣчество, по мнѣнію школы фетишистической, доходитъ до монотеизма. Необъяснимымъ остается, однако, одухотвореніе предметовъ неодушевленныхъ. Тайлоръ и Тилэ полагаютъ, что уже съ первыхъ шаговъ религіознаго мышленія мистическія и фетишистическія представленія идутъ рука объ руку. Но школа фетишистическая, въ сущности, держится на старинномъ ученіи о вліяніи природы на развитіе религіи и приближается къ двумъ весьма противоположнымъ школамъ, изъ которыхъ одна видитъ основу религіозныхъ представленій въ страхѣ, внушаемомъ природою, другая же въ чувствѣ благодарности.

Уже эпикурейцы учили, что страхъ создалъ первыхъ боговъ: „Primos in orbe deos fecit timor". Того же мнѣнія держатся, однако, и многіе изъ новыхъ писателей. Мы упоминали уже о Шлейермахерѣ и Фейербахѣ [1]). Но весьма обстоятельно развилъ эту мысль уже скептикъ Юмъ [2]); другой англійскій мыслитель, Бёкль, высказался въ томъ же духѣ и блестящимъ, хотя и парадоксальнымъ образомъ, постарался подкрѣпить свои соображенія географическими данными [3]). Также точно разсуждаетъ Д. Фр. Штрауссъ [4]) и Роскофъ [5]), хотя послѣдній отчасти смягчилъ свое мнѣніе въ одномъ изъ новыхъ сочиненій своихъ [6]). Немаловажную роль приписываетъ страху, наконецъ, и авторитетный Лёббокъ [7]).

Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что страхъ или, лучше сказать, опасеніе предъ неизвѣстнымъ, невѣдомымъ, можетъ способствовать возникновенію религіозныхъ размыш-

---

[1]) См. выше стр. 508.

[2]) D. Hume. Natural History of religion, Sect. II, v. 4, p. 427.

[3]) Buckle. Geschichte der Civilisation, Leipzig 1865, B. I, S. 113, 121.

[4]) D. Fr. Strauss. Der alte und der neue Glaube, Leipzig 1872, S. 93.

[5]) Roskoff. Geschichte des Teufels, Leipzig 1869, B. I, S. 20.

[6]) Roskoff. Das Religionswesen der rohesten Völker, Leipzig 1880, S. 34.

[7]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 148.

*

леній. Но, на ряду съ опасеніями, существуютъ и иныя чувства первобытнаго человѣка по отношенію къ природѣ.

Древніе греки, религіозныя представленія которыхъ такъ ясно отражаютъ въ себѣ окружающую ихъ природу, даютъ намъ прекрасныя указанія на то, какъ разнообразно природа вліяетъ на людей и какъ, на ряду съ чувствомъ страха, она возбуждаетъ и чувства благодарности и благоговѣйнаго восторга. Аѳина почитается какъ Аглауросъ, какъ сіяющій свѣтъ, ибо и человѣкъ и растеніе изнемогаютъ въ томъ морѣ свѣта и палящаго зноя, въ которое по временамъ погружается Аттика; но ее чествуютъ и какъ благую Пандрозосъ, когда она ниспосылаетъ нѣжную росу, утоляя все живущее вокругъ. Въ сосѣднихъ областяхъ, отличающихся плодородною почвою и достаточнымъ орошеніемъ, земледѣлецъ не чувствуетъ этой зависимости отъ росы и свѣта; за то культъ его обращается къ матери-землѣ, къ Деметрѣ [1]). Обиталищемъ боговъ или же мѣстомъ соединенія Зевса и Геры являлись въ глазахъ древнихъ грековъ вершины горъ, притягивающія къ себѣ дождевыя облака [2]).

Но эти указанія на греческую миѳологію приводятъ насъ вновь къ фантастическому элементу въ первобытной религіи. Въ область поэтическую болѣе или менѣе погружаются представители сравнительной миѳологіи: Яковъ Гриммъ, Адальбертъ Кунъ, Мюлленгофъ, Мангардтъ, Максъ Мюллеръ и др. Послѣдній изъ авторовъ находитъ источникъ религіозныхъ представленій въ давленіи безконечности. Слѣдуя темному стремленію своему къ тому, чтобы познать безконечное, человѣкъ поднимался отъ болѣе или менѣе осязаемыхъ предметовъ, какъ-то горъ, рѣкъ, къ неосязаемымъ, но все еще видимымъ небеснымъ явленіямъ, за тѣмъ къ невидимымъ, но все еще чувствуемымъ въ дѣйствіи своемъ явленіямъ, такъ напримѣръ къ вѣтру; затѣмъ всѣ эти явленія соединяются въ понятіяхъ: сіяющіе (deva), живущіе (asura), безсмертные или нестарѣющіеся (amarta, agara), въ которыхъ уже заключается понятіе о божествѣ. Такимъ образомъ люди переходятъ отъ природы къ Богу этой природы [3]).

---

[1]) Neumann und Partsch. Physikalische Geographie von Griechenland, Breslau, Koebner 1885, S. 32 ff.

[2]) l. c., S. 75—79.

[3]) O. Pfleiderer. Religionsphilosophie, S. 19.

Перебирая всѣ эти крайнія и болѣе или менѣе исключающія другъ друга ученія, мы съ своей стороны лишь укрѣпляемся въ развитыхъ нами выше положеніяхъ, по которымъ въ образованіи религіозныхъ идей участвуетъ отнюдь не одинъ какой либо факторъ, а напротивъ того, цѣлый рядъ факторовъ. Дѣйствительно, человѣкъ ищетъ познанія природы; съ этимъ познаніемъ связана возможность его существованія, возможность его развитія. Природа указываетъ ему [1]) на существованіе духовъ и свидѣтельствуетъ ему о власти ихъ. Человѣкъ ищетъ причинъ, частью подъ вліяніемъ трепетнаго страха, частью подъ вліяніемъ благодарнаго увлеченія, или же наконецъ, по пытливости своей, подобно тому, какъ ребенокъ всюду предлагаетъ свой вопросъ: почему? Но ему въ природѣ „представляется все сверхъестественнымъ, потому что онъ не имѣетъ понятія ни о чемъ естественномъ“ [2]). И природа, преисполненная страховъ и зла, но столь же обильная благостью и добротою, представляется ему злою и доброю въ своихъ отдѣльныхъ явленіяхъ. Влагая въ эти явленія природы и въ свои анимистическія представленія душу свою, антропоморфизируя ихъ, первобытный человѣкъ одариваетъ ихъ всѣми богатствами своей фантазіи и создаетъ себѣ религію.

Выработанныя такимъ образомъ представленія освящаются великой силою традицій и пріобрѣтаютъ значеніе святыхъ догматовъ, значеніе несомнѣнной реальности, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ толпы, жаждущей осязаемыхъ предметовъ поклоненія. Умы свѣтлые, напротивъ того, въ нихъ всегда видятъ лишь блёстки и игру фантазіи [3]).

Трудно прослѣдить и точно отмѣтить всѣ тѣ ступени, которыя проходитъ человѣческая мысль, стремясь къ наиболѣе высокой формѣ религіознаго мышленія. Можно, конечно, отмѣтить двѣ главныя стадіи; фетишизмъ и шаманизмъ, но ни фетишизмъ, ни шаманизмъ не составляютъ особой религіи; они не составляютъ даже строго обособленныхъ райновъ въ исторіи развитія религіозной мысли, ибо фетишистическая и шаманистическая почва не чужды даже и высшимъ формамъ

---

[1]) См. выше стр. 509 и далѣе.

[2]) Маудсли. Физіологія и патологія души. Спб. 1877, стр. 1.

[3]) См. выше стр. 521 и далѣе.

религіозныхъ представленій [1]). При современномъ состояніи философіи религіи немыслимо такое распредѣленіе нѣсколькихъ случайныхъ или мѣстныхъ формъ религіознаго мышленія по ступенямъ, какое въ свое время могъ предложить Лёббокъ [2])... Необходимо, однако, указать, на то, что представленіе о божествѣ все болѣе антропоморфизируется и облагораживается по мѣрѣ развитія своего. Фетишъ, недостойный по образу своему и по судьбѣ своей, смѣняется фантастическими духами шамана, которые выше суеты мірской, но все же могутъ быть вовлечены въ нее и противопоставлены другъ другу человѣкомъ, знающимъ слабыя стороны ихъ. На недосягаемой для фетиша и духа шамановъ высотѣ стоитъ образъ неподкупнаго и единаго Судіи и Творца. Велика разница между неосмысленнымъ и въ сущности безразличнымъ по внѣшнему виду своему фетишомъ; великимъ духомъ индѣйца, все еще являющимся въ недостойномъ образѣ птицы; сверхъестественной и страшной фигурою индусскаго божества со множествомъ рукъ; гармоничнымъ, высокочеловѣческимъ и прекраснымъ образомъ греческихъ божествъ и, наконецъ, абстрактнымъ представленіемъ о безтѣлесномъ духѣ высшихъ религій.

---

[1]) См. Максъ Мюллеръ, Ганнель, Пфлейдереръ, Пешель, Винсонъ и т. д.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 150, отличаетъ: атеизмъ, понимая подъ этимъ не отрицаніе божества, но отсутствіе какихъ бы то ни было опредѣленныхъ понятій объ этомъ предметѣ. Фетишизмъ,—такое религіозное состояніе, когда человѣкъ полагаетъ, что можетъ принудить божества угождать его желаніямъ. Поклоненіе природѣ или тотемизмъ, — поклоненіе предметамъ природы: деревьямъ, озерамъ, камнямъ, животнымъ и пр. Шаманизмъ,—фазисъ, въ которомъ высшія божества гораздо могущественнѣе человѣка и различны отъ него по своей природѣ. Мѣсто пребыванія ихъ удалено отъ него и доступно только шаманамъ. Идолопоклонство или антропоморфизмъ, въ которомъ боги, по своимъ свойствамъ, ближе подходятъ къ человѣку, но все-таки гораздо сильнѣе его. На нихъ еще можно дѣйствовать убѣжденіемъ; они представляютъ собою часть природы, а не творцовъ ея. Ихъ воспроизводятъ въ изображеніяхъ или формѣ идоловъ. Въ слѣдующей за тѣмъ ступени на божества смотрятъ уже не какъ на часть природы, а какъ на творцовъ ея. Здѣсь божество впервые становится дѣйствительно сверхъестественнымъ существомъ. Послѣдняя степень есть та, въ которой религія соединяется съ нравственностью.

Глава XXIV.

Миѳологія и изящныя искусства.

Школы номиналистовъ и реалистовъ.—Реальныя основы миѳовъ и значеніе ихъ для антропологіи.—Поэтическія достоинства миѳовъ.—Поэзія полинезійцевъ.—Великій космогоническій миѳъ.—Фиджійцы.—Австралійцы.—Шуточная поэзія.—Космогоническіе миѳы.—Негры.—Космогоническій миѳъ.—Отличительныя черты поэзіи негровъ.—Поэзія сѣверянъ. —Музыка.—Архитектура.—Живопись и татуировка.—Скульптура.—Танцы.—Значеніе художественныхъ наклонностей дикарей для антропологіи.

Заманчивая область миѳологіи, въ которую мы уже вступили въ прошлой главѣ, является въ настоящее время полемъ ожесточенной борьбы между школами номиналистовъ и реалистовъ. „Номиналисты“ [1]), Як. Гриммъ, Ад. Кунъ, Ф. Шварцъ, Максъ Мюллеръ, Штейнталь, Форхгаммеръ, Дельбрюкъ и др., склоняются къ тому, что „не миѳъ создается религіозными и философскими размышленіями, а напротивъ того, религіозныя и философскія размышленія создаются миѳомъ, послѣ того какъ онъ самъ возникъ изъ метафорическихъ элементовъ языка“ [2]). Миѳическій элементъ въ высшемъ значеніи слова, опредѣляется М. Мюллеромъ „какъ результатъ власти языка надъ мыслею“ [3]). Школа „реали-

---

[1]) „Номинисты“ называетъ ихъ М. Мюллеръ въ своемъ новомъ замѣчательномъ произведеніи: Das Denken im Lichte der Sprache, Leipzig, Engelmann 1888, S. VII.

[2]) B. Delbrück. Zeitschrift für Völkerpsychologie, B. III; S. 275.

[3]) M. Müller. Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft, Strassburg, Trübner 1874, S. 317. „Вся исторія философіи отъ Ѳалеса до Гегеля ничто иное, какъ непрерывная борьба противъ миѳологіи, непрестанный протестъ мысли противъ языка“. S. 317, 318.

стическая", распространенная по преимуществу въ Англіи, Франціи, Голландіи, а также и въ Германіи (М. Гауптъ, Шереръ, Мюлленгофъ) и основывающаяся главнымъ образомъ на методахъ „Первобытной культуры" Тайлора, усматриваетъ источникъ миѳовъ во вліяніи природы и обыденной жизни на фантазію первобытнаго человѣка. Первая школа держится при сравнительномъ изученіи миѳологіи лингвистической стороны, вторая реалистической основы миѳовъ. Мыслимо, однако, нѣкоторое примиреніе между этими крайними направленіями, ибо нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что языкъ оказываетъ извѣстное вліяніе на мысль, нѣтъ возможности также сомнѣваться въ великихъ заслугахъ многихъ представителей номиналистической школы. Но, съ другой стороны, слишкомъ извѣстны всѣ тѣ разнорѣчія [1]) и всѣ тѣ фантастическія крайности, въ которыя подчасъ впадали даже наиболѣе видные изъ вожаковъ этой школы. Противовѣсомъ въ этихъ крайностяхъ можетъ послужить то въ сущности историческое направленіе при сравнительномъ изученіи миѳовъ, которое рекомендуютъ Бенфей, Мангардтъ [2]), А. Н. Веселовскій [3]) и др. Не менѣе важнымъ симптомомъ возможнаго въ данномъ случаѣ примиренія является признаніе заслугъ „реалистовъ" или „фолклористовъ" со стороны М. Мюллера. Въ упомянутомъ новомъ сочиненіи своемъ онъ указываетъ на то, что „лингвистическій методъ могъ бы идти рука объ руку съ методомъ фолклористовъ". Съ точки зрѣнія антрополога реалистическое направленіе несомнѣнно болѣе симпатично. Увлеченіе языкомъ до возведенія его въ „божество" [4]) противно

---

[1]) Культъ Аѳины сводится М. Мюллеромъ на утреннюю зарю, Кришенбадеромъ на астрономическія комбинаціи, Шварцомъ и Дельбрюкомъ на грозу, Э. Ф. Шмидтомъ на грозовую тучу, Поперомъ на зачатіе. Паллада по Форхгамеру обозначаетъ ясный воздухъ, по Преллеру эѳиръ, ясное небо, по Гильдебранту это—богиня моря и т. д.

[2]) W. Mannhardt. Wald- und Feldkulte, Berlin 1877, B. II, см. предисловіе, содержащее краткій очеркъ исторіи развитія сравнительной миѳологіи.

[3]) А. Н. Веселовскій. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872, предисловіе.—Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. 1880, стр. 150 и далѣе.

[4]) Рунце. (Sprache und Religion, S. 41), не пришедшій, при всемъ томъ громадномъ матеріалѣ, который онъ перебираетъ, къ выводамъ вполнѣ яснымъ, усматриваетъ въ обычаѣ табуированія, т. е. освященія предмета, благодаря чему онъ дѣлается неприкосновеннымъ, вѣроятныя слѣды „первобытнаго обо-

духу антрополога и точно также чужды ему тѣ насильственныя истолковыванія наиболѣе реальныхъ и естественныхъ явленій обыденной жизни въ смыслѣ миѳовъ о небесныхъ свѣтилахъ, которыми такъ охотно блистаютъ номиналисты [1]).

Реальная основа миѳовъ выступаетъ передъ нами особенно ярко, когда мы начинаемъ ихъ свѣрять съ фактическою жизнею ихъ творцовъ. Каждая ступень соціальнаго развитія, каждый жизненный промыселъ имѣетъ свою специфическую миѳологію; иная она у охотника, иная у кочевника, у земледѣльца, у ремесленника и т. д. [2]). Въ миѳѣ своемъ, въ лицѣ своего божества первобытный человѣкъ даетъ самого себя; для него не существуетъ абстрактнаго бога; его богъ именно его богъ, онъ стоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ нимъ, онъ живетъ тою же жизнею, тѣми же интересами, какъ и его почитатель. Такимъ образомъ, миѳы раскрываютъ намъ полную картину физической и духовной жизни творцовъ ихъ. Однимъ изъ характернѣйшихъ примѣровъ мы въ данномъ случаѣ считаемъ миѳологію древнихъ индусовъ.

Нечего распространяться, конечно, о томъ, что при пользованіи миѳами, какъ бытовыми источниками, необходима крайняя осторожность; но тщательная критика открываетъ подчасъ именно въ пробѣлахъ и въ неправдопобностяхъ миѳовъ любопытнѣйшія указанія на психику творцовъ ихъ. Укажемъ лишь на общеизвѣстный примѣръ, отмѣченный Гладстономъ и прекрасно характеризирующій древнихъ грековъ: по патріотической слабости грековъ ни одинъ изъ сколько нибудь выдающихся героевъ ихъ не погибаетъ подъ Троею нормальнымъ путемъ.

Намъ остается еще указать на одну сторону сравнительной миѳологіи, дѣлающую эту отрасль науки въ высшей сте-

---

готворенія слова“, но тутъ же разказываетъ о томъ, что на табуированный предметъ нисходитъ духъ. Интересныя колебанія по поводу культа змѣй мы отмѣчаемъ у Шварца (Ursprung der Mythologie и Poetische Naturanschauungen), который склоняется къ символическому происхожденію этого культа, и у М. Мюллера, который допускаетъ связь этого культа съ тотемизмомъ.

[1]) М. Кулишеръ, энергично выступившій на защиту реальнаго направленія, совѣтуетъ миѳологамъ „поменьше обращать вниманія на небесныя явленія и сосредоточивать его на земныхъ дѣлахъ и интересахъ“, подкрѣпляя свой совѣтъ рядомъ интересныхъ указаній на реальную основу миѳовъ. Миѳологія и этнографія. Русская Мысль, 1889, кн. 1, стр. 114—136.

[2]) J. Mähly. Vergleichende Mythologie, S. 19

пени цѣнною для антрополога. Мы имѣемъ въ виду художественную, поэтическую сторону миѳовъ.

Какъ ни мало разработанъ вопросъ о художественныхъ способностяхъ дикарей, но мы уже въ настоящее время располагаемъ рядомъ весьма замѣчательныхъ данныхъ, касающихся этой стороны духовной жизни дикаря[1]). И эти данныя свидѣтельствуетъ намъ, что художественные задатки, считаемые, какъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и присяжными философами и эстетиками за наиболѣе тонкія и возвышенныя проявленія человѣческой души, отнюдь не чужды дикарямъ.

Если мы, съ цѣлью убѣдиться въ художественныхъ способностяхъ дикарей, начнемъ съ поэзіи, какъ съ области непосредственно связанной съ миѳическимъ творчествомъ, то нашъ взоръ, конечно, прежде всего остановится на наиболѣе прославленныхъ поэтахъ среди первобытныхъ народовъ, на полинезійцахъ. Къ сожалѣнію лучшая пора полинезійцевъ безвозвратно миновала. Владычество европейцевъ успѣло отразиться на нихъ. Полинезійцы слишкомъ малочисленны, чтобъ бороться съ европейцами; они слишкомъ воспріимчивы къ горю и къ радостямъ, чтобы выжить, чтобы ассимилироваться съ ними. Правъ былъ Бастіанъ, восклицая: „психически они уже вымерли, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается оригинальности ихъ мышленія“ [2]).

Едва ли полинезійцы теперь смогли бы создать нѣчто подобное тому грандіозному космическому миѳу, который въ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ переданъ намъ упомянутымъ опытнымъ и счастливымъ изслѣдователемъ [3]). Миѳъ этотъ чрезвычайно обширенъ и является во множествѣ варіантовъ. Вотъ въ общихъ чертахъ главное теченіе его въ изложеніи маори. Созданіе міра начинается глубокою,

---

[1]) Матеріалъ, накопившійся въ нашихъ рукахъ по этому весьма мало изученному вопросу, столь обширенъ и открываетъ столь много новыхъ точекъ зрѣнія на духовную жизнь дикарей, что мы рѣшаемся разработать его въ спеціальной монографіи. На предлежащихъ страницахъ мы, поэтому, ограничимся лишь нѣкоторыми общими указаніями.

[2]) A. Bastian. Der Papua etc., S. 328.

[3]) A. Bastian. Die heilige Sage der Polynesier, Leipzig, Brockhaus 1881. A. Bastian. Zur Kenntniss Hawaii's, Berlin, Dümmler 1883.

мистически-философскою мыслею, свидѣтельствующею о недюженномъ талантѣ авторовъ миѳа. Въ началѣ была вѣчная ночь, безразличная темная По. Прошло неизмѣримо много времени и зародилось стремленіе; оно разросталось, оно смѣнялось. Все творчество обозначается какъ цвѣтеніе, Пуа. Зарождается мысль, зарождается великая загадка жизни, плодотворная сила... и только какъ девятнадцатая ступень послѣ небытія—небо и земля, Рангисъ и Папа. Небо возлегало на землѣ. Но дѣти неба и земли рѣшили разлучить ихъ, чтобы былъ свѣтъ. Богъ войны, богъ моря и другіе боги пытались это сдѣлать; они были безсильны. Но вотъ поднялся Тане - Магута, богъ лѣсовъ: онъ склонилъ главу свою къ землѣ, онъ уперся ногами въ небо и оторвалъ родителей другъ отъ друга. Что значили для него ихъ жалобы и стоны! И вотъ стали видны люди... теперь господствовалъ свѣтъ. Но любящая женщина, земля, посылаетъ свои вздохи къ далекому супругу, это—туманъ, медленно поднимающійся надъ землею, а слезы падаютъ внизъ, на женщину, это—роса.

Между дѣтьми разлученныхъ супруговъ одинъ остался имъ вѣренъ и сжалился надъ ними, богъ бури, Тавгура-Матеа. Онъ поднялся къ отцу своему въ открытые просторы небеснаго свода. Здѣсь онъ воспиталъ дѣтей своихъ и вотъ онъ посылаетъ ихъ, вѣтровъ и бурю: они разрушаютъ лѣса, они разбиваютъ и разгоняютъ воды. Но мать,—она остается вѣчно любящею матерью, она спасаетъ отъ гнѣвнаго мстителя неблагодарныхъ и оскорбившихъ ее дѣтей; она покрываетъ ихъ и защищаетъ своимъ собственнымъ тѣломъ, бога жатвы и бога дикихъ плодовъ. Лишь богъ войны, Ту, стоитъ несверженный. Братья не помогли ему въ борьбѣ. Теперь, когда ослабла ярость неба и вѣтровъ, онъ собирается идти на нихъ. Онъ дѣлаетъ петли и силки и развѣшиваетъ ихъ по деревьямъ; онъ ловитъ сыновей бога лѣсовъ, птичекъ. Онъ преслѣдуетъ и сыновей моря, рыбъ. Онъ раскалываетъ каменнымъ топоромъ твердое дерево и дѣлаетъ изъ него острую кирку; ею онъ выкапываетъ изъ земли сыновей бога жатвъ и дикихъ плодовъ. Они спрятаны были матерью землею, но ихъ выдали пучки волосъ, показавшіеся надъ поверхностью...

Мы коснулись здѣсь лишь незначительной части громад-

наго космогоническаго миѳа, разсказывающаго далѣе о потопѣ, происшедшемъ вслѣдствіи битвы боговъ, о размноженіи рода человѣческаго и о смерти, навлеченной на него проступкомъ и т. д. Но изъ этого отрывка уже видно, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, одареннымъ богатою творческою фантазіею и поразительно тонкимъ чутьемъ къ нуждамъ и страданіямъ природы. Въ высшей степени удачно проявляются здѣсь человѣческіе мотивы въ столкновеніи божествъ и несомнѣнно поэтично разсказывается намъ возникновеніе охоты, рыболовства и земледѣлія. Какъ блѣдны въ сравненіи съ этими картинами обыденныя европейскія представленія о томъ, какъ какой либо богъ или герой обучилъ человѣчество земледѣлію, садоводству и проч.

Среди полинезійцевъ довольно распространенъ чудный даръ импровизаціи. Они импровизируютъ лирическія, эпическія стихотворенія, сказки, разсказы, иногда даже драматическія сценки. Творцами этихъ импровизацій зачастую являются женщины [1]). Полинезійцы слывутъ за хорошихъ ораторовъ [2]); рѣчь ихъ богата картинами и условными художественными оборотами; мимика ихъ чрезвычайно выработана. Полинезійцы охотно выступаютъ въ роли миссіонеровъ и имѣютъ въ этомъ отношеніи большой успѣхъ. Но и обыденная рѣчь полинезійцевъ изобилуетъ поэтическими оборотами, поговорками, изреченіями, эпиграммами. Зачастую поговорки ихъ въ высшей степени мрачны. Такъ, напримѣръ, полинезійцы говорятъ: умереть легко; жить—къ чему? смерть это—покой.

Поэзія до того присуща папуасскимъ фиджійцамъ [3]), находящимся подъ вліяніемъ полинезійской культуры, что они всегда говорятъ въ картинахъ: смерть замѣняется словомъ сонъ; умирать—солнечный заходъ; скромность—мягкій вечерній свѣтъ; свертываніе паруса—складываніе крыльевъ лодки. Фиджійцы по цѣлымъ ночамъ слушаютъ своихъ разсказчиковъ. Одинъ остроумный европеецъ заработалъ порядочную сумму денегъ, переходя изъ селенія въ селеніе и всюду разсказывая сказки изъ Тысячи и одной ночи. Туземцы слушали его съ удовольствіемъ. Одно лишь шокировало ихъ: онъ бралъ плату за

---

[1]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 82—102.

[2]) Hochstetter, Neuseeland. Stuttgart 1863 c., S. 510.

[3]) Waitz-Gerland, S. 605 ff.

свои разсказы. Ихъ поэты дѣйствительно свободные художники и, пользуясь благостью страны своей, остаются ими, не требуя вознагражденія за свое вдохновеніе [1]).

Но эти столь щедро одаренныя природою и живущія среди столь счастливой и поэтической обстановки племена не представляютъ какого либо исключенія. Природа человѣка въ высшей степени многообразна и сильна; она является передъ нами въ безчисленныхъ измѣнчивыхъ формахъ и въ разнообразнѣйшихъ краскахъ и оттѣнкахъ, она сохраняетъ свою жизненность даже тамъ, гдѣ суровыя обстоятельства, повидимому, совершенно унижаютъ и уничтожаютъ человѣка.

Обратимъ нашъ взоръ къ странѣ печальной и скудной, по крайней мѣрѣ, по своему первоначальному состоянію, къ народности въ высшей степени несчастной, бѣдной, жалкой и не разъ уже выставленной какъ разновидность человѣчества наиболѣе слабо одаренная и наиболѣе близкая къ животному міру.

Мы говоримъ объ австралійцахъ. У нихъ въ ходу не мало стишковъ комическихъ или сатирическихъ, такъ какъ они несомнѣнно одарены способностью подмѣчать смѣшныя стороны хотя бы своихъ европейскихъ властителей, англичанъ. Они прекрасно передразниваютъ ихъ въ своихъ мимическихъ танцахъ, являющихся зачатками драматической поэзіи [2]). Въ гнѣвѣ они закидываютъ другъ друга укорами въ риѳмахъ или въ ритмахъ, связуемыхъ общимъ припѣвомъ. Австралійцы слывутъ за хорошихъ ораторовъ и хорошихъ разсказчиковъ. Въ ихъ сказкахъ зачастую объясняется та или другая особенность въ фигурѣ животнаго или въ окраскѣ его; весьма популярны у нихъ страшныя сказки, которыя они любятъ разсказывать ночью, при невѣрномъ свѣтѣ горящаго костра, когда въ окружающей тьмѣ безпрепятственно властвуютъ духи, о которыхъ идетъ рѣчь [3]). Въ ихъ миѳахъ можно встрѣтить несомнѣнно поэтическія мысли, такъ напр., въ звѣздахъ они видятъ души умершихъ, въ созвѣздіяхъ охотниковъ, старухъ, варящихъ пищу и т. д.; млечный путь—это рѣка Дарлингъ для умершихъ, а звѣзды — души, ловящія рыбу. Въ

[1]) Waitz-Gerland, S. 607.
[2]) Ibid, l. c., S. 755, 758, 759.
[3]) Ibid, S. 759.

пѣсняхъ употребляются спеціальные поэтическіе обороты, такъ вмѣсто „любимецъ“ всегда говорится „младшій братъ“ и этимъ характеризируется особенная нѣжность чувствъ по отношенію къ любимому человѣку.

Но австралійцы несомнѣнно способны къ весьма сильнымъ движеніямъ души; достаточно указать на то, что австралійскія матери иногда носятъ съ собою при своихъ безконечныхъ и утомительныхъ переходахъ трупъ умершаго ребенка въ продолженіи десяти или двѣнадцати мѣсяцевъ. Какъ глубоко трагичны и нервны, наконецъ, тѣ миѳы, въ которыхъ австралійцы стараются объяснить себѣ причину страданій и несчастій, на которыя они обречены: вотъ что разсказываютъ племена къ сѣверу отъ Перта [1]): Мотогонъ, создатель міра, былъ сильное существо: онъ воскликнулъ имя земли, онъ дунулъ—и создалъ міръ. Но теперь онъ старъ и ничего болѣе не дѣлаетъ. Вотъ еще одинъ миѳъ, принадлежащій мѣстности порта Филиппа [2]): здѣсь описывается добрый богъ Пунгиль, всегда заботившійся о благѣ своихъ австралійцевъ. Но вотъ пришелъ богъ бѣлыхъ... онъ побѣдилъ Пунгиля; онъ бросилъ его въ глубокія нѣдра земли. И лежитъ тамъ безсильный добрый богъ и потеряли австралійцы своего защитника. Бѣлые могутъ теперь безнаказанно убивать и истреблять австралійцевъ.

Можно было бы развернуть еще цѣлый рядъ увлекательныхъ поэтическихъ картинъ, не менѣе нѣжныхъ и изящныхъ, чѣмъ полинезійскія, не менѣе суровыхъ и трагичныхъ, чѣмъ австралійскія. Мы могли бы остановиться, напримѣръ, на сѣверо-американцахъ, образность и поэтичность рѣчи которыхъ вошла въ пословицу. Но мы предпочитаемъ именно тѣхъ дикарей, относительно которыхъ у насъ болѣе всего предразсудковъ. Къ разряду племенъ, навлекшихъ на себя не мало презрѣнія со стороны европейцевъ и дѣйствительно крайне непоэтичныхъ по внѣшнему виду и по матеріалистическому направленію своему, принадлежатъ негры. Но послушаемъ ихъ миѳы.

На берегу Лоанго разсказывается слѣдующій миѳъ: по велѣнію бога Замби создались земля и люди. Но эти люди

[1]) Waitz-Gerland, S. 798.
[2]) Waitz-Gerland, S. 797.

вскорѣ отвернулись отъ него; они были неблагодарны и обращались къ нему съ проклятіями и оскорбительными тѣлодвиженіями. Тогда Замби обратилъ первыхъ людей въ обезьянъ и прогналъ ихъ въ чащу лѣсовъ. Затѣмъ онъ создалъ двѣ пары людей, мущинъ и женщинъ, указалъ имъ жилище у колодца и, какъ домашнее животное, далъ имъ пѣтуха. Когда утромъ на зарѣ пѣтухъ пропѣлъ, проснулся младшій братъ съ женою, они поспѣшили къ колодцу, быстро вымылись и вотъ они стали бѣлыми. Когда же поднялись лѣнивцы, вода оказалась уже загрязненной, они остались черными и, благодаря дыму и копоти въ хижинахъ, становились все чернѣе. Вскорѣ бѣлая и черная пара поссорились, такъ какъ они были столь различны, и разошлись [1]). Подъ видомъ шутливой легенды тутъ выступаетъ предъ нами весьма удачное самообличеніе и самобичеваніе лѣнивыхъ негровъ.

Въ общемъ нужно сказать, что меланхолическія ноты не свойственны произведеніямъ негровъ. Имъ болѣе присуще юмористическое веселье и поэзія ихъ блещетъ прежде всего здоровымъ, иногда даже слишкомъ крѣпкимъ для нашихъ вкусовъ остроуміемъ. Наибольшаго мастерства достигаютъ негры въ животномъ эпосѣ, баснѣ и въ сказкѣ. Весьма распространены у негровъ пословицы. Многія изъ этихъ пословицъ напоминаютъ наши собственныя, многія въ высшей степени остроумны: „Плодъ отъ дерева недалеко падаетъ“. — „Рука никого не обманетъ“. — „Не превратиться краббу въ птицу“.— „Вода и огонь не бываютъ вмѣстѣ“. — „Платье дѣлаетъ человѣка“.—„Деньги дѣлаютъ человѣка“.— „Дикій кабанъ вмѣсто свиньи разорилъ-бы городъ; рабъ, если сдѣлается королемъ, никого не пощадитъ“.—„Глупъ тотъ, у кого овца два раза вырывается“.— О клеветѣ и объ оскорбленіи говорится: „пепелъ всегда летитъ на того, кто его кидаетъ“. Не рѣдкость встрѣтить среди негровъ импровизаторовъ, есть даже профессіональные импровизаторы, придворные поэты, воспѣвающіе своихъ властителей и ихъ гостей. Такъ привѣтствовали Швейнфурта у нямнямовъ, Горнбергера у эвейцевъ, а Цёллера воспѣвали дагомейскія поэтессы. Барды-негры заходятъ до Константинополя.

---

[1]) A. Bastian. Die deutsche Expedition an der Loango-Küste, Jena 1875, B. II, S. 218 ff.

Какъ ораторы негры положительно выдаются. Томсонъ [1]) поражается тѣмъ достоинствомъ и тою выдержанностью пріемовъ, съ которыми публично говорятъ массаи. Горнбергеръ дѣлаетъ подобные же отзывы объ эвейцахъ [2]). Пренія кафровъ предъ общественнымъ судомъ весьма интересны, хотя почти что безконечны. Кафры слывутъ за ловкихъ діалектиковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ миссіонеры, не разъ становившіеся въ тупикъ въ виду вопросовъ кафровъ.

Но перенесемся въ страну вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, въ суровыя полярныя области. Лишь на короткій мигъ здѣсь спадаютъ оковы смерти съ природы, мимолетна улыбка ея и обитателю этихъ суровыхъ бѣдныхъ мѣстностей приходится бороться съ жизненными трудностями, почти что превышающими силы человѣка. Но и среди нихъ горитъ святое пламя поэтическихъ дарованій.

Поэтовъ мы встрѣчаемъ даже среди жалкихъ и приниженныхъ самоѣдовъ, не смотря на всю ничтожность и все однообразіе ихъ потребностей и помысловъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ лирическія и героическія поэмы и главнымъ образомъ сказки ихъ, переданныя намъ Кастреномъ [3]). Но тому же наблюдателю, передъ гуманною и доброю душею котораго довѣрчиво раскрывались души униженныхъ и оскорбленныхъ, мы обязаны чудною пѣснею зырянъ [4]), о которыхъ многіе основательные изслѣдователи говорятъ, какъ о народѣ лишенномъ всякихъ поэтическихъ способностей [5]). Поучительна въ этомъ отношеніе судьба ближайшихъ родственниковъ этихъ зырянъ, финляндскихъ финновъ, народною поэзіею которыхъ мы теперь столь охотно увлекаемся, тогда какъ до собранія Калевалы никто бы не повѣрилъ, что этотъ угрюмый и тихій народъ обладаетъ поэзіею столь душевною и богатою красками.

Но еще большой просторъ субъективности даетъ искусство, которое и понынѣ, на высшихъ ступеняхъ развитія,

---

[1]) Thomson. Durch Massai-Land, S. 143, 386.

[2]) Hornberger. Land und Volk des Eweer, Quartalblatt der Norddeutschen Missions-Gesellschaft 1878, № 86.

[3]) Castrén. Ethnologische Vorlesungen.

[4]) Castrén. Reisen im Norden, Leipzig 1853, S. 289—292.

[5]) К. Поповъ. Зыряне и Зырянскій край. Изв. Имп. Об. люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XIII, вып. 2. Москва 1874, стр. 54.

является наиболѣе субъективнымъ. Это музыка. „Искусство музыки, это искусство чувства, которое непосредственно обращается къ чувству“, говоритъ Гегель[1]) въ своей знаменитой „Эстетикѣ“. Къ этому искусству человѣка приводятъ звуки природы, пѣніе птицъ, шумъ дубравы, журчанье ручья; его приковываютъ звуки, издаваемые предметами при прикосновеніи къ нимъ, онъ увлекается, наконецъ, собственнымъ голосомъ, способнымъ къ выраженію столь различныхъ оттѣнковъ чувства. Нѣтъ народа на землѣ, который бы не проявлялъ музыкальныхъ наклонностей, нѣтъ народа, котораго бы не волновала музыка. Вспомнимъ, въ какое нервное, напряженное настроеніе приводятъ слушателей глухіе, таинственные звуки бубна, какъ возбуждаетъ ихъ энергичная и героическая военная музыка. Ливингстонъ разсказываетъ, что бечуаны были до слезъ тронуты церковнымъ гимномъ, пропѣтымъ миссіонеромъ въ ихъ собраніи[2]). Страшные нямнямы, какъ уже замѣчено, отличаются чрезвычайнымъ пристрастіемъ къ изящнымъ искусствамъ. Случается, говоритъ Швейнфуртъ[3]), что нямнямы до того увлекаются, играя на своихъ жужжащихъ и звонко бренчащихъ мандолинахъ, что забываютъ и ѣду и питье; они просиживаютъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, день и ночь. Дикарь поетъ, или лучше сказать, напѣваетъ постоянно и при работѣ и при отдыхѣ, въ горѣ и въ радости; если же у него нѣтъ подходящей пѣсни, то онъ импровизируетъ ее или повторяетъ въ безконечныхъ и однообразныхъ варіаціяхъ все ту же фразу. Къ музыкальнымъ способностямъ дикарей нельзя, впрочемъ, относиться съ пренебреженіемъ. Совершенно справедливо Вайтцъ замѣчаетъ, что „среди всѣхъ первобытныхъ народовъ наибольшими способностями и наибольшею любовью къ музыкѣ безъ сомнѣнія отличаются негры“[4]). Максъ Бухнеръ, отнюдь не почитатель негровъ, восхищается звучнымъ пѣніемъ негровъ западнаго берега Африки и чистотою ихъ трубныхъ сигналовъ[5]). Томсонъ называетъ

[1]) G. F. W. Hegel. Vorlesungen über die Aesthetik, Berlin, Dunker und Humblot, 2. Aufl., B. III, 1843, S. 129.

[2]) D. Livingstone. Missionsreisen, B. I, S. 192.

[3]) G. Schweinfurth. Im Herzen von Afrika, B. II, S. 33.

[4]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker, B. II, S, 237.

[5]) M. Buchner. Kunst und Witz bei den Negern, Ausland 1884, S. 12.

пѣніе страшныхъ массаевъ „прекраснымъ и музыкальнымъ“ [1]). Характерно уже то, что негры особенно увлекаются наиболѣе труднымъ изъ европейскихъ инструментовъ, скрипкою, и подчасъ владѣютъ ею съ замѣчательною виртуозностью; если же барабанъ остается любимѣйшимъ и національнымъ инструментомъ толпы, то это, конечно, всецѣло должно быть отнесено къ шумному и чисто дѣтскому темпераменту ихъ [2]). Сааны, бушмены, прекрасно владѣютъ европейскою скрипкою и отличаются хорошимъ слухомъ и звучными голосами [3]). О музыкѣ австралійцевъ существуетъ цѣлая литература; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что они дѣйствительно одарены музыкальными способностями [4]).

Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то они встрѣчаются въ безконечномъ разнообразіи, начиная съ самыхъ простыхъ и кончая болѣе или менѣе сложными [5]): наиболѣе первобытнымъ инструментомъ является шкурка опоссума у австралійцевъ; ее растягиваютъ и затѣмъ во время танцевъ отбиваютъ на ней тактъ палочкою. На ряду съ этимъ прообразомъ барабана существуютъ дѣйствительные барабаны всевозможныхъ видовъ, трещетки, колокольчики, трехугольники, раковины, замѣняющія рога, и дѣйствительные рога, трубы, флейты, арфы, гитары, мандолины и даже нѣчто въ родѣ переноснаго фортепьяно, такъ называемое маримбо негровъ. Инструментъ этотъ [6]) состоитъ изъ двухъ паралелльныхъ, согнутыхъ въ дуги деревянныхъ ободовъ, поперекъ которыхъ положено отъ 15 до 20 деревянныхъ пластинокъ, толщина которыхъ соотвѣтствуетъ глубинѣ тона, извлекаемаго изъ нихъ при помощи барабанной палочки; подъ каждою пластинкою находится выдолбленная тыква, открытая сверху и служащая резонаторомъ. Звучитъ этотъ инструментъ отнюдь не дурно, а виртуозы, играющіе на немъ, возбуждаютъ удивленіе

---

[1]) Thomson. Durch Massai-Land, S. 142.

[2]) На жестянки консервовъ, привозимыхъ европейцами, негры предъявляютъ большой спросъ. Эти жестянки, по ихъ мнѣнію, превосходные барабаны. Falkenstein. Afrikas Westküste, Leipzig, Freytag 1885, S. 193.

[3]) Th. Hahn. Globus, B. XVIII, S. 120 ff.

[4]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. II, S. 754.

[5]) A. Svoboda. Illustrirte Musik-Geschichte, Köln. 1888. S. 3—7.

[6]) Livingstone. Missionsreisen, B. I, S. 332.

своихъ слушателей не только музыкальностью, но и быстротою своей игры.

Разбирая вопросъ о происхожденіи и назначеніи архитектуры, философъ-эстетикъ Зульцеръ весьма мѣтко говоритъ, что „дикарь, впервые стремившійся, по внушенію счастливаго генія, къ тому, чтобы устроить, какъ слѣдуетъ, свою хижину и соблюсти въ ней стройное соотношеніе частей, былъ изобрѣтателемъ архитектуры“ [1]). Но задача архитектуры состоитъ не въ одномъ лишь сооруженіи зданія, прекраснаго съ художественной точки зрѣнія, но и въ томъ, чтобы достигнуть соотвѣтствія между сооруженіемъ и обстановкою, выражая въ этомъ соотвѣтствіи извѣстную идею [2]). Въ способности архитектуры выражать извѣстныя идеи и притомъ съ ясностью и образностью, превосходящихъ въ иныхъ случаяхъ даже то, что можетъ обрисовать слово, убѣждаютъ насъ архитектурные памятники различныхъ народовъ. Сравнимъ, напримѣръ, высѣченные въ мрачныхъ скалахъ грандіозные, фантастически-неестественные, неясные, но въ тоже время величественные храмы индусовъ, сравнимъ ихъ съ чудными, столь прекрасными и свѣтлыми храмами древнихъ грековъ, стоящими на открытыхъ солнечныхъ высотахъ; вспомнимъ высящіеся среди узкихъ и темныхъ средневѣковыхъ городовъ готическіе храмы, которые какъ бы вырываются изъ тѣсной и жалкой среды гнетущей обыденной жизни и стремятся къ небу, и противоставимъ имъ наши безцвѣтныя и, при всей своей пышности, слабыя подражанія прежнихъ стилей. Въ каждой изъ этихъ картинъ, въ каждой линіи этихъ картинъ отражается извѣстный народъ, извѣстный вѣкъ.

Многіе первобытные народы выказываютъ удивительное чутье къ подобнымъ задачамъ архитектуры, чутье къ настроенію, такъ сказать, ландшафта. Относительно негровъ Цёллеръ [3]) сообщаетъ, что онъ неоднократно удивлялся ихъ совершенной архитектурѣ и ихъ чутью къ обстановкѣ. „По-

---

[1]) Sulzer. Theorie der schönen Künste, 3. Aufl., Frankfurt und Leipzig 1798, B. III, S. 77.

[2]) Th. Vischer. Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen, Leipzig 1851, B. III, Th. 1, S. 199.

[3]) Цёллеръ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ почитателямъ негровъ, см. выше стр. 116.

*

добныя зданія, говоритъ онъ, я наблюдалъ въ десяткахъ деревень и я всегда задавалъ себѣ вопросъ, неужели у негровъ есть художественное чутье? Чтобы тамъ не говорили, а эти постройки прекрасны съ точки зрѣнія архитектуры, или же являютъ по крайней мѣрѣ попытку, которая при дальнѣйшемъ развитіи должна была бы быть названа архитектурно-прекрасною" [1]).

Первымъ объектомъ живописи и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ свидѣтелемъ того, насколько присущи первобытному человѣку эстетическія стремленія, является человѣческое тѣло. Нѣтъ такого народа на свѣтѣ, какъ бы несчастенъ онъ ни былъ и какъ бы мало онъ ни пользовался одеждою, который бы не проявлялъ самаго выраженнаго пристрастія къ украшенію своего тѣла. Нечего и говорить, что мы въ данномъ случаѣ сталкиваемся съ самыми нелѣпыми уклоненіями дурнаго вкуса, ибо среди дикарей безусловно господствуетъ мода, требующая ухищреній наиболѣе ненормальныхъ [2]). На ряду съ желаніемъ изукрасить себя дикари къ тому же зачастую увлекаются намѣреніями совершенно противоположными: воины, напримѣръ, желаютъ придать себѣ видъ по возможности страшный, а покоренные стремятся походить на побѣдителей и съ этою цѣлью даже уродуютъ свои черепа, носы и т. д.

Живопись на тѣлѣ выражается въ окраскѣ его, причемъ различныя краски соотвѣтствуютъ различнымъ настроеніямъ; красный цвѣтъ, напримѣръ, обозначаетъ настроеніе энергичное, праздничное или воинственное; черный зачастую обозначаетъ трауръ и т. д. Безъ окраски кожи не обходились даже люди каменнаго періода, какъ о томъ свидѣтельствуетъ находка пасты изъ красной охры на знаменитой станціи у источника Шуссены. Еще болѣе художественна татуировка, о распространеніи которой Вильгельмъ Ёстъ выражается въ своей роскошно изданной монографіи о татуировкѣ слѣдующимъ образомъ: „Нѣтъ ни одного племени

---

[1]) Zöller. Deutsche Besitzungen in Afrika, B. I, S. 137.

[2]) „Мода властвуетъ вездѣ, куда только успѣлъ проникнуть человѣкъ на земномъ шарѣ", говоритъ нашъ знаменитый путешественникъ Миддендорфъ. Путешествіе и т. д., стр. 640.

въ мірѣ, у котораго бы окраска или татуировка тѣла не были прежде въ обычаѣ или не встрѣчались бы еще понынѣ" [1]).

О распространеніи этого обычая у европейцевъ сообщаютъ Ломброзо [2]), Лакассань [3]) и другіе. Татуировка въ Европѣ главнымъ образомъ распространена среди преступниковъ, матросовъ и солдатъ, однакоже въ Берлинѣ до 4% всѣхъ труповъ, подлежащихъ вскрытію, татуированы [4]). Татуированіе, ограничивающееся нанесеніемъ рубцовъ или же доходящее до рисунковъ въ высшей степени сложныхъ и художественныхъ, сопряжено съ извѣстною болью и при большихъ узорахъ можетъ быть закончено лишь послѣ многолѣтней работы. Пристрастіе къ такимъ украшеніямъ доходитъ, однако, до того, что люди готовы продать себя въ рабство, лишь бы татуировка ихъ тѣла была закончена. Вопросъ о значеніи татуировки возбуждаетъ въ настоящее время не мало споровъ. Ёстъ, Финшъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи не усматриваютъ въ татуировкѣ ничего иного, кромѣ стремленія изукраситься [5]). Другіе же, какъ напримѣръ, Вайтцъ и Герландъ [6]), придаютъ ей въ данномъ случаѣ значеніе религіозной символизаціи. Едва ли, однако, основательны ироническія насмѣшки первой группы изслѣдователей, практиковъ, по адресу второй группы, теоретиковъ. Татуировка европейцевъ учитъ, что даже у насъ религіозные мотивы играютъ не послѣднюю роль [7]); надобно упустить изъ виду все пристрастіе первобытнаго неяснаго ума къ символизаціи, чтобы всецѣло отрицать всякое болѣе глубокое значеніе татуировки. Характерно для даннаго вопроса именно то, что обычай легко можетъ получить высшее символическое значеніе именно благодаря традиціи, освящающей его [8]). Такое значеніе пріобрѣлъ, напримѣръ, гигіеническій обычай обрѣзанія [9]). Нельзя далѣе забывать того, что нѣкоторые дикари при нанесеніи

[1]) W. Joest. Tätowiren, Narbenzeichen und Körpermale, Berlin, Asher 1887, S. 3.

[2]) Lombroso. Der Verbrecher, Hamburg 1887, S. 254—272.

[3]) Lacassagne. Les tatuages, Paris 1881.

[4]) W. Joest, l. c., S. 107.

[5]) Joest, l. c., 55 ff. 60, тамъ же Финшъ, S. 41.

[6]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. III. B. VI.

[7]) Joest, l. c., S. 103 ff.

[8]) См. выше стр. 533.

[9]) См. R. Andree. Ethnographische Parallelen, B. II, S. 166—212.

татуировки соблюдаютъ воздержаніе отъ половыхъ сношеній [1]). Этимъ мы однако, не хотимъ сказать, чтобы украшеніе тѣла не было во многихъ случаяхъ единственною цѣлью татуировки, и точно также татуировка можетъ служить племеннымъ знакомъ и выражать извѣстное отличіе, напримѣръ, воинскую доблесть татуированнаго и т. д.

Изучая живопись первобытныхъ людей, помимо человѣческаго тѣла, мы должны вновь возвратиться къ намѣченному нами уже распредѣленію специфическихъ склонностей и способностей среди различныхъ народовъ [2]). Цѣлый рядъ нынѣ существующихъ народностей, какъ напримѣръ, сѣверные племена, эскимосы, чукчи и другіе, точно также какъ и индѣйцы Сѣверной Америки, бушмены, австралійцы и т. д. достигаютъ извѣстнаго совершенства въ изображеніи живыхъ существъ, животныхъ и людей, находящихся въ движеніи. Но такія же способности и такое же направленіе обнаруживаютъ люди палеолитическаго вѣка въ Европѣ. Другую школу, такъ сказать, представляютъ намъ полинезійцы, меланезійцы, гиляки, колуши и т. д., а въ соотвѣтствіи съ ними люди неолитическаго вѣка, бронзоваго вѣка и свайныхъ построекъ вообще. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ орнаментами, представляющими въ иныхъ случаяхъ стилистическіе узоры, въ высокой степени совершенные [3]).

„Скульптура болѣе всякаго другого искусства, по самому существу своему направлена къ идеалу“, говоритъ Гегель [4]), а между тѣмъ первобытный человѣкъ еще слишкомъ мало возвысился надъ природою, онъ не позналъ еще самого себя, не позналъ человѣческаго идеала. „Чутье къ совершенной пластикѣ“, продолжаетъ нашъ мыслитель, „въ изображеніи божества и людей проявилось въ особенности сильно въ Греціи, и мы отнюдь не можемъ понять Греціи по од-

---

[1]) Fr. Hernsheim. Südsee-Erinnerungen, Berlin 1884, S. 79.

[2]) См. выше стр. 124—125. H. Hildebrand. Beiträge zur Kunst der niederen Naturvölker, Studien und Forschungen, herausgegeben von Nordenskiöld, Leipzig, Brockhaus 1885, S. 289—386. R. Andree. Ethnographische Parallelen, B. II, S. 56—73.

[3]) Превосходные орнаменты гиляковъ переданы извѣстнымъ изслѣдователемъ Амурскихъ народовъ академикомъ Шренкомъ въ этнографическій музей при Имп. Академіи наукъ.

[4]) Hegel. Vorlesungen über die Aesthetik, B. II, S. 376.

нимъ ея поэтамъ, ораторамъ, историкамъ и философамъ; ключомъ для пониманія ея служатъ идеалы скульптуры" [1]). Греческая скульптура достигла наивысшаго совершенства въ изображеніи идеальной человѣческой фигуры: символы, примѣняемые ею, имѣли значеніе аттрибутовъ частью поэтическихъ, частью же объяснительныхъ. Въ душѣ человѣка первобытнаго символизація, напротивъ того, выше идеи; идеи имъ еще не сознаны, онѣ лишь чувствуются, лишь осязаются имъ. Поэтому, символизація его всегда сверхъестественна, онъ стремится изобразить нѣчто фантастически-грозное, не находя выраженія для величественнаго. Символизація божественной силы выражается въ страшной всепоглощающей пасти, въ безчисленныхъ всезахватывающихъ рукахъ и т. д. Человѣкъ кажется самому себѣ весьма жалкимъ и недостойнымъ; антропоморфизируя своихъ боговъ, онъ, поэтому, придаетъ имъ отличительныя отъ человѣка черты, онъ увеличиваетъ или уменьшаетъ число членовъ ихъ. Но если первобытный человѣкъ не въ состояніи возвыситься до идеальныхъ задачъ скульптуры, то онъ, напротивъ того, обнаруживаетъ не мало способностей въ болѣе технической области этого искусства. Эскимосы, чукчи, камчадалы и другіе сѣверяне превосходно вырѣзываютъ изъ кости фигуры различныхъ животныхъ, а новозеландцы достигаютъ опять-таки высокаго совершенства въ орнаментаціи. Фритчъ разсказываетъ о томъ, съ какимъ терпѣніемъ лѣнивые кафры вырѣзаютъ своими мягкими ассагаями изъ слоновой кости предметы домашняго обихода, „безспорно свидѣтельствующіе объ извѣстномъ художественномъ вкусѣ" [2]). Вниманія заслуживаютъ бивни слоновъ, изображенные въ путешествіи Бастіана на берегу Лоанго [3]). На бивняхъ этихъ вырѣзано безчисленное множество фигурокъ въ $1^1/_2$—2 дюйма ростомъ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ самыхъ забавныхъ положеніяхъ, какъ бы въ какомъ-то безумно веселомъ карнавальномъ шествіи [4]).

---

[1]) Hegel, l,. c, S. 377.

[2]) Fritsch. Die Eingeborenen Südafrikas, S. 73, 175.

[3]) Bastian. Deutsche Expedition an der Loango-Küste, Jena, Costenoble 1874. B. I.

[4]) Среди дикарей, получившихъ европейское образованіе, Эдмоніа Левисъ чистокровная дикарка, замбо, достигла почетнаго имени въ скульптурѣ. См. біографію ея. Ausland 1866.

Намъ остается упомянуть еще объ искусствѣ, посвященномъ музѣ Терпсихорѣ, объ искусствѣ, которое иные эстетики готовы не признавать за дѣйствительное искусство, но которое въ высшей степени важно именно для насъ антропологовъ. Весьма рѣзко характеризируетъ современное состояніе этого искусства нашъ излюбленный философъ-эстетикъ Гегель. „Если въ этомъ, добравшемся до послѣднихъ крайностей безсмыслія и скудоумія, простомъ искусничаніи можетъ еще проглянуть образъ идеи, то для этого требуется, помимо совладанія со всѣми техническими трудностями, такая свобода и грація, такая соразмѣрность и душевная гармонія въ движеніяхъ, которыя нужно считать за величайшую рѣдкость“ [1]). Но на ряду съ этимъ жестокимъ приговоромъ нашъ авторъ указываетъ и на утрату того элемента, который такъ сказать освящаетъ балетъ и который въ наивысшей степени своей присущъ былъ танцамъ классической древности, а именно на мимику [2]). Дѣйствительно, классическіе мыслители иначе относились къ этому искусству. Платонъ и Аристотель сознавали высокое этическое значеніе и въ тоже время опасность танцевъ. Платонъ требовалъ въ интересахъ народнаго воспитанія строгаго выбора танцевъ [3]). Лукіанъ и Либаній блестящимъ образомъ защищали значеніе танцевъ [4]).

Нѣтъ той страсти, нѣтъ того настроенія, которое бы ни выражалось въ танцахъ и, подобно тому, какъ субъективная музыка присуща человѣку, такъ точно присущи ему ритмическія движенія, выражающія его субъективныя впечатлѣнія и притомъ на немъ самомъ какъ на объектѣ даннаго искусства. Танецъ дикаря изображаетъ все, что его волнуетъ, и въ увлеченіи танцемъ онъ легко забываетъ свое горе. Трогательны разсказы о томъ, что торговцы невольни-

---

[1]) Hegel, l. c., B. III, S. 524.

[2]) Hegel, l. c., B. III, S. 525. О значеніи мимики въ классическую эпоху свидѣтельствуетъ оригинальный разсказъ о Деметрѣ-циникѣ, котораго одинъ знаменитый танцоръ заставилъ увѣровать въ силу танцевъ, протанцовавъ передъ нимъ безъ музыки и декорацій, и притомъ одинъ, извѣстный любовный эпизодъ между Венерою и Марсомъ. Тогда восхищенный философъ воскликнулъ: „Я слышу то, что ты представляешь, не только вижу, потому что мнѣ кажется, что ты говоришь руками!“ Sulzer. Theorie der schönen Künste, B. III, S. 562.

[3]) E. Müller. Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten, Breslau 1834—1837, B. II, S. 5, 7, 9, 19, 116, 125.

[4]) E. Müller, l. c., B. II, S. 414.

ками принуждали ударами кнута своихъ рабовъ къ танцамъ; въ упоеніи пляскою несчастные хотя бы на короткое время забывали судьбу свою и меньше ихъ умирало отъ тоски по родинѣ, отъ чувства, которое, къ удивленію всѣхъ тогдашнихъ европейцевъ, не чуждо было и этимъ полуживотнымъ. Меланхолическіе индѣйцы, какъ сообщаетъ Доджъ, бывшій полицейскимъ офицеромъ въ индѣйской области, до того увлекались танцами, что даже забывали о его присутствіи! [1]). Бушмены танцуютъ съ такою страстью, что забываютъ все вокругъ себя; этимъ неоднократно пользовались враги ихъ для внезапныхъ нападеній [2]). Танцы дикарей имѣютъ характеръ увеселительный [3]) или же символическій. Къ послѣднимъ относятся, напримѣръ, маскарадные танцы индѣйцевъ Южной Америки [4]), комическіе и охотничьи танцы нашихъ камчадаловъ [5]), охотничьи и воинственные танцы кафровъ [6]), австралійцевъ, сѣверныхъ индѣйцевъ и т. д.; религіозныя пляски австралійцевъ, напримѣръ, знаменитый Корробори, выполняемый въ свѣтлыя лунныя ночи, въ лѣсу, вдали отъ нечистыхъ взоровъ женщинъ и чужеземцевъ [7]); пляски древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ. Извѣстно, наконецъ, значеніе танцевъ въ религіозныхъ обрядахъ евреевъ и то, что въ христіанскихъ церковныхъ обрядахъ танцы удержались до послѣдняго времени въ Севильскомъ соборѣ.

Въ глазахъ антрополога танцы тѣмъ важнѣе, что въ нихъ,

---

[1]) R. J. Dodge. Our Wild-Indians. Hartford, Worthington 1883, chap. XXVIII.

[2]) Th. Hahn. Globus, Bd. XVIII, S. 122.

[3]) Вопросъ о томъ художественно-ли или безобразно танцуютъ дикари рѣшается путешественниками, по обычаю, лишь по личному и притомъ субъективному впечатлѣнію. Фалькенштейнъ, столь увлеченный неграми, укоряетъ ихъ въ безобразныхъ и безтолковыхъ прыжкахъ (Die Westküste Afrikas, S. 189). Цёллеръ, сулившій неграмъ рабство на слѣдующія два тысячелѣтія, съ удовольствіемъ описываетъ граціозные танцы ихъ (E. Zöller. Deutsche Besitzungen in Afrika, B. IV, S. 109 f.). Не мѣшаетъ также имѣть въ виду противорѣчивые отзывы путешественниковъ о прославленныхъ баядеркахъ Остиндіи или же неблагопріятное мнѣніе русскихъ путешественниковъ о знаменитой „бачѣ“ нашихъ туркестанцевъ.

[4]) Bates. Am Amazonenstrom, Leipzig 1866, S. 409.

[5]) Steller. Kamtschatka, S. 341.

[6]) Fritsch. Die Völker Südafrikas, S. 91, 143, 189.

[7]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, B. VI, S. 755. Ratzel. Völkerkunde, B. II, S. 31.

какъ мы уже въ свое время замѣтили, кульминируютъ всѣ искусства. Здѣсь сочетаются лучшія украшенія и оружія, музыка и пѣсни; въ мимическихъ танцахъ, исполняемыхъ предъ храмомъ, общественнымъ домомъ или вообще въ соотвѣтствующей обстановкѣ, символически выражаются извѣстныя событія изъ жизни народа или же эпизоды, относящіеся къ его представленіямъ о высшихъ существахъ [1]).

Въ этихъ символическихъ танцахъ мы имѣемъ дѣло съ весьма характерными зачатками драматическихъ представленій, тогда какъ, съ другой стороны, извѣстный разрядъ ихъ вводитъ насъ въ область символизаціи болѣе возвышенной, носящей оттѣнокъ религіозный. Таковъ характеръ извѣстнаго танца буйволовъ у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, ибо этотъ танецъ въ сущности долженъ служить для привлеченія буйволовъ. Еще болѣе сильную вѣру въ реальность выполняемыхъ въ танцѣ обрядовъ видимъ мы въ воинственныхъ танцахъ индѣянки, поддерживающей ими мужество своего супруга, находящагося въ походѣ. „Танецъ въ глазахъ индѣйца", говоритъ Робертсонъ [2]), „есть серьезное и многозначительное дѣяніе, играющее важную роль при любомъ происшествіи въ общественной или частной жизни ихъ". Напомнимъ лишь пляски воинственныя, пляски перемирія, пляски при заклинаніяхъ и при выполненіи шаманистическихъ обрядовъ [3]).

Заканчивая этими указаніями нашъ краткій обзоръ художественныхъ способностей дикарей, мы не можемъ не обратиться еще разъ къ тому, что въ искусствѣ дикарей кроются первичныя зачатки нашего собственнаго искусства. Для познанія нашего современнаго искусства мы должны обратиться къ корнямъ его, точно также какъ это нами выяснено было относительно нашего общественнаго и

---

[1]) Характерно, что Липпертъ въ своемъ обширномъ и едва-ли по справедливости прославленномъ трудѣ о культурѣ первобытныхъ племенъ на 1276 страницахъ только и умѣетъ сказать о танцахъ, что „въ наивномъ быту танецъ является лишь какъ выраженіе сочувствія музыкѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ самъ танецъ звукомъ также образуетъ музыку!" (Kulturgeschichte, Stuttgart 1886, B. I, S. 632).

[2]) Robertson. Histoire de l'Amérique, Laussane 1778, v. IV, p. 461.

[3]) Относительно пляски шамановъ у нашихъ самоѣдовъ. См. Castrén. Reisen, B. II, S. 172.

психическаго развитія вообще. Но искусство дикарей даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность глубоко вникнуть въ самыя сокровенныя движенія душевной жизни ихъ, а высшіе и наиболѣе чистые порывы этой жизни къ красотѣ и къ гармоніи вновь приближаютъ насъ къ нисшимъ братьямъ и служатъ намъ новымъ доказательствомъ въ пользу великаго ученія объ единствѣ человѣческаго рода.

Глава XXV.

Языкъ.

Значеніе языка.—Происхожденіе языка.—Ономатопоэтическія звуковыя группы.—Школа эмпириковъ.—Школа нативистовъ.—В. Гумбольдтъ.—Языкъ животныхъ.—Мимическій языкъ.—Языкъ глухонѣмыхъ.—Интонація.—Барабанный языкъ.—Междомѣтія.—Органическіе звуки.—Роль обычая и подражанія въ образованіи языка.—Неустойчивость языка.—Географическія и историческія причины измѣненія языка.—Языки культурныхъ и дикихъ народовъ.—Бѣдность некультурныхъ языковъ обобщеніями.—Можно ли по отсутствію слова заключать объ отсутствіи понятія.—Богатство и бѣдность языковъ.—Запасы звуковъ и словъ.—Школы монофилетическая и полифилетическая.—Начало письменности.—Бирки, узлы, кипу, жезлы и символическіе знаки.—Письменность картинная и звуковая.—Цифры и счисленія.—Заключеніе.

Въ языкѣ человѣка отражается духъ его во всѣхъ его потребностяхъ, наклонностяхъ и стремленіяхъ. „Исторія языка, это—исторія народа; исторія языка вообще, это — исторія человѣчества“ [1]). Глубоко понялъ значеніе языка для познанія человѣчества геніальный Окенъ, говоря, что „міръ индивидуализировался въ человѣческомъ родѣ; человѣкъ олицетворяетъ въ себѣ весь міръ; въ языкѣ его отражается смыслъ міра“ [2]). Языкъ является, наконецъ, какъ мы объ этомъ уже говорили при опредѣленіи мѣста человѣка въ мірозданіи [3]), однимъ изъ существеннѣйшихъ отличій человѣка отъ животнаго.

Но, если высокое значеніе языка не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, то тѣмъ загадочнѣе для насъ исторія

---

[1]) Schaaffhausen. Anthropologische Beiträge, Bonn 1885. „Die menschliche Sprache“, S. 605.

[2]) Oken. Naturphilosophie, Würzburg, 2 Aufl. 1843, § 3707.

[3]) См. выше, стр. 63.

происхожденія его. Во всякомъ случаѣ, языкъ — произведеніе человѣка. Уже въ 1851 году Яковъ Гриммъ весьма энергично указывалъ, что даже Ветхій Завѣтъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы языкъ могъ быть переданъ человѣку путемъ откровенія. По его мнѣнію языкъ „нельзя считать ни прирожденнымъ какъ у животныхъ (!), ни переданнымъ путемъ откровенія“ [1]). Уже въ глубокой древности люди неоднократно задумывались надъ вопросомъ о происхожденіи языка. Геродотъ [2]) разсказываетъ, что король Псамметихъ велѣлъ воспитать двухъ новорожденныхъ дѣтей въ пустынѣ, причемъ ихъ не учили говорить. Когда ихъ затѣмъ привели къ королю, они знали лишь одно слово „бекосъ“, что на языкѣ фригійцевъ обозначаетъ хлѣбъ. Не особенно рекомендуетъ намъ проницательность Псамметиха то, что онъ на основаніи этого заключилъ, что фригійскій языкъ—наидревнѣйшій, и что египтяне, поэтому, не могли считаться первичнымъ народомъ. Подобныя же легенды сообщаются объ одномъ шотландскомъ королѣ и о монгольскомъ князѣ, который велѣлъ воспитать двѣнадцать новорожденныхъ двѣнадцатью нѣмыми кормилицами; дѣти эти выражали будто бы свои мысли лишь путемъ мимики. Тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣчество условилось употреблять извѣстные звуки для обозначенія извѣстныхъ понятій, тогда какъ оно лишено было языка, остается открытымъ. „Какъ представить себѣ“, восклицаетъ Лазарь Гейгеръ, „соглашеніе, задачею котораго именно и было создать способъ соглашенія“ [3])?

Многіе ученые объясняли выборъ звуковъ путемъ ономатопоэтическимъ, т. е. подражаніемъ звуковъ, присущихъ данному явленію. Ономатопоэтическими словами богатъ, повидимому, каждый языкъ (таковы, напримѣръ, слова: гремѣть, шипѣть, мычать, журчать, шелестѣть, хрустѣть, скрипѣть, donnern, brüllen, plätschern, säuseln, zischen, murmeln; санскритское kâka=ворóна (нѣм. Krähe); китайское mau=кошка). Иногда эти ономатопоэтическія попытки въ высшей

[1]) Jak. Grimm. Ueber den Ursprung der Sprache, Berlin. Dümmler, 3. Aufl. 1852, S. 29.

[2]) Геродотъ. II. § 2, изд. Мищенки, т. I, стр. 115.

[3]) L. Geiger. Ursprung der Sprache, Stuttgart 1869, S. 5.

степени оригинальны по своей мысли. Чиноки въ Америкѣ обозначаютъ кабачекъ словомъ hi-hi; подъ этимъ звукомъ фигурируетъ понятіе о чемъ то веселомъ вообще и кабачекъ, такимъ образомъ, является мѣстомъ, гдѣ можно вдоволь посмѣяться. Базуто въ южной Африкѣ обозначаютъ придворныхъ словомъ ntsi-ntsi, но если выговаривать эти звуки медлено, то получается названіе мухи, и эта прелестная ономатопоэтическая картина, конечно, въ высшей степени удачно рисуетъ намъ какъ докучливое жужжаніе мухи, такъ и неотвязное приставаніе придворныхъ паразитовъ. Но эти звукоподражанія легко утрачиваются при дальнѣйшемъ употребленіи языка, они стираются и доходятъ до состоянія почти неузнаваемаго; при этомъ они слѣдуютъ естественнымъ законамъ развитія языка, точно также какъ историческимъ случайностямъ, такъ, напримѣръ, вліянію болѣе сильнаго сосѣдняго языка. За естественное происхожденіе языка путемъ звукоподражанія или же, по крайней мѣрѣ, на основаніи чисто физіологическихъ и анатомическихъ условій органовъ рѣчи стоятъ болѣе или менѣе рѣшительно Блеекъ, Витней, Тайлоръ, Л. Гейгеръ и др.

Но эти толкованія нашли злого врага въ лицѣ извѣстнаго лингвиста Макса Мюллера, мѣтко надсмѣявшагося надъ звукоподражаніями и между прочимъ поднявшаго вопросъ о томъ, почему у всѣхъ народовъ корова не называется му, а собака вау-вау? Теорія ономатопоэтиковъ обозначена была М. Мюллеромъ какъ теорія „вау-вау“. Однако и Максу Мюллеру пришлось нисколько не лучше, такъ какъ онъ въ сущности не далъ ничего положительнаго въ замѣну отвергнутой имъ теоріи. Онъ опирается лишь на то, что каждому тѣлу присущъ извѣстный звукъ, какъ, напримѣръ, стеклу или колоколу; такимъ же путемъ говоритъ онъ и мысль возбуждаетъ въ органахъ рѣчи соотвѣтствующія колебанія [1]). Эти то загадочныя выраженія, эти таинственные звуки, а еще болѣе того сравненіе этихъ звуковъ съ колоколомъ навлекли на теорію М. Мюллера не менѣе опасное прозвище, ее назвали теоріею „бимъ-бамъ“ или „ding-dong“. Тщетно Мюллеръ увѣрялъ, что не имъ высказана была мысль, что первыя

[1]) Максъ Мюллеръ. Наука объ языкѣ. Воронежъ. 1868 (англ. изд. 1864), стр. 361, 362.

слова издаваемы были человѣкомъ подобно тому, какъ колоколъ издаетъ свои звуки; обидное прозвище осталось за нимъ, тѣмъ болѣе, что прочіе представители школъ т. н. „нативистовъ“, (Штейнталь, Лацарусъ, Вундтъ [1]) и др.) выступали съ опредѣленіями, въ сущности мало отличными отъ Мюллеровскихъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей школы, отстаивающій непроизвольность первыхъ звуковъ въ противоположность „эмпирикамъ“, стоящимъ за реальныя основы въ родѣ звуко-подражанія или физіологической организаціи, берлинскій лингвистъ Г. Штейнталь пишетъ: „Подобно тому, какъ шумитъ роща, такъ говоритъ и человѣкъ; воздухъ, переносящій звуки и запахи, свѣтовой эфиръ и солнечные лучи и дуновеніе духа проносятся надъ человѣческимъ тѣломъ и оно звучитъ“. Совершенно ложно, однако, Марти причислилъ къ сонму этой школы и Вильгельма Гумбольдта, одного изъ творцовъ современнаго языкознанія. Если Гумбольдтъ и говоритъ объ языкѣ какъ объ „организмѣ“ и о „чувствѣ языка“, то мы отнюдь не должны понимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ. Самъ Гумбольдтъ указываетъ на то, что онъ подъ чувствомъ языка не представляетъ себѣ какую либо особую силу, а лишь всю сумму духовной силы человѣка на сколько она относится къ происхожденію и употребленію языка. Все дѣло сводится такимъ образомъ лишь на извѣстное направленіе духовной дѣятельности [2]).

Съ другой стороны, однако, Максъ Мюллеръ и его соратники сильно поколебали довѣріе къ происхожденію словъ путемъ звукоподражанія, такъ какъ имъ удалось доказать, что во многихъ случаяхъ въ основной формѣ даннаго звукоподражательнаго слова нѣтъ и тѣни ономатопоэтическаго изображенія. Такому разоблаченію подверглось, напримѣръ, прекрасное ономатопоэтическое слово rollen (катать), которое доведено было Л. Гейгеромъ чрезъ посредство roller

---

[1]) Вундтъ весьма недоволенъ терминомъ „Нативисты“, предложеннымъ для обозначенія его школы Марти (Ueber den Ursprung der Sprache, Würzburg 1876, S. 63 f.); онъ указываетъ на то, что большинство соотвѣтствующихъ теорій имѣютъ характеръ генетическій. W. Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie, 2. Aufl. 1884, B. II, S. 439.

[2]) W. Humboldt. Gesammelte Werke, B. II, S. 304.

(старофранцузское слово для rouler) и латинскаго rotulare до rota—колесо, въ которомъ уже нѣтъ звукоподражанія [1]). Дѣйствительно, существуетъ цѣлый рядъ словъ, достигшихъ ономатопоэтическихъ формъ только путемъ послѣдующаго развитія. Но именно это вторичное пересозданіе ихъ и свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что человѣку присущи онамотопоэтическія стремленія; тѣмъ не менѣе, мы вполнѣ согласны съ Паулемъ [2]) въ томъ, что такія пересозданія должны разсматриваться лишь какъ „частичныя новообразованія"; отсюда, однако слѣдуетъ, что они не могутъ быть выдвигаемы противъ ономатопоэтическихъ образованій вообще.

Такимъ образомъ, теорія эмпириковъ несомнѣнно располагаетъ извѣстными данными, хотя съ другой стороны, несравненно большее число фактовъ говоритъ за то, что мы должны считаться и съ такими звуками, которые могли бы быть названы естественными звуками, присущими человѣку.

Если Максъ Мюллеръ въ общемъ и правъ, поставивъ эпиграфомъ къ своему послѣднему труду формулу [3]): „no reason without language, no language without reason", то съ другой стороны не менѣе правъ только что цитированный нами авторъ, Пауль, замѣтившій [4]), что „быть можетъ ничто не препятствовало правильному пониманію самой сущности звуковыхъ измѣненій въ такой степени, какъ то, что въ этомъ случаѣ всегда преувеличивали и районъ дѣйствія и ясность сознанія". Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, достаточно обратиться къ проявленіямъ языка именно въ тѣхъ сферахъ, которыя менѣе всего отличаются сознательностью. Языкъ дѣтей, а въ еще большей степени языкъ животныхъ даютъ намъ въ этомъ случаѣ важнѣйшія откровенія.

Животный міръ представилъ намъ рядъ замѣчательныхъ параллелей въ области исторіи развитія нашей собственной общественности. Такія же цѣнныя указанія даетъ намъ и языкъ животныхъ. Достаточно пересмотрѣть хотя бы упомянутую уже выше [5]) литературу о духовной жизни жи-

[1]) L. Geiger. Ursprung der Sprache, S. 27.

[2]) H. Paul. Principien der Sprachgeschichte, Halle, Niemeyer, 2. Aufl. 1886, S. 145.

[3]) Max Müller. Science of thougth 1888.

[4]) H. Paul. Principien der Sprachgeschichte, S. 47.

[5]) См. выше стр. 60 и далѣе, 419 и далѣе, 446 и далѣе.

вотныхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что они дѣйствительно обладаютъ способностью общенія [1]).

Излюбленный примѣръ въ данномъ случаѣ представляетъ намъ собака, дѣйствительно, обладающая способностью весьма ясно выражать, какъ голосомъ своимъ, такъ и мимикою, радость и печаль, гнѣвъ, страхъ, благодарность, любовь, ненависть, просьбу, требованіе и т. д. Лай собаки является по мнѣнію Л. Гейгера [2]), первою попыткою къ тому, чтобы говорить. На это, однако же, замѣчено было, что собака пріобрѣтаетъ выразительность своей рѣчи лишь при общеніи съ человѣкомъ, дикія собаки не лаютъ, а только воютъ, собаки, высаженныя на необитаемые острова разучивались лаять и производили потомство не лающее. Достаточно, однако, всмотрѣться въ способы выраженія другихъ животныхъ, не стоящихъ въ общеніи съ людьми, напримѣръ, птицъ [3]). Вся жизнь этихъ легкоподвижныхъ и впечатлительныхъ существъ отражается въ ихъ голосѣ, но не менѣе того и въ движеніяхъ ихъ. Мимика играетъ въ выраженіяхъ ощущеній роль весьма существенную. Мы вполнѣ понимаемъ птичку, когда она топорищитъ или сглаживаетъ свои перья, въ особенности на головѣ, когда она кидаетъ головку въ разныя стороны, прищуриваетъ глазки, движетъ ножками и хвостомъ. Даже во снѣ птицы видятъ удивительныя вещи и весьма ясно ихъ отражаютъ въ своей мимикѣ. Но къ этой образной мимикѣ присоединяется тонъ голоса. Уже самый голосъ птицы въ высшей степени типиченъ для характера, для жизненнаго значенія ея. Крикъ ворона и вороны, хриплый злой голосъ чайки, хлопотливый и наглый шумъ воробья, этого улич-

---

[1]) Нечего, конечно, смущаться тѣмъ, что почтенному Гузо. (J. C. Houzeau. Etudes sur les facultés mentales des animaux. Mons 1872, v. II, p. 308) не удалось привить человѣческую рѣчь даже наиболѣе интеллигентнымъ представителямъ животнаго міра, не смотря на шестилѣтнія усилія въ Техасѣ и Мехикѣ и на то, что онъ сносился и говорилъ съ ними какъ съ незрѣлыми дѣтьми. Очевидно, животныя имѣютъ своеобразные способы сношенія.

[2]) L. Geiger. Ursprung der Sprache, S. 190.

[3]) Caspari. Urgeschichte der Menschheit, 2. Aufl., Leipzig, Brockhaus 1877, B. I, S. 153. Чрезвычайно богата симпатичными указаніями на духовную жизнь и языкъ животныхъ книга К. Г. Каруса: Vergleichende Psychologie, Wien, Braumüller 1866, S. 193 ff. Книга эта не имѣла въ свое время подобающаго ея достоинствамъ успѣха въ виду своей полемики противъ господствовавшихъ тогда ультрадарвинистическихъ ученій.

наго воришки, чудное щебетаніе ласточки, все это живые характеры, которые такъ и просятся въ басню и которые вполнѣ понятны намъ, не смотря на то, что они не придерживаются ни теоріи вау-вау, ни теоріи дингъ-донгъ. Но, какъ измѣняются эти голоса и голоски, когда дѣло доходитъ до битвы, или если опасность въ виду, или наступило святое время любви, или уже кормятся дѣтеныши и мать сердится на нихъ за то, что у нихъ не хватаетъ мужества взлетѣть. Кто не утратилъ чутья къ естественному, къ природѣ, тотъ найдетъ въ подобныхъ наблюденіяхъ не только много поучительнаго, но и ту отрадную свѣжесть, которую намъ даетъ мать-природа, если только мы съ любовью сближаемся съ нею.

Рѣдко, конечно, мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько важна для насъ мимика. Люди природы жестикулируютъ въ высшей степени выразительно; мы, люди культуры, утратили мимику нашу вмѣстѣ съ выразительною интонаціею въ обыденной рѣчи, но мы тѣмъ не менѣе оцѣниваемъ все значеніе мимическаго жеста, если намъ приходится прибѣгнуть къ языку малоизвѣстному. Существуетъ, однако, цѣлый рядъ народовъ, которые преимущественно пользуются мимическимъ языкомъ. Какъ извѣстно, охотничьи племена Америки говорятъ, именно въ силу своей охотничьей жизни, своей разобщенности, на безчисленномъ множествѣ различныхъ діалектовъ. Въ виду этого они такъ плохо понимаютъ другъ друга, что сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ мимическимъ пособіямъ. Арапахи въ Сѣверной Америкѣ имѣютъ языкъ настолько бѣдный, что имъ ночью приходится зажигать огонь, если они хотятъ сообщить что-либо другъ другу, въ особенности, если бесѣда ведется между людьми не совсѣмъ близкими; то же дѣлаютъ бушмены; нѣчто подобное разсказывается про негровъ въ востоку отъ мыса Пальма. Пурисы не имѣютъ отдѣльныхъ словъ для понятій вчера, сегодня и завтра; употребляя одно и то же слово, они лишь показываютъ пальцемъ назадъ, вверхъ или впередъ [1]). Прекрасно разобранъ вопросъ о мимическомъ языкѣ индѣйцевъ Маллери и Герландомъ [2]). Однако же мимическій языкъ не чуждъ и намъ

---

[1]) Schaaffhausen Anthropologische Studien, S. 609.

[2]) См. также Andree. Ethnographische Parallelen, B. II, S. 49—55. (Gemüthsäusserungen und Geberden).

европейцамъ. Вспомнимъ, хотя бы лучшихъ артистовъ нашихъ на сценѣ; болѣе всего насъ зачастую трогаетъ именно нѣмая игра ихъ. Интереснѣйшія данныя намъ представляетъ мимическій языкъ глухонѣмыхъ. Мимика человѣка вообще настолько общепонятна, что ученики берлинской школы для глухонѣмыхъ въ состояніи были объясняться съ эскимосами, показывавшимися въ Берлинѣ; знаки нашихъ глухонѣмыхъ Ливингстонъ встрѣчалъ въ Южной Америкѣ. Весьма поучительно, однако, что и языкъ мимическій можетъ быть испорченъ условными, такъ сказать, мѣстными знаками, какими изобилуютъ, напримѣръ, наши схоластическіе балеты. Такъ среди той же школы для глухонѣмыхъ въ Берлинѣ установилось оригинальное обозначеніе для французовъ; въ данномъ случаѣ производилось движеніе рукою, указывающее на „голову долой“. Эта антифранцузская демонстрація объяснялась, однако, весьма просто тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на дѣтей произвелъ разсказъ о казни Людовика XVI. Съ тѣхъ поръ дѣти не могли говорить о французахъ, не вспомнивъ о гильотинѣ. Если бы учителя не заботились о правильности и чистотѣ знаковъ, то, конечно, каждый вновь поступившій ребенокъ заучилъ бы этотъ знакъ механически, не соединяя съ нимъ особаго представленія, а мимическій языкъ данной мѣстности обогатился бы новымъ знакомъ, лишеннымъ естественнаго и общепонятнаго значенія.

Глухонѣмые учатся говорить, видя какъ говоритъ учитель ихъ. Послѣдній заставляетъ ихъ принимать то положеніе рта, которое онъ имъ изображаетъ и которое необходимо при выполненіи извѣстнаго звука, затѣмъ они сильно вдыхаютъ и потому уже произносятъ звукъ, который они сами не слышатъ. Легко убѣдиться въ томъ, что основа нашей рѣчи въ сущности физіологическая и анатомическая, если повторить извѣстный опытъ, при которомъ человѣкъ попеременно принимаетъ опредѣленныя выраженія, веселыя или же злыя, удивленныя, восхищенныя и т. д. и приэтомъ начинаетъ говорить. Оказывается, что съ измѣненіемъ выраженія, мгновенно мѣняется и оттѣнокъ голоса. Уже изъ этой физіологической связи между мимическимъ выраженіемъ и оттѣнкомъ голоса явствуетъ значеніе мимики въ исторіи развитія языка. Несомнѣнно, что развитіе языка звуковаго на первичныхъ ступеняхъ сво-

ихъ шло рука объ руку съ развитіемъ языка мимическаго и что первый освободился отъ содѣйствія послѣдняго лишь послѣ того, какъ установился [1]).

Говоря о языкѣ животныхъ, мы упоминали и о тонѣ ихъ голоса. Человѣческая рѣчь еще болѣе способна къ передачѣ самыхъ сложныхъ чувствъ и ихъ переходовъ путемъ оттѣнковъ голоса. Общепонятность оттѣнковъ звука рельефнѣе всего выступаетъ передъ нами въ музыкѣ, но мы убѣждаемся въ ней и при хорошей декламаціи на иностранномъ языкѣ и даже при крикѣ новорожденнаго ребенка, который вполнѣ достаточенъ для заявленія многочисленныхъ потребностей его [2]). Характерно далѣе, какъ легко дѣти различныхъ національностей объясняютъ другъ другу на различныхъ языкахъ свои несложныя мысли и потребности, въ особенности если за ними не слишкомъ явно наблюдаютъ взрослые. Негры выработали себѣ особый барабанный языкъ [3]), описанный Бухнеромъ и Цёллеромъ; они сообщаютъ другъ другу, какъ бы по телеграфу, путемъ барабанныхъ звуковъ, весьма сложныя вѣсти. Проводники Цёллера узнавали по барабаннымъ сигналамъ, что тотъ или другой начальникъ сердитъ за то, что его не посѣтили, что на нихъ собираются напасть, что одинъ вождь собирается къ другому въ гости и т. д. Но, конечно, необходимъ извѣстный опытъ, чтобы оріентироваться въ этихъ, повидимому, столь однообразныхъ звукахъ барабановъ. Какъ мы уже выше упомянули [4]), интонація до нѣкоторой степени утратилась въ культурной рѣчи. „Интонація или удареніе, это такой элементъ рѣчи, который уже не существуетъ въ нашихъ языкахъ“, говоритъ М. Мюллеръ [5]) „но въ первичный періодъ развитія народной рѣчи она играла необыкновенно важную роль во всѣхъ языкахъ“. Однако же и мы прибѣгаемъ къ знакамъ препинанія, чтобы придать жизнь мертвымъ буквамъ нашего письма и прелесть многихъ писателей состоитъ именно въ смѣлой и изящной постановкѣ этихъ знаковъ препинанія.

---

[1]) Paul. Principien der Sprachgeschichte, S. 149.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 104.

[3]) E. Zöller. Kamerun, B. II, S. 64 ff.

[4]) См. выше стр. 562.

[5]) М. Мюллеръ, l. c., стр. 29.

Интернаціональны и, поэтому, общепонятны восклицанія, междометія, которыя въ соединеніи съ интонаціею допускаютъ множество различнѣйшихъ оттѣнковъ [1]). Какую скалу чувствъ можетъ, напримѣръ, пройти восклицаніе *а*, или тотъ не передаваемый звукъ *мъ*, въ редубликаціи *мъ—мъ*, который такъ многообразно варіируется въ діалектѣ Schwitzer Dütsch. Интернаціональны, наконецъ, тѣ органическіе звуки, которыми человѣкъ, въ силу физіологическихъ условій начинаетъ свою рѣчь. Всюду, напримѣръ, дѣти производятъ одни и тѣ же звуки съ незначительнымъ варіаціями: *ба*, *ва*, *фа*, *ма*, *па*, *на* и т. д., за которыми слѣдуютъ уже редубликація ихъ: въ формѣ *ба-ба*, *ва-ва*, *ма-ма*, *па-па* и т. д. Многочисленные примѣры такого рода собраны у Леббока [2]). По весьма понятной слабости родители относятъ эти звуки лично къ себѣ, такъ какъ дѣти обращаются къ своимъ ближайшимъ именно съ этими естественными звуками.

Возникновеніе языка сводится въ сущности на то, что извѣстная звуковая группа приводится въ соотвѣтствіе съ извѣстною группою представленія. Вопросъ о томъ, сохранится ли подобная звуковая группа или же исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя ни слѣда, рѣшается цѣлымъ рядомъ случайныхъ условій. Во всякомъ случаѣ мы говоримъ о существованіи языка лишь тамъ, гдѣ звуковая группа и значеніе ея установились [3]). Обычай, дѣйствительно, фиксируетъ извѣстныя звуковыя группы и въ этомъ отношеніи общеніе человѣка съ человѣкомъ и подражаніе играютъ существенную роль въ исторіи развитія языка [4]). Обычай освящаетъ такимъ образомъ употребленіе самыхъ неподходящихъ звуковыхъ группъ, независимо отъ того, было ли происхожденіе ихъ чисто рефлективнымъ и не имѣло ничего общаго съ мыслитель-

---

[1]) Многія восклицанія совершенно условны и представляютъ по исторіи своего образованія любопытную параллель упомянутымъ уже вторичнымъ ономатопоэтическимъ образованіямъ. Такъ, нѣмецкое восклицаніе jemine образовалось изъ Jesu domine.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 309 и далѣе.

[3]) Paul. Principien, S. 150.

[4]) Значеніе общенія выдвинули въ особенности A. Marty. Ursprung der Sprache, Würzburg 1876, S. 63 f. и L. Noiré. Ursprung der Sprache, Mainz 1877, S. 323 f. Послѣдній авторъ, горячій апологетъ Л. Гейгера и его мнѣнія о томъ, что первые звуки вызваны впечатлѣніями, воспринятыми органомъ зрѣнія, выдвигаетъ въ особенности значеніе подражанія.

ною работою [1]), или же эти звуки измѣнились путемъ той непрестанной работы, которой подвергаются звуковыя группы вообще и во всѣхъ языкахъ [2]).

Языкъ живетъ жизнею въ высшей степени чуткою; онъ отзывается на всѣ треволненія и на всѣ колебанія въ судьбѣ своихъ носителей. Не прекратилось до сихъ поръ творчество въ языкѣ [3]), хотя оно и ограничивается по преимуществу ономатопоэтическими картинами, относящимися къ подражанію звуковъ и движеній [4]). Но въ еще меньшей мѣрѣ можно говорить объ устойчивости языка. Даже наши культурныя языки претерпѣваютъ быстрыя перемѣны, не смотря на всѣ старанія пуристовъ, блюдящихъ за чистотою ихъ [5]). Писатели первой половины нашего столѣтія, наши классики, выражаются языкомъ устарѣлымъ въ нашихъ глазахъ. Въ древности многія слова имѣли значеніе совершенно отличное отъ современнаго: хитрость равнозначуща была искусству, хитрецъ, хитрокъ = художникъ, а творецъ именуется всехитрецомъ, доброумнымъ хитрецомъ [6]). Въ средніе вѣка не различали словъ schlecht и schlicht, изъ которыхъ первое нынѣ обозначаетъ нѣчто дурное, второе нѣчто простое; schalk нынѣ обозначаетъ плута, а въ прежнія времена слугу; отсюда конюхи называются marahschalk, изъ чего въ XIII возникло названіе для предводителя отряда, а въ XIV уже почетный и высокій чинъ маршала. Многія слова совершенно утрачиваются, такъ въ англійскомъ языкѣ съ 1611 года выпало 388 словъ. Среди причинъ, способствующихъ измѣненію языка, на первомъ планѣ стоятъ причины географическія. Вліяніе обособленія, съ которымъ мы познакомились уже выше [7]), говоря о происхожденіи областныхъ типовъ, сказывается самымъ могущественымъ образомъ и на языкѣ. Племена охотничьи, ведущія жизнь въ разбродъ, точно также какъ кочев-

---

[1]) Крайними представителями этого направленія является Steinthal, Ursprung der Sprache, 3. Aufl., Berlin 1877. Lazarus. Leben der Seele, B. II. S. 3 f. и отчасти Paul, l. c., S. 148, 150.

[2]) Paul, l. c., S. 46 ff.

[3]) Paul, l. c., S. 140 f.

[4]) Paul, l. c., S. 143 ff.

[5]) Paul, l. c., S. 368.

[6]) Забѣлинъ. Исторія русской жизни, Москва 1879, т. 2, стр. 176.

[7]) См. выше стр. 256 и далѣе.

ники, или же, наконецъ, обитатели горныхъ областей въ родѣ Кавказа или Альпъ, представляютъ намъ изумительнѣйшія мозаики діалектовъ. Находясь подъ различными географическими условіями, разобщенныя племена весьма естественно воспринимаютъ въ языкахъ своихъ новыя звуковыя группы для новыхъ понятій, тогда какъ отсутствіе общенія съ сосѣдями благопріятствуетъ укрѣпленію всѣхъ тѣхъ отклоненій, которыя выработываются при естественномъ ростѣ языка или же въ виду небрежностей въ произношеніи и т. д. Такія отклоненія и діалектическія особенности пускаютъ корни свои подчасъ даже въ мелкихъ культурныхъ группахъ, въ семьяхъ, гдѣ иниціаторами ихъ являются дѣти, не умѣющіе правильно говорить. Однако же общество не увлекается этими отклоненіями въ такой степени, какъ любящіе родители, и отвергаетъ ихъ, по остроумному выраженію Пешеля[1]), „какъ монеты, не находящіяся въ обращеніи".

Какъ легко устанавливаются діалектическія отклоненія среди болѣе мелкихъ группъ явствуетъ уже изъ того, что у многихъ народовъ не принято произносить имени умершаго изъ опасенія вызвать его изъ загробнаго міра; но имена дикарей сводятся заурядъ на предметы обыденной жизни, поэтому необходимо множество описаній или даже новыхъ словъ для того, чтобы избѣжать этихъ страшныхъ поминаній[2]). Иногда не произносится имя короля изъ почтенія къ нему[3]); другіе дикари не называютъ болѣзней или дикихъ звѣрей по имени и т. д. Подобныя же опасенія относительно болѣзней или несчастій вообще проявляются подъ-часъ и среди культурныхъ людей.

Діалектическимъ обособленіямъ или же другимъ еще болѣе существеннымъ измѣненіямъ языка могутъ способствовать историческія обстоятельства. Уже выше мы приводили множество примѣровъ, говорящихъ о томъ, какъ легко народы, побѣжденные физическою или же нравственною силою, покидаютъ свой первоначальный языкъ[4]). Во многихъ слу-

[1]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 102.

[2]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 101 и далѣе. На сѣверномъ Мадагаскарѣ умеръ вождь по имени rano (вода), племя его съ тѣхъ поръ говоритъ вмѣсто rano—maëtsaka (влага).

[3]) М. Мюллеръ, l. c., стр. 34.

[4]) См. выше стр. 96 и далѣе.

чаяхъ побѣжденные воспринимаютъ лишь извѣстныя понятія изъ языка побѣдителей. Суровые германцы низвергли власть великаго Рима, но они были всецѣло побѣждены римскою культурою. Слѣды римскаго владычества до сихъ поръ еще замѣтны въ нѣмецкомъ языкѣ. Вакернагель сопоставилъ множество словъ чуждаго происхожденія, измѣнившихся уже настолько, что не спеціалисту трудно установить прообразы ихъ; нѣтъ, однако, недостатка и въ словахъ, сохранившихъ по сей день свой чуждый обликъ: такъ мы легко узнаемъ родственность словъ: tabula — Tafel, fenestra—Fenster, corbis—Korb, vinum—Wein, mostum—Most, vas—Fass, cupa—Kufe, cella—Keller, palus—Pfahl и т. д. Подобную же власть проявлялъ въ новѣйшее время французскій языкъ по отношенію къ понятіямъ культурнымъ; изъ французскаго же языка заимствовано множество терминовъ военныхъ (инфантерія, каваллерія, кирасиры и т. д.), хотя слово солдатъ нѣмецкое (отъ Sold—жалованье); итальянскій языкъ оставилъ не мало терминовъ для купеческаго міра какъ слѣды эпохи великаго подъема итальянской торговли.

Культура безпощадно сглаживаетъ не только обычаи, но и языки людей. Подъ вліяніемъ культуры языки и бѣднѣютъ и обогащаются. Они умаляются какъ въ звуковомъ отношеніи и въ грамматическихъ своеобразностяхъ, такъ и въ силѣ, свѣжести, характерности; но они становятся, такъ сказать, умнѣе, болѣе способными къ интензивности выраженій, они, наконецъ, богатѣютъ въ количественномъ отношеніи, благодаря многочисленнымъ заимствованіямъ. Яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ англійскій языкъ.

Рѣчь дикаря поражаетъ насъ прежде всего недостаткомъ мысли; въ ней мало обобщеній, она не допускаетъ формулировокъ. Австралійцы располагаютъ названіями для каждой породы дерева въ отдѣльности, но не имѣютъ слова для дерева вообще; индѣйцы часто различаютъ нѣкоторые подвиды дуба, но не имѣютъ слова для дуба вообще. Малайцы различаютъ красный, синій, зеленый, бѣлый цвѣтъ, но у нихъ нѣтъ слова цвѣтъ, окраска [1]). Гавайцы, не имѣющіе спеціальнаго выраженія для краски, отличаютъ цвѣта синій,

---

[1]) Пешель, l. c., стр. 110, 111.

черный и темно-зеленый, свѣтло-желтый и бѣлый, коричневый и красный [1]). Рисковано, однако, было бы заключать по недостатку даннаго слова объ отсутствіи даннаго понятія, хотя такія указанія неоднократно встрѣчаются у Лёббока [2]). Такъ говоря о нравственности онъ указываетъ на то, что у тонганцевъ нѣтъ слова для добродѣтели, справедливости, у качарисовъ для грѣха, у альгонкиновъ для любви [3]). Относительно послѣдняго примѣра Лёббокъ дѣлаетъ, однако, ту оговорку, что среди индѣйцевъ-альгонкиновъ извѣстны примѣры весьма нѣжной любви [4]). Трудно, дѣйствительно, говорить о слишкомъ тѣсной связи между языкомъ и духомъ человѣка, когда мы примемъ, напримѣръ, во вниманіе, что гавайцы при всей своей весьма развитой духовной жизни имѣютъ лишь одно слово aloha для обозначенія любви, дружбы, благодарности, доброжелательности, уваженія и т. д., тогда какъ у того же народа мы встрѣчаемъ спеціальныя выраженія для вѣтра вообще, для слабаго вѣтра, дуновенія чрезъ ротъ, чрезъ носъ, для удушія. Тѣмъ не менѣе извѣстное изобиліе словъ для одного и того же понятія можетъ подчасъ открыть въ высшей степени любопытныя подробности въ духовной жизни народовъ. Въ тюркскихъ языкахъ существуетъ нѣсколько сотъ словъ для обозначенія коня; арабы имѣтъ 50 выраженій для льва, 1,000 для меча; санскритскіе народы имѣютъ 100 выраженій для воды, 30 для тучъ, 16 для утренней зари, 23 для ночи; финны имѣютъ множество словъ для выраженія злобы и мести; нѣмцы имѣютъ нѣсколько сотъ выраженій для состоянія опьяненія, но едва ли меньше найдется ихъ у русскихъ; французы располагаютъ избыткомъ выраженій для половыхъ органовъ и половыхъ отношеній; японскій языкъ почти что лишенъ ругательствъ и т. д.

---

[1]) М. Мюллеръ, l. c., стр. 296.

[2]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 185, 190, 191.

[3]) Lübbock. Vorgeschichtliche Zeit, B. II, S. 220.

[4]) Остроумно доказываетъ всю несостоятельность подобныхъ заключеній Карлъ Гиллебрандъ (Zeiten, Völker und Menschen, B. II, S. 303) на примѣрахъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка. Оказывается, напримѣръ, что французы лишены спеціальнаго выраженія для трезвости, для учителя, для ѣзды верхомъ (также и въ русскомъ); нѣмцы и русскіе, напротивъ того, лишены слова для mouchoir (носовой платокъ, Schnupftuch); легко себѣ представить тѣ выводы, которые бы слѣдовало сдѣлать въ данномъ случаѣ.

Умѣстно будетъ здѣсь упомянуть и о томъ, что не всѣ языки обладаютъ одинаковымъ запасомъ звуковъ. Не говоря о своеобразныхъ прищелкивающихъ звукахъ готтентоттовъ, мы должны остановиться на томъ, что китайцы не выговариваютъ буквы р, точно также поступаютъ и сѣверо-американцы, мехиканцы, кафры и полинезійцы; санскритскіе народы не имѣютъ звука ф; арабы звука п; австралійцы и нѣкоторые океанійцы—с; сандвичане, подобно нашимъ дѣтямъ не отличаютъ к и т; полинезійцы, наконецъ, обладаютъ только десятью согласными, а языкъ маори такъ бѣденъ звуками, что даже англичанамъ пришлось снизойти до того, чтобы на ихъ островахъ отчасти приспособиться къ языку туземцевъ.

Дикіе языки въ общемъ бѣдны согласными, древне-культурные языки располагаютъ ими въ избыткѣ, а современные культурные языки ради удобства ихъ не выговариваютъ и благодаря этому постепенно утрачиваютъ [1]). Запасъ человѣческихъ словъ въ сущности весьма невеликъ. Англичане увѣряютъ, что они располагаютъ запасомъ въ 100,000 словъ, хотя, конечно, множество этихъ словъ пріобрѣтено путемъ счастливыхъ заимствованій; въ знаменитомъ словарѣ Джонстона отмѣчено, впрочемъ, лишь 58,600 словъ [2]). Максъ Мюллеръ и Клейнпауль полагаютъ, что въ обращеніи обыденнаго человѣка находится отъ 3,000 до 4,000 словъ, великіе ораторы пускаютъ въ ходъ до 10,000 словъ, а простой человѣкъ сельскій рабочій обходится тремя стами. У Мильтона насчитано было 7,000 словъ, у Шекспира—15,000, въ Ветхомъ Завѣтѣ 5,642 слова.

Но вѣдь каждый языкъ сводится путемъ разложенія на корни, которыхъ въ сущности весьма немного; 40,000 словъ китайскаго языка сводятся на какіе-нибудь 450 корней; въ древне-еврейскомъ 500 корней. Но сводя всѣ варіаціи языка на немногіе существенные корни его, мы невольно увлекаемся мыслею, пріурочить эти корни къ еще болѣе простымъ элементамъ, общимъ всему человѣческому роду. Однако же,

---

[1]) По М. Мюллеру австралійскіе языки имѣютъ 8 согласныхъ, полинезійскіе 10, финскіе 11, санскритъ 37, арабскій 28, еврейскій 23, англійскій и нѣмецкій 20, греческій и латинскій 17; русскій языкъ обладаетъ 21 согласными.

[2]) Волапюкъ имѣетъ 3.000 словъ безъ техническихъ выраженій.

этотъ вопросъ еще весьма далекъ отъ рѣшенія; въ настоящее время мы относимся къ подобнымъ загадкамъ даже съ большею осторожностью, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы сознаемъ теперь, что намъ не удалось свести къ общимъ корнямъ даже языковъ средиземной расы, языковъ европейцевъ и схожихъ съ ними народовъ. Даже тутъ мы должны отличать группы индо-европейскую, хамито-семитическую, кавказскую и баскскую. Вопросъ о томъ, права ли монофилетическая школа (Блеекъ, Гейгеръ и др.), стоящая за существованіе общаго праязыка, или же школа полифилетическая (Шлейхеръ, Фр. Мюллеръ и др.), признающая нѣкоторую группу праязыковъ, остается открытымъ.

Съ точки зрѣнія апріористической нельзя всецѣло отвергать ученія монофилетиковъ, тѣмъ болѣе, что языкъ представляетъ собою элементъ въ высшей степени измѣнчивый, тогда какъ извѣстные три группы языковъ, моносилабическихъ, агглутинирующихъ и флектирующихъ, отличенныя уже Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, въ сущности представляютъ не какія-либо обособленныя области, а напротивъ того, характеризируютъ собою исторію развитія языка [1]).

Великое культурное значеніе языка проявляется въ полной силѣ своей, однако, лишь тогда, когда языкъ этотъ фиксированъ, когда выработался способъ передачи мысли, помимо личнаго присутствія передателя. Какъ ни поразительна память дикарей, запоминающихъ не только мельчайшія событія дня, но и обширнѣйшія сказанія, но все же она представляется величиною совершенно несущественною передъ письменностью, воспріимчивость которой безпредѣльна и ко-

---

[1]) „Языкъ народа это — духъ его, и духъ его это — языкъ его“, писалъ В. Гумбольдтъ и съ тѣхъ поръ эта тема многократно и успѣшно разработывалась. Еще недавно этому вопросу посвященъ былъ капитальный трудъ Макса Мюллера. Science of thought 1888. (Смотри также G. Gerber. Die Sprache und das Erkennen 1884. L. Noiré. Logos, Ursprung und Wesen der Begriffe 1885. Runze. Sprache und Religion 1889, см. приложенія I и II). Нельзя, однако, забывать того, что китайцы, представители одной изъ древнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ культуръ, пользуются языкомъ наиболѣе простымъ и неразвитымъ, тогда какъ жалкіе бушмены и австралійцы располагаютъ языкомъ поистинѣ удивительнымъ по развитію своему. Едва ли, наконецъ, логика, грамматика и языкъ такъ неразлучны, какъ утверждаетъ М. Мюллеръ; вѣдь логика одна для всего человѣчества, грамматикъ же и своеобразныхъ языковъ великое множество.

торая вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду объективной формы своего выраженія, даетъ мыслителю большую возможность безпристрастнаго и интензивнаго обсужденія мысли, чѣмъ живая рѣчь.

Въ числѣ этапныхъ пунктовъ, приведшихъ человѣчество къ современной письменности, мы прежде всего останавливаемся на наиболѣе простыхъ способахъ закрѣпленія событій. Всѣмъ намъ извѣстны бирки, которыми пользуются наши неграмотные крестьяне и инородцы; такія же бирки мы встрѣчаемъ у негровъ Африки, въ Америкѣ у эскимосовъ, въ Азіи у яванцевъ и бирманцевъ [1]) и, наконецъ, среди доисторическихъ находокъ [2]). Болѣе совершенный способъ мы имѣемъ въ узелкахъ, завязываемыхъ на память; такіе узелки, дѣлаемые на ремняхъ или веревкахъ, встрѣчаются у всевозможныхъ народовъ земнаго шара; у остяковъ и у негровъ, у папуасцевъ и у индѣйцевъ [3]). Геродотъ разсказываетъ намъ, что Дарій, отправляясь на скиѳовъ, передалъ іонійскимъ тиранамъ ремень съ шестьюдесятью узлами, долженствовавшими обозначать тѣ шестьдесятъ дней, которые онъ намѣревался пробыть въ походѣ; каждый день имъ полагалось развязывать по узлу [4]). Такіе же счеты по днямъ ведутъ и современные дикари. Высокаго совершенства достигла узловая письменность у индѣйскихъ культурныхъ народовъ. Знаменитыя кипу ихъ представляютъ собою весьма сложныя системы узловъ и побочныхъ привязокъ разныхъ цвѣтовъ и даютъ посвященному въ значеніе ихъ человѣку цѣлый рядъ весьма сложныхъ, по преимуществу статистическихъ свѣдѣній; непосвященному они, однако, ровно ничего не говорятъ [5]). Дальнѣйшій шагъ впередъ представляютъ намъ жезлы посланниковъ и другіе символическіе способы сообщенія [6]), значеніе которыхъ опять-таки понятно только людямъ посвященнымъ. Жезлы иногда напоминаютъ бирки, иногда же представляютъ, при болѣе сложной формѣ

---

[1]) R. Andree. Ethnographische Paralellen, B. I, S. 187—188.
[2]) Ranke. Der Mensch, Leipzig, 1887, B. II, S. 410.
[3]) R. Andree. Ethnographische Paralellen, B. I, S. 184—187.
[4]) Геродотъ, IV, § 98, перев. Мищенки, стр. 348.
[5]) R. Andree, l. c., 194—197. См. рисунокъ.
[6]) Ibid, S. 188—193.

и болѣе сложныя понятія, чѣмъ простыя цифровыя величины. Что касается до символическихъ посылокъ, то они въ высшей степени распространены и заслуживаютъ глубокаго вниманія. У суматранцевъ посылаются кусочки соли, перецъ, бетель и тому подобные предметы, обозначающіе любовь, ревность, обиду, ненависть и т. д. [1]). Болѣе высокую ступень намъ представляетъ картинное изображеніе объекта, котораго придерживались мехиканцы, народы мая, перуанцы, сѣверные индѣйцы, полинезійцы и т. д. Подобныя картины лежатъ въ сущности въ основѣ всякой письменности [2]). Наибольшаго совершенства достигаетъ письменность, однако, лишь тогда, когда на ряду съ картиною появляется обозначеніе звука, соотвѣтствующаго желаніямъ писавшаго; послѣднимъ словомъ, въ этомъ процессѣ развитія является отдѣльное обозначеніе звука или звуковой группы. Къ сочетанію картиннаго письма съ звуковымъ пришли, повидимому, самостоятельно вавилоняне, древніе египтяне и китайцы. Финикіяне же, какъ это принято предполагать, отбросили „предметныя изображенія“ египтянъ и удержали одни „звуковыя изображенія“, заимствовавъ письмена свои либо изъ гіератическихъ письменъ папирусовъ (де Руже), либо же изъ письменъ гіероглифическихъ (Галеви). Этому воззрѣнію противопоставляется, однако, въ послѣднее время весьма солидно обставленное ученіе Фрица Гоммеля, по мнѣнію котораго алфавитъ семитическій, слѣдовательно праматерь греческаго (латинскаго и т. д.), древне-бактрійскаго, уйгурско-монгольскаго и индусскаго, происходитъ не изъ Египта, а изъ Вавилоніи [3]).

Въ непосредственной связи съ характеромъ языка стоятъ цифры и счисленія. Происхожденіе послѣднихъ намъ вполнѣ

---

[1]) Сюда же относятся и „вампумы“ индѣйцевъ, пояса изъ окрашенныхъ раковинъ, расположеніе, окраска и число которыхъ имѣетъ символическое значеніе, Andree l. c., S. 193—194.

[2]) S. Faulmann. Geschichte der Schrift, Wien, Hartleben, 1880, S. 107. Таково происхожденіе даже и новой китайской письменности. „Тамги“, знаки собственности, представляютъ по преимуществу знаки произвольные, иногда же и картинныя изображенія, см. R. Andree, l. c., B. II, S. 74 — 85 и рисунки, табл. IV — VII.

[3]) Fr. Hommel. Geschichte Babyloniens-Assyriens, Berlin, Grote, 1885 — 1890, S. 55 f.

понятно, если мы примемъ во вниманіе, что наша десятичная система, какъ это замѣтилъ уже А. Гумбольдтъ, въ концѣ концовъ сводится на наши десять пальцевъ. Многія индѣйскія племена считаютъ лишь до десяти, другія до пяти. У эскимосовъ числительныя имена для 8, 9 и 10 въ то же время обозначаютъ средній, четвертый и маленькій палецъ. Абипоны говорятъ для 10—„пальцы обѣихъ рукъ", для 20—„пальцы рукъ и ногъ", въ тюркскихъ нарѣчіяхъ 1 называется по ту сторону, 2—товарищъ, 3—средина, 4—подбодрить, быть можетъ указывать, 5—глава, 10—конецъ. Многіе народы имѣютъ лишь весьма ограниченное число цифръ. Нѣкоторые негрскіе народы считаютъ лишь до 5, а затѣмъ начинаютъ снова, австралійцы считаютъ до 3, тоже разсказывается о сапаросахъ въ Эквадорѣ и о ботукудахъ. Однако, уже Блекъ замѣтилъ, что подобные пробѣлы отнюдь не свидѣтельствуютъ еще о неумѣніи считать, точно также какъ на основаніи французскихъ числительныхъ dix-sept и quatre-vingt никто не станетъ утверждать, что французы не считаютъ далѣе 10 и 7, или 4 и 20. У насъ самихъ нѣтъ слова для 10000 (греч.), 100000 (индійск. лакша) и 10.000000 (коти); индійскія цифры доходятъ до 51 мѣста.

Но эти цифры, въ которыхъ первобытные люди, столь робко и неувѣрено отражаютъ свои первыя попытки точно оріентироваться въ окружающей сферѣ, представляютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ основные элементы побѣды человѣка надъ природою. Въ счетѣ и взвѣшиваніи лежатъ начала точныхъ наукъ, въ точныхъ наукахъ скрывается великая тайна власти человѣка надъ природою. Труденъ и почти необозримъ тотъ путь, которымъ человѣчество дошло до точнаго знанія и наблюденія. Оно не достигло его во многихъ отношеніяхъ даже и въ настоящее время; вѣдь, успѣхи наши въ познаніи міра равносильны успѣху нашихъ пріобрѣтеній въ области сознанія индивидуальности человѣка. Какъ бы древни, какъ бы первобытны не были начала точныхъ наукъ, но считать ихъ наукою мы можемъ лишь тогда, когда они выполнятъ наивысшую задачу, состоящую въ точномъ обоснованіи своихъ результатовъ, причемъ въ предлагаемой системѣ ихъ истинъ каждая послѣдующая истина будетъ основываться на предыдущей и возможно будетъ свести всю систему на нѣсколько

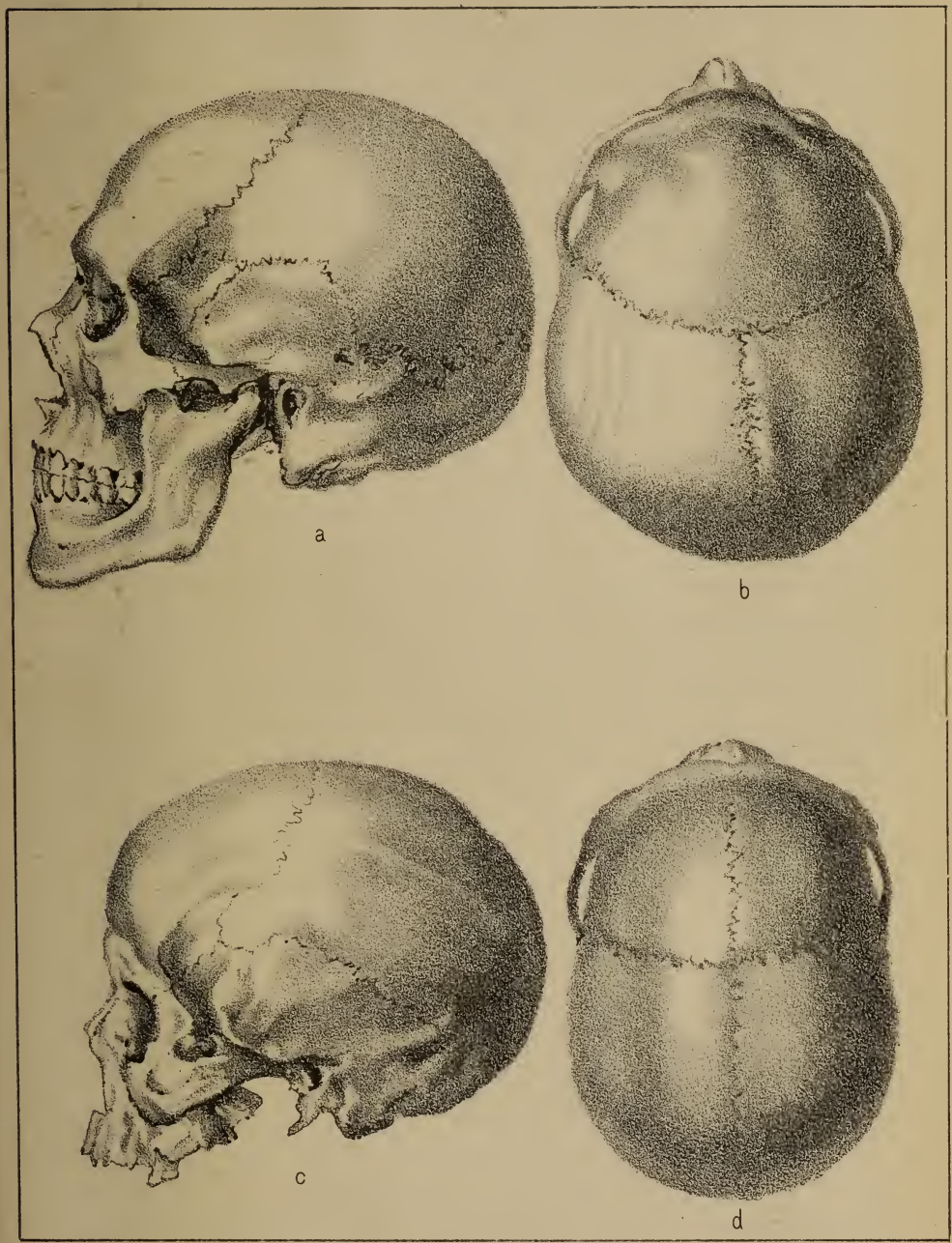
ясныхъ и несомнѣнныхъ принциповъ. Оттого то мы относимъ начало математическихъ наукъ къ грекамъ, а не къ египтянамъ, „ибо для того, чтобы сдѣлать математику наукою потребна была столь высокая степень духовной свободы, какой помимо грековъ, не достигъ ни одинъ народъ древности, свободы, при которой духъ человѣческій не подчиняется уже слѣпо и безусловно внѣшнему автотирету, а требуетъ, чтобы то, что онъ долженъ принять за истину, само доказало и оправдало бы передъ нимъ свою истинность“ [1]). Великъ и почти необозримъ путь отъ познаній грековъ до той высшей степени индувидуализаціи человѣка, при которой онъ дошелъ въ умѣ своемъ до абстракціи величины отъ всѣхъ, присущихъ ей случайныхъ ограниченій, при которой онъ научился прослѣживать величину отъ 0, съ одной стороны, до безконечности, съ другой. Но не смотря на всѣ великія успѣхи наши въ области точныхъ наукъ и сознанія вообще [2]), мы до сихъ поръ еще не съумѣли свести въ единый и плодотворный сводъ наши эмпирическія и абстрактныя работы; тщетны призывы къ такому соединенію, какъ со стороны представителей наукъ опытныхъ, такъ и теоретическихъ [3]). Поэтому то, человѣкъ, это загадочное соединеніе реальной природы съ духомъ, властвующимъ надъ природою, все еще остается роковою и невѣдомою величиною для насъ. Выслѣдить, по сколько это возможно при современномъ уровнѣ знанія, зависимость человѣка отъ природы и изучить первичныя проявленія его могучаго духа, такова была задача нашего труда.

---

[1]) Kummer. Zur Geschichte der Mathematik, Monatsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften 1867 (März 1866).

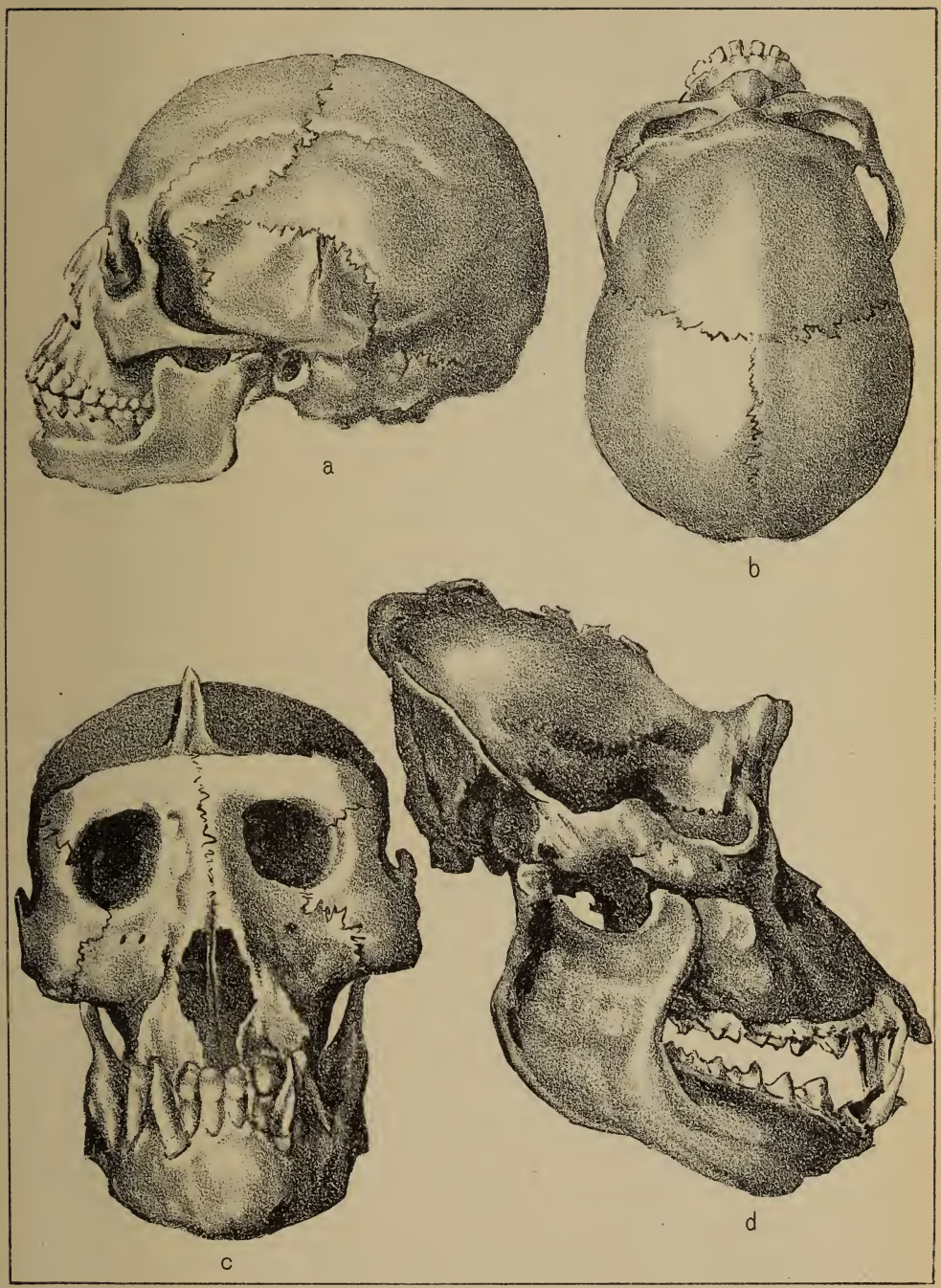
[2]) E. Hallier. Kulturgeschichte des XIX. Jahrhunderts in ihren Beziehungen zu der Entwickelung der Naturwissenschaften, Stuttgart, Enke 1889.

[3]) E. Haeckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte, Aufl. VII, Berlin, Reimer 1879, S. 663, 681 ff. M. Haupt и E. Curtius. Monatsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften 1873.



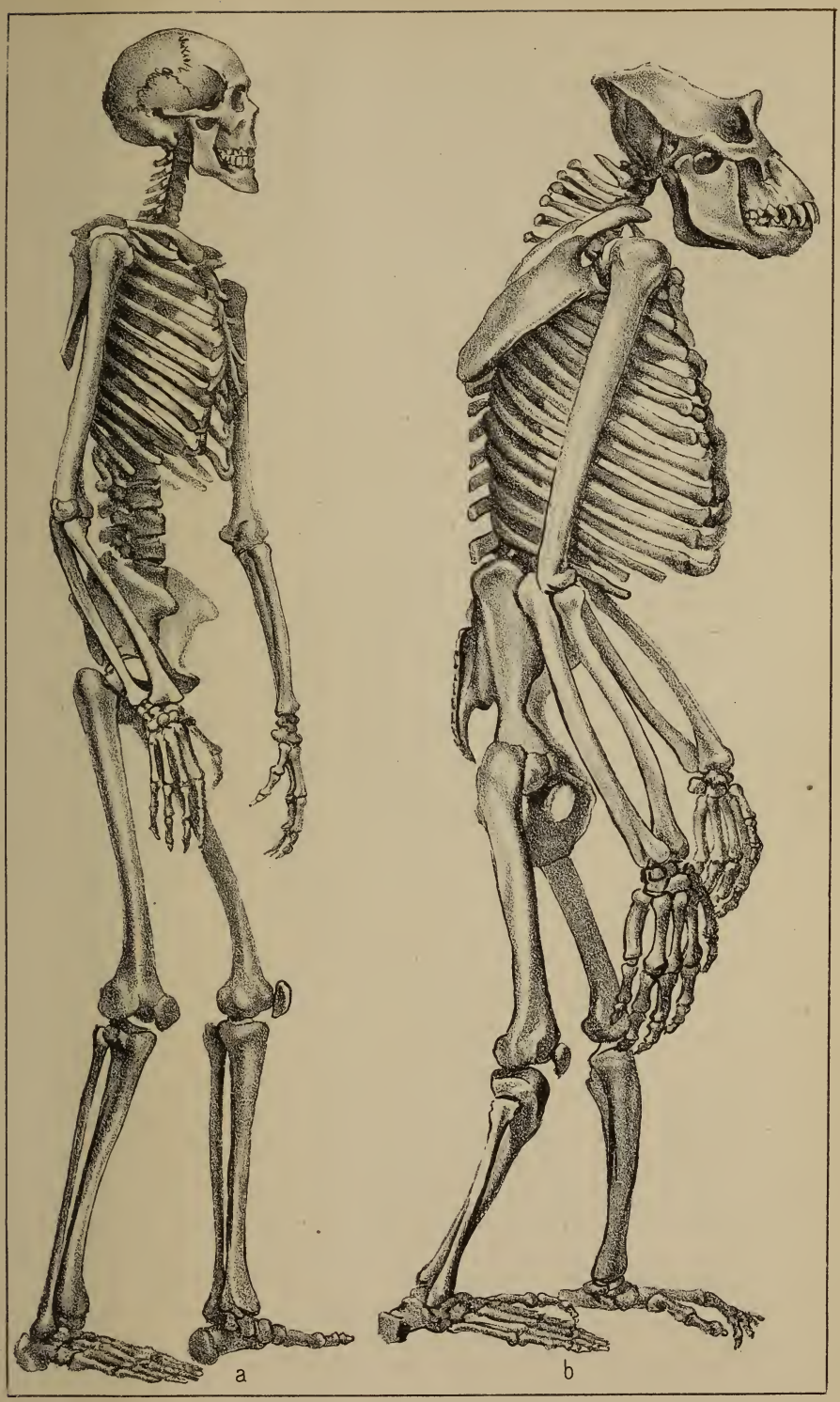
a и b) Черепъ монгола, см. стр. 103.

c и d) Черепъ европейца, см. стр. 104.



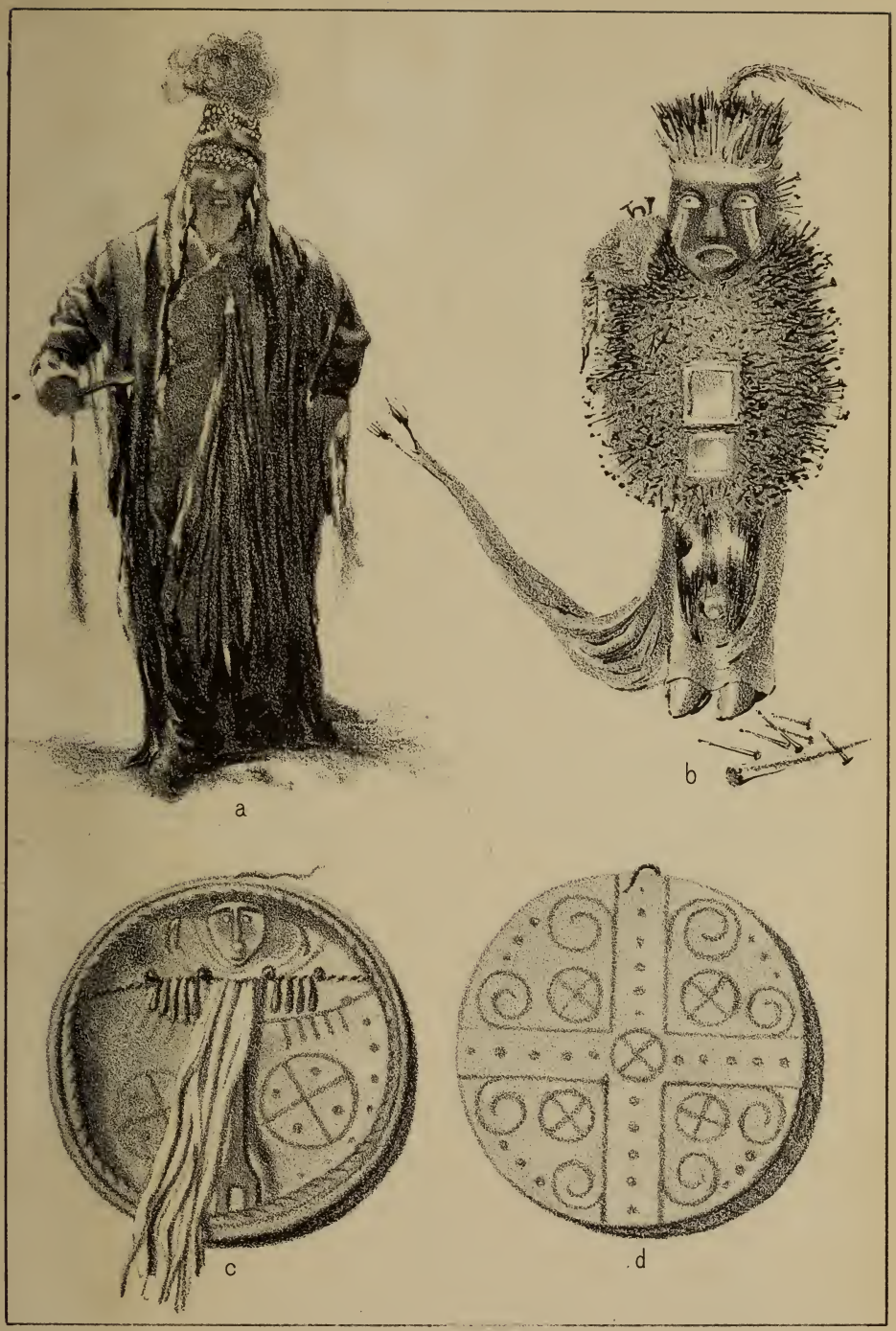
a и b) Черепъ негра, см. стр. 102.

c и d) Черепъ гориллы, см. стр. 54.



a) Скелетъ человѣка,
b) Скелетъ гориллы, } см. стр. 63.

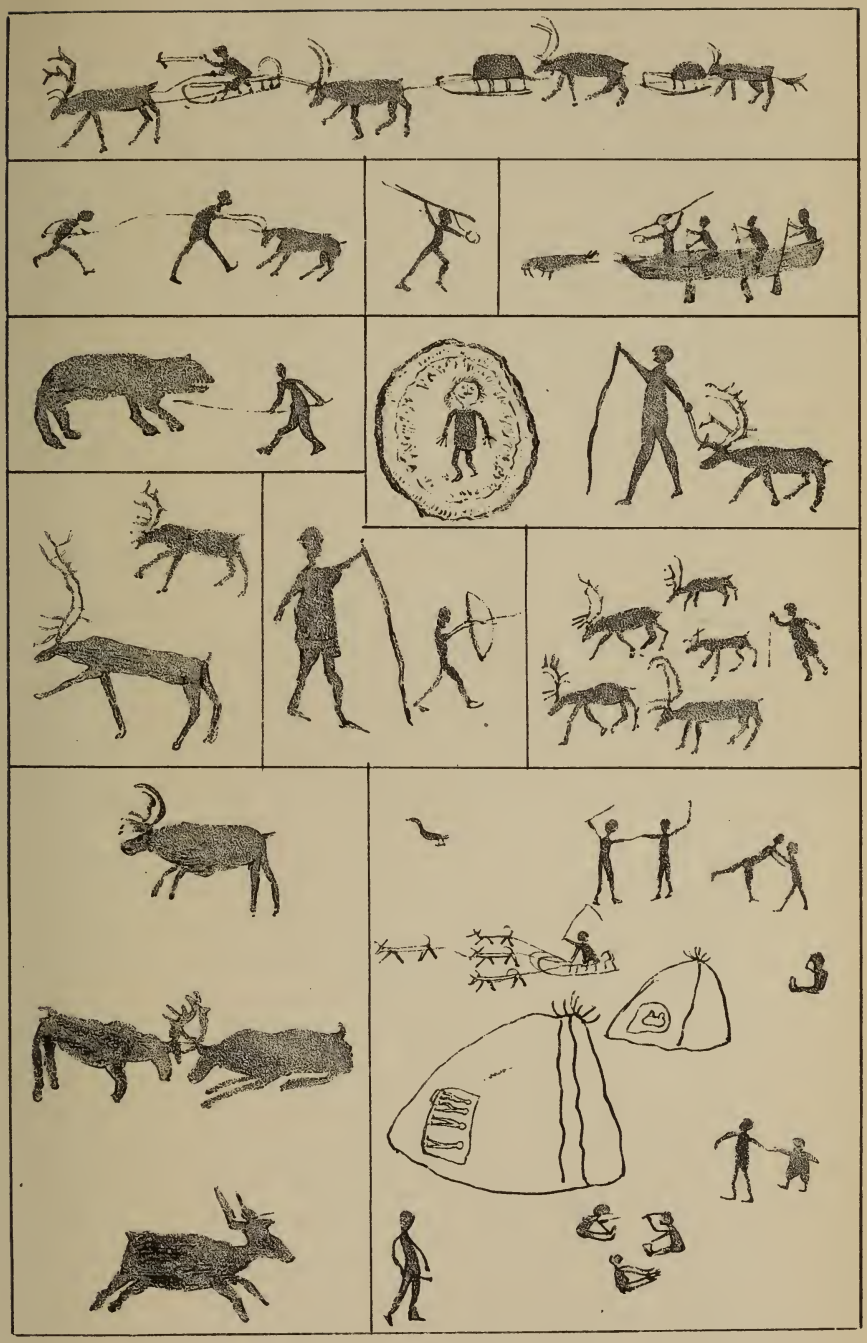
Фетиши негровъ, см. стр. 510.



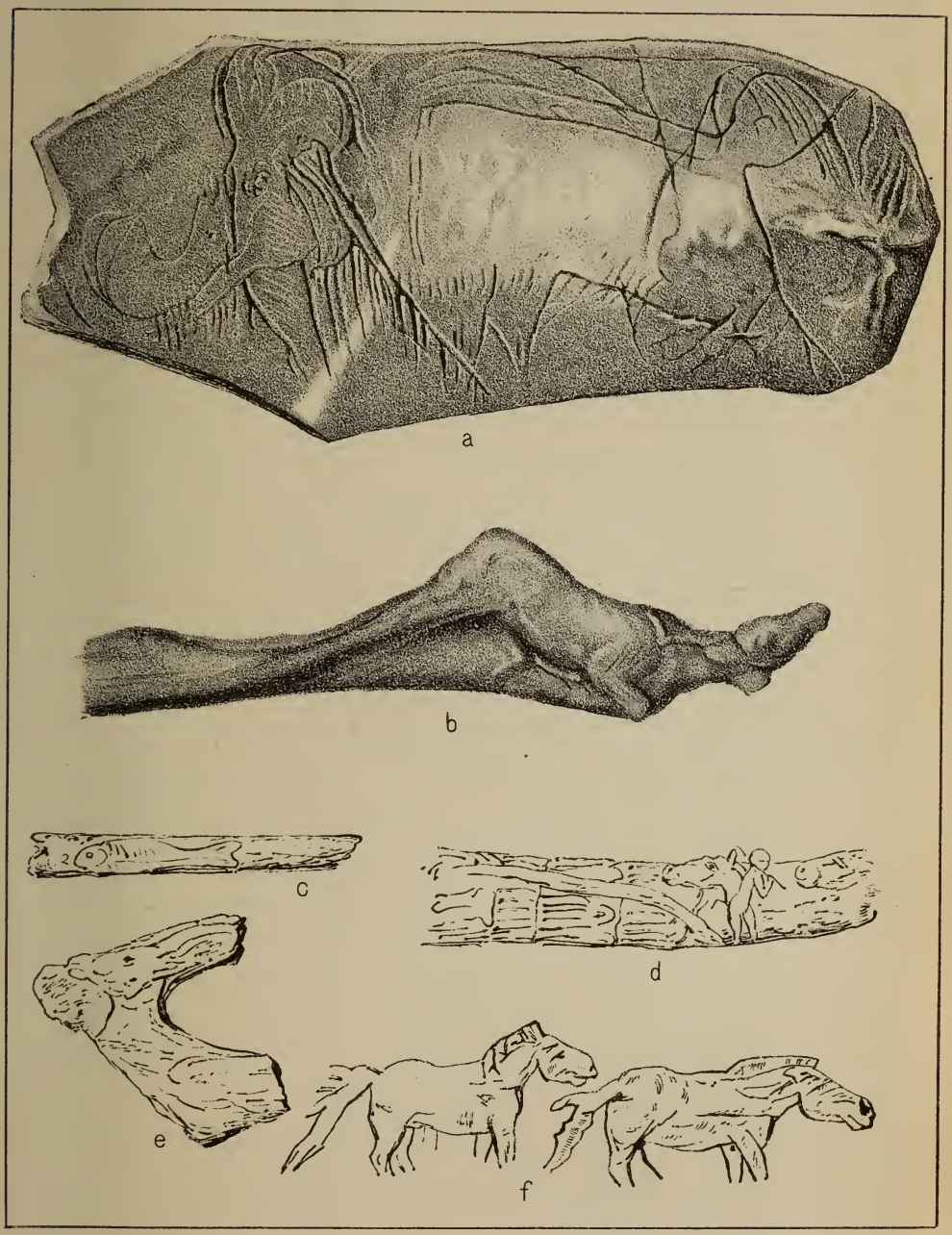
a) Монгольскій шаманъ, см. стр. 515.

b) Фетишъ негровъ, см. стр. 512.

c, d) Бубенъ шамана, см. стр. 515.



Рисунки Чукчей, см. стр. 550.

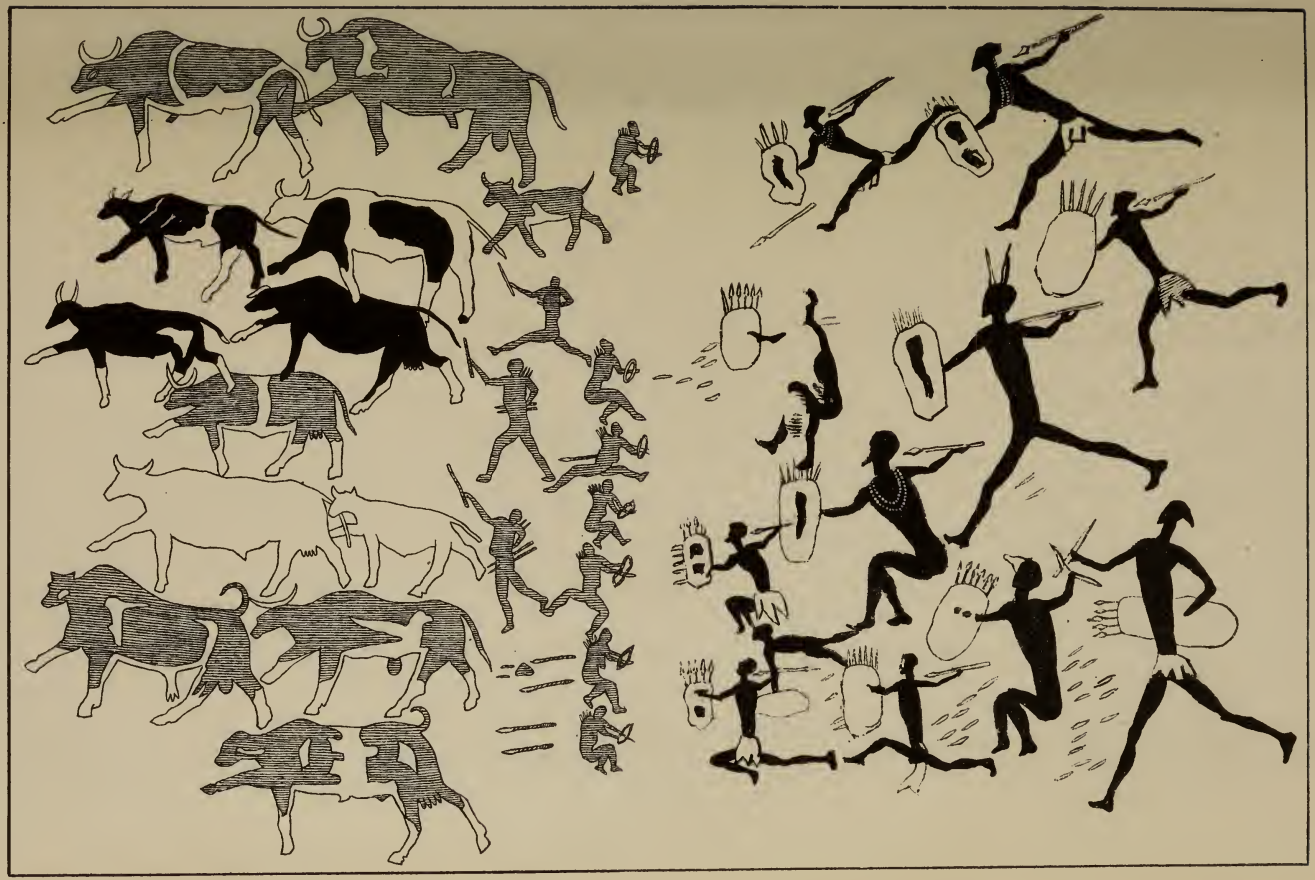


Доисторическое искусство, см. стр. 550.

a,) Мамонтъ на бивнѣ, найденъ въ пещерѣ Ла-Маделень.

b,) Сѣверный олень, найденъ въ пещерѣ въ Дордоньи.

c, d, e, f,) Рисунки на кости сѣверн. оленя, найдены въ пещерахъ Дордоньи.



VIII.

Рисунокъ бушменовъ на скалѣ, см. стр. 550.

ного типа.

ицы. 4.) Семиты. 5.) Хамиты.

аго типа.

ова. 2.) Китайцы и родственные имъ народы. 3.) Тюрки. 4.) Финны.
жн. смѣшан. группа. 7.) Американцы. 8.) Малайцы. 9.) Полинезійцы.

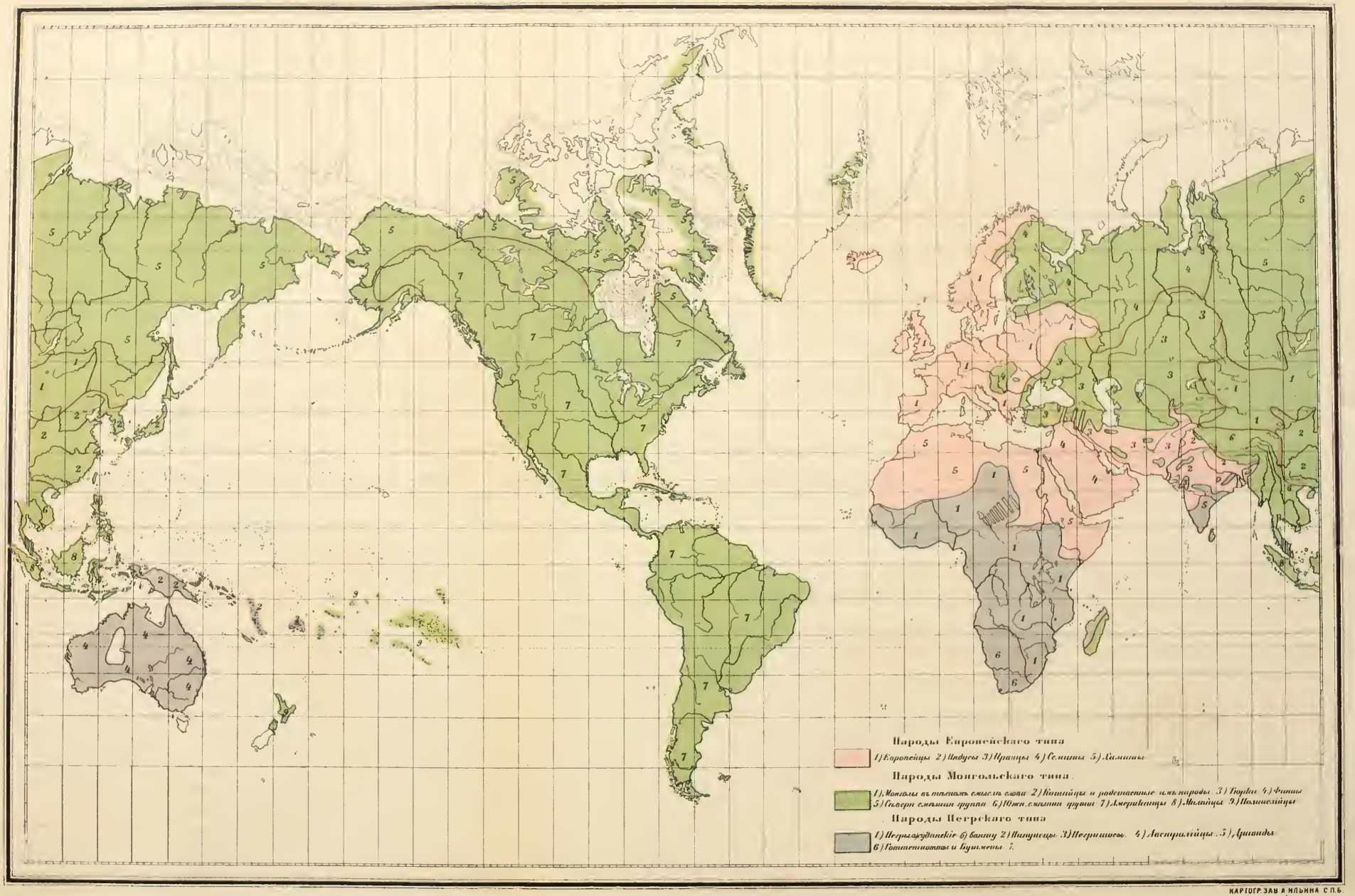
типа.

Папуасцы. 3.) Негритосы. 4.) Австралійцы. 5.) Дравиды.
7.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

НАРОДЫ ЗЕМНАГО ШАРА КЪ 1500 ГОДУ.

(Границы по Герланду и др.)



КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

аго типа.

нцы. 4.) Семиты. 5.) Хамиты.

аго типа.

ова. 2.) Китайцы и родственные имъ народы. 3.) Тюрки. 4.) Финны.
жн. сяньян. группа. 7.) Американцы. 8.) Малайцы. 9.) Полинезійцы.

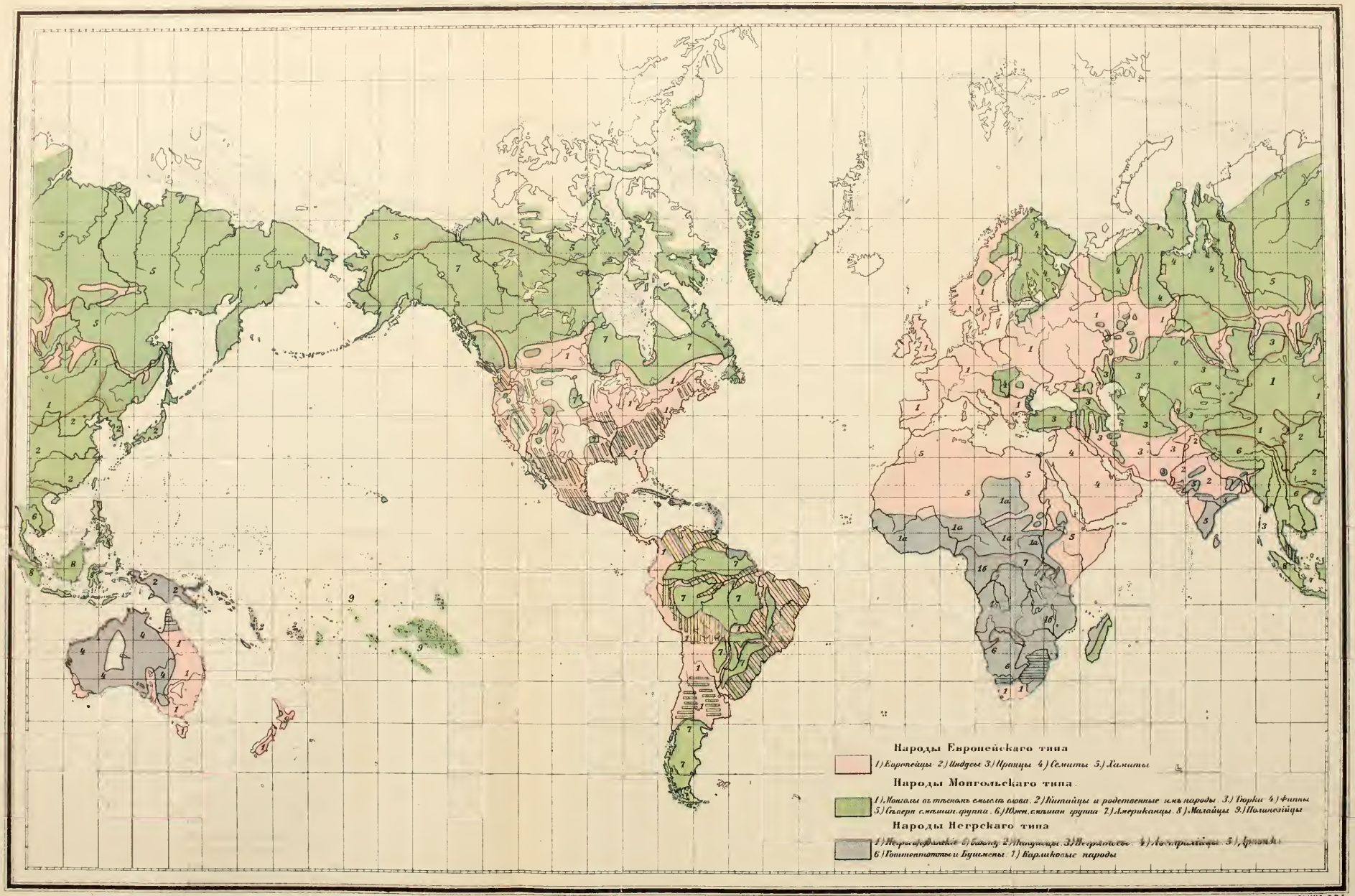
типа.

Папуасцы. 3.) Негритосы. 4.) Австралійцы. 5.) Дравиды.
.) Карликовые народы.

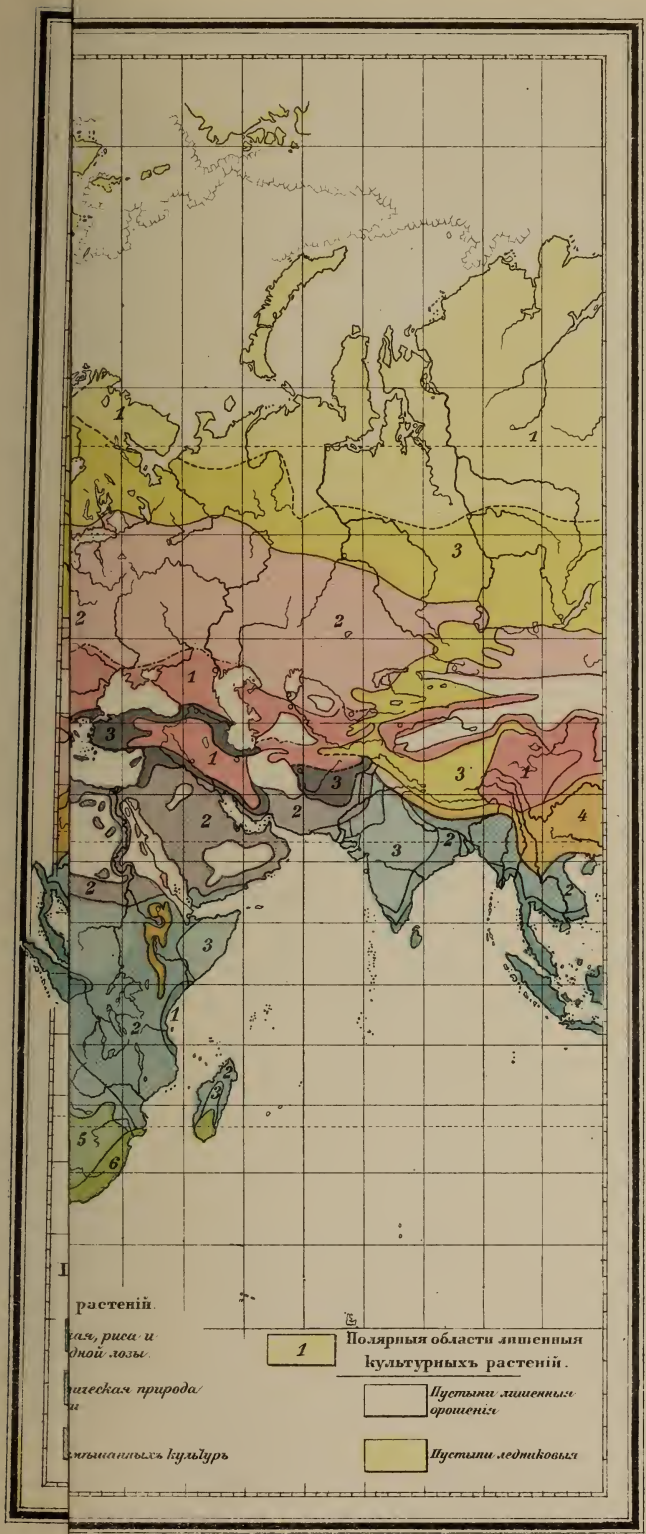
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

НАРОДЫ ЗЕМНАГО ШАРА КЪ 1880 ГОДУ.

(Границы по Герланду и др.)



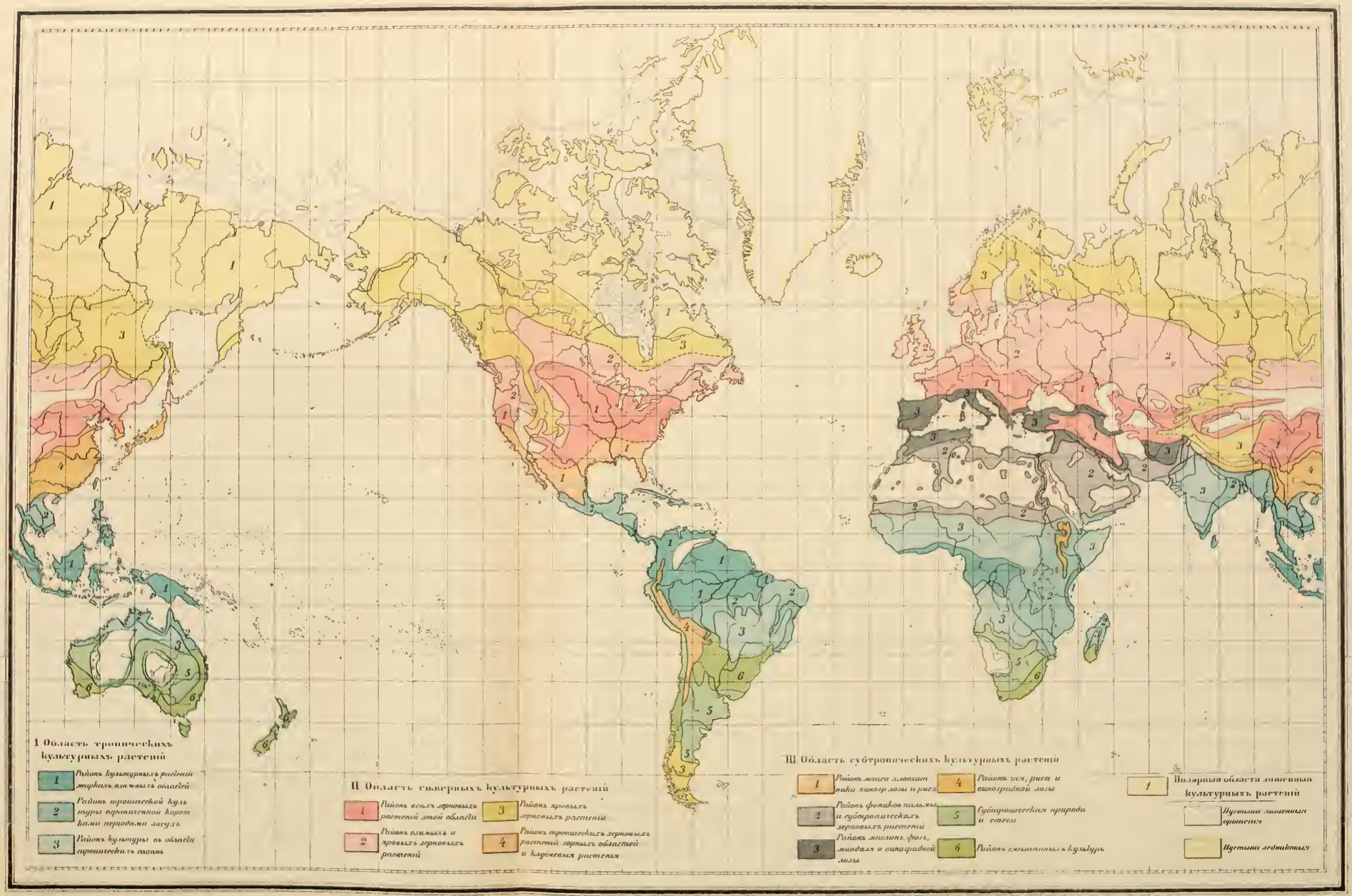
КАРТОГР ЗАВ А МЛЬИНА С ПБ



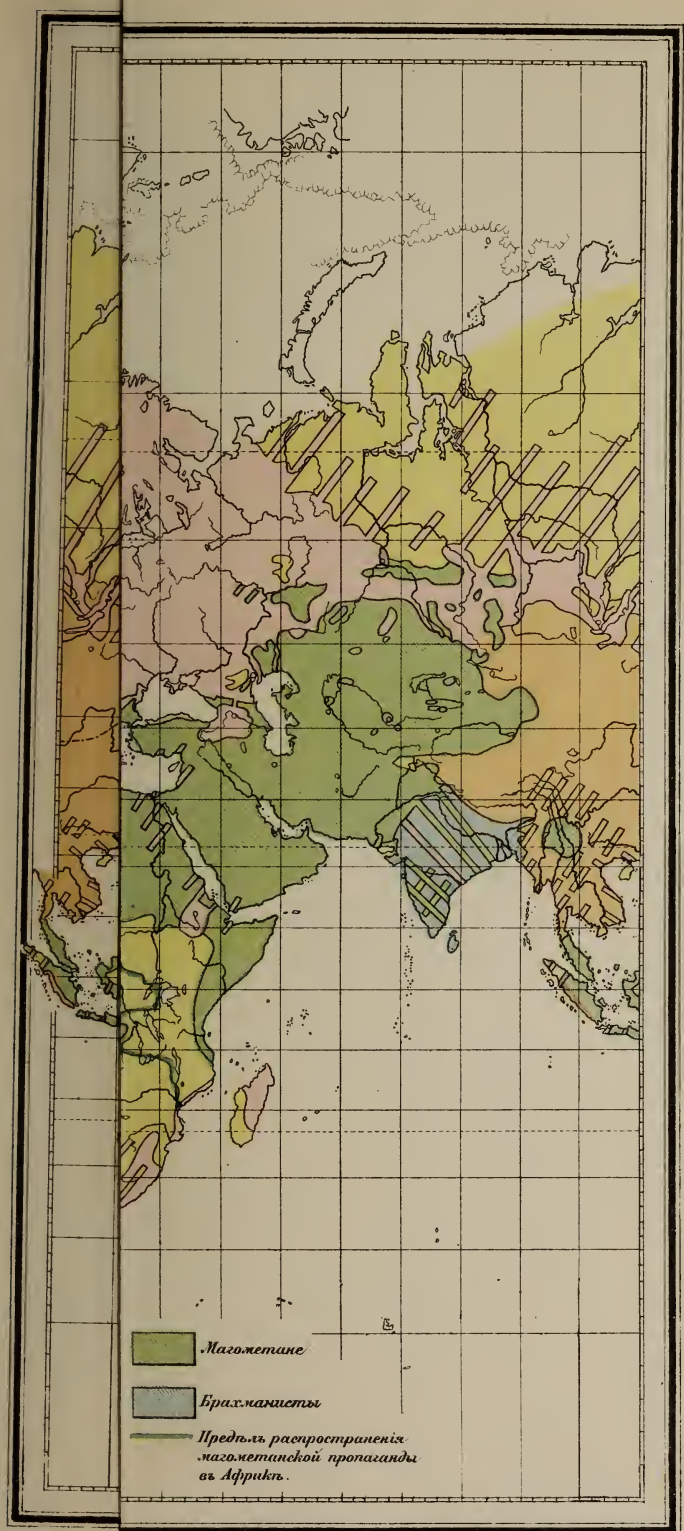
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ОБЛАСТИ КУЛЬТУРНЫХЪ РАСТЕНІЙ.

(по О. Друде).

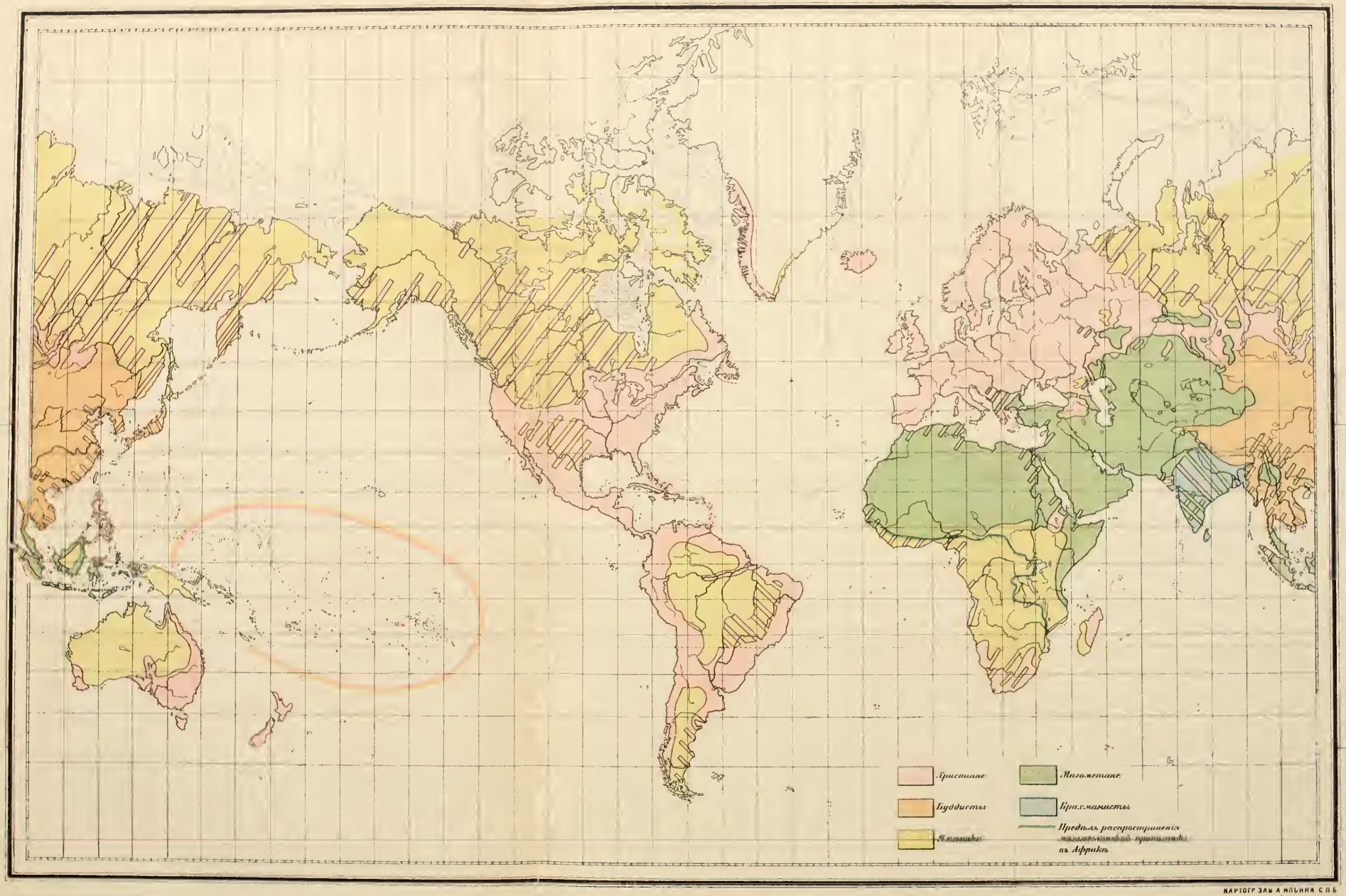


КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.



КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ПРЕОБЛАДАЮЩІЯ РЕЛИГІИ.



КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 063821406